This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 252.55

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

15 6/23

7179

4

Первоклассн

АДМИРАЛЪ ШИШКОВЪ И КАНЦЛЕРЪ ГР. РУМЯНЦОВЪ

НАЧАЛЬНЫЕ ГОДЫ

РУССКАГО СЛАВЯНОВѢДѢНІЯ

А вы, средь козней и проклятій,
Все тотъ-же пылъ несли къ трудамъ.....
И. Аксаковъ

А. А. КОЧУБИНСКАГО
ординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета

Ф. кризису А. В. въ Вѣстникѣ Европы 1888, октябрь.

ОДЕССА
Типографія «Одесскаго Вѣстника» Екатерининская улица д. Бубы
1887—1888

АДМИРАЛЪ ШИШКОВЪ И КАНЦЛЕРЪ ГР. РУМЯНЦОВЪ

НАЧАЛЬНЫЕ ГОДЫ

РУССКАГО СЛАВЯНОВѢДѢНІЯ

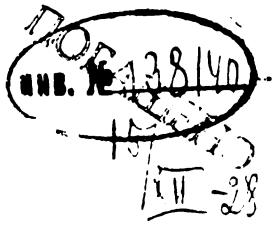
А вы, средь козней и пронятій,
Все тотъ-же пылъ неси къ трудамъ.....
И. Аксаковъ

А. А. КОЧУБИНСКАГО
ординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета

ОДЕССА
Типографія «Одесскаго Вѣстника» Екатерининская улица д. Бубы
1887—1888

Slav 252.55

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго университета. Ректоръ *С. П. Ярошенко.*



СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Отъ автора . . . . . I—II.

Глава I. Этимологическая эпоха . . . . . 1—36.

1. Основаніе Россійской Академіи. Ея задачи. Проза жизни. Скорый упадокъ Академіи. Этимологическое теченіе.

2. (Стр. 4). Словарныя работы Академіи. Примѣръ Франціи и работъ императрицы. Исторія «Сравнительнаго Словаря языковъ всего міра», обоихъ изданій. Мнѣніе академиковъ о Словарѣ и рѣшеніе этимологическаго Академическаго Словаря. Нѣкоторые моменты изъ исторіи этимологическихъ толкованій Академіи. Слово воскресеніе и бурныя засѣданія. Словесники и несловесники (Румовскій, Лепехинъ, еп. Дамаскинъ). Мнѣніе несловесниковъ о методологическомъ значеніи славянскихъ языковъ. Ак. Болтинъ и генеологія русскаго языка, языковъ европейскихъ, по его теоріи «ладу». Чеботаревъ въ Москвѣ.

3. (Стр. 12). Объявленіе въ Академіи Шишкова и отверженіе этимологическаго направленія, при общей слабости академич. работъ. Литературное прошлое Шишкова. Его самолюбивая и страстная натура. Иллюстрація характера: аттака на Карамзина, столкновеніе съ духовными членами Академіи, встрѣча и бесѣда съ аббатомъ Добровскимъ въ Прагѣ, въ 1813 г. Оба старца другъ о другѣ.

4. (Стр. 19). Научныя воззрѣнія Добровскаго. Этимологія въ рукахъ Добровскаго. Его историко-грамматическія воззрѣнія. Детальное этнографическое изученіе Славянства. Два порядка. Реальные интересы славяновѣдѣнія.

5. (Стр. 23). Наука Шишкова. Теорія происхожденія языка нашей церкви: отношенія къ нему русскаго, славянскихъ нарѣчій и языковъ всего міра. Практическія слѣдствія.

6. (Стр. 26). Этимологія Шишкова и ея пріемы. Каченовскій и Шишковъ. Россійская Академія—одна этимо-

логія. Разочарованія преосв. Евгенія. Санскритъ и Шишковъ. Возрождающійся Сравнит. Словарь импер. Екатерины. Новый проэктъ этимологическаго общеславянскаго словаря и обращеніе къ Линде, Добровскому. Отношеніе къ проэкту Добровскаго, съ одной стороны, нарастающихъ славистовъ въ Варшавѣ и Прагѣ, съ другой. Умиленіе Шишкова отъ «богемцевъ». Всеобщее надѣленіе этимологіей Россійской Академіи. Заключеніе.

Глава II. Кружокъ канцлера Румянцова . . . . . 37—215

1. Москва и первые опыты русскаго славяновѣдѣнія. Проф. Чеботаревъ и Историческое Общество. Возрожденіе Общества въ 1811 г. Направленіе трудовъ Тимковскаго, Малиновскаго, Каченовскаго.

2. (Стр. 40). Каченовскій, профессоръ и славянскій публицистъ. «Вѣстникъ Европы» и его славянскіе интересы въ вопросахъ по литературѣ, этнографіи, филологіи. Славянскія заслуги Каченовскаго. Общій подъемъ интересовъ къ Славянству у насъ: мечтанія декабристовъ, сношенія ихъ съ «патріотами» въ Прагѣ. — Каченовскій и первая «катедра Славянской Словесности», въ Москвѣ, 1811 г. Ея привѣтливый пріемъ и несчастная судьба: невольный славистъ Гавриловъ.—Каченовскій и областное изученіе русскаго языка: этнографическія работы смотрителей уѣздныхъ училищъ. Общее заключеніе — наука Московскаго университета. Ея студенты: Тургеневъ и Кайсаровъ, ученые путешественники по славянскимъ землямъ.

3. (Стр. 56). Государственная служба и политическія убѣжденія канцлера гр. Румянцова. Ненависть къ нему современниковъ. 1812 г. и обвиненіе въ измѣнѣ. Причина ненависти. Личная оборона императора Александра I. Почетный выходъ въ отставку.

4. (Стр. 60). Служба канцлера наукѣ. Центръ интересовъ — о т е ч е с т в о в ѣ д ѣ н і е. Памятники заботъ канцлера о наукѣ: Музей и Кружокъ въ историческомъ гнѣздѣ русской науки—Москвѣ.

5. (Стр. 63). Первое обращеніе къ наукѣ—къ Добровскому, въ 1791 г. Вліяніе французской ученой литературы —мысль о русскомъ Д ю м о н ѣ. Докладъ 1811 объ изданіи «Собранія государственныхъ грамотъ». Участіе Бантыша-Каменскаго. Члены формирующагося около «Собранія» Кружка: московскаго и петербургскаго составовъ. Совершенныя и намѣченныя изданія Кружка. Заслуги канцлера и его Кружка—«Румянцовская эпоха». Общее заключеніе.

6. (Ср. 70). «Собраніе» — эмбріонъ Кружка: изъ детальной исторіи вопроса объ изданіи грамотъ. Указы 1779 и 1783 г. исторіографу Миллеру въ Москву, въ Архивъ, объ изданіи «трактатовъ». Смерть Миллера. Подготови-

тельныя архивныя работы Бантыша-Каменскаго. Докладъ канцлера отъ 25 февр. 1811 г. «Комиссія печатанія» и первый составъ ея. Составленіе I тома «Собранія». Печатаніе. Спѣхъ. 1812 годъ. Возобновленіе печатанія. Редакціонныя соображенія о составѣ II тома Бантыша-Каменскаго и канцлера. Іюль 1813 г. — въ свѣтъ I томъ. Общая радость стариковъ. Вопросъ о приложеніи палеографическихъ снимковъ. Лебединое слово Бантыша-Каменскаго — Записка о продажѣ I тома. Разсылка первыхъ экземпляровъ канцлеромъ.

7. (Стр. 81). Малиновскій—замѣститель Бантыша-Каменскаго. Вопросъ о продажѣ-выручкѣ. Слабый спросъ. Обращеніе въ епархіи. Подготовительныя работы ко II тому и неудовлетвореніе канцлера I-мъ: пропуски. «Дополненіе» къ I т. и его редакція. Палеографическія заботы. Накопленіе пополнительныхъ матеріаловъ и медленность работъ по изданію. 1817 годъ и печатаніе II тома. Измѣненіе системы изданія—одни грамоты. Новыя условія работъ Комиссіи: недоступная Синодальная библіотека; осложненіе работъ. Необходимость освѣженія чиновничьяго состава Комиссіи новыми силами. Освѣженія требуютъ и личныя новыя научныя симпатіи канцлера—его филіальныя задачи. Интересъ канцлера къ лѣтописямъ и къ народной литературѣ. Первая попытка — привлечь К. Калайдовича. Изъ литературнаго прошлаго его: раннее знакомство съ Синодальной библіотекой, открытіе рукописей Ексарха и др. Владимірскій скандалъ и монастырь. Мѣсто главнаго смотрителя: Каченовскій, Тимковскій; кандидатъ Малиновскаго, П. Строевъ, замѣщаетъ. Возвращеніе въ міръ Калайдовича. 1817 годъ: «Собраніе» и Кирша Даниловъ. Мѣсто ученаго корректора: сюда Калайдовичъ. Освѣженіе состава Комиссіи и общій переворотъ: образованіе ученаго Кружка; задачи Комиссіи на второе мѣсто, на первомъ мѣстѣ — новые ученые интересы, иниціатива коихъ—Румянцову.

8. (Стр 100). Калайдовичъ и изданіе «Др. росс. стихотвореній». Калайдовичъ знакомитъ канцлера съ сокровищами Синод. библіотеки. «Небеса». Рѣшеніе издавія рукописи. «4 слова на аріаны». Первыя занятія Калайдовича надъ обѣими рукописями, «Шестодневомъ». Лѣтняя экскурсія въ 1817 г. Строева и Калайдовича въ главные монастыри Москов. епархіи. Новый Іерусалимъ и открытіе Святославова «Изборника» 1073 г. Донесенія Малиновскаго, Калайдовича. Меньшія открытія въ другихъ монастыряхъ обоихъ. Радость канцлера и изданіе «Изборника». Сообщеніе преосв. Евгенію съ палеографическими чертами рукописи. Отвѣтъ пр. Евгенія. Неудовольствіе канцлера на

Калайдовича за разглашеніе тайны открытій—предъ Истор. Обществомъ. Счеты Строева. Вмѣшательство въ открытія председателя Истор. Общества, Бекетова. Тяжелое состояніе духа оскорбленнаго старика. Мѣры его противъ разглашенія въ будущемъ.

9. (Стр. 110). Утилизація жатвы 1817 г. Раздвоеніе интересовъ у канцлера. Жажда быстраго изданія открытыхъ памятниковъ, и палеографически. Переписка съ пр. Евгеніемъ о палеографіи.

10. (Стр. 114). Настоянія Калайдовича дать первенство—инорусскимъ памятникамъ, вопреки канцлеру. Редакціонныя «Замѣчанія» объ изданіи «Ексарха». Выработанъ планъ — издать отрывки, цензуры ради. Январь 1819 г. и первыя работы по изданію «Ексарха». Трудное положеніе Калайдовича: холодность къ нему Малиновскаго. Подмога канцлера. Перерывъ въ работахъ—работы надъ изданіемъ Кирилла Туровскаго. «Довершеніе» «Ексарха». Параллельныя работы Строева и заботы канцлера объ изданіи «Изборника» 1073 г. Новый перерывъ: экскурсія канцлера съ Калайдовичемъ въ московскіе монастыри лѣтомъ 1822 г. Сообщенія Калайдовича съ пути. Возвращеніе канцлера въ Гомель и первые печатные листы «Ексарха». Умиленіе старика. Слѣженіе за ходомъ печатанія. Новые побочные труды Калайдовича и болѣзнь. Выходъ «Ексарха».

11. (Стр. 126). Встрѣча «Ексарха» канцлеромъ и пріемъ на сторонѣ. Пр. Евгеній. Судъ его о прежнихъ изданіяхъ Калайдовича и молчаніе на «Ексарха». Судъ Добровскаго — обвиненіе въ легковѣріи. Радость Копитара. «Замѣчанія» Добровскаго у автора. «Легкія замѣчанія» Круга, Лобойки, общія Карамзина. Критика Качановскаго на «небывалаго» «Ексарха» (повтореніе Добровскаго). Симпатическій пріемъ у Полеваго. Авторъ и Шишковъ. Оцѣнка Востокова. «Ексархъ» — «безцѣнный вкладъ» въ науку.

12. (Стр. 133). Послѣдніе годы канцлера. Новыя работы: Востокову—Изборникъ 1073 г., Калайдовичу — описаніе синодальныхъ рукописей. Формальное условіе. Предупрежденія со стороны. Первые шаги Калайдовича. Болѣзнь Калайдовича и смерть канцлера. Калайдовичъ внѣ Архива: его жалкая служба въ еврейскомъ подворьѣ и смерть.

13. (Стр. 139). Преосв. Евгеній. Его характеръ и характеръ его работъ. Раннее знакомство съ Остромиромъ и знаніе языка Церкви. Постоянное ученіе. Врагъ забавной этимологіи и гипотезъ (недовѣріе къ санскриту, чешскимъ открытіямъ Ганки). Другъ положительнаго

знанія: исторіи, литературы. Восторгъ отъ историч. трудовъ польскихъ славистовъ и критика работъ нашихъ. Евгеній и историко-литературные вопросы. Отношеніе къ «Опыту» Греча. Евгеній—предтеча историковъ литературы. Евгеній и палеографія. Методологическія указанія въ разновременной переписи. Открываетъ канцлеру Востокова, какъ палеографа.

14. (Стр. 157). Члены Кружка петербургскаго состава. Духовная атмосфера этимологіи. Частные дома—пріютъ науки. Олениинъ. Участіе его въ изданіи Евгеніемъ грамоты Мстислава. Ермолаевъ. Глубокій знатокъ внѣшней палеографіи. Путешествіе 1810 г. Планъ палеографическаго изданія русскихъ лѣтописей. Судъ Востокова. Ранняя смерть и современники объ Ермолаевѣ.

15. (Стр. 164). Востоковъ — нашъ Гриммъ. Долгая молчаливая школа. «Разсужденіе». Подавляющее впечатлѣніе на современниковъ. Копитаръ не съ разу понимаетъ (рецензія «Институцій» Добровскаго), и съ-разу Добровскій. Спѣшныя заботы Добровскаго спасти свое имя противъ Востокова. Востоковъ въ Россійской Академіи и діалогъ Шишкова и Востокова. Онъ въ Кружкѣ Румянцова: взаимное глубокое уваженіе. Онъ на службѣ у канцлера: описаніе его рукописей и изданіе «Изборника» 1073 г. Добровскій и Востоковъ. Высшій ученый тріумфъ Востокова — изданіе Фрейзингенскихъ отрывковъ и несостоявшійся турниръ между нимъ и Копитаромъ. Востоковъ учителемъ Копитара. Смерть Румянцова и дурныя послѣдствія отъ того въ жизни Востокова. Тормозъ въ заказанныхъ и свободныхъ работахъ и фальшивое положеніе.

16. (Стр. 178). Два эпизода. Исторія появленія русскаго перевода «Институцій» Добровскаго. Рано вопросъ объ этомъ. Калайдовичъ и Погодинъ. Канцлеръ противъ московскаго перевода, пр. Евгеній за. Востоковъ о буквальномъ переводѣ: въ письмахъ къ канцлеру и Калайдовичу. Погодинъ—неудачный переводчикъ «Кирилла и Меѳодія» и вынужденное участіе Востокова. Погодинъ — переводчикъ «Институцій» «однимъ духомъ» и опять вынужденное участіе Востокова. Восторгъ Погодина и сожалѣніе Востокова. Результатъ подвига Погодина.

17. (Стр. 188). Второй эпизодъ — исторія появленія школьной русской грамматики Востокова—труда навязаннаго. «Грамматика» Россійской Академіи 1819 г. и критика ея Греча. Негодованіе Академіи и забавная отместка Гречу. Правота Греча. «Главный Комитетъ устройства учебныхъ заведеній» 1826 г., его задачи. Особый Комитетъ Перовскаго для составленія учебниковъ. Сюда Гречъ

съ своими «плодами многолѣтнихъ трудовъ». Приглашеніе по просьбѣ Греча въ Комитетъ Востокова. Неприличный пріемъ ихъ отъ большинства членовъ Комитета. Разсмотръ—на Востокова. Судъ Востокова, самозащита Греча. Составленіе «классической» грамматики Востоковымъ отъ Комитета. Судъ самого Востокова объ этихъ «казенныхъ порученіяхъ».

18. (Стр. 197). Кеппенъ. Знакомство съ пр. Евгеніемъ. Посредникъ между Евгеніемъ и Востоковымъ. Предпріимчивость—ученое путешествіе въ зап.-славянскія земли. Знакомство съ Копитаромъ. Въ Трансильваніи, гдѣ открываетъ «русскихъ», въ Новомъ Садѣ (знакомство съ Шафарикомъ), въ Прагѣ (знакомство съ Добровскимъ, Ганкою), въ Мюнхенѣ (перепись Фрейзингенскихъ отрывковъ). Возвратъ до срока въ Петербургъ. Служба у Шишкова. Ученыя предпріятія: русская палеографія для канцлера, мысль объ изданіи Фрейзингенскихъ отрывковъ. «Собраніе иноземныхъ слов. памятниковъ». «Библіографическіе Листы». Славянскія задачи журнала, сотрудники, выполненіе задачъ (главныя статьи). Невольное прекращеніе журнала (митрополичій судъ). Перемѣна службы, Крымъ, забвеніе интересовъ молодости. О. Іоаннъ Григоровичъ. Его роль — изученіе церковныхъ источниковъ. Случайныя палеографическія работы—ученикъ Востокова.

19. (Стр. 210). Члены Кружка по смерти канцлера: разнесенный Кружокъ. Результаты для славянской науки отъ дѣятельности Кружка: открытіе памятниковъ; первые опыты по исторіи литературы; пріемы историческаго изученія языка; образцы изданія; нѣкоторое усиленіе знакомства съ славянскимъ міромъ. Одинъ недочетъ — ограниченность этнографическаго и историко-теоретическаго знанія въ области Славяновѣдѣнія. Превосходное положеніе западныхъ славистовъ, но въ извѣстныхъ частяхъ. Трудность положенія, трудность пріобрѣтенія знанія—общая доля и здѣсь и тамъ, дань эпохѣ.

Глава III. Національная жизнь . . . . . : . 216—236.

1. Невольная національная. Переѣздъ за границу — грандіозное событіе. Добровскій въ Москвѣ, Копитаръ въ Парижѣ — дѣло случая. Трудность слѣженія за ходомъ литературы за наукой, въ предѣлахъ своего «прихода». Микроскопическія книги русскія въ Прагѣ и ихъ цѣна. Юнгманнъ, полковой русскій священникъ и азбука. Пан для выписки русскихъ книгъ. Русская книга —сокровище. Невозможность почтовой услуги для книгъ. Трудность простыхъ письменныхъ сношеній съ Россіей. Оказія, курьеръ. Выписка книгъ изъ Австріи по силамъ

одного Румянцова. Отсылка—«божьимъ путемъ». Эпизодъ изъ служебной практики Румянцова – отсылка церк. книгъ въ Сербію. Россія—Америка для славянъ Юга. Проэктъ кн. З. Волконской—издательская «Патріотическая Бесѣда». Слѣдствія невольной національзаціи; примѣръ—«Институціи» Добровскаго.

2. (Стр 227) Наши попытки помочь себѣ въ «непріятной дѣйствительности». Приглашеніе хорутанца Кумердея при имп. Екатеринѣ II. Славянское путешествіе Тургенева, Кайсарова (1805 г.). Новосильцовъ въ Вѣнѣ (1811 г.) Ищетъ славянскихъ сотрудниковъ, книгъ. Шишковъ въ Прагѣ—въ «богемскихъ» книгахъ (1813 г.). Усиленіе запроса на «славянизмъ» подъ вліяніемъ польской науки 10-хъ, 20 хъ годовъ. Проэктъ канцлера о спеціальныхъ миссіяхъ въ славянскія земли. Знакомство съ Вукомъ Караджичемъ въ Петербургѣ (1819 г.) и снаряженіе его Румянцовымъ «объѣхать всѣ области славянскаго поколѣнія». Неудача Вуковой миссіи. Ходаковскій. Сношенія президента Шишкова съ Австріей о книгахъ чрезъ Вука въ Вѣнѣ. Частная миссія Коппена (1822 г.) и снаряженіе канцлеромъ въ славянскія земли Погодина (1825 г.). Неудача. Рѣшительный шагъ — славянская каѳедра во всѣхъ университетахъ Имперіи.

Глава IV. Призваніе славянъ . . . . . 237—324.

1. Прага и Петербургъ—къ ½ 20-хъ годовъ. Ученый и политическій кружокъ Добровскаго. Его идеалы—культъ Россіи. Энергическій, практическій Ганка и значеніе его открытій старины. Краледворская рукопись въ Россіи. Пріемъ ея у Шишкова въ связи съ славянскимъ Уставомъ Росс. Академіи 1818 г Пробирается къ Шишкову и Любушинъ Судъ. Установленіе близко-семейныхъ отношеній у Шишкова съ Ганкою, Юнгманномъ Проэктъ Ганки славянизаціи Росс. Академіи — «О національномъ членѣ». Недоумѣніе президента.

2. (Стр. 246). Шишковъ — министръ. Задача его — привести «духъ времени» къ «скромному потушенію». Средства—національзація школы. «Временный Комитетъ» и осенью 1826 г. проэктъ славянской университетской каѳедры — «Исторіи славянскихъ литературъ». Виновникъ проэкта. Вопросъ о славянской каѳедрѣ: каѳедра Качеповскаго; заботы правительства о преподаваніи частей Славяновѣдѣнія. Общественная мысль и проэктъ Шишкова Коппенъ и «Библіогр. Листы». Н. Полевой и «Московскій Телеграфъ». Формирующійся кружокъ славяноѳиловъ и «Московскій Вѣстникъ» Погодина. Грибоѣдовъ, Кюхельбекеръ, кн. А. Одоевскій (декабристъ) и славянскія темы. Обратное теченіе: славянскіе патріоты

(Магарашевичъ) и русскія темы. Польская славянская каѳедра въ университетахъ: Виленскомъ (кан. Бобровскій) и Варшавскомъ (пр. Кухарскій). Заслуга Шишкова. Вопросъ о призваніи недостающихъ силъ. Примѣръ Петра Великаго и его преемниковъ. Вызовъ карпато-русскихъ ученыхъ при имп. Александрѣ, въ 1804 и 1820 годахъ. Дѣло призыва ввѣряется Шишковымъ Кеппену. Соображенія этого шага.

3. (Стр. 263). Установленіе дружбы Кеппена и Ганки въ 1823 г. Переписка Кеппена съ Ганкой за границей и изъ Петербурга. Кеппенъ сближаетъ своихъ пражскихъ друзей съ министромъ Шишковымъ. Переписка обоихъ друзей въ 1825 и 1826 г. Кеппенъ и Палацкій, Добровскій. Кеппенъ рѣшаетъ оставить Петербургъ, ожидаемая ликвидація славянскихъ интересовъ и — переведеніе пражскихъ друзей въ Россію. Заслуги Кеппена въ укладкѣ взаимности между нами и зап. славянами. Славянскій караванъ на Сѣверъ.

4. (Стр. 271). Письмо Кеппена къ Ганкѣ 18 ноября 1826 г. — о славянской каѳедрѣ Шишкова, только что женившагося. Анализъ содержанія письма. Намѣченные первые кандидаты призыва: Ганка, Шафарикъ и Палацкій. Участіе Шишкова въ этомъ. Тождественное обращеніе Кеппена къ Копитару о кандидатахъ отъ второй «главной вѣтви слав. племени». Отношеніе Копитара — насмѣшка. Содержаніе отвѣта Ганки: Челаковскій подставляется на Палацкаго мѣсто. Характеристика миловиднаго эстетика — Палацкаго. Характеристика друга славянской филологіи, нищаго поэта Челаковскаго. Челаковскій отвѣчаетъ вмѣстѣ съ Ганкой Шишкову на письмо Кеппена Радость Челаковскаго въ письмахъ къ своимъ друзьямъ: Планку, Камариту. Общій восторгъ «русомановъ»: Юнгмана, Марка. Второе письмо Кеппена о призывѣ: странность его содержанія — вопросъ о славянской каѳедрѣ нѣсколько уже колеблется. Гдѣ возможная причина колебанія? Проэктъ акад. Паррота о корпусѣ профессоровъ изъ туземцевъ тогда же и отношеніе къ нему министра, Сперанскаго и гр. Строганова. Большинство членовъ «Комитета устройства учебныхъ заведеній», вѣроятно, противъ призванія славянъ. Дальнѣйшая переписка Кеппена и Ганки: шансы славянской каѳедры болѣе и болѣе слабѣютъ. Ослабленіе самой переписки. Долгая и твердая вѣра въ «каѳедру» въ Прагѣ: Челаковскій въ письмахъ къ Камариту въ 1827 и 1828 годахъ. 1829 годъ, почти разочарованіе. Вѣроятное безвѣріе одного Ганки. Наивныя, напрасныя утѣшенія Кеппена. Паденіе проэкта о славянской каѳедрѣ вмѣстѣ съ паденіемъ Шиш-

кова. Женитьба Шишкова на Добаржевской и польскія отношенія въ домѣ русскаго министра.

5. (Стр. 289). Положеніе Шишкова послѣ неудачи. Уставъ Росс. Академіи 1818 г. и учрежденіе «Славянской Библіотеки». Задачи Библіотеки по мыслямъ Шишкова. Она—десять лѣтъ мертвою буквою. Конецъ 1829 г. и про нее вспоминаетъ Шишковъ. Опять дѣло ввѣряется Кеппену. Письмо послѣдняго къ Ганкѣ отъ 1 ноября 1829 г. Анализъ содержанія письма отъ 29 дек. 1829 г. Различное впечатлѣніе въ Прагѣ отъ вторичнаго приглашенія. Неохота Челаковскаго и надежда на медлительность дѣла. Разочарованіе въ послѣднемъ: 7 янв. 1830 высочайшее утвержденіе «Славянской Библіотеки» и всѣхъ трехъ библіотекарей: Ганки, Шафарика и Челаковскаго. Частное извѣстительное письмо Кеппена съ предложеніемъ Челаковскому отъ Академіи объѣхать область русскихъ Карпатъ. Удовольствіе Шишкова: надежды на славянскія работы. Формальное приглашеніе явиться на службу въ Россію отъ Академіи — чрезъ Кеппена. Отвѣтъ Ганки и и Челаковскаго. Розовыя надежды послѣдняго. Отеческія заботы Кеппена о путешествіи новыхъ академиковъ. Палацкій о вызванныхъ; себя готовитъ на Ганки мѣсто. Воскресеніе въ министерствѣ проэкта о славянской каѳедрѣ, по частямъ. Благодарные отвѣты библіотекарей. Радость Кеппена. Шишкова. Слухи о Библіотекѣ въ Москвѣ, удовольствіе Неожиданный результатъ.

6. (Стр 305). Колебаніе Ганки и просьба о командировкѣ. Просьба Шафарика о простой отсрочкѣ, подъ вліяніемъ семейныхъ условій. Соблазнительная комбинація вторая, тогда же. у Шафарика. Запросъ его къ Пуркинье. Дѣйствіе двойнаго колебанія въ Петербургѣ и колебаніе уже Шишкова Перерѣшеніе въ Академіи, подъ вѣроятнымъ вліяніемъ Сперанскаго — вопросъ отложенъ. Письмо Шишкова Шафарику отъ 1 дек. 1830 г. въ этомъ смыслѣ. Спокойствіе Шафарика и мучительное состояніе Челаковскаго предъ неизвѣстностью. Частные переговоры Сперанскаго съ Ганкой и Челаковскимъ въ Прагѣ, въ августѣ 1832 г. Условленный новый планъ: «библіотекари» работаютъ для Росс. Академіи въ Прагѣ, за вознагражденіе. Этотъ планъ—изобрѣтеніе Ганки. Радость отъ него Челаковскаго. Шафарикъ долго еще расчитываетъ на Петербургъ и извѣщеніе Соколова. Отказъ Шафарика отъ Академіи 1 окт. 1832 г. и суетный восторгъ его при слухѣ о переговорахъ Сперанскаго.—Финалъ призванія. Отчаянное положеніе Шафарика въ Новомъ Садѣ: друзья собираютъ фондъ и въ маѣ 1833 Шафарикъ въ Прагѣ. Шафарикъ въ послѣдній разъ изъ Новаго Сада Мацѣёвскому. Непрасная

жизнь Шафарика въ Прагѣ. Конецъ. Не лучше судьба и Челаковскаго. Одинъ Ганка— баловень судьбы.

7. (Стр. 321). Неудача обоихъ славянскихъ проэктовъ Шишкова. Соображеніе послѣдствій ея. Потеря Шафарика —двойное горе. Заключительное слово о заслугахъ Шишкова. Шишковъ въ «Дщери Славы» со своимъ славянскимъ агентомъ, Кеппеномъ, и канцлеромъ. Осуществленіе обоихъ славянскихъ проэктовъ Шишкова, чрезъ немного лѣтъ, гр. Уваровымъ.

Приложенія . . . . . I—CXLIV

I. *Переписка госуд. канцлера гр. Н. П. Румянцова съ управляющимъ Моск. госуд. Колл. иностр. дѣлъ Архивомъ, Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ, объ изданіи «Собранія госуд. гр. и договоровъ» 1811—1814 годы* . . . . . III—XLI
(Указатель къ ней—стр. V—VI).

II. *Матеріалы для исторіи Румянцовскаго Кружка (письма канцлера къ А. Ѳ. Малиновскому, бумаги «Коммиссіи печатанія» и пр.) 1814—1825* . . . . . XLIII—XCIV
(Перечень Матеріаловъ—стр. XLV—XLVII).

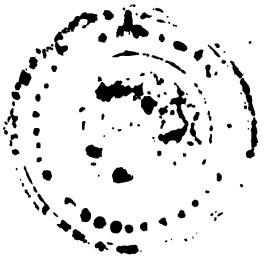
III. *Н. И. Гречъ П. И. Кеппену о своихъ грамматикахъ рдоскаго языка 1827* . . . . . XCV—CXV

IV. *Письма П. И. Кеппена къ В. В. Ганкѣ 1823—1830* . . . . . CXVII—CXLIV
(Временный указатель писемъ—стр. CXIX).

Указатель личныхъ именъ . . . . . CXLV—CLII

НАЧАЛЬНЫЕ ГОДЫ

РУССКАГО СЛАВЯНОВѢДѢНІЯ



А вы, средь косней и проклятій,
Все тотъ-же пылъ несли къ трудамъ.....

И. Аксаковъ.

По порученію Совѣта Университета, къ 30-му августа 1886 года была написана нами актовая рѣчь: «Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцовъ въ исторіи русскаго просвѣщенія». Но, съ измѣненіемъ дня годичнаго университетскаго собранія, она была произнесена 1-го мая 1887 года.

Приготовляя эту рѣчь къ печати, мы нашли удобнымъ нѣсколько расширить ея рамки и пополнить, особенно, собранными матеріалами въ Главномъ Московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, лѣтомъ 1887 года. Плодомъ этой работы и является настоящій опытъ по исторіи отечественнаго Славяновѣдѣнія.

Авторъ, при всемъ желаніи достичь наилучшихъ результатовъ въ поставленной имъ себѣ задачѣ: уяснить исторію возникновенія славянскихъ студій въ Россіи, обрисовать главныхъ и вторыхъ дѣйствующихъ лицъ въ этомъ дѣлѣ, съ ихъ славянскими стремленіями, заботами и работами, вполнѣ сознаетъ недостатки своего труда: его бѣлыя страницы, неровность, мѣстами отрывочность изложенія и пр. Но онъ позволяетъ себѣ надѣяться, что трудъ его, и въ этомъ своемъ видѣ, не будетъ безполезенъ, возбуждая опять и опять наше благоговѣйное вни-

маніе къ дѣятелямъ стараго времени, достойнымъ самаго теплаго чувства отъ своихъ потомковъ, что попытка его: представить незабвенные годы изъ исторіи русской научной мысли первой четверти текущаго столѣтія — эпохи канцлера Румянцова — въ одной связной картинѣ, отыметъ въ открытіи славянской университетской каѳедры 1835 года характеръ случайности, эпизодичности, прибавитъ къ исторіи Екатерининской Академіи и біографіи благороднаго Шишкова одинъ, другой фактъ.

Въ заключеніе, авторъ вмѣняетъ въ пріятный для себя долгъ принести признательность своему Университету за напечатаніе книги, Главному-же Московскому Архиву министерства иностранныхъ дѣлъ, въ лицѣ д. т. с. барона А. Ѳ. Бюллера и его сотрудниковъ: В. А. Ульяницкаго и М. П. Пуцилло, за любезное предоставленіе документовъ и помощь.

Въ «Приложеніяхъ» I, № 1, дано точное fac-simile почерка гр. Румянцова.

Авторъ

23 января 1888 г.
Одесса

ГЛАВА I.

„Этимологическая“ эпоха.

1.

Сто съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ, въ громкій вѣкъ военныхъ споровъ, 21 октября 1783 г., волею знаменитой императрицы, была воззвана къ жизни Россійская Академія.

Академію составили: четыре духовныхъ лица, съ митрополитомъ Гавріиломъ во главѣ, представительнѣйшіе русскіе члены Академіи наукъ и Московскаго университета—знаменитые питомцы лучшихъ заграничныхъ школъ, извѣстные поэты и писатели, нѣсколько сановныхъ лицъ и нѣсколько безличныхъ. Феноменальная княгиня Дашкова, президентъ тогда Академіи наукъ, явилась законнымъ представителемъ и новой Академіи: она была первымъ виновникомъ и единственнымъ ходатаемъ объ учрежденіи ея, какъ привѣтствовалъ княгиню знаменитый академикъ-митрополитъ [1]).

[1]) Въ первомъ торжественномъ собраніи черезъ годъ—25 ноября 1784 года (Сухомлиновъ, Исторія Россійской Академіи, в. II, 293). Имена провозглашенныхъ академиковъ 21 октября, въ числѣ 34 лицъ, тамъ-же, I, 16—17.

Великое учрежденіе, по мысли державной основательницы, должно было стать для Россіи тѣмъ, чѣмъ была старѣйшая Académie Françoise для Франціи: средоточіемъ представителей русскаго генія, импонирующимъ пантеономъ первыхъ людей Русской земли, съ первою національною обязанностью—«вычищать и обогащать россійское слово» — «толь многихъ языковъ повелителя» [1]). Государственное учрежденіе перенимало теперь задачу, разрѣшить которую временами порывались частные люди[2]).

Возвышенная политическая мысль говорила въ императрицѣ Екатеринѣ—политическое величіе Россіи увѣнчать возвеличеніемъ «многихъ языковъ повелителя»—отечественное слово. Но благородное стремленіе «воздвигнуть храмъ россійскому слову», выражаясь языкомъ самой Академіи, выходило за предѣлы эпохи: съ высокими чувствами императрицы мало гармонировала проза жизни.

Школы — «первое средство ко всеобщему просвѣщенію», какъ говорили тогда [3]), только что открывались. Въ знаменитомъ Наказѣ спеціально препоручалось учить грамотѣ дѣтей; но, не дожидаясь послѣдствій, сама

«Фелица мудрая народъ свой просвѣщаетъ,
Училища въ градахъ и селахъ учреждаетъ» [4]).

Низменные интересы еще давали тонъ національной жизни.

---

[1]) § 2 Устава, собственно, утвержденнаго доклада Дашковой. Изъ рѣчи Дашковой при открытіи—тамъ-же, I, 50.

[2]) Образовавшееся въ 1771 г. въ Москвѣ общество при университетѣ изъ людей разныхъ состояній, «Вольное Россійское Собраніе» (словомъ собраніе переводилось тогда слово академія), объявляло, что его цѣль — исправленіе и совершеніе русскаго языка, почему «сочиненіе правильнаго россійскаго Словаря будетъ первый присутствующихъ трудъ». Многіе члены этой Вольной Академіи, въ томъ числѣ и Дашкова, вошли въ первый составъ Россійской Академіи, когда она, незадолго предъ тѣмъ, распалась. Тамъ-же, I, 4 и сл.

[3]) Въ замѣчательномъ по своимъ мыслямъ общемъ уставѣ университетовъ, предполагавшихся къ открытію въ Черниговѣ, Псковѣ и Пензѣ, написанномъ Козодавлевымъ въ 1787 г. и утвержденномъ императрицею. Тамъ-же, VI, 59.

[4]) Изъ музы того же Козодавлева, тамъ-же, VI, 330. Первыя общественныя и начальныя школы въ Петербургѣ основаны были въ 70-хъ годахъ массонами, при особенно живомъ участіи изв. Н. Новикова.

Сама Дашкова должна была считаться съ ними и въ годъ открытія Россійской Академіи повторяла знаменитаго сатирика эпохи Петра, глумясь надъ живучими разсужденіями, что

« . . . . ученіе есть вредно,
Невѣжество одно полезно и безбѣдно».

Если не безъ труда можно было открыть Академію наукъ путемъ приглашенія соотвѣтствующихъ дѣятелей изъ-за границы, то для храма національнаго генія пріемъ этотъ былъ закрытъ. Естественно, если несоотвѣтственность силъ національному долгу не долго заставила себя ждать.

Первый составъ Академіи вмѣщалъ въ себя, въ большинствѣ своихъ членовъ, представительныя силы Русской земли, отъ митрополита Гавріила, энергическаго посланника свят. Синода въ Собраніи депутатовъ 1767 года, и до замѣчательнаго историка-публициста Болтина; но самъ высокочтимый историкъ Россійской Академіи признаетъ, что вступили и бездарные, и педанты [1]). Самый уставъ Академіи, требовавшій отъ соискателей одного знанія россійскаго языка (§ 12), открывалъ доступъ любителямъ словесности, «не отличавшихся ни разнообразіемъ, ни глубиною своихъ познаній» [2]), и—вторая генерація была уже не похожа на первую, хотя академики наивно вѣрили, что собою они рѣшали предреченіе Ломоносова о русскихъ Ньютонахъ. Слѣдствія обнаружились скоро.

Черезъ два десятилѣтія храмъ русскаго слова сталъ отставать отъ опережавшаго его свободнаго движенія роднаго языка—не имъ «россійское слово вычищалось», а еще однимъ, другой десятокъ, и Академія была закрыта дѣятельностью частнаго кружка, обогатившаго дѣйствительно отечественное слово. Кружокъ этотъ былъ кружокъ науки; на долю Академіи перепала ученая фантазія.

Къ сожалѣнію, ненаучное отношеніе рано вошло въ Академію. Рано зашла въ нее «этимологія», модное этимологическое теченіе.

Сначала слабое, этимологическое теченіе Академіи не выступало изъ скромныхъ предѣловъ роднаго языка; но, по мѣрѣ ослабленія внутреннихъ силъ Академіи, оно увлекало ее все

[1]) Тамъ-же, V, 1.
[2]) Тамъ-же, I, 181.

дальше и дальше, пока въ безбрежныхъ волнахъ этого теченія сама Академія не потонула.

. 2 .

Чтобы усовершить и возвеличить отечественный языкъ, Академія, согласно уставу, имѣла сочинить грамматику и затѣмъ словарь.

Но Академія благоразумно отклонила на время первую задачу: задача требовала строгой работы, науки, такъ что когда храмъ россійскаго слова произнесъ было, но уже въ 1802 г., свое первое научное слово, оно, припоминаетъ знаменитый іерархъ Евгеній, было освистано. Академія сосредоточилась на второй задачѣ—словарѣ. Задача эта, нѣсколько механическая, была сподручнѣе; ее давно указала Вольная Академія въ Москвѣ; но соблазняла и слава.

Вѣковой храмъ Франціи, съ ея именно словарною дѣятельностью, носился предъ глазами ея юнѣйшаго собрата. Но Россійская Академія думала оставить позади свой образецъ. «Другія словесныя академіи, говорили академики, весьма долгое время на сочиненіе словарей своихъ употребляли. Славная Флорентинская Академія дѣла-круска въ сочиненіи словаря препроводила 40 лѣтъ. Но большее еще употребила время Академія Французская» [1]). Съ понятнымъ ужасомъ она тотчасъ-же замѣтила, что члены, первоначально принявшіе было на себя трудъ, не могли исполнить своего «благонамѣренія», и поспѣшила открыть «способы къ скорѣйшему преуспѣянію» — избраніемъ новыхъ лицъ—духовныхъ, изъ сословія испытанныхъ труженниковъ [2]).

Наконецъ, и сама виновница жизни Академіи, императрица, была подвигающимъ примѣровъ для подражанія—открытія именно словарныхъ работъ.

Половина прошлаго и начало нынѣшняго столѣтій, напередъ на западѣ, потомъ и у насъ, отмѣчены особенною любовію къ языку. Это была эпоха забавнаго этимологическаго сравненія языковъ цѣлаго міра.

---

[1]) Тамъ-же, II 288.

[2]) Тамъ-же, I, 267.

Толчекъ въ этомъ направленіи данъ былъ знаменитымъ Лейбницемъ, который даже практическаго Петра Великаго заставилъ заниматься разноязычными текстами молитвы Господней.

Сто лѣтъ назадъ въ рабочемъ кабинетѣ великой женщины облекались въ литературную форму результаты ея досуга отъ государственныхъ дѣлъ, посвященнаго сравненію языковъ міра. Кто не слыхалъ объ этихъ императорскихъ лингвистическихъ опытахъ?

Цѣлый государственный аппаратъ, отъ пышныхъ посольскихъ палатъ и до скромной управы благочинія, по указу занятъ наукой—филологіей. Даже политическій и научный другъ императрицы, Дашкова, трунила надъ тратой денегъ на гонцовъ въ отдаленные края, «чтобы поймать на лету нѣсколько словъ на разныхъ языкахъ» [1]). Посылка за посылкою летитъ въ столицу; посылки нагоняетъ запись, снятая съ заблудшаго японскаго торгаша—и весь этотъ грузъ словъ наполняетъ комнаты дворца.

Съ любовью разбирается въ словахъ этихъ высокая женщина: въ нихъ находитъ она отвлеченіе отъ тяжелыхъ чувствъ въ минуты душевной скорби — въ нихъ забывается. Императрица заботливо сортируетъ весь этотъ грубый матеріалъ и когда считала свою работу у конца, пригласила натуралиста Палласа для изданія.

Такова въ краткихъ словахъ исторія «Сравнительнаго словаря языковъ всего міра».

Но императрица первой формой своего ученаго труда была неудовлетворена: новыя посылки съ словами прибывали, а авторъ пожелалъ еще видѣть африканскія и американскія нерѣчія. И вотъ, по словамъ современника, императрица приказала «обобрать весь Словарь (т. е первое изданіе) и расположить всѣ сравненныя слова по азбучному порядку» [2]). Второе изданіе было возложено на извѣстнаго просвѣщеннаго серба изъ Венгріи, Янковича фонъ-Миріево, вызваннаго тогда для руководства въ Россіи дѣломъ знакомаго ему народнаго образованія. Старый Словарь и новые матеріалы ученымъ педагогомъ были обработаны быстро: въ 1790 г. вышелъ первый, а въ

[1]) Тамъ-же, I, 35.
[2]) Тамъ-же, VII, 148.

слѣдующемъ остальные три тома «Сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ и нарѣчій, по азбучному порядку расположеннаго».

Каждая страница изъ 3 графъ, какъ формулярный списокъ: 1-я графа—данное слово, 2-я—его значеніе, 3-я—его родина. Въ порядкѣ буквъ русской азбуки и въ русскомъ нарядѣ, идетъ слово за словомъ и въ той своей формѣ, въ какую оно случайно облеклось при записи.

Слова, чуждыя другъ другу своимъ значеніемъ, составомъ и мѣстожительствомъ, но уличенныя въ случайномъ созвучіи или насильственно гармонируемыя, механически сводятся въ одну семью. Иногда дѣйствительно одно и то-же слово, но выхваченное случайно изъ двухъ-трехъ говоровъ или нарѣчій одного языка, фигурируетъ въ роли представителя отдѣльныхъ языковъ. Такъ словцо да приведено 40 разъ, изъ всевозможныхъ языковъ, со всевозможными значеніями. Съ другой стороны, наше напр. нарѣчіе тихо отмѣчено четыре раза, въ четырехъ языкахъ: словацкомъ, сербскомъ, малороссійскомъ и—суздальскомъ...

Безспорно, масса труда, но не для науки жатва...

Но если императрица за словаремъ, то естественно, что тотъ же лексическій духъ времени долженъ былъ тронуть и ея Академію.

Въ соревнованіе своей основательницѣ, которая оперировала надъ этимологіей самихъ языковъ всего міра, Россійская Академія, рѣшивши дать словарь русскаго языка, остановилась именно на словарѣ этимологическомъ.

Академія торжественно признавала, что Словарь императрицы «отверзалъ намъ двери къ самымъ сокровеннымъ и первобытнымъ источникамъ онаго» (въ Предисловіи къ первому тому своего Словаря): почему она рѣшила и съ своей стороны принести вкладъ, чрезъ вскрытіе сокровенныхъ сторонъ русскаго языка — «изыскать глубочайшую его древность», какъ поясняетъ непремѣнный секретарь Лепехинъ [1]). Она рѣшила расположить словарь «по кореннымъ словамъ, разсуждая, что такимъ образомъ удобнѣе будетъ опредѣлять словъ и реченій знамено-

[1]) Тамъ-же, I, 15.

вания, когда первообразность, происхожденіе и сложеніе оныхъ, разное ихъ уклоненіе отъ своего корени... въ одномъ мѣстѣ означатся и истолкуются». Трудность задачи не устрашала: «замѣчаемыя древнія слова, говорилъ тотъ-же академикъ, хотя на первый случай неудобь вразумительными кажущіяся, откроютъ со временемъ обширное поле къ размышленіямъ или объ историческихъ истинахъ, или о древности языка праотцевъ нашихъ» [1]). Напротивъ, иной, простой планъ казался для Академіи неакадемическимъ.

Когда Болтинъ, во время долгихъ своихъ кочеваній по Россіи на практикѣ познакомившійся съ нарѣчіями русскаго языка, указывалъ на важность ихъ въ интересѣ именно вычищенія и обогащенія литературнаго языка, предлагалъ для словаря нехитрый азбучный порядокъ, но съ ссылками, и приводилъ въ подкрѣпленіе примѣръ самой Французской Академіи, сочлены не согласились. Одни наивно говорили, что «у насъ весьма мало такихъ писателей, на которыхъ можно бы сослаться въ употребленіи того или другаго слова, въ томъ или другомъ значеніи». Другіе гордо возражали, что «изъ словаря этимологическаго 60 подъячихъ въ одинъ годъ сдѣлаютъ словарь аналогическій (т. е. въ порядкѣ буквъ), а изъ словаря аналогическаго 60 членовъ Россійской Академіи (уставное число) ни въ пять лѣтъ не сдѣлаютъ словаря этимологическаго», и ссылались на практику той-же Французской Академіи [2]).

Такимъ образомъ, «толковый словарь языка словено-россійскаго», какъ назывался въ первое время будущій академическій Словарь, своимъ этимологическимъ, слѣд. теоретико-научнымъ характеромъ имѣлъ открыть «обширное поле къ размышленіямъ объ историческихъ истинахъ», т. е. о процессѣ образованія языка, «о древности языка праотцевъ нашихъ», т. е. о связи его съ языками міра.

Обширное поле къ размышленію открылось уже при самихъ работахъ надъ словаремъ, и если затрудненія иногда преодолѣвались, то лишь благодаря присутствію въ Академіи несловесниковъ.

---

[1]) Тамъ-же, XI, 286, 288.

[2]) Тамъ-же, V, 285, 291, 278. VII, 18.

Немногими единицами располагала русская наука, и эти единицы были главнымъ образомъ въ области точныхъ наукъ. Математика, натуралиста мы встрѣчаемъ при академическихъ работахъ въ роли научнаго этимолога и слависта. Только трезвое напоминаніе съ ихъ стороны сокращало временами порывы сотоварищей—быстро открывать «сокровенные источники» языка.

Академія добиралась до корня слова воскресеніе. Такъ называвшійся «издательскій отрядъ» въ недоумѣніи. Открывается поле разсужденій.

Авторъ Душеньки, Богдановичъ, «входитъ въ исторію человѣческаго разума» и находитъ, послѣ долгихъ лжеумствованій, что только слово крещеніе имѣетъ «ощутительное единство» съ воскресеніемъ.

Другой словесникъ, но уже съ нѣкоторымъ авторитетомъ, какъ собиратель рукописей, Мусинъ-Пушкинъ, былъ иного мнѣнія. «Въ древнихъ рукописныхъ церковныхъ книгахъ, возражалъ онъ, вмѣсто воскресъ написано воскрюсъ», почему, по его убѣжденію, искомый корень находится въ глаголѣ крою, церк.-слав. крыю. «Что же правильнѣе производить воскресъ отъ крою, въ семъ удостовѣряютъ меня, продолжалъ Пушкинъ, самыя обстоятельства мертвыхъ, ибо оные предаются землѣ и такимъ образомъ отъ свѣта скрываются»[1]).

Въ пучинѣ подобныхъ этимологій потерялась бы всякая почва подъ работами академиковъ, если бы не раздался предостережительный голосъ астронома Румовскаго и натуралиста Лепехина.

Румовскій, усердный вкладчикъ въ Словарь, перебирающій для него Новгородскую лѣтопись, въ данномъ вопросѣ останавливается предъ корнемъ крес въ глаголахъ кресну, крешу; но ихъ нѣтъ на лицо. Какъ же быть? «Мнѣ мнится, указываетъ онъ съ замѣчательнымъ тактомъ, что ихъ самихъ и знаменованія ихъ должно искать въ другихъ, отъ одного и того же корня съ россійскимъ произшедшихъ»[2]). Что говоря это, Румовскій имѣлъ въ виду славянскія нарѣчія, а отнюдь не какую-нибудь классификацію языковъ по указанію вавилонской башни, или даже довольно трезваго Болтина,

---

[1]) Тамъ-же, VII, 44, 158—159.

[2]) Тамъ-же, II, 144.

который хотя и понималъ значеніе славянскихъ языковъ для русскаго, но училъ, что русскій языкъ есть отрасль сарматской вѣтви языковъ, на равнѣ съ чудскимъ, муромскимъ, венгерскимъ, чувашскимъ и т. д. [1]), ясно изъ другихъ его этимологическихъ сравненій. Въ объясненіе слова в ѣ ч е Румовскій приводилъ мѣсто изъ Новгородской лѣтописи, что оно обозначало—«собраніе или родъ сейма, какіе видимъ въ казацкихъ обществахъ» и замѣчаетъ: «въ богемскомъ же языкѣ, весьма сходномъ съ славянскимъ (т. е. церковно-), в е ч ь называется башня или колокольня» [2]). Конечно, справка не вѣрная: астрономъ смѣшалъ два близко звучащихъ слова въ чешскомъ языкѣ (v ě c e, въ старомъ, собраніе и v ě ž башня); но любопытно несмутное представленіе о «богемскомъ» языкѣ, какъ и правильность самаго пріема—с р а в н е н і е о д н о р о д н а г о. Съ полнымъ правомъ біографъ могъ сказать о знаменитомъ астрономѣ: «онъ сознавалъ необходимость обращаться къ исторіи языка, и для объясненія свойствъ и корней русскаго языка указывалъ на родственные ему языки славянскіе» [3]). Но возвращаемся къ судьбѣ корня к р е с въ засѣданіяхъ Академіи.

Фактическую подкладку догадкѣ Румовскаго предложилъ, правда, не математикъ, но знакомый намъ сотрудникъ импер. Екатерины, сербъ Янковичъ.

«Я, говорилъ въ Академіи Янковичъ, въ разсужденіи слова в о с к р е с е н і е такого мнѣнія, что оно отъ глагола к р е с а т и; к р е с а т и собственно значитъ высѣкать огонь» [4]). Знаніе роднаго сербскаго языка Янковичу было здѣсь особенно кстати.

Натуралистъ Лепехинъ поддерживалъ основательность пріема Румовскаго и Янковича. Онъ съ полною откровенностью указывалъ, что Академія, «обязавшись торжественно издавать словопроизводный словарь, мѣньшему подвергнетъ себя осужденію, заимствуя корень изъ с р о д н ы х ъ с л а в я н с к и х ъ языковъ, нежели ставя слова, ясно сложныя, за коренныя» [5]). Но эта основательность еще долго оспаривалась, даже съ той

---

[1]) Тамъ-же, V, 252.
[2]) Тамъ-же, II, 146.
[3]) Тамъ-же, II, 135.
[4]) Тамъ-же, II, 150.
[5]) Тамъ-же, II, 283.

стороны, которая не одинъ разъ спасала Академію отъ предерченнаго Лепехинымъ осужденія, не допустивъ, напр., вести воробья отъ глагола бью, какъ настаивали этимологи словеснаго отряда. Мы говоримъ о проницательномъ митрополитѣ Гавріилѣ.

«Производство словъ воскресеніе отъ иллирскаго корня кресъ, говорится въ протоколѣ засѣданія, въ нѣкоторыхъ членахъ возбудило недоумѣніе, и потому собраніе постановило просить разъясненія загадочнаго слова у своего первенствующаго члена». Митрополитъ разъясненіе далъ, только въ смыслѣ Богдановича, и съ довольно неожиданнымъ осужденіемъ пріема Румовскаго и Лепехина.

«Хотя нѣкоторые изъ гг. членовъ происхожденіе слова воскресеніе и выводятъ изъ неизвѣстныхъ въ Россіи началъ, какъ-то отъ иллирическихъ, сербскихъ и другихъ словъ; но сей выводъ, кажется, весьма натянутъ, какъ и произведеніе отъ крою или крыю очень далековато. Ближе всего производить можно сіе слово отъ слова крестъ»[1]).

Но на этотъ разъ одержалъ верхъ «натянутый» пріемъ Румовскаго — справляться съ родственными языками. Сторону оппозиціи славянской принялъ въ концѣ и Болтинъ, розыскавъ и въ русскомъ языкѣ, въ поговоркѣ, «загадочный» иллирическій корень: «ему на кресу не бывать». Въ текстъ Словаря внесена русская поговорка, съ объясненіемъ изъ иллирическаго слова[2]).

Если начитанный Болтинъ, успѣвшій провести въ Академію правило—иноязычныя слова замѣнять однозначными «соплеменными» словами изъ языковъ, «отъ словенскаго происходящихъ, каковы суть: польскій, чешскій и подобные имъ», въ тоже самое время на основаніи все той же этимологіи могъ додуматься до удивительной генеологіи для русскаго языка: онъ родня финскому, шведскому, мадьярскому, но слился съ славянскимъ до поглощенія,

---

[1]) Тамъ-же, I, 128, 132—133.

[2]) Тамъ-же, V, 291—295. «Иллирическая» распря не прошла безслѣдно въ жизни Академіи. Когда Академія въ 1785 году поручила своему члену, архим. Аполлосу (изъ малороссовъ, студ. Моск. унив.) «въ совершенство привести» свои пробныя грамматическія работы по русско-славянскому языку, то архимандритъ тотчасъ-же взялъ изъ академической библіотеки «грамматику краинскую и кроатскую». Тамъ-же, I, 220, 232.

оставивъ свой неизгладимый финскій слѣдъ въ полногласіи [1]),—то можно представить себѣ этимологическую подготовку другихъ. Вполнѣ понятно, что и отношенія между п а м я т ь и м н ю, и м а ю и е м л ю, все рядъ загадокъ. Когда маломолетный членъ Академіи, когда-то отличенный геттингенскій студентъ, теперь епископъ нижегородскій, Дамаскинъ, для соблазнявшихъ словъ—п а м я т ь, м н ю, указалъ даже родственный корень въ греческомъ, онъ встрѣтилъ наивное возраженіе: «славяне отъ грековъ заняли токмо буквы для писанія, а не языкъ свой». Но академики не убѣдились въ однокоренности п а м я т и и м н ю [2]). Ѣдкая критика члена кн. Щербатова этимологическихъ пріемовъ Болтина ярче всего обрисовываетъ положеніе этимологическихъ работъ. Болтинъ, смѣялся заслуженный изслѣдователь русской исторіи, ищетъ не этимологіи, а л а д у, т. е. сходства звуковъ, а этимъ путемъ можно дойти до производства В ѣ н ы отъ русскаго в ѣ н о, Н е а п о л я отъ словъ: стоитъ н а п о л ѣ [3]). Дѣйствительно, только теоріей л а д у Болтинъ могъ прити къ своей историко-этнографической теоріи объ единствѣ языковъ русскаго и финскихъ.

Русскій историкъ, Болтинъ останавливался надъ крупнѣйшими вопросами исторической этнографіи, пользуясь языкомъ. Онъ видитъ, напримѣръ, сходство многихъ словъ славянскихъ съ латинскими и рѣшаетъ механически, по той же теоріи «ладу», что въ глубокой древности члены славянскаго племени переселились въ Италію и смѣшались съ туземцами [4]).

Но иначе тотъ же вопросъ рѣшалъ тогда же другой русскій историкъ, но профессоръ—Чеботаревъ, въ Москвѣ. Онъ указывалъ своимъ слушателямъ на единство происхожденія славянъ, латинянъ, грековъ и нѣмцевъ—не по тому, что, выража-

---

[1]) Тамъ-же, V, 284, 255.

[2]) Тамъ-же, I, 182, III, 164, I, 183.

[3]) Тамъ-же, V, 248.

[4]) Тамъ-же, V, 252. Нѣсколько раньше, около 1772 г., епископъ Дамаскинъ, тогда студентъ Геттингенскаго университета, дѣлалъ ученый докладъ въ геттингенскомъ институтѣ историческихъ наукъ: «О с л ѣ д а х ъ славенскаго языка въ писателяхъ греческихъ и латинскихъ». Къ сожалѣнію, только сохранилось одно заглавіе. Насколько позволяетъ судить заглавіе, будущій епископъ не основывался на этимологіи.

ясь языкомъ Болтина, они «на одномъ солнцѣ онучи сушили», но въ силу общаго родства ихъ языковъ [1]).

Тутъ сказалась разница между любителемъ науки, а любителями были словесники Академіи, и человѣкомъ съ научной подготовкой.

Тоже отношеніе было между научными замѣчаніями Румовскаго, Лепехина, еп. Дамаскина и умозрительными соображеніями ихъ оппонентовъ, то объ «ощутительномъ единствѣ» явленій разнородныхъ, то о невозможности согласія явленій, дѣйствительно согласныхъ.

. 3 .

Замѣчательныя указанія Румовскаго, Лепехина, епископа Дамаскина требовали науки, знанія. Въ своей заботѣ о вѣрности освѣщенія, правильности пріемовъ, они какъ-бы повторяли завѣтъ свят. Димитрія Ростовскаго, что «не вдругъ храмина созидается, ниже вдругъ книга сочиняется».

Но методическія указанія астронома и натуралиста о значеніи славяноизученія для академическихъ работъ препоручали кропотливый, медленный трудъ, тогда какъ свободная этимологія и легка, и соблазнительна, и любительскіе пріемы въ стилѣ Богдановича не оставили Академіи.

Вполнѣ справедливо, что отношеніе славянскихъ языковъ было не выяснено, что самые пріемы сравненія были неудовлетворительны: но если указанія этой связи и самихъ пріемовъ могли выйти отъ астронома и натуралиста, то тѣмъ естественнѣе ожидать ихъ отъ спеціалистовъ и вообще словесниковъ. Но вмѣсто того со стороны ихъ мы находимъ недовѣріе и предпочтеніе наивной этимологіи, осмѣянной кн. Щербатово, указаніямъ науки. Самая насмѣшка кн. Щербатово свидѣтельствуетъ о возможности иного выбора, иного пути.

А между тѣмъ новыя обстоятельства какъ нельзя болѣе поспособствовали утвержденію Академіи въ ея этимологическихъ помыслахъ, въ ея заблужденіи.

---

[1]) См. ниже, главу II.

Эти обстоятельства—замѣщеніе кн. Дашковой безвѣстнымъ Бакунинымъ, при общемъ ослабленіи силъ, и одновременное появленіе въ Академіи этимолога съ рѣдкой энергіей и трудолюбіемъ—Александра Семеновича Шишкова.

16 декабря 1796 года, спустя мѣсяцъ съ небольшимъ по кончинѣ императрицы Екатерины, новый президентъ Академіи, Бакунинъ, предложилъ въ сочлены Шишкова—«въ уваженіе похвальныхъ опытовъ въ россійскомъ словѣ». Эти опыты нашли уже раннее одобреніе у цесаревича, да и имя Шишкова было давно пріятно въ Гатчинѣ [1]).

Фантастъ, до глубины души убѣжденный, что въ работахъ по языку фантазія—настоящій ключъ науки, новый членъ явился въ Академію, какъ бы предназначенный, чтобы этимологическому направленію не только не позволить изсякнуть, но болѣе усилить его и утвердить.

Текущія-же академическія работы, ничтожныя по своему характеру, были не въ состояніи оказать какого либо противодѣйствія.

Довольно знакомый съ Академіей и ея дѣятелями, въ періодъ своей петербургской жизни, ученѣйшій іерархъ того времени, Евгеній Болховитиновъ, викарій старорусскій, въ апрѣлѣ 1805 года писалъ изъ Новгорода своему другу Хвостову (члену Академіи), въ отвѣтъ на его домогательство, чтобы въ приготовляемомъ Евгеніемъ Словарѣ русскихъ писателей не были опущены академики: «вы распинаетесь за Россійскую Академію и, какъ примѣтно, желали бы даже помѣстить ее въ числѣ писателей, хотя между членами ея весьма многіе совершенные трутни». Но, какъ бы снисходя къ просьбѣ, Евгеній продолжаетъ: «пришлите, пожалуйте, мнѣ полный списокъ всѣхъ умершихъ и живыхъ ея членовъ, дабы я самъ могъ титулы ихъ вставлять въ свои статьи» [2]).

Евгеній мѣтко подчеркнулъ достоинство многихъ академиковъ.

Отдавая въ томъ-же письмѣ отчетъ объ академическихъ изданіяхъ, выражавшихся главнымъ образомъ въ переводахъ

---

[1]) Ср. Записки, мнѣнія и переписка адм. Шишкова, изд. Киселева и Ю. Самарина, Прага, 1870, I, 4—9. Ниже сокращено: Записки и пр.

[2]) Сборникъ статей отд. рус. яз. и слов. имп. Ак. Н., V, 1, стр. 118.

съ французскаго, не исключая и дѣтскихъ книгъ, Евгеній смѣется надъ ними—въ виду слабого знанія языка: «такъ-то переводитъ Академія Россійская, думающая быть учительницею въ россійской словесности», и тутъ-же пояснительно припоминаетъ, что и грамматика Россійской Академіи (1802 г.) «освистана» была въ «Вѣстникѣ Европы» Карамзина [1]).

Шишковъ, сначала членъ, а позже, въ теченіе трехъ десятилѣтій, и президентъ Академіи, поглотилъ своею безбрежною этимологическою дѣятельностью всю Академію, принявъ въ себя всѣ ея раннія увлеченія, безъ возраженія повелъ ее за собой, а съ собою увлекъ и въ могилу. Въ 1841 г. умеръ Шишковъ, и тогда-же было закрыто высокое учрежденіе импер. Екатерины, на которое возлагалось когда-то столько надеждъ.

Практически знакомый со многими европейскими языками, практически знавшій и языкъ русской церкви и народа, Шишковъ въ молодости не безъ успѣха дебютировалъ на литературномъ поприщѣ. Его переводные разсказы въ «Дѣтской библіотекѣ» Н. Новикова (М., 1785—89) читались многими поколѣніями русскихъ дѣтей, и стишки тамъ Шишкова — «Хоть весною и тепленько...» знаетъ каждый, кто училъ грамматику Востокова. По свидѣтельству извѣстнаго писателя-современника, И. И. Дмитріева, языкъ Шишкова отличался въ началѣ своею плавностью. Но позже, въ 90-хъ годахъ, явились «славянофилы»: Поповъ, Захаровъ (членъ Академіи), съ невѣроятно вычурнымъ, архаистическимъ языкомъ, и къ нимъ-то примкнулъ Шишковъ [2]). Готовымъ «славянофиломъ» явился онъ въ Академію.

Съ литературнымъ именемъ, съ извѣстнымъ запасомъ разнохарактернаго знанія, энергическій, привыкшій къ труду, съ полною любовью къ этимологіи, какъ это видно изъ его привѣтственнаго обращенія къ Востокову въ 1820 году, Шишковъ въ Академіи президента Нартова встрѣтилъ, за немногими исключеніями, одну посредственность. Мы не говоримъ о высокихъ членахъ, державшихъ себя въ сторонѣ отъ жизни Академіи, болѣе номинальныхъ, чѣмъ дѣйствительныхъ. «Подавляемый забѣгами воображенія» (примѣнив слова изв. Мордвинова о Сперанскомъ), не встрѣчая возраженія, Шишковъ мало по малу привыкъ раз-

[1]) Тамъ-же, 119.

[2]) И. И. Дмитріевъ, Записки, М., 1866, стр. 85.

сматривать свои личные своенравные домыслы, политико-литературные, научные, какъ догму. Не трудно было ему затѣмъ всякое несогласіе съ своимъ образомъ мыслей уравнять протесту противъ закона, нравственности и пр., и пр. Самомнѣніе, съ его спутниками, было естественнымъ послѣдствіемъ.

Извѣстна страстная аттака Шишкова противъ реформаторской дѣятельности Карамзина въ литературѣ и, особенно, въ языкѣ: Карамзинъ, по убѣжденію Шишкова, былъ опаснымъ мутителемъ общественнаго спокойствія, такъ какъ онъ отводилъ общество съ его нормальнаго пути, упраздняя «славянофильство» Академіи, Поповыхъ, Захаровыхъ, въ строгомъ различеніи языка русскаго народа и историческаго языка его церкви, смѣясь надъ «големыми претолковниками, иже отрѣваютъ все еже есть русское и блещаются блаженнѣ сіяніемъ славяномудрія». Но Карамзинъ не подозрѣвалъ, какъ сами представители «славяномудрія» были слабы въ настоящемъ знаніи своего предмета.

Но еще рельефнѣе сказалась самолюбивая и страстная натура Шишкова, когда онъ, единственный разъ въ жизни, встрѣтилъ отъ сочленовъ по Академіи возраженіе. Эти оппоненты были изъ духовныхъ, слѣдов. изъ тѣхъ, что̀ держали себя въ сторонѣ. Достаточно было одного справедливаго отъ нихъ замѣчанія о недостаточномъ пониманіи языка церкви имъ самимъ, и поднялась буря. Но это столкновеніе было первое и единственное.

Въ 1808 г. Шишковъ приготовлялъ къ изданію словарь неясныхъ словъ церковнаго языка.

Немногіе духовные члены Академіи замѣтили въ листахъ Словаря крупныя несообразности и высказались, весьма умѣренно, что съ текстомъ священнаго писанія слѣдуетъ обращаться осторожно и не дѣлать этимологическихъ толкованій, напр. изъ простой описки б р а ш н а вм. браша сочинять невозможный глаголъ б р а ш н а т и. Шишковъ увидѣлъ одно личное оскорбленіе и разразился потоками словъ, но, какъ всегда, никакого отношенія не имѣющихъ къ дѣлу. «Не защищаютъ Священнаго писанія, возражалъ Шишковъ, отъ того, кто весь свой умъ обращаетъ на прославленіе его; вездѣ съ великимъ жаромъ и усердіемъ возстаю я противъ забвенія славенскаго языка, который одинъ есть незыблемое основаніе вѣры нашей. Вмѣсто

того чтобы вопіять противъ меня и марать мое имя и честь, не лучше ли было подать мнѣ съ кротостью благіе совѣты»?..

Съ своеобразной логикой, съ умомъ, который постоянно подавлялся чувствомъ, Шишковъ въ своей защитѣ замѣтить не могъ странности своего положенія — говорить учителямъ вѣры объ основаніяхъ вѣры, и говорить такъ неудачно—объ языкѣ, какъ основаніи вѣры. Отсюда одинъ шагъ—къ обвиненію духовныхъ оппонентовъ, аналогическому съ обвиненіемъ Карамзина.

Въ заключеніе своей апологіи Шишковъ аппелируетъ «предъ судію справедливаго—предъ у ч е н ы й свѣтъ», какъ будто было еще мѣсто сомнѣнію, что злополучный глаголъ б р а ш н а т и не возможенъ [1]).

Но ученый свѣтъ давно разсудилъ: онъ признавалъ всегда въ Шишковѣ жаръ и усердіе многое...

2-го апрѣля 1813 года умеръ безвѣстный президентъ Россійской Академіи, А. А. Нартовъ. Извѣстіе это застало Государя въ Силезіи. Шишковъ, находившійся тогда при особѣ императора съ званіемъ государственнаго секретаря, предложилъ себя въ преемники, на что̀ и послѣдовало высочайшее соизволеніе.

Въ концѣ іюня новый президентъ свернулъ въ Прагу. Онъ помѣстился было среди блестящаго двора, но вскорѣ оставилъ Прагу, не позабывши впрочемъ надъ именемъ города произвести невозможную этимологію: Прага значитъ о б и т а н і е. Но уже послѣ кульмской битвы, слѣдов. въ концѣ августа, Шишковъ отпросился снова въ «обитаніе», гдѣ и пробылъ около полутора мѣсяца.

Тогда произошла любопытная встрѣча двухъ стариковъ -сверстниковъ: русскаго президента, мнившаго въ себѣ воплощеніе всей науки о славянскомъ языкѣ, и скромнаго чешскаго аббата, великана науки, но благодушно пріемлющаго и всякія наставленія—Шишкова и Добровскаго.

Одинъ и другой записали свои впечатлѣнія объ этой встрѣчѣ.

Президентъ съ высока посмотрѣлъ на великаго учителя

---

[1]) З а п и с к и и пр. II, 32—42. О «славенскомъ» языкѣ, какъ догматическомъ основаніи, Шишковъ не переставалъ толковать и позже—въ борьбѣ съ карамзинистами. Но гл. б р а ш н а т и онъ выпустилъ при второмъ изданіи Словаря, въ II ч. «Собранія сочиненій».

науки и великаго славянина. «Иногда, пишетъ Шишковъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, хаживалъ ко мнѣ здѣшній ученый, довольно по сочиненіямъ своимъ извѣстный, аббатъ Добровскій, съ которымъ провождали мы время въ разговорахъ о славенскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ» [1]).

Сколько милостиваго снисхожденія въ самомъ тонѣ этихъ воспоминаній!

Но о характерѣ самыхъ «славенскихъ» разговоровъ дастъ поясненіе самъ Добровскій, въ письмахъ къ своему талантливому ученику и другу въ Вѣнѣ, хорутанцу Бартоломею Копитару.

Замѣтимъ, что, предварительно личнаго знакомства, оба старика заочно познакомились нѣсколько раньше, чрезъ посредство извѣстнаго нѣмецкаго эмигранта Штейна, тогда съ могущественнымъ вліяніемъ въ русской квартирѣ. «Министръ Штейнъ, писалъ Добровскій Копитару 2-го іюня 1813 г., затребовалъ мой Entwurf для президента Россійской Академіи. Онъ желаетъ насъ познакомить другъ съ другомъ. Уважаю автора объясненій къ Слову о полку Игоревѣ» [2]).

Изъ дальнѣйшей переписки Добровскаго явствуетъ, что встрѣча у него съ Шишковымъ была и лѣтомъ, и осенью 1813 года.

«Вчера, пишетъ Добровскій Копитару 22 іюня, прибылъ въ Прагу Шишковъ... Достойный старецъ, знатокъ своего и особенно старославянскаго языковъ. Собирается снова издать академическій Словарь. Онъ изложилъ свои мысли и просилъ высказать свои. Общаго образованія (humaniora), какъ обыкновенно, подобнымъ людямъ не достаетъ, и трудно съ ними говорить объ основныхъ положеніяхъ науки. Едва я ему могъ дать понять, что свинецъ надо производить отъ глагола свиную. Онъ все въ головѣ имѣлъ синій. Аппендини [3]) пришелся-бы

---

[1]) Тамъ-же, I, 220—221.

[2]) Т. е. Шишкова. Подъ Entwurf'омъ Добровскій разумѣетъ только что вышедшій трудъ свой: «Entwurf zu einem allgemeinen Etymologikon der slav. Sprachen», Prag, 1813. О впечатлѣніи, которое произвелъ этотъ замѣчательный опытъ раціональной этимологіи славянскихъ языковъ на этимолога-президента, сейчасъ ниже.

[3]) Современный этимологъ во вкусѣ Шишкова у далматинскихъ сербовъ. — Замѣтимъ, что и Добровскій былъ не правъ въ этимологіи слова свинецъ: оно идетъ отъ слова свинья.

ему какъ разъ по сердцу, и онъ пожелалъ достать его труды. О моемъ же Entwurf'ѣ онъ могъ только мычать».

Копитаръ отвѣчалъ поздравленіемъ съ новымъ знакомствомъ и предлагалъ Шишкову себя въ поставщики славянскихъ книгъ, въ посредники между Западомъ и Востокомъ.

Но весь Шишковъ, со всею непосредственностью своихъ сужденій, вылился въ осенникъ бесѣдахъ съ Добровскимъ

Надо замѣтить, что заходящее и восходящее свѣтила славяновѣдѣнія у западныхъ славянъ, Добровскій и Копитаръ, уже много лѣтъ дебатировали объ общей азбукѣ для своихъ, но никакъ не могли столковаться.

По видимому, пустой вопросъ—о знакахъ азбуки, онъ былъ жизненнымъ для западныхъ славянъ того времени. Что ни нарѣчіе, то свои знаки, особая азбука—настоящее столпотвореніе вавилонское. Развитіе западныхъ славянъ, гарантію ихъ совмѣстнаго съ культурными народами существованія, Копитаръ, не безъ основанія, видѣлъ въ общей, разумной азбукѣ.

Но какъ другимъ всегда помогать легче, то Копитаръ, нашептывая изв. даровитому сербу, Вуку Караджичу, полезность, въ видахъ разъединенія сербовъ и русскихъ, реформы кириловской азбуки чрезъ внесеніе въ нее й о т ы, самъ могъ только взывать къ Добровскому—«будь вторымъ Кирилломъ». Добровскій сомнѣвался въ возможности достиженія общей азбуки для западныхъ славянъ, при ихъ исторической разрозненности, при грубости, косности массы, и Копитаръ не могъ не согласиться съ тѣмъ, что хотя Австрія на $^2/_3$ славянская, но славяне до нельзя жалки: «почему бы, говорилъ онъ, не скомандовать по-русски имъ—с т у п а й»!...

Но этой команды ждать долго не пришлось: это «ступай», но не безъ ужаса, услышалъ Добровскій изъ устъ Шишкова.

8-го октября Добровскій сообщаетъ вѣнскому другу про свою азбучную бесѣду съ Шишковымъ.

Чешскій славистъ, какъ видно, объяснялъ трудность введенія общей азбуки у славянъ. «Шишковъ, пишетъ Добровскій, не много разсуждая, замѣтилъ на это: да что за охота вамъ ломать себѣ головы—возьмите нашу азбуку»! На возраженіе аббата, что вѣдь нѣкоторые русскіе и сами бы не прочь отъ латинской азбуки, Шишковъ отвѣчалъ: «такимъ русскимъ слѣ-

дуетъ снять голову чрезъ палача—это денаціонализуетъ народъ въ послѣдствіи»...

«Прошу же бесѣдовать съ такими головоснимателями», заключалъ письмо Добровскій [1]).

Но познакомимся нѣсколько ближе съ самою наукою Шишкова, который лишь снисходительнаго вниманія могъ удостоить Добровскаго.

.4.

Для чешскаго старца, Добровскаго, строгая, научная этимологія, та наука, которая служитъ не къ забавѣ, не къ удовлетворенію празднаго любопытства, но къ объясненію происхожденія языка и къ открытію арсенала непререкаемыхъ свѣдѣній для ранней исторіи человѣческаго общества, не была книгой за семью печатями. Но уже полнымъ хозяиномъ онъ былъ въ своей спеціальной области славянской. Можно сказать, что канонъ интересовъ современнаго славяновѣдѣнія являлся предъ геніальнымъ Добровскимъ уже въ ясныхъ очертаніяхъ; однѣ задачи были имъ рѣшены, другія— поставлены. Съ его глубокимъ и разностороннимъ знаніемъ гармонировалъ его научный методъ въ работахъ—всегда критическое отношеніе къ вопросу, сухой, но точный, анализъ.

Мы упоминали выше, что этимологія увлекала людей XVIII и начала XIX стол.

Глубокій знатокъ языковъ, съ еврейскимъ включительно, на порогѣ смерти ѣдущій въ Лужицы пополнять свои свѣдѣнія по лужицкому языку, повторяя, что «старикъ Шлецеръ не сты-

---

[1]) Письма Добровскаго и Капитара, изд. ак. Ягича, Спб. 1885, стр. 340, 353—354, 355, 201, 142, 360—361. Объ азбучныхъ дебатахъ особенно стр. 107—108. Добровскій рисуетъ комическое засѣданіе славянскихъ депутатовъ въ азбучномъ парламентѣ. Сначала кириллицу защищаютъ упорно, но засимъ сдаются. Но тогда новые дебаты о недостаточности латинской азбуки, сыпятся цѣлые ворохи проэктовъ и пр., и пр.—Трудомъ ак. Ягича, богатымъ источникомъ для исторіи западнаго славяновѣдѣнія первой четверти нашего столѣтія, намъ придется пользоваться особенно часто при изложеніи настоящей статьи; ниже мы указываемъ на него сокращенно: Письма Добровскаго.

дился учиться»[1]), Добровскій не могъ не быть и этимологомъ. И дѣйствительно, къ нему, какъ въ справочную книгу, обращаются всѣ, съ Копитаромъ во главѣ, за поученіемъ, помня и его филологическія работы еще 70-хъ годовъ[2]), и его позднѣйшій «Планъ».

Значеніе этимологическихъ поисковъ для разрѣшенія труднѣйшихъ историческихъ проблемъ, какъ напр. о происхожденіи отдѣльныхъ народовъ, ясно сознавалось Добровскимъ; но онъ указывалъ, что чѣмъ сложнѣе вопросъ, тѣмъ осмотрительнѣе должны вестись самые поиски. Съ сердечнымъ сожалѣніемъ относился онъ къ каждой этимологической работѣ, гдѣ выводы не отвѣчали наличнымъ даннымъ. «Я, говорилъ онъ объ изв. книгѣ Гаттерера, ведшей славянъ отъ загадочныхъ даковъ, много строже докажу, что славяне—индійцы. Но еще лучше—проведу ихъ отъ вавилонскаго столпотворенія... Какъ-же жалко все это»!...[3]).

Предварительно этимологическихъ поисковъ въ исторіи, онъ требовалъ выполненія одного, весьма существеннаго, условія: опредѣленія культурныхъ займовъ, напр., въ славянскихъ языкахъ изъ языковъ другихъ. «Весьма поучительно, говорилъ онъ, точнѣе оглядѣть этихъ гостей — изъ какихъ странъ они пожаловали»[4]).

Надъ современными этимологами отъ фантазіи, которые Нептуна толковали изъ славянскаго не-потону, Добровскій, какъ и кн. Щербатово, отъ души хохоталъ. «Навѣрное, пишетъ онъ о пріемахъ серба Аппендини, Pluto будетъ объясненъ изъ славянскаго. Жаль, что Адама я не вывожу изъ чешскаго а-дамъ»[5]).

Но если это воплощеніе трезвости ума, этотъ врагъ этимологической фантазіи, соблазнительности созвучія или сближенія

---

[1]) Письма Добровскаго, стр. 23.

[2]) Характеристика работъ великаго учителя изъ послѣдней четверти прошлаго столѣтія дана въ содержательномъ и образцово написанномъ трудѣ г. В. Брандля: «Život Dobrovského», Brno 1884. Тяжелое, хотя и трудолюбивое, изложеніе содержанія работъ Добровскаго того-же времени въ книгѣ г. Снегирева: «Аббатъ Добровскій», Казань 1884.

[3]) Письма Добровскаго, 120.

[4]) Тамъ-же, 117. Ср. 78, 118.

[5]) Тамъ-же, 265.

значеній, и самъ не всегда могъ уберечься отъ этимологическаго грѣха, ведя напр. слово грѣхъ отъ слова гора и отвергая его дѣйствительное происхожденіе отъ гл. градж, а слово море сближая съ гл. мою: то это только осязательнѣе свидѣтельству етъ о томъ, какъ не легка была та область изслѣдованія, въ которую такъ смѣло вступали люди XVIII вѣка и—нашъ Шишковъ. Вполнѣ естественно, если въ этимологическихъ опытахъ ученика Добровскаго—Копитара, еще болѣе описокъ мысли, не смотря на всю остроту и проницательность ума его, обширность образованія [1]).

Знаменитый изслѣдователь языковъ, философъ и дипломатъ, Вильг. Гумбольдтъ, сказалъ о Добровскомъ, по поводу его чешской грамматики: «такъ глубоко не шла еще ни одна грамматика». Но тоже удивленіе справедливо вызывается и всею наукою Добровскаго.

Въ сознаніи Добровскаго уже ясно помѣщались языкъ только-что открытыхъ индусовъ, языки Литвы, нѣмецкій, албанскій, не говоря о классическихъ и славянскихъ, какъ члены одной семьи, правильно намѣчалась и особенная взаимная близость нѣкоторыхъ изъ нихъ, принятая позднѣйшею наукой [2]).

Еще отчетливѣе представлялась частная семья славянскихъ языковъ, отношенія ея членовъ между собой.

Языкъ нашей Славянской церкви—для Добровскаго несомнѣнно живой языкъ извѣстнаго племени и времени, не болѣе (онъ родину его искалъ на югѣ, за Дунаемъ, хотя его проницательный ученикъ былъ ближе къ истинѣ, полагая ее на среднемъ Дунаѣ), что только съ вѣками онъ подвергался особой легитимаціи, то здѣсь, то тамъ, но тѣмъ не менѣе его грамматическій организмъ — типъ для всѣхъ другихъ языковъ -братьевъ [3]).

---

[1]) Ср. тамъ-же, стр 443, гдѣ Копитаръ бога ведетъ отъ бѣгу; стр. 91, гдѣ хорут. čednost уравнивается чешскому ctnost и др.

[2]) «Славяне суть славяне, а по языку ближайшее родство у нихъ съ литовцами» (тамъ же, стр. 119). Двойная форма склоненія именъ прилагательныхъ отмѣчается, какъ особая черта славянскаго, литовскаго и готскаго языковъ (122). Единство глагольныхъ суффиксовъ въ славянскомъ, греческомъ и латинскомъ (268) и др.

[3]) Тамъ-же, стр. 158, 316.

Словно этнографъ нашего времени, Добровскій уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, недовольный извѣстнымъ историческимъ словаремъ польскаго языка Линде, помимо невозможныхъ этимологическихъ экскурсій, и неполнотой его, рекомендуетъ автору воспользоваться данными изъ народныхъ говоровъ [1]), въ внимательномъ изученіи которыхъ онъ всегда полагалъ особенную важность. «Хорошо-бы, пишетъ онъ своему хорутанцу Копитару по поводу затѣвавшагося словаря хорутанскаго языка— начать такъ: брать у простаго человѣка слова прямо изъ устъ», и негодовалъ на тѣхъ, которые предписываютъ правила языку, вмѣсто того чтобы учиться у него [2]).

Это детальное этнографическое изученіе нарѣчій, говоровъ на пространствѣ славянской земли разсматривалъ Добровскій, какъ базу для выведенія классификаціи славянскихъ языковъ, которая наконецъ и предложена была имъ, вылившись (на пути, въ колискѣ) въ изв. систему двухъ порядковъ: славянскихъ языковъ Сѣверо-Запада и Юго-Востока. Отъ его глубоко проницательнаго взгляда не ушли и тѣ многозначительныя явленія въ организмѣ славянскихъ языковъ, которыя позже наука пыталась положить въ основу классификаціи ихъ — отношенія фонемъ ч и ѣ и морфемъ городъ — градъ. «Это—настоящая догма славянскихъ языковъ», говорилъ онъ. Но единичное звуковое явленіе считалъ онъ недостаточнымъ для объясненія развитія всей совокупности этихъ языковъ [3]).

Не мѣсто говорить здѣсь о глубокомъ пониманіи Добровскимъ вопросовъ изъ области реальныхъ предметовъ славяновѣдѣнія: исторіи, исторической этнографіи; о его научныхъ планахъ, напр. путешествіи на Аѳонъ; о его высокомъ политическомъ разумѣніи, указывавшемъ ему прозрѣвать въ Австріи злѣйшаго врага славянъ, о его горячей любви къ нашему языку, о его благородныхъ грезахъ, когда-де славяне заживутъ свободно подъ сѣнію Россіи...

Такъ велика и содержательна была наука «довольно из-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 640.
[2]) Тамъ-же, стр. 188, 316.
[3]) Тамъ-же, стр. 110, 326.

вѣстнаго чешскаго ученаго» (по снисходительной аттестаціи Шишкова)—Добровскаго.

А наука Шишкова?...

.5.

Съ практическимъ знаніемъ современнаго славянскаго языка церкви, но безъ знанія живыхъ славянскихъ языковъ [1]), любитель Славянства, но безъ сколько нибудь яснаго представленія о немъ, о его прошломъ и настоящемъ, Шишковъ видѣлъ въ себѣ самаго компетентнаго судію въ славянской наукѣ. Безъ соотвѣтствующей научной подготовки, даже безъ humaniora, какъ вѣрно подмѣтилъ Добровскій, Шишковъ видѣлъ въ себѣ единаго знатока и науки о языкѣ.

Наука Шишкова проявлялась въ двухъ образахъ: въ фантастической теоріи происхожденія языка нашей церкви и въ такого-же рода операціяхъ по этимологіи, о которыхъ напередъ справедливо сказать его-же словами: «скорѣе можно въ океанѣ всѣ камни и мели ощупать, нежели въ нихъ отыскать»—смыслъ...

Въ вопросахъ по церковно-славянскому языку Добровскій основывался на старѣйшихъ церковныхъ книгахъ, рукописяхъ, знакомый даже нѣсколько съ рукописями Синодальной библіотеки —во время поѣздки своей въ Россію въ 1792 году [2]), на изученіи происхожденія и варіацій славянскаго перевода священныхъ

---

[1]) Шишковъ пишетъ напр. В у г ъ, хотя сербскій словарь В у к а былъ у него въ рукахъ, М а ц а р с к і й (З а п и с к и и пр. II 373, 407); знаменитую сербскую пѣсню «Плачъ Ассанъ-беговицы», переведенную самимъ Гёте, переводитъ съ французскаго, знаетъ ч е х с к у ю королеву (II, 397), а если любовно и долго занимается загадочными чешскими произведеніями, какъ Любушинъ Судъ и Краловедворская рукопись, то скорѣй всего по тому, что они, и безъ знанія языка подлинника, довольно доступны русскому читателю. Для своего славянскаго чувства Шишковъ былъ безъ объекта: за то въ устахъ его были постоянно-славяне. Въ редактированныхъ Шишковымъ высочайшихъ приказахъ и манифестахъ 12 года всегда памятуются славяне. Такъ, первый приказъ отъ 13 іюля заканчивался: «въ нихъ (т. е. вождяхъ и воинахъ) издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ». А первые вожди были: Барклай де Толли, Витгенштейнъ, Багратіонъ.

[2]) Ср. П и с ь м а, 664.

книгъ. Шишковъ же—на усердномъ чтеніи современныхъ печатныхъ церковныхъ книгъ русскихъ, четьи-минеи и пр.

Для Добровскаго языкъ св. Кирилла и организованной имъ церкви—одно изъ нарѣчій славянскихъ. Сбивчивость понятій и изложенія, общая черта всѣхъ разсужденій Шишкова, въ слѣдствіе недостаточности анализа и научной подготовки, является и въ этомъ вопросѣ, по видимому, столь близко усвоенномъ имъ. Для Шишкова церковно-славянскій языкъ — то только высшій слогъ русскаго языка, съ нѣкоторою долею старины, то «коренной языкъ нашего», то источникъ всѣхъ другихъ [1]). Въ извѣстномъ смыслѣ онъ наслѣдовалъ теорію Болтина о «поглощеніи» Въ убѣжденіи своей правоты, самомнящій Шишковъ не хотѣлъ слышать ни о чемъ и даже въ 1820 г. серьезно поучалъ одного своего шведскаго корреспондента: «я славенскій и русскій языкъ не раздѣляю, какъ то многіе другіе дѣлаютъ» [2]). Ясно, мѣтилъ въ Добровскаго.

«Разсужденія о словенскомъ языкѣ» Востокова (явилось въ 1820 году), Шишковъ не въ состояніи былъ понять; онъ все пѣлъ старую пѣсню. «Необдуманное — говоритъ онъ— раздѣленіе языка на славенскій и русскій произошло отъ неопредѣленности слова славенскій. Мы даемъ сіе названіе языку по имени народа, назвавшагося славянами; но не ужъ ли народъ сей до принятія сего имени былъ нѣмой, безъязычный? Не ужъ ли съ того времени сталъ имѣть языкъ или перемѣнилъ его на другой? Нѣтъ, онъ продолжалъ говорить тѣмъ же языкомъ; не знаемъ, какъ его называли, но знаемъ, что по раздѣленіи сего народа на русскихъ, поляковъ, чеховъ, иліріянъ и пр., и языкъ ихъ сталъ называться по ихъ именамъ, русскій, польскій и пр. При всѣхъ сихъ именахъ, онъ былъ и есть одинъ и тотъ же, общій всѣмъ. Вотъ первое объ языкѣ понятіе. Второе: языкъ хотя одинъ и тотъ же, но у разныхъ народовъ болѣе или менѣе измѣняется и получаетъ имя нарѣчій. Польское нарѣчіе отошло всего далѣе отъ нашего, такъ что мы и уразумѣть онаго не можемъ; но русское не есть на-

---

[1]) Записки и пр. I, 38 (II, 18, 26, 32), II, 4, 39.

[2]) Тамъ-же, II, 386.

рѣчіе славенскаго языка, а тотъ же самый языкъ, не имѣющій ни малѣйшаго съ нимъ различія» [1]).

Не будемъ входить въ указаніе противорѣчій. Ясно одно: Шишковъ требовалъ вѣры одному себѣ, своей догмѣ о русскомъ языкѣ, а между тѣмъ малѣйшая справка у него съ дѣйствительностью выдавала его немощь [2]).

Но этого было мало.

Въ своихъ размышленіяхъ надъ «славенскимъ» языкомъ Шишковъ дошелъ наконецъ до того, что уже всѣ языки стали сливаться въ туманномъ образѣ «славенскаго», и онъ не шутя наставлялъ Эдинбургскій университетъ и Royal Society, что языки англійскій и славянскіе, какъ и всѣ языки, дѣти одного Адама, и, конечно, славянина [3]).

Оба старца, и католикъ Добровскій, и православный Шишковъ, съ одинаковымъ чувствомъ благоговѣнія относились къ священному языку св. Кирилла; но одинъ, какъ человѣкъ науки и высоко-образованный патріотъ; другой, какъ начетчикъ-любитель и узкій моралистъ. Славянская грамматика Добровскаго, появленіе которой долго и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали всѣ образованные люди, отъ знаменитаго В. Гумбольдта и до карловацкаго монаха, пробудила всюду самое живое отношеніе къ языку нашей церкви [4]): а у насъ неумѣлою защитой церковно-славянскаго языка, путанными, надоѣдливыми и безмѣрно притязательными заявленіями своихъ мыслей, Шишковъ принесъ

---

[1]) Опытъ словопроизводнаго словаря, введеніе.

[2]) Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ. «Трудно добраться, почему наша звѣзда во многихъ слав. нарѣчіяхъ пишется и произносится hwezda... Одно, звѣзда, приближаетъ слово сіе къ словамъ свѣтъ зда, т. е. неба; другое, hwezda, подходитъ къ слову гвозди, которое также могло подать мысль къ уподобленію сихъ небесныхъ свѣтилъ гвоздямъ, ибо оныя дѣйствительно не иначе кажутся намъ, какъ свѣтлыми, воткнутыми въ него, гвоздями». (Собраніе сочиненій, VI. 96).

[3]) Записки и пр., II, 403.

[4]) Приведши выше указанный отзывъ Гумбольдта о чешской грамматикѣ Добровскаго, Копитаръ продолжаетъ: «при этихъ словахъ я думалъ о будущей старо славянской грамматикѣ, которая будетъ еще выше. Но когда? Со мной за одно молитъ Гумбольдтъ, со мною всѣ нѣмцы, ищущіе знанія славянскаго языка, со мной молитъ все Славянство». (Письма Добровскаго, 304. Ср. объ общемъ ожиданіи 394, 399, 406).

одинъ вредъ ему, его популяризаціи въ русскомъ обществѣ. Онъ самъ признается, что бранили «славенскій» языкъ и затѣмъ, чтобъ его уколоть и—недоумѣваетъ [1]).

.6.

Но если въ вопросахъ «славенскихъ» Шишковъ еще нѣсколько стоялъ на почвѣ—онъ зналъ хорошо языкъ современной славянской библіи: то въ другой области своихъ «упражненій» онъ черпалъ данныя уже прямо изъ своей неутомимой фантазіи. Мы говоримъ объ его этимологіи. У современниковъ корнесловіе стало притчей, и самое слово получило особое содержаніе.

Если путанныя мысли Шишкова о «славенскомъ» языкѣ имѣютъ свое главное мѣсто въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія, по своей послѣдней, практической, цѣли: то своими работами во второй области своихъ «упражненій», своими этимо-

---

[1]) Записки и пр. II, 317. «Презрѣніе къ вѣрѣ стало сказываться въ презрѣніи къ языку славенскому», не переставалъ твердить Шишковъ (II, 5). Естественно, если подобныя нелогическія, но съ тендеціей, заключенія въ образованной части русскаго общества возбуждали неудовольствіе. Не могли любить славянскаго языка потому, что вредные дѣятели, въ родѣ Магницкаго, тогда же связывали съ изученіемъ церковнаго языка свои спеціальные интерессы. Такъ, въ извѣстной своими особенными мыслями инструкціи Магницкаго Казанскому университету о преподаваніи «полезныхъ» и «опасныхъ» наукъ указывалось—особенно стараться утвердить учащихся въ познаніи языка славянскаго. Такимъ образомъ, величественный памятникъ высокихъ просвѣтительныхъ заботъ святыхъ Первоучителей, народный языкъ въ церкви, могъ явиться въ роли орудія затмительныхъ интерессовъ.

По словамъ Пушкина, и дамы лагеря Шишкова говорили на славяно-росскомъ языкѣ (Сочиненія, изд. фонда, VII, 148). Но самъ Шишковъ не твердъ былъ и въ «славенскомъ» языкѣ, его грамматикѣ: онъ склоняетъ —воиски, полчищи; производитъ праскій и пр. Ср. выше сфабрикованный глаголъ брашнати. Каково же было «славенско»-грамматическое знаніе у его однополчанъ? «Утро процвѣтете и погибне» пишетъ Аракчееву Оленинъ 8 дек. 1817 г. (Дубровинъ, Письма главн. дѣят. имп. Александра I, № 184). Если Оленинъ, не однополчанинъ Шишкова, занимавшійся русскими древностями и рукописями, былъ слабоватъ въ языкѣ ихъ, то можно судить о знаніи у шишковистовъ: у нихъ все дѣло сводилось къ неискусному подбору архаическихъ словъ.

логическими теоріями объ образованіи и существѣ языковъ, Шишковъ переходитъ на страницы исторіи нашей лингвистической науки.

Сближеніе словъ на основаніи свободной подмѣны одного звука другимъ и перестановки, разчлененіе слова на невозможныя части, свободное осмысленіе словъ—вотъ пріемы, а объ выводахъ—можно догадываться. А между тѣмъ Шишковъ, по его собственному признанію, на эти «упражненія» полагалъ массу труда—«читалъ, примѣчалъ, размышлялъ, рылся не только въ славенскомъ языкѣ, но и во всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ съ нимъ близкое родство», и ясно понималъ, что «добирательство—отъ какого понятія слова произошли и какъ вѣтви свои распространили, отнюдь не такъ легко, какъ думаютъ тѣ, которые полагаютъ знаніе языка въ одной токмо наслышкѣ и памяти, не заботясь ни мало разсуждать о коренномъ и точномъ значеніи словъ»...[1]).

Имя праотца Адама разчленялось на «славенскіе» корни а д и а м, а—праматери Евы естественно велось изъ славенскихъ-же а б а, а в а, ибо языки всего человѣчества «есть конечно одинъ и тотъ же, въ корняхъ и началахъ своихъ». Египетскій трудъ Шишкова—обработка данныхъ въ «Сравнит. словарѣ» имп. Екатерины—всѣ языки сводилъ къ «славенскому первоначалію».

Этимологія этого рода была неизлѣчимой душевной болѣзнью; человѣкъ страдалъ, но выпутаться изъ-подъ ея власти былъ безсиленъ. Необыкновенно рельефно обрисовалъ страдальческое состояніе духа этимолога чешскій славистъ Челаковскій, человѣкъ дѣйствительной науки и работавшій много позже, уже въ наши дни, но испытавшій на себѣ самомъ непреоборимую силу этимологической страсти. «Въ послѣднее время, признавался Челаковскій въ 1848 году, я болѣе всего занимался славянской этимологіей и забрелъ въ глубину ея до того, что она овладѣла мною, словно какая-то болѣзнь. Случалось, я писалъ простое письмо, но слова не ложились предо мною просто, какъ выраженіе мыслей, а почти изъ каждаго слова выставлялъ на меня этимологическій чертенокъ свои острые рожки» [2]).

---

[1]) З а п и с к и и пр. II, 41, 40 прим.

[2]) F. L. Č e l a k o v s k ý, Sebrané listy, стр. 418—419.

Безпомощный, но самомнительный, Шишковъ съ обычною страстностью отстаивалъ свои ребяческіе домыслы противъ всякаго прикосновенія научной критики, и тѣмъ усугублялъ комизмъ своего положенія, котораго, конечно, онъ и подозрѣвать не могъ.

Знаменитый московскій профессоръ, историкъ, но научно знакомый, какъ съ другими, такъ и съ славянскими языками, Каченовскій, разбирая этимологическіе пріемы и выводы Шишкова, благодушно попрекнулъ, что если нарѣчія широко, высоко, далеко толковать какъ стяженія изъ ширь-око, высь-око, даль-око, то тогда и слово гордость надо производить изъ гора даю... Старикъ вознегодовалъ и отвѣчалъ — презрѣніемъ. «Какъ самъ люблю, писалъ Шишковъ, основательно разсуждать, такъ и тѣ возраженія уважаю, которыя основательны. Но могу-ли я имѣть уваженіе къ подобнымъ возраженіямъ?... При таковыхъ возраженіяхъ невозможно удержаться отъ смѣха и еще очень громкаго: между понятіями широко и ширь-око и пр. нѣтъ ни малѣйшей разницы: всякъ самымъ явственнѣйшимъ образомъ видитъ, что слова сіи суть одно и тоже, говорятъ одно и тоже, и первыя разнятся отъ вторыхъ только тѣмъ, что сдвинуты вмѣстѣ» [1]).

Этимологія приняла старика въ свои широкія объятія и не выпускала его ни въ какія минуты жизни: на полѣ брани, въ Саксоніи, городъ Будышинъ онъ толкуетъ буди-сынъ, въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта этимологіей защищаетъ прелести крѣпостнаго права и порицаетъ гуманный законъ о непродажѣ людей безъ земли, доказывая здѣсь ограниченіе свободы рабовъ, каковое-де слово по этимологіи не то, что servus [2]).

Ученыя изданія Россійской Академіи—это сплошь этимо-

---

[1]) Записки и пр. II, 319. Изъ письма къ Бардовскому. Дѣтская этимологическая операція надъ упомянутыми нарѣчіями сдѣлана была Шишковымъ въ его многошумномъ «Разсужденіи»—о краснорѣчіи свящ писанія, произнесенномъ въ Росс. Академіи въ 1810 г.: «далеко—даль око, простирай зрѣніе далѣе» и пр.

[2]) Тамъ-же, I, 206, II, 121—123. Наполеонъ уже наступалъ, а Шишковъ все хлопоталъ, не потерпѣла-бы ущерба его этимологія; «г. г. секретарь, извѣщалъ Пукаловъ Аракчеева 27 іюля, писавъ недавно оттуда, напоминалъ своимъ пріятелямъ о цѣлости Бесѣды и о корректурѣ его сочиненій» (Дубровинъ, op. cit № 60).—Въ 1826 г. Шишковъ обѣдалъ какъ-то у моск. попечителя Писарова и разговоръ—этимологія: сноха отъ сынохать и пр. («Снегиревъ и Дневникъ его», 108).

логія Шишкова, гдѣ только и мелькаютъ широко изъ ширь око, ночь изъ нѣтъ очи, съ разными таблицами древъ, родословій словъ. Все это были, по убѣжденію президента, «полезные и обильные труды» Академіи, которыми онъ серьезно надѣялся спасти насъ, чтобы, мы, выражаясь его словами, оставались людьми, а не обратились въ рыбій родъ. Недовѣріе къ своимъ трудамъ едва не уравнивалъ преступленію, хотя самъ былъ заранѣе увѣренъ въ глухотѣ и неблагодарности людской: «ежели бы кто, жалуется Шишковъ, сказалъ, что дерево и трава одно и тоже, то изъ ста человѣкъ 90 возопіяли-бы противъ него; они бы скорѣе сочли его поврежденнымъ въ умѣ» [1]).

Такимъ образомъ нисколько не оправдались надежды нелицепріятнаго судіи прежнихъ «упражненій» Академіи, сочлена епископа Евгенія, которыя возлагалъ ученый іерархъ на Шишкова, при назначеніи его президентомъ. «Поздравляю васъ и всю нашу Академію, писалъ Евгеній Хвостову, въ іюлѣ 1813 года, съ новымъ президентомъ, давно достойнѣйшимъ сего мѣста, къ чести и пользѣ русской словесности. Думать надобно, что теперь дѣятельнѣе будутъ и сочлены» [2]). Возрожденія не послѣдовало. Больше только печаталось. Самъ Евгеній съ ужасомъ писалъ въ 1819 г. тому-же Хвостову: «неужели наша Академія, не кончивъ прежняго своего Словаря,

---

[1]) Записки пр. II, 95, 386. Покровительство своимъ упражненіямъ Шишковъ нашелъ въ Аракчеевѣ, правда, довольно неграмотномъ (ср. его письма, тамъ-же II, 188), но котораго онъ титулуетъ меценатомъ, Шуваловымъ, ища чрезъ него утвержденія устава Росс. Академіи (тамъ-же, II, 97; перепечатка у Дубровина, op. cit. № 159). 10 іюля 1818 г. Академія Шишкова избрала Аракчеева въ почетные члены, «уважая отличное усердіе и любовь къ отечественному языку» (Дубровинъ, op. c. № 204) — хоть съ нѣкоторымъ основаніемъ. Не то Казанскій университетъ, который избралъ Аракчеева почетнымъ членомъ «за усовершенствованіе артиллеріи и воспитаніе военныхъ поселеній» (тамъ-же, № 343) — по указу временщика въ миніатюрѣ, Магницкаго. Безутѣшный отъ непризнательности неблагодарныхъ современниковъ, Шишковъ находилъ успокоеніе въ самонадѣянномъ утвержденіи, что этимологія—«наука самая важная для процвѣтанія языка и словесности, но, по несчастію, такъ мало намъ извѣстная, что по сіе время никто о ней не думалъ и не думаетъ». Такъ писалъ онъ безвѣстному пріятелю своему, Бардовскому (Записки пр. и II, 312).

[2]) Сборникъ статей 2 отд. имп. Ак. н., V, 1, 148. Евгеній опасался, что назначатъ иностранца и вообще былъ сильно заинтересованъ. См. его письмо къ Хвостову отъ 14 мая 1813 г. (тамъ-же, 145).

рѣшается приступить къ новому», заслышавъ, что изготовляются «древа» для Опыта словаря по корнямъ. Вышедшія этимологическія «упражненія» Шишкова онъ осудилъ въ разрядъ ученаго вздора [1]).

Шишковъ хохоталъ надъ Каченовскимъ, который, заботливымъ слѣженіемъ за движеніемъ науки на Западѣ, оправдывалъ громкое имя своего «Вѣстника Европы», хохоталъ надъ всѣми «неповрежденными въ умѣ». Самомнѣніе не давало мѣста для мысли со стороны. Закупорившись въ самого себя, отъ всякаго движенія въ наукѣ, Шишковъ видѣлъ въ себѣ все знаніе и какъ разъ въ то время, когда у насъ скромный художникъ Востоковъ сталъ учителемъ самого Добровскаго въ «славенскомъ» языкѣ; когда на Западѣ всѣ устои стараго зданія науки о языкѣ зашатались и готовы были рухнуть—съ открытіемъ санскрита, зенда; когда предъ проницательнымъ взоромъ Добровскаго уже обрисовывались въ перспективѣ контуры современнаго намъ сравнительнаго языкознанія.

Уже въ 80-хъ годахъ прошл. стол. Джонсонъ, одинъ изъ основателей знамен. Калькутскаго Общества, писалъ, что отнынѣ и классическихъ языковъ изучать безъ санскрита нельзя. Въ началѣ нашего столѣтія поэтъ Шлегель, случайно наткнувшись на санскритскіе манускрипты въ Лондонѣ и Парижѣ, видитъ перерожденнымъ міръ идей, а въ 1808 году свои восторженныя мысли о наступленіи новой эры для науки общенародно провозглашаетъ въ своей знаменитой книжкѣ: «Über die Weisheit und Sprache der Indier»... Новыя лингвистическія идеи толкнулись было и въ Россійскую Академію, но—встрѣтили на порогѣ ея Шишкова, съ его «первоначаліемъ языковъ», и убрались прочь [2]).

---

[1]) Тамъ-же, стр. 178. Академ. Словарь, въ азбучномъ порядкѣ, оконченъ былъ лишь въ 1822 году. Ср. отзывъ Евгенія о реформахъ Шишкова для успѣшнѣйшей дѣятельности Академіи: «предположеніе прекрасное; но безъ назначенія именно всякому особаго дѣла всѣ будутъ только одинъ другаго выжидать и другъ на друга смотрѣть» (тамъ-же, 191).

[2]) Въ русской литературѣ впервые слово «санскритъ» произнесено было въ 1811 году, когда Россійской Академіи было представлено на разсмотрѣніе небольшое, но замѣчательное по своимъ смѣлымъ мыслямъ, сочиненіе: «Отношеніе между языками санскритскимъ и русскимъ» (Rapports entre la langue sanscrit et la langue russe). Этотъ анонимъ былъ Аделунгъ. Нѣсколько строкъ уяснятъ характеръ записки Аделунга. «Съ того

Президентъ глухъ къ этому «духу времени». Онъ все еще живетъ въ XVIII столѣтіи. Онъ все переворачиваетъ громоздскіе томы «Сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ» и подъ конецъ останавливается на мысли его вновь издать, съ дополненіями только, и это тогда, когда надъ Европой изъ конца въ конецъ пронесся духъ національный, когда открылись уже студіи этнографическія, историко-грамматическія, сравнительно-философскія.

Къ работѣ надъ возраждающимся Сравнительнымъ словаремъ Шишковъ приглашаетъ всѣхъ. Но—ни откуда сочувственнаго отклика, и старикъ въ недоумѣніи.

«Вы, обращается онъ 21 сент. 1821 г. къ нашему священнику въ Лондонѣ, можете со многихъ сторонъ одолжать Академію и быть ей полезнымъ. Она предполагаетъ издать вновь Сравнит. словарь на 200 языкахъ, изданный Палласомъ, и въ составленіи котораго сама имп. Екатерина Великая трудилась. Въ семъ словарѣ на многихъ языкахъ не достаетъ названій, которыя надлежало бы пополнить. На англинскомъ языкѣ есть много морскихъ путешествій, изъ коихъ, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ находить можно, хотя и немногочисленныя, собранія словъ разныхъ народовъ, а особливо, сказываютъ, печется о

моментѣ, какъ начали разсматривать филологическія изслѣдованія, какъ одно изъ самыхъ научныхъ средствъ для уясненія исторіи народовъ, необходимо было предвидѣть, что старая гипотеза о начальномъ языкѣ и связи языковъ древнихъ и новыхъ не въ состояніи долѣе удержаться. При болѣе точномъ знакомствѣ съ Индіей, свѣтъ, который руководитъ въ настоящую минуту учеными въ ихъ работахъ надъ родствомъ языковъ, какъ ни слабъ онъ еще, уже въ состояніи указать тотъ путь, который отнынѣ будетъ, вѣроятно, единственнымъ для всѣхъ тѣхъ, которые любятъ вести свои изслѣдованія далѣе — приводить ихъ къ результату, отвѣчающему природѣ языковъ, исторіи человѣка и даннымъ, которыя даетъ намъ въ частности исторія, языкъ и нравы каждаго народа» (стр. 3). Указавъ на общее удивленіе съ открытіемъ санскрита, въ которомъ тотчасъ же готовы были видѣть «отца» или, по крайней мѣрѣ, «старшаго брата» большинства языковъ живыхъ, Аделунгъ продолжаетъ: «не цѣль этихъ листковъ дать всѣ литературныя подробности по этому предмету—они исключительно назначены для оправданія ихъ заглавія и представить случай и нѣкоторый матеріалъ для изслѣдованій дальнѣйшихъ. Ихъ цѣль ограничивается—ознакомленіемъ съ тѣмъ удивительнымъ отношеніемъ, которое существуетъ между языками санскритскимъ и русскимъ» (4,5). — Главнѣйшую разработку вопроса, затронутаго запиской, авторъ возлагалъ на Россійскую Академію, «которая оказала уже столько важныхъ услугъ русскому языку» (6).

томъ Калькутское Общество. Ежели-бы подобными словарями или выписками изъ путешествій могли снабжать нашу Академію»!...[1]).

Отвѣта не было. Но Шишковъ съ новымъ проэктомъ.

Подъ вліяніемъ только что оконченнаго извѣстнаго историческаго и сравнительнаго словаря польскаго языка Богум. Линде («Słownik», I томъ въ 1807 г.)—автора Шишковъ въ 1818 году избралъ въ почетные члены Академіи за «усердіе и трудолюбіе къ распространенію пользъ обширнаго славенскаго языка», старикъ взываетъ именемъ славянской науки къ новой совмѣстной работѣ надъ словарями разныхъ славянскихъ нарѣчій: но отъ серьезныхъ людей науки, какъ Добровскій, Востоковъ, встрѣчаетъ уклончивый отвѣтъ, а горячія симпатіи находитъ лишь у искательныхъ чеховъ новаго поколѣнія, учениковъ Добровскаго, но уже не любившаго ихъ — изъ «секты чешскихъ зилотовъ», какъ въ раздраженіи называлъ ихъ теперь учитель [2]).

Шишковъ извѣщаетъ «довольно извѣстнаго» аббата (21 іюля 1819), что Академія «для пользы языка своего старается издать словаря всѣхъ славянскихъ нарѣчій, что, сдѣлавъ Линде своимъ членомъ, она можетъ обѣщать тоже и Добровскому, если онъ почтитъ ее письмами или присылкою книгъ или замѣчаній» [3]).

Добровскій отвѣчалъ смиренно. «Я по милостивому приглашенію вашему пришлю изъ Вѣны всѣ мои сочиненія, относящіяся къ славянской филологіи... Отъ сужденія вашего зависѣть будетъ, сдѣлаютъ ли оныя сочинителя своего достойнымъ принятія его въ число членовъ знаменитой Академіи, которая, какъ усматриваю изъ Извѣстій, ежедневно пріобрѣтаетъ большій блескъ. Съ удовольствіемъ читаю я сіи Извѣстія о успѣхахъ ея и предпріятіяхъ».

Иронія Добровскаго Шишковъ не понялъ и, извѣщая съ нравоученіемъ знаменитаго слависта объ удостоеніи его избранія, возлагалъ на него всѣ упованія. «Академія, пишетъ онъ, признавая дарованія ваши и труды, надѣется пріобрѣсти въ васъ полезнаго себѣ сотоварища и сотрудника. Знаніе сла-

---

[1]) Записки и пр., II, 402.

[2]) Въ письмѣ къ Линде въ 1823 г., Письма Добровскаго, 661.

[3]) Записки и пр., II, 371. Избраніе Линде—тамъ-же, II, 361.

венскаго языка нужно для ученыхъ людей всѣхъ народовъ. Они найдутъ въ немъ многіе корни и начала своихъ языковъ».

Можно представить себѣ удивленіе Добровскаго при чтеніи послѣднихъ строкъ. Но оно должно было перейти въ изумленіе, когда далѣе въ письмѣ прочелъ онъ объ этимологическихъ предпріятіяхъ Академіи, во вкусѣ широко изъ ширь око. «Вы обѣщаете прислать замѣчанія ваши на корни словъ... Я прошу васъ о томъ... Дѣло сіе сколько ново и трудно, столько же и полезно. Я говорю ново, потому что нигдѣ не случалось мнѣ видѣть и читать о томъ»... Эта «новая», «философическая» реформа заключалась въ сведеніи къ одному корню такихъ словъ, какъ нѣмецкія ohr и hör (въ Ge-hör), чрезъ излюбленное средство этимологовъ—мѣну послѣдовательности звуковъ.

«Вотъ, по моему мнѣнію, заключалъ Шишковъ свое наставительное письмо къ Добровскому, на какихъ разсужденіяхъ долженъ основываться этимологическій словарь: тогда онъ не только для своего языка, но и для всѣхъ языковъ вообще, будетъ полезенъ» [1]).

Вѣжливый аббатъ не оставилъ безъ отвѣта откровеніе Шишкова о будущемъ академическомъ словарѣ, какъ корни всѣхъ языковъ сводить къ одному языку. Но отвѣтъ не сохранился. Что отвѣтъ не былъ по сердцу президенту, видно изъ втораго, съ оправданіемъ, письма его къ Добровскому (9-го октября 1820 г.): «... во многомъ различно съ вами думаю; въ словопроизводствѣ не такъ легко доискаться до истины, и потому-то мнѣнія не могутъ быть одинаковы» [2]).

Добровскій могъ только улыбаться въ виду увертываній старика. Узнавъ о новой женитьбѣ дряхлѣющаго деньми этимолога (какъ истинный славянофилъ, хотя и въ 70 лѣтъ, Шишковъ женился на полькѣ, вдовѣ Лобаржевскаго), Добровскій прочелъ отходную начинаніямъ Шишкова въ дружескомъ письмѣ къ своему новому знакомцу изъ Россіи, П. И. Кеппену: «отъ шишковскаго корнесловія нечего ожидать чего-либо путнаго; онъ могъ-бы теперь насладиться супружествомъ и позабыть совсѣмъ свои сухіе корни» [3]).

[1]) Тамъ-же, II. 373; 376—378.

[2]) Тамъ-же, II, 382.

[3]) Отъ 15 дек. 1826. Письма Добровскаго, стр. 679.

Но отходная была пропѣта рано. Съ новымъ, славянскимъ супружествомъ Шишковъ не позабылъ интересовъ «славенскаго» языка, но подошелъ къ нимъ съ иной, практической стороны, и новыми начинаніями своими пріобрѣлъ безспорное право на почетное мѣсто въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія, какъ это увидимъ на своемъ мѣстѣ.

Уклончивый отвѣтъ, какъ отъ Добровскаго, Шишковъ получилъ и отъ другаго новаго члена своей Академіи, Востокова, на просьбу—участвовать въ затѣянныхъ словаряхъ (ср. ниже). Зато, съ какимъ удовольствіемъ Шишковъ долженъ былъ внимать льстивымъ похваламъ юныхъ польскихъ славистовъ и чешскихъ учениковъ Добровскаго, которые не только не возражали противъ проэктированныхъ этимологическихъ бредней президента, но преклонялись предъ ихъ глубиной. Старикъ таялъ отъ восхищенія.

Извѣстный польскій комментаторъ «Русской Правды» (1820), славянофилъ Раковецкій, хваля Шишкова за его «глубокія свѣдѣнія во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ», просилъ для себя его «Этимологическихъ таблицъ»—онѣ-де крайне ему необходимы. Польщенный старикъ широковѣщательно поучаетъ юнаго собрата объ «научныхъ» основаніяхъ своихъ дикихъ таблицъ, какъ выводить колѣна словъ отъ ихъ настоящихъ корней, «чего доселѣ не было ни въ какихъ словопроизводныхъ словаряхъ», хотя, послѣ письма Добровскаго, уже допускалъ, что въ его «Опытѣ» могутъ быть недостатки [1]).

Еще вкрадчивѣе льстили чехи изъ Праги.

«То, что̀ вы изволили замѣтить о употребленіи и пользѣ словопроизводства, пишетъ уже пожилой Юнгманнъ, этотъ чешскій Линде (2 мая 1822), показываетъ, что вы какъ-бы угадали мои мысли. Желалъ-бы я, чтобы всѣ наши соотечественники

---

[1]) Записки и пр. II, 394, 395—397. 10-ые и 20-ые годы нашего столѣтія въ польской наукѣ и литературѣ отмѣчены серьезною любовью къ изученію своего, въ связи съ изученіемъ родственныхъ народовъ, Славянства. Это —время польскаго славянофильства. Славную фалангу дѣятелей этого направленія составляли: Линде, Бандке, Суровецкій (изученіемъ его трудовъ знаменитый Шафарикъ открылъ свою историческую карьеру), Лелевель и др. Подъ вліяніемъ ихъ трудовъ начали свою ученую дѣятельность Раковецкій († 1839), Кухарскій, собравіе общеславянскихъ книгъ котораго, теперь въ имп. Новороссійскомъ университетѣ, есть своего рода краснорѣчивый памятникъ эпохи, недавно только скончавшійся Мацѣёвскій и нѣкоторые другіе.

убѣдились въ сей истинѣ». Къ счастію, родина Добровскаго осталась въ наукѣ при своемъ аббатѣ.

Съ глубокою благодарностью наставлялся «Извѣстіями» «сіятельной» Академіи недавній агентъ Добровскаго въ славянскихъ вопросахъ, юркій Ганка. А въ отвѣтѣ старикъ допоучалъ Ганку, задирая въ то-же время Добровскаго. «Многіе, писалъ Шишковъ, твердятъ о словопроизводствѣ, какъ первѣйшей части грамматики; но никто не вникалъ въ оное до той глубины, до которой опуститься должно, когда хотимъ узнать составъ языка и его нарѣчій». Далѣе, онъ наставлялъ своего поздняго славянскаго ученика, что «славенскій языкъ древнѣйшій и первѣйшій», что нѣмцы и другіе только по пристрастію или упрямству не желаютъ признать того простаго и яснаго факта, что «многія слова ихъ суть вѣтви славянскихъ словъ»[2]).

Итакъ, только на старости лѣтъ, послѣ письменнаго знакомства съ молодыми чешскими славистами, Шишковъ услышалъ похвалу своимъ «упражненіямъ» не отъ однихъ лишь Хвостовыхъ, Пожарскихъ. Умиленный этимъ научнымъ успѣхомъ, старикъ надѣлаетъ теперь всѣхъ своими «Извѣстіями»: предѣлъ ихъ полета не ограничивается «богемцами» (тщетно чехи молятъ его называть ихъ чехами). Въ твердой вѣрѣ, что

---

[2]) Записки и пр. II, 421, 390, 392. Свои «Извѣстія» Шишковъ теперь охотно посылалъ въ Чехію. «Если бы я, пишетъ онъ Добровскому въ 1819 г., зналъ тѣхъ, кои въ сихъ училищахъ (т. е. Чехіи) начальствуютъ и притомъ увѣренъ былъ, что они столько же и наши книги имѣть желаютъ, сколько мы ихъ, то прислалъ бы къ нимъ издав. Рос. Акад. т. наз. Акад. Извѣстія, въ которыхъ о всѣхъ славенскаго языка корняхъ и нарѣчіяхъ разсуждается, и которыя не только богемскому нарѣчію, но, можетъ быть, и нѣмецкому языку могли бы быть полезны. По сіе время сихъ Извѣстій вышло 7 книгъ. Если вы снесетесь о семъ съ господами учеными богемцами, то я не умедлю ихъ прислать» (тамъ же, II, 372). Отношеніе ученѣйшаго Юнгманна (1773—1847) къ упражненіямъ Шишкова тѣмъ менѣе понятно, что движеніе науки о языкѣ на Западѣ было ему ненезнакомо. Еще въ 1819 г. братъ Юнгманна, акушеръ Антонъ, занимался санскритомъ и доказывалъ бытовое родство между жизнью чеховъ, какъ она представлена въ недавно появившемся Любушиномъ Судѣ и старой Индіи. Развѣ горячая привязанность къ Россіи и ко всему русскому говорила въ знаменитомъ лексикографѣ Чехіи... Правда, и всегда недолюбливавшій насъ, русскихъ, Копитаръ разсыпался предъ Шишковымъ, что «Извѣстія» Академіи, съ ихъ «корнесловными истинами», читаются на расхватъ въ вѣнской библіотекѣ (Сухомлинова, Исторія Росс. Акад., VII, 228): но здѣсь былъ его обычный пріемъ—играть легковѣріемъ.

всѣ языки можно вести отъ славянскаго, Шишковъ, въ поученіе этой истинѣ, шлетъ чрезъ русское посольство свои «Извѣстія» «англинскому» народу. «Хотя, вѣщаетъ онъ въ своемъ посланіи въ Royal Society, языки наши различны, однакожъ, вникая глубже въ человѣческое слово, находимъ, что всѣ, даже и самые отдаленнѣйшіе, языки суть нарѣчія или, лучше сказать, дѣти первобытнаго и общаго всѣмъ имъ прародителя, и потому, при всей своей кажущейся разницѣ, имѣютъ хотя и потаенную, но удобнопроницаемую разумомъ взаимную связь и одинакія начала» [1]).

Съ убѣжденіемъ, что онъ, Шишковъ, и обрѣлъ эту связь всѣхъ языковъ міра, подведя ихъ къ славянскому прародителю, т. е. русскому, и что этой истинѣ только недальновидность Добровскихъ стоитъ на пути, сошелъ баснословно-трудолюбивый этимологъ въ могилу...

«Кто намъ, славянамъ, поможетъ въ наукѣ»? съ отчаяніемъ спрашивалъ Добровскій въ 1810 году Копитара, въ виду невзрачности ученыхъ трудовъ славянъ.

Кто-же помогъ намъ отъ этимологіи Шишкова? спросимъ и мы...

Но—помощь была уже давно. Эпоха забавной этимологіи, крупнѣйшимъ представителемъ которой въ исторіи русской науки былъ Шишковъ, доживала свои старческіе годы. Шишковъ писалъ еще массу, Академія издавала массу—но на это никто не обращалъ вниманія, никто не интересовался, не читалъ. Параллельно шумной, но безплодной дѣятельности Академіи, въ Москвѣ давно уже открылась дѣятельность небольшаго кружка людей, тихая, скромная и благотворная, людей настоящей науки. Это—кружокъ, сгруппировавшійся около знаменитаго государственнаго канцлера, гр. Николая Петровича Румянцова.

Эпоха забавной этимологіи Шишкова смѣстилась незамѣтно эпохою науки, эпохою Румянцова.

---

[1]) Записки и пр. II, 403.

ГЛАВА II.

Кружокъ канцлера Румянцова.

.1.

Если-бы русское славяновѣдѣніе первой четверти нынѣшняго столѣтія свое исключительное выраженіе находило въ «похвальныхъ упражненіяхъ» Шишкова и его Академіи: то стороннему наблюдателю того времени оставалось-бы—отчаяваться за будущее русской науки. Но никто въ отчаяніе не приходилъ.

Еще въ 1813 году Уваровъ, воспитанникъ Сперанскаго и будущій преемникъ Шишкова по министерству, весьма опредѣлительно отмѣтилъ научные домыслы старика, какъ бредни. Всѣ уважали въ Шишковѣ его патріотизмъ, честность и любовь къ отечественному слову [1]); но зараженіе его этимо-

[1]) Какъ испытаннаго и краснорѣчиваго патріота, импер. Александръ пригласилъ его занять мѣсто государственнаго секретаря, за ссылкой Сперанскаго, при открытіи войны 12 г., хотя міровоззрѣніе его было слишкомъ далеко отъ образа мыслей государя. Вѣдь Шишковъ серьезно разсказывалъ, что предъ знаменитой войной онъ видѣлъ на небѣ рака и дракона (Записки... I, 152) Государь, естественно въ началѣ склонялся къ Карамзину: онъ, по свидѣтельству Дмитріева, тогда министра, и предназначался на мѣсто Сперанскаго (И. И. Дмитріевъ, Записки 195). Сердечный Шишковъ былъ предпочтенъ одностороннему политику. Но и при своемъ ограниченномъ міровоззрѣніи, честный, прямой Шишковъ могъ понимать вещи, какъ рѣдко кто. Какимъ диссонансомъ въ эпоху грубыхъ идеаловъ зву-

логіей далеко не прошло. Кромѣ Академіи, къ Шишкову примкнули: Пожарскій, Грамматинъ, Анастасевичъ, отчасти Петербургскій университетъ. Какъ ни скудна была русская жизнь силами, но она успѣла выдвинуть противъ Шишкова профилактическія средства, въ лицѣ настоящей филологической науки[1]).

Честь и заслуга первой выработки русскаго славяновѣдѣнія принадлежатъ Москвѣ, тогда какъ Петербургъ былъ штабъ-квартирой шишковской этимологіи да легкаго литературнаго спорта.

Не говоря о массонахъ, свившихъ свое плодотворное гнѣздо въ Москвѣ, съ ихъ глубокими симпатіями къ изученію родной старины, выразившимися въ серьезныхъ историческихъ изданіяхъ, какъ «Вивліоѳика» типографской компаніи Н. Новикова, съ ихъ всегда горячею поддержкою каждаго трудящагося на томъ-же поприщѣ науки[2]), уже въ скромной дѣятельности

чатъ его золотыя слова, сказанныя въ отвѣтъ на упрекъ ему—чего онъ тамъ возится съ какими-то книгами въ Прагѣ, когда кругомъ, въ разгаръ войны съ Наполеономъ, другіе дѣлаютъ себѣ карьеру!... «Ученіе не гремитъ, отвѣчалъ Шишковъ, но оно полезно; война гремитъ, но провались она. Еслибъ истребить всѣхъ ученыхъ.., то бы всѣ люди сдѣлались злыми невѣждами; а еслибъ истребить всѣхъ воиновъ, т. е. страсть къ славѣ и корыстямъ, то бы всѣ люди жили въ тишинѣ». (Записки и пр. I, 384). Какъ карикатуренъ портретъ симпатическаго старца въ изв. «Воспоминаніяхъ» Вигеля: ловкая-де игра въ карты дала ему извѣстность (II, 59)!..

[1]) П. Строевъ, въ ранней юности, увлекся Шишковымъ. Въ «Краткомъ обозрѣніи миѳологіи Славянъ Россійскихъ» (М. 1815), вѣрно объясняя Стрибога Слова о полку, самое слово толкуетъ по-шишковски: «не происходитъ-ли стри отъ прил. строгій, острый, пронзительный»? Но любопытно, что былъ тронутъ шишковизмомъ братъ самого канцлера Румянцова. Припоминая одну изъ своихъ бесѣдъ съ С. П. Румянцовымъ въ 1822 г. объ общей грамматикѣ и происхожденіи языковъ, К. С. Сербиновичъ говоритъ: «графъ между прочимъ утверждалъ, что нашъ вспом. гл. есмь участвуетъ не только въ страдательномъ залогѣ другихъ глаголовъ, но и въ дѣйств., и среднемъ, напр. двигаяй есмь, гдѣ яй перемѣняется на ю, есмь опускается=двигаю; двигаяй есте=двигаете и пр.» (Русская Старина, 1874, т. XI, 60). Этимъ морфологическимъ анализомъ графъ повторялъ одного учителя въ Сольвычегодскѣ, который еще раньше твердилъ, что напр. твор. п. Китаемъ образовался изъ сложенія: кита+ѣмъ, носила—но+сила.. (Отто, Вологод. дирек. учил. до 1830, Журн. мин. н. пр., 1866, т. 132, 90).

[2]) Изъ массы примѣровъ приведемъ одинъ—изъ издающихся теперь. Записокъ извѣст. одесскаго старожила, пок. профессора Н. Н. Мурзакевича, дьяконскаго сына изъ Смоленска (род. 1806). Въ 1804 г. чрезъ Смоленскъ ѣхали за границу изъ Москвы: А. И. Тургеневъ, И. А. Двигубскій, П.

«Московскаго Общества исторіи и древностей», открытаго въ 1804 г., при личномъ участіи импер. Александра, для изданія русскихъ лѣтописей, мы встрѣчаемъ живое научное отношеніе къ Славянству, къ вопросамъ его старины.

Первый предсѣдатель, старикъ-профессоръ Чеботаревъ, уже на лекціяхъ своихъ въ 80-хъ годахъ указывалъ, что славяне «принадлежатъ къ тому великому древу народовъ, отъ котораго, какъ вѣтви, произросли германцы, римляне и греки, что̀ доказывается сравненіемъ ихъ языковъ» [1]). Такія смѣлыя мысли высказывались съ московской каѳедры 100 лѣтъ назадъ! Впрочемъ, и самъ знаменитый Шлецеръ называлъ Чеботарева своимъ руководителемъ.

Руководитель Шлецера въ новомъ Обществѣ сейчасъ-же принялся за сличеніе и изданіе Нестора, а въ 1805 году была объявлена на соисканіе любопытная тема: кто были волохи, насѣвшіе на славянъ придунайскихъ?

Закрытое въ 1810 г., возрожденное въ слѣд. году, Общество открыло «недремлющую дѣятельность», какъ этого, въ не совсѣмъ справедливую укоризну старой дѣятельности Общества, требовалъ новый Уставъ (§ 63).

Проф. Тимковскій, ученикъ Чеботарева, изслѣдуетъ Патерикъ, указывая на «наши сокровищницы, въ коихъ хранятся письменные памятники славянской древности»; Малиновскій, будущій директоръ Моск. архива мин. иностр. дѣлъ, дѣлаетъ «примѣчанія на древніе славянскіе мѣсяцесловы», не безъ цѣны и сегодня.

Въ первомъ засѣданіи 1812 г. былъ одобренъ къ печати для предположенныхъ «Русскихъ Достопамятностей» цѣлый рядъ древнихъ русскихъ памятниковъ, при главномъ участіи профессоровъ Тимковскаго и Каченовскаго. Серія эта открылась

С. Кайсаровъ и Воиновъ, за наукой, и узнали тамъ бѣднаго дьякона, который занимался исторіей роднаго города, отца Мурзакевича. «Алек. Ив. написалъ своему отцу, бывшему директоромъ университета, о любознательномъ клерикѣ, упросилъ помочь ему (діякону) доставкою необходимыхъ книгъ. Тургеневъ, принадлежавшій къ обществу, учрежденному Новиковымъ для распространенія въ отечествѣ полезныхъ знаній, охотно исполнилъ просьбу сына: цѣлая сотня томовъ книгъ исторіи россійской—Татищева, Щербатова, Штриттера, лѣтописи Кенигсбергская, Никоновская, Древняя Вивліоѳика и проч. немедленно безденежно были доставлены». (Русс. Старина, 1887, янв., 17).

[1]) Нилъ Поповъ, Исторія имп. Общ. ист. и древн., М. 1831, I, 41.

(I томъ «Достопамятностей» вышелъ въ 1815 г.) поученіемъ Луки Жидяты, съ любопытными desiderata издателя Тимковскаго.

Высоко ставя изв. церковно-славянскій лексиконъ XVII в. молдованина Берынды, Тимковскій указываетъ, что «желательно, чтобъ кто-нибудь изъ нашихъ соотечественниковъ принялся за сочиненіе новаго словенскаго словаря, или-бы по крайней мѣрѣ дополнилъ и издалъ вновь лексиконъ Берынды». Но онъ вполнѣ понималъ трудность самаго исполненія: «пока не изданы, продолжалъ Тимковскій, еще всѣ древнія словенскія сочиненія критически, до тѣхъ поръ нельзя и ожидать полнаго словенскаго словаря; но, прибавляетъ, станемъ мало-по-малу прокладывать дорогу».

Злоба дня—шумная теорія «славенскаго» языка Шишкова, и Общество спѣшитъ отозваться на нее. Въ засѣданіи 13 марта 1812 оно предложило на соисканіе вопросъ: языкъ Библіи и другихъ памятниковъ, такъ называемый славенскій «въ самомъ ли дѣлѣ есть подлинный коренной языкъ, произведшій столь многія отрасли, или онъ не что иное есть, какъ токмо произведенный, подобно прочимъ?» При утвердительномъ отвѣтѣ на второй пунктъ, соискатель имѣлъ разъяснить: «существуетъ ли еще подлинный славенскій коренной языкъ и гдѣ»?

Вопросъ былъ поставленъ вѣрно и въ извѣстномъ смыслѣ смѣло: фантазіямъ Шишкова сдѣланъ открытый вызовъ; имѣто и имѣлъ быть поставленъ предѣлъ.

Постановка и формулировка вопроса о земной родинѣ «славенскаго» языка, несомнѣнно, принадлежала Каченовскому, хотя объявлялъ тему секретарь Общества, Двигубскій [1]).

.2.

Съ именемъ Каченовскаго соединяется память объ особенно тепломъ предстателѣ интересовъ Славянства и его изученія въ лѣтописяхъ нашей науки и нашего просвѣщенія.

---

[1]) Объ Обществѣ — въ указ. книгѣ Н. А. Попова, 188, 200, 205, 208, 239. Приведемъ и отзывъ о славяно-научномъ направленіи Общества его замѣчательнаго дѣятеля послѣднихъ 30 лѣтъ, знаменитаго московскаго

Каченовскій наслѣдовалъ Чеботареву по каѳедрѣ, послѣдовательно преподавалъ цѣлый циклъ наукъ: филологію, русскую и общую исторію, статистику, а закончилъ свою жизнь первымъ профессоромъ славянской филологіи по университетскому уставу 1835 г. и съ славянской каѳедры прямо сошелъ въ могилу († 1842). Имя знаменитаго профессора-аналитика съ уваженіемъ произноситъ русскій историкъ; еще съ живѣйшею признательностью это имя памятуетъ славистъ.

Разночинецъ, какъ и естественно ожидать, сынъ бѣднаго новороссійскаго грека изъ Архипелага Качіони, воспитанникъ потемкинскаго коллегіума въ Харьковѣ [1]), драгунскій урядникъ, сержантъ, Каченовскій въ 1805 г. является разомъ въ двухъ образахъ, предъ двоякою аудиторіей: предъ обширною, какъ издатель карамзинскаго «Вѣстника Европы», и предъ тѣсною, какъ профессоръ университета. Съ этой минуты, въ теченіи долгихъ лѣтъ, слово — благое просвѣтительное орудіе въ рукахъ умнаго, свѣдущаго и энергическаго Каченовскаго. Остановимся на Каченовскомъ, какъ публицистѣ [2]).

слависта, О. М. Бодянскаго († 1877), ученика Каченовскаго. Обозрѣвая первую дѣятельность Общества, Бодянскій говоритъ: «Стараясь о приведеніи въ ясность рус. исторіи, Общество давно уже сознавало необходимость для вѣрнѣйшаго успѣха въ томъ, сверхъ бытій сосѣднихъ и чужихъ народовъ, соприкасавшихся съ русскими, обращаться преимущественно къ бытіямъ тѣхъ, кто ближе всѣхъ намъ по всему—къ нашимъ соплеменникамъ. Съ этою цѣлью уже съ самаго почти основанія своего, когда помыслы о славянской взаимности были, такъ сказать, еще въ колыбели своей, Общество для перваго своего торжественнаго засѣданія, 13 марта 1812 года, опредѣлило между прочимъ объявить задачу: «О славянскомъ языкѣ», за лучшее рѣшеніе коей присуждало золотую медаль (въ 50 червонцевъ). Въ изданіяхъ же своихъ, время отъ времени, помѣщало статьи съ славянскимъ направленіемъ, показывавшія большее или меньшее знакомство сочинителей съ исторіей и древностями славянъ, каковы гр. А. И. Мусина-Пушкина, митропол. Евгенія, В. Г. Анастасевича и др.» («Записка объ имп. Общ. исторіи и древностей» въ Чтеніяхъ Общества, 1877, кн. III, стр. 4).

[1]) Объ этомъ предтечѣ Харьковскаго университета, о его благомъ и просвѣтительномъ вліяніи на весь Южный Край—интерессныя страницы въ соч. проф. Амф. Лебедева: Историч. розысканія въ южно-русскихъ архивахъ, вып. I, М., 1886. О заботахъ по преподаванію русскаго языка въ коллегіумѣ—любопытна инструкція 1769 года, стр. 60—71.

[2]) О Каченовскомъ, какъ профессорѣ на каѳедрѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, позволимъ себѣ привести два только что явившихся показанія его

Мы видѣли, какъ недвусмысленно, хотя и добродушной, Каченовскій заявилъ себя противникомъ этимологіи Шишкова, его науки: что она сводитъ вопросы дѣйствительной науки на ступень ребяческой игры. Но, оппонируя Академіи, онъ въ тоже время самъ указывалъ ей, какія научные интересы имѣло бы преслѣдовать «сословіе» Шишкова, если бы сбросило съ себя ярмо этимологіи.

Въ «Вѣстникѣ Европы», уже съ первыхъ лѣтъ, мы встрѣчаемся съ статьями по самымъ разнообразнымъ вопросамъ славянскимъ, и научнаго характера, и популярными, оригинальными и переводными. Здѣсь затронуты были интересы литературы, исторіи, этнографіи и языка славянъ[1]).

слушателей: Мурзакевича и знаменитаго романиста Гончарова. «Ученый скептикъ этотъ, говоритъ Мурзакевичъ о 1825 г., такъ обширно развивалъ свой предметъ, что въ цѣлый годъ едва успѣвалъ прочесть введеніе въ русскую исторію и статистику». Но, окончивъ курсъ, Мурзакевичъ снова поступаетъ въ университетъ, чтобы еще слушать «моего любимаго Каченовскаго» (Записки, въ Русск. Старинѣ, 1877, февр. 266, 276). Г. Гончаровъ слушалъ Каченовскаго съ 1831 года, между прочимъ, вмѣстѣ съ Бодянскимъ. Онъ признаетъ, что лекціи были сухи, монотонны, но вспоминаетъ о нихъ съ самою живою признательностью, какъ о необыкновенно богатыхъ своимъ содержаніемъ, всегда излагавшихся съ строгимъ и тонкимъ анализомъ, слушавшихся всегда съ громадною пользою («Вѣстн. Европы», 1887, апрѣль, 503—504).

[1]) Предлагаемъ перечень славянскихъ статей «Вѣстн. Европы». Къ сожалѣнію, полнаго экземпляра мы не имѣли и восполняли «Указателемъ». Полуденскаго (М., 1861)

1805 № 7, Жители области Монтенегро или черногорцы («говорятъ славяно-иллирійскимъ нарѣчіемъ»).

1807 № 11, О трагедіи славено-сербской (Смерть Уроша, въ Будѣ 1798 г., приводятся отрывки, стихами).

1808 № 2, Георгій П. Черный, предводитель сербовъ; № 16, рец. сочин. Евгенія о древностяхъ Вел. Новгорода.

1809. Объ источникахъ для рус. исторіи, издателя (рядъ замѣч. статей, въ нѣсколькихъ №№). О подражаніи византійцамъ, но «разумѣлъ-ли Несторъ самъ по гречески или пользовался готовыми переводами, сказать не можно», что «сочинялъ на языкѣ отечественномъ, т. е. на славянскомъ», что Кириллъ принесъ моравамъ вѣру и искусство писанія, а къ русскимъ, «раньше полудикарямъ», уже позже изъ Константинополя пришло это искусство съ вѣрою, «Азбука, принятая въ Россіи, по видимому не разнится отъ кирилловской, но не извѣстно, точно-ли та самая, которую Кириллъ составилъ для моравовъ и какъ она попала въ Кіевъ, ибо нѣтъ никакихъ слав. рукописей

«Дождемся-ли мы наконецъ, жалуется Каченовскій еще въ 1809 году въ своихъ замѣчательныхъ этюдахъ «Объ источникахъ для русской исторіи», до того, чтобы въ Россіи начали упражняться въ славянской палеографіи, чтобы по руководству Гаттерера и Шепсмана кто-нибудь собралъ славянскія буквы, расположилъ ихъ по хронологическому порядку и

древнѣе русск. лѣтописей», противъ рунъ Дубровскаго. «Какъ-бы то ни было, Несторъ писалъ своими буквами и на своемъ природномъ языкѣ» (№ 3, 201). О матеріалахъ и уставномъ, полууставномъ и скорописномъ письмѣ: уставъ, это—греч. письмо IX в. «Можетъ быть, на стѣнахъ церквей древнихъ есть надписи, кои послужили-бы къ объясненію исторіи письменъ славянскихъ». О библіи Владиміра св., о Реймскомъ евангеліи, Сборникѣ 1046, монетѣ Ярослава, надписи Глѣба. «Желательно, чтсбы списки всѣхъ такихъ рѣдкостей сдѣлались извѣстны ученымъ мужамъ; сего нетерпѣливо желаютъ самые иностранцы .., тогда удобнѣе было-бы открыть истину». О Степенныхъ книгахъ, со всячиною изъ богемскихъ, польскихъ книгъ.

№ 19, Краткая выписка о первобытныхъ народахъ въ Россіи (о литвѣ, семголѣ, летголѣ=латыши, ливы).

№ 22, Объ Аделунговомъ Митридатѣ, (пер.), что «лингвистика»—наука о языкѣ, много способствуетъ къ объясненію начала народовъ, о Гервасѣ, Фатерѣ.

1810 № 53, Краткія свѣдѣнія о Болгаріи.

1811 № 2, Славянская старина (о жупной организаціи древнихъ славянъ, о значеніи слова жупа въ хорватскомъ и чешскомъ и др.).

1811, № 22, Изъясненіе 2 совсѣмъ еще неизвѣстныхъ подлинниковъ на слав. языкѣ—договоровъ Новгорода съ Ганзой. Тамъ-же, Изложеніе споровъ о банномъ строеніи (справки съ ст. слав. языкомъ).

1812, № 3, Замѣчанія на объясненіе 2 грамотъ новгородскихъ; № 8, 9, Отвѣтъ на замѣчанія о новгор. грамотахъ, Шлецера («есть еще другой способъ узнавать древность рукописи, во многихъ случаяхъ гораздо надежнѣйшій—онъ состоитъ въ подчеркѣ письма», что Сборникъ 1046 г. потому къ XIV в.).

1812 № 10, Калайдовича. Задача для рѣшенія: На какомъ языкѣ писана пѣснь о походѣ Игоря—на древнемъ ли славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Св. Писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчіи?

Въ 1813 г. статьи по русской исторіи, изыну издателя, архіеп. Евгенія, Калайдовича.

1815 № 15, О польскомъ языкѣ, Снядецкаго; № 21, 22, Замѣчанія о языкахъ богемскомъ, польскомъ и нынѣшнемъ россійскомъ, Бандке (переводъ, съ примѣчаніями и поправками издателя: «дай Боже, чтобы слав. богослужебный языкъ, какъ — древнѣйшій извѣстный намъ источникъ, былъ изучаемъ всѣми славянскими народами»). Тамъ-же: О преимуществахъ, изящности и богатствѣ языка санскритскаго (съ франц., съ примѣчаніями издателя, что

показалъ намъ начертаніе каждаго вѣка въ сравнительныхъ таблицахъ! Нѣмцы, французы, англичане, итальянцы, давно уже оставили такія таблицы: для чего у насъ никто о нихъ не позаботится? Наша словесность можетъ почти отъ самаго своего начала выставить памятники письма» (103).

одинъ полякъ работаетъ «надъ изслѣдованіемъ сходства между языками слав. происхожденія и санскритскимъ»).

1816 № 2, Славянинъ и Славячка Добровскаго; № 7 О пѣснях славянъ при собираніи токайскаго винограда; № 19, О слав. языкѣ вообще и въ особенности церковномъ, издателя (что всѣ слав. языки суть нарѣчія коренного, нынѣ намъ неизвѣстного, слѣд. и церковно-слав. языкъ нарѣчіе, именно сербское; въ концѣ выписки изъ «Плутарха» серба Іоанна Вукослава, что въ Будѣ въ 1808 г.).

1817 № 9, Нѣсколько словъ о черногорцахъ, Маркова; № 11, Историческій взглядъ на грамматики слав. нарѣчій, издателя (чешскаго, польскаго языковъ, грамматика Зизанія, что «законодатели языка появляются въ народѣ, уже обогатившемся многими познаніями, знакомомъ съ выгодами просвѣщенія»); № 21, Поясненіе названій нѣмецкихъ городовъ, которые прежде были славянскими (переводъ); №. 22, О нѣмецко-сербскомъ словарѣ 1790 года, издателя (на примѣрахъ разность между древнимъ сербскимъ нарѣчіемъ и нынѣшнимъ).

1818, № 4, О древнихъ слав. названіяхъ мѣсяцевъ (изъ Добровскаго); № 22, Остатки слав. баснословія въ Бѣлоруссіи.

1819, № 14, О церковно-слав. книгахъ, изданныхъ въ Краковѣ, въ XV в., Калайдовича; № 19, Нѣчто о Велесѣ.

1820, № 3, Выписка изъ разсужденія г. Востокова о славянскомъ языкѣ; № 15, О сербскихъ народныхъ пѣсняхъ; № 18, Извлеченіе изъ плана путешествія по Россіи для отысканія древностей славянскихъ, Ходаковскаго.

1821, № 16, О торжественномъ обрядѣ примиренія у черногорцевъ; О богемской литературѣ (съ польск.).

1822, № 1, 2, Памятники росс. словесности XII в., издателя (противъ авторства Кирилла: «списывалъ готовыя слова древнихъ святителей для современ. князя»); № 4, О чернигов. гривнѣ (и въ др. №-ахъ); № 11, Въ защиту Кирилла, Калайдовича; № 11, Замѣчанія на таблицы Филистри, Погодина (противъ мысли, что славяне потомки мидянъ, что санскритъ къ славянскому, какъ славянскій: къ русскому); Нѣчто объ Опытѣ ист. росс. слов. Греча (словарь, не исторія, противъ наивнаго взгляда объ оригинальности русс. языка, что синтаксисъ по греческому образцу).

1823, О происхожденіи русс. языка, Фатера (перев.); № 9, Славянскія пѣсни; № 10, Письмо отъ сербскаго литератора, Вука Стефановича (о сербскомъ языкѣ); № 13, Нѣчто о прош. временахъ глаголовъ въ языкахъ ц. слав. и русскомъ, Ив. Калайдовича.

1824, № 22, Записки о путешествіи по славянскихъ землямъ (о языкѣ

Съ Добровскимъ познакомилъ Россію Каченовскій. Зарождавшееся литературное движеніе среди сербовъ австрійскихъ находило сочувственный откликъ на страницахъ «Вѣстника». Первыя изданія по сербской этнографіи Вука Караджича были встрѣчаемы привѣтливо Каченовскимъ.

въ Далмаціи); № 24, О старинной слав. рукописи Хроники далматской (объ статьи изв. каноника Бобровскаго).

1825, № 4, Краткая выписка изъ путешествія по Верхн. Лузаціи, Бобровскаго (перев., съ примѣч. издателя, что «эти извѣстія о языкѣ и словесности лузатскихъ вендовъ для насъ совершенно новы»); № 18, О трудахъ Шлецера и Тунманна, Зубарева, № 19, О важности арабскихъ писателей.

1826, № 3, О язык. религіи древней Польши, Бандке (съ филологич. поправками издателя, что напр. xiądz и xiądże одно); № 4, Сербскія преданія и повѣрья (изъ Словаря Вука); № 13, О народн. пѣснях̣ъ славянъ, Бродзиньскаго (перев., съ дополненіями о сербскихъ пѣсняхъ Вука, словацкихъ — Шафарика); № 15 и др., Историч. справки объ Г. Екзархѣ Болгар., издателя (что Екзархъ—«небывалый» писатель, на основаніи главн. обр. замѣчаній Добровскаго); Нѣсколько словъ особенныхъ, Макарова (аланный пивной, волога ѣда; издатель первое слово сравниваетъ съ кранинскимъ o l, v o l).

1827, № 1, О незнаніи слав. книжнаго языка въ Далмаціи, кан. Бобровскаго; №№ 14—18, Описаніе сербскаго народа (по Вуку).

1828, нѣсколько этнографическихъ статеекъ; въ № 13 любопытна статья издателя, съ выпискою, о кунахъ; № 14, О Русской Правдѣ, О монетномъ дѣлѣ.

1829, №№ 7, 8, Правительство и судилища въ Сербіи (по Вукову Милошу); № 7, Нѣсколько народныхъ пѣсенъ, извѣстныхъ за Днѣпромъ и въ Галиціи, Ходаковскаго; № 12, Которое изъ слав. нарѣчій можно назвать самымъ чистымъ? («Изъ всѣхъ слав нарѣчій русскій языкъ будетъ лучшимъ, не смотря на то, что онъ въ сравнит. степеняхъ не совсѣмъ гибокъ»).

1830, № 4, рец. на изв. Опытъ К. Экономида о сродствѣ слав. и греч. (переводъ). (Сердечный привѣтъ труду и признательность Академіи Шишкова: «розысканія филологическія и сравнительное изученіе языковъ издавна представляли обширное поле размышленій для философа, равно какъ и для изслѣдователя Всеобщей Исторіи; скажемъ болѣе—изученіе послѣдней всегда имѣло и будетъ имѣть въ наукѣ Этимологіи подругу себѣ, необходимую и неразлучную»). Переводилъ, вѣроятно, самъ издатель, въ концѣ примѣчанія. № 8, Взглядъ на россійскія лѣтописи въ филологическомъ отношеніи, Ѳ. Косцѣши (псевдонимъ издателя?). (Лѣтописный языкъ «по различію времени и мѣста болѣе или менѣе разнообразный, не подвергался еще особымъ филологич. изслѣдованіямъ», что языкъ народа «сохранилъ много такихъ словъ и выраженій, которыми можно воспользоваться при объясненіи лѣтописей», что «будемъ пока трудиться, питаясь лестною надеждою имѣть нѣкогда и въ нашемъ отечествѣ своего Лин-

Какъ органъ именно научно-славянскаго направленія, рекомендовалъ Каченовскій свой журналъ русской публикѣ. «Вниманіе редактора, говорилъ онъ въ программѣ 1818 г., и впредь будетъ направляемо на предметы, любезные патріоту — на исторію россійскаго и родственныхъ ему языковъ, на дѣянія и обычаи народовъ славянскихъ». Эти задачи журнала стеоретипно указывались въ объявленіяхъ объ изданіи послѣдующихъ годовъ.

Помѣщая въ январѣ 1816 г. сочувственный отчетъ объ альманахахъ Добровскаго «Славянинъ» и «Славянка», Каченовскій замѣчаетъ: «у насъ до сихъ поръ мало думано о томъ, сколь близкое имѣютъ родство съ нашимъ языкомъ многіе другіе, употребляемые, какъ внутри отечества, такъ и внѣ предѣловъ онаго на великомъ пространствѣ Европы, и сколь великую пользу пріобрѣло-бы отечественное знаніе, когда бы мы обратили вниманіе свое на составъ разныхъ славянскихъ нарѣчій, на образованіе ихъ и взаимныя отношенія между ними». Теорія Добровскаго о сербскомъ происхожденіи языка нашей церкви нашли ревностнаго распространителя въ «Вѣстникѣ» Каченовскаго.

Въ то время какъ Шишковъ декламировалъ о «славенскомъ» языкѣ и откровенно признавался, что развѣ могъ онъ «одинъ прочитать всю громаду книгъ не токмо славенскихъ, но

де»). Въ томъ-же № польское объявленіе о журналѣ: «Bałamut Petersburski». № 12, рец. Бантыша Каменскаго Исторіи Малой Россіи («займетъ почетное мѣсто даже въ хранилищахъ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ и преимущественно племенъ славянскаго происхожденія»). № 13, О первой Псалтыри Невѣжи Тимоѳеева, Снегирева; любопытныя «Литературныя привязки» къ указ. статьѣ Косцѣши. № 14, Праздники, забавы въ Новогрудскомъ повѣтѣ, Мухлинскаго (перев.). № 15, 16, О скудости и сомнительности происшествій перваго вѣка нашей исторіи, издателя (вымышленность походовъ русовъ, подложность договоровъ и пр.); Праздники, забавы и пр. Мухлинскаго (окончаніе); Замѣчанія на литерат. привязки, Косцѣши (о значеніи Остромира, Изборниковъ для исторіи русскаго языка). № 21, 22, Литературныя привязки (объясненіе нѣкоторыхъ юридическихъ терминовъ и словъ въ Судебникѣ Казиміра помощью славянскихъ нарѣчій).

Съ 1831 г. «Вѣстникъ Европы» болѣе не выходилъ: «...бьетъ послѣдній часъ... умираю», объявилъ Каченовскій въ заключеніе послѣдней книжки 1830 года.

и на тѣхъ языкахъ, которые отъ славенскаго происходятъ» (а ихъ на дѣлѣ было довольно мало, вспомнимъ хоть сѣтованіе Добровскаго) и декламировалъ до конца дней своихъ [1]). Каченовскій говорилъ о томъ-же загадочномъ языкѣ съ осторожностью человѣка науки, внимательно слѣдилъ за литературными произведеніями славянъ и изучалъ. Одинъ только учитель Копитаръ такъ восторженно встрѣчалъ литературныхъ первенцовъ своего даровитаго сербскаго ученика, Вука Караджича, какъ принималъ ихъ Каченовскій на страницахъ своего журнала.

«Между славянскими племенами, говорилъ Каченовскій въ 1809 году, употребляется множество нарѣчій: русское, польское, богемское... Славянскій языкъ есть отецъ всѣхъ сихъ нарѣчій, изъ которыхъ каждое особливо болѣе имѣетъ сходства съ нимъ, нежели взаимно между собою. О нашемъ славянскомъ можно сказать, что нѣкогда онъ одинъ былъ въ употребленіи. Но кто докажетъ, когда именно и какъ онъ раздѣлился на разныя нарѣчія? Когда изъ древняго славянскаго языка образовался русскій? Есть слѣды, по которымъ видно, что русскій и польскій языки имѣли больше сходства между собою, нежели нынѣ» («Объ источникахъ...», 109). Въ языкѣ нашей церкви Каченовскій видѣлъ дорогой органъ объединенія славянъ различнаго языка: «отечество наше весьма счастливо, что богослуженіе отправляется въ немъ на языкѣ, понятномъ даже для поселянина, который, какимъ-бы нарѣчіемъ ни говорилъ, все можетъ разумѣть старинный языкъ славянскій» (тамъ-же, 108).

«Кто хочетъ узнать короче нравы, обычаи и почти все, что составляетъ національность или относительные признаки цѣлаго народа, тотъ, говоритъ Каченовскій, внимательно читай или слушай его пѣсни, тѣ пѣсни, которыя переходятъ изъ устъ въ уста, передаются отъ предковъ къ потомкамъ. Сербы намъ не чужіе люди. Сербы и народъ историческій—они имѣли политическое бытіе, оставивши драгоцѣнныя воспоминанія для потомства» (В. Евр. 1820).

---

[1]) Записки и пр. II, 39.—15-го іюля 1829 г. Погодинъ пишетъ своему другу, Шевыреву, изъ Ромснъ: «познакомился я еще покороче съ Шишковымъ, который здѣсь на водахъ. Очень любопытно слышать этого 90-лѣтняго старца, который съ жаромъ юноши (курс. подл.) говоритъ о славянскомъ языкѣ». (Русскій Архивъ, 1882, V, 96).

Вполнѣ естественно, если не всѣ славянскія статьи, особенно, если онѣ выходили изъ области спеціальныхъ интересовъ редактора — исторіи, отличались выдержанностью, и требовательные современники иногда очень строго относились къ Каченовскому. «Прочтите, пишетъ 6 іюля 1817 года знаменитый іерархъ Евгеній своему петербургскому другу, Анастасевичу, въ Вѣстникѣ Европы № 11 Каченовскаго историческій взглядъ на грамматики славянскихъ нарѣчій. Вы-бы болѣе объ этомъ написать могли, да и я-бы иное могъ прибавить и поправить». Но Евгеній умѣлъ различать исполненіе отъ самаго намѣренія, и заботы Каченовскаго находили въ немъ глубокаго чтителя. «Но, продолжалъ Евгеній, къ готовому легче придумывать. Похвально, по крайней мѣрѣ, что онъ исполняетъ давнее ваше желаніе — пользоваться намъ замѣчаніями заднѣпровскихъ и задунайскихъ славянъ» [1]).

Усилія энергическаго московскаго профессора вскрыть предъ русскимъ обществомъ интересы славяноизученія, невѣдомое его національному сознанію Славянство, открыть ему народы его языка—«на великомъ пространствѣ Европы», нашли свое лучшее признаніе въ великомъ патріотическомъ дѣятелѣ того времени, канцл. Румянцовѣ (съ которымъ мы познакомимся ниже).

«Возвращая къ вамъ письмо г. Каченовскаго, пишетъ 21 окт. 1818 г. знаменитый совѣтникъ имп. Александра лучшей эпохи изв. Малиновскому въ Москву, не могу воздержаться—не сообщить вамъ новаго желанія видѣть въ его журналѣ, *котораго ни съ какими нынѣ появляющимися журналами не сравниваю*, рецензію одной диссертаціи...». Въ другомъ письмѣ канцлеръ сердечно признается въ своемъ «особомъ уваженіи и пристрастіи» къ «Вѣстнику Европы», какъ его «приверженный чтецъ» [2]).

---

[1]) Древн. и Нов. Россія, 1880, т. 18, 638. Въ письмѣ отъ 10 сент. 1822 г. къ канцл. Румянцову Евгеній передаетъ невыгодный отзывъ польск. журналовъ, что Каченовскій переводитъ «часто не въ-попадъ и ошибается». (Переписка митр. Евгенія съ гос. канц. Румянцовымъ, Воронежъ, 1870, 62).

[2]) Переписка гос. канцлера гр. Н. П. Румянцова съ моск. учеными, въ Чтеніяхъ моск. Общ. ист. и древн., 1882, I, стр. 92, 103, 144. Ниже этою драгоцѣнною перепискою мы будемъ пользоваться особенно часто, и для краткости обозначаемъ: Переписка Румянцова. Замѣтимъ только, что она могла быть издана нарядней.

Но, помимо кружка ученыхъ людей обѣихъ столицъ, и въ провинціальной глуши славянолюбивыя заботы Каченовскаго оказали кое-какое дѣйствіе, кое-какія свѣдѣнія о Славянствѣ прокрались и въ нее.

Въ 1819 году явилось въ Кіевѣ массонское общество съ прелюбопытнымъ именемъ: Бѣдные Славяне. Въ немъ были русскіе и только отчасти поляки. Его подозрѣвали въ революціонныхъ цѣляхъ. Но, къ сожалѣнію, обстоятельныхъ свѣдѣній объ этихъ славянофильскихъ массонахъ не имѣемъ. Но въ другомъ обществѣ съ славянскимъ характеромъ, политическомъ, а не массонскомъ, можно видѣть слѣды славянской журнальной дѣятельности Каченовскаго.

Въ 1825 году въ ничтожномъ Васильковѣ молодыми офицерами было образовано политическое общество, съ громкимъ именемъ: Соединенные Славяне. Его цѣлью было—не болѣе, не менѣе, какъ соединеніе всѣхъ славянъ въ федераціи. Въ эту федерацію должны были войти слѣд. восемь славянскихъ земель-народовъ, въ качествѣ полноправныхъ членовъ: 1) Россія, 2) Польша, 3) Богемія, 4) Моравія, 5) Далмація, 6) Кроація, 7) Венгрія съ Трансильваніей и 8) Сербія съ Молдо-Валахіей[1]). Конечно, провинціальные ученики славянскаго проповѣдника въ Москвѣ обнаруживали нѣкоторую путанность своихъ этнографическихъ и историческихъ свѣдѣній. Но удивляться этому мы не будемъ: для насъ важенъ заявленный интересъ ко всему Славянству. Трудолюбивый авторъ «Исторіи царствованія имп. Александра I» сомнѣвается въ справедливости заявленія руководителей «Соединенныхъ Славянъ» о ихъ связяхъ съ славянами внѣ Россіи [2]): но противъ него говоритъ то, что австрійская полиція была сильно встревожена извѣстными событіями 1825 г. и уже очень рано заботливо слѣдила за пражскими патріотами, заподозрѣвъ ихъ, и не наобумъ, въ сношеніяхъ съ русскими обществами[3]).

---

[1]) Богдановичъ, Исторія царст. имп. Александра и Россіи въ его время, т. VI, 410, 480.

[2]) VI, 479.

[3]) «Уже тогда (до 1825), свидѣтельствуетъ современникъ, осторожный чешскій патріотъ, мечтали о соблазнительной идеѣ великой славянской федераціи, которая, какъ извѣстно, вскормлена была русскими тайными обществами... Эти русскія стремленія были хорошо извѣстны въ Чехіи,

Вѣроятно, практическій Булгаринъ не безъ мысли о конкурренціи съ московскимъ публицистомъ сталъ издавать въ Петербургѣ «Сѣверный Архивъ», посвящая его интересамъ славяно-русской исторіи, впрочемъ, съ особыми, приноровительными цѣлями. Извѣстна его лихорадочная дѣятельность по снаряженію польскаго историка Лелевеля на Карамзина для страницъ Архива — отношеніе, увѣковѣченное позже мѣткимъ словомъ Пушкина: «вольно собакѣ и на владыку лаять» [1]).

Если великій поэтъ въ началѣ такъ зло преслѣдовалъ Каченовскаго, обзывая его «курилкой журналистомъ», журналъ его «вонючею лучинкой», гдѣ «и старый вздоръ, и вздорная новинка»; то позже онъ понялъ свое увлеченіе и въ стѣнахъ аудиторіи торжественно заключилъ миръ съ знаменитымъ публицистомъ [2]).

Въ томъ же славянолюбивомъ направленіи дѣйствовалъ Каченовскій и какъ членъ университета.

Когда въ 1811 г. Разумовскій, другъ Каченовскаго, изъ попечителей Московскаго университета сталъ министромъ народнаго просвѣщенія и тогда-же основалъ при старѣйшемъ университетѣ «катедру славянской словесности» затѣмъ, чтобы «ознакомить учащихся со всѣми вообще славянскими книгами, съ показаніемъ соотношенія россійскаго языка къ славянскому и происхожденія его изъ славянскаго»: то едва-ли можно сомнѣваться—кто былъ духовнымъ виновникомъ этого нововведенія? И мысль о славянской «катедрѣ», и опредѣленіе ея задачъ, могли принадлежать одному Каченовскому. Можно только пожалѣть, что виновникъ первой славянской каѳедры въ первомъ

и возбуждали у горячихъ людей преждевременныя, ничѣмъ не поддерживаемыя надежды» (Jakub Malý, Zpomínky a úvahy starého vlastence, Praha, 1872, 49). Еще любопытнѣе свидѣтельство другаго современника, Челаковскаго. Уже въ 1822 г. Вѣна неспокойна: «дворъ, пишетъ онъ другу Камариту 12-го янв. 1822 г., видитъ одни заговоры, одни русскія сообщества». Тоже въ письмѣ 11 сент. 1824: «Ганка былъ уже допрашиваемъ въ полиціи о заднѣпрянахъ, яко-бы онъ основалъ какія то тайныя связи съ ними». Даже самая «программа Соедин. Славянъ» сообщена въ письмѣ Челаковскаго 1826 г. (Čelakovský, Sebrané listy, стр. 78, 165, 193).

[1]) Объ ополченіи Булгарина на Карамзина—его письма къ Лелевелю въ «Bibliot. Warszawska», 1877, II. Въ письмѣ къ Дельвигу 1827 г., VII, 195.

[2]) Письмо Пушкина къ женѣ, 1832, VII, 308. Ср. VI 259. Справедливость подробностей подтверждается воспоминаніями г. Гончарова (Вѣстн. Евр. 1887, апрѣль, 502.

русскомъ университетѣ не занялъ ея самъ, подобно тому, какъ это онъ сдѣлалъ спустя 1/4 в., будучи уже ветхій деньми, а предоставилъ ее дряхлому эстетику Гаврилову, Славянства совсѣмъ чуждому. Правда, попечитель Кутузовъ заслугу открытія славянской каѳедры вмѣнялъ едино себѣ: «учредилъ новую, доселѣ не существовавшую, необходимо нужную и полезную, катедру славянскаго языка», говорилъ онъ о себѣ въ своей оффиціальной автобіографіи тогда-же. Тоже онъ повторялъ и въ своемъ письмѣ къ министру съ благодарностью за славянскую каѳедру: «долгомъ почитаю принести в. с-ву всенижайшую благодарность за утвержденіе мнѣ представленія объ учрежденіи катедры славянскаго языка». Но, конечно, Кутузовъ былъ простою передаточною инстанціей, по своему же обычаю хвалился, «весьма къ самодѣйствію стремящійся», какъ объяснялъ его общій другъ, Поздѣевъ, въ письмѣ къ Разумовскому. Отмѣтимъ и одну любопытную черту въ исторіи открытія «нужной» славянской каѳедры въ Москвѣ, такъ любезно утвержденной мин. Разумовскимъ — различный пріемъ ея у товарищей Каченовскаго—русскихъ и иностранцевъ: одни встрѣтили любовью, другіе — протестомъ противъ уставонарушительнаго дѣйствія министра. По донесенію Кутузова, открытіе каѳедры «произвело пріятнѣйшее впечатлѣніе во всѣхъ нашихъ русскихъ профессорахъ, такъ что въ совѣтѣ всѣ изъявили и радость, и благодарность в. с. за таковое патріотическое постановленіе». «Но не скрою и того, продолжалъ попечитель, что нѣмцы всѣ молчали и хранили благопристойность; единый г. Буле возопіялъ громко: «это не въ порядкѣ, не по уставу. Сей статьи и катедры тамъ нѣтъ, а уставъ высочайше утвержденъ и самъ министръ не имѣетъ права сего сдѣлать въ отмѣну устава», крайне горячился, кричалъ и побуждалъ другихъ быть съ нимъ одного мнѣнія»[1]).

По воспоминаніямъ Мурзакевича, славянскія лекціи Гаврилова заключались (1825—28 г.) въ чтеніи славянской псалтыри и въ восхищеніи отдѣльными мѣстами ея. Естественно, если всѣ бѣгали отъ науки Гаврилова. Въ 1829 г. умеръ этотъ невольникъ-славистъ, въ порядкѣ времени—первый славянскій проф. въ Россіи[2]).

Такимъ образомъ, ранняя спеціальная каѳедра славянскаго языка Каченовскаго не привилась: она не принесла добрыхъ плодовъ, напротивъ, могла лишь убить среди пытливой молодежи вся-

[1]) Письма Кутузова, Поздѣева—Васильчикову, Семейство Разумовскихъ, II, 361, 487, 349.

[2]) Гавриловъ могъ помнить завѣтъ Магницкаго Казан. университету: «красоты языка славянскаго и критическій разборъ свящ. писателей должны быть главнымъ его (профессора росс. словесности) занятіемъ. Величайшіе образцы всѣхъ благороднѣйшихъ родовъ истиннаго краснорѣчія покажетъ онъ въ Библіи...» (Сборникъ постановл. по мин. н. пр., I, 1332). Прибавимъ, что отецъ Магницкаго, Леонтій, управляя Моск. синодальной типогр. повторой 1814—1816 г., дѣлалъ всякія препятствія Румянцову въ пользованіи славянскими рукописями.

кую симпатію къ великому языку св. Кирилла. Первый представитель каѳедры похоронилъ ее съ собою. Но похороненные интересы университетскаго славяноизученія воскресли сейчасъ же, лишь подъ инымъ знаменемъ.

Черезъ годъ послѣ Гаврилова умеръ знаменитый словесникъ, Мерзляковъ — лѣт. 1830 г. Уже въ ноябрѣ. книжкѣ «Вѣстн. Евр.» появилась программа для конкурса на осиротѣлую моск. каѳедру, согласно § 60 Уст. 1804 г. Ищущій «катедру краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго» имѣлъ показать: касательно языка россійскаго a) стихійныя начала его, сродство въ коренныхъ словахъ съ древними языками и законы этимологическихъ измѣненій; b) отношенія къ нему языковъ славинскаго происхожденія, прежде установившихся и получившихъ постоянныя формы, и именно—церковнаго, богемскаго и польскаго; c) отношенія къ тому же языку россійскому нарѣчій областныхъ, преимущественно литовско-русскаго и юго-русскаго». Уже на второмъ мѣстѣ поставлены условія почасти «краснорѣчія и стихотворства».

Говорить-ли, подъ чей внушительный диктантъ формулированы были эти условія университетскаго конкурса, въ которыхъ впервые на главное мѣсто, вопреки уставу и преданію, отнесены были требованія настоящей науки русскаго языка?... Голосъ Каченовскаго ясно звучитъ... Какъ мало похожъ былъ московскій профессоръ Каченовскаго на еще свѣжій идеалъ Магницкаго...

Наконецъ, популяризаторъ славянскихъ научныхъ идей Добровскаго въ Россіи, ревнивый чтитель этнографическихъ трудовъ Вука, только Каченовскій могъ подать мысль университету, который въ то время вѣдалъ учебнымъ дѣломъ въ центральныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ, предписать своимъ народнымъ школамъ — заняться русской этнографіей, именно, областною рѣчью.

Въ 1819 г. послѣдовало отъ университета распоряженіе по Волог. губ.—заняться собраніемъ словъ по уѣздамъ. Какъ ни слабы могли быть труды бѣдныхъ этнографовъ по указу, уѣздныхъ смотрителей; но ихъ собранія словъ вошли въ Академ. Словарь 1852 г. Впрочемъ, не невѣроятно, что своимъ мыслямъ объ областномъ изученіи русской земли, о чемъ не одинъ разъ говорилъ «Вѣстникъ Европы», Каченовскій находилъ поддержку въ товарищѣ-піитѣ, Мерзляковѣ, родомъ изъ крестьянъ. Если Каченовскій уже очень рано приглашалъ своихъ слушателей въ деревнѣ записывать названія урочищъ и особенно обращать вниманіе на курганы, городища, то Мерзляковъ указывалъ имъ тогда-же на народную пѣсню, прислушиваться и записывать пѣсни: «въ нихъ, говорилъ онъ, вы услышите много народнаго горя»[1]).

[1]) О собраніи словъ—Н. Отто, ор. с. Ж. м. н. пр., 1866, 132, 61, 63. Сольвычегодскій смотритель доносилъ, что «въ уѣздѣ есть замѣчательныя мѣста по Двинѣ, на Пинегѣ, куда если-бъ заглянуть, то нашлось-бы, навѣрное, много особенныхъ нарѣчій и значительныхъ словъ» (т.-же, 63). Что смотритель говорилъ

Такимъ образомъ, съ именемъ Московскаго университета соединяется первая попытка введенія задачъ славяновѣдѣнія въ историческое изученіе Россіи, первая попытка выясненія предъ обществомъ, чѣмъ могло быть полезно для интересовъ отечественнаго просвѣщенія изученіе Славянства, первая попытка дать славяновѣдѣнію самостоятельное мѣсто въ университетскомъ преподаваніи и опредѣлительно указать его инструктивное значеніе для исторіи роднаго языка.

Безъ шума шумной академіи Шишкова, съ ея богатыми матеріальными средствами, съ ея щедрыми членскими «дарами», съ ея пестрыми затѣями, дѣлалось дѣло. Если на сѣверѣ Академія—это былъ Шишковъ, то въ Москвѣ главнымъ нервомъ дѣятельности университета и его науки былъ Каченовскій. Его авторитетъ, его заслуги рано были признаны такими нещедрыми на похвалу современниками, какъ ревнивый канцлеръ Румянцовъ, и рано установился у старика обычай — одинъ изъ первыхъ экземпляровъ своихъ изданій назначать московскому ученому. «Графъ Николай Петровичъ, пишетъ въ іюнѣ 1819 г. Малиновскому изъ Петербурга Ив. Нестеровичъ, въ письмѣ своемъ отъ 16 текущаго мѣсяца изъ Гомеля изволилъ возложить на меня порученіе одинъ экземпляръ Слова о полку Игоревѣ препроводить къ в. пр—ву и просить

правду, показали позднѣйшіе труды по сѣверному нарѣчію (огонь, бучень пчела, галъ верхъ и пр.). О Мерзлякове—Чистяковъ въ Рус. Старинѣ 1871, IV, 167. Прибавимъ о Мерзлякове изъ его рѣчи на актѣ въ 1814 г.: «О, какихъ сокровищъ мы себя лишаемъ! Собирая древности чуждыя, не хотимъ заняться тѣми памятниками, которые оставили знаменитые предки наши! Въ русскихъ пѣсняхъ мы бы увидѣли русскіе нравы и чувства, русскую правду, русскую доблесть! Въ нихъ бы полюбили себя снова, и не постыдились такъ назыв. первобытнаго своего варварства. Но пѣсни наши время отъ времени теряются, смѣшиваются, искажаются и наконецъ совсѣмъ уступятъ блестящимъ бездѣлкамъ иноземныхъ трубадуровъ. Неужели мы не увидимъ ничего болѣе подобнаго несравненной пѣсни Игорю»? (Рус. Стар. 1879, I, 130).—Любили народную рѣчь, областную этнографію, и Сперанскій (ср. его дневникъ въ Сибири), и Румянцовъ, который, какъ-бы желая снять упрекъ Мерзлякова, тогда-же занялся народною поэзіей, какъ увидимъ ниже. «Продолжайте, писалъ канцлеръ и въ 1818 г. В. Н. Берху въ Пермь, также меня одолжая, отыскивать и присылать ко мнѣ историческія народныя пѣсни, которыя въ нашемъ краю еще уцѣлѣли» (Лѣтопись занятій археограф. комиссіи, VI, II, 148).

васъ покорнѣйше о принятіи на себя труда доставить оный отъ имени графа М. Тр. Каченовскому, коего труды и заслуги для отечественной исторіи и словесности графъ премного уважаетъ»[1]). Съ этимъ яркимъ представителемъ только что усыновленной Новороссіи, бѣднякомъ Каченовскимъ, объ руку идутъ его товарищи-соратники: полтавецъ Тимковскій, изъ сербскихъ выходцевъ Елисаветграда Калайдовичъ, поповичъ Малиновскій—и все это питомцы славнаго историческаго гнѣзда русской науки, дѣти нужды и труда.

Духомъ научной атмосферы того-же высокаго университета были исполнены и другіе дѣятели русскаго просвѣщенія. Вспомнимъ глубоко-образованныхъ братьевъ Тургеневыхъ, Александра и Николая, изъ массонской, близкой къ университету семьи, ихъ друга, пылкаго Кайсарова, Строева, на университетской семьѣ уже издавшаго очеркъ славянской миѳологіи.

Значительное число этихъ дѣятелей вошло въ составъ формировавшагося Румянцовскаго кружка, образовали его первый, московскій контингентъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ, и что̀ необходимо должно было послѣдовать.

Если Карамзинъ держалъ себя нѣсколько гордо, чуждаясь освѣжительной струи Московскаго университета, съ его мыслями о Славянствѣ, то едва ли отъ того выиграли его историческія занятія.

Поэтическій лѣтописецъ, Мерзляковъ, имѣлъ все право сказать о своемъ университетѣ, въ его юбилейный день, что онъ

«Столѣтья третію степень
Свершалъ полезно, славно, стройно...»

На вопросъ Мерзлякова —

«Въ пустыняхъ межь звѣрей рожденный,
Сей человѣкъ—кѣмъ онъ найденъ?
Какъ онъ позналъ свой родъ и мету»?

—справедливый отвѣтъ: онъ найденъ Московскимъ университетомъ. Университетъ «сѣялъ сѣмена отрадны» Чеботарева, Каченовскаго...

Въ самомъ дѣлѣ, остановимся на минуту—на упомянутыхъ только что выше Александрѣ Тургеневѣ (1784 — 1845) и его другѣ, Кайсаровѣ († 1812).

---

[1]) См. ниже, Приложенія, II, № 40, изъ Дѣлъ Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, въ Главномъ Моск. Арх. иностр. дѣлъ.

Оба они были не только преданы интересамъ славяновѣдѣнія, интересамъ искапія *своего рода*, но и славистами въ нашемъ, современномъ значеніи, изучавшими Славянство и *на мѣстѣ*, живое, подлинное, а не только то, что въ книгахъ.

Еще молодой человѣкъ, Тургеневъ былъ отправленъ отцомъ-массономъ изъ Москвы въ Геттингенъ, и здѣсь у Шлецера, съ которымъ такъ тѣсно связано имя Чеботарева и университетскаго Общества исторіи, и доучивался, и самъ помогалъ учителю въ вопросахъ славяновѣдѣнія [1]).

Въ 1844 году, уже на порогѣ смерти, вспоминая свои молодые годы, проведенные за изученіемъ Славянства, Тургеневъ изъ Парижа писалъ К. Сербиновичу въ Петербургъ: «Поблагодарите Старчевскаго за статью [2]); но я желалъ-бы кое-что оговорить въ примѣчаніи—нѣкоторые изъ актовъ на англійскомъ языкѣ пріобрѣтены не мною, а списаны другомъ моимъ, пок. А. С. Кайсаровымъ... Мы нѣкогда путешествовали вмѣстѣ, учились вмѣстѣ въ Геттингенскомъ университетѣ, *объѣхали славянскія земли* и—разстались: онъ остался въ чужихъ краяхъ, въ Англіи отыскивалъ русскую старину и списалъ нѣсколько актовъ, кои мнѣ достались... Желалъ-бы передать и еще кое-что изъ его бумагъ, *относящихся до славянскихъ древностей*... Онъ былъ одинъ изъ первыхъ славяноФиловъ, и мы вмѣстѣ учились у Шлецера, работали для его «Нестора», вмѣстѣ жили и *собирали рукописи славянскія и книги въ Карловцѣ* у митрополита Стеф. Стратимировича († 1836), коему Шлецеръ посвятилъ одну часть своего «Нестора». Онъ-же издалъ и славянскую миѳологію на нѣмецкомъ, которую нѣмецъ Аллеръ перевелъ и напечаталъ на русскомъ». Упомянувъ, какъ другъ, оставивъ профессуру въ Дерптѣ, погибъ при Бородинѣ отъ взрыва пороховаго ящика, Тургеневъ заключаетъ: «Онъ-же авторъ латинской диссертаціи pro gradu doctoris въ Геттингенѣ: De manumittendis per Russiam servis, которую я поднесъ чрезъ Новосильцева имп. Александру... Бросьте нѣ-

---

[1]) Ср. выше о проѣздѣ Тургенева чрезъ Смоленскъ, съ цѣлымъ сонмомъ молодыхъ людей, за границу, изъ *Записокъ* Мурзакевича.

[2]) Г. Старчевскій помѣстилъ рецензію въ Журн. м. нар. просв., редакторомъ коего былъ Сербиновичъ, на трудъ Тургенева: «Historiae Russiae monumenta»—ч. XLI, VI, 16.

сколько цвѣтковъ на могилу его. Ахъ! нѣтъ—онъ взлетѣлъ на воздухъ; но авось съ нимъ и не вся ученая и патріотическая жизнь его» [1]).

Въ лѣтописяхъ Славяно-русской науки начальнаго періода, въ исторіи развитія славянскихъ интересовъ, имя горячаго слависта, профессора и капитана забвенію не можетъ быть предано и онъ былъ сѣятелемъ науки Московскаго университета...

.3.

Въ Москвѣ, на этой исторической нивѣ русской науки, гдѣ интересы знанія и самопознанія входили уже въ благородное преданіе, въ привычку, естественно, сформировался и знаменитый частный кружокъ науки, правда, отдѣльно отъ университета, но тѣмъ не менѣе главнымъ образомъ изъ членовъ университета или университетскаго историческаго Общества, только позже пополнившійся и въ сѣверной столицѣ, внѣ нешироких предѣловъ распространенія этимологіи Шишкова.

Мы говоримъ о кружкѣ славнаго канцлера въ отставкѣ, гр. Николая Петровича Румянцова, сына екатерининскаго фельдмаршала.

Сначала посланникъ въ Германіи, а позже, въ блестящую эпоху нашей дружбы съ Наполеономъ, послѣ знаменитаго свиданія на историческомъ плоту обоихъ цесарей—Востока и Запада, когда Турція трепетала у ногъ нашихъ, а Прозоровскій набрасывалъ новую карту Задунайской земли, когда Наполеонъ шенбрунскимъ договоромъ дружески приподнесъ намъ Галицію, не безъ труда открывъ намъ тамъ родную, русскую землю, канцлеръ Имперіи, единомышленникъ Сперанскаго и чтитель генія Наполеона, прозрѣвавшій въ немъ вводителя въ міръ новой идеи національности на мѣсто гнетущей силы феодализма — Румянцовъ, какъ и Сперанскій, отъ своихъ современниковъ подвергся одинаковой участи—клеветѣ и прещенію.

---

[1]) Рус. Старина, 1882, май, 449—450. Въ библіотекѣ имп. Новорос. унив. есть изв. книга лужицкаго нѣмца Антона «De lingua russica»... (1809). На оборотѣ обертки подпись: Turgenew. Вѣроятно, Александра Ивановича. Въ «Воспоминаніяхъ» Вигеля Николай Тургеневъ—чванный педантъ, Александръ тщеславный эгоистъ (V, 47—48, II, 211): ясна завистливая рука слабо образованнаго автора.

Люди, отнявшіе у Россіи Сперанскаго, рукоплескавшіе его гибели, съ слѣпою злобою относились и къ канцлеру: тоже изъ наполеоновскихъ-де людей. Тяжкою цѣною купилъ Румянцовъ свое несоотвѣтствіе вкусамъ массы.

Бездарная Саффо Шишкова, дамскій членъ его театральной «Бесѣды любителей русскаго слова», Бунина (1774—1829) и политикой занималась. Предъ началомъ знаменитой войны съ такою откровенностью писала она о Румянцовѣ: «по своимъ способностямъ могъ бы управлять департаментомъ иностранныхъ дѣлъ въ Сенъ-Маринской республикѣ, подлый льстецъ въ добавокъ, душею преданъ былъ всегда Наполеону, ненавидимъ и презрѣнъ всѣми до такой степени, что радовались, когда ему сдѣлался ударъ, отъ котораго ротъ и глаза покривились, жалѣли всѣ, что онъ оправился»...[1]) Бунина была болтливой вѣстовщицей. Но вотъ наступила борьба съ Наполеономъ.

Если въ столицѣ только упражнялись въ злобѣ противъ Румянцова: «если не купленъ Франціею, то изъ единственной въ своемъ родѣ глупости и неспособности», писалъ нѣкто М. Лонгиновъ полумилорду Воронцову въ Лондонъ, въ началѣ сентября [2]),—то въ арміи судили какъ разъ наоборотъ.

Послѣ потери Смоленска, заблуждавшаяся армія сугубо негодовала: на «нѣмца», т. е. главнокомандующаго, Барклая, и на «француза», т. е. канцлера, Румянцова. Какъ всегда бываетъ, обоихъ заподозрѣли въ измѣнѣ.

Въ началѣ августа Барклай былъ смѣненъ. Попытку смѣнить «француза» Румянцова взялъ на себя англійскій генералъ Вильсонъ, проѣзжавшій тогда изъ Константинополя.

22 августа за царскимъ столомъ иностранецъ осмѣлился объяснить «подозрѣнія». Государь мѣнялся нѣсколько разъ въ, лицѣ и, видимо оскорбленный, отвѣчалъ: «но армія заблуждается на счетъ Румянцова; никогда онъ не совѣтовалъ мнѣ покориться Наполеону..., не могу напрасно пожертвовать имъ» [3]).

Съ уваженіемъ относились къ всуе оскорбляемому канцлеру немногіе, совѣстливые современники, но знавшіе его близко;

---

[1]) Русская Старина, 1885, сент., 398.

[2]) Русскій Архивъ, 1882, 2, 177.

[3]) Богдановичъ, Исторія царств. имп. Александра I, III, 276—278.

съ уваженіемъ относилось и будетъ относиться потомство, а съ нимъ исторія русскаго просвѣщенія.

Товарищъ по службѣ, министръ Дмитріевъ, хотя и другъ Карамзина, врага Сперанскаго, но съ полной симпатіей, вспоминаетъ въ своихъ Запискахъ о канцлерѣ, о высотѣ, благородствѣ его характера. «Онъ, разсказываетъ Дмитріевъ о первыхъ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, говорилъ плавно, не ища словъ, съ какимъ-то спокойствіемъ, съ благородною откровенностью; противурѣчилъ хладнокровно, съ возможною вѣжливостью, даже и тому, кто въ выраженіяхъ былъ колокъ. Особенно я любовался гр. Румянцовымъ, когда онъ обращалъ рѣчь свою къ Государю. Никто изъ вельможъ того времени не изъяснялся предъ нимъ такъ искренно, такъ смѣло и съ такою, притомъ, глубокою почтительностью къ августѣйшей особѣ» [1]).

Естественно, если образованный монархъ глубоко уважалъ образованнаго и благороднаго совѣтника, выдѣляя его довольно рѣзко изъ среды другихъ дѣятелей. «Я не могу не питать къ нему, возразилъ Государь смѣлому передатчику мнѣнія арміи за историческимъ обѣдомъ 22 августа, особеннаго уваженія: онъ одинъ никогда ничего не просилъ у меня; всѣ же прочіе безпрестанно добиваются почестей, денегъ и другихъ наградъ» [2]).

Канцлеръ, по своему характеру, былъ живымъ укоромъ царившему своекорыстію; отсюда вся эта злоба, отъ высокочиновнаго и до мелкаго патріота Н. И. Греча, изъ нѣмецкихъ бемчанъ, для котораго тоже Румянцовъ — неспособный болтунъ, не болѣе [3]).

---

[1]) Стр. 128.

[2]) Богдановичъ, Исторія и пр., указ. мѣсто.

[3]) Гречъ Н. И., Записки, Спб. 1886, 265. Достойный товарищъ Булгарина, пронырливый какъ тотумъ, Гречъ въ своихъ Запискахъ являетъ изъ себя судью вселенной, но жалкаго. Все у него по одному шаблону: талантливые, благородные, это—всякіе инородцы на службѣ; малоспособные, лѣнивые, это — русскіе. Сподвижникъ разныхъ эмигрантовъ изъ Германіи, вмѣстѣ съ учителемъ на клавикордахъ взявшійся въ 1812 г. учить насъ патріотизму, Гречъ филиппикой разражается противъ правительства напр. за то, что оно въ 1809 г. пріобрѣло отъ Австріи, благодаря Наполеону, русскую часть Галиціи (стр. 267). Правилъ тогда иностранными отношеніями Румянцовъ. За то его преемникъ, Нессельродъ, не оправдавшій предсказанія Наполеона, что будетъ великимъ, поспѣшилъ въ 1815 г. возвратить Австріи историческую русскую землю—Червонную Русь...

Великодушный Александръ если и довольно легко пожертвовалъ своимъ многолѣтнимъ совѣтникомъ, Сперанскимъ, то только подъ вліяніемъ минутной вспышки раздраженія [1]); но вторично ошибки повторить не могъ и своею высокою особой защитилъ канцлера противъ исканій темноты или своекорыстія. «Не уступлю никому права выбора моихъ министровъ, внушительно говорилъ императоръ забывшемуся иностранцу, на другой день послѣ обѣда 22 августа; гр. Румянцовъ не подастъ повода ни къ какому несогласію, либо разномыслію. Съ моей стороны, все будетъ сдѣлано для разсѣянія опасеній, но такъ, чтобы это не имѣло вида уступки угрозамъ, и чтобы я не могъ упрекать себя въ несправедливости» [2]).

Дѣйствительно, канцлеръ отступилъ съ своего поста, но негласно, чтобы также негласно уступить его, постъ русскаго министра, эмигранту Штейну, безспорному патріоту, но только прусскому, думавшему объ одномъ—Россіей, какъ слѣпымъ орудіемъ, воскресить свое нѣмецкое отечество [3]). Но номинально Румянцовъ

---

[1]) Въ минуту высшаго торжества, при торжественномъ въѣздѣ въ Парижъ, 19 го марта 1814 года, императоръ обратился къ А. П. Ермолову съ сердечными словами: «Ну, что, Алексѣй Петровичъ, теперь скажутъ въ Петербургѣ? Вѣдь, право, было время, когда у насъ, величая Наполеона меня считали простячкомъ». (Богдановичъ, Исторія и пр. IV, 507). Въ послѣднихъ словахъ мы позволяемъ себѣ видѣть намекъ на Сперанскаго. Но лично Александръ и падшаго Наполеона иначе не называлъ, какъ великимъ человѣкомъ.

[2]) Богдановичъ, Исторія и пр., указ. мѣсто.

[3]) По истребленіи «великой арміи», Кутузовъ, Аракчеевъ, Шишковъ были того мнѣнія, что намъ болѣе не чего воевать, а потому границы не переходить. Но Штейнъ былъ иного мнѣнія, и его мнѣніе взяло верхъ. Цѣль Штейна—слишкомъ ясна, чтобы говорить. Въ началѣ марта 1813 г. мы видимъ Штейна уже оффиціальнымъ представителемъ Россіи: подъ конвенціей 7 марта о вступленіи Пруссіи въ союзъ съ нами, подписи со стороны Россіи—на первомъ мѣстѣ Штейна, на второмъ Нессельрода. Далѣе значеніе его росло болѣе и болѣе, и, не уничтоживъ Франціи, онъ уже дѣлилъ ее. (Ср. Богдановичъ, ук. соч., IV, начальн. главы). Заносчивость этого нѣмецкаго патріота граничила съ дерзостью. По разсказу его друга и сотоварища по русс. эмиграціи, Арндта, автора изв. пѣсни «Гдѣ-же нѣмецкое отечество?»..., когда, по изгнаніи Наполеона, Штейнъ обѣдалъ однажды при дворѣ и вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна отозвалась неодобрительно о нѣмцахъ, онъ поблѣднѣлъ и замѣтилъ, что такъ нельзя говорить и особенно «передъ русскими, которые столько обязаны нѣмцамъ»—въ борьбѣ съ Наполеономъ...

оставался по старому канцлеромъ. Но наскучивъ своимъ двусмысленнымъ положеніемъ, онъ черезъ годъ рѣшился попроситься совсѣмъ въ отставку. «Многія причины, пишетъ канцлеръ всесильному Аракчееву 3 авг. 1813 г., меня нудятъ желать получить отставку. Доложите государю, что я ее приму съ крайнею благодарностью и буду ею пользоваться, какъ неоцѣненнымъ даромъ» [1]).

Государь исполнилъ просьбу своего благороднаго, неискательнаго канцлера, но при особомъ знакѣ своего милостиваго вниманія: за нимъ онъ сохранилъ и въ отставкѣ титулъ канцлера. Теперь старикъ испрашиваетъ права «иногда отлучаться изъ Петербурга» [2]).

. 4 .

Съ непоколебленнымъ расположеніемъ имп. Александра канцлеръ сошелъ съ служебной сцены и отъ суеты дѣлъ обратился къ наукѣ, чтобъ на этомъ поприщѣ избранниковъ оставить неизгладимые слѣды своей высокой патріотической души.

«Онъ показалъ, какъ и въ отставкѣ можно служить государству», благоговѣйно произнесъ о немъ его старѣйшій сотрудникъ по наукѣ, Малиновскій, издавая лебединный томъ

Штейны тогда уже забыли, что въ періодъ послѣ тильзитскаго мира и по 1812 г. прусскій дворъ содержался русскимъ правительствомъ, не говоря о моральной поддержкѣ. Въ 1808 прусскій посланникъ Шладеръ получилъ 1 мил. 954 т. «на извѣстное его величеству употребленіе», въ 1809—2 мил. 570 т., въ 1810—«прусскому двору» 3 мил., 1811 мил. 560 т. Вѣроятно, и другіе милліоны, ассигнуемые на «извѣстные расходы», шли отчасти туда же. (Богдановичъ, ук. соч., III, приложенія, стр 23, 26, 27, 32). И это было время, когда нашъ рубль страшно падалъ, остановившись наконецъ на 25 копѣйкахъ. Слѣдовательно, не Штейнамъ говорить объ обязанности. Объ удрученномъ видѣ прусскаго двора даже въ началѣ 1813 г. ср. «Воспоминанія» дочери изв. позже друга Магницкаго, Стурдзы, въ Русскомъ Архивѣ 1887, III, 291. — При шумномъ патріотическомъ подъемѣ нѣмцевъ противъ обезсиленнаго нами Наполеона, предъ которымъ вчера еще не смѣли пикнуть, одинъ Шопенгауэръ, тогда студентъ Берлинскаго университета, смотрѣлъ иначе.

[1]) Дубровинъ, Письма и пр. № 99.

[2]) Тамъ-же, № 121, въ письмѣ къ Аракчееву въ Парижъ, 14 апрѣля 1814 года.

Румянцовскаго «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ».

«Въ исторіи мысли нашей и ея направленія, къ чему не стремился, чего не пожелалъ прояснить достойный сынъ героя Задунайскаго, обратившій домъ свой въ храмъ отечественныхъ музъ»! восторженно восклицаетъ академикъ Плетневъ, разсудительный другъ Пушкина [1]).

Служба Румянцова на пользу русскаго просвѣщенія и русскаго имени возмѣстила старику тѣ неудачи, которыя онъ понесъ съ своей русской политикой, стремившейся къ дружбѣ съ Франціей, какъ естественнымъ русскимъ союзникомъ въ Европѣ, но увы! въ эпоху господства Штейновъ, игравшихъ нами. Не будемъ удивляться, если горькій опытъ жизни сдѣлалъ старика сумрачнымъ, подозрительнымъ. По поводу одной исторіи въ столицѣ, 18 го ноября 1818 года Аракчеевъ писалъ Государю: «по сему случаю происходятъ въ публикѣ различные толки, какъ я слышалъ о томъ отъ нашего канцлера, гр. Румянцова. Хотя гр. Румянцовъ, какъ извѣстно Вашему Величеству, и имѣетъ привычку видѣть вещи въ черномъ цвѣтѣ»... [2]) Это было естественное состояніе для мыслящаго и оскорбленнаго патріота.

Но горькій опытъ жизни, прожитые черные дни клеветы, не сдѣлали старика апатичнымъ: напротивъ, свободный отъ людской злобы, онъ съ усиленной энергіей предался своей старой страсти—исканію знанія.

Научные интересы Румянцова направлялись и тяготѣли къ одной центральной точкѣ—къ о т е ч е с т в о в ѣ д ѣ н і ю, захватывая въ кругъ своихъ вопросовъ, по исторической необходимости, и вопросы славяноизученія. Какъ мы увидимъ сейчасъ, начало славянскихъ интересовъ Румянцова относится еще къ очень раннему времени, къ «этимологической» эпохѣ импер. Екатерины II.

Результатомъ этого обращенія Румянцова къ идеальнымъ

---

[1]) Ж. м. нар. пр., 1834, I, 2, 27.

[2]) Б о г д а н о в и ч ъ, Исторія и пр., VI, приложенія, стр. 99. И много позже, въ письмѣ 1823 г., Аракчеевъ, посѣтивъ канцлера въ Гомелѣ, повторяетъ тоже о «ч е р н ы х ъ мысляхъ», какъ о его обычномъ спутникѣ жизни (тамъ-же, стр. 121).

интересамъ знанія были два историческихъ памятника Россіи. Одинъ—«рѣдкій монументъ русской гражданской доблести, чудный памятникъ истиннаго историческаго русскаго человѣка», это рукописи Румянцова, «собранныя цѣною долгихъ усилій и тратъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, со страстью знатока и глубокимъ знаніемъ искренняго ученаго, рукописи всѣхъ эпохъ русской исторической жизни»[1]), «храмъ отечественныхъ музъ», по выраженію Плетнева. Другой памятникъ — постепенное сосредоточеніе около старика свободнаго кружка людей русской науки, который въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія пріобрѣлъ почетное имя—Кружка канцлера Румянцова.

И Шишковъ, какъ Румянцовъ, любилъ книги—зарывался, къ соблазну современниковъ, въ «богемскихъ книгахъ», любилъ и цѣнилъ научный трудъ (припомнимъ его смѣлую параллель между людьми книги и меча); Шишковъ былъ тоже центромъ, и не кружка, а цѣлаго «сословія» избранныхъ. Но какое несходство въ результатѣ дѣятельности одного и другаго!... Но Шишковъ «упражнялся», по широкой программѣ своей фантазіи; Румянцовъ шелъ въ своихъ научныхъ начинаніяхъ, какъ человѣкъ строгихъ научныхъ интересовъ, по одному, ясно и давно начертанному въ его сознаніи пути, съ одною, твердо намѣченною, цѣлью — глубокаго научнаго изученія былаго Русской Земли. Онъ искалъ всюду матеріалы для этого изученія; онъ призывалъ всѣхъ на эту великую національную работу.

Но гдѣ-же на этотъ кличъ могли прежде всего откликнуться?

Естественно, въ насиженномъ историческомъ гнѣздѣ русской науки—въ Москвѣ. Стремленія Румянцова какъ нельзя болѣе согласовались съ знакомымъ намъ характеромъ научныхъ интересовъ Московскаго университета, съ задачами университетскаго историческаго Общества, Каченовскаго. Отсюда естественнымъ слѣдствіемъ и было то, что на первый призывъ Румянцова отозвались московскіе люди, что одна и другая стороны вскорѣ сердечно слились, при общемъ, роднившемъ ихъ, чувствѣ—желаніи потрудиться во благо русскаго просвѣщенія. Въ первенствующей-же столицѣ пока еще забавлялись — члены напр. «Бесѣды», «Арзамаса»...

[1]) Румянцовскій Музей, статья г. Стасова въ Русской Старинѣ 1883, янв., 89. Рукописей было до 710, всѣхъ книгъ 28.200 томовъ. См. Срезневскій, Переписка Востокова, р. 456, гдѣ описаніе Собранія Румянцова, предъ переходомъ его въ казну.

«Имя знаменитаго любителя отечественныхъ древностей, гр. Н. П. Румянцова, благоговѣйно замѣтилъ еще Полевой, составляетъ эпоху въ исторіи нашихъ древностей тѣмъ, что его попеченіями положено первое начало къ правильному, настоящему занятію древностями—опыты до него были слабы и недостаточны»[1]).

.5.

Любовныя отношенія Румянцова къ интересамъ отечествовѣдѣнія относятся къ весьма раннему времени, когда онъ, блестящій молодой дипломатъ, былъ представителемъ Россіи во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Отъ 1791 года имѣется первое извѣстіе объ ученыхъ симпатіяхъ Румянцова, о предметѣ ихъ, и оно дружески связываетъ дорогія имена Румянцова и Добровскаго.

15 февраля 1791 г. австрійскій посланникъ во Франкфуртѣ, гр. Филиппъ Стадіонъ, изъ Вюрцбурга письменно обращается къ Добровскому съ порученіемъ отъ своего русскаго товарища по вопросамъ «древней исторіи и взаимныхъ отношеній славянскихъ народовъ между собою». «Румянцовъ, поясняетъ Стадіонъ, человѣкъ большаго ума и съ обширными познаніями и особенно усердно занимающійся изученіемъ своей отечественной исторіи, отыскалъ у старинныхъ русскихъ историковъ указанія на то, что Россія въ первыя времена своего существованія находилась во всякого рода сношеніяхъ съ Чехіей и Моравіей». Въ виду-же неполноты своихъ русскихъ источниковъ Румянцовъ надѣется на источники чешскіе, а знакомство съ трудами Пельцеля и самого Добровскаго убѣдили его, что «вы, продолжаетъ Стадіонъ, скорѣе всякого другаго могли-бы надлежащимъ образомъ удовлетворить его желаніямъ», а его желаніе — получить свѣдѣнія—«не встрѣчались-ли вамъ въ изслѣдованіяхъ вашей древней исторіи данныя о сношеніяхъ съ Россіей и указать самые источники, къ которымъ гр. Румянцовъ могъ бы обратиться для дальнѣйшихъ справокъ».

«Этимъ обязательнымъ сообщеніемъ, заключалъ Стадіонъ,

---

[1]) Московскій Телеграфъ, 1825, ч. 3, стр. 75.

вы оказали-бы крайнее одолженіе ему и мнѣ и возбудили-бы между обоими вами обмѣнъ свѣдѣній» [1]).

Но предположенный обмѣнъ мыслей между блестящимъ русскимъ дипломатомъ и молодымъ чешскимъ аббатомъ—обоимъ тогда только что перешло за тридцать—не состоялся. Дружеское посредничество австрійскаго графа не привело къ сближенію любопытнаго представителя научной пытливости екатерининскаго вѣка съ испытаннымъ дѣлателемъ на нивѣ славянской науки. Сборы къ предстоявшему путешествію въ Россію могли отвлечь Добровскаго отъ неожиданнаго вызова Стадіона; но могъ Добровскій счесть домогательство какого то русскаго дипломата и не достаточно серьезнымъ и не дать ему цѣны. Оба сблизились уже подъ старость лѣтъ.

Прошло много лѣтъ послѣ неудавшейся франкфуртской попытки Румянцова помочь себѣ Добровскимъ въ своихъ сомнѣніяхъ по вопросамъ родной старины. Тогда молодой дипломатъ, теперь Румянцовъ старикъ, канцлеръ Имперіи. Но и въ избитомъ старомъ сердцѣ билось тоже заботливое чувство къ предмету старинной любви — къ изученію родной старины.

Горизонтъ на Западѣ уже сталъ заволакиваться; сомнительные элементы смыкались и приготовляли матъ опережавшимъ вѣкъ политическимъ стремленіямъ канцлера, когда старикъ, въ началѣ 1811 года, вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ объ облегченіи затрудненнаго изученія былаго Русской Земли—«о распространеніи общеполезныхъ свѣдѣній», какъ говорилъ онъ — обнародованіемъ на его, канцлера, счетъ всѣхъ государственныхъ актовъ съ древнѣйшихъ временъ.

Получивъ словесное высочайшее одобреніе своему проэкту, Румянцовъ спѣшилъ съ пальмовою вѣткой къ старому соратнику своему, въ знаменитый Колпашный переулокъ на Солянкѣ въ Москвѣ—«въ мрачную храмину мрачнаго старца», какъ выражался Вигель [2]), но старца славнаго. «Не хочу долѣе отложить отвѣта моего на письмо ваше отъ 31 генваря», писалъ канцлеръ Н. Бантышу-Каменскому, управлявшему тогда «Московскимъ Государственной Коллегіи Архивомъ иностранныхъ дѣлъ», основаннымъ трудами исторіографа Миллера,

---

[1]) Шишковъ, Записки и пр. I, 221, прим. издателя, пок. Кисилева.
[2]) Воспоминанія, I, 170.

сообщая докладъ и одобреніе и прося его поработать «сколько для пользы, столько и для славы» [1]).

Блестящее французское образованіе, сознательныя симпатіи къ Франціи и ея Наполеону, не вытравили въ Румянцовѣ горячей любви къ родному, а, можетъ быть, сильнѣе крѣпили его русское чувство. Не безъ воздѣйствія именно ученой литературы Франціи утвердилось у канцлера желаніе—дать на «пользу» Россіи знаменитое Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ.

Грандіозный памятникъ французской литературы прошлаго столѣтія носился предъ глазами Румянцова: Дюмоновъ «Дипломатическій Корпусъ», какъ говорили тогда, имѣлъ стать первообразомъ для канцлерскаго «Собранія». Трудъ Дюмона [2]) былъ близко извѣстенъ, какъ самому канцлеру, такъ и старому архивскому служакѣ, Бантышу-Каменскому, который еще въ 80-хъ годахъ, руководясь изданіемъ французскаго ученаго, составилъ для императрицы реестръ дипломатическихъ отношеній нашихъ къ Польшѣ, отъ царя Іоанна III до Алексѣя.

Собраніемъ государственныхъ грамотъ и договоровъ открылась, на старости лѣтъ, ученая карьера Румянцова. Начатое при непосредственномъ участіи Бантыша-Каменскаго, оно стало эмбріономъ, а затѣмъ центромъ постепенно формировавшагося Румянцовскаго Кружка, интересы котораго вскорѣ выступили далеко за тѣсные предѣлы памятниковъ нашей старой дипломатіи.

Старѣйшимъ членомъ Кружка былъ, естественно, трудолюбивѣйшій старикъ, Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій (1737—1814). Уроженецъ Малороссіи, изъ обрусѣлыхъ молдаванъ, воспитанникъ Кіевской академіи, племянникъ умерщвленнаго московскими изувѣрами архіепископа Амвросія, Бантышъ, долго ученикъ историографа Миллера, въ 1786 году принялъ Архивъ въ свое смотрѣніе и въ немъ неустанно ра-

---

[1]) Отъ 4 апрѣля 1811 г. Подробнѣе объ исторіи появленія въ свѣтъ изданія сейчасъ ниже.

[2]) Du Mont I. Corps universel diplomatique du droit des gens; contenant un recueil des traitez d'alliance, de paix, de treve, de neutralité, de commerce etc., depuis le regne de l'Empereur Charlemagne jusques à présent. T. I—VIII. Amsterdam (Brunel) fol. 1726—31. (Въ 1739 3 тома «Supplement»).

боталъ по самый день смерти. Здѣсь подъ его строгимъ руководствомъ учились и легкомысленные «архивскіе юноши», «манерные, раздушенные недоросли», и люди серьезнаго отношенія, какъ Малиновскій, будущій преемникъ старика, братья Тургеневы, Блудовъ, и скромнѣйшіе, сморкавшіеся въ руку, Большаковъ, Щученко [1]). О заслугахъ Бантыша для неисчерпаемаго Архива и русской исторической науки краснорѣчивѣе всего говоритъ то обстоятельство, что и сегодня каждый занимающійся въ гостепріимномъ изящномъ зданіи на Вздвиженкѣ ежечасно съ признательностью памятуетъ «мрачнаго» старика, обильно пользуясь отчетливыми описями дѣлъ, сдѣланными этимъ неутомимымъ работникомъ въ концѣ прошлаго вѣка. Онъ былъ давно полнымъ господиномъ своего Архива. Понятно, что онъ главный рычагъ канцлера.

За Бантышемъ слѣдовалъ Алексѣй Ѳеодоровичъ Малиновскій (1762—1840), его наперсникъ, сынъ московскаго университетскаго священника, въ Архивъ вступившій еще при Миллерѣ (1778). Умный и свѣдущій, но искательный, Малиновскій былъ, къ сожалѣнію, слишкомъ съ чиновничьей душей и думалъ напримѣръ, что драгоцѣнности Архива потеряютъ свою цѣну, если сдѣлаются нѣсколько извѣстными и потому неохотно допускалъ въ Архивъ [2]). Мы видѣли раньше ревниваго оберегателя архивской старины, какъ усерднаго члена университетскаго историческаго Общества.

Затѣмъ, пошли на службу къ Румянцову, на службу «Трактатнаго Собранія», молодые ученые подростки: знакомый по «Вѣстнику» Каченовскаго, многострадательный Константинъ Ѳеодоровичъ Калайдовичъ (1792—1832), предпріимчивый Павелъ Михайловичъ Строевъ, оставившій выгодную службу

---

[1]) Объ этомъ разнообразномъ населеніи Архива въ концѣ прошл. вѣка см. «Воспоминанія» Вигеля, I, 173—177. Естественно, если серьезный ученый былъ не рѣдко грубъ съ своими праздношатавшимися [учениками. Кстати припомнить, что наиболѣе дѣльные члены петербургскаго «Арзамаса» вышли изъ этой серьезной школы сердитаго старика, какъ Блудовъ, Тургеневы, что самое петербургское товарищество заложилось въ «мрачной храминѣ» Бантыша-Каменскаго.

[2]) Русскій Архивъ, 1882, V, 113. Знакомый намъ А. И. Тургеневъ, не смотря на оффиціальное разрѣшеніе Нессельрода, не могъ пользоваться Архивомъ (тамъ-же).

при «соляномъ комисарѣ», и смѣнили собою членовъ—мелкихъ чиновниковъ, перваго набора, при первой организаціи «Коммиссіи печатанія» еще при Бантышѣ-Каменскомъ. Не участвовали личнымъ трудомъ, но жили въ духовномъ общеніи съ издательскимъ Кружкомъ канцлера, и съ первыхъ-же дней, старый поборникъ и учитель славяноизученія и старины, Качеповскій, епископъ калужскій Евгеній, позже знаменитый владыка кіевскій († 1837).

Это былъ московскій контингентъ Кружка. Затѣмъ онъ былъ усиленъ контингентомъ изъ Петербурга: просвѣщеннымъ членомъ Академіи Шишкова, старикомъ Олениныимъ († 1843), художниками-археологами А. Н. Ермолаевымъ (1780—1828) и А. Х. Востоковымъ (1781—1864), усернымъ, предпріимчивымъ П. И. Кеппеномъ (1793 — 1862), протоіереемъ І. Григоровичемъ († 1861) изъ лѣтней резиденціи канцлера, Гомеля, и нѣкоторыми другими, меньшаго значенія.

«Собраніемъ государственныхъ грамотъ и договоровъ» (4 тома, редакція Бантыша-Каменскаго и Малиновскаго) открылась серія Румянцовскихъ изданій, роскошный внѣшній видъ которыхъ прекрасно гармонировалъ съ достоинствомъ ихъ выполненія. Эти изданія: Древнія россійскія стихотворенія (редакція Малиновскаго и Калайдовича), Памятники русской словесности XII в. (ред. Калайдовича), Судебники обоихъ Іоанновъ, Софійскій Временникъ (ред. Строева) [1]), Бѣлорусскій Архивъ (о. Григоровича, ред. Калайдовича), Іоаннъ Ексархъ Болгарскій (Калайдовича), Собраніе словенскихъ памятниковъ (Кеппена, ред. Калайдовича и Востокова). Можно присоединить сюда и еп. Евгенія Словарь русскихъ писателей. Въ извѣстномъ смыслѣ эта серія достойнѣйше завершается Описаніемъ рукописей Румянцовскаго Музея, изданнымъ уже позже, при участіи Шишкова. Большинство этихъ изданій и сегодня имѣютъ всю свою высокую научную цѣну. Если и

[1]) Въ 1813 г. Румянцовъ внесъ 25 тыс. въ Россійскую Академію на изданіе русскихъ лѣтописей. Медленность въ изданіи лѣтописей у Чеботарева происходила отъ безденежья, при силахъ, а въ Академіи при деньгахъ силъ не было — и взносъ Румянцова не вызвалъ ожидавшихся послѣдствій. (Переписка Румянцова, стр 347).

можно упрекнуть, то въ одномъ: почему иногда забывался благой совѣтъ еще старика Чеботарева—«въ правописаніи и препинаніяхъ» не измѣнять, хотя самъ Румянцовъ это правило любилъ повторять.

Указанная серія обнимаетъ тотъ-же съ небольшимъ десятокъ лѣтъ, 1811—1825, который знаменовался особенно усерднымъ выпускомъ въ свѣтъ «Извѣстій» Россійской Академіи Шишкова: но какъ мало общаго между предпріятіями одного и другаго рода—кружка Румянцова и Академіи!... «Извѣстія» Шишкова при самомъ появленіи своемъ были мертворожденнымъ дѣтищемъ; учительныя-же изданія Кружка останутся навсегда величественнымъ памятникомъ въ исторіи нашего просвѣщенія и славяно-русской науки. Что̀ дѣлается въ настоящее время цѣлыми учеными обществами, коммиссіями, то дѣлали въ тѣ памятные годы члены частнаго кружка, въ одиночку, работая съ самоотверженіемъ и «по жалкимъ цѣнамъ» (употребляемъ выраженіе Шлецера-сына [1]) —согласно обычаямъ того времени, такъ какъ за трудъ свой они не получали великой благостыни. Скромно, въ тиши кабинета, члены частнаго кружка, которыхъ Академія Шишкова почти не признавала, полагали краеугольный камень отечественной наукѣ славянской филологіи.

Но—лишній разъ вспомнить серію Румянцовскихъ изданій еще не значитъ сказать все, чѣмъ интересовался Кружокъ, о чемъ онъ радѣлъ.

Дѣло въ томъ, что много ученыхъ задачъ было намѣчено Кружкомъ для будущаго, много монументальныхъ памятниковъ славянскаго слова было поставлено имъ на очередь, но, къ сожалѣнію, очереди не дождавшихся... Вспомнимъ только, что подготовительныя работы, и серьезныя, къ изданію Святославова Изборника 1073 года были уже сдѣланы Востоковымъ, что за Изборникомъ должно было слѣдовать Остромирово евангеліе, что описаніе славянскихъ рукописей богатой Синодальной Библіотеки—старое желаніе канцлера—было не только дѣломъ рѣшеннымъ, но и начато опытными руками Калайдовича. Словомъ, грандіозныхъ плановъ задумано было не мало... Но смерть канцлера все это остановила, да кое-какія и другія обстоятельства. Какое вліяніе всѣ

[1]) Въ письмѣ къ Малиновскому отъ 10 апр. 1814 г.—«le prix humiliant» (тамъ-же, № 9).

эти предположенныя изданія должны были имѣть на дальнѣйшее развитіе славяновѣдѣнія, легко себѣ представить уже въ виду одного того, что на рукописи Остромирова евангелія развивалось главнымъ образомъ научное изученіе старо-славянскаго языка, что именно съ изданія этого памятника, котораго такъ страстно ожидали западные слависты—Добровскій, Копитаръ — идетъ эпоха въ исторіи славянской филологіи.

Не будемъ преувеличивать заслугъ предъ славянской наукой Румянцова, дряхлаго тѣломъ, но до смерти свѣжаго умомъ старца, и его Кружка. Но и за свершенное потомство обязано сказать одно—спасибо, жалѣя о несвершенномъ.

Исполнилось желаніе не безъ естественнаго честолюбія старика, исполнилось вѣщее слово его чтителя и соратника, Каченовскаго. 21 марта 1820 г. канцлеръ писалъ Малиновскому: «дай Богъ, чтобы Каченовскаго и ваше пророчество сбылось, и чтобы я до такой степени порадѣлъ и старался о всемъ томъ, что̀ прибавить можетъ бо̀льшее богатство къ свѣдѣніямъ о русскихъ древностяхъ, чтобы время сіе прослыло навсегда Румянцовскою эпохою» [1]).

Время это прослыло такъ—прослыло счастливымъ временемъ русской науки [2]).

Дѣйствительно, и въ затмительную эпоху русской науки и просвѣщенія, въ эпоху Магницкаго, Рунича и Стурдзы, если не угасалъ скромный огонекъ любви къ истинѣ, то не послѣдняя заслуга въ этомъ принадлежала Кружку Румянцова. Этотъ кружокъ поддерживалъ пытливость къ изслѣдованію, уваженіемъ къ наукѣ, къ умственному труду поддерживалъ среди возобладавшихъ было темныхъ стремленій высшіе интересы въ обществѣ, воспитывалъ въ немъ патріотическое чувство, воспитывалъ народный духъ, однимъ словомъ, своими интересами воскрешалъ предъ современниками симпатическій характеръ правительственной дѣятельности первыхъ лѣтъ императора Александра, полагавшей, что наука есть одно изъ сильнѣйшихъ средствъ къ возвышенію народнаго духа [3]).

---

[1]) Тамъ-же, № 151.

[2]) Слова Срезневскаго, въ предисловіи къ Перепискѣ Востокова.

[3]) Ср Сухомлиновъ, Матеріалы для исторіи просвѣщенія, вып. I, 21. Ср. 86.

Но войдемъ внутрь Румянцовскаго Кружка, этой дѣйствительной Русской Академіи, въ лабораторію Кружка, чтобы присутствовать при томъ, какъ возникалъ, развивался и осуществлялся тотъ или другой вопросъ, какъ волновали членовъ Кружка интересы науки, чтобы видѣть, какія чувства сближали ихъ другъ съ другомъ, къ чему стремились они, эти подвижники, мьзды не требовавшіе, искавшіе себѣ чести, а Россіи славы... И доступъ въ эту лабораторію открытъ: мы разумѣемъ взаимную переписку членовъ Румянцовскаго Кружка, дѣла Коммиссіи по изданію Собранія — дорогой источникъ для исторіи русской партіи современнаго славяновѣдѣнія.

Собраніе было эмбріономъ Кружка; этимъ изданіемъ, скажемъ словами Бантыша-Каменскаго, при окончаніи печатанія I тома, «безсмертная сдѣлана отечеству услуга — оно дало свѣтъ толико лѣтъ лежавшихъ въ тьмѣ и забвеніи безцѣннымъ россійскимъ древностямъ» [1]), и намъ позволительно на этомъ начальномъ предпріятіи остановиться нѣсколько подробнѣе.

. 6 .

Первая мысль объ изданіи русскихъ дипломатическихъ актовъ, по образцу Дюмона, принадлежала еще императрицѣ Екатеринѣ II. Уже въ началѣ 1779 года въ этомъ смыслѣ была выражена высочайшая воля, и тотчасъ же было поручено исполненіе ея знаменитому исторіографу Ѳ. И. Миллеру, въ Москвѣ.

«Высочайшимъ указомъ 28 генваря 1779 года повелѣно поручить вамъ имянно, писала 27 мая Государственная Коллегія иностр. дѣлъ статскому сов. Миллеру, чтобъ для россійской исторіи старались вы учинить собраніе всѣхъ россійскихъ, древнихъ и новыхъ, публичныхъ трактатовъ, конвенцій и прочихъ подобныхъ тому актовъ, по примѣру Дюмонова Дипломатическаго Корпуса. А какъ успѣхъ сего дѣла имѣетъ служить къ особливой благоугодности всемилостивѣйшей государыни; то Коллегія, зная особливое ваше искусство въ родѣ такихъ сочиненій и неутомленные ваши въ томъ труды, считаетъ излишно

[1]) См. ниже, Приложенія, I, № 19.

присоединять къ тому свои какія-либо наставленія, а только рекомендуя вамъ къ должному исполненію выше означенное ея импер. величества высочайшее повелѣніе, объявляетъ чрезъ сіе, что когда вамъ по порядку работы вашей понадобятся новѣйшаго и настоящаго временъ секретные и публичные акты, то оные всѣ отсюда доставляемы быть имѣютъ, съ означеніемъ, которые изъ нихъ должны сохраняемы быть въ непроницаемой тайнѣ» [1].

«Неутомленному» исторіографу было уже тогда подъ 80 лѣтъ (род. 1703)—не легко было ему открыть новую ученую работу. Но, имѣя подъ руками энергическаго Бантыша-Каменскаго, Миллеръ уже въ апрѣлѣ 1780 г. представилъ императрицѣ пробный трудъ, начало задуманнаго Собранія — трудъ своего архивскаго ученика о нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Польшею, съ XV стол., а вскорѣ и цѣлую серію подобныхъ трудовъ, о сношеніяхъ съ Австріей, Пруссіей и др. Думаемъ, что главное участіе въ этихъ работахъ принадлежало тому-же Бантышу-Каменскому, котораго такъ горячо тогда-же дряхлѣющій Миллеръ препоручалъ вниманію самой императрицы, какъ своего ученаго наслѣдника. Самъ же старикъ готовился уже въ болѣе далекій путь и заключалъ житейскіе счеты, уступая родному Архиву свою богатую библіотеку, съ богатыми матеріалами въ портфеляхъ [2].

Императрица, виновница русскаго Дюмона, съ живымъ интересомъ слѣдила за ходомъ «сочиненія» и, въ видахъ устраненія возможнаго замедленія при печатаніи, 19 января 1783 г. указала Коллегіи иностр. дѣлъ завести при «Московской Архивѣ» даже собственную типографію—свидѣтельство участія и нетерпѣнія. «Для напечатанія, говорила она, сочиняемаго по указу на-

---

[1]) За подписью Н. Панина и И. Остермана. Изъ «Записной тетради входящимъ и исходящимъ бумагамъ учрежденной при Моск. Колл. ин. дѣлъ Архивѣ Комиссіи о изданіи въ печать Собранія гос. грамотъ и договоровъ», 1811 года, въ началѣ—въ Главномъ Моск. Арх. м. ин. дѣлъ.

[2]) Снегиревъ, Словарь, I, 43 (перепечатка у г. Старчевскаго, Очеркъ литературы русской исторіи до Карамзина (стр. 209 и слѣд.), ак. Пекарскій, Матеріалы для исторіи библ—ки Моск. гл. Арх., въ «Зап. Акад. наукъ», т. XII. 92. Ср. Соловьевъ, Г. Ф. Миллеръ, въ «Современникѣ» 1854 (т. 47) стр. 141.

шему отъ 28 генваря 1779 г. Собранія древнихъ и новыхъ трактатовъ между Россіею и другими державами и иныхъ публичныхъ актовъ, такожъ и прочаго, что до Россійской исторіи касается, повелѣваемъ завести въ Москвѣ при Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ особую типографію».

Заведеніе архивской типографіи предоставлялось императрицею тому Миллеру-же, и въ этомъ смыслѣ тогда-же состоялся указъ ему отъ Коллегіи [1]).

Но опасенія нетерпѣливой императрицы были преждевременны.

Миллеръ не ошибся въ предчувствіи своей смерти, и не далѣе какъ въ октябрѣ того-же 1783 года его уже не стало. Особая типографія для нуждъ «Трактатнаго Собранія» заведена не была.

Со смертью Миллера екатерининская мысль о русскомъ Дюмонѣ какъ-то затерялась, хотя наслѣдникъ-ученикъ Миллера не переставалъ вести далѣе работы, подготовлять дипломатическій матеріалъ для будущаго. Результатомъ этихъ архивскихъ работъ Бантыша-Каменскаго было «Сокращенное дипломатическое извѣстіе о взаимныхъ перепискахъ россійскаго двора съ иностранными», въ четырехъ частяхъ (въ I части сношенія съ австрійско-цесарскимъ дворомъ, англійскимъ и пр., т. е. въ алфавитномъ порядкѣ дворовъ). Сочиненіе это, вмѣстѣ съ трудомъ его молодыхъ лѣтъ: «Описью новгородскихъ и великихъ князей грамотъ» (1767 года), и послужило основой для Румянцовскаго Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, облегчило его появленіе.

Такимъ образомъ, прекрасная мысль императрицы—помочь дѣлу, «что до россійской исторіи касается», изданіемъ трактатовъ, осталась добрымъ начинаніемъ, не вышла изъ области пожеланій, хотя, безспорно, образуетъ лишній лепестокъ въ завидномъ вѣнкѣ всегда заботливой объ интересахъ русскаго самопознанія великой женщины.

Но прошло четверть вѣка съ небольшимъ, и екатерининская мысль воскрешаетъ снова. Старую мысль взялъ въ свои руки теперь канцлеръ Румянцовъ, чтобы, пользуясь извѣданною архивскою опытностью, теперь уже старика, Бантыша-Каменскаго, довести дѣло до конца.

---

[1]) Оба указа въ указ. выше «Записной тетради» Коммисіи, 1811 года.

Послѣ предварительныхъ детальныхъ переговоровъ съ Бантышемъ-Каменскимъ [1]), въ началѣ 1811 года канцлеръ представилъ всеподданнѣйшій докладъ (отъ 25-го февраля), испрашивая соизволенія—«издать въ свѣтъ полное собраніе дипломатическихъ актовъ нашихъ, по примѣру извѣстнаго сочиненія Дюмонова». Издержки изданія канцлеръ принималъ на себя. Размѣры же ихъ были опредѣлены его московскимъ совѣтникомъ. «Собиралъ я, писалъ Румянцовъ въ докладѣ, свѣдѣнія, сколько примѣрно можетъ стоить напечатаніе первой части таковой книги, начиная съ самыхъ древнихъ грамотъ и съ изображеніемъ печатей, къ нимъ приложенныхъ. Ограничивъ первое изданіе 1200 экземплярами, потребуется до 25 тыс. р. Я не почитаю себя въ правѣ утруждать ваше величество ходатайствомъ, чтобы издержки для изданія были приняты на счетъ казны: осмѣливаюсь испрашивать всемилостивѣйшее соизволеніе, чтобы исчисленную сумму употребилъ я изъ собственнаго моего иждивенія».

Вѣроятно, неудачный опытъ единоличнаго веденія дѣла у Миллера имѣлся въ виду у Румянцова, когда онъ, входя въ подробности организаціи самаго изданія, испрашивалъ, чтобы оно было поручено особой коммиссіи при Московскомъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ — «подъ вѣдѣніемъ и распоряженіемъ извѣстнаго по трудамъ своимъ и усердію» Бантыша-Каменскаго, изъ главнаго смотрителя и двухъ чиновниковъ. Далѣе онъ, согласно указанію своего московскаго помощника, ходатайствовалъ, чтобы изданіе было свободно отъ цензуры и вообще носило характеръ правительственнаго предпріятія.

Давая изданію «заглавіе»: Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Румянцовъ въ заключеніе просилъ объ «единой милости», въ предвидѣніи своихъ конечныхъ отношеній, позволить ему «имѣть участіе и попеченіе объ успѣхѣ предпріятія и въ то время, когда по болѣзни и

---

[1]) См. письмо Бантыша-Каменскаго къ канцлеру отъ 31 января 1811 года, озаглавленное: «Примѣрное исчисленіе на 1 часть изданія Дипломатическихъ сочиненій», въ Перепискѣ Румянцова, № 2. Письмо канцлера отъ 4-го апрѣля было отвѣтомъ на это сообщеніе управляющаго Московскимъ Архивомъ, какъ свидѣтельствуетъ самъ Румянцовъ. (См. ниже, Приложенія, I, № 1, въ началѣ).

другимъ обстоятельствамъ» онъ былъ-бы вынужденъ оставить министерство.

Государь выразилъ одобреніе проэкту, пока, на словахъ, и Румянцовъ тотчасъ-же, 4-го апрѣля, оповѣстилъ своего совѣтника въ Москвѣ объ исходѣ задуманнаго дѣла, дѣлясь общею радостью.

Дѣлая Бантышу-Каменскому распоряженія, согласно докладу, объ открытіи издательской Коммиссіи, ея правахъ и обязанностяхъ, канцлеръ входилъ далѣе въ самыя мелочныя подробности печатанія: о форматѣ, шрифтѣ, сложеніи свѣжихъ листовъ и пр. Впрочемъ, здѣсь кое-въ-чемъ онъ только одобрилъ предположенія своего сотрудника. «Вообще-же, заключалъ Румянцовъ свое первое распоряженіе по выпуску въ свѣтъ знаменитаго Собранія, какъ сіе изданіе дѣлается сколько для пользы, столько и для славы, то сдѣлайте мнѣ одолженіе, не щадите какихъ-либо небольшихъ издержекъ, только-бы соблюдена была вся чистота и красота тисненія».

Менѣе чѣмъ чрезъ двѣ недѣли, 17 апрѣля, Бантышъ-Каменскій уже доносилъ объ открытіи дѣйствій Коммиссіи: о заключеніи еще 12-го числа контрактовъ съ давно намѣченною типографіей любопытнаго дѣятеля своего времени, «д ст. сов., импер. медико-хирург. Академіи вице-президента и военнаго ордена кавалера», Н. С. Всеволожскаго (листъ по 25 рублей, 2 листа въ недѣлю), съ угличкимъ фабрикантомъ Кузнецовымъ о бумагѣ и гравероиъ Осиповымъ о 24 печатяхъ. Главнымъ смотрителемъ избранъ былъ уже раньше старый служака Архива, Иванъ Либенау; на другія-же два мѣста Бантышъ-Каменскій рекомендовалъ молодыхъ чиновниковъ Архива, Дмитрія Прилуцкаго и Павла Нестеровича, «обучающагося въ университетѣ наукамъ и языкамъ»: «прочіе, прибавлялъ старикъ, коихъ хотя и великое въ Архивѣ число, не получая чиновъ, всѣ почти вонъ изъ Архива глядятъ».

Но главный вопросъ — что-же составитъ содержаніе перваго тома Собранія; что-же будетъ такъ быстро печататься?

Но—первый томъ Собранія былъ подготовленъ «мрачнымъ» старикомъ давно: въ своемъ первомъ доношеніи Бантышъ-Каменскій только испрашиваетъ у канцлера формальнаго одобренія. «Какія, пишетъ онъ, въ I часть внесутся договоры: а) новгородскія и в) великихъ князей и царей старинныя разныя грамоты, онымъ на усмотрѣніе вашего сіятельства посы-

лаются два реестра; за сими грамотами будетъ внесена избирательная грамота царя Михаила Ѳеодоровича. Потомъ и еще какія отыщутся грамоты, сообщено будетъ въ свое время». Мы видѣли, эта область грамотъ болѣе 40 лѣтъ назадъ была обслѣдована Бантышемъ-Каменскимъ. Документами, касающимися внутренней жизни Россіи, справедливо было открыть Собраніе: «они, объяснялъ ученый редакторъ, составляютъ внутреннюю отечества нашего часть» [1]). Но также ясно, что безъ стараго ученика Миллера Румянцевъ въ рядъ-ли былъ бы въ состояніи дать столь быстрый ходъ своей мысли—воскрешенному имъ екатерининскому проэкту изданія русскаго Дюмона.

«Но, продолжалъ точный старикъ, переходя уже къ критическимъ пріемамъ изданія, въ двухъ новгородскихъ грамотахъ многихъ словъ не достаетъ, то нужно-ли будетъ и сіи вносить (ибо и у Дюмона есть таковыя-же неполныя грамоты) —на сіе Коммиссія будетъ ждать разрѣшенія».

5 мая канцлеръ отвѣчалъ сообщеніемъ о высочайшей конфирмаціи доклада 25 февраля, утвержденіемъ контрактовъ, должностныхъ назначеній и редакціонныхъ предположеній Коммиссіи. «Буде, прибавлялъ Румянцовъ съ своей стороны о пріемахъ изданія, нужными окажутся какія-либо объясненіи, то дѣлать выносками, въ концѣ страницы». Вмѣстѣ съ этимъ канцлеръ высылалъ первый взносъ — 9 тысячъ, въ счетъ исчисленной 21 тысячи, на открытіе работъ: «достальныя присланы будутъ къ 1 августа и 1 декабря».

Такъ зарождалось знаменитое Собраніе.

Началось печатаніе. Наборъ шелъ быстро: два листа въ недѣлю. «Сегодня, извѣщаетъ 21 августа заслуженный архивистъ канцлера, 25-й листъ принесенъ для корректуры». Румянцовъ-же заботится, чтобы изданіе было безупречнымъ, привлекло-бы общее сочувствіе. «Надѣюсь я, пишетъ онъ своему сотруднику тогда-же, что въ самомъ отпечатаніи приняты нами всѣ мѣры къ исправности, чистотѣ и красотѣ изданія, дабы оно, особливо при первомъ началѣ, могло заслужить вниманіе и одобреніе, какъ Государя, такъ и публики».

Но участіе канцлера шло далѣе пожеланій: онъ входилъ и въ такія мелочи, какъ подборъ шрифта для заглавнаго листа,

[1]) Въ письмѣ отъ 21 августа 1811. См. Приложенія, I, № 6.

и лично руководилъ даже ученою стороною изданія. Старый Бантышъ—исполнитель его указаній, которыя не всегда были удачны и шли къ разрѣзъ съ мнѣніемъ опытнаго архивиста.

Бантышъ-Каменскій, напримѣръ, въ интересѣ славянской палеографіи, о которой такъ горевалъ Каченовскій еще въ 1809 году, былъ того мнѣнія, что древнѣйшія грамоты слѣдовало-бы издать не въ чтеніи, а воспроизвести буквально; но встрѣтилъ возраженіе противъ своей благой мысли у скуповатаго издателя. «Предположеніе, отвѣчалъ ему канцлеръ въ февралѣ 1812 года, отпечатать нѣсколько грамотъ древнѣйшихъ, съ наблюденіемъ подчерка и величины ихъ, можно исполнить и по окончаніи изданія особою тетрадью, на что̀ тогда и сумму назначу». Но позже и мысль о тетради онъ оставилъ, когда такъ быстро пошедшее печатаніе пришлось прервать почти на цѣлый годъ.

Въ первомъ, и единственномъ, письмѣ къ Бантышу-Каменскому 1812 года — отъ 26 февраля, канцлеръ уже подбираетъ шрифтъ для заглавнаго листа, покрасивѣе — «употребленный шрифтъ, замѣчалъ онъ, слишкомъ крупенъ и похожъ на церковную печать»: ясный знакъ, что работа подходила къ концу, когда—наступило новое лихолѣтье.

Московскій Архивъ, съ дѣлами и суммами Коммиссіи, былъ переведенъ во Владиміръ, а тутъ дорогою издательскія суммы, около 6 тыс. рублей, съ небольшими казенными деньгами, были выкрадены «архивными инвалидами»... Началось дѣло, дошедшее до самого Государя. Со старика Бантыша-Каменскаго, высочайшею резолюціей отъ 19 января 1813 года, взысканіе было снято, въ виду болѣе чѣмъ полувѣковой службы его и потери имущества при пожарѣ; главному смотрителю — строгій выговоръ, а деньги на «Трактатное Собраніе» канцлеръ вносилъ вторично, «чтобъ не отягчать судьбу тѣхъ чиновниковъ», поясняетъ онъ.

Прерванное печатаніе могло продолжаться.

Уже 14 февраля канцлеръ выражаетъ надежду на скорое окончаніе первой части и, нетерпѣливый, заходитъ далеко впередъ. «Между тѣмъ, пишетъ онъ оправившемуся отъ суда Бантышу-Каменскому, прошу васъ подумать заблаговременно и о второй части и для того прислать ко мнѣ на разсмотрѣніе реестръ тѣмъ трактатамъ, которые въ оную входить должны».

Но Бантышу-Каменскому надъ запросомъ канцлера не долго надо было думать. И дипломатическій матеріалъ—сноше-

нія наши съ иностранными державами, въ алфавитномъ порядкѣ дворовъ, былъ у него уже давно на готовѣ (работа начата была еще при Миллерѣ), и черезъ два мѣсяца реестръ трактатовъ былъ уже у Румянцова, «дабы (выражаясь его словами) онъ могъ и на то дать свое разрѣшеніе». Представляя на первый разъ списки съ австрійско-цесарскихъ трактатовъ, Бантышъ-Каменскій обѣщалъ сейчасъ-же приняться «за слѣдующій англинскій дворъ», т. е. держась готоваго, азбучнаго порядка дворовъ. Посылаемая-же «Выписка австрійско-цесарскаго двора, въ коей все то вкратцѣ находится, что составляетъ всю переписку сего съ Россійскимъ государствомъ двора», надѣялся старикъ, можетъ послужить образцомъ и для печатанія слѣдующихъ частей «Трактатнаго Собранія». «Продолженіе-же первой части Собранія, успокаивалъ редакторъ канцлера, печатается; остановка была за бумагою, которая наконецъ доставлена» (письмо отъ 9 апрѣля).

Но канцлеръ разрѣшенія не далъ: онъ былъ недоволенъ представленнымъ планомъ азбучнаго по дворамъ размѣщенія договоровъ и указалъ старику—держаться Дюмона.

«Въ разсужденіи Трактатнаго Собранія, отвѣчалъ Румянцовъ 30 апрѣля, желалъ-бы я, чтобы вторая и послѣдующія части изданы были по примѣру Дюмонова Собранія хронологически (въ подлин. подчеркнуто), съ начала сношеній Россіи со всѣми европейскими державами, раздѣляя по царствованіямъ россійскихъ государей и заключая государствованіемъ Петра Великаго, а къ концу каждой части пріобщить реестръ трактатамъ по алфавиту дворовъ. Я прошу ваше превосходительство составить таковой новый реестръ трактатамъ, долженствующимъ входить во вторую часть и вмѣстѣ съ списками тѣхъ трактатовъ ко мнѣ доставить на разсмотрѣніе».

Это энергическое вмѣшательство старика, кассація готоваго уже плана у Бантыша-Каменскаго и указаніе редактору иной системы, «дабы имѣть общее обозрѣніе всѣхъ постановленій одного времени» (изъ того-же письма), какъ разъ совпадаетъ съ фактическимъ устраненіемъ канцлера отъ дѣлъ внѣшней политики: канцлеръ могъ теперь сосредоточиться на своемъ ученомъ дѣтищѣ, думать о его успѣхѣ.

Замѣчательнымъ письмомъ 30 апрѣля Румянцовъ поспѣ-

шилъ оправдать заключительную просьбу въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ два года назадъ—«позволить имѣть участіе и попеченіе объ успѣхахъ предпріятія и въ то время, когда по болѣзни и другимъ обстоятельствамъ онъ былъ-бы вынужденъ оставить мѣсто нынѣшняго своего служенія». Французская система канцлера, какъ научная, имѣла явное преимущество предъ механическимъ, традиціоннымъ планомъ стараго архивиста.

Въ послѣдующемъ письмѣ, 20 мая, канцлеръ развивалъ далѣе свои мысли о системѣ изданія новыхъ томовъ. «Не только, объяснялъ онъ Бантыша-Каменскому, трактаты съ Портою, яко съ европейскою державою, должны входить въ издаваемое Собраніе, но мнѣ кажется, что вообще и всѣ азіатскіе одного времени могутъ быть присовокуплены, тѣмъ наипаче, что ихъ, вѣроятно, очень мало. Къ тому надлежитъ приноровить, чтобъ вторая часть была такой-же величины, или немногимъ толще первой».

Въ іюлѣ печатаніе было почти у конца. «Уже три листа остается», успокаивалъ Бантышъ-Каменскій 14 іюля; Всеволожскій увѣрилъ меня, что въ нынѣшній четвергъ непремѣнно послѣдній листъ пришлетъ ко мнѣ». Старикъ проситъ «взять терпѣніе на недѣлю». Канцлера-же все не удовлетворялъ заглавный листъ, который теперь составлялся въ Петербургѣ. Но нетерпѣливый видѣть своего ученаго первенца, Румянцовъ потребовалъ экземпляръ не сброшюрованныхъ листовъ—желаніе, вполнѣ понятное.

Всеволожскій сдержалъ слово, и 22 іюля Бантышъ-Каменскій поздравляетъ канцлера. Но полонъ радости былъ и самъ старый работникъ, и чувство его, естественно, выливалось въ патетической рѣчи. Онъ могъ вспомнить былое время—остановившееся предпріятіе Миллера.

«Трудъ, благодареніе Богу, конченъ, пишетъ архивскій старикъ. Съ онымъ поспѣшаю отправить перемѣщеннаго въ Коллегію Нестеровича старшаго. Безсмертную, ваше сіятельство, сдѣлали отечеству услугу, даровавъ въ свѣтъ толико лѣтъ лежавшимъ въ пыли и забвеніи безцѣннымъ россійскимъ древностямъ! Хвала, честь и слава отъ благодарнаго отечества въ роды родовъ за сіе возсылаться будетъ вашему имени».

«Ваше превосходительство, отвѣчалъ на это поздравленіе канцлеръ, меня много порадовали симъ прекраснымъ изданіемъ.

Не могу довольно васъ благодарить за трудъ, вами на то употребленный. Теперь остается мнѣ доставить вамъ доску для заглавнаго листа и небольшое Предначертаніе, чѣмъ и занимаюсь».

Румянцовъ вспомнилъ теперь и про старое свое обѣщаніе объ интересахъ палеографіи. «Желалъ-бы я, продолжаетъ онъ, для вящей пользы и украшенія сего изданія, чтобъ присовокуплены были точные рисунки или списки почерковъ рукописей, съ четырехъ или пяти древнѣйшихъ грамотъ разныхъ эпохъ, по вашему выбору. Покорно прошу васъ приказать съ одной таковой грамоты срисовать теперь-же точную копію и ко мнѣ доставить на усмотрѣніе».

Бантышъ-Каменскій сейчасъ-же исполнилъ палеографическое требованіе, но не скрылъ, что гравировка можетъ быть окончена не ранѣе двухъ мѣсяцевъ, а между тѣмъ занялся заготовкой и распредѣленіемъ по предположеннымъ тремъ частямъ Собранія оригинальныхъ трактатовъ, для отсылки ихъ на предварительный просмотръ канцлеру. «Да не устрашитъ вашего сіятельства, писалъ онъ при этомъ 25 августа, толикое множество бумагъ! Вамъ угодно было видѣть въ самомъ дѣлѣ содержаніе каждаго трактата и грамотъ. Какъ число всѣхъ трактатовъ состоитъ въ 730 номерахъ: то я оныя для удобностей пересылки и раздѣляю на 3 части. Первая часть, которую при семъ посылаю, содержитъ въ себѣ съ начала имѣющіеся въ Архивѣ трактаты и до Михаила Ѳеодоровича. Вторая часть будетъ заключать трактаты царей Михаила, Алексѣя и Ѳеодора. Третія, и послѣдняя, составится изъ трактатовъ Іоанна Алексѣевича и Петра I, по 1725 годъ».

Только въ началѣ декабря канцлеръ отправилъ въ Москву рѣзанную подъ его присмотромъ доску для заглавнаго листа. «Прошу, пишетъ онъ при этомъ Бантышу-Каменскому, приказать приступить къ совершенному изданію»,т. е.—къ выпуску въ свѣтъ. Но возвращая и корректуру Предисловія, съ нѣкоторыми редакціонными поправками, Румянцовъ уже отказывался отъ палеографическихъ снимковъ — чтобы только видѣть наконецъ, послѣ стольнихъ ожиданій, самое изданіе. Онъ понялъ свою вину предъ Бантышъ-Каменскимъ, указавшемъ еще въ 1811 году на интересы палеографіи: «прошу васъ, продолжалъ Румянцовъ, кончить первую часть, отлагая уже вовсе прежнее намѣреніе мое, издать вмѣстѣ нѣсколько тѣхъ грамотъ

по палеографіи, ибо я самъ себѣ приписываю въ вину, что сіе дѣло такъ долго длилось».

Самому Бантышу-Каменскому предоставлялось опредѣлить цѣну, лишь бы поскорѣе пустить Собраніе въ продажу, «дабы, замѣчалъ Румянцовъ, не токмо выручить употребленный на изданіе капиталъ, но и пріумножить на продолженіе слѣдующихъ частей, къ чему немедленно приступимъ». Бантышъ-Каменскій, извѣщая 18 декабря о своихъ послѣднихъ распоряженіяхъ по выпуску, сердечно теперь утѣшалъ Румянцова по поводу палеографическаго недосмотра: «не тужите, что не исполнили намѣренія своего въ изданіи нѣсколько грамотъ по палеографіи — это совсѣмъ другая часть, и не изъ однѣхъ только грамотъ нашихъ должна состоять, но и изъ другихъ разныхъ рукописей».

Еще 5-го января 1814 года, но уже тяжело больной, Бантышъ-Каменскій спѣшилъ отдать отчетъ суммамъ по изданію, съ завѣреніемъ, что онъ «потребитъ всевозможное стараніе о скорѣйшей распродажѣ книги». Это было послѣднее письмо энергическаго старика къ Румянцову. Правда, хотя и изнемогающій отъ болѣзни, Бантышъ-Каменскій успѣлъ еще тогда-же составить и напечатать «Записку», т. е. объявленіе о продажѣ своего лебединаго изданія (7 января), но чрезъ немного дней —20 января, вмѣстѣ съ давно желаннымъ выходомъ въ свѣтъ «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ» — умеръ этотъ незабвенный дѣятель въ Архивѣ Миллера, достойный ученикъ достойнаго учителя.

Послѣдніе два письма канцлера, о распродажѣ и разсылкѣ даровыхъ экземпляровъ, уже не застали старика въ живыхъ. Въ числѣ первыхъ подаренныхъ былъ экземпляръ преосвященному Евгенію въ Калугу [1]).

---

[1]) Настоящая статья II-й главы составлена по документамъ, печатаемымъ нами ниже, въ Приложеніяхъ, I.—Первый списокъ поднесеннымъ и разосланнымъ экземплярамъ: императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, два великимъ князьямъ, великой княжнѣ, два въ Публичную библіотеку (чрезъ Оленина), митрополиту Амвросію, въ Духовную академію (чрезъ митрополита), графу Разумовскому, въ Академію наукъ, въ Казанскій университетъ (чрезъ Салтыкова), въ Дерптскій университетъ (чрезъ Клингера), Евгенію, епископу калужскому, Крузенштерну, Вязмитинову, московскому попечителю П. И. Голенищеву-Кутузову, въ Московскій университетъ.

.7.

Смерть испытаннаго и стараго помощника, и въ минуту выхода начальныхъ главъ русскаго Дюмона, не могла не вызвать болѣзненнаго чувства у канцлера. «Съ прискорбіемъ извѣстился я о кончинѣ почтеннаго нашего Николая Николаевича», писалъ онъ въ Москву при первомъ извѣстіи [1]). Но изъ рукъ канцлера выпадалъ его послушный рычагъ. Высокое патріотическое дѣло вотъ-вотъ вторично прерывалось — на первыхъ же дняхъ своей жизни. Не грозила ли и ему судьба «Трактатнаго Собранія» Миллера, когда со смертью послѣдняго все рушилось, по признанію самого Бантыша-Каменскаго?..

Но опасеній ни у кого. О перерывѣ ни мысли.

Мы видѣли, еще въ августѣ 1813 года переработанный по новой, дюмоновской системѣ сборникъ договоровъ былъ на разсмотрѣніи у канцлера, слѣдовательно, матеріальный составъ всего Собранія, на-сколько онъ отвѣчалъ начальному плану, былъ обезпеченъ вполнѣ еще покойнымъ. Но обезпечена была и формальная—редакторская сторона дѣла.

Умирая старикъ не оставилъ и храмины своей полувѣковой дѣятельности сирою. Онъ оставлялъ въ ней ученика, который работалъ съ нимъ болѣе трехъ десятковъ лѣтъ (съ 1778 г.), который предназначенъ былъ имъ самимъ — замѣстить его, и въ Архивѣ, и въ Коммиссіи печатанія. Это былъ Малиновскій.

Поручая принять въ полное управленіе Архивъ и Коммиссію, предварительно высочайшаго повелѣнія, канцлеръ писалъ Малиновскому (2 февраля 1814): «я не токмо слѣдовалъ собственному моему убѣжденію, что никто лучше васъ замѣнить не можетъ претерпѣнной для службы потери; но я удовлетворилъ желанію и самого покойнаго, который васъ преемникомъ себѣ назначилъ».

Такимъ образомъ, упалое мѣсто было сейчасъ же замѣщено: въ роли Бантыша-Каменскаго явился его старый сотрудникъ, Малиновскій, извѣстный канцлеру еще ранѣе поднятаго вопроса о печатаніи трактатовъ. Заведенная машина пріостановилась лишь на минуту. Конечно, искательный, какъ отмѣтилъ уже Вигель, Малиновскій нравственнымъ обликомъ своимъ, своими знаніями не могъ уравняться съ скромнымъ уче-

[1]) Приложенія, II, № 1.

нымъ, полъ вѣка проведшимъ, не сгибая спины, надъ хартіями старины: но дѣлу данъ былъ правильный, твердый ходъ—оставалась несложная задача смотрѣть, чтобы его движеніе не остановилось по его колеѣ.

«Теперь, продолжаетъ Румянцовъ свое первое письмо къ новому редактору, мнѣ остается просить васъ—особенно принять въ свой надзоръ Коммиссію печатанія трактатовъ, какъ о дѣлѣ, меня лично занимающемъ».

Мы видѣли, первый вопросъ, теперь занявшій канцлера, былъ вопросъ о продажѣ: успѣхъ продажи обусловливалъ самое продолженіе изданія, согласно докладу 1811 года. Съ заботой объ этомъ дѣлѣ сошелъ въ могилу Бантышъ-Каменскій. «Я употреблю всевозможное стараніе о скорѣйшей распродажѣ книги» — этимъ завѣреніемъ заключалъ свое послѣднее письмо къ канцлеру умирающій старикъ. Понятно, невыполненная обязанность переходила по наслѣдству къ Малиновскому: но она была указана ему и лично Румянцовымъ.

«Присланные ко мнѣ для второй части трактаты, писалъ канцлеръ Малиновскому—«вступая нынѣ въ ближайшія сношенія»—мною еще разсматриваются. Я въ свое время ихъ вамъ доставлю съ моими замѣчаніями». Слѣдовательно, съ изданіемъ ждать. Другой вопросъ—продажа, выручка. «Вамъ ужь извѣстно, указывалъ онъ въ томъ-же письмѣ 2 февраля, что я назначилъ выручаемый съ первой части сего изданія капиталъ на печатаніе продолженія. Теперь, слѣдовательно, остается заниматься только сею продажею и деньги посылать въ Опекунскій Совѣтъ. Я прошу васъ меня почасту увѣдомлять, сколько продадутся экземпляровъ и сколько вы денегъ отошлете» [1]).

Канцлеръ не предчувствовалъ, сколько разочарованія готовила ему эта продажа, эти предрѣшенные капиталы, хотя его новый сотрудникъ, нельзя сказать, чтобы не ухищрялся въ энергическомъ выполненіи полученнаго наказа—заняться только продажей.

Первыя строки перваго письма Малиновскаго и посвящены лавочкѣ, но съ крайне тревожными вѣстями о торговомъ оборотѣ: «продажа сей книги отъ Коммисіи, начинаетъ онъ письмо

---

[1]) Тамъ-же.

отъ 16 февраля, до сихъ поръ была не успѣшна, ибо продано только 19 экземпляровъ» — и это въ теченіе первыхъ полутора мѣсяца. Замѣтимъ, что чуть что не первый экземпляръ былъ купленъ надв. сов. Каченовскимъ—8 января.

Слишкомъ слаба была надежда на капиталы отъ вольнаго сбыта [1]), и Малиновскій останавливается на сбытѣ принудительномъ, прикрываясь впрочемъ именемъ своего предшественника.

Самъ изъ духовныхъ, но юга, Бантышъ-Каменскій, въ отличіе отъ Малиновскаго, не стыдился сохранить свои лучшія чувства для своего сословія. «Со всѣми преосвященными, вспоминаетъ Вигель, велъ онъ обширную и частую переписку, былъ совѣтникомъ и повѣреннымъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ» [2]), и на этихъ симпатіяхъ старика и остановился Малиновскій.

«Изнеможенное состояніе покойнаго предмѣстника моего, продолжалъ онъ, не допустило его употребить въ дѣйствіе той особенной возможности, о которой со мною говаривалъ — разослать понѣсколько экземпляровъ всѣмъ знакомымъ ему архіереямъ и ректорамъ, а сіе знакомство его распространялось на всѣ епархіи» [3]). Получивъ одобреніе этого «полезнаго и приличнаго» средства, Малиновскій и обратился съ циркулярнымъ приглашеніемъ о выпискѣ ко всѣмъ, отъ Ксенофонта подольскаго до Моисея иркутско-алеутскаго.

Но и «полезное» средство принесло мало пользы: изъ епархій послѣдовалъ крохотный запросъ на книгу, какъ и можно было ожидать, въ виду хоть бѣдности духовенства. «Желая, отвѣчалъ ярославскій владыка, Антоній, споспѣшествовать общеполезному изданію такъ важной отечественной книги, я чрезъ благочинныхъ по городу далъ знать: но въ отзывѣ получилъ, что небогатые духовные цѣною удерживаются отъ покупки. Семинарій здѣсь одна только, а малыя училища никакой суммы не имѣютъ» [4]). Рѣзкое исключеніе составила одна слободская (харь-

---

[1]) И позже продажа шла туго: съ 18 февраля по 17 марта было продано всего 27 экземпл. 2 іюля купилъ одинъ экземпляръ К. Калайдовичъ. 2 апрѣля 1815 г. былъ подаренъ одинъ экземпляръ «греческому дворянину (!) Зою Зосимѣ» (Изъ Дѣлъ Комиссіи, 1814 и 1815 г.).

[2]) Воспоминанія, I, 171.

[3]) Приложенія, II, № 2.

[4]) Тамъ-же, II, № 8. Ср. № 9.

ковская) епархія: изъ нея поступило разомъ требованіе на 20 экземпляровъ [1]). И тутъ сказалась особенность юга...

Но и это небольшое поступленіе, при нѣкоторой продажѣ въ Москвѣ, сердечно порадовало канцлера: «къ удовольствію моему усматриваю, писалъ онъ въ іюлѣ, что усердіе и труды, употребленные на изданіе, имѣютъ въ глазахъ публики и любителей отечественныхъ древностей надлежащую цѣну» [2]). Можно-бы подумать и о «договорахъ»... Но тутъ, послѣ медовыхъ дней, наступило огорченіе и отъ самаго перваго тома, «сумнѣніе» относительно его изданія...

Мы видѣли, далеко не конченъ былъ еще первый томъ, какъ канцлеръ (въ февралѣ 1813) хлопотливо занялся вопросомъ о заблаговременной подготовкѣ матеріаловъ для втораго.

Смерть Бантыша-Каменскаго застала канцлера за просмотромъ этихъ матеріаловъ. Но, обративъ главное вниманіе преемника на вопросъ о продажѣ, онъ имѣлъ въ виду первое время, вопросъ-же о продолженіи этимъ не отстранялся: уже въ томъ-же письмѣ, 2 февраля, канцлеръ просилъ Малиновскаго сообщать ему обо всемъ, если найдетъ онъ нужнымъ «дѣлать какія либо устройства», для улучшенія изданія, и Малиновскій поспѣшилъ отослать нѣсколько редакціонныхъ соображеній.

Дѣйствительно, вопросъ о продолженіи изданія, о второмъ томѣ «Собранія», и въ первое же время былъ на-столько предметомъ живаго вниманія канцлера, что даже секретарь Коллегіи, Вестманъ, торопилъ Малиновскаго съ присылкой мнѣнія, что канцлеръ-де очень ждетъ его, именно, о трактатахъ восточныхъ и объ организаціи корректуры, какіе понадобятся шрифты, кто будетъ заниматься выправкою нѣмецкихъ и французскихъ текстовъ, «особливо писанныхъ древнимъ идіомомъ». Въ вопросѣ о корректурѣ самъ канцлеръ остановился было на профессорѣ Шлецерѣ и готовъ былъ даже на это дѣло «употребить вновь сумму, если бы то нужно было» [3]).

Такимъ образомъ, дѣло о продолженіи приняло обычный ходъ, когда вмѣстѣ съ разочарованіемъ о спросѣ на книгу — гроши вмѣсто тысячъ, явилось новое непріятное сознаніе, что

---

[1]) Дѣла Коммиссіи, 1814 г.
[2]) Приложенія, II, № 12.
[3]) Тамъ-же, II, №№ 5, 6.

въ изданномъ томѣ грамотъ, спеціально посвященномъ имъ, много грамотъ пропущено. Явилось «сумнѣніе»—чѣмъ же заняться теперь: продолженіемъ-ли, согласно плану, или дополненіемъ дефектнаго тома? Оно рѣшено было, къ ученой чести канцлера, предпочетшаго интересъ научной полноты новизнѣ впечатлѣній, въ пользу втораго, и вопросъ о продолженіи смѣнился вопросомъ о восполненіи новыми матеріалами уже изданнаго тома. Мы увидимъ, что это восполненіе погребло собою самое продолженіе, а договоры такъ очереди и не дождались.

Уже въ іюлѣ 1814 чиновникъ Коллегіи, Иванъ Нестеровичъ, извѣщалъ Малиновскаго, что графъ «по видимому намѣреваетъ издать въ свѣтъ прибавленіе къ I части», что сюда войдутъ и многіе документы, полученные имъ изъ Риги, Кенигсберга [1]). Въ началѣ-же слѣдующаго года этотъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно, когда канцлеръ наконецъ убѣдился, что не для чего скупиться и связывать «пользу», интересы русской науки, съ неосновательно сдѣланнымъ расчетомъ о прибыляхъ отъ быстрой распродажи перваго тома.

Но понадобилось болѣе года, прежде чѣмъ канцлеръ могъ отрѣшиться отъ своихъ коммерческихъ фикцій, прежде чѣмъ онъ примирился съ дѣйствительностью—фактомъ малой выручки....

«Въ послѣдствіи, писалъ канцлеръ Малиновскому 12 марта 1815 года, къ крайнему сожалѣнію моему оказалось, что нѣкоторые и, можно сказать, многіе акты пропущены. Изыскивая всѣ возможныя средства, какъ бы исправить ошибку, ни мало не удаляясь отъ принятаго плана, я намѣреваю, прежде нежели приступлено будетъ къ изданію въ свѣтъ послѣдующихъ частей, издать дополненіе къ I части» [2]). Старикъ не предвидѣлъ, что эти «многіе акты» — слишкомъ многіе, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, что именно грамоты и не допустятъ до осуществленія «принятаго плана».

Естественно было вспомнить теперь и про палеографическій пропускъ и дополнить изданіе и съ этой стороны.

Редакціонныя работы по дополнительному тому шли въ началѣ быстро. Уже въ томъ-же мартѣ канцлеръ благодарилъ

---

[1]) Тамъ-же, II, № 13.

[2]) Переписка Румянцова, № 17. Тоже—въ Дѣлахъ Коммисіи соотвѣт. года.

Малиновскаго за вторую присылку; онъ надѣется, усердіемъ его вознаграждены будутъ важные пропуски и «исполнится желаніе его отдѣлить внутреннія государственныя постановленія отъ внѣшнихъ, соблюдется должный порядокъ въ изданіи»[1]). Въ іюлѣ было готово 1 отдѣленіе дополненій, а въ сентябрѣ новое, вмѣстѣ съ палеографическими матеріалами.

«Имѣю честь, писалъ Малиновскій тогда, представить 33 рукописанія, по приказанію вашему снятыя съ подлинниковъ въ Архивѣ. Если они удостоены будутъ одобренія вашего, то дозволите-ль пополнить ихъ другими, по временамъ открывающимися»? По мнѣнію его—не лишне бы было для русской палеографіи помѣстить тутъ-же и снимки съ извѣстнѣйшихъ лѣтописей[2]); но онъ повторилъ только старую мысль Бантыша-Каменскаго (ср. выше письмо послѣдняго отъ 18 дек. 1813 г.)

Канцлеръ былъ вполнѣ доволенъ работами Малиновскаго, былъ, по его словамъ, «прельщенъ сими важными пріобрѣтеніями для россійской палеографіи» (въ сущности неважными) и просилъ о пополненіи—о подписяхъ великихъ князей и дьяковъ, писавшихъ грамоты I тома[3]). Въ декабрѣ и эта задача была исполнена, съ присоединеніемъ почерковъ одной изъ архивскихъ лѣтописей и надписи съ Мстиславова евангелія[4]).

Съ началомъ новаго, 1816, года Малиновскій съ редакціей дополнительныхъ актовъ былъ на-столько далекъ, что 14 февраля Коммисія испрашивала уже у канцлера указанія—«въ какомъ видѣ издавать акты: съ поправкою ихъ правописанія, какъ изданы уже въ I части, или сохранять всю точность подлинниковъ, безъ перемѣны буквъ и правописаній»? [5])

Канцлеръ отвѣчалъ, какъ и слѣдовало ожидать: «печатаніе актовъ въ Дополненіи производить безъ малѣйшихъ въ правописаніи поправокъ, сохраняя всевозможную точность подлинниковъ въ отношеніи буквъ и самыхъ знаковъ препинанія» [6]).

---

[1]) Переписка Румянцова, № 19.

[2]) Приложенія, II, № 18, безъ числа. Изъ письма Румянцова (Переписка, № 23) видно, что Малиновскій сразу не вполнѣ понялъ своей палеографической обязанности.

[3]) Переписка Румянцова, № 28.

[4]) Приложенія, II, № 20.

[5]) Приложенія, II, № 21.

[6]) Переписка, № 29. Тоже въ Дѣлахъ Коммисіи 1817 г.

Но собираніе въ интересѣ «возможной полноты», о чемъ такъ хлопоталъ канцлеръ, новыхъ и новыхъ грамотъ въ запасахъ Архива и на сторонѣ заняло еще весь 1816 годъ, и въ октябрѣ канцлеръ счелъ умѣстнымъ подкрѣпить Малиновскаго въ этихъ поискахъ. «Да не устрашаетъ васъ, ободрялъ онъ его, обширное поприще въ собираніи актовъ для II части: чѣмъ полнѣе и совершеннѣе выйдетъ въ свѣтъ Собраніе, тѣмъ болѣе принесетъ вамъ чести, а мнѣ удовольствія». Старикъ расходился теперь до того, что совершенно позабылъ о прибыляхъ: «что-же касается издержекъ, продолжалъ онъ, то я готовъ жертвовать, хотя-бы Собраніе внутреннихъ актовъ потребовало и III ч.» [1]). Наступилъ и 17-ый годъ; но поиски все еще не были у конца, когда сдѣланы были извлеченія изъ сибирскихъ портфелей Миллера, имя котораго исторгаетъ у старика чувство умиленія [2]).

Только въ 17-мъ году началось печатаніе дополнительныхъ грамотъ, а окончилось—лишь съ выходомъ четвертаго тома, уже по смерти канцлера. «Пятымъ томомъ можетъ начаться печатаніе договоровъ», заключалъ Малиновскій Предисловіе къ IV-му тому. Но—его не было...

Такимъ образомъ, изданіе грамотъ перешло даже предположенный широкій рубежъ, поглотило собою изданіе договоровъ, хотя и опасался старикъ, что все грамоты да грамоты —«не охолодитъ-ли все это публику къ изданію нашему», и удерживалъ Малиновскаго, что повтореніе разныхъ вѣнчаній утомительно, и довольно одного [3]).

Труднѣе тянулась-рождалась сверхсмѣтная работа Комиссіи, первая работа безъ стараго Бантыша-Каменскаго: «новый разсадникъ вѣщателей истины» [4]) потребовалъ годы, тогда какъ покойный въ немногіе мѣсяцы былъ готовъ съ громаднымъ трудомъ—редакціей матеріала для всего канона «Собранія»—всѣхъ трехъ частей, предназначавшихся для договоровъ.

Но Бантышъ-Каменскій только пожиналъ, что сѣялъ раньше, въ теченіе полувѣковой своей жизни среди хартій Архива, тогда

---

[1]) Тамъ-же, № 37.

[2]) Тамъ-же, № 45.

[3]) Тамъ-же, №№ 172, 177.

[4]) Выраженія канцлера (тамъ-же № 42) и Бантыша-Каменскаго (въ Предисловіи къ I т.)

какъ теперь приходилось собирать крупицы, и на сторонѣ отъ знакомаго Архива, работать среди новыхъ условій, подъ-часъ довольно неудобныхъ. Такъ, напримѣръ, матеріалъ для «Дополненія» давала и Синодальная (Патріаршая) библіотека, а отношеніе къ ней—цѣлый эпизодъ изъ рабочей жизни Коммисіи.

Уже при первой попыткѣ проникнуть въ содержаніе Библіотеки, Малиновскій встрѣтилъ весьма холодный пріемъ. Въ каталогѣ рукописей Синодальной типографской библіотеки онъ получилъ прямой отказъ [1])—здѣсь орудовалъ Леонтій Магницкій. Только немного милостивѣе была Патріаршая: «ризничій, пишетъ Малиновскій канцлеру въ іюнѣ 1814 г., былъ снисходительнѣе; хотя въ Архивъ и не отпустилъ реестровъ своихъ, но дозволилъ списывать въ кельѣ его» [2]). Правда, въ 1815 г. чрезъ кн. А. Н. Голицына канцлеръ испросилъ у Синода для Коммисіи право «заимствоваться», право ограниченнаго, по его личному признанію, доступа [3]). Но проку было немного.

«При всемъ личномъ благопріятствѣ ко мнѣ ризничаго, я, жалуется Малиновскій и въ сентябрѣ 1815 г., встрѣтилъ непреодолимое препятствіе списывать что-либо въ библіотекѣ Патріаршей. Онъ буквально придерживается указа синодскаго, а мнѣ очень-бы желалось снять копіи съ грамотъ для дополненія I ч. Собранія» [4]).

Канцлеръ только поскорбѣлъ: «меня, отвѣчалъ онъ 29-го октября, много печалитъ неблагосклонность, съ какою допускаютъ насъ рыться въ Патріаршей библіотекѣ», но въ будущемъ обѣщалъ помочь горю [5]).

Дѣйствительно, въ началѣ 1816 г. состоялся новый синодскій указъ — на свободное пользованіе знаменитыми хранилищами, и тѣмъ не менѣе старая пѣсня не прекращалась. Синодальная контора по старому дѣлала помѣхи въ выдачѣ рукописей на руки Коммисіи, такъ что 8 іюня Малиновскій вынужденъ былъ пригрозить управляющему конторой, Магницкому—«третично утруждать Синодъ объ облегченіи Коммисіи спосо-

---

[1]) Приложенія, II, № 10.
[2]) Тамъ-же, № 11.
[3]) Переписка Румянцова, № 23, ср. № 25.
[4]) Приложенія, II, № 18.
[5]) Переписка Румянцова, № 28.

бовъ къ исполненію возложенныхъ на нее по высочайшей волѣ обязанностей» [1]).

Въ тоже время, новыя условія, среди которыхъ очутилась Коммисія при работахъ надъ дополнительнымъ томовъ: созданіе матеріала, и не переписка готоваго; разнообразіе его, требовавшее уже ученой критики для опредѣленія значенія и мѣста; богатство его, въ виду котораго канцлеръ задыхался и въ головѣ его роились новые планы новыхъ трудовъ [2]); самые пріемы изданія—не отступать ни на значекъ, — все это, естественно, осложняло дѣятельность членовъ Коммисіи, привыкшихъ ити по нехитрой традиціонной колеѣ Бантыша-Каменскаго, и Коммисія, по необходимости, въ своемъ большинствѣ, давно очутилась ниже новыхъ требованій, позади ихъ.

Давно Малиновскій стоялъ одиноко, работая, чтобы послужить, по его выраженію, къ благоугодности канцлера, и попадалъ временами въ неловкое положеніе. «Имѣю честь, торжественно доносилъ онъ въ іюлѣ 1815 г., представить извѣстіе объ о т к р ы т і и м н о ю другаго древнѣйшаго списка Слова о полку», а между тѣмъ для художника Ермолаева въ Петербургѣ достаточно было нѣкотораго просмотра, чтобы объявить «открытіе» Малиновскаго нехитрымъ подлогомъ со стороны [3]).

Но если Малиновскій такъ легко ошибался, то что-же сказать о его сотрудникахъ, членахъ Коммисіи набора Бантыша-Каменскаго?

Главный смотритель, Либенау, кажется, изъ портныхъ, былъ надворный совѣтникъ, слѣдовательно, старъ. Его способностей хватало сдѣлать отпись, переписать. Къ тому-же извѣстный сюрпризъ воровскихъ «архивскихъ инвалидовъ» не могъ не тяготѣть надъ нимъ.

Еще молодой, Прилуцкій былъ претрудолюбивый канцеля-

---

[1]) Дѣла Коммисіи, 1816 г.

[2]) Ср. П е р е п и с к у Румянцова, №№ 39, 41.

[3]) Приложенія, II, № 17. Зная страсть Румянцова къ рукописямъ, московскіе антикваріи смастерили рукопись погибшаго Слова о полку, съумѣли убѣдить въ ея подлинности Малиновскаго и въ 1815 г. чрезъ него переслали рукопись въ Петербургъ. Румянцовъ сначала повѣрилъ. Но Ермолаевъ, тогда хранитель славянскихъ рукописей новооткрытой Публичной библіотеки, призналъ подлогъ и канцлеръ не постѣснился сейчасъ-же принять мнѣніе Ермолаева и пожертвовать своимъ московскимъ сотрудникомъ, который, къ своему несчастію, такъ высоко оцѣнилъ свое—небывалое—открытіе.

ристъ, регистраторъ, протоколистъ, точный переписчикъ, исправный чиновникъ, но и только. «Онъ и писецъ, и корректоръ, и казначей», рекомендуетъ его Малиновскій [1]). Много, много, если въ послѣдствіи изъ него выработался-бы новый фризовый сюртукъ — страшилище архивскихъ юношей эпохи Вигеля. Ему, вѣроятно, принадлежало правописаніе «поліографія» въ письмахъ Бантыша-Каменскаго къ канцлеру.

Что-же касается послѣдняго члена, «ученаго» съ полуобразовательнымъ цензомъ, Нестеровича, то давно онъ былъ инвалидъ. «Нестеровичъ, доносилъ Малиновскій въ іюлѣ 1818 г., болѣе двухъ лѣтъ находится въ такомъ болѣзненномъ состояніи, что сей службы (т. е. въ Коммисіи) исправлять не въ состояніи» [2]).

Однимъ словомъ, наборъ Бантыша-Каменскаго отжилъ свой вѣкъ: новое дѣло требовало новыхъ людей.

Это несоотвѣтствіе силъ новымъ задачамъ, неудовлетворительность стараго состава, во́ время отмѣчены были, но не на мѣстѣ Малиновскимъ, а старикомъ въ Петербургѣ, и желаніе впустить въ свою издательскую Коммисію новую, ученую силу —явилось у канцлера давно: но надо было только выждать случая.

Освѣженіе совершилось. Коммисія, съ дѣловымъ издательскимъ характеромъ, незамѣтно преобразилась въ ученый кружокъ. Чиновничьи руки смѣнились призванными—людей призванія, а не мзды. Эти новые люди, но съ тѣмъ-же канцлеромъ во главѣ, вывели «Коммисію печатанія» изъ узкихъ рамокъ томительныхъ грамотъ въ широкое море славянскихъ литературныхъ памятниковъ.

Новыя условія для продолженія Собранія требовали освѣженія. Но того-же и тогда-же требовали и личные интересы канцлера, его съ постоянною силою возраставшія и разнообразившіяся научныя симпатіи, послѣ того какъ онъ забылъ и кунжутное сѣмя (предметъ заботъ въ бытность его министромъ коммерціи), и Наполеона, а своихъ хаотическихъ современниковъ промѣнялъ на родныхъ мертвецовъ, съ ихъ стариной.

---

[1]) Приложенія II, № 34.

[2]) Тамъ же, II, № 31. О родѣ Либенау въ книгѣ Ковалевскаго: «Гр. Блудовъ и его время», 22, если мы вѣрно вскрыли инициалку.

Румянцовъ не былъ человѣкъ науки, но всѣмъ сердцемъ любившій науку, постоянно читавшій и учившійся, хотя и годы, и глаза, съ трудомъ могли дозволять ему это удовольствіе. Онъ любилъ родную старину, будетъ-ли это рукопись, книга или вещественный памятникъ. Но преимущественныя симпатіи его сердца лежали къ рукописнымъ древностямъ, въ словесной старинѣ. Со страстью читая рукописи, старикъ пріобрѣлъ извѣстную палеографическую сноровку, такъ что могъ подавать позже и самостоятельный, мотивированный голосъ, чѣмъ естественно гордился. Извѣстно, что относительную древность евангельскихъ текстовъ онъ опредѣлялъ, и съ основаніемъ, на присутствіи архаическихъ словъ: коуръ и моудити. Съ годами только усиливалась страсть къ старинѣ роднаго слова.

«Моя страсть къ россійскимъ древностямъ, признавался Румянцовъ Малиновскому, умножается и въ старости всѣ прочія страсти замѣняетъ; ея волненія и тревоги, къ счастью, не очень опасны» [1]). Съ удовольствіемъ сообщалъ онъ раньше своему любимому корреспонденту, Малиновскому: «кажется, богатѣю на пользу многихъ, и это заключеніе меня радуетъ» [2]). Мысль о неожиданномъ пріобрѣтеніи напередъ восторгаетъ старика: онъ счастливъ, напримѣръ, что покупкою ненужныхъ книгъ пріобрѣлъ право прежде всѣхъ осмотрѣть ожидаемыя изъ Яссъ 13 харатейныхъ рукописей.

За то волненіе и тревоги у старика, когда онъ сидитъ безъ новыхъ рукописей: онъ мучится. 22-го октября 1820 онъ упрекаетъ Малиновскаго и Калайдовича за то, что не получаетъ отъ нихъ предложенія купить какую-либо древнюю, но вновь отысканную рукопись: «неужели г. Шульгинъ (московскій антикварій) васъ оставляетъ въ такомъ покоѣ и талантъ его потерялъ свою дѣятельность»? Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ тѣже попреки. «Неужели Шульгинъ и его сотоварищи вамъ никакихъ рукописей не предлагаютъ? Мнѣ жаль, ежели въ Москвѣ таковой торгъ перемѣнится». Для успокоенія старика, хотя пріобрѣтшаго между тѣмъ изъ Одессы Холмское харатейное евангеліе, оставалось подать еще надежду на возможность пріоб-

---

[1]) 3 августа 1819. Переписка Румянцова, № 112.

[2]) 4 іюня 1818. Тамъ-же, № 89.

рѣсти много славянскихъ рукописей изъ Галиціи, Молдавіи и Болгаріи [1]).

Но страсть къ личному матеріальному обогащенію стариной, какъ ни велика была она, одна удовлетворить старика не могла. Идеалистъ, канцлеръ не забывалъ вопроса о пользѣ, объ интересѣ общественномъ. Въ немъ всегда былъ живъ этотъ стимулъ. Онъ дѣйствовалъ подъ этимъ знаменемъ, когда велъ политику кунжутнаго сѣмени, пріязни съ Франціей:.. Не въ иныхъ интересахъ открылъ онъ «Собраніе грамотъ». Вотъ почему, параллельно пассивной страсти къ старинѣ — пріобрѣтать, въ историческомъ старикѣ не менѣе живо было и иное чувство — стремленіе дѣйствовать стариной въ интересѣ самопознанія.

Дѣйствительно, одновременно съ главнымъ вопросомъ—о русскомъ Дюмонѣ, Румянцовъ намѣтилъ для себя тогда-же рядъ побочныхъ, филіальныхъ задачъ, но изъ области той-же родной старины, и искалъ для нихъ выхода.

Эти задачи касались двухъ пунктовъ: историко-литературныхъ памятниковъ, предметъ, намѣченный еще университетскимъ Обществомъ Чеботарева, и народныхъ произведеній, особенно, народной исторической пѣсни, которая тогда именно обратила высокое вниманіе образованнаго общества Запада на бездольныхъ сербовъ, благодаря первымъ этнографическимъ трудамъ знаменитаго Вука, столь симпатично встрѣченнымъ въ журналѣ Каченовскаго. [2]) Нѣтъ-ли *своей* сербской пѣсни ?.. Всѣ эти памятники еще болѣе были «вѣщателями истины», чѣмъ оффиціальныя грамоты.

Уже въ мартѣ 1814 года канцлеръ сообщаетъ Малиновскому о рѣшенномъ изданіи лѣтописей: «теперь, пишетъ онъ, мы приступаемъ къ произведенію въ дѣйство предпріятія моего—издать въ свѣтъ древнія историческія наши рукописи въ библіотекѣ Академіи наукъ». Онъ благодаритъ за присылку изъ Архива трехъ лѣтописей, которыя и передалъ на просмотръ ак. Кругу и Оленину, а вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ заняться новымъ сличеніемъ теста Степенныхъ книгъ, кипріяновской и архивскихъ.

Еще осенью 1813 г. Румянцовъ поручилъ Бантышу-Камен-

---

[1]) Тамъ же, № 217.

[2]) Въ 1814 г. вышла Вукова «Мала песмарица».

скому «отыскать» кипріяновскую Степенную, что̀ тотъ и исполнилъ, получивъ ее изъ Синодальной библіотеки въ нѣсколькихъ рукописяхъ [1]). Но работой умиравшаго старика надъ критикой текста канцлеръ былъ недоволенъ. «Изъ письма Бантыша-Каменскаго, писалъ теперь онъ, удостовѣрился я только въ томъ, что въ Синодальной и архивской библіотекахъ дѣйствительно хранится нѣсколько Степенныхъ книгъ, но что содержаніе ихъ не все и не съ надлежащимъ тщаніемъ было разсматриваемо». Канцлеръ указываетъ — при нуждѣ пригласить и «посторонних̀ъ людей» для работы надъ текстомъ [2]).

Въ результатѣ этого «тщанія» было открытіе «очень любопытной статьи о дѣяніи царя Іоанна Васильевича, которая, писалъ Малиновскій, была новостью для Карамзина» [3]). Это была исторія Курбскаго.

Но Степенныя книги все еще не были обслѣдованы, согласно желанію канцлера, и онъ черезъ годъ повторяетъ просьбу, познакомившись теперь съ каталогами Синодальной библіотеки, сравнить текстъ ихъ по двумъ синодальнымъ рукописямъ съ текстами архивскими, и въ тоже время поручаетъ списать рядъ житій русскихъ святыхъ, преимущественно ростовскихъ, Паломникъ Даніила и пр. [4])

Въ такомъ направленіи развивались лѣтописные интересы канцлера, когда къ нимъ присоединились вскорѣ и запросы о народной литературѣ, о русской исторической пѣсни.

«Канцлеръ, писалъ Нестеровичъ изъ Петербурга Малиновскому, убѣдительнѣйше проситъ принять на себя трудъ пріискать древнія богатырскія сказки о Бовѣ королевичѣ, Евдонѣ и Берфѣ и другія, какія только есть древнія сего рода сказки» [5]).

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ запросъ повторяется, чрезъ брата Сергѣя, но на первое мѣсто поставлена былина. «Графъ Сергѣй Петровичъ, пишетъ Малиновскій канцлеру, препоручилъ мнѣ отъ имени вашего узнать о изданныхъ г. Ключаревымъ Древ-

---

[1]) Приложенія, I, № 26.
[2]) Приложенія, II, № 3.
[3]) Тамъ-же, № 7.
[4]) Тамъ-же, № 16.
[5]) Тамъ-же.

нихъ россійскихъ стихотвореніяхъ: всѣ-ль оныя имѣлъ онъ въ старинной рукописи собранныя, или самъ по частямъ собиралъ? Я адресовался съ вопрошеніемъ о томъ къ ученѣйшему и близкому для издателя чиновнику, который ни самъ не могъ удовлетворить моему любопытству, ни свѣдѣніями другихъ не пояснилъ отвѣта своего. По моему мнѣнію, г. Ключаревъ большую часть изданнаго имъ написалъ со словъ сказочниковъ, какіе и на моей уже памяти бывали въ старинныхъ господскихъ домахъ. Нелѣпости и анахронизмы подтверждаютъ мою догадку».

Но эти «нелѣпыя» сказки живо занимали канцлера. Сборникъ Кирши Данилова, изданный въ 1804 году (о немъ рѣчь въ запросѣ), подъ вѣроятнымъ вліяніемъ прогремѣвшаго имени сербской пѣсни, навелъ Румянцова на мысль: нельзя-ли найти для сербской пѣсни русскаго соперника въ современномъ быту народа? Но онъ ищетъ новыхъ справокъ объ этомъ тамъ, гдѣ даже понимать его интересовъ не могли. Малиновскій не въ состояніи былъ понять живаго отношенія канцлера къ какой-то народной былевой пѣсни: онъ достоинство ея мѣрилъ на сухой аршинъ издателя грамотъ, а происхожденію сборника Кирши далъ произвольное поясненіе отъ себя. Убогія книжныя сказки шли у него за одно съ былиной Кирши, въ то время какъ она, догадывался канцлеръ, могла посостязаться съ сербскою пѣснью.

«Въ древнихъ-же рукописяхъ, продолжалъ Малиновскій свою рѣчь о русской былинѣ, случалось мнѣ замѣтить только сказки подъ слѣдующими названіями: Синагрипъ царь Адоровъ, Дѣянія прежнихъ временъ, Сказаніе о Филипатѣ, Аще думно есть слышати о свадьбѣ Девгѣевѣ» [1]).

Малиновскій въ новомъ вопросѣ науки стоялъ далеко ниже канцлера.

---

[1]) Тамъ-же, II, № 18. Любопытно, что, получивъ объясненіе Малиновскаго, Румянцовъ обвинилъ брата въ неточности вопроса: «благодарю васъ, пишетъ онъ тому 29 октября 1815 г., и за то, что намѣрены были по нѣкоторой ошибкѣ гр. Сергѣя Петровича брать свѣдѣніе для меня, въ какомъ источникѣ г. Ключаревъ почерпнулъ напечатанныя имъ древнія наши стихотворенія — мнѣ этотъ источникъ извѣстенъ». (Переписка Румянцова, № 28). Дѣйствительно, источникъ былъ указанъ въ изданіи. Но канцлеръ, вѣроятно, желалъ узнать о новыхъ источникахъ.

Очевидно, для новыхъ, занявшихъ канцлера, интересовъ одного Малиновскаго не доставало: не успѣвалъ онъ отвѣчать на его задачи относительно памятниковъ старины, не могъ быть интереснымъ сотрудникомъ и въ вопросахъ по народной словесности; чиновники-же мелкіе Коммисіи даже для текущихъ интересовъ были уже мало соотвѣтственны. Помощники нужны. Но гдѣ искать? Очевидно, на сторонѣ.

Такимъ образомъ, какъ осложнившіяся условія самой «Коммисіи печатанія», такъ и широкіе научные интересы канцлера желали освѣженія въ ней силъ, пополненія дѣйствующихъ лицъ. Но, надо признаться, первое проявленіе стремленія къ личной реформѣ въ Коммисіи сказалось еще при Бантышѣ-Каменскомъ.

Какъ первая освѣжительная струя, намѣченъ былъ юный Калайдовичъ, и именно самимъ Бантышемъ.

Получиновникъ, полупрофессоръ-доброволецъ въ 18 лѣтъ, въ 20 лѣтъ уже редакторъ журнала Историческаго Общества и читавшій лекціи русской исторіи, по порученію университетскаго Совѣта, для сведенныхъ чиновниковъ [1]), Калайдовичъ тогда-же умѣлъ удачно помѣститься среди научныхъ сокровищъ Москвы.

Синодальная библіотека, предметъ воздыханій Румянцова, была раннею приманкою для Калайдовича, стала раннею его знакомкой, и изъ ея сокровищъ онъ успѣлъ рано уже кое-что извлечь.

Еще при первомъ выступленіи на поприще науки, до погрома Москвы, Калайдовичъ открылъ для себя нелегкій путь въ эту знаменитую сокровищницу русской мысли и труда — Синодальную библіотеку. Бѣжавшій изъ Москвы въ Казань отецъ Калайдовича успокаиваетъ въ августѣ 1813 г. сына, что «синодальныя книги отданы и у меня хранится росписка» — слѣдовательно, отданы до сожженія столицы Ростопчинымъ, когда погибъ домъ со всѣмъ имуществомъ Калайдовичей.

Ополченный офицеръ въ Оршѣ, гдѣ едва не умеръ, но занимается польскимъ языкомъ и бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, Калайдовичъ болѣе всего тревожится о судьбѣ Библіотеки: «успѣли-ли спасти Патріаршую библіотеку и ризницу?» — спрашиваетъ онъ съ похода знакомаго московскаго архимандрита.

---

[1]) См. его формуляръ—Приложенія, II, № 36.

Появленіе въ Коммисіи Строева совпало съ освобожденіемъ злополучнаго юнаго знатока столичныхъ «библіотекъ древностей» изъ монастырскаго уединенія. Мы видѣли, Калайдовичъ давно намѣченъ былъ для службы у Румянцова, самъ канцлеръ желалъ: онъ теперь и поспѣшилъ въ Коммисію; но—все было занято.

Мѣста не было. Но уже давно, съ первыхъ сборовъ по печатанію II части Собранія, ясно сознавалась потребность въ новой должности при Коммисіи—контръ-корректора. Румянцовъ предложилъ это мѣсто проф. Шлецеру [1]). Но Шлецеръ пробылъ не долго, и въ февралѣ 1816 г. Малиновскій уже ходатайствуетъ за «смиреннаго» профессора Черепанова, не смотря на предъявленныя имъ несмиренныя условія: «онъ, доносила Коммисія, соглашается за двѣ тысячи заняться буквальною повѣркою списковъ, безостановочною корректурою и являться для для сего по три раза въ недѣлю» [2]). Но канцлеръ отклонилъ услуги Черепанова и указалъ пригласить корректора за особую по листамъ плату (26 февраля). Очевидно, цѣна профессора въ опытныхъ глазахъ Румянцова была несоразмѣрна съ чаемой отъ него пользой.

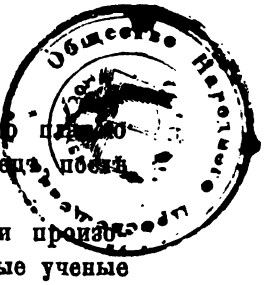
Такимъ образомъ, частная должность контръ-корректора оставалась свободной какъ разъ къ тому времени, когда возвратился въ грѣшный міръ снова Калайдовичъ...

Мы видѣли, 1816 годъ прошелъ еще въ сборахъ матеріала для дополнительныхъ томовъ къ изданному тому грамотъ. Но съ началомъ 1817 г. открылось печатаніе. Въ тоже самое время обслѣдовавшійся раньше личный вопросъ Румянцова объ ключаревскомъ Киршѣ былъ рѣшенъ канцлеромъ въ смыслѣ новаго изданія этого сборника русской исторической пѣсни, при Коммисіи-же: уже въ апрѣлѣ Малиновскій извѣщалъ его, что Древнія Стихотворенія пропущены цензурой, и скоро начнется печатаніе [3]). Слѣдовательно, должность ученаго корректора требовала теперь-же замѣщенія; оба изданія нуждались въ немъ... И дѣйствительно, въ началѣ 1817 года мы находимъ

[1]) Приложенія, II №№ 4, 6. Ср. Переписка Румянцова, 347—350.

[2]) Тамъ же, II, № 21. Въ Словарѣ моск. профессоровъ Черепановъ охарактеризованъ такъ: «смиреніе, простота и христіанская нравственность были отличительными чертами его жизни» (II, 554).

[3]) Приложенія, II, № 24.



на этомъ скромномъ мѣстѣ Калайдовича, съ скромной платой 1000 руб. за изданіе всего II тома [1]), находимъ, наконецъ, послѣ 3 лѣтъ и его въ Коммисіи.

Итакъ, къ началу 17 года въ составѣ Коммисіи произошелъ обмѣнъ. О-бокъ съ чиновниками явились молодые ученые подростки, люди призванія, чтобы преобразованіе повести затѣмъ далѣе.

Съ освѣженіемъ личнаго состава измѣнился и характеръ самой Коммисіи — изъ оффиціальнаго, полу-ученаго учрежденія она незамѣтно преобразуется въ свободный ученый кружокъ, и характеръ ея дѣятельности: при старой «томительной» работѣ надъ «томительными» актами открывается новая дѣятельность, открывается, при руководящемъ участіи канцлера, живая ученая работа.

Старая работа шла своимъ чередомъ, при не слабѣющемъ «тепломъ участіи», даже при «духѣ пристрастія» канцлера, какъ признавался онъ; канцлеръ, который такъ «неутомимо, по выраженію Калайдовича, пекся о пользѣ и чести Коммисіи», горячо принималъ къ сердцу малѣйшее замѣчаніе со стороны, самъ подготовлялъ текстъ [2]). Весной 1819 г. вышла II часть «Собранія грамотъ». Строевъ получилъ орденъ, даже Прилуцкій орденъ, а Калайдовичъ—принятъ, наконецъ, въ число постоянныхъ членовъ Коммисіи, но безъ причисленія къ Архиву и съ тѣмъ-же званіемъ корректора (20 мая), хотя еще въ іюлѣ 1818 г. онъ домогался мѣста давно разслабленнаго Нестеровича младшаго. Въ 1822 г. вышла III часть: канцлеръ получилъ милостивый рескриптъ, Калайдовичъ орденъ и принятъ въ вѣдомство Коллегіи на дѣйствительную службу при Архивѣ, послѣ чего Строевъ удалился отъ канцлера—зависти ради, и на его мѣсто перешелъ Калайдовичъ, «трудами своими преполезный для Коммисіи», по выраженію канцлера, но при явномъ недоброхотствѣ Малиновскаго, который садилъ туда свою креатуру, ка-

---

[1]) Тамъ-же, II, № 28.

[2]) Ср. поспѣшныя обличенія полуученаго друга еп. Евгенія Болховитинова въ Петербургѣ, немного уже намъ извѣстнаго Анастасевича, въ небрежной корректурѣ II тома «Собранія» Калайдовичемъ — Приложенія, II, № 30. Анастасевичъ (молдованинъ родомъ) считался знатокомъ польскаго языка и обвинялъ Калайдовича въ ошибочномъ печатаніи польскихъ текстовъ. О личномъ трудѣ канцлера — тамъ-же, II, № 41.

кого-то Херсонскаго, профессора Духовной академіи [1]). Пошла и IV часть, и увы! все тѣхъ-же грамотъ, при томъ-же «попеченіи Малиновскаго о порядочномъ теченіи дѣлъ Коммисіи»; вспоминается и славянская палеографія—пять таблицъ «съемокъ» «для показанія образа письма въ разныхъ столѣтіяхъ» [2]). Вышла по смерти канцлера.

Но—вся эта почтенная дѣятельность, при вновь создавшихся условіяхъ, отходитъ на второе мѣсто, оттѣсняется и затемняется работою новою, въ которой уже не было мѣста Прилуцкому, единому, уцѣлѣвшему отъ старины, съ его «вѣрностью и трудолюбіемъ, на усердіи къ службѣ основаннымъ», дозволявшимъ ему въ Коммисіи «одному замѣнять многихъ», какъ не переставалъ горячо рекомендовать его предъ Румянцовымъ Малиновскій [3]) — многообразною ученою работою въ области славянскихъ вопросовъ.

Иниціатива, вся честь этого переворота, принадлежала Румянцову. Преобразованіе давно было подготовляемо имъ. Мы видѣли, какъ рано онъ сочувствовалъ кандидатурѣ Калайдовича, хотя послѣдній, по своей винѣ, и не воспользовался чувствомъ старика, какъ твердо онъ стремился дать мѣсто въ дѣятельности своей Коммисіи людямъ призванія, науки. Эти новые люди нужны были ему, сколько для расширявшихся задачъ Коммисіи, столько и для его ученыхъ интересовъ, связанныхъ съ Синодальной библіотекой, народной стариной и пр.

Но вотъ явились эти люди, и энергическій старецъ сильнѣй закопошился. Старые интересы были обезпечены. Теперь, съ новыми сотрудниками, зароились новые вопросы, народились новые интересы. Разрѣшеніе ихъ и составило главное содержаніе дѣятельности, не старой «Коммисіи печатанія трактатовъ», но уже Кружка канцлера Румянцова.

.8.

«Для изысканія и обработки отечественныхъ древностей весьма способный», по признанію даже Малиновскаго [4]),

---

[1]) Обстоятельнѣе объ этой дѣятельности Коммисіи съ 1817—1822 г. см. Приложенія, II, №№ 33, 34, 35, 31, 38, 47—54. Ср. и №№ 45, 46.

[2]) Тамъ-же, II, №№ 56, 58—61.

[3]) Тамъ-же, II, № 34.

[4]) Тамъ же.

новый контръ-корректоръ уже на первомъ трудѣ изъ новой серіи — трудовъ необязательныхъ, на первомъ трудѣ Кружка— изданіи «Древнихъ россійскихъ стихотвореній», показалъ, что ему впереди первое мѣсто въ ученой дѣятельности Коммисіи. Калайдовичу именно принадлежало здѣсь историческое введеніе, такъ понравившееся Румянцову [1]), тогда какъ участіе редактора, Малиновскаго, ограничивалось механической стороной.

Но не на этомъ трудѣ особеннаго характера Калайдовичъ былъ въ состояніи развернуть свои способности, свой опытъ, дозволившій ему отрекомендовать себя предъ канцлеромъ, какъ знатока рукописныхъ древностей. Эта задача ожидала его сейчасъ впереди, когда, на первыхъ-же дняхъ по поступленіи въ Коммисію, онъ сталъ посредникомъ между канцлеромъ и не дававшейся ему Синодальной библіотекой.

Уже давно, еще въ началѣ 14 года, Калайдовичъ познакомилъ брата Румянцова, «этимолога», съ сокровищами Библіотеки, открытыми имъ тамъ Небесами и Шестодневомъ, какъ вѣроятными трудами Ексарха Іоанна, X в. Теперь, возвратившись въ міръ и къ канцлеру, онъ спѣшитъ обратить вниманіе Румянцова, и самъ, и чрезъ Малиновскаго, на свои Небеса, съ изложеніемъ мнѣнія о современности труда эпохѣ славянскихъ первоучителей [2]) Великолѣпный памятникъ болгарской литературы начала X-го вѣка былъ увертюрой къ цѣлой серіи счастливыхъ открытій, отведшихъ Румянцову въ лѣтописяхъ славянской науки почетное мѣсто.

Канцлеръ съ симпатіей встрѣтилъ синодальное сокровище. Онъ сердечно благодаритъ Малиновскаго за «списокъ отысканной г. Калайдовичемъ въ Синодальной библіотекѣ харатейной рукописи заглавія и предисловія». «Отдавая должную справедливость похвальному рвенію и трудамъ г. Калайдовича, прошу васъ, продолжалъ онъ, при изъясненіи истинной моей ему за сіе признательности, повторить убѣжденіе о неослабѣваніи въ занятіяхъ сего рода, дѣлающихъ столько же ему чести, сколько и приносящихъ другимъ удовольствія. Мнѣ желательно бъ было со временемъ для пользы отечественной исторіи напечатать сію рукопись, съ сохраненіемъ возможной подлинника точ-

[1]) Переписка Румянцова № 104.

[2]) «Записки Калайдовича» 1814 г., въ «Лѣтописяхъ рус. лит—ры», пр. Тихонравова, т. III, отд. II, 83. Безсоновъ, Калайдовичъ, 145.

ности, о чемъ и не премину обратиться къ вамъ съ просьбою». Но вслѣдъ за этимъ онъ мѣняетъ намѣреніе и спѣшитъ поручить Малиновскому испросить у московскаго архіепископа Августина разрѣшеніе на изданіе сейчасъ-же синодальнаго сокровища, а въ догонку этому порученію идетъ другое, являющееся любопытнымъ свидѣтельствомъ объ активномъ участіи и самого старика въ дѣятельности своихъ молодыхъ сотрудниковъ и о вѣрной литературной оцѣнкѣ памятниковъ славянской старины.

«Усмотрѣвъ, пишетъ Румянцовъ Малиновскому 23 марта, изъ реестра Синодальной библіотеки (онъ былъ сообщенъ канцлеру еще въ 1815 г.), что въ хранилищѣ семъ находится и другая, повидимому, современная выше означенной рукописи (т. е. «Небесамъ»), а именно Аѳанасія Александрійскаго Четыре слова на аріаны, при концѣ четвертаго подпись старинная: «Сія книга... повелѣніемъ князя нашего Болгарска именемъ Сѵмеона, преложи ихъ епископъ Константинъ въ славенскій языкъ отъ греческа... ученикъ Меѳодія архіепископа Моравскаго», повторяю къ вамъ убѣдительнѣйшую просьбу мою о испрошеніи у преосв. Августина дозволенія списать какъ ту, такъ и другую рукопись, и о доставленіи мнѣ примѣрной смѣты, во что̀ бы могло обойтись напечатаніе сихъ обоихъ древнѣйшихъ памятниковъ словесности нашей. Естьли почеркъ сей послѣдней и уступаетъ древности почерка первой, то самый переводъ оныя, поставляя ее на ряду съ тою, даетъ уже надлежащую ей цѣну» [1]).

Какъ и необходимо было ожидать, Августинъ на просьбу Румянцова отвѣчалъ указаніемъ обратиться въ Синодъ, что «самъ собою дать дозволеніе не властенъ». Малиновскій съ своей стороны предрекалъ, что изданіе въ свѣтъ «Небесъ» будетъ историческимъ памятникомъ для русской словесности. Вторая же рукопись сейчасъ была затребована въ Архивъ и поручена Калайдовичу для «обстоятельнаго описанія» [2]), но знакомая ему уже раньше.

---

[1]) Переписка Румянцова, №№ 46–49. Подъ подчеркомъ Румянцовъ разумѣлъ пріемы письма. Первое письмо—27 февраля.

[2]) Приложенія, II, № 23. Письмо это отъ 2 апрѣля 1817. Изданіе Небесъ не осуществилось. Рукопись эта, XII стол., приготовлена была къ печати Бодинскимъ, но издана, по смерти послѣдняго, А. Поповымъ, въ Чтеніяхъ ист. Общ. за 1877 г., кн. IV, т. е. спустя 60 лѣтъ.

Черезъ мѣсяцъ Калайдовичъ былъ готовъ съ своими первыми замѣчаніями для канцлера объ обѣихъ рукописяхъ—«Небесъ» и «Четырехъ Словъ», но присоединилъ къ нимъ нѣсколько словъ и о другихъ, «имѣющихъ связь съ двумя первыми», писалъ Малиновскій [1]), напр., о «Шестодневѣ».

Такъ полагалось первое зерно будущаго знаменитаго изслѣдованія объ Ексархѣ..... «Обстоятельное-же описаніе» всѣхъ этихъ рукописей у Калайдовича началось много позже—въ началѣ 1819, когда оба памятника на-долго были переданы въ Коммисію [2]).

Удачныя раскопки въ Синодальной библіотекѣ привели къ желанію—повести ихъ шире, перевести за Москву. Не будетъ-ли тамъ чего?... Москва внѣ Кремля не обѣщала поживы.

Извѣстно, что еще университетское историческое Общество носилось съ мыслью объ археологической экспедиціи; но за 12 годомъ ничего не вышло. Теперь на этой мысли остановился Румянцовъ.

На лѣто счастливаго 1817 года Румянцовъ указалъ молодымъ сотрудникамъ своимъ, Калайдовичу и Строеву, объѣхать главные монастыри московской епархіи. Первымъ дѣйствующимъ лицомъ имѣлъ быть, вѣроятно, по настоянію Малиновскаго, не расположеннаго къ Калайдовичу, Строевъ: Калайдовичъ-же, по выраженію его начальника, лишь «препровождалъ» товарища —«изъ любопытства» [3]). Въ дѣйствительности-же ролями они перемѣнились. Свою экспедицію они начали съ никоновскаго Новаго Іерусалима, куда прибыли 10 іюня, такъ какъ отсюда были родомъ, и Небеса, и Шестодневъ. И дѣйствительно, того-же числа былъ открытъ здѣсь Калайдовичемъ Святославовъ Изборникъ 1073 года, извлеченъ на свѣтъ изъ-подъ груды хлама. Расчетъ былъ вѣренъ.

Малиновскій восторженнымъ письмомъ спѣшитъ поздравить канцлера съ добрымъ починомъ, представляя ему первыя донесенія своего любимца Строева, гдѣ хитро говорится объ открытіи Изборника, безъ указанія лица виновника.

«Волоколамская экспедиція въ самомъ началѣ обѣщаетъ уже много успѣха, пишетъ Малиновскій 21 іюня. Калайдовичъ разсказываетъ съ энтузіазмомъ о изобиліи тамъ историческихъ матеріаловъ и о крайнемъ небреженіи объ нихъ со стороны

[1]) Тамъ-же, II, № 25. [2]) Тамъ-же, II, № 32.
[3]) Въ письмѣ отъ 21 іюня къ Румянцову. Приложенія, II, № 26.

отцовъ, святыхъ, но неискусныхъ. Новыми для исторіи открытіями отечество обязано будетъ единственно вашему с—ву. Одно только неудобство—что нѣтъ совсѣмъ переписчиковъ. Учители семинарскіе не знаютъ и не хотятъ знать старинной русской грамоты». Но Малиновскій проситъ не безпокоиться, что противъ этого выступитъ онъ и спасетъ дѣло: «усердіе мое изыскиваетъ теперь всѣ способы, какъ-бы согласить личную корысть съ общеполезнымъ обогащеніемъ»—т. е. найти дешевыхъ переписчиковъ [1]).

Только съ представленіемъ отъ самого Калайдовича канцлеру донесенія «о древней рукописи харатейной» — но чрезъ Малиновскаго, въ концѣ іюня—сталъ ясенъ вопросъ о виновникѣ счастливаго открытія.

«Письмо сіе, доноситъ Калайдовичъ Румянцову отъ 25 іюня, начинаю извѣщеніемъ объ открытіи новаго драгоцѣннаго памятника древней нашей словесности, который есть плодъ патріотическихъ вашихъ попеченій, ибо безъ сего, можетъ быть, еще долго таился онъ въ кучѣ книгъ неважныхъ и покрытыхъ пылью въ углу монастырскомъ... При разборѣ небольшаго числа оставшихся рукописей обрѣтенъ мною сборникъ, извлеченный изъ разныхъ духовныхъ книгъ и написанный въ 1073 году повелѣніемъ вел. князя Святослава дьякономъ (!) Іоанномъ. Языкъ сего сочиненія, нѣсколько словъ о библіотекѣ княжеской и почеркъ рукописи должны привлечь вниманіе любителя древностей» [2]).

Затѣмъ были обозрѣны Савво-Сторожевскій и Іосифо-Волоколамскій монастыри. Въ послѣднемъ Калайдовичемъ были найдены Четыре слова на аріанъ въ переписи 1483 года и новый списокъ Небесъ (1513 г.), вмѣстѣ съ другимъ сочиненіемъ Іоанна Дамаскина—О осми частяхъ слова, имъ-де переведеннымъ, «которое, пишетъ Калайдовичъ, доселѣ мнѣ нигдѣ не встрѣчалось. Списокъ сей называю единственнымъ потому, что къ нему присовокуплено то самое предисловіе, какое находится въ под-

---

[1]) Приложенія, II, № 26.

[2]) Переписка Румянцова, № 54. Очевидно, Калайдовичъ торопливо прочелъ. Извѣстно, рукопись 1073 г.—русская копія болгарскаго оригинала, а подлинникъ былъ написанъ для болг. царя Симеона, какъ открылъ позже Шевыревъ. Лѣтомъ нын. года я имѣлъ случай познакомиться съ Изборникомъ, благодаря любезности ризничаго, о. Владиміра. Изв. строки Послѣсловія выскоблены безслѣдно: пожалуй, миѳологъ вычтетъ Симеона. О. ризничій обратилъ вниманіе на слѣды юга: усы у князя и шапки княжатъ.

линникѣ IX в. (!), въ спискѣ гораздо яснѣйшемъ. Примѣръ сего изволите усмотрѣть изъ начала: Понеже убо святой премудрыи божіи человѣкъ Константинъ и пр. Итакъ, время и счастливый случай, обязанныи бытіемъ своимъ вашему патріотическому рвенію, болѣе и болѣе подтверждаютъ достоинство единственнаго и древнѣйшаго памятника письменъ славянскихъ» [1]).

Сотоварищъ Калайдовича, Строевъ, былъ менѣе удачливъ. Но онъ нашелъ въ Волоколамскѣ Похвалу кагану Володимеру, одно неизвѣстное поученіе Кирилла Туровскаго, пергаменное евангеліе и нѣсколько отрывковъ [2]).

Двунедѣльная экспедиція принесла богатую жатву.

Румянцовъ былъ въ своемъ лѣтнемъ пребываніи, Гомелѣ, когда получилъ отчеты объ открытіяхъ, личный отъ Калайдовича, вмѣстѣ съ полнымъ описаніемъ Сборника 1073 г. [3]), и чрезъ Малиновскаго отъ Строева.

Понятна радость старика. По своему обычаю, онъ тотчасъ -же рѣшилъ печатать Изборникъ. «Къ тому не мѣшкавъ приступить изволите, употребя на то подъ руководствомъ вашимъ Калайдовича, пишетъ Румянцовъ Малиновскому 7 іюля. Изданіе должно быть какъ и самая рукопись.. Мнѣ совѣстно, что такъ невоздержно вызываю васъ на новые труды; но не меня одного вы ими одолжить изволите» [4]). А между тѣмъ вошелъ въ предварительную ученую бесѣду о новомъ памятникѣ съ еп. Евгеніемъ, какъ человѣкомъ особенно опытнымъ.

«Позвольте мнѣ, пишетъ канцлеръ Евгенію 30 іюля, похвалиться предъ вами драгоцѣнною находкою. Между забытыми бумагами Воскресенскаго монастыря отысканъ сборникъ, составленный въ 1073 г. повелѣніемъ вел. кн. Святослава. Онъ писанъ въ большой листъ, на весьма тонкомъ и бѣломъ пергаменѣ въ 2 столбца прекраснымъ уставнымъ письмомъ, украшенъ живописью... Послѣсловіе сей книги написано по подобіи стиховъ и по сему самому есть уже драгоцѣнный памятникъ нашей словесности. Правописаніе сей рукописи и тѣмъ отличается, что буква *щ*, встрѣчаясь очень рѣдко, замѣняется бук-

---

[1]) Т. е., «Небесъ». Тамъ же.

[2]) Тамъ-же, № 53.

[3]) Ср. письмо Строева къ Малиновскому 12 іюня, тамъ-же, № 52.

[4]) Тамъ-же, № 56.

вами *ш* и *т*...» Въ дополненіе этой палеографической особенности припоминаетъ, что «епископъ старорусскій (самъ Евгеній?) недавно нашелъ нѣсколько листовъ рукописей на пергаментѣ, гдѣ онъ впервое замѣтилъ, что буква *щ* вовсе не находилась».

Разъединенная лигатура —*ш*, *т*—останавливала вниманіе Румянцова: она для него еще новинка и старикъ недоумѣвалъ. Онъ ожидалъ объясненія и получилъ отъ поработавшаго въ области русской старины іерарха, не исключая и русской палеографіи (грамоты въ «Вѣстникѣ Европы»).

«Патріотическое тщаніе вашего сіятельства, отвѣчалъ Евгеній 17 авг., объ отысканіи всего того, что объясняетъ отечественную нашу исторію, будетъ памятникомъ вашимъ и въ исторіи нашей словесности... Осмѣливаюсь при семъ же представить нѣкоторыя мои замѣчанія... Сборникъ воскресенскій (т. е. 1073 г.) теперь будетъ у насъ третьимъ подлинникомъ словенской словесности XI в., послѣ Остромирова евангелія и Сборника кн. Щербатова 1076 г. Съ находящагося при немъ изображенія и съ нѣсколькихъ строкъ самаго текста отпечатокъ былъ бы весьма любопытенъ для любителей древностей, ибо мы доселѣ не имѣемъ палеографическихъ отпечатковъ, кромѣ 4: Мстиславовой грамоты, Тмутараканскаго камня, новгородскихъ 2 грамотъ (въ «Вѣстникѣ Европы») и нѣсколькихъ выписокъ, изд. г. Олениным въ своемъ письмѣ о камнѣ Тмутараканскомъ. Но употребленіе въ старинныхъ рукописяхъ буквъ *шт* вмѣсто *щ* не новое открытіе, а давно извѣстное. Въ новгородской и Патріаршей библіотекахъ есть такія рукописи и позднѣйшихъ вѣковъ». Защищая старину буквы *щ*, Евгеній указываетъ на извѣстность ея «и въ первоначальной кирилловской, и въ глаголической азбукахъ». Но въ виду того, что задунайскіе (иллирическіе) славяне произносятъ *щ* какъ *шт*, онъ дѣлаетъ любопытное заключеніе, что воскресенскій списокъ «писанъ кѣмъ нибудь изъ задунайскихъ славянъ, какъ и многія наши старинныя рукописи, пергаменныя и бумажныя, ими-же или у нихъ краснописанію учившимися писаны» [1]).

Извѣстно, какъ блистательно, но много позже, подтвердилась умная догадка нашего іерарха-слависта о происхожденіи кіевскаго Изборника 1073 г.

[1]) Переписка м. Евгенія съ гр. Румянцовымъ, Воронежъ, стр. 6, 7. Ниже изданіе это отмѣчается кратко: Переписка Евгенія.

Естественно, что канцлеръ отвѣчалъ (13 сентября) признательностью за «ученое замѣчаніе на счетъ употребленія буквы *щ*». Но затѣмъ съ щемящимъ сердцемъ вынужденъ былъ сообщить Евгенію, что описаніе сборника скоро появится въ Трудахъ моск. историческаго Общества [1]).

Послѣднее обстоятельство требуетъ поясненія. Старикъ не сразу обратился съ первою вѣсточкою даже къ Евгенію.

Въ то время какъ Румянцовъ считалъ себя, не безъ права, виновникомъ замѣчательныхъ открытій: онъ снарядилъ и руководствовалъ экспедиціей; это право признавали за нимъ столь торжественно и полно и оба молодые сотрудника въ своихъ отчетахъ, а потому считалъ себя и единственнымъ полноправнымъ распорядителемъ судебъ открытыхъ драгоцѣнностей, для чего и приняты были имъ уже первыя мѣры, — тайна открытій была вскрыта предъ публикой, и ревнивый къ своему ученому имени старикъ былъ глубоко огорченъ.

Калайдовичъ былъ человѣкъ независимаго характера: въ 22 года, онъ уже былъ полезенъ своимъ опытомъ самому Карамзину. Самъ Строевъ признавался, что, въ отличіе отъ него, съ его искательностью, Калайдовичъ, «какъ человѣкъ самолюбивый, держался самостоятельности», почему и былъ не по сердцу Малиновскому, который, напр., по словамъ того-же, «не любилъ, чтобы мы, архивскіе, сносились съ исторіографомъ помимо его» [2]). Самостоятельность свою, небреженіе къ чиновничьимъ требованіямъ Малиновскаго, Калайдовичъ обнаружилъ и тогда, когда непосредственно отчитывался предъ канцлеромъ о работахъ, въ противуположность Строеву, который сообщался по начальству. Въ его «Запискахъ» ярка эта черта...

Эту самостоятельность Калайдовича мы видимъ и въ рѣшеніи подѣлиться своими учеными открытіями съ историческимъ Обществомъ (съ которымъ отношенія у него были давно) — въ «Трудахъ» его напечатать представленное имъ канцлеру «полное описаніе» знаменитаго Изборника. Сдѣланныя открытія онъ въ правѣ былъ считать своими, какъ канцлеръ своими. Конфликтъ неизбѣженъ.

Между тѣмъ отношенія канцлера къ Строеву приняли нѣкоторую натянутость — прежде всего благодаря суетности его

[1]) Тамъ-же, 7—8.

[2]) Барсуковъ Н., Жизнь и труды П. М. Строева, Спб. 1878, 43.

характера. Правда, она была сейчасъ-же устранена; но слѣды остались, а чрезъ немного лѣтъ разрѣшилась полнымъ отчужденіемъ канцлера къ наперснику Малиновскаго (въ 1822 г.).

Только съ завистью могъ смотрѣть Строевъ на предпочтеніе ему болѣе опытнаго въ наукѣ Калайдовича у канцлера, на видимое (и не безъ основанія) вмѣненіе чести открытія знаменитыхъ памятниковъ одному его сотоварищу, на свое, дѣйствительно второе мѣсто въ исторіи открытій 1817 года, хотя Калайдовичъ только сопутствовалъ ему — «изъ любопытства». Канцлеръ прямо намѣтилъ Калайдовича будущимъ издателемъ Изборника 1073 г. (въ письмѣ къ Малиновскому), а онъ, Строевъ, за одной черной работой, хотя Малиновскій и видимо выдвигаетъ его, хваля предъ канцлеромъ «успѣхи» его раскопокъ [1]).

Строевъ грозится оставить, и дѣло рукописей, и даже службу въ Архивѣ. Румянцовъ спѣшитъ успокоить «виновника счастливой удачи» (по находкамъ въ Волоколамскѣ); благодаритъ за сдѣланное, проситъ продолжать поиски, обѣщая всяческую подмогу, въ надеждѣ, что, можетъ быть, отыщется желанный харатейный списокъ Нестора или Новгородской лѣтописи [2]). Строевъ продолжалъ работу. Но вслѣдъ за этимъ новое, неожиданное для канцлера, обстоятельство.

Черезъ мѣсяцъ по открытіи древнерусскихъ памятниковъ въ Волоколамскѣ, 15 іюля, Строевъ извѣщаетъ Малиновскаго о предвосхищеніи его открытій со стороны. «На сихъ дняхъ, пишетъ онъ, о. казначей получилъ отношеніе предсѣдателя историческаго Общества, г. Бекетова, съ требованіемъ книги, заключающей въ себѣ Похвалу кагану Владиміру». Правда, Строевъ прибавляетъ, что требованіе было принято съ негодованіемъ о. казначеемъ, преданнымъ-де интересамъ канцлера, что рукописи онъ Бекетову не вышлетъ; но въ виду того, что «требованіе г. Бекетовымъ книги произошло, безъ сомнѣнія, по поводу сношеній его съ вашимъ пр—вомъ, не могу оставить, чтобы не просить нужныхъ къ тому объясненій» [3]).

Изъ этихъ словъ ясно, что виновникомъ разглашенія «тайнъ» былъ самъ Малиновскій. Но иначе взглянулъ на дѣло

---

[1]) Ср. Переписка Румянцова, № 55.

[2]) Письмо къ Малиновскому, отъ 30 іюня (тамъ-же).

[3]) Тамъ-же, № 57.

канцлеръ, получивъ письмо Малиновскаго отъ 20 іюля. Его глубоко взволновали, какъ рѣшимость Калайдовича, такъ и требованіе майора-предсѣдателя, естественно, соблазненнаго легкостью добычи. Но въ его глазахъ вѣстовщикомъ былъ самъ Строевъ, неизвѣстно только почему: Малиновскій-ли свалилъ вину на Строева (переписка Малиновскаго еще не вся издана), или въ подозрѣніи сказались недавнія непріятныя воспоминанія о его характерѣ?

Свое горькое чувство по оповѣщенію «тайнъ» Румянцовъ излилъ въ письмѣ отъ 12 августа, изъ Гомеля.

«Вы, пишетъ онъ Малиновскому, меня премного одолжить изволите, ежели отклоните П. И. Бекетова отъ намѣренія требовать Похвалу кагану.... Чего желаетъ онъ, чего желаю я? Сдѣлать сіе сочиненіе печатію извѣстнымъ. А есть-ли въ томъ какая справедливость, чтобъ у меня, такъ сказать *изъ рукъ вырвали*, не допуская до исполненія того, что я въ благой своей мысли и на пользу общую неутомимымъ трудомъ и нѣкоторою издержкою собирать буду? Я долго таилъ найденныя рѣдкости г. Калайдовичемъ, но недавно и именно въ томъ опасеніи, что онъ тѣже извѣстія самъ передастъ своимъ знакомымъ, поставилъ себѣ въ долгъ дать знать о Сборникѣ преосв. Евгенію, Н. М. Карамзину и г. Кругу».

Такимъ образомъ, и первое письмо къ Евгенію было вынужденнымъ.

«Но, продолжаетъ канцлеръ о своихъ дѣйствіяхъ въ будущемъ, впередъ отъ подобныхъ сообщеній готовъ воздержаться, ежели вы мнѣ доставить изволите *полное увѣреніе*, что ни Калайдовичъ, ни Строевъ не будутъ никому ни письменныхъ, ни словесныхъ дѣлать объ отысканныхъ манускриптахъ для меня увѣдомленій» [1]). Въ свою-же очередь онъ обязывался предоставить имъ честь изданія ихъ рукописей.

Но ревнивый старикъ особенно опасался Строева: онъ продолжалъ розыски въ іюлѣ, августѣ въ бѣгло осмотрѣнныхъ раньше монастыряхъ, на его счетъ, и розыски увѣнчались успѣхомъ; прежде онъ грозилъ уходомъ, а теперь уходъ его сопровождался-бы полнымъ грузомъ открытій; въ накладѣ былъ-бы одинъ канцлеръ.

---

[1]) Тамъ-же, № 59.

Благодаря Строева за «жатву» — открытіе новыхъ списковъ извѣстныхъ древнерусскихъ сочиненій (Вопрошаніе Кирика, Правило Кирилла и др.), нѣкоторыхъ новыхъ (Повѣсть Кирилла мниха, Молитва Константина Философа въ стихахъ), но выражая сомнѣніе въ подлинности Молитвы съ желаніемъ имѣть датованныя рукописи, Румянцовъ прямо требуетъ отъ Малиновскаго: «васъ и г. Строева покорно прошу ни до чьего свѣдѣнія и ни подъ какимъ видомъ не доводить того, что̀ тамъ (въ Савв. монастырѣ) отыщется и потребуйте сего настоятельно отъ г. Строева»[1]).

Принявъ мѣры для будущаго, канцлеръ волей-неволей уступилъ въ своей прѣ съ историческимъ Обществомъ, получивъ просьбу лично отъ Бекетова. «Я такъ далекъ, пишетъ съ наружнымъ спокойствіемъ Румянцовъ Малиновскому отъ 17 сент., почитать себя въ правѣ препятствовать сдѣлать краткое описаніе Сборника — себѣ только предоставляю полное изданіе. Нѣтъ причины, почему-же бы я сталъ помѣхою въ полученіи Похвалы кагану»[2]).

Но на дѣлѣ онъ по старому душею болѣлъ за появленіе соперника въ лицѣ Бекетова, по старому видѣлъ въ немъ перекупщика, и уже въ послѣднюю минуту остановился на мысли —уплатой гонорара отклонить Калайдовича и Строева отъ печатанья въ Обществѣ. Въ этомъ смыслѣ позволяемъ себѣ протолковать темноватое заключеніе того же письма къ Малиновскому отъ 17 сентября: «вы меня премного одолжить изволите, ежели г. Строеву и Калайдовичу скажете отъ меня, что я очень охотно готовъ платить за ихъ трудъ то воздаяніе, которое они отъ г. Бекетова получаютъ, т. е. по 20 р. за листъ, и притомъ себя обязаннымъ почту».

Въ такомъ-то удрученномъ состояніи духа Румянцовъ извѣщалъ пр. Евгенія о прискорбномъ для него появленіи «Трудовъ» историческаго Общества съ «перехваченнымъ» описаніемъ завѣтнаго Изборника, стоившимъ ему не мало крови...

9.

Теперь заботы Румянцова вошли въ новую стадію—утилизаціи собранной «жатвы» послѣ счастливаго лѣта 1817 года.

[1]) Тамъ-же, № 63.
[2]) Тамъ-же, № 65.

Воскресли изъ многовѣковаго забвенія старые болгаре, старые русскіе: Іоаннъ Ексархъ, епископъ Константинъ; Іоаннъ, дьякъ кіевскій, Кириллъ Туровскій, а еще болѣе—безъименные, такъ печалившіе канцлера. Приходилось сказать тогда, перефразируя слова Румянцова: «въ нашихъ рукахъ богатое поле оказываться стало: вопросъ—найдется-ли изящный мастеръ для обработки его»? За деньгами остановки, по видимому, не могло быть: «я, говорилъ теперь старикъ, отнюдь не пугаюсь издержками»[1]).

Если раньше научные интересы канцлера сосредоточивались въ строгихъ предѣлахъ отечественныхъ древностей: въ 1817 году приходило къ концу румянцовское изданіе Льва дьякона въ Парижѣ — «теперь г. Газе по просьбѣ моей, пишетъ онъ въ сентябрѣ Евгенію, приступитъ къ напечатанію Пселлюса и Гамартола»[2]); «изъ библіотеки Британскаго музея я, прибавляетъ онъ, получилъ списки любопытныхъ бумагъ, касающихся до Россіи, по времени нераннихъ», и надѣется вмѣстѣ пересмотрѣть и воспользоваться наставленіями «мужа ученаго и духомъ истинной исторической критики преисполненнаго»[3]),—то теперь, послѣ жатвы 1817 года, они раздвоились. Открылась литературная старина былыхъ болгаръ, паннono-болгарская письменность начала X-го столѣтія, труды учениковъ Меѳодія, «архіепископа Моравска»—оставить ихъ нельзя...

Жажда изданія, и быстраго, всей этой, только что открытой, рукописной старины была теперь у канцлера не меньше, чѣмъ раньше жажда находокъ, пріобрѣтеній. Хотя Румянцовъ и совѣтовалъ своимъ сотрудникамъ «не къ спѣху, да къ успѣху», но самъ-же отступалъ отъ своего правила. Привыкшій къ правильной получкѣ отъ Малиновскаго, по истеченіи короткихъ интерваловъ, листовъ «Собранія грамотъ», старикъ надѣялся видѣть и изданіе невѣдомыхъ памятниковъ глубокой старины, не только русской, но и общеславянской, столь-же скоро.

Мы видѣли, при первомъ извѣстіи о значеніи Небесъ Ексарха, открытій Изборника 1073 года, вопросъ объ изданіи ихъ былъ уже рѣшенъ: оно возлагалось на Малиновскаго и

---

[1]) Тамъ-же, № 91, къ Малиновскому, 6 января 1818 г.

[2]) Переписка Евгенія, 8.

[3]) Отъ 1 мая 1817, тамъ-же, 6.

Калайдовича. Мы видѣли далѣе, что канцлеръ обязывался не лишать обоихъ дѣятелей 1817 года, Калайдовича и Строева, правъ ихъ литературной собственности.

Но, положивъ открыть для исторіи литературы славянъ старѣйшіе и представительнѣйшіе памятники славянскаго слова, Румянцовъ не безъ удовольствія видѣлъ, что этимъ онъ въ тоже время оказываетъ наукѣ и вторую службу: ему улыбалась надежда быть основателемъ и славянской палеографіи, потребность въ которой такъ настоятельно чувствовалась современниками.

Рукопись Небесъ, какъ мы видѣли, имѣла быть напечатана «съ сохраненіемъ возможной подлинника точности». Изданіе Изборника «должно быть какъ и самая рукопись». Заказывая въ августѣ 1818 года художнику Ратшину сдѣлать образцовую копію Изборника, канцлеръ требовалъ отъ него —«не только рѣчь, но и каждую литтеру скопировать въ точномъ ея видѣ, не осмѣливаясь прибавить или убавить ни надстрочнаго ударенія, ни знака препинанія» [1]).

Дѣйствительно, давно уже слышались жалобы на безпомощность въ вопросахъ славяно-русской палеографіи и указывались средства пособить горю. Жаловался Каченовскій, жаловались и другіе.

«Я, пишетъ преосв. Евгеній Оленину въ январѣ 1816 г., за четыре года предъ симъ въ Вологдѣ, писавши о грамотѣ Мстислава, ничего не имѣлъ въ помощь себѣ, кромѣ Гаттереровой Дипломатики, нѣсколькихъ отысканныхъ мною по вологодскимъ монастырскимъ архивамъ грамотъ и справокъ съ Московскимъ иностраннымъ Архивомъ, доставленныхъ мнѣ пок. Бантышемъ-Каменскимъ. Мое намѣреніе было при изъясненіи сей грамоты составить хотя краткое начертаніе русской дипломатики, примѣняясь къ общей Гаттереровой: ибо у насъ, сколько мнѣ извѣстно, никто еще не начиналъ сего». Къ этому дѣлу Евгеній приглашалъ и самого автора «Письма о Тмутараканскомъ камнѣ»: «если получу я помощь отъ в. в—ва, то надѣюсь усовершить мое сочиненіе» [2]).

---

[1]) Ратшинъ Малиновскому 4 окт. 1819. Переписка Румянцова, № 138.

[2]) Переписка Евгенія, 4.

Но тѣже мысли занимали и Румянцова—подготовленіе матеріаловъ для русской палеографіи. Объ этомъ онъ мечталъ раньше. Теперь-же палеографическій вопросъ сдѣлался для него особенно близкимъ.

Довольный поисками Строева, его открытіями памятниковъ русскихъ писателей, Румянцовъ тѣмъ не менѣе сѣтуетъ, что мало подлинниковъ, а много безъименныхъ. «Для палеографіи, указываетъ онъ Малиновскому, очень-бы важно было, если-бы въ числѣ столь многихъ древнихъ сочиненій находилися такія, которыя писаны ежели не самими сочинителями, то по малой мѣрѣ въ ихъ времена» [1]). Но онъ сѣтуетъ и на отсутствіе помощниковъ себѣ для дѣла палеографіи. Сообщая преосв. Евгенію, въ изв. письмѣ 13 сентября, объ особенностяхъ письма Изборника 1073 г., Румянцовъ продолжаетъ: «я съ вашимъ преосв—вомъ въ полной мѣрѣ дѣлю желаніе видѣть россійскую палеографію и заготовялъ нѣсколько уже матеріаловъ для сочинителей оной; но гдѣ сіи сочинители? Укажите мнѣ особъ, на то способныхъ, и притомъ готовыхъ трудъ понести. Въ подобныхъ отысканіяхъ по сю пору я не слишкомъ удачно дѣйствую». Признаніе—въ высшей степени любопытное: самъ канцлеръ уже видѣлъ, какъ недостаточенъ былъ для него теперь Малиновскій, какъ недостаточна была одна чиновничья его команда: «за-ни-май-ся» [2]).... Опытный іерархъ успокаиваетъ торопливаго старика практическимъ совѣтомъ—издавать пока матеріалы, а палеографія сама появится. «Нужны, отвѣчалъ Евгеній, матеріалы, которые когда появятся, то появятся и у насъ мастера Монфоконы. Такимъ путемъ шли иностранцы и въ своей дипломатикѣ, коей до исхода XVII в. на свѣтѣ не было» [3]).

Совѣтъ старѣйшаго нашего палеографа какъ нельзя лучше совпадалъ съ обстоятельствами дня, съ рѣшимостью канцлера—открыть печатаніе памятниковъ и быстро повести дѣло.

Въ 1818 г. архивскія изданія Калайдовича и Строева, приходили къ концу: второй томъ Собранія грамотъ, Судебники. Готовилось къ выходу и «побочное изданіе», все того-же Калайдовича—Кирша.

---

[1]) 3 сент. 1817. Переписка Румянцова, № 63.

[2]) Ср. занятную инструкцію Малиновскаго въ 1821 году членамъ Коммиссіи, кому чѣмъ заняться—Приложенія, II, № 45.

[3]) Переписка Евгенія, 8, 9.

Слѣдовательно, свободно было канцлеру открыть новую серію изданій, чтобы «ознаменовать» наступающіе годы.

«Я, писалъ Румянцовъ Малиновскому, пребываю въ пріятной для себя надеждѣ, что окончаніе нынѣшняго года ознаменуется появленіемъ всѣхъ трехъ изданій, начатыхъ въ Москвѣ подъ попеченіемъ вашимъ; ихъ окончя, станемъ заниматься Сборникомъ, экзархомъ Іоанномъ и Софійскою лѣтописью. Во Москвѣ все идетъ исправно и медленности большой нѣтъ; здѣсь подобные-же труды, мною предпринятые, ни мало не достигаютъ своего окончанія» [1]).

Дѣйствительно, изъ Москвы даже торопили съ изданіемъ самого торопливаго канцлера нетерпѣливые виновники открытій 1817 года.

. 10 .

Румянцовъ на первое мѣсто ставилъ Изборникъ 1073 г.: и время опредѣленное, сближающее его съ Остромиромъ, и русскій памятникъ, и роскошный рисунокъ, съ портретами князей, южнорусскими нарядами того времени.

---

[1]) Переписка Румянцова, № 97, отъ 6 окт. 1818 г. Софійская лѣтопись найдена была Строевымъ въ Новоіерусалимскомъ монастырѣ въ новгородскихъ мѣсто, которыхъ такъ доискивался Румянцовъ Подъ своими петербургскими изданіями канцлеръ понималъ тогда между прочимъ изв. трудъ еп. Евгенія: «Словарь росс. писателей духовнаго чина». 25 окт. 1818 г. онъ писалъ Малиновскому: «будучи премного къ сочинителю приверженъ, я здѣсь на свой счетъ сіе твореніе печаталъ; но извольте посмотрѣть, съ какою неудачею» (тамъ-же, № 99). Евгеній письмо свое Румянцову отъ 9 апрѣля 1817 г. поручаетъ передать «пріятелю своему колеж. сов. Анастасевичу, человѣку любящему все отечественное и имѣющему многія въ семъ свѣдѣнія. Осмѣливаюсь препоручить его благоволенію вашего с—ва» («Переписка Евгенія», 6). Румянцовъ спѣшитъ благодарить, «что мени познакомить изволили съ достойнымъ г. Анастасевичемъ» (т.-же). Но «пріятель» Анастасевичъ, принявшій на себя изданіе «Словаря писателей дух. чина», оказался столь небрежнымъ къ труду Евгенія, что самъ владыка былъ крайне раздраженъ; въ тоже время Анастасевичъ все жаловался на свою бѣдность, торговался съ Евгеніемъ о продажѣ даровыхъ экземпляровъ изданія.—Словомъ, Анастасевичъ былъ полной дисгармоніей въ кружкѣ безкорыстныхъ тружениковъ Румянцова. Румянцовъ жалуется Евгенію: «Когда г. Анастасевичъ принесъ мнѣ одинъ экземпляръ напечатаннаго важнаго Словаря дух. рос. писателей,

«Вашему сіятельству, безъ сомнѣнія, не непріятно будетъ слышать, писалъ Калайдовичъ 4 марта 1818 г. изъ Москвы, что драгоцѣнный Сборникъ 1073 г. полученъ П. И. Бекетовымъ; первый листъ, изображающій вел. кн. Святослава и его семейство, отданъ Алексѣемъ Ѳеодоровичемъ (т. е. Малиновскимъ) для вѣрнѣйшей скопировки, а я занимаюсь подробнымъ описніемъ самой рукописи. Государыня императрица Марія Ѳеодоровна желала видѣть сіе сокровище» [1]). Но Румянцовъ дѣйствіями Малиновскаго не былъ удовлетворенъ и препоручилъ ему сдѣлать заказъ—снять Изборникъ цѣликомъ, со всѣми его рисунками. «Прошедшаго года въ началѣ августа, писалъ художникъ Ратшинъ Малиновскому 4 октября 1819 г., я имѣлъ честь получить отъ в. пр—ва препорученіе снять точную копію съ древняго харатейнаго Сборника и срисовать находящіяся при немъ картины для его с—ва» [2]).

Но самъ Калайдовичъ увлекся и увлекалъ другихъ не русскимъ Изборникомъ, а болгарскимъ Ексархомъ, и не безъ основанія: труды Ексарха — памятникъ только еще вскрывав-

---

я восхищался, но радость моя скоро перемѣнилась на печаль, когда я усмотрѣлъ, что сіе для меня по многимъ причинамъ драгоцѣнное сочиненіе издается въ свѣтъ такъ дурно, что едва ли есть хуже сего изданія. Могъ-ли я ожидать отъ г. Анастасевича, къ коему съ полною довѣренностью обратился я, сложивъ на него одного все попеченіе, такое явное небреженіе, и тѣмъ для меня удивительнѣе, что онъ вамъ, кажется, совершенно преданъ и мною быть довольнымъ имѣетъ причину. Я точно требовать буду, чтобы первый листъ всякаго тома перемѣненъ былъ; не принесетъ мнѣ то чести, а неминуемо подвергнетъ меня осужденію, что на сихъ листахъ сказано, что изданію таковому я причиною». Румянцевъ расчитывалъ вскорѣ начать второе изданіе, но уже въ Москвѣ: «тамъ, мнѣ кажется, исправнѣе здѣшняго занимается всякой своимъ дѣломъ» (т.-же, отъ 21 октября 1818 г.). А Евгеній отвѣчаетъ тѣмъ же канцлеру: «О Словарѣ моемъ в. с—ву донесу слѣдующее. Я, уступивши часть барышныхъ экземпляровъ Анастасевичу, по снисхожденію къ описываемой имъ своей бѣдности, уступилъ ему даже право пустить прежде въ продажу его экземпляры» (начала 1819 года, т.-же 16). Впрочемъ, Евгеній не переставалъ относиться хорошо къ своему Анастасевичу: «Анастасевичъ весьма умный и свѣдующій литераторъ; но совсѣмъ не его дѣло изданіе книгъ, для котораго нужны зоркіе глаза, опытность въ корректурѣ». (4 ноября 1818, т.-же, 14).

[1]) Безсоновъ, Калайдовичъ, стр. 148.

[2]) Переписка Румянцова, № 138.

шейся, при его прямомъ участіи, славянской письменности начала X-го вѣка.

Калайдовичъ охотно дѣлился своими рукописными свѣдѣніями о далекой литературѣ славянъ съ Карамзинымъ, особенно объ Ексархѣ, и они цѣликомъ вошли въ примѣчанія къ I тому Исторіи Госуд. Росс., вышедшему въ 1818 г. Какъ живо былъ задѣтъ исторіографъ Ексархомъ, какъ глубоко онъ цѣнилъ въ тоже время умнаго и неутомимаго работника науки, видно изъ ихъ живой переписки. Приготовляя второе изданіе, Карамзинъ въ письмѣ 11 іюня 1818 г. проситъ о полной выпискѣ изъ Ексархова Шестоднева объ изокахъ: «я не присвою себѣ вашихъ открытій, а скажу публикѣ, чѣмъ вамъ обязана исторія» [1]). Одинъ только Евгеній, привыкшій къ дипломатическимъ работамъ, кивалъ головой надъ неслыханнымъ Ексархомъ и препирился съ Калайдовичемъ; но послѣдній откровенно указывалъ іерарху его невѣдѣніе въ данной области. «Замѣчу, заключалъ Калайдовичъ свое письмо къ ученому іерарху по поводу только что изданнаго Румянцовымъ, но подъ его наблюденіемъ, Словаря Евгенія, что нѣкоторые изъ древнихъ писателей нашихъ укрылись отъ вашего вниманія. Къ таковымъ принадлежатъ: Іоаннъ Ексархъ болгарскій, переведшій книгу І. Дамаскина Небеса, его-же О осьми частяхъ слова, Шестодневъ Василія Великаго, и оставившій два имъ сочиненныя слова; епископъ Константинъ, переложившій въ 907 г. Четыре слова на аріанъ Аѳанасія Александрійскаго. Въ оправданіе мое готовъ собирать вамъ подкрѣпленія къ моимъ благонамѣреннымъ замѣчаніямъ» [2]). Говоря это, Калайдовичъ какъ-бы цитуетъ страницы изъ будущей классической статьи знаменитаго Шафарика: «Разцвѣтъ славянской литературы».

20 сентября 1818 года Калайдовичемъ были представлены канцлеру ученыя «Замѣчанія» на Ексарха, при «любопытномъ, по выраженію канцлера, письмѣ». «Замѣчанія» подѣйствовали на Румянцова. «Дополненія ваши, отвѣчалъ онъ Калайдовичу 6 октября, къ замѣчаніямъ на предисловіе Ексарха Іоанна очень любопытны: не пора-ли бы приступить возвѣстить публикѣ таковыя его творенія въ древней рукописи, отысканной вами, и

---

[1]) Безсоновъ, Калайдовичъ, 112, 113

[2]) Тамъ-же, 108—109.

объ нихъ ученыя заключенія? Я пишу объ этомъ къ Алексѣю Ѳеодоровичу, прося его, переговоря съ вами, начертать планъ таковаго сочиненія и мнѣ предложить» [1]).

Дѣйствительно, тогда-же, 6-го октября, Румянцовъ писалъ Малиновскому: «вы изволите усмотрѣть (т. е. изъ отвѣта Калайдовичу), что мнѣ очень хочется довести до свѣдѣнія нашихъ ученыхъ мужей всѣ его открытія и замѣчанія на древнѣйшій манускриптъ перевода Ексарха Болгарскаго». Затѣмъ переходитъ къ плану: но канцлеръ въ недоумѣніи предъ первымъ вопросомъ—допуститъ-ли духовная цензура всего Ексарха—сомнѣніе, возбужденное въ немъ Малиновскимъ.

«Въ изданіи полномъ, писалъ онъ, встрѣтится со стороны духовенства нѣкоторое препятствіе; но, кажется мнѣ, въ полномъ изданіи, поелику сей трудъ Ексарха переводъ, а не сочиненіе, надобности нѣтъ, а вся важность и польза сохранится, ежели при біографическомъ описаніи времени, жизни и трудовъ сего Ексарха, многія статьи разныхъ переводовъ его не токмо въ точности прописаны будутъ, но даже хотя-бы въ иныхъ мѣстахъ цѣлыми листами fac-simile внесены были; важно то, чтобъ сохранить отъ гибели печатью однажды на-всегда такой древній памятникъ слога славянскаго языка».

Дѣйствительно, въ интересѣ слога достаточенъ и этотъ пріемъ — представить точные отрывки и такимъ образомъ обойти цензуру.

Тѣмъ не менѣе Румянцовъ предоставлялъ своему любимому корреспонденту, въ сужденіи о планѣ изданія не стѣсняться сдѣланными соображеніями, и въ заключеніе повторялъ просьбу —«исполнить теплое мое желаніе спасти отъ гибели сей почтенный остатокъ древняго нашего просвѣщенія, и сдѣлать и то благодѣяніе—приступить къ смѣтѣ, во что̀ станетъ изданіе» [2]).

---

[1]) Тамъ-же, 149.

[2]) Переписка Румянцова, № 97. О вандализмѣ въ обращеніи съ рукописями—свидѣтельство Строева въ письмѣ къ Малиновскому отъ 29 янв. 1818. Онъ говоритъ о библіотекѣ въ Новоіерусалимскомъ монастырѣ Никона: однѣ рукописи расхищены, «другія нарочно сожжены епископ. Саливестромъ, который почиталъ ихъ совсѣмъ ненужною дрянью. Если-бы архим. Аполлосъ не остановилъ сего варварскаго всесожженія, то, по словамъ намѣстника, вся библіотека подверглась-бы одинаковой участи». (Тамъ-же, № 74). Были-ли вуто-да-ее и въ другихъ монастыряхъ, не знаемъ; но о полномъ

Къ сожалѣнію, соображенія, внушенныя опасеніями предъ цензурой, вошли въ программу изданія знаменитаго труда Калайдовича: «Іоаннъ Ексархъ Болгарскій». Малиновскій не могъ подать голоса противъ себя.

Къ концу 1818 года переговоры по изданію Ексарха были окончены между Румянцовымъ и Калайдовичемъ «...Поручаю снисходительности вашего с—ва, пишетъ Калайдовичъ канцлеру 17 октября, при семъ представляемый планъ изданія Ексарха Болгарскаго» [1]). «Поблагодарите, отвѣчаетъ старикъ письмомъ къ Малиновскому, отъ имени моего г. Калайдовича за то, что сбирается приступить подъ руководствомъ вашимъ къ изданію перевода Іоанна Ексарха» [2]).

Въ тоже время поручена Строеву редакція Новгородской лѣтописи, съ обычнымъ указаніемъ — приступить не теряя времени [3]). Не могъ забытымъ быть и завѣтный Изборникъ 1073 г.: «много тѣмъ утѣшаюсь, писалъ Румянцовъ 8 декабря, что будущій годъ ознаменуется изданіемъ извѣстнаго Сборника» —помимо тѣхъ двухъ. Мы видѣли, художнику Ратшину былъ сдѣланъ заказъ изготовить художественную, и въ тоже время палеографически точную, копію рукописи, и лѣтомъ слѣдующаго года работа эта была выполнена.

Въ половинѣ января новаго, 1819, года цѣлый ворохъ драгоцѣнныхъ рукописей прибылъ въ Архивъ — въ свободное распоряженіе Калайдовича, изъ двухъ знакомыхъ мѣстъ: библіотекъ Синодальной и Волоколамскаго монастыря. Во главѣ этой присылки были: оба пергаменные текста трудовъ Ексарха: Небеса и Шестодневъ. На подмогу имъ былъ рядъ тѣхъ -же текстовъ, но по рукописямъ позднѣйшимъ. Кромѣ того тутъ были—предположенные Калайдовичемъ другіе литературные труды Іоанна, извѣстный трудъ современника ексархова Ниаріаны, слова Кирилла Туровскаго. Очевидно, кромѣ послѣдняго произведенія, всѣ остальныя рукописи имѣли дать

пренебреженіи къ старымъ рукописямъ свидѣтельствуетъ и самъ преосв. Евгеній, когда, въ бытность свою въ Новгородѣ, онъ успѣлъ спасти отъ «гибели» изъ кучи мусора, нѣсколько выброшенныхъ вонъ памятниковъ XI вѣка—изъ «архива гніющихъ дѣлъ».

[1]) Безсоновъ, Калайдовичъ, 150.

[2]) 20 ноября. Переписка Румянцова, № 101.

[3]) Въ томъ-же письмѣ.

фондъ для изданія Евсарха. Теперь Синодальная библіотека была уже вполнѣ любезна къ Кружку Румянцова — не торопила съ возвратомъ своихъ драгоцѣнностей, не мѣшала Калайдовичу, посылала новыя рукописи въ Коммисію, и оба основные, пергаменные текста были возвращены ей только спустя шесть лѣтъ, когда знаменитый сотрудникъ канцлера уже издалъ въ свѣтъ своего любимца [1]).

Работа надъ Евсархомъ началась при нелегкихъ условіяхъ для Калайдовича. Ему предстояло вскрыть далекую, почти неизвѣстную эпоху, быть піонеромъ туда, трудъ медленный, на много лѣтъ; предстояло оправдать «твердую надежду» канцлера, что его «усердіе и способности ознаменуются и вяще, и вяще» [2]), а тутъ—холодность чиновнаго Малиновскаго, матеріальная нужда. Одинъ канцлеръ, который цѣнилъ Калайдовича: «буду стараться занимать его извѣстный талантъ безпрерывно», повторялъ онъ о себѣ, былъ его опорою. «Вы возвратили полптическое бытіе человѣку», благодарилъ онъ графа, но тутъ-же напоминаетъ и о жалованьѣ, которое «хотя нѣсколько обезпечило-бы его въ занятіяхъ, требующихъ постоянства и вниманія, а вмѣстѣ оживило дѣятельность и дало новыя силы, готовыя на пользу общественную» [3]). И канцлеръ не былъ глухъ: онъ уже въ сентябрѣ поспѣшилъ приказать Коммисіи производить жалованье Калайдовичу по 600 р. въ годъ—«изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи всѣхъ вообще книгъ, издаваемыхъ моимъ иждивеніемъ и въ пользу Коммисіи предоставленныхъ», пояснилъ онъ [4]).

Ловкій Строевъ повелъ быстро изданіе Новгородской лѣтописи: въ октябрѣ были уже готовы два листа. Канцлеръ много утѣшенъ и упрекаетъ уже осторожнаго Калайдовича: «успѣхъ печатанія меня веселитъ и честь дѣлаетъ г. Строеву, пишетъ онъ Малиновскому; скажите ему мою признательность и попросите г. Калайдовича, чтобъ онъ мнѣ представилъ доказательства, что не пренебрегаетъ просьбами моими и трудится надъ

---

[1]) Приложенія, II, № 32, 40.

[2]) Переписка Румянцова № 126.

[3]) Отъ 5 іюня 1819. Тамъ-же, № 127. Въ этотъ день Калайдовичъ присягалъ на службу—Приложенія, II, № 35.

[4]) Приложенія, II, № 38.

опытомъ изданія Ексарха: я старъ, мнѣ ни чего въ долгій ящикъ откладывать нельзя» [1]).

Между тѣмъ Калайдовичъ, медленно, но вѣрно, подвигаясь въ своей работѣ, приготовлялъ и новые «прелюбопытные» памятники—русской литературы. Это были творенія Кирилла Туровскаго, такъ сказать, новаго Ексарха, но уже роднаго, которымъ онъ занимался давно.

Еще въ маѣ 1819 г. Калайдовичъ обѣщалъ Богацкому (служившему при Румянцовѣ) вскорѣ «доставить новыя изслѣдованія съ исчисленіемъ сочиненій о св. Кириллѣ, еп. Туровскомъ, знаменитомъ, но, къ сожалѣнію, мало извѣстномъ витіи нашемъ, принадлежащемъ къ XII в.» [2]).

Румянцовъ одобрилъ эти занятія Кирилломъ.

«Г. Калайдовичъ, пишетъ канцлеръ Малиновскому 5 апрѣля 1820 г., сдѣлавъ мнѣ пространное и прелюбопытное объясненіе найденныхъ имъ разныхъ поученій Кирилла Туровскаго, почитаетъ, что полезно бы было издать сей трудъ. Я въ полной мѣрѣ въ томъ съ нимъ сужу одинаково... Пусть онъ къ этому с е й ч а с ъ приступитъ» [3]).

Новый вопросъ, хотя и давно изучаемый, естественно, замедлилъ работы надъ Ексархомъ. Калайдовичъ на время сосредоточился на Кириллѣ, и въ 1821 г. творенія его, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими памятниками, уже вышли въ свѣтъ, произведши, дѣйствительно, «большое воззрѣніе», какъ надѣялся канцлеръ. Такова недолгая исторія «Памятниковъ русской словесности XII вѣка» [4]).

Снова очистился путь для Ексарха, къ которому такъ неравнодушенъ былъ и старикъ: «постарайтесь, писалъ онъ Малиновскому, чтобы г. Калайдовичъ потрудился на довершеніе своего сочиненія о переводѣ Болгарскаго Ексарха»—съ повторительнымъ указаніемъ на быстроту работъ Строева [5]).

Тогда-же, согласно просьбѣ Калайдовича, Румянцовъ посылаетъ ему списокъ одной главы О с т р о м и р а, сдѣланный Востоковымъ, и прибавляетъ, что письмо его цѣликомъ онъ чи-

---

[1]) Отъ 20 ноября 1819, П е р е п и с к а Румянцова, № 145.
[2]) Б е з с о н о в ъ, Калайдовичъ, 156.
[3]) П е р е п и с к а Румянцова, № 156.
[4]) Т а м ъ - ж е, № 156. Ср. №№ 191, 219.
[5]) 16 апрѣля 1820. Тамъ-же, № 159. Ср. № 160.

талъ послѣднему, что его переписка всегда «полное удовольствіе приноситъ» [1]).

Наконецъ, желанное «довершеніе» Ексарха началось. «Вы, пишетъ канцлеръ Малиновскому, меня очень порадовать изволили, сказавъ, что вы довольны искусствомъ, съ каковымъ г. Калайдовичъ обработалъ уже двѣ статьи сочиненія своего; попросите его отъ меня настоятельнымъ образомъ, чтобъ онъ не откладывалъ въ даль такъ хорошо начатаго труда» [2]).

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ этихъ главъ и старикъ увидѣлъ, что старое торопленіе въ изслѣдованіи не у мѣста, и онъ самъ уже за осторожность: «планъ по которому г. Калайдовичъ собирается издать свое сочиненіе, хвалы достоинъ и многую способность обозначаетъ, отвѣчалъ Румянцовъ Малиновскому въ маѣ 1820 г.; но долженъ быть обработанъ съ большою предосмотрительностью и не торопясь»... Въ іюнѣ Калайдовичъ отправилъ 3 главу, съ признаніемъ, что онъ уже на половинѣ изслѣдованія, и съ просьбой о приложеніи палеографическихъ таблицъ. Въ декабрѣ-же канцлеръ извѣщалъ Малиновскаго, что изъ письма Калайдовича онъ «съ удовольствіемъ усмотрѣлъ, что онъ привелъ къ окончанію трудъ свой о Шестодневѣ Іоанна», т. е. 4 главу. Но только въ іюнѣ 1822 г. готова была 5 глава — конецъ изслѣдованія [3]). Впрочемъ, еще въ декабрѣ 1820 года были приняты Румянцовымъ первыя мѣры для печатанія Ексарха [4]): а когда черезъ годъ вышелъ Кириллъ Туровскій, канцлеру справедливымъ казалось, что пора приняться и за завѣтный Изборникъ.

«Покорно васъ прошу, пишетъ Румянцовъ Малиновскому 19 декабря 1821 года, приготовить г. Калайдовича къ новымъ трудамъ и заняться именно изданіемъ изслѣдованія его о древнемъ переводѣ Ексарха Болгарскаго и напечатаніемъ имъ -же найденнаго очень древняго Сборника» [5]). Старое желаніе хвораго старика—не умереть, не увидѣвъ въ печати несомнѣннаго памятника письма Кіевской Руси, противъ котораго не

---

[1]) Тамъ-же, № 161.
[2]) 5 мая 1820. Тамъ-же, № 162.
[3]) Тамъ-же, №№ 165, 168, 179, 202.
[4]) Тамъ-же, № 179.
[5]) Тамъ-же, № 219.

подвинется и высокій скептикъ Каченовскій, ополчившійся было небезопасно противъ Кирилла Туровскаго [1]).

Между тѣмъ, самъ старикъ своимъ расположеніемъ къ Калайдовичу не мало отвлекалъ его отъ его славянскихъ работъ, видѣть въ печати которыя онъ такъ жаждалъ.

Румянцовъ, дряхлый, съ трудомъ двигавшійся, рѣшилъ тѣмъ не менѣе лѣтомъ 1822 г. сдѣлать палеографическое путешествіе, лично видѣть библіотеку Никонова монастыря, гдѣ былъ открытъ Изборникъ, и непремѣнно съ Калайдовичемъ, у котораго признавалъ онъ «особенное чутье» въ разборѣ рукописей [2]).

Это любопытное путешествіе рисуетъ яркими чертами симпатическую фигуру старца, который и на порогѣ вѣчности горѣлъ полнымъ чувствомъ любви къ наукѣ, къ этимъ святымъ интересамъ жизни, который негодовалъ теперь, когда на него смотрѣли только какъ на щедраго кассира россійской словесности, по его остроумному выраженію: «вникаюсь, продолжалъ онъ въ письмѣ къ Евгенію — я о себѣ сужу что-то иное» [3]). И—право имѣлъ.

---

[1]) Считая возраженія Каченовскаго «важными», канцлеръ ждетъ отвѣта отъ Калайдовича, но—если онъ «оспаривать его сомнѣнія будетъ доводами сильными, на твердыхъ основаніяхъ и отдалясь совершенно отъ всякой желчи и всего того, что можетъ свидѣтельствовать оскорбленный духъ». Онъ успокаиваетъ издателя, что какъ-бы то нибыло, но изданіе останется памятникомъ русскаго языка, «подвленіе его должно возбудить признательность, и когда въ добавокъ появится изслѣдованіе Екзарха, усугубится заслуга г. Калайдовича» (27 февр 1822, Малиновскому, тамъ-же, № 227). Возраженія Каченовскаго — Вѣстн. Европы, 1822, №№ 1, 2 Къ чести скептика прибавимъ, что Калайдовичъ былъ изъ старыхъ сотрудниковъ «Вѣстника Европы». Калайдовичъ отвѣчалъ Каченовскому въ его-же журналѣ—1822, № 6. О раннихъ, до 1813 г., занятіяхъ Кирилломъ Туровскимъ свидѣтельствуетъ самъ Калайдовичъ: «къ Словарю вашему, пишетъ онъ ев. Евгенію въ 1813 г., я прибавилъ Луку Бѣлгородскаго и Кирилла Туровскаго» (Безсоновъ, ор. с., 107).

[2]) Въ Строевѣ Румянцовъ видѣлъ болѣе механическаго работника, въ Калайдовичѣ и знанія, и талантъ. См. письмо къ Малиновскому 27 февр. 1821, Переписка Румянцова, № 189. Мы говорили раньше, что въ 1822 году Строевъ оставилъ Румянцова: онъ пріютился въ Историческомъ Обществѣ Бекетова — соперника Румянцова, «перекупщика», гдѣ тотчасъ-же и открылъ свои рукописныя экспедиціи. См. протоколъ Общества 30 октября 1823 года, въ «Трудахъ и Лѣтописяхъ Общества», ч. III, кн. II, 32.

[3]) Отъ 1 декабря 1822. Переписка Евгенія, 67. По поводу изданія Мальтбрюна.

Въ письмѣ отъ 7 сентября Калайдовичъ описываетъ Малиновскому путешествіе Румянцова.

«Канцлеръ съ благоговѣйною набожностью осматривалъ святыню Новоіерусалимскаго монастыря, но такъ усталъ, что не могъ дойти до келіи архимандрита... Ему уже на квартиру принесли изъ монастырской библіотеки три пергаменныя евангелія XIV в. и рукопись, также пергаменную, Пандекты Антіоха... Это уже четвертый памятникъ славянской письменности, по всѣмъ вѣроятіямъ, относящійся къ XI в. Почеркъ рукописи весьма сходенъ съ Святославовымъ Сборникомъ...» Затѣмъ археологи посѣтили Волоколамскъ, гдѣ, по словамъ Калайдовича, не сдѣлали никакого пріобрѣтенія.

Такимъ образомъ, черезъ пять лѣтъ повторена была лѣтняя экспедиція 1817 года, но теперь при личномъ участіи полудвигавшагося Румянцова, и все-же съ добычею въ результатѣ.

Путь продолжался чрезъ помѣстье канцлера, Мивулино Городище, въ Старицу и Ржевъ, и вездѣ старикъ обнаруживалъ старую пытливость и энергію. Въ Городищѣ разрылъ съ Калайдовичемъ гробницу, у крестьянъ скупалъ мелкія древности (кресты, монеты). «Въ Старицѣ, гдѣ графъ нѣкогда купилъ пергаменное евангеліе, не нашли ничего достопамятнаго. Поиски въ Ржевѣ были удачнѣе. Тамъ куплены 7 рукописей... Графъ, нѣсколько довольный симъ пріобрѣтеніемъ, старался тщательно отыскать рукописи пергаменныя. Но въ Старицѣ только что обѣщали достать евангеліе, а изъ Ржева вмѣстѣ съ прочими покупками привезъ я три пергаменныхъ листа, вырѣзанные изъ служебной Миней» [1]).

Въ слабѣвшемъ, разрушавшемся тѣлѣ бодрость духа не слабѣла, не умалялось и влеченіе къ наукѣ. Отъ искренняго чувства шло сожалѣніе канцлера, когда онъ писалъ Евгенію:

---

[1]) Письмо Калайдовича, 7 сент. Тамъ-же, № 251. Въ III части Трудовъ Общ. люб. рус. слов., 1823, Калайдовичъ, говоря объ открытыхъ имъ въ этой экспедиціи 1822 г. Пандектахъ, прямо относитъ ихъ къ XI в. и видитъ болгарскій переводъ. (Безсоновъ, Калайдовичъ, 22). Мы видѣли, съ 1822-же г устанавливаются болѣе сносныя отношенія между Малиновскимъ и Калайдовичемъ, и онъ уже на государственной службѣ при Архивѣ, смотрителемъ въ Коммисіи, но не надолго – до смерти канцлера. Объ этомъ археологическомъ путешествіи Румянцова Калайдовичъ приготовлялъ статью для Сѣвернаго Архива Булгарина.

«жаль, что мой жаркій и неутомительный духъ къ изысканіямъ дѣйствуетъ такъ поздно», успливаемое справедливымъ, несуетнымъ, сознаніемъ, что «повсюду не давая никому покою, не безъ пользы-же моя къ древностямъ отечественнымъ алчность»[1]).

Къ счастію, отвлеченіе неутомимаго Калайдовича отъ перваго дѣла было не продолжительно, и едва канцлеръ возвратился изъ археологической поѣздки въ свой любимый Гомель, какъ въ рукахъ его уже были первые печатные листы «Іоанна Ексарха Болгарскаго».

Больной Румянцовъ былъ счастливъ, какъ дитя: онъ дождался увидѣть вожделѣнный трудъ. Это былъ лучшій подарокъ къ Новому году.

«На-сколько, пишетъ онъ Малиновскому, 4 января 1823 г., я былъ порадованъ присылкою трехъ уже отпечатанныхъ листовъ изслѣдованія о Іоаннѣ Ексархѣ, в|е въ силахъ сіе изобразить. Содержаніе присланныхъ листовъ мнѣ давно уже было извѣстно, но я при прочтеніи восхищался, какъ новымъ, не ожиданнымъ появленіемъ. Сей трудъ увѣковѣчитъ имя г. Калайдовича. Я также непремѣнно желаю, чтобы гербъ мой ручался за то пламенное желаніе, которое я имѣлъ довести до свѣдѣнія ученыхъ сіе важное сочиненіе».

Съ нетерпѣливымъ любопытствомъ слѣдилъ теперь старикъ за движеніемъ Ексарха въ печати, и умилительное чувство его къ своему избраннику, даровитому сотруднику, только крѣпло. «Вы много меня порадовали, пишетъ онъ тому-же 5 апрѣля, давъ мнѣ знать, что предпочтительнѣе всему Константинъ Федоровичъ занимается теперь Ексархомъ. Я его собираюсь подарить, когда онъ окончитъ сей трудъ». «Вы мнѣ подали душевное услажденіе, повторяетъ Румянцовъ Малиновскому, по возвращеніи съ Кавказа и Крыма, куда ѣздилъ за какою-то славянскою надписью, 11 декабря, сказавъ мнѣ столь много хорошаго относительно изслѣдованія объ Іоаннѣ Ексархѣ, которое, кажется довершилъ Калайдовичъ. Вы изволите увидѣть, что по появленіи сего сочиненія онъ займетъ между литераторами мѣсто новое и отличное». «Съ удовольствіемъ вижу, пишетъ онъ 29 января 1824 г., что сіе изданіе будетъ обозначено гербомъ мо-

[1]) Переписка Евгенія, 46.

имъ почище. Важное сіе изданіе заслуживаетъ, чтобы и сей товаръ казалъ лицемъ» [1]).

Листы посылались за листами. Старикъ въ томъ-же восторгѣ: «я сочиненіемъ симъ много прельщаюсь», пишетъ онъ 19 марта. Но Калайдовичъ все еще не довершилъ, вопреки расчету Румянцова, а засимъ заболѣлъ. Силы всегда слабаго Калайдовича надломились отъ чрезвычайнаго напряженія.

Торопясь привести къ концу Ексарха, Калайдовичъ въ то-же время велъ въ печати и другую книгу. Въ сентябрѣ 1823 ему поручено было канцлеромъ изданіе (подъ обычной фирмой «Малиновскій») Бѣлорусскаго Архива — труда его воспитанника (въ Петербургской Дух. академіи), любимаго Гомельскаго «протопопа», І. Григоровича, труда, который въ виду опаснаго «духа времени», духа Магницкаго, былъ задержанъ въ цензурѣ осторожнымъ Каченовскимъ и принесъ не мало хлопотъ всѣмъ заинтересованнымъ лицамъ [2]), не говоря о другихъ ученыхъ порученіяхъ «никому не дающаго покоя» старика, напр. по оцѣнкѣ пріобрѣтаемыхъ рукописей [3]).

Слѣдствіемъ этого напряженія и была болѣзнь, крайне было обезпокоившая канцлера. «Мнѣ чрезвычайно жаль, что Калайдовичъ былъ боленъ. Намъ теперь онъ вяще и вяще нуженъ будетъ» [4]). Съ нетерпѣніемъ ожидалъ теперь Ексарха и Карамзинъ. «Болѣзнь моя была причиною, объяснялъ Калайдо-

---

[1]) Переписка Румянцова, №№ 271, 281, 309. Любопытно, что и на Кавказѣ, во время лѣченія въ Георгіевскѣ, дряхлый старецъ находилъ славянскіе интересы—мѣстные. Онъ осматривалъ здѣсь какой-то гранитный памятникъ съ надписью «на неизвѣстномъ языкѣ, буквами, составленными частію изъ греческихъ, а частію изъ славянскихъ» (Изъ письма къ Малиновскому 11 іюля, тамъ-же, № 286).

[2]) Тамъ-же, №№ 290, 292, 298, 300, 302, съ сент. по дек. 1823 г. Соблазнительными Каченовскій отмѣтилъ документы объ Уніи, съ выходками противъ нашей церкви. Каченовскій не могъ не знать вѣяній времени, направленія всесильнаго Магницкаго, который тогда именно вырабатывалъ новый цензурный уставъ, даже противъ книгъ медицинскихъ, «въ коихъ разсужденія о дѣйствіяхъ души на органы тѣлесные подаютъ обильные способы къ утвержденію матеріализма самымъ косвеннымъ и тонкимъ образомъ» (Сухомлиновъ, Матеріалы для ист. просв., въ Ж. м. н. просв. 1866, т. 132, 65).

[3]) Переписка Румянцова, № 295. Ср. у насъ Приложенія, II, № 41.

[4]) 4 апр. 1824. Переписка Румянцова, № 316.

вичъ Карамзину, что я тотчасъ не могъ отвѣчать... Екзарха Болгарскаго, если Богъ поможетъ, чрезъ мѣсяцъ кончу и представлю на благосклонный судъ вашъ» [1]).

Дѣйствительно, въ апрѣлѣ были уже въ рукахъ канцлера утѣшившіе его снимки къ Екзарху, въ маѣ старикъ дѣлаетъ расчетъ предназначенныхъ къ раздачѣ экземпляровъ и «ждетъ чрезъ два мѣсяца появленія сочиненія». Въ началѣ сентября, слѣд. немного позже, явились въ свѣтъ параллельно ведшіяся изданія: Бѣлорусскій Архивъ и Іоаннъ Екзархъ Болгарскій.

«Сегодня, пишетъ 23 августа неутомимый труженикъ восходящему опасному свѣтилу въ старомъ славянскомъ Кружкѣ, Востокову, подписываю къ печати послѣдній 58 листъ моего изслѣдованія, которое недѣли черезъ двѣ явится на вашъ просвѣщенный судъ. Отъ имени канцлера препровожу экземпляръ на обыкновенной бумагѣ; другой, веленевой, съ раскрашенными рисунками, предварительно прошу принять отъ меня въ знакъ памяти и благодарности за ваше лестное участіе въ трудѣ моемъ» [2]).

. 11 .

Мы подробно слѣдили за ходомъ постепеннаго роста Екзарха, и почти излишне упоминать о впечатлѣніи, которое произвелъ вполнѣ сформировавшійся Екзархъ на Румянцова. Восторженный, счастливый издатель 10-го сентября пишетъ Калайдовичу: «я желалъ-бы, чтобы вы были свидѣтелемъ той радости,

---

[1]) Письмо Карамзина 30 мая, отвѣтъ 3 іюля — Безсоновъ, op. c., 119.

[2]) Переписка А. Хр. Востокова, № 76. Ср. №№ 60 и 13. Въ послѣднемъ письмѣ, 6 авг., Калайдовичъ пишетъ Востокову: «трудности въ корректурахъ непомѣрны; ручаюсь, что не только буква, ниже какой знакъ у меня пропущенъ въ Приложеніяхъ. За то, чего стоитъ? Я никогда не рѣшился-бы сохранять такой точности, если-бы предметъ самаго сочиненія того не требовалъ». О выходѣ Екзарха ср. и письмо къ П. И. Кеппену 14 іюля 1824 г., для котораго онъ взялся тогда, по просьбѣ Румянцова, издать его новый трудъ: Славянскіе памятники, собранные за границей. Ср. Безсоновъ, op. c. стр. 128.

которую почувствовалъ я, получа первый экземпляръ ученаго изслѣдованія вашего о Ексархѣ Болгарскомъ... Сей трудъ сдѣлаетъ васъ извѣстнымъ вездѣ и на-всегда, опредѣлитъ вамъ отличное мѣсто между всѣми вообще писателями нашего вѣка. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать другихъ экземпляровъ Ексарха, дабы отправить къ митрополиту Евгенію и ученому Добровскому» [1]).

Но различный пріемъ встрѣтилъ Ексархъ у современниковъ. Не всѣ они оцѣнили положенный трудъ, который автору стоилъ столькихъ лѣтъ; не оцѣнили ни новизны содержанія, ни новизны самаго дѣла, и съ охотой остановились, особенно у западныхъ «славенослововъ», на неизбѣжныхъ недочетахъ.

Первые экземпляры Румянцовъ поспѣшилъ отправить митр. Евгенію въ Кіевъ и Добровскому въ Прагу, славянскую грамматику котораго онъ еще въ 1822 г. купилъ для Калайдовича.

Калайдовичъ, съ своей стороны—Шишкову въ Россійскую Академію, Карамзину, Востокову и Кеппену.

Первый экземпляръ на судъ Евгенію, это — было справедливое правило времени. Такъ поступалъ Румянцовъ раньше —при выходѣ въ свѣтъ предшествовавшаго труда Калайдовича: «Памятниковъ русской словесности XII в.». Не иначе дѣйствовали и другіе, не исключая самого Калайдовича, ставившаго высоко судъ іерарха, нѣкогда близкаго собесѣдника, но теперь уже внѣ переписки (послѣднее письмо къ нему отъ начала января 1820). Оканчивая въ 1822 г. печатанье своего Описанія слав. рукописей гр. Ѳ. Толстаго (оно велось исподволь съ 1818 г., отчасти вмѣстѣ съ Строевымъ), Калайдовичъ 21 окт. извѣщалъ графа: «у насъ митр. кіевскій Евгеній, одинъ изъ знаменитѣйшихъ іерарховъ, которому отъ имени вашего пересылаю листы Каталога, говоритъ, что онъ во многихъ отношеніяхъ служитъ ему помощью при сочиненіи Словаря русскимъ писателямъ» [2]).

Но, суда Евгенія на Ексарха не послѣдовало... Это тѣмъ страннѣе, что и Калайдовичъ, и Румянцовъ, постепенно приготовляли строгаго судію къ своему новому дѣтищу.

---

[1]) Бевсоновъ, ор. с., стр. 180.

[2]) Тамъ же, 131.

Упрекнувъ, и сильно, Евгенія за невѣдѣніе цѣлаго періода перво-славянской литературы, т. е. за невѣріе въ существованіе его, Калайдовичъ, позже, объясняетъ какъ будто склонившемуся уже на его сторону іерарху, что подробныя свѣдѣнія объ этомъ періодѣ ждутъ его въ приготовляемомъ имъ Ексархѣ (этимъ заключается послѣднее письмо Калайдовича къ Евгенію)[1]).

Посылая Памятники XII в., Румянцовъ предупредительно сообщаетъ Евгенію, что «теперь г. Калайдовичъ, по моему порученію, приступитъ къ изданію извлеченія изъ древняго перевода Дамаскина болгарскимъ Ексархомъ Іоанномъ»[2]).

Надо полагать, Ексархъ пришелся не по сердцу историку-археологу, всегда строго державшемуся буквы, всегда противнику предположеній. Онъ уже раньше упорно оспаривалъ значеніе открытій Калайдовича, его Ексарха, и односторонній взглядъ на Калайдовича рано вошелъ въ его канонъ. Личное чувство немного говорило въ Евгеніи.

Получивъ Памятники XII в., Евгеній отвѣчалъ Румянцову: «я на скоро просмотрѣлъ; издатель часто догадками своими еще болѣе портилъ...; на стр. 222 изъ желанія противорѣчить мнѣ издатель даже солгалъ... Въ предисловіи также лгалъ онъ изъ охоты поправлять исторіографа (т. е. Карамзина) .. Хвастливость, догадливость и часто невѣрность сего любителя нашихъ древностей давно всѣмъ извѣстны. На досугѣ прочту внимательнѣе всю книгу и, можетъ быть, что нибудь замѣчу»[3]).

Еще откровеннѣе и полнѣе Евгеній былъ тогда въ бесѣдѣ съ своимъ ничтожнымъ въ наукѣ пріятелемъ, изв. Анастасевичемъ, этимологомъ во вкусѣ Шишкова. «Отъ канцлера имѣю я уже Памятники XII в... Въ Памятникахъ много пищи Востокову. Но Нифонтовы и другія статьи со многими пропусками, якобы срамословными, а отъ сей стыдливости не въ полнѣ имѣемъ мы и старину. Я написалъ канцлеру нѣкоторыя критическія замѣчанія на сіе изданіе и вранье Калайдовича». Евгеній его прямо обзываетъ пьянымъ издателемъ[4]).

---

[1]) Тамъ-же, 111.

[2]) Переписка Евгенія, 54.

[3]) Тамъ-же, 54.

[4]) Письма Евгенія въ истор. журналѣ: Древняя и Новая Россія, 1881, февраль, стр. 306, 308.

Если-бы и былъ судъ перваго судіи, онъ былъ-бы крайне субъективенъ.

Второй судія, Добровскій, сужденіемъ не промедлилъ.

Недовѣрчивый до ultra аналитикъ, подобно нашему Евгенію, Добровскій уже въ письмѣ къ своему талантливому собесѣднику, Копитару, отъ 22 марта 1825 года, недвусмысленно высказался противъ Ексарха, обѣщая рецензію для Вѣнскихъ Лѣтописей. Онъ упрекаетъ, что Калайдовичъ слишкомъ положился на свидѣтельства рукописей, на «сомнительныя подписи и надписи». «Мнѣ все это въ высшей степени подозрительно. Во время царя Симеона не было никакого Ексарха Іоанна. Но Молитва Господня изъ старыхъ рукописей, притча изъ Матвѣя, драгоцѣнны. По поводу моихъ замѣчаній покрутитъ господа носомъ. И епископъ Константинъ, ученикъ Меѳодія, приводится Калайдовичемъ и т. д. Было-бы хорошо указать подобныя вещицы въ журналѣ. Жаль, что это не можетъ имѣть мѣста въ вашихъ Лѣтописяхъ...»[1]).

Окрыленный невѣріемъ своего учителя, остроумный, но все еще только «преуспѣвающій» въ славянской филологіи, Копитаръ (онъ наивно и важно напр. вопрошалъ Калайдовича раньше —реченія же и нѣ въ Изборникѣ 1073 г. не изъ польскаго -ли языка, и что-же послѣ этого славянскій языкъ?[2]) злородственно спѣшитъ предложить Добровскому и свои услуги въ походѣ на Калайдовича—«licebitne et mihi addere mea aliqua» пишетъ онъ Добровскому, угрожая при отказѣ найти для себя иное мѣсто: «ego melius te possem illos arguere», не безъ хвастовства заключалъ онъ письмо, т. е., я лучше васъ съумѣю проучить такихъ господъ, какъ авторъ Ексарха[3]).

Добровскій уступилъ, но поспѣшилъ извинить себя предъ Калайдовичемъ. 14 января 1826 г. онъ пишетъ Кеппену, другу автора Ексарха: «мнѣ было-бы весьма не по сердцу, если выраженія Копитара (въ рецензіи) прозвучатъ иначе, чѣмъ мои. Онъ безпощаденъ въ своихъ рецензіяхъ, не такъ, какъ я. Ему Вукъ (т. е., изв. Караджичъ) верхъ всего, и онъ не желаетъ,

---

[1]) Переписка Добровскаго, изд. ак. Ягича, № 180.

[2]) Тамъ-же, стр. 711.

[3]) 29 окт. 1825. Тамъ-же, № 186.

чтобы сербы примкнули къ русскимъ, что̀ такъ необходимо и полезно имъ было-бы» [1]).

При письмѣ 14 января Добровскій представилъ свои замѣчанія на Ексарха, для передачи автору. Пересылая ихъ, Кеппенъ дружески успокаиваетъ Калайдовича: «вообще въ отношеніи къ самому Ексарху онъ не совсѣмъ съ вами согласенъ; но, не взирая на это, говоритъ, что трудъ вашъ послѣ Библіи занимаетъ у него первое мѣсто; нельзя сердиться на почтеннаго старца, даже въ случаѣ слишкомъ строгихъ иногда сужденій».

Но Кеппенъ напрасно опасался: судъ Добровскаго въ пересылаемыхъ «собственноручныхъ замѣчаніяхъ» исчерпывался указаніемъ болѣе по его мнѣнію справедливыхъ конъюнктуръ чтенія, поясненій, и не всегда удачныхъ, ошибокъ, и вообще мало содержателенъ [2]).

Придирчивы и неудачны были «легкія замѣчанія» акад. Круга, его несчастная поправка с п а н ъ (извѣстная роль б е з б р а д ы х ъ въ древней исторіи Аѳона); естественно, пусты —наивнаго виленскаго профессора Лобойки, наивно рекомендовавшаго Калайдовичу «вытвердить» грамматику Добровскаго наизусть; свѣтски-общи — Карамзина. Карамзинъ благодаритъ 16 сент. Калайдовича за доставленіе «важной книги», прибавляя: «съ любопытствомъ занимаюсь теперь ея чтеніемъ [3]).

Рѣзкою, но дѣйствительною, критикою встрѣтилъ у насъ «Ексарха» старый скептикъ Каченовскій, рѣще, чѣмъ раньше русскаго Ексарха: Ексархъ-де н е б ы в а л ы й писатель для X вѣка, какъ небывалый и титулъ его «ексархъ», почему старый Добровскій, ополчившись на Калайдовича, «сдѣлалъ все-таки лучше тѣхъ, которымъ угодно было играніемъ на трубахъ отдать обычную почесть древнему славянину при выходѣ его изъ типографіи». Для нашего слависта, Іоаннъ Ексархъ—сербъ, аѳонецъ изъ Хиландаря, XII вѣка [4]). Но—этотъ монастырь основался только въ слѣдующемъ столѣтіи.

«Играньe на трубахъ», парадный тушъ Славянину, словами этими Каченовскій мѣтилъ въ своего врага, знаменитаго самоука

---

[1]) Тамъ-же, 676.

[2]) В е з с о н о в ъ, Калайдовичъ, 78—80.

[3]) Эти отзывы тамъ-жъ 74—78. 120.

[4]) «Вѣстникъ Европы», 1826, №№ 15, 21—23.

Полеваго, который въ своемъ «Московскомъ Телеграфѣ», на первыхъ страницахъ его, привѣтствовалъ Ексарха самымъ горячимъ словомъ. «Изданіе книги великолѣпно; приложенные снимки съ рукописей удивляютъ совершенствомъ; но всего любопытнѣе примѣчанія г. Калайдовича, богатаго палеографическимъ познаніемъ русской старины; касательно-же историческихъ его розысканій мы предложимъ особую статью, ибо не можетъ совершенно согласиться съ мнѣніями г. Калайдовича». Полевой былъ такъ восторженъ «Ексархомъ», что тогда-же объявилъ, что «палеографія русская приняла классическій характеръ», конечно —черезъ мѣру [1])...

Не совсѣмъ ясно почему, но Калайдовичъ интересовался судомъ Академіи Шишкова. «Признаюсь, пишетъ онъ Востокову предъ выпускомъ Ексарха, вниманіе сего первенствующаго сословія знаменитыхъ въ россійскомъ словѣ мужей подкрѣпитъ меня въ занятіяхъ трудныхъ, гдѣ нужна помощь и одобреніе» [2]). Надо думать, онъ искалъ поддержки и чрезъ Карамзина. «Нѣтъ сомнѣнія, продолжаетъ Карамзинъ письмо 16 сентября, что Россійская Академія оцѣнитъ, какъ должно, трудъ вашъ. При первомъ свиданіи съ г. министромъ (т. е. Шишковымъ, только что смѣнившимъ кн. Голицына) спрошу о томъ».

Но кто могъ быть оцѣнщикомъ изъ дѣятельныхъ членовъ «первенствующаго сословія»? Шишковъ, получивъ отъ Калайдовича Памятники XII в., могъ восхититься однимъ слогомъ, ища здѣсь опоры своему ратоборству противъ исторической выработки нашего литературнаго языка. Онъ взываетъ къ издателю: «удержите, если можно, вашими трудами сію заразу» [3]). Шишковъ одобрилъ новыя «похвальныя упражненія» Калайдовича своимъ обычаемъ—серебряною медалью.

Оцѣнка вышла, и нелицепріятая, отъ номинальнаго соратника Шишкова, Востокова, къ которому даже ревновалъ

---

[1]) 1825 г. ч. I, 80—81, 235. Въ этомъ году «Моск. Телеграфъ» сталъ только выходить, съ строгимъ зарокомъ — не допускать статей ученаго содержанія: «исключеніе позволено только тогда, когда дѣло идетъ о чемъ-нибудь важномъ, имѣющемъ обширныя послѣдствія отъ журнальнаго обнародованія» (I, 15).

[2]) Переписка Востокова, № 76.

[3]) Записки и пр. Шишкова, II, 420.

теперь Калайдовичъ канцлера: судъ его онъ долженъ былъ цѣнить.

Знакомый съ исторіей работъ по Ексарху, Востоковъ еще до выхода привѣтствовалъ книгу: «я теперь, пишетъ онъ Калайдовичу въ іюлѣ 1823 г., принялся за отработку на-чисто собираемыхъ мною давно уже матеріаловъ къ словенской грамматикѣ; съ нетерпѣніемъ я ожидаю появленія въ свѣтъ вашего Ексарха, изъ коего почерпну важныя пособія въ предстоящемъ мнѣ трудѣ...»

Но вотъ Востоковъ получилъ книгу, о которой былъ предупрежденъ издателемъ раньше, что не вездѣ онъ встрѣтитъ согласныя съ нимъ мнѣнія (письмо 10 апр. 1824). Издатель ждетъ «наставительныхъ замѣчаній». Востоковъ отвѣчаетъ сейчасъ. «Съ жадностью пробѣжалъ я вашу книгу, въ которую мнѣ придется не однажды заглядывать и ею руководствоваться. Не премину сообщить вамъ по времени замѣчанія и догадки, внушаемыя мнѣ чтеніемъ ученыхъ вашихъ изслѣдованій и любопытныхъ приложеній, сей богатой сокровищницы древности славено-болгарскаго языка» [1]).

Дальнѣйшая «отработка» славянской литературной старины показала, какъ безосновательно было отрицаніе Добровскаго пріемовъ якобы чрезъ мѣру довѣрчиваго Калайдовича, какъ блестяще было пріурочиванье Калайдовичемъ эмбріона славянской письменности къ славянахъ средняго Дуная, тогда какъ Добровскій все искалъ его среди болгаръ...

Калайдовичъ былъ въ правѣ высоко цѣнить значеніе своихъ многочисленныхъ работъ для науки, значеніе открытыхъ имъ памятниковъ невѣдомой дотолѣ эпохи исторіи славянъ, не опасаясь впасть въ самомнѣніе.

«Вотъ мои сокровища, едва имовѣрныя, писалъ онъ Востокову еще въ іюнѣ 1822 года, перечисливъ памятники, имѣвшіе войти въ составъ заканчиваемаго Ексарха. Безпрерывно разсматривая ихъ, утѣшаюсь моимъ изслѣдованіемъ, далекимъ отъ совершенства, но которое по многимъ вновь открытымъ свѣдѣніямъ разольетъ свѣтъ на древнѣйшую нашу литературу» [2]).

---

[1]) Переписка Востокова, №№ 31, 48, 79, 80.

[2]) Тамъ-же, № 10.

Правъ былъ громко озаглавить своего Ексарха: «изслѣдованіе объясняющее исторію словенскаго языка и литературы IX и X столѣтій».

Ексархъ Іоаннъ былъ первымъ въ наукѣ опытомъ документальной исторіи «едва иновѣрной» литературы—славянъ начала X-го вѣка, современныхъ потомковъ которыхъ уже позже пришлось открывать извѣстному энтузіасту Венелину. Современники, въ своемъ большинствѣ, этого «свѣта» не видѣли, мало того, силились «загасить» его. Но его увидѣло уже ближайшее потомство, правда, когда виновникъ «свѣта» былъ уже въ землѣ. Для знаменитаго Шафарика Ексархъ—огонекъ, впервые засвѣтившійся въ темной, какъ ночь, области первыхъ памятниковъ славянскаго слова [1]).

Что можно о-бокъ съ Ексархомъ поставить въ современномъ славяновѣдѣніи у западныхъ славянъ? Который изъ трудовъ Копитара, чтобы не сказать, который изъ историко-литературныхъ трудовъ самого Добровскаго?.. Извѣстно, какъ неудаченъ былъ патріархъ славистики въ историческомъ пониманіи самаго церковно-славянскаго языка....

Ексархъ былъ безцѣннымъ, какъ опредѣлилъ его Востоковъ, вкладомъ въ славянскую науку со стороны Румянцовскаго Кружка, высшимъ, но и послѣднимъ, памятникомъ его дѣятельности: впереди не долго оставалось жить Кружку.

.12.

Годы Румянцова, больнаго, слѣпнувшаго, были, сочтены. Казалось, пора ему и на покой отъ науки. Но нѣтъ, историческій старецъ умеръ съ тою-же живою заботой о своей наукѣ, съ какою жилъ онъ весь вѣкъ.

Не соотвѣтствовавшій ожиданіямъ пріемъ Ексарха не измѣнилъ чувствъ душевнаго уваженія Румянцова къ Калайдовичу. Пересылая замѣчанія Круга, старикъ прибавляетъ: «вы, конечно, обрадованы будете, усмотря, съ какимъ удовольствіемъ г. Кругъ принялъ прелюбопытное сочиненіе ваше и найдете въ

[1]) Въ введеніи къ «Разцвѣту славянской литературы» (1847 г.)—Sebrané spisy, III, 164.

его письмѣ замѣчанія, которыя и впредь не безполезны будутъ»[2]). Старикъ по старому носился съ своимъ высшимъ изданіемъ, предлагая его царственнымъ посѣтителямъ Архива, и въ неустанной въ заботахъ о наукѣ головѣ Румянцова зародилась новая мысль—о новой работѣ для своего неутомимаго сотрудника... Куй желѣзо, пока горячо.

Мы ожидали бы, что старикъ воспользуется теперь Калайдовичемъ для выполненія завѣтнѣйшаго желанія — издать Изборникъ 1073 года... Но, нѣтъ, онъ обратился въ иную сторону, а Изборникъ отошелъ изъ Москвы въ Петербургъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Румянцовъ вспомнилъ старину—время до знаменитаго лѣта 1817 года, исканія самого Калайдовича.

Мы видѣли, какъ рано Калайдовичъ вошелъ въ знакомство съ сокровищами Синодальной библіотеки—раньше знакомства съ Румянцовымъ. Къ этому раннему времени ученой дѣятельности юнаго Калайдовича относится возникновеніе у него мысли—сдѣлать описаніе славянскихъ рукописей знаменитаго хранилища. Уже 3 ноября 1814 г. Калайдовичъ, говоря о бесѣдѣ съ Карамзинымъ, занесъ въ свой дневникъ: «я сказалъ ему желаніе издать каталогъ Синодальной библіотеки; онъ похвалилъ намѣреніе»[2]).

Когда сдѣланные въ 1816 г. Калайдовичемъ, по порученію Румянцова, поиски за рукописями въ нѣкоторыхъ монастыряхъ Москвы окончились ничѣмъ, Калайдовичъ вспомнилъ про старое желаніе свое и остановился на мысли—присовѣтовать канцлеру предпочесть извѣстное неизвѣстному.

«Весьма важнымъ нахожу для нашей древней словесности и исторіи, пишетъ онъ въ заключеніе своего отчета объ неудачной экскурсіи Румянцову, описаніе рукописей Московской библіотеки Синодальной. Сіе описаніе откроетъ новый свѣтъ въ древней нашей литературѣ, покажетъ безпрерывный рядъ памятниковъ славянскихъ съ самаго IX в. (это есть найденный мною переводъ Іоанна Ексарха книги Іоанна Дамаскина Небеса) до XVIII. Греческія рукописи описаны уже

---

[1]) Бевсоновъ, Калайдовичъ, 182. Ср. 186.

[2]) Лѣтописи рус. лит-ры, прое. Тихонравова, т. III, II, 114.

Аѳ. Схіадою и пр. Маттеемъ: неуже-ли нашимъ отечественнымъ памятникамъ суждено скрываться такъ долго въ прахѣ»?... [1]).

Оказать и эту услугу наукѣ рѣшилъ Румянцовъ теперь, послѣ изданія Ексарха.

Въ сентябрѣ 1824 года явился Ексархъ, а 9 декабря Калайдовичъ пишетъ Востокову: «изъ письма П. И. Кёппена я усмотрѣлъ, что вы уже изволите знать о новомъ порученномъ мнѣ трудѣ. Открытіе таинствъ Синодальной библіотеки есть одно изъ достославныхъ предпріятій нашего мецената» [2]).

Дѣйствительно, уже 4 ноября Румянцовъ изъ Гомеля спѣшитъ подѣлиться пріятною новостью, что «Синодъ предписалъ Московской Синодальной конторѣ допустить Калайдовича къ подробному и ученому описанію Синодальной библіотеки. Возьмите мѣры, чтобы сіе преполезное дѣло безъ потери времени начато и исполнено было. Смѣту нужную прикажите составить и ко мнѣ препроводить» [3]).

Болѣе чѣмъ кто другой, Калайдовичъ понималъ трудности новой задачи, что она требовала его всего для себя. Въ этомъ смыслѣ онъ и написалъ Румянцову. Старикъ былъ немного удивленъ—этимъ затрудненіемъ «при самомъ первомъ шагѣ къ изданію каталога патріаршихъ и синодальныхъ рукописей». Онъ отвѣчалъ Малиновскому 9 декабря, что Калайдовичъ «совершенно правъ въ томъ своемъ заключеніи, что, предпринявъ мнѣ въ угодность составленіе каталога, довершить его не можетъ, не удалясь отъ настоящаго упражненія своего давать лекціи», и потому проситъ Калайдовича просто сказать, «не ссылаясь на мое сношеніе съ г. Востоковымъ», «гуртовую сумму за весь трудъ» и во сколько лѣтъ предполагаетъ окончить его, «съ большимъ о немъ радѣніемъ». «Я тѣхъ людей, успокаивалъ въ заключеніе старикъ, кои себя дарованіями своими отличаютъ и отъ коихъ видѣлъ я себѣ многое одолженіе, беречь люблю» [4]).

---

[1]) Бевсоновъ, Калайдовичъ, 145.

[2]) Переписка Востокова, № 92.

[3]) Переписка Румянцова, № 331. Ср. № 332. Увѣдомленіе оберъ-прокурора о разрѣшеніи Синода отъ 21 окт. 1824 года—тамъ-же, стр. 362.

[4]) Тамъ-же, № 339.

29 января 1825 было заключено формальное условіе между обѣими сторонами объ описаніи [1]).

Извѣстіе это сейчасъ-же встревожило нѣкоторыхъ въ Петербургѣ, и въ февралѣ Румянцовъ получилъ отъ акад. Круга, неудачнаго рецензента Ексарха, предостереженіе, что Калайдовичъ не знаетъ греческаго языка, и потому пусть онъ при работѣ «никогда вполнѣ не полагается на себя» [2]). Нѣкоторое впечатлѣніе письмо произвело. Въ письмѣ къ Востокову отъ 17 февр. Румянцовъ соглашается съ Кругомъ «о скорости и рѣшимости, каковыми дѣйствуетъ иногда въ своихъ сочиненіяхъ Калайдовичъ», но самому Калайдовичу объ этомъ лишь слегка намекнулъ.

«Я, пишетъ старикъ Малиновскому, безъ всякаго сомнѣнія дарованія г. Калайдовича въ хорошей цѣнѣ ставлю и для того -то искренно желаю, чтобы онъ всѣ свои труды обработывалъ съ большою осторожностью, и такъ, чтобы они и внѣ Россіи не токмо его уму, но и благообдуманному просвѣщенію его, дѣлали честь» [3]). Въ послѣднихъ словахъ слышится воспоминаніе объ упрекахъ Добровскаго. Лично-же Калайдовича онъ только ободрялъ къ работѣ, но осторожной. Съ радостью онъ получилъ извѣстіе отъ Калайдовича о началѣ описанія и 7 апрѣля отвѣчаетъ: «конечно, первая встрѣча отмѣннаго не представляетъ; но я въ полной надеждѣ пребываю, что со временемъ внезапно нападете на такой древній манускриптъ, который станетъ оспаривать старшинство у Остромирова евангелія. Разсматривайте, пожалуйте, все съ большимъ тщаніемъ и осторожностію. Предъ вами путь открытъ къ достиженію имени знаменитаго; не теряйте сей цѣли изъ виду» [4]).

Но старецъ загадывалъ слишкомъ далеко: ни ему, ни Калайдовичу, ниже слѣдующему поколѣнію не суждено было быть свидѣтелемъ «вскрытія таинствъ Синодальной библіотеки», какъ не суждено было видѣть и знаменитаго Изборника, приготовленіе котораго къ печати перешло отъ Калайдовича къ Восто·

---

[1]) Переговоры—тамъ-же, № 345, условіе—№ 348.

[2]) Бевсоновъ, Калайдовичъ, 81. Цѣликомъ письмо Круга отъ 6-го февраля въ Перепискѣ Востокова, стр. 175—176.

[3]) Отъ 24 марта 1825. Переписка Румянцова, № 359.

[4]) Бевсоновъ, Калайдовичъ, 81.

кову. Важное патріотическое предначертаніе было лишь слегка затронуто въ своемъ исполненіи—на-сколько дозволили обстоятельства. Но безспорно, высоко-почетно въ исторіи русской науки имя тѣхъ, кто поколѣніямъ грядущимъ завѣщалъ приведеніе къ концу грандіознаго дѣла, успѣвъ сдѣлать лишь первую пробу.

«Обиліе рукописей, которыхъ считается 954, за исключеніемъ грамотъ, поставляетъ меня въ такое положеніе, что я, пишетъ Калайдовичъ Востокову при первомъ-же шагѣ въ среду «таинствъ» Библіотеки, долженъ посвятить большую часть времени сему, столь для меня лестному, занятію» [1]). Но масса упорнаго труда не устрашила испытаннаго работника.

Казалось, первые шаги предвѣщали успѣхъ. «Въ Синодальной библіотекѣ я, извѣщалъ уже 6 мая Калайдовичъ Румянцова, описалъ 58 рукописей. Мой трудъ идетъ теперь не такъ успѣшно, по причинѣ сдачи сокровищъ отъ прежняго ризничаго новому» [2]). Описать шесть десятковъ рукописей въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ—шагъ большой. Но Калайдовичъ долженъ былъ спѣшить, такъ какъ Румянцовымъ указанъ былъ срокъ—три года, почему и принялъ старую упрощенную систему описанія, какъ она выработана была имъ раньше въ Описаніи рукописей гр. Толстаго. «Дай Богъ и въ такомъ видѣ оправдать съ честью ожиданія канцлера при описаніи 954 рукописей и многихъ грамотъ въ теченіе 3 для меня опредѣленныхъ лѣтъ, пишетъ Калайдовичъ, въ оправданіе своей системы, Востокову 2 апрѣля. Иное дѣло составить подробный и ученый каталогъ рукописямъ, который долженъ освѣщать неприкосновенныя доселѣ книгохранилища вѣрнымъ указаніемъ всего, въ нихъ содержащагося; совсѣмъ другое дать душу симъ тлѣющимъ памятникамъ и оживить ихъ, подобно какъ оживленъ вами древнѣйшій переводъ св. Григорія Богослова» [3]).

---

[1]) Переписка Востокова, № 105.

[2]) Бевсоновъ, ор. с., 187.

[3]) Переписка Востокова, № 117. Трудъ Востокова, упоминаемый Калайдовичемъ, образцовое описаніе 13 словъ Григорія Богослова въ наставительномъ и для нашего времени журналѣ П. И. Кеппена: Библіографическіе Листы, за 1825, тогда начавшемъ выходить. О полной и точной системѣ Востокова—см. Переписку № 115, на что письмо Калайдовича было отвѣтомъ.

Но послѣ перваго извѣщенія 6 мая переписка Калайдовича съ Румянцовымъ прерывается—прервалось и самое описаніе.

Съ чувствомъ глубокой скорби пишетъ старикъ Малиновскому 25 сентября: «сожалѣю о томъ, что г. Калайдовичъ, который мнѣ столь полезенъ, страждетъ нервами», а черезъ мѣсяцъ прибавляетъ: «желать я долженъ и желаю, чтобы г. Калайдовичъ выздоровѣлъ совершенно, такъ, чтобы по прежнимъ примѣрамъ могъ заняться съ успѣхомъ возложеннымъ на него дѣломъ» [1]).

Если мы вспомнимъ исторію непрерывныхъ, безъ роздыха, работъ Калайдовича въ теченіе послѣдняго десятка лѣтъ, при постоянныхъ подталкиваніяхъ и отвлекающихъ порученіяхъ нетерпѣливаго старика, среди зависти и недоброжелательства отъ самыхъ юныхъ лѣтъ, мы можемъ только удивляться, какъ слабая натура Калайдовича не прорвалась раньше... Впрочемъ, на этотъ разъ желаніе Румянцова исполнилось: Калайдовичъ оправился, но затѣмъ, чтобы чрезъ непродолжительное время получить удручающую вѣсть, что 6 января 1826 года не стало знаменитаго историческаго старца, который умеръ съ преслѣдовавшими всю его долгую жизнь помыслами о родной наукѣ: «трудомъ г. Погодина (только что явившимся неудачнымъ переводомъ Добровскаго «Кириллъ и Меѳодій», на счетъ канцлера) я, заключалъ Румянцовъ свое послѣднее письмо къ Малиновскому, отъ 5 декабря, буду хвалиться предъ митроп. Евгеніемъ»... [2]).

Наслѣдникъ-братъ не поддержалъ великой традиціи, и Румянцовскій Кружокъ самъ собою распался. Чрезъ немного времени за своимъ знаменитымъ покровителемъ пошелъ и Калайдовичъ.

Заслуженнѣйшій изслѣдователь-славистъ, когда не стало его могущественной, но единой, опоры—Румянцова, и онъ остался глазъ на глазъ съ Малиновскимъ, не имѣлъ болѣе мѣста въ Архивѣ, и авторъ знаменитаго «Ексарха», этотъ ранній знатокъ рукописныхъ древностей Москвы, изъ ученой Коммисіи очутился въ жалкой должности еврейскаго надзирателя за Глѣбовскимъ подворьемъ въ Зарядьѣ, этой протоплазмой еврейскаго населе-

---

[1]) Переписка Румянцова, №№ 379, 380.

[2]) Тамъ-же, № 385.

нія въ Москвѣ, и среди евреевъ въ февралѣ 1828 года сошелъ съ ума. Правда, путешествіе по Россіи нѣсколько поправило Калайдовича[1]); но онъ въ Москву возвратился по прежнему слабымъ, а 19 апрѣля 1832 г. сошелъ въ преждевременную могилу... «Такъ всегда труды и усердіе вмѣсто награды терпятъ укоризны», пророчески сказалъ онъ о себѣ еще въ началѣ своего жизненнаго пути[2])—обыкновенная оцѣнка людская....

.13.

Теперь мы можемъ познакомиться нѣсколько ближе съ митрополитомъ Евгеніемъ, тѣмъ членомъ Кружка, съ именемъ котораго, какъ высокаго судіи, смежилъ очи великій старецъ, Румянцовъ. Немного мы познакомились съ Евгеніемъ раньше: мы слышали нелицепріятый судъ его, еще молодаго епископа (1769—1837) и самого члена, о безплодной дѣятельности Россійской Академіи; слышали его серьезный голосъ на тотъ или другой вопросъ науки въ дѣятельности университетскаго Историческаго Общества, но особенно—Кружка канцлера.

«Не такъ громко его имя, какъ Карамзина, вспоминаетъ въ юбилейный день преосв. Евгенія акад. Срезневскій, не соединяется съ такими открытіями, перемѣняющими понятія въ наукѣ, какъ имя Востокова, но будетъ вмѣстѣ съ ними одинаково памятно»[3]) — памятно, какъ живая строгая критика русской науки своего времени, напр., дѣятельности знаменитаго Кружка, памятно по личному участію этого замѣчательнаго передоваго человѣка въ успѣхахъ общей науки, русскаго просвѣщенія.

Не жившій въ Москвѣ, а только около, но душей весь преданный научному движенію Москвы, строгій и трудолюби-

---

[1]) «Теперь въ Кіевѣ у насъ гоститъ Калайдовичъ, пишетъ митроп. Евгеній Востокову 6 апрѣля 1829 г., и у меня часто бываетъ. Онъ отнюдь не сошелъ съ ума, какъ въ Москвѣ славили его, а только ипохондрически раздраженъ гоненіями». (Переписка Востокова, № 200). Дѣйствительно, отъ рукописей Синодальной библіотеки очутиться въ еврейскомъ подворьѣ и смотрѣть за чистоплотностью евреевъ — было надъ чемъ призадуматься бѣдному автору Ексарха!..

[2]) Въ «Запискахъ» 1814 г. — Лѣтописи рус. лит-ры, пр. Тихонравова, III, II, 112.

[3]) Сборникъ статей 2 отд. Ак. н., V, 1, стр. 2.

вый, преосвященный Евгеній, изъ студентовъ Московскаго университета, былъ явленіемъ не изъ частыхъ. Куда ни заносила его судьба съ тѣхъ поръ, какъ онъ изъ воронежскаго протопопа сталъ владыкой, вездѣ онъ открывалъ науку, былъ неугомоненъ, какъ выражался онъ о себѣ.

Исторія русской церкви, литературно-историческіе вопросы рано ввели его, «неугомоннаго работника въ уединеніи» [1]), въ интересы старой письменности славянской, и не одинъ памятникъ ея обязанъ ему спасеніемъ, напр., хоть въ Новгородѣ. Всегда историкъ, ранній историкъ культуры [2]), Евгеній пріобрѣлъ навыкъ въ разборѣ рукописей и въ языкѣ ихъ, начавъ съ Новгородскихъ лѣтописей, и изъ талантливаго любителя, но съ строгою критическою головой, мало-по-малу, выработался авторитетный критикъ и въ филологической области — славянскаго языка, его исторіи, для своихъ современниковъ. Онъ работалъ sobrie et dobrovicie, выражаясь мѣткимъ жаргономъ Копитара, былъ Добровскимъ въ пріемахъ и, какъ у того, критицизмъ переходилъ иногда въ скептицизмъ не въ мѣру. Строгая наука, при горячей любви къ одному полезному труду, рано, но одновременно, оттолкнула преосв. Евгенія отъ Шишкова и его этимологической Академіи и сблизила съ Румянцовымъ и его Кружкомъ — науки, а не «похвальныхъ упражненій».

Въ 1806 г. пр. Евгеній остановился и ознакомился съ рукописью Остромира, и къ этому году принадлежатъ его любопытныя соображенія противъ Шлецера, говорившаго объ искуственности языка нашей церкви.

«Я, пишетъ онъ члену Россійской Академіи, изв. Хвостову, 31 окт., когда и онъ удостоился стать сочленомъ его, согла-

---

[1]) Изъ письма его къ изв. намъ пріятелю Анастасевичу, 1821 г., въ Др. и Нов. Россіи 1881, февр., стр. 292.

[2]) Евгеній, уже старикъ-митрополитъ, задаетъ Снегиреву тему—писать о народныхъ праздникахъ, что тотъ позже и исполнилъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Снегиревъ въ своемъ «Дневникѣ» (курьезно изд. пр. Ивановскимъ, стр. 49, подъ 6 сент. 1825 г.). Любопытно что нѣкоторыхъ владыкъ на провинціи, напр. въ Костромѣ, тема эта соблазняла, и корреспонденту Снегирева тамъ, священнику Діеву, она стоила[illegible]гоненій. См. любопытныя письма Діева къ Снегиреву — Чтенія моск. ист. Общ., 1887, I, въ «Матеріалахъ» г. Титова.

сенъ въ томъ, такъ какъ и мы не говоримъ въ общежитіи такимъ русскимъ языкомъ, какимъ сами же пишемъ богословскія книги. При переводѣ много словъ подражательно греческому выдумано и произведено изъ славянскаго. Все это значитъ только, что дошедшій до насъ языкъ славянскій пополненъ и распространенъ; но чтобы чрезъ то весь древнѣйшій языкъ былъ потерянъ, того доказать нельзя. Ибо естьли славяне новопереведенныхъ имъ книгъ не понимали, то не для чего было и переводить. А естьли понимали не только въ Моравіи, но и въ Кіевѣ, и Новѣгородѣ, то этотъ переводъ былъ на ихъ языкѣ». Въ отверженіе фантазій Шишкова Евгеній указывалъ, что не диво, если древнѣйшій, коренной славянскій языкъ не дошелъ до насъ: «ни одна нація кореннаго языка своего не знаетъ» [1]). Любопытно, что западная теорія о родинѣ языка св. Кирилла предносится уже въ этихъ соображеніяхъ.

Когда сейчасъ-же послѣ злополучнаго конца рукописи Слова о Полку знаменитому эллинисту Тимковскому, учителю Калайдовича, посчастливилось открыть сѣверно-русское подражаніе погибшей поэмѣ юга, правда блѣдную, но все-же любопытную Задонщину, и онъ, занявшись «разборомъ филологическимъ» Слова, обратился къ своему ученику за объясненіемъ нѣкоторыхъ реченій (зегзица, стрикусы и пр.), тотъ туже минуту поспѣшилъ за справками въ Калугу—къ Евгенію [2]).

Въ Россійскую Академію пр. Евгеній вступилъ, скрѣпя сердце, но въ то-же время, подобно Румянцову, готовъ былъ учиться у каждаго, въ чемъ либо свѣдущаго, а если училъ, то съ властью.

Приготовляя, по порученію моск. Историческаго Общества, къ изданію Словарь писателей Евгенія, въ концѣ 1813 года Калайдовичъ писалъ ему: «къ Словарю вашему я прибавилъ Луку Бѣлгородскаго и Кирилла Туровскаго. Несторъ и Кипріянъ мною передѣланы». А раньше, 14 мая 1813, Евгеній извѣщалъ Хвостова: «Каченовскій теперь просматриваетъ мой Словарь и уже сообщилъ мнѣ нѣкоторыя историческія дополненія» [3]).

---

[1]) Сборникъ Ак. н., V, 1, 138.

[2]) «Записки Калайдовича» и «Лѣтописяхъ рус. лит.», III, II, 111. Евгеній не объяснилъ.

[3]) Сборникъ Ак. н. V, I, 145.

«О Линдовѣ Словарѣ я, жалуется преосвященный 10 сент. 1814, своему Анастасевичу, знавшему польскій языкъ, имѣю обстоятельную записку одного виленскаго профессора, что Словарь на одномъ польскомъ, безъ перевода, а потому «для неопытныхъ въ польскомъ неудобенъ къ употребленію». Евгеній проситъ потому откровенно собесѣдника — не найдетъ-ли онъ у Линде или «по другихъ славянскихъ діалектовъ словарямъ толкованія словъ, въ пѣсни Игоревой встрѣчающихся: зегзица, стрикусы» [1])?

Но своего учителя въ польскомъ языкѣ и «другихъ славянскихъ діалектахъ» пр. Евгеній горько стыдилъ за незнаніе своего языка: «въ васъ, пишетъ онъ Анастасевичу, есть смѣшная глоттоманія...; есть ли вы въ спискѣ моемъ Владимірова Устава не поняли слова потки, то какъ же вы для Линде перевели на польскій языкъ прочія, столь-же неупотребительныя нынѣ, слова? Любопытно мнѣ взглянуть на вашъ польскій переводъ» [2]).

Другъ положительнаго знанія, Евгеній преслѣдовалъ и науку Шишкова, и всякую гипотезу, не вытекающую изъ данныхъ, но въ своей оппозиціи шелъ далеко, хотя и послѣдовательно, напримѣръ, въ вопросахъ, выдвинутыхъ Калайдовичемъ.

Славянскія этимологико-историческія розыски извѣстнаго въ свое время славянофила-поляка, Потоцкаго, онъ разсматривалъ какъ вздоръ, а надъ упражненіями своего друга Анастасевича во вкусѣ Шишкова сердечно смѣялся. «Забавно ваше умствованіе о Константинѣ, пишетъ онъ ему. Въ этомъ вы перещеголяли, и серіозно, Тредьяковскаго... Въ добрый часъ и вамъ тѣшиться этимологіей — для отдыха отъ польскихъ пустошей» [3]).

Когда ученый другъ Румянцова во Франціи, Мальтбрюнъ [4]), попытался, въ новомъ томѣ своего Словаря, выражаясь

---

[1]) Др. и Нов. Росс., 1880, 18, стр. 354, 358. Въ другомъ письмѣ онъ сердечно признается Анастасевичу: «нѣсколько польскихъ книгъ XVII в. я давно у себя имѣю и довольно ихъ разумѣю; но новѣйшій польскій языкъ для меня труденъ» (въ 1817 г., т.-же, 616). Просьба о непонятыхъ словахъ въ Словѣ вызвана упомянутымъ запросомъ Калайдовича.

[2]) Въ 1822 г., Др. и Нов. Росс., 1891, 302.

[3]) Въ 1821 г. Тамъ-же, 289.

[4]) Malthe Brunn, 1775—1826, извѣстный датскій публицистъ, а

его словами, «слабыми средствами поддержать положеніе, что славянскія племена, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ большинство, жило въ Европѣ со временъ незапамятныхъ и, хотя неизвѣстные подъ однимъ общимъ именемъ, они всегда образовывали весьма знатную часть европейскаго населенія»: Евгéній, съ свойственнымъ фактическимъ направленіемъ ума, эту блестящую гипотезу встрѣтилъ рѣзкимъ осужденіемъ, въ отвѣтъ на сообщеніе отъ порадовавшагося Румянцова. «Изъ похвальбы Мальтбрюна я, отвѣчалъ Евгеній графу, ничего болѣе не замѣчаю кромѣ бреда, въ который часто впадаютъ и знаменитые люди. Наши лѣтописатели начиная съ Нестора, давно производятъ прямо отъ Ноя и сына его Афета славянъ, заселявшихъ якобы весь сѣверъ. Нашъ Тредьяковскій всѣми силами доказывалъ, что и языкъ славянскій есть корень и источникъ всѣхъ европейскихъ языковъ. Теперь остается Мальтбрюну дополнить его доказательства» [1]).

Говоритъ-ли эта не-къ-стати поминка о Тредьяковскомъ противъ проницательности ума іерарха?.. Полагаемъ, что нѣтъ. Евгеній былъ вѣренъ себѣ, какъ безусловный чтитель строгой формальной критики, что̀ заявлялъ онъ на каждомъ шагу.

«Не вѣрю, пишетъ онъ Анастасевичу въ ноябрѣ 1814 г., чтобы Несторъ писалъ на малороссійскомъ языкѣ, котораго при немъ не было, а что у малороссіянъ осталось болѣе, нежели у насъ, словъ его, это не доказательство: въ провинціяхъ осталось также много словъ, встрѣчающихся въ лѣтописи (огнище, огнищанинъ, одеренъ)». Съ тѣмъ сильнѣйшимъ недовѣріемъ отнесся онъ къ прокладавшему себѣ тогда путь въ европейскую науку санскриту.

Въ 1812 г. членъ Россійской Академіи, Ив. Леванда, издалъ брошюру «О происхожденіи и началѣ славянскаго языка», гдѣ рѣчь о санскритѣ, и Евгеній рѣзко осудилъ ея мысли. «Образчикъ анатоло-галиматьи, представленный Рос. Академіи, я, пишетъ онъ своему обычному собесѣднику въ іюлѣ 1814 г., уже по милости вашей читалъ и дивился симъ испанскимъ замкамъ». Если санскритъ и новое направленіе въ работахъ

потомъ французскій географъ, съ 1808 г. издатель Annales de voyages и создатель Dictionnaire géographique universel.

[1]) Отъ 24 янв. 1823. Переписка Евгенія, 72.

по языку являлись строгому уму Евгенія испанскими языками, пустяками, то это убѣжденіе коренилось на второмъ мѣстѣ въ опасеніи увидѣть въ наукѣ новаго Шишкова, въ глубокомъ отвращеніи къ долго царившимъ «этимологическимъ» упражненіямъ: крайность Евгенія шла во всякомъ случаѣ изъ побужденій симпатическихъ. «Смѣшно, пишетъ онъ въ 1824 г. тому же, и толкованіе Френово названія Кіева Σαηβαταχ (!) сама мать и производство веси отъ weiss (нѣм. бѣлый). А въ славянскомъ переводѣ Новаго Завѣта Кирилла и Меѳодія, еще прежде Рюрика, есть уже слово весь въ нарицательномъ общемъ смыслѣ. Толкуйте же теперь, какъ хотите, съ нѣмецкаго или арабскаго, а не лучше-ль съ санскритскаго, помутившаго нынѣ всѣмъ чудакамъ головы» [1]).

Тоже невѣріе своего строгаго критическаго ума Евгеній любопытнымъ образомъ объявилъ въ вопросѣ, который глубоко взволновалъ тогда западныхъ «славенослововъ», какъ не перестаетъ волновать и теперь, послѣ 70 лѣтъ.

8-го марта 1819 г. Румянцовъ посылаетъ Евгенію полученныя славянскія новинки: Сербскій словарь Вука Караджича и «на славенскомъ языкѣ, недавно отысканныя при церкви Кениггофской лирическія сочиненія». «Время ихъ, поясняетъ канцлеръ, Добровскій не опредѣляетъ, а почитаетъ, что сама рукопись, въ которой онѣ внесены, не позже писана, какъ между 1290 и 1310 г. Сіе собраніе не только какъ древнѣйшій памятникъ словесности и какъ любопытное и искусное піитическое твореніе большаго вниманія достойны; но мнѣ кажется, что одна изъ важныхъ его для насъ будетъ польза та, что можно будетъ возстановить настоящій смыслъ многихъ древнихъ русско-славенскихъ словъ».

---

[1]) Др. и Нов. Россія, 1880, 18, стр. 361; 1881, 311. Историкъ, Евгеній въ сближеніи языковъ видѣлъ дѣло исторіи. «Во всѣхъ языкахъ есть сходство, писалъ онъ Анастасевичу; есть-ли въ смежностяхъ языки въ чемъ нибудь сходны, то это—по коммерціи, а не по породѣ» (тамъ-же, 1881 г. стр. 313). Отсюда не по породѣ, а изъ исторіи онъ объяснялъ близость литовскаго и славянскаго языковъ: «языкъ пруссовъ древнихъ, извѣстно, писалъ онъ тому-же, былъ испорченный славянскій, и въ XV в. были еще тамъ на уголкахъ говорившіе онымъ, но письменныхъ остатковъ не дошло до насъ» (въ 1822 г., тамъ-же, 308). Но этотъ «испорченный славянскій»—камень преткновенія для Евгенія, когда встрѣтился какой то актъ на «древнемъ прусскомъ языкѣ» (Переписка Евгенія, 16).

Рѣчь идетъ о только что открытой Ганкою Краловедворской рукописи. Румянцовъ сразу увлекся патріотическимъ открытіемъ. Но иначе отнесся Евгеній.

«Чешскія стихотворенія, отвѣчалъ онъ графу 21 марта, есть-ли только справедливо о времени списка ихъ замѣчаніе Добровскаго, также драгоцѣнная древность для славянъ. Они очень понятны и для насъ по близости, бывшей еще въ древнихъ славянскихъ нарѣчіяхъ» [1]).

Наконецъ, съ тѣмъ-же чувствомъ недовѣрія мы видѣли Евгенія, когда Калайдовичъ дѣлалъ свои знаменитыя, дѣйствительныя открытія. Но въ нихъ усумнился и Добровскій.

Отталкиваемый продолжительнымъ единодержавіемъ этимологіи и упражненій Шишкова до того, что горькимъ сомнѣніемъ встрѣтилъ отрадный лучъ свѣта съ береговъ Инда, точный, пожалуй, сухой умъ, Евгеній съ тѣмъ понятнѣйшимъ увлеченіемъ останавливался на трудахъ положительнаго характера—исторіи, литературы. Трезвое научное направленіе въ польской литературѣ втораго и третьяго десятилѣтій, вмѣщавшее, какъ въ Кружкѣ Румянцова, изученіе своего вмѣстѣ съ изученіемъ Славянства, быстро привлекло къ себѣ симпатіи нашего знаменитаго іерарха: въ польскихъ историко-литературныхъ трудахъ того времени Евгеній почувствовалъ себя дома, а не въ Академіи Шишкова, гдѣ даже до 1831 года занимались «похвальными словами».

Посредникомъ между этою польской наукой славянскаго направленія и Евгеніемъ былъ тотъ-же полу-мертвецъ Румянцовъ, но живучестью обманывавшій даже расчеты іерарха [2]), а своею почти феноменальною отзывчивостью къ интересамъ русскаго просвѣщенія остановившій на себя вниманіе и польскихъ

---

[1]) Переписка Евгенія, 16, 18. Ср. отношеніе Евгенія къ Боянову гимну и оракуламъ новогородскихъ жрецовъ, шумѣвшимъ было въ Петербургѣ въ 1811 — 12 гг. среди «древностелюбцевъ» — Сборн. статей 2 отд. Ак. н., V, 1, 56—57.

[2]) Еще въ началѣ 1817 года Евгеній былъ мнѣнія, что дорогому канцлеру не долго жить. «Гр. Румянцовъ, писалъ онъ въ февралѣ Анастасевичу, мало по малу лишается чувствъ отъ своего удара и видно скоро Богъ его позоветъ изъ здѣшняго литературнаго свѣта въ духовный, гдѣ не нужны уже и образа въ окладахъ, воруемые секретарями». (Др. и Нов. Россія, 1880, 18, стр. 619).

славянолюбцевъ. Знаменитый Линде посвятилъ нашему канцлеру своего Кадлубка и обосновывалъ этотъ шагъ свой стремленіемъ — «сблизить словесности именно тѣхъ народовъ, которые въ столь многихъ отношеніяхъ Провидѣніемъ между собою сближены», какъ онъ сердечно исповѣдывался предъ Шишковымъ въ Россійской Академіи [1]).

Восторженный I томомъ «Prawdy Ruskiéj» (Warsz., 1820) молодаго Раковецкаго († 1839), особенно, ея послѣдними страницами—о языческой культурѣ Славянъ, Евгеній пишетъ своему Анастасевичу: «есть-ли-бъ досугъ былъ, я-бы перевелъ ее; но надобно скоро возвратить книгу (Румянцову), а вся она дышетъ примѣрнымъ и для насъ патріотизмомъ къ славянизму, жалуется на презрѣніе онаго единоплеменцами, на утѣсненіе нѣмцами, на искаженіе исторіи его нѣмецкими писателями» [2]). Въ январѣ 1822 г. Румянцовъ получилъ вторую часть «Правды» и 26-го уже посылаетъ ее столь заинтересовавшемуся Евгенію: «сейчасъ получа вторую часть сочиненія г. Раковецкаго, котораго первый томъ вы такъ одобрить изволили, спѣшу его къ вамъ доставить. Ко мнѣ пишутъ, что сей трудолюбивый молодой человѣкъ разоряется своимъ похвальнымъ предпріятіемъ» [3]).

Евгеній прочелъ «Исторію польской литературы» Бентковскаго и съ восторгомъ пишетъ о ней Румянцову: «изъ сей книги изволите усмотрѣть, во сколько кратъ польская словесность богаче нашей, еще ребяческой» [4]). Дальнѣйшее знакомство съ польскою наукой и—тоже чувство.

«Изъ приложенной здѣсь выписки изъ письма, которое я получилъ отъ г. Лобойки, вы, извѣщаетъ пр. Евгенія Румян-

---

[1]) Въ 1821 г. См. Шишковъ, Записки и пр., II, 364. Ср. восторженное отношеніе къ имени канцлера тогда-же и Шафарика въ далекомъ захолустьѣ Венгріи въ «Gesch. d. slaw. Spr. u. Lit.», 176.

[2]) Др. и Нов. Россія, 1881, 292. Ср. 297, 300 о восторгѣ. Канцлеру 17 окт. 1821 г. Евгеній писалъ: «...Польскою книгою много услаждался. Хотя сочинитель почти всю ее выбралъ изъ Болтинова изданія Русской Правды и изъ Карамзиновой исторіи; но нѣчто и изъ своихъ польскихъ писателей прибавилъ, а послѣдняя глава о духѣ славяно-русскихъ законовъ почти вся его собственная и прекраснѣйшая. Неизвѣстно, какова-то будетъ вторая часть его книги». (Переписка Евгенія, 49).

[3]) Переписка Евгенія, 55.

[4]) Отъ 1 дек. 1822. Тамъ-же, 67. Bentkowski, 2 т., въ 1814 г.

цовъ 4 дек. 1823 г., изволите усмотрѣть, какое литературное богатство въ Польшѣ къ изданію приготовляется. Я просилъ, чтобы всѣ сіи сочиненія присылаемы были ко мнѣ, по мѣрѣ ихъ появленія». Это были труды Лелевеля, Бандке, Голембёвскаго, Даниловича, уніатскаго канон. Бобровскаго, отыскавшаго на Подляхіи «нѣсколько славянскихъ рукописей, на бумагѣ и пергаментныхъ», между нихъ знаменитую Супрасльскую минею — для того, прибавимъ отъ себя, чтобы ее выкрали изъ Россіи при посредствѣ его-же. «Видно, отвѣчаетъ Евгеній 19 дек. на это дорогое извѣщеніе о литературныхъ новинкахъ польской науки, что поляки гигантскими шагами упреждаютъ насъ въ словесности. Намъ надобно у нихъ учиться» [1]).

Симпатіи православнаго іерарха, кіевскаго митрополита, къ произведеніямъ польской науки, къ ея прогрессивному движенію, были не одиноки въ русской литературѣ разсматриваемаго времени. Мы видѣли, какъ обильно черпалъ изъ того источника Каченовскій для славянскихъ статей своего «Вѣстника Европы». Еще откровеннѣе препоручалъ вниманію русской публики языкъ и польскую литературу Полевой, въ своемъ «Московскомъ Телеграфѣ». «Изученіе польскаго языка, пишетъ тамъ кн. Вяземскій, могло-бы быть вспомогательнымъ дополненіемъ къ изученію языка отечественнаго. Многія родовыя черты, сохранившіяся у сосѣдей и сонаслѣдниковъ нашихъ, утрачены нами; въ обоюдномъ разсмотрѣніи наслѣдства, раздѣленнаго между нами, въ миролюбномъ размѣнѣ съ обѣихъ сторонъ, могли-бы обрѣсти мы общую пользу» [2]). Полевой скорбитъ, что польская литература совсѣмъ намъ неизвѣстна [3]).

Можно-ли заподозрѣть свѣтильника русской церкви въ пристрастіи, въ неискренности чувства?... Ясно, нѣтъ.

Еще въ 1810 г. Евгеній точно опредѣлилъ наше умственное состояніе: «имѣемъ-ли мы о сю пору, спрашиваетъ онъ, классическую словесность? Не все-ли у насъ заимствованное?

---

[1]) Тамъ-же, 89, 90, 91. Въ Перепискѣ ошибочно—Добровскій.

[2]) «Моск. Телеграфъ», 1827, ч. XIV, 192.

[3]) Тамъ-же, 1826, X, 183—196. Что совсѣмъ была неизвѣстна, сказать нельзя. Вспомнимъ, что, напримѣръ, «Думы» Рылѣева навѣяны «Историческими пѣснями» Урсина-Нѣмцевича.

Есть-ли хотя 200 книгъ оригинальныхъ?... Многихъ изъ писакъ нашихъ мы называли и Расинами, и Виргиліями, и Горапіями... Но что-то никто не вѣритъ»... «Правда, пишетъ Евгеній много позже, въ 1820 г., у насъ нѣтъ еще здравой критики; но правда и то, что у насъ мало даже и предметовъ критики. Литература наша во всесвѣтной—еще азбука» [1]). Когда въ 1821 г. вышла Исторія русской словесности Греча, первый опытъ въ этой области, возбудившая массу толковъ, Евгеній былъ одинъ изъ немногихъ, правильно оцѣнившій оригинальность труда, сказавши въ защиту автора: «предшественнику всегда бываетъ труднѣе послѣдователей, и легче критиковать, нежели самому дѣлать» [2]). Замѣтимъ, что главную часть данныхъ доставилъ Гречу самъ Евгеній изъ подготовлявшагося Историческимъ Обществомъ къ изданію, но неизданнаго, Словаря русскихъ писателей. Но и старикъ канцлеръ довольно понималъ, какъ много намъ надо учиться, и относительно работъ даже Карамзина онъ какъ-то замѣтилъ къ письмѣ къ Евгенію отъ 4 дек. 1823 г.: «я имѣю причину думать, что Николай Михайловичъ поверхностное бралъ только свѣдѣніе изъ важныхъ для россійской исторіи матеріаловъ», говоря о лифляндскихъ грамотахъ, латинскую часть которыхъ онъ пересылалъ въ Кіевъ къ Евгенію для перевода [3]).

Русская наука дѣйствительно только зачиналась, хотя и недурно. Это было начало нашего столѣтія. Раньше синтеза требовалась школа, критика. Отсюда дѣятели, какъ Евгеній, были такъ благовременны, такъ на мѣстѣ. Прибавимъ къ характеристикѣ Евгенія и ту готовность, съ которой онъ дѣлился со всякимъ, кто только обращался къ нему—къ его наукѣ, къ его опыту. Онъ создалъ книгу Греча, помогалъ и Карамзину, съ совѣтомъ былъ и старому Бантышу-Каменскому [4]). Но своимъ строгимъ критиче-

---

[1]) Сборн. ст. 2 отд. Ак. н. V, 1, 54—55, 179—180. Ср. тутъ же осужденіе безпредметной критики полика Ходаковскаго Исторіи Карамзина, 178.

[2]) Тамъ-же, 195.

[3]) Переписка Евгенія, 89. Объ этихъ бумагахъ Карамзинъ писалъ Малиновскому: 12 февраля 1818 — «бумаги кенигсбергскія у меня; лежатъ безполезно»; 13 мая—«онѣ состоятъ въ 2 маленькихъ тетрадяхъ, ничего не значатъ...» (Письма Карамзина къ Малиновскому, М. 1860, №№ 22, 25).

[4]) «Записки Калайдовича» въ ук. журналѣ, 113: Карамзина ссужалъ каталогами рукописей новгородскихъ и другихъ монастырей.

скимъ анализомъ упрямо, подобно Добровскому, устраняя сорныя травы съ небольшаго поля русской науки, Евгеній являлся въ тоже время и храмоздателемъ, то полагая первые камни науки, то собирая и очищая матеріалъ для будущаго.

Мы только что замѣтили, что значительный для своего времени историко-литературный опытъ Греча не мало обязанъ своимъ интереснымъ содержаніемъ рукописнымъ матеріаламъ, полученнымъ отъ Евгенія.

Въ іюнѣ 1823 г. Евгеній, уже митрополитъ, съ упрекомъ пишетъ Московскому историческому Обществу: «Словарь мой, въ 1813 г. доставленный Обществу, нынѣ къ изданію не годится; отдѣлилъ я духовныхъ писателей и издалъ, потомъ съ 1820 г. Н. И. Гречу началъ по хронологическому порядку сообщать статьи о свѣтскихъ писателяхъ, также почти всѣ передѣланныя»[1]).

Но чтобы судить объ интересѣ для современниковъ изданія Греча, привыкшихъ къ однимъ риторическимъ упражненіямъ, объ интересѣ, возбужденномъ новизною и мыслей, и изложенія, достаточно вспомнить, что книга Греча тотчасъ-же появилась въ польскомъ переводѣ (1823) знаменитаго Линде и послужила образцомъ для молодаго тогда еще Шафарика—по общеславянской («Gesch. der slaw. Sprache und Literatur», 1826), для Юнгманна-же по чешской[2]). Но успѣхомъ своей книги Гречъ былъ обязанъ прежде всего вкладамъ Евгенія, для котораго историко-литературные вопросы были избраннымъ предметомъ его симпатій съ самыхъ раннихъ лѣтъ писательства.

Еще молодой священникъ въ Воронежѣ, Болховитиновъ, переводя съ французскаго «Всеобщую хронологію знаменитыхъ мужей» (осталась въ рукописи), пополнялъ этотъ трудъ біографіями русско-славянскихъ писателей, какъ-то: первоучителя Меѳодія, корсунянина Іоакима, Нестора[3]). Въ этихъ патріотическихъ привѣскахъ нельзя не видѣть эмбріона будущаго «Историческаго Словаря духовныхъ писателей».

Въ 1805 г. Болховитиновъ, уже епископъ Евгеній, началъ печатать свой «Новый опытъ историческаго Словаря о россійскихъ писателяхъ» въ Другѣ Просвѣщенія изв. Хвостова.

---

[1]) «Лѣтописи Общ. исторіи и др. росс.», М., 1827, III, II, 33.

[2]) См. Zelený V., Život J. Jungmanna, 246—247; «Časopis Musea», 1883, 49, 51. «Гречева литература превосходна», Юнгманнъ Марку въ 1823 г.

[3]) Изъ обстоятельной монографіи о жизни митр. Евгенія г. Шмурла, въ Журн. м. нар. пр., 1887, іюнь, 345.

Здѣсь, въ этомъ трудѣ, Евгеній прямо устанавливалъ науку исторіи литературы, у насъ—впервые. «Исторія писателей, говоритъ онъ въ предисловіи, есть существенная часть литературы, потому что они составляютъ даже эпохи и періоды ея»[1]).

Когда, чрезъ много лѣтъ, въ 1819 году, вышелъ «Исторический Словарь»—духовныхъ писателей—Евгенія (изданный Румянцовымъ и принесшій, какъ мы видѣли, старику не мало непріятныхъ минутъ отъ небрежности корректора-редактора, Анастасевича), Добровскій привѣтствовалъ новый трудъ нашего іерарха самымъ теплымъ словомъ. Въ немъ пріятно остановили строгаго критика и богатство историческаго содержанія, и точность, высокая простота изложенія, безъ какихъ-либо риторическихъ прикрасъ, и мѣткость сужденій. Но главное — для Добровскаго «Словарь» Евгенія, это — цѣлая исторія «постепеннаго хода и развитія литературы и письменности въ Россіи»[2]).

Въ виду указанныхъ данныхъ мы позволимъ себѣ признать за ученымъ іерархомъ почетное имя предтечи, если не перваго историка русской литературы. Но счастливымъ вчинателемъ является Евгеній и въ другой области историко-литературныхъ работъ—въ славянской палеографіи, этомъ ключѣ къ литературной и бытовой старинѣ.

Мы видѣли уже раньше, какъ убѣдительно, усердно Евгеній препоручалъ Румянцову интересы палеографіи, свидѣтельствуясь личнымъ опытомъ въ безпомощности каждаго, кто сталкивается съ вопросами ея — а сталкивается каждый историкъ.

Ранняя ученая бесѣда съ Калайдовичемъ по неудавшемуся изданію Словаря русскихъ писателей дала понять Евгенію, сколько сокровищъ укрыто въ Синодальной библіотекѣ, и онъ горько сѣтуетъ, что сокровища лежатъ втунѣ, что не нашли еще своего Маттеи. Но «надо родиться еще русскимъ Маттеямъ», прибавляетъ онъ въ письмѣ къ своему Анастасевичу въ 1814 г., а

---

[1]) Сборникъ, 2 отд. имп. Ак. н., V, 1, 222, статья акад. Бычкова. Незадолго до смерти старый митрополитъ переслалъ свой Словарь свѣтскихъ писателей прое. Снегиреву, сыну своего университетскаго сотоварища, и тотъ на другой годъ послѣ упокоенія знаменитаго святителя издалъ его въ Москвѣ, и очень плохо. Вышелъ всего 1 томъ, за нерасходомъ книги.

[2]) Jahrbücher der Literatur (Wiener), 1824, III, 53.

Московское историческое Общество — «спитъ подъ недѣятельнымъ своимъ предсѣдателемъ, и нѣкоторые только члены особнякомъ работаютъ». Кто-жъ рыться будетъ въ архивахъ? спрашиваетъ Евгеній, отказываясь отъ надежды на духовныхъ, которые или не могутъ, или заняты. «У иностранцевъ много свободныхъ ученыхъ, а потому-то много и успѣшно трудящихся надъ открытіями» [1]).

Рано познакомившійся съ рукописью Остромира, но дѣйствовавшій затѣмъ постоянно внѣ столицъ, вдали отъ ихъ сокровищъ, Евгеній обращается даже за помощью къ своему Анастасевичу, какъ ни далекъ былъ послѣдній отъ палеографіи. «Вы, пишетъ Евгеній 20 дек. 1814 г., правду говорите, что по почеркамъ буквъ можно различать вѣкъ рукописей. Гаттереръ въ своей Дипломатикѣ, которая у меня есть, именно различилъ буквы на нѣсколько классовъ и опредѣлилъ имъ вѣкъ. Но у насъ ничего ей подобнаго и не думано» [2]). Когда Евгенію пришлось заняться двуязычной (слав. и греч. буквы), черниговскою гривной (медалью), онъ съ замѣчательнымъ тактомъ прежде всего поручаетъ Анастасевичу взять Остромирово евангеніе, выписать первое начало отъ Іоанна и подробно описать всю рукопись [3]). Такъ рано знаменитый памятникъ русскаго письма 1056 года былъ опредѣленъ критическимъ историкомъ, какъ палеографическій масштабъ... Его онъ изучалъ въ 1806 году. Взглядъ на него утвердился въ любопытной, столь же ранней, палеографической перепискѣ съ знаменитымъ художникомъ Ермолаевымъ, другомъ Востокова (о немъ сейчасъ ниже), который, въ концѣ 1809 или въ началѣ слѣд. года, писалъ Евгенію объ одной, открытой

---

[1]) Др. и Нов. Росс., 1880, 18, стр. 359, 353. Евгеній говоритъ о предсѣдателѣ Бекетовѣ, который перехватывалъ открытія Румянцова, какъ это видѣли раньше. Любопытно, что Строевъ называетъ его душею и двигателемъ Общества. (Русс. Архивъ, 1882, 3, 116, прим.). Меньшимъ пессимистомъ былъ Калайдовичъ въ «Ексархѣ», ожидавшій отъ будущаго —открытій архивскихъ за открытіями, когда изслѣдованы-де будутъ всѣ монастыри, когда рвеніе къ историческимъ разысканіямъ будетъ продолжаться и далѣе (Глава 6). Добровскій, объявившій Ексарха выдумкой Калайдовича, прибавилъ къ этому отъ себя, не безъ иронія: «да кто-же не пожелаетъ того -же отъ всего сердца»? (Jahrbücher der Literatur (Wiener) 1825, IV, 74).

[2]) Др. и Нов. Росс., 1880, 18, стр. 363.

[3]) Отъ 8 апр. и 11 мая 1817 года. Тамъ-же, 1880, 18, стр. 633.

имъ, рукописи въ Ярославлѣ: «почеркъ весьма сходенъ съ почеркомъ Остромирова евангелія, только буквы не такъ велики» [1]).

Вполнѣ понятно, если вѣрный палеографическій взглядъ пр. Евгенія, при глубокой начитанности его въ рукописяхъ родной старины, сдѣлалъ имя его авторитетнымъ и въ вопросахъ палеографіи. Такимъ его признавалъ Румянцовъ, сообщая ему свѣдѣнія о своихъ рукописныхъ наращеніяхъ, забрасывая его однимъ, другимъ вопросомъ. «Нѣтъ, кажется, сомнѣнія, пишетъ Румянцовъ Евгенію 13 сент. 1817 г., ища объясненія года одной рукописи, что, сличая историческія обстоятельства, литера А означаетъ тутъ 900; позвольте васъ спросить, когда сія литера потеряла свое цифернос достоинство и замѣнена буквою ц: съ начала-ли имѣла она сіе численное знаменованіе, или временно только вытѣснила изъ церковной ариѳметики букву ц, и потомъ ей мѣсто уступила» [2])?

Но палеографъ-самоучка, но съ тактомъ, никогда не смотрѣлъ на себя, какъ на авторитетъ. Изучая рукописи, ихъ почерки, издавая кое-что, онъ чуждъ былъ мысли—стать въ не-

---

[1]) Сборн. ст. 2 отд. Ак. Н. V, 1, 239. Надо замѣчательномъ-ли пергаменномъ евангеліи, хранящемся въ Ярославлѣ, въ Успенскомъ соборѣ, русскаго письма, не моложе половины XIII вѣка, говорилъ Ермолаевъ? Ярославская драгоцѣнность достойна изученія и изданія, не говоря о ея мѣстномъ значеніи. Она должна была быть писана въ Ярославлѣ. Своимъ почеркомъ и внѣшней отдѣлкою: четкій уставъ, заставки, золото, она, дѣйствительно, напоминаетъ собрата, Новгородскую святыню.—Въ прибавленіяхъ къ изслѣдованію о грамотѣ кн. Мстислава напечатаны: все послѣсловіе Остромирова евангелія, послѣсловіе Изборника 1076 г., съ указаніемъ ошибочнаго прежде чтенія даты (Труды и Зап. Общ. ист. и др., III, 1, 59—60). Но безъ юсовъ, вѣроятно, за неимѣніемъ въ типографіи знаковъ. Ср. тамъ-же, 113, гдѣ ѣ вм. ѧ.

[2]) Переписка Евгенія, 8. Отвѣтъ Евгенія былъ отрицательный и неудачный, что А «никогда не имѣла числительнаго знаменованія» (отъ 25 сент., тамъ-же, 9). Между тѣмъ Калайдовичъ доискался до употребленія числоваго А, и канцлеръ 10 декабря 1817 г. писалъ Евгенію: «позвольте добавить здѣсь полученныя мною давно замѣчанія г. Калайдовича о числительной цѣнѣ литеры А и о времени ея появленія въ нашихъ рукописяхъ. Сему-же молодому человѣку я нынѣ обязанъ выпискою одной азбуки, которая всякую свою букву имѣетъ приноровленною (!) къ нашему алеавиту» (тамъ же, 10). Канцлеръ азбуку эту сообщилъ Евгенію. — Калайдовича Евгеній не любилъ, а присланная азбука могла быть плохой рекомендаціей.

тронутой обширной области славянской палеографіи русскимъ Монфокономъ: свою роль онъ ограничивалъ собираніемъ, сортировкой матеріала [1]), поощреніемъ другихъ къ той-же дѣятельности, напр. Румянцова, и главное—отысканіемъ человѣка, на плечи котораго достойнымъ образомъ могла-бы быть возложена задача—быть «сочинителемъ», т. е. творцомъ, славянской палеографіи.

«Я съ вашимъ преосвященствомъ въ полной мѣрѣ дѣлю желаніе видѣть россійскую палеографію и заготовилъ нѣсколько уже матеріаловъ для сочинителя оной; но гдѣ сіи сочинители»? спрашиваетъ съ нѣкоторымъ отчаяніемъ нетерпѣливый Румянцовъ Евгенія въ сентябрѣ 1817 года. «Укажите мнѣ, пр. владыко, особъ на то способныхъ и притомъ готовыхъ трудъ понести. Въ подобныхъ отысканіяхъ по сю пору я не слишкомъ удачно дѣйствую» [2]).

---

[1]) Изданіе древнѣйшей русской грамоты, кн. Мстислава, въ Вѣстн. Евр. 1818 г. (позже въ Трудахъ Моск. Ист. Общ.) пок. Срезневскій считаетъ образцовымъ (Сборн. ст. 2 отд. V, 1, 29). Полный уваженія, встрѣтилъ трудъ Евгенія въ свое время Полевой («Моск. Телеграфъ», 1826, X). Любопытны палеографическіе пріемы Евгенія. По поводу двуязычной подписи на черниговской медали онъ пишетъ Анастасевичу, 14 ноября 1821 г., что надо «приступить къ отгадкѣ вѣка по буквамъ греческимъ и славянскимъ. Греческія можно опредѣлить: 1) почерками у Монфокона, 2) ошибками и 3) сокращеніями словъ. Русскія по замѣчанію моему подобны: Тмутараканскому камню, Оршинской надписи, Полотскому кресту Евфросиніи. Особливо приставка буквы г (!) къ гласной со словъ василигѫ и двоегласное ıе, и самъ юсъ XI или XII в. Въ Сборникѣ Святослава 1073 года писано также агѫди... и въ еванг. XII в. съ игими... Это, кажется, произношеніе заднѣпровское и задунайское, какъ и ѫ, ибо въ русскихъ рукописяхъ почти не встрѣчается» (Др. и Нов. Росс., 1881, февр., 298). Юсы соблазняли болѣе всего. Тогда же Евгеній признается Востокову, при первомъ же знакомствѣ: «я думалъ, Остроміръ одинъ только выдумалъ оныя буквы». (Переписка Востокова, № 2). Евгеній весьма колеблется приписать медаль Владиміру Святому (Др. и Нов. Росс. l. c.); а позже Моргенштернъ, а съ нимъ другіе, уже не сомнѣвались въ этомъ; мало того, въ медали видѣли работу корсунскую, корсунца Анастаса, а въ головѣ медузы (что даже не остановило вниманія Евгенія) усмотрѣли олимпъ «сладострастныхъ» славянскихъ божествъ. Ср. Труды и Записки Общ. ист. и древн., III, 1, 121—123 Какая разница между критическимъ іерархомъ и некритическими его современниками! Объ осторожныхъ палеографическихъ пріемахъ Евгенія—ср. IV главу въ изслѣдованіи о грамотѣ Мстислава—тамъ же, 31—36.

[2]) Переписка Евгенія 8. Ср. выше, стр. 113.

Но послѣдняго признанія о себѣ Евгеній сдѣлать не могъ.

Чрезъ немного лѣтъ, въ августѣ 1821 г., пр. Евгеній получилъ отъ Востокова, котораго онъ зналъ по знаменитому «Разсужденію», письмо съ просьбой—переслать ему снимки съ листковъ его пергаменной псалтыри, одинъ листокъ которой былъ какъ-то подаренъ Евгеніемъ Кеппену и поразилъ Востокова. «Предметомъ исканій моихъ, тогда писалъ Востоковъ, была доселѣ такая рукопись, которая-бы содержала въ себѣ совершенно сходное съ Остромировымъ евангеліемъ правописаніе... Посудите-же о моей радости, когда мнѣ попалась такая находка въ пергаменномъ листѣ, который вы изволили подарить П. И. Кеппену».

Евгеній поспѣшилъ отправить листки въ оригиналѣ, пріобщивъ и другіе—изъ того-же «новгородскаго архива гніющихъ дѣлъ» (владыка спасъ ихъ изъ монастырскихъ подваловъ). Полный глубокаго уваженія къ знанію Востокова, преосв. Евгеній заключаетъ пожеланіемъ—раньше грамматики получить отъ него начала славянской палеографіи.

Въ ноябрѣ «драгоцѣнные отрывки» были возвращены. Скромный Востоковъ отклонилъ предложеніе Евгенія, указавъ на болѣе-де подготовленнаго Кеппена; но тутъ-же опровергъ себя, присоединивъ къ письму самое отчетливое описаніе Евгеніевыхъ отрывковъ—«цѣлый трактатъ палеографіи», по его собственному опредѣленію [1]).

Теперь пр. Евгеній ни минуту не сомнѣвался, что онъ, наконецъ, встрѣтилъ человѣка, который можетъ понести трудъ —стать «сочинителемъ» славянской палеографіи, и котораго онъ уже долго искалъ, вмѣстѣ съ Румянцовымъ.

Когда въ декабрѣ того-же 1821 года Румянцовъ по обычаю похвалился предъ преосвященнымъ своими новыми рукописями, «точной древности которыхъ опредѣлить не могъ», Евгеній спѣшитъ обратить вниманіе канцлера на «единственнаго» спеціалиста въ рѣшеніи вопросовъ подобнаго рода—на Востокова.

«Поздравляю, отвѣчалъ владыка 23 декабря, съ пріобрѣтеніемъ харатейныхъ евангелія [2]) и апокалипсиса. Сіи памят-

---

[1]) Переписка Востокова, №№ 1, 2, 4.

[2]) Румянцовъ его назвалъ Холмскимъ, изъ Одессы. Такъ оно и въ «Описаніи рукописей» Востокова, XIII в.

ниидостойны палеографическаго разсмотрѣнія. Не знаю, извѣстенъ-ли вашему сіятельству одинъ и, можетъ быть, единственный скромный знатокъ русской палеографіи, занимающійся ею не такъ, какъ хвастуны, только проповѣдующіе себя знатоками, а ничего не дѣлающіе [1]). Это—Востоковъ... По скромности я недавно узналъ въ немъ сіи глубокія свѣдѣнія, по случаю сообщенныхъ мною ему нѣсколькихъ харатейныхъ тетрадей. Я осмѣливаюсь приложить при семъ его письма ко мнѣ, доказывающія сіи его свѣдѣнія. Только прошу покорнѣйше возвратить оныя. Есть-ли угодно вашему с—ву поручить мнѣ ваши харатейныя евангелія и апокалипсисъ, то я перешлю къ нему на разсмотрѣніе. Или не благоугодно-ли будетъ прямо къ нему переслать? Онъ можетъ опредѣлить вѣкъ и характеристику сихъ рукописей» [2]).

Рекоммендація пр. Евгенія, выраженная въ столь положительной формѣ, не могла не подѣйствовать на Румянцова, тѣмъ болѣе, что Востоковъ и ему былъ не изъ неизвѣстныхъ, но только всякая попытка ближе сойтись съ нимъ была всегда безъ успѣха, по собственному признанію старика. А приложенныя письма Востокова были поличнымъ.

«Вы меня чрезвычайно одолжить изволили, отвѣчалъ Румянцовъ Евгенію, на его послѣднее письмо, сообщеніемъ двухъ прелюбопытныхъ и преученыхъ писемъ г. Востокова; я къ вамъ ихъ возвращаю и не таю, ни отъ васъ, ни отъ него, что прельщался ими до крайности; я съ нихъ снялъ списокъ. Давно я уже стараюся, но безъ успѣха, сблизиться короткимъ знакомствомъ съ г. Востоковымъ; онъ отъ того отказывался всегда тѣмъ, что, будучи страшный заика, очень страждетъ съ незнакомыми людьми»... «Я въ самой большой цѣнѣ держу давно г. Востокова, заключалъ Румянцовъ. А. И. Ермолаевъ и онъ, конечно, бы могли составить съ большимъ успѣхомъ россійскую палеографію, а силы преусерднаго къ просвѣщенію г. Кеппена отнюдь къ тому не достаточны» [3]).

---

[1]) Намекъ, вѣроятно, на Калайдовича, съ которымъ въ то время Евгеній совсѣмъ разошелся (годъ изданія Памятниковъ XII в.); но, можетъ быть, и на Кеппена, въ виду рекоммендаціи Востокова.

[2]) Переписка Евгенія, 52—53.

[3]) Отъ 19 янв. 1822. Тамъ же, 56. Что самъ Румянцовъ не могъ оцѣ

Евгеній твердитъ теперь все старое — Востоковъ единственный палеографъ. Узнавъ отъ Лобойки про псалтырь въ Вильнѣ, онъ пишетъ Румянцову 16 іюля 1822 г.: «совѣтовалъ я ему послать къ Востокову нѣсколькихъ листовъ fac-simile для соображенія палеографическихъ замѣчаній. Надобно побольше снабжать сего нашего палеографа такими документами». Но, только чрезъ двѣ недѣли, Румянцовъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ могъ подѣлиться съ Евгеніемъ отрадною вѣстью: «наконецъ, пишетъ старикъ 30 іюля, мнѣ удалось побѣдить то отвращеніе, которое г. Востоковъ имѣлъ со мною лично познакомиться, и не однажды уже съ нимъ и съ г. Ермолаевымъ я у себя обѣдалъ; при первомъ свиданіи я доведу до свѣдѣнія его, что объ немъ писать ко мнѣ изволите» (т. е. въ письмѣ отъ 16 іюля) [1]).

Итакъ, подъ сильнымъ вліяніемъ пр. Евгенія Румянцовъ наконецъ сблизился съ «единственнымъ» тогда Востоковымъ. Востоковъ вошелъ въ Кружокъ Румянцова и вскорѣ принялъ обязательства предъ канцлеромъ: описать рукописи его богатаго Собранія, издать Изборникъ 1073 года и—«сочинить» славянскую палеографію, какъ того неустанно требовалъ Евгеній, и какъ это онъ категорически повторилъ канцлеру, когда Востоковъ переходилъ на «общественную» службу къ послѣднему, 14-го ноября 1823 г.: «сей трудолюбивый и единственный для нашей палеографіи надежный знатокъ можетъ насъ просвѣтить въ сей на-

---

нить Востокова, не умѣлъ опредѣлить сразу его спеціальныхъ способностей, совершенно ясно изъ того же письма: канцлеръ какъ бы жалуется, что Востоковъ не исполняетъ болѣе года его ученаго порученія; но это порученіе было не по сердцу Востокова, не его вѣдомства. «Далъ обѣщаніе сдѣлать для меня изъ манускриптовъ бывшей Залусскаго библіотеки извлеченія грамматъ нашихъ вел. князей, коихъ мы не имѣемъ, и напечатать ихъ на мое иждивеніе подъ его надзоромъ Но чтожь? Болѣе года миновало, и я не получилъ, какъ о томъ домогался, ниъ хотя и несовершенную роспись; тотъ же духъ, который не допускаетъ меня видѣть появленія изданія Лаврентьева лѣтописца, мнѣ и тутъ вредитъ». Причина медленности ясна. Тотъ же Востоковъ въ одинъ, такъ сказать, присѣстъ могъ сдѣлать образцовое палеографическое описаніе отрывковъ Евгенія, въ числѣ десяти №-овъ.—Физическій недостатокъ Востокова былъ великъ и нѣкоторымъ жалкимъ современникамъ давалъ пищу къ неприличнымъ выходкамъ. См. въ нашей книгѣ: Итоги славянской и русской филологіи, стр. 9 и прим. тамъ же.

[1]) Переписка Евгенія, 59.

укѣ; побудите его скорѣе издать какія-нибудь правила для сей науки»[1]).

Когда въ 1825 г. явилось въ «Библіографическихъ Листахъ» Кеппена описаніе злочасной Супрасльской минеи Востокова, Румянцовъ привѣтствовалъ автора словами: «донынѣ у насъ древностямъ языка нашего подобныхъ поясненій не давали и дать было до васъ не кому»[2]).

Румянцовъ теперь повторилъ Евгенія.

Такимъ образомъ, Евгеній, открывъ Востокова для Румянцовскаго Кружка, былъ духовнымъ виновникомъ славянской палеографіи, созданной дѣйствительно великими трудами Востокова, какъ безошибочно предсказалъ ученый іерархъ при первомъ своемъ знакомствѣ съ нимъ[3]).

Но съ палеографіей перваго нашего историка литературы мы вошли въ петербургское отдѣленіе Румянцовскаго Кружка.

. 14 .

Если Москва была средоточіемъ научнаго изученія родной старины, ея университетъ — пріютомъ и первовозвѣстникомъ будущихъ славянскихъ каѳедръ, то Петербургъ, сѣдалище Россійской Академіи, главная квартира шишковской этимологіи, и въ университетѣ своемъ хранилъ туже духоморную этимологическую атмосферу.

Преобразованный въ 1819 году изъ Главнаго Педагогическаго Института, по настоянію энергическаго и тогда еще

---

[1]) Переписка Востокова, стр. 83. Собраніе Румянцова уже тогда восторгало Шафарика—«Gesch. der slaw. Spr.». 176.

[2]) Переписка Востокова, № 141.

[3]) Странно читать въ только что напечатанныхъ трудолюбивымъ г. Титовымъ письмахъ трезваго современника, М. Максимовича, къ знаменитому славенослову послѣдующей эпохи, О. М. Бодянскому, сомнѣніе въ умѣстности юбилея великаго владыки, послѣ-де юбилеевъ Ломоносова и Карамзина (Чтенія Моск. Общ., 1887, I, № 33): неказовая, но интенсивная дѣятельность Евгенія, по крайней мѣрѣ, не ниже заслугъ въ наукѣ Карамзина. Кстати пожелаемъ заслуженнѣйшему ученому журналу быть издаваему болѣе опрятно, съ меньшими прегрѣшеніями: рѣдкое письмо у г. Титова безъ тяжкой ошибки. Такое имя, какъ Бодянскій, требуетъ, хоть на страницахъ его «Чтеній», сохраненія ученой традиціи.

прямаго Уварова, университетъ былъ мало похожъ на своего московскаго собрата: Каченовскому, напримѣръ, онъ могъ противуставить Бутырскаго. А тутъ онъ еще въ пеленахъ, когда постигъ его дикій разгромъ — очищеніе Магницкаго — въ интересѣ, конечно, его улучшенія... Если Казанскій университетъ былъ предметомъ усмѣшки преосв. Евгенія: «безплоднѣе всѣхъ другихъ и истинно сибирскій» [1]), — то первая часть этой характеристики была приложима и къ Петербургскому. Этимологія Шишкова, которую тотъ-же Евгеній, какъ мы видѣли, окрестилъ словомъ «галиматья», чувствовала себя здѣсь, какъ дома. «О движеніи лингвистики въ Германіи, говоритъ оффиціальный историкъ Петербургскаго университета, не заходило сюда и слуха; изложеніе языковѣдѣнія происходило по де-Броссу, съ самыми дикими экскурсіями въ область этимологіи, разсказывавшимися по городу въ видѣ образчиковъ нелѣпости» [2]).

Сбитые интересы отечественной науки ютились въ рабочихъ комнатахъ немногихъ частныхъ лицъ: Оленина, Ермолаева, Востокова, Кеппена. Различные по своему общественному положенію, они близки были между собою по духу — по любви къ наукѣ — и это чувство ввело всѣхъ ихъ, но разновременно, въ московскій Кружокъ канцлера Румянцова.

Довольно разносторонне-образованный, Олениинъ († 1843) только числился въ храмѣ Шишкова, сердце-же его лежало къ интересамъ положительнаго знанія, которые двигали и знаменитый Кружокъ. Имя его, какъ автора Письма о Тмутараканскомъ камнѣ, пользовалось заслуженною извѣстностью. Управлявшій Академіей художествъ, онъ былъ затѣмъ директоромъ Имп. Публичной библіотеки (осн. въ 1814 г.), и здѣсь собралъ вокругъ себя однихъ талантливыхъ людей: Крылова, Гнѣдича, художниковъ Ермолаева, Востокова; послѣднимъ двумъ поручены были славянскія рукописи [3]). Не прини-

---

[1]) Въ письмѣ къ Анастасевичу, въ 1817 г., Др. и Нов. Росс., 1880, 18, 621.

[2]) Григорьевъ, Исторія С.-П. университета, 1870, 13.

[3]) Съ 1817 г. уже президентъ Академіи художествъ, Олениинъ довольно хорошо зналъ греческій языкъ и классическую древность. Ср. его «Археологическіе труды» (Спб. 1877, 78, 2 тома). Объ образованномъ домѣ «пепскательнаго», «трудолюбиваго» Оленина, гдѣ встрѣчались и вкусъ, и знаніе, ср. Воспоминанія (анонимныя) гр. Уварова, въ Москвитянинѣ

мая непосредственнаго участія въ научныхъ вопросахъ московскаго Кружка, Оленинъ сочувствіемъ встрѣчалъ его заботы, пособлялъ ему, чѣмъ только могъ быть полезенъ.

Еще въ 1812 г. Евгеній прислалъ въ Московское Историческое Общество точный списокъ грамоты Мстислава. Одно слово въ немъ не давалось прочесть. Румянцовъ обратился къ Оленину, послалъ грамоту и—не напрасно. «По нѣкоторому навыку къ древнимъ русскимъ рукописямъ, съ помощью двухъ истинныхъ любителей русскихъ древностей, гг. Ермолаева и Фролова, общими силами и съ великимъ терпѣніемъ, мы, наконецъ, отвѣчаетъ многорѣчивый Оленинъ канцлеру 11 марта 1813 г., имѣли счастье разобрать на граматѣ в. кн. Мстислава Володиміровича то слово, которое уповательно собственною рукою (!) сего князя было между строкъ приписано» [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Оленинъ прибавляетъ о новомъ, художественномъ, «открытіи» въ грамотѣ, что она была писана золотомъ по «бакану», чѣмъ «подготовлялись литеры подъ позолоту», какъ въ этомъ «можно удостовѣриться, разсмотрѣвъ прилежно позолоченныя буквы въ рукописномъ Новгородскомъ евангеліи XI в., которое я имѣлъ честь показывать вашему с — ву на сихъ дняхъ» [2]).

Но участіе Оленина въ судьбѣ Евгеніевой грамоты этимъ не ограничилось. Еще любопытнѣе его «отважное дѣло» по изданію памятника.

Болѣе трехъ лѣтъ длилась гравировка грамоты подъ присмотромъ Оленина, и, извиняясь предъ Евгеніемъ за медленность, 11 янв. 1816 г. онъ пишетъ ему: «одинъ оставался мнѣ способъ—досужливость и талантъ извѣстнаго в. пр—ву А. И. Ермолаева. Но многія его казенныя заботы, лишняя, можетъ

1851, № 12, 426, и Вигеля. Послѣдній говоритъ: «принадлежа ко всѣмъ и ни къ которой изъ партій, члены олениискіе, даже въ домѣ его, хлѣбосольномъ, для всѣхъ открытомъ, составляли какой то особый міръ, имѣющій особыя мнѣнія, особыя правила» (III, 153). По словамъ Вигеля, импер. Александръ прозвалъ Оленина Tausendkünstler'омъ (IV, 137).

[1]) Переписка Евгенія, 2. Также въ Сборн. ст. 2 отд. Ак. н. V, 1, 93.

[2]) Переписка Евгенія, 2. Оленинъ говоритъ, очевидно, объ Остромировой рукописи. Темное, разобранное Олениным, мѣсто: и вено вотьское.

быть, прилежность къ занятіямъ, поставили его въ невозможность исполнить то, что онъ самъ желалъ предпринять по приверженности его къ вамъ. Видя себя въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, я рѣшился на весьма отважное дѣло и положилъ не выпускать изъ рукъ подлинника вашего, пока собственный мой человѣкъ не усовершенствуется подъ моимъ собственнымъ смотрѣніемъ въ томъ родѣ гравировки, которая къ порученному дѣлу мнѣ необходимо нужна была» [1]).

Изданіе грамоты при помощи крѣпостнаго человѣка, хотя и отважное, было дѣйствительно прекрасное. Изъ признанія Оленина ясно, что даже въ области своего «навыка» онъ искалъ опоры на сторонѣ—въ Ермолаевѣ—безъ него онъ, смѣемъ думать, не былъ бы въ состояніи порадовать канцлера письмомъ отъ 11 марта, какъ понималъ дѣло и самъ преосв. Евгеній [2]). Его онъ называетъ истиннымъ любителемъ русскихъ древностей. Но этого мало.

Въ то время какъ храмъ науки былъ поприщемъ для этимологическихъ ристаній Шишкова, не храмъ науки, а художественная школа возращала людей, имена которыхъ съ гордостью памятуетъ историкъ русской науки: рано погибшаго Ермолаева и Востокова—этого, столь ранняго, общаго учителя въ славяновѣдѣніи и насъ, и ихъ.

Старый товарищъ по академіи Востокова, и также полупоэтъ, Александръ Ивановичъ Ермолаевъ (1780 — 1828) очень молодымъ человѣкомъ былъ «ангажированъ», по выраженію Востокова, къ Оленину; отъ Оленина онъ получилъ мѣсто хранителя славянскихъ рукописей въ имп. Публичной библіотекѣ и въ работахъ надъ ними пріобрѣлъ глубокій «навыкъ» въ области внѣшней палеографіи. Знаніе рукописей было дополнительною частью его художественной спеціальности.

Уже въ 1803 году онъ даритъ Востокову тетрадь своихъ

---

[1]) Тамъ-же, 3.

[2]) Евгеній, издавая грамоту Мстислава, объ участіи Оленина въ прочтеніи ни слова; честь же удачнаго разбора, принятаго имъ, приписываетъ одному Ермолаеву: «разобраніемъ оныхъ (т. е. словъ: и вено вотьское) обязаны мы также Ермолаеву» (Труды и Записки Общ. ист. и древн., III, 1, 19). Даже и второе «открытіе»—о золотомъ письмѣ по бакану—Евгеній приписываетъ одному Ермолаеву (тамъ-же, 28).

выписокъ изъ Изборника 1076 г. кн. Щербатово, относимаго тогда къ 1046 г. Позже онъ изучаетъ Остромирово евангеліе [1]).

Въ 1810 г., мы встрѣчаемъ Ермолаева въ ученомъ путешествіи вмѣстѣ съ Бородинымъ (будущимъ попечителемъ Петербургскаго университета) по сѣвернымъ губерніямъ. Выше было упомянуто о его рукописныхъ находкахъ — въ перепискѣ съ Евгеніемъ. А Батюшковъ изъ Москвы тогда-же пишетъ Гнѣдичу шутя: «Бородинъ и Ермолаевъ — послѣдній, скажи Алексѣю Николаевичу (Оленину), на мѣсто узоровъ, что на древнихъ кружкахъ, рисуетъ купидоновъ... Первый зачитался, запылился и показывалъ мнѣ книгу въ сажень, готовую принять Описаніе ихъ путешествія» [2]).

Какъ художникъ и археологъ, Ермолаевъ alter ego Оленина. Въ 1814 году Олениnъ и Ермолаевъ предложили на страницахъ «Сына Отечества» планъ палеографическаго изданія русскихъ лѣтописей, буква въ букву, а не въ чтеніи; но эта замѣчательная мысль, естественно, принадлежавшая Ермолаеву, встрѣтила рѣзкое осужденіе отъ филолога Тимковскаго и Евгенія. Самое-же изданіе задумано было Ермолаевымъ давно. Еще 13 февр. 1811 г. ревностный не по уму попечитель Кутузовъ, губитель чеботаревскаго Истор. Общества, просилъ гр. Разумовскаго, министра, не выдавать Нестора изъ Москвы, «чтобы насъ не выпередилъ Олениnъ», занятый «скорѣйшимъ изданіемъ сей лѣтописи» [3]). Но Олениnъ—только фирма. Такъ понимали и тогда.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Ермолаевъ значительно опередилъ Добровскаго въ опредѣленіи требованій для настоящаго палеографическаго изданія славянскихъ памятниковъ: Добровскій только повторилъ ихъ въ своихъ «Институціяхъ», выражая свою готовность издать Остромирову рукопись—«prorsus immutata ac characteribus vetustam formam referentibus» [4]).

Навыкъ въ древностяхъ постепенно росъ, и Ермолаевъ въ палеографическихъ вопросахъ пріобрѣлъ безусловно-авторитетный голосъ. Мы видѣли, какъ онъ непріятно остановилъ въ 1815 г. порадовавшагося было Румянцова предъ поддѣлкой Слова о полку Игоревѣ, на которой былъ предварительно проведенъ Малиновскій, а въ маѣ 1817 канцлеръ пишетъ Евгенію: «у

[1]) Переписка Востокова, XXVIII, сл. [2]) Русс. Старина, 1874, X. 396.
[3]) Зап. Калайдовича 91—96. Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, II, 330.
[4]) Institutiones linguae Slov. v. dial., p. XXIII.

меня накопилось разныхъ грамотъ довольное число и извѣстный вамъ Ермолаевъ обѣщалъ мнѣ по пересмотрѣ ихъ быть оныхъ издателемъ; но трудно надѣяться скораго ихъ появленія потому, что онъ по службѣ всегда многимъ трудомъ обремѣненъ»[1]).

Такимъ образомъ, Ермолаевъ имѣлъ выполнить тотъ палеографическій трудъ, который раньше, еще въ 1815 г., Румянцовъ надѣялся было совершить при помощи Малиновскаго[2]).

Но обремененный разнообразною службой, Ермолаевъ не могъ со всѣмъ справляться, и этимъ объясняется постоянное сѣтованіе на него Румянцова, Евгенія. «Изданія Лаврентьевской лѣтописи, съ прискорбіемъ пишетъ знаменитый іерархъ Анастасевичу въ маѣ 1817 г., не дождемся мы конца отъ Ермолаева», изданія, такъ напугавшаго Истор. Общество Кутузова[3]).

Но высшее признаніе научной стоимости Ермолаева является въ судѣ его товарища, Востокова, когда Евгеній сдѣлалъ послѣднему извѣстное предложеніе—создать, наконецъ, славянскую палеографію.

Указавъ сначала на «усерднаго» Кеппена, Востоковъ продолжаетъ затѣмъ въ отвѣтѣ къ преосв. Евгенію: «я знаю еще одного человѣка, который, можетъ быть, всѣхъ способнѣе былъ-бы издать палеографію русскую; это—А. И. Ермолаевъ». Строгій Евгеній преклонился предъ этимъ судомъ: «Ермолаевъ, отвѣчалъ онъ Востокову, конечно, способнѣе его (Кеппена) и къ палеографіи», и повторяетъ старое свое сѣтованіе: «но сего знатока у нашей словесности, можетъ быть, навсегда отняли его должности»[4]).

Къ несчастію, предреченіе Евгенія сбылось: уже въ 1828 году Ермолаевъ, этотъ «свѣточъ» русской археологіи, умеръ, не оставивъ матеріальнаго слѣда въ русской наукѣ, хотя Евгеній и надѣялся, что послѣ смерти его жизненный недочетъ

---

[1]) Переписка Евгенія, 6.

[2]) Получивъ отъ Малиновскаго 33 «древнихъ рукописанія», Румянцовъ пишетъ ему 29 окт. 1815 г.: «прельщался сими важными пріобрѣтеніями для россійской палеографіи, я собрался съ вами побесѣдовать сполна о намѣреніи моемъ издать что либо подобное и систематическое...» Онъ «желалъ бы видѣть рукописанія тѣхъ в. князей дьяковъ, которые писали грамоты недавно нами напечатанныя» (Переписка Румянцова, № 28). Ср. выше, стр. 86.

[3]) Др. и Нов. Россія, 1880, 18, 633. Ср. у насъ предыд. страницу.

[4]) Переписка Востокова, № 5.

будетъ возмѣщенъ. Получивъ отъ Востокова извѣстіе о смерти Ермолаева, Евгеній писалъ ему: «покойный былъ весьма способенъ съ перваго взгляда замѣчать и хорошо соображать, но лѣнивъ писать; вы дадите ему славу въ словесности изъ его бумагъ»[1]).

Но глубокіе слѣды своего знанія Ермолаевъ оставилъ въ источникахъ исторіи русской науки, а высокій судъ о немъ современниковъ, его постоянное, хотя и «лѣнивое», незримое участіе въ развитіи науки того времени, утверждаютъ за нимъ почетное мѣсто въ лѣтописяхъ отечественной филологіи. Даже скупой на похвалу Вигель, только съ благоговѣніемъ вспоминаетъ объ Ермолаевѣ, «скромнымъ, молчаливымъ— отличенномъ» членѣ кружка Оленина: «онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, кои, оторвавшись отъ житейскаго, всѣмъ духомъ своимъ погружаются въ любимую науку»[2]). Не забудемъ, что болѣе удачный товарищъ Ермолаева, знаменитый Востоковъ, первую славянскую школу прошелъ подъ его руководствомъ, что затѣмъ хотя оба они, такъ сказать, параллельно двигались участіемъ своимъ въ успѣхахъ славяноизученія, но Ермолаевъ всегда во главѣ, и только позже Востоковъ очутился одинъ предъ наукой, съ своимъ единовластнымъ судомъ, покрылъ собою навсегда, впрочемъ, вскорѣ умершаго, перваго нашего палеографа[3]).

Естественно теперь перейти къ Востокову.

---

[1]) Бумаги перешли къ Востокову. Ср. Переписку, № 189. Тамъ же, № 190, 14 сент. 1828 г. Современники были твердаго мнѣнія, что послѣ Ермолаева должны были остаться труды: такъ высоко ставили его. «Скоро ли мы увидимъ каталогъ Румянцовской библіотеки? спрашиваетъ 16 дек. 1830 моск. проф. Снегиревъ изв. Анастасевича. Жалко, что труды Ермолаева сгибли и пропали съ его кончиною. Дивлюсь политикѣ гг. Малиновскаго и Оленина, политикѣ, которая подъ спудомъ таитъ свѣтильники, коими могли-бы они озарить мракъ отечественной древности» (Изъ курьезнаго изданія проф. Ивановскаго: И. М. Снегиревъ и Дневникъ его воспоминаній, Спб. 1871, 104—105). Въ послѣднихъ словахъ какъ-бы обвиненіе Оленина.

[2]) Воспоминанія, III, 153.

[3]) Вотъ два поясняющихъ примѣра изъ Переписки Румянцова съ Малиновскимъ. 10-го марта 1823 г., канцлеръ пишетъ: «я показывалъ гг. Ермолаеву и Востокову пріобрѣтенныя рукописи, не сообщая имъ на счетъ пергаменовыхъ вашего пр—ва заключенія; они сочли ихъ быть писанными въ XIV стол.». Но въ письмѣ 26 окт. того же года уже судъ одного Востокова достаточенъ для канцлера: «попросите отъ меня г. Калайдовича, чтобы онъ

.15.

Художникъ по образованію, но безъ влеченія, мелкій чиновникъ въ Академіи своей, затѣмъ помощникъ Ермолаева въ имп. Публичной Библіотекѣ, Востоковъ, выпустивъ въ 1820 году свое знаменитое Разсужденіе о словенскомъ языкѣ, сталъ сразу учителемъ учителя — Добровскаго. Какъ же могло случиться это?.... Но Востокову было тогда уже 40 лѣтъ: онъ прошелъ молчаливо долгую школу предварительныхъ опытовъ.

Первое время Востоковъ самъ находится подъ вѣяніемъ идей Шишкова и его «неголоволомныхъ» (выраженіе Востокова) этимологическихъ словораспинаній. Но знакомство съ настоящимъ славянскимъ языкомъ старины, а не Шишкова, что̀ безъ роду и племени, рано своротило Востокова со скользкаго пути. Этимъ онъ былъ обязанъ прежде всего своему старшему товарищу, Ермолаеву, обратившему его вниманіе на рукописи, и такія, какъ Изборникъ 1076 г., Остромирово евангеліе. Въ періодъ высшей эманаціи фантастическихъ домысловъ Шишкова и его Академіи Востоковъ не только отчетливо сознавалъ всю мишуру академическаго ученія, но въ-тихомолку занимался уже исторической грамматикой обоихъ, столь грубо смѣшиваемыхъ, языковъ: церковно-славянскаго и русскаго. Въ 1818 г., благодаря Московское Общество словесности за избраніе, онъ обѣщаетъ выпустить грамматику церковно-славянскаго и русскаго языковъ «по древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ»[1]). Прибавимъ, что въ томъ-же 1818 г. вышло второе изданіе шишковскаго Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ. Въ то-же время изученіе теоретическихъ трудовъ по языку Добровскаго и богатый польскій словарь Линде, съ сравнительнымъ славянскимъ матеріаломъ, открыли предъ Востоковымъ обширное поле славянскихъ языковъ.

ее (харатейную псалтырь) всю пересмотрѣлъ, опредѣлилъ-бы ея достоинство и цѣну и, взявъ съ одного листа fac-simile, препроводилъ-бы къ г. Востокову, проси, чтобы онъ по почерку и правописанію вывелъ-бы заключеніе, какому она вѣку принадлежитъ» (№№ 278, 295). Самъ Востоковъ первенство суда всегда признавалъ за Ермолаевымъ: «Ермолаеву такъ, какъ и мнѣ, не случалось нигдѣ ни читать, ни слышать о существованіи такого лѣтописца», пишетъ онъ канцлеру въ 1825 г. («Переписка В—ва», № 151).

[1]) Переписка Востокова, стр. XXX.

Въ результатѣ этихъ-то опытовъ въ теченіе болѣе десятка лѣтъ и было знаменитое Разсужденіе или, по скромному выраженію автора, «безпорядочно набросанныя мысли и замѣчанія».

Если вѣнскій сверстникъ Востокова, Копитаръ (род. въ 1780 г.), еще мало понимавшій его, въ 1822 году только грезилъ о будущемъ славянскомъ Гриммѣ—основателѣ историческаго изученія языковъ нашей семьи[1]), то Востоковъ имѣлъ уже много данныхъ стать нашимъ Гриммомъ и ранѣе.

Современники были поражены «безпорядочными мыслями» Востокова: Качановскій, Румянцовъ, Евгеній. Такъ было все въ нихъ ново, и такъ ясно, убѣдительно....

Съ глубокимъ пониманіемъ знатока, писалъ тотчасъ-же Румянцовъ акад. Кругу, что онъ не сомнѣвается въ впечатлѣніи, какое произвелъ бы трудъ Востокова за границей, еслибы онъ сталъ тамъ извѣстенъ. Чистосердечно признается осторожный іерархъ предъ самимъ Востоковымъ, что быть ему «общимъ учителемъ» [2]).

Ни Румянцовъ, ни Евгеній въ своихъ упованіяхъ не ошиблись.

Копитаръ, прочтя въ началѣ 1822 года Разсужденіе Востокова (онъ получилъ экземпляръ отъ П. И. Кеппена, только что пріѣхавшаго изъ Кіева въ Вѣну, вмѣстѣ съ молодымъ Березинымъ), нашелъ его весьма любопытнымъ, но только; никакого существеннаго отличія не увидѣлъ противъ тогда именно (январь 1822 г.) вышедшихъ громадныхъ и долголѣтнихъ Институцій старославянскаго языка Добровскаго, труда, о которомъ еще въ 1811 г. послѣдній съ гордостью признавался: «to jest má robota», т. е. предметъ преимущественныхъ, любимыхъ занятій.

«Грамматика остромировская, извѣщаетъ 25 марта (н. ст.) 1822 Копитаръ Добровскаго, во всемъ согласна съ вами, кромѣ instr. един. ч., который долженъ быть, полагаетъ Востоковъ, -ѧмь, а не -ѡмь», а въ слѣдующемъ сейчасъ же письмѣ прибавляетъ не непріятную для автора Институцій личную но-

---

[1]) Въ рецензіи «Institutiones» Добровскаго въ «Jahrbücher der Literatur» (Wiener), 1822, I, 79.

[2]) Переписка Востокова, стр. XXXIV, № 2.

винку, что, по сообщенію Аделунга изъ Петербурга, Румянцовъ даже приказетъ перевести его трудъ для русскихъ [1]).

Дѣйствительно, какъ мы увидимъ ниже, тогда-же, въ началѣ 1822 года, Калайдовичъ уже нашелъ переводчика и рекомендовалъ его канцлеру — юнаго Погодина. Посредникомъ же между Москвой и Вѣной въ пересылкѣ новинокъ былъ путешествующій по Австріи П. И. Кеппенъ, близкій человѣкъ къ Аделунгу, а теперь уже пріятель Копитара. Кеппенъ переписывался и съ Аделунгомъ, и съ Калайдовичемъ.

Добровскій, по видимому, извѣстился впервые о трудѣ Востокова изъ этого письма Копитара. «Извѣстіе о прибывшихъ русскихъ и привезенныхъ ими книгахъ, пишетъ въ отвѣтъ Копитару Добровскій, 16 апрѣля, сильно возбудило во мнѣ мое любопытство и любознательность». Онъ спрашиваетъ Копитара—не стоитъ-ли и въ дат. ъмъ вм. омъ? Копитаръ отвѣчаетъ 8 мая, и съ высшею импертинентностью: «супинъ знаетъ и Востоковъ, но не желаетъ такъ назвать (глупый! но и ему пропишу въ рецензіи); въ дат. множ. ч. о, а не ъ, если не ошибаюсь; но вы будете хохотать, что ѫ, это—польское ą и ę; ибо такъ-де уравниваются почти смѣшиваемыя другими кодексами ѧ и ѫ въ Остромирѣ» [2]).

Чѣмъ-же объяснить этотъ мажорный тонъ въ отношеніи Копитара къ знаменитому «Разсужденію»?... Говорило-ли въ немъ желаніе скрыть на первое время настоящее положеніе дѣла предъ авторомъ только что появившихся «Институцій», щадить авторское самолюбіе?... Но Копитаръ былъ не изъ такихъ. Дѣло объясняется проще: Копитаръ самъ не успѣлъ еще одолѣть небольшаго «Разсужденія», не успѣлъ вполнѣ понять и оцѣнить значенія его, какъ это ясно изъ его рецензіи труда Добровскаго, напечатанной въ январь-мартовской книжкѣ «Вѣнскихъ Лѣтописей Литературы» за 1822 годъ, вышедшей въ теченіи только что осмотрѣнной нами взаимной переписки Копитара и Добровскаго, вѣроятно, во второй половинѣ апрѣля [3]).

---

[1]) Письма Добровскаго, №№ 139, 140. № 140—до 7 апрѣля.

[2]) Тамъ-же, №№ 143, 144.

[3]) Въ письмѣ отъ 25 марта къ Добровскому Копитаръ пишетъ: «если ваша рецензія Карамзина прибудетъ въ теченіи 14 дней, то она можетъ появиться еще въ мартовской тетради, т. е., въ первомъ кварталѣ» (тамъ-же, стр. 467).

Въ приложеніи къ своей рецензіи, по обычаю, живой и остроумной, но и съ немалою долею несерьезнаго (финизмъ въ формѣ человѣкъ, значеніе а) и невѣрнаго (въ русскомъ-де форма болха, полж. и пр.), Копитаръ сдѣлалъ особый привѣсокъ, который начинался словами: «во время печатанія этой статьи русскіе путешественники, гофратъ Петръ Кеппенъ и госп. фонъ Березинъ, привезли въ Вѣну русскія ученыя новинки».

Засимъ слѣдуетъ сухое суммированіе положеній «Разсужденія» Востокова, въ числѣ 10 номеровъ; но оно, къ удивленію, замыкается восторженнымъ дифирамбомъ русскому слависту.

«Мы, изъ предѣловъ былой епархіи св. Меѳодія, съ радостнымъ энтузіазмомъ встрѣчаемъ давно желанную денницу настоящей славянской филологіи на восточномъ небосклонѣ славянской земли и сердечно привѣтствуемъ Добровскаго и Востокова съ ихъ результатами, правда, вытекшими изъ различныхъ источниковъ, но въ общемъ такъ прекрасно согласующимися между собою».

Въ заключеніи-же нѣсколько копитаровскихъ замѣчаній на положенія Востокова, поправокъ или возраженій Востокову, которыя и свидѣтельствуютъ, что рецензентъ Добровскаго не могъ вполнѣ понять Востокова.

Копитаръ самъ указываетъ, что ринезмъ могъ существовать въ болгарскомъ языкѣ, въ виду назальныхъ заимствованій въ румынскомъ, что существовалъ и въ старомъ хорутанскомъ, свидѣтельствуясь, дѣйствительно, «неоцѣнимыми» листками фрейзингенскаго миссіонера «изъ эпохи до(!) Кирилла», и тутъ же печатаетъ одинъ отрывокъ; знаетъ ринезмъ и въ славянской части мадьярскаго языка: и тѣмъ не менѣе не допускаетъ, что остромировскіе а и ж выражали носовые звуки въ языкѣ Кирилла —въ языкѣ его же хорутанъ, но къ востоку. Въ юсахъ ему мерещился полякъ. «Поляковъ, говоритъ Копитаръ, едва ли зналъ Кириллъ.... Но самъ Григорій Дьяконъ (авторъ нашего Остромира) могъ быть поляком, или, по крайней мѣрѣ, имѣть свои причины старослав. 8, гдѣ въ польскомъ языкѣ ą или ę, писать предъ ж, хотя бы въ его оригиналѣ писано было иначе»[1]).

---

[1]) «Jahrbücher der Literatur», 1882, I, стр. 97—102.

Странный, совсѣмъ не логическій ходъ соображеній....

Наконецъ, если Востоковъ—денница настоящей славянской филологіи, то невозможно уравнивать значеніе его съ закатывавшимся свѣтиломъ—авторомъ «Институцій».

Но иначе разсудилъ себя Добровскій, когда прочелъ рецензію Копитара, а затѣмъ и самое знаменитое Разсужденіе. Уже изъ сухой схемы у Копитара онъ увидалъ, что Востоковъ для него—memento mori. Добровскій призналъ свой долголѣтній трудъ отсталымъ, а въ Востоковѣ сталъ видѣть серьезнаго судію и знатока славянскаго языка, но не соглашаясь съ нимъ, по примѣру Копитара, лишь въ юсахъ, въ матеріальномъ значеніи а и ѫ. Разочарованный въ трудѣ своемъ, благородный старый аббатъ съ лихорадочною поспѣшностью приготовляетъ новый текстъ для втораго изданія: «страницы моего экземпляра, пишетъ онъ въ іюнѣ 1823 г. Копитару, полны дополненій и примѣчаній, которыя я завѣщаю нашему Чешскому Музею, если я не доживу до втораго изданія. Останься у меня еще нѣсколько времени, работа была бы позже, но, навѣрное, лучше». Онъ повторяетъ тоже и тогда же и въ письмѣ къ нашему Кеппену, благодаря, что русскіе цѣнятъ его трудъ: «я на поляхъ своихъ Institutiones приписалъ очень много; замѣчанія Востокова заставили меня далѣе доизслѣдовать и еще многое открыть» [1]). Слѣдов., Добровскій какъ-бы повторилъ въ перифразѣ сужденіе Востокова о его трудѣ, указывавшаго въ немъ «многія недостаточныя, сомнительныя или ошибочныя мѣста» [2]).

Завистливый къ каждому успѣху молодой русской науки, по признанію самого Добровскаго нашъ страстный политическій недоброжелатель и въ тоже время неумѣлый утѣшитель

---

[1]) Тамъ-же, №№ 218, 164, стр. 672. Любопытно, что въ письмѣ къ Кеппену онъ спрашиваетъ—правда-ли, что Востоковъ умеръ? Въ своей рецензіи Копитаръ старался показать Добровскому, что языкъ Кирилла не могъ быть сербскимъ: Востоковъ и въ «Разсужденіи», и до конца дней, рѣшительно не высказывался, но при болгарахъ всегда памятовалъ и моравянъ, слѣд. западъ. Добровскій все за болгаръ, но какъ путанно, стоитъ сравнить мысли его по этому вопросу въ его рецензіяхъ: на исторію Карамзина (Вѣнскія «Jahrbücher», 1822, IV, стр. 258), на «Словарь» Евгенія (тамъ-же, 1824, III, 26—27) и на «Енсархa» Калайдовича (тамъ-же, 1825, IV, 66).

[2]) Изъ письма къ Румянцову отъ 1 мая 1822 г., Переписка Востокова, № 8.

автора «Институцій», Копитаръ не безъ усердія все хохоталъ надъ нами, играя словами, что мы «die grossen, но въ наукѣ еще очень kleinen Russen» [1]) (справедливо, но это не помѣшало Востокову быть великимъ), и не подозрѣвалъ, что скоро-скоро наступитъ время, когда карликъ Востоковъ станетъ—учителемъ и его самого... Но объ этомъ рѣчь впереди.

Съ своимъ Разсужденіемъ Востоковъ одновременно входитъ: въ Академію Шишкова, но не безъ комическаго интермеццо, и въ Румянцовскій Кружокъ, въ послѣдній—всѣмъ своимъ существомъ.

Въ Академіи Востоковъ былъ избранъ по предложенію самого Шишкова за свои «похвальныя упражненія», но въ стихахъ прежде всего.

И въ качествѣ президента Академіи, и въ качествѣ верховнаго судіи въ наукѣ о славянскомъ языкѣ, Шишковъ счелъ себя обязаннымъ преподавать наставленіе якобы новичку Востокову — какъ продолжать заниматься.

Произошелъ любопытный діалогъ.

Шишковъ. «Основательное разсужденіе о языкѣ требуетъ многихъ объясненій и доказательствъ. Наука сія едва ли не обширнѣе всѣхъ наукъ. Если вы хотите вмѣстѣ съ Академіею посвятить себя сему полезному упражненію, то я доставлю вамъ всѣ доселѣ по сей части произведенные ею труды. Прочитайте со вниманіемъ, войдите въ судъ ея и намѣреніе. Академія занимается нынѣ Опытомъ словаря по корнямъ. Я бы желалъ, чтобы вы приняли въ этомъ важномъ трудѣ искреннее соучастіе. Можетъ быть, вы и примете, если поприлежнѣе прочитаете Акад. Извѣстія и все то, что о семъ написано; вещь это не такая, чтобъ, прочитавъ о ней поверхностно или вскользь, можно было достаточно ее обнять. Я говорю это по опыту. Болѣе 30 лѣтъ какъ обратилъ я на то мое вниманіе и что сначала казалось мнѣ какъ-бы непроницаемымъ мракомъ покрытое, въ томъ нынѣ вижу я неоспоримыя математическія истины (напр. широко изъ ширь око etc.) Хорошенько вникните, примитесь, и я

[1]) Въ письмѣ къ Добровскому 12 дек. 1824 г, Письма Добровскаго, № 177.

ручаюсь, что вы въ семъ упражненіи отъ часу болѣе находить будете удовольствіе»[1]).

Востоковъ. «Благодарю за честь принадлежать къ знаменитому сословію. Примѣчанія и совѣты сочленовъ моихъ послужатъ мнѣ вѣрнѣйшимъ свѣтильникомъ къ озаренію пути, толикими претковеніями исполненнаго. Я съ удовольствіемъ и пользою для себя читаю въ Извѣстіяхъ Академіи глубокія изслѣдованія вашего пр-ва по части словопроизводства. Съ нетерпѣніемъ жду того времени, когда мнѣ позволено будетъ наслаждаться слушаньемъ бесѣды почтенныхъ моихъ сочленовъ»[2]).

Не беремся опредѣлить, съ какимъ чувствомъ говорилъ всѣ эти комплименты Востоковъ — съ ироніей, или по чрезмѣрной скромности . . . Но воспринимавшій Шишковъ былъ счастливъ, только . . . когда Академія предложила новому члену свои симпатіи къ «глубокимъ» упражненіямъ ея проявить на дѣлѣ, Востоковъ отказался отъ соучастія.

Но въ совершенно иную форму вылилось отношеніе Востокова къ умному Кружку Румянцова.

Какъ нельзя болѣе кстати, Разсужденіе Востокова совпало съ эпохой капитальныхъ открытій въ области старой письменности славянской и русской, открытій Калайдовича, самого Румянцова (покупкою) и другихъ членовъ Кружка. Эти открытія предлагали Востокову все бо́льшее и бо́льшее поле для наблюденій и изученій, открытія памятниковъ, по которымъ старикъ Добровскій въ своей Прагѣ только вздыхалъ и вздыхалъ — um sie zu sehen, zu prüfen, zu benutzen, выражаясь его словами[3]). Мы видѣли, при появленіи «Ексарха» Востоковъ привѣтствовалъ трудъ, какъ «сокровищницу» для своихъ работъ; но къ Калайдовичу онъ обращается и далѣе за справками, за новыми данными. 10 сентября 1825 г., по полученіи извѣстія отъ Калай-

---

[1]) Изъ привѣтственнаго письма Востокову отъ 5 іюня 1820 г. — въ его Перепискѣ, стр. XXXV—XXXVI. Повторено у ак. Сухомлинова, Исторія Росс. Акад., вып. VII, 302—303.

[2]) Изъ отвѣтнаго письма Шишкову — Переписка Востокова, XXXVII—XXXVIII; Сухомлиновъ, op. c. 305 — 306. Слово «благодарю» изъ контекста.

[3]) Изъ письма его къ Кеппену, у ак. Ягича: Письма Добровскаго, стр. 673.

довича объ открытіи новаго евангелія XIII в. и номоканона 1309 г., Востоковъ пишетъ къ автору «Евсарха»: «жаль, что первыя двѣ рукописи не продаются, особливо номоканонъ. Не списали ли вы, по крайней мѣрѣ для себя, оглавленія статей, въ ономъ содержащихся, и не можете ли сказать, къ какому разряду кормчихъ принадлежитъ этотъ номоканонъ, къ болгарскому или къ русскому»? [1])

Съ другой стороны, Кружокъ высоко цѣнилъ въ Востоковѣ тонкую наблюдательность и критическій умъ, помимо матеріальнаго знанія. «Каждое письмо ваше, пишетъ ему Румянцовъ, меня радуетъ и наставляетъ» [2]). Съ тѣмъ же чувствомъ наставляемыхъ относились къ Востокову ученѣйшій іерархъ Евгеній и Калайдовичъ. Мы слышали первыя письма Евгенія къ Востокову. Но и много позже старикъ-митрополитъ повторяетъ тоже: «вы повадили меня спрашиваться у васъ», пишетъ онъ ему изъ Кіева въ 1829 г. [3]). И Востоковъ скромно и охотно дѣлится своимъ богатымъ опытомъ и умомъ, и руководитъ столь же скромно. Вспомнимъ только скромный обмѣнъ мыслей объ общихъ пріемахъ составленія ученаго описанія рукописей между нимъ и Калайдовичемъ, когда одинъ приступалъ къ описанію Собранія Румянцова, а другой — Синодальной библіотеки. Калайдовичъ попытался было противуставить свои «правила», но тотчасъ-же сдался предъ «дознаннымъ искусствомъ и долговременнымъ опытомъ» [4]).

Обѣ стороны поняли другъ друга, ибо ихъ связывалъ общій великій интересъ — наука. Ихъ интимныя отношенія завершились тѣмъ, что Румянцовъ, по настоянію Евгенія, предложилъ Востокову оставить казенную службу и перейти къ нему —на службу наукѣ, предрекая, что онъ оставитъ по себѣ «вѣчный памятникъ». И тотъ переходитъ въ «богатѣйшій рудникъ древней русской словесности», какъ назвалъ Востоковъ знаменитое собраніе рукописей канцлера, что̀ нынѣ Румянцовскій Музей. Въ письмѣ къ Румянцову, съ объявленіемъ о своемъ пере-

---

[1]) Приложенія, II, № 62.

[2]) Переписка Востокова, № 41, 20 ноября 1823.

[3]) Тамъ-же, № 200.

[4]) Тамъ-же, № 29.

ходѣ къ нему, безъ всякихъ условій, Востоковъ довѣрялъ одной честности старика, его «нѣсколькимъ строкамъ»[1]).

«Поздравляю ваше с-во съ пріобрѣтеніемъ Востокова», писалъ Евгеній при извѣстіи о переходѣ[2]).

Мы уже упоминали раньше, въ чемъ должны были выразиться новыя занятія Востокова — «по части словесности на благо общее»: это—опись рукописей Собранія, приготовленіе къ изданію Изборника 1073 года—трудъ, отнятый у Калайдовича, и составленіе славянской палеографіи. Послѣдняя задача была отодвинута теперь на второе мѣсто, по личному указанію Евгенія, измѣнившаго свое недавнее домогательство[3]).

Неутомимый Востоковъ тотчасъ-же открылъ свои работы, параллельно, по первымъ двумъ задачамъ. Уже въ мартѣ 1824 года Евгеній оповѣщалъ своего Анастасевича, что Румянцовъ «хвалится, что Востоковъ уже описываетъ его рукописи и находитъ, что у него пергаменныхъ больше и любопытнѣе, нежели у Толстаго, и что описаніе Востокова будетъ лучше Строева»[4]). А въ іюлѣ Калайдовичъ, волей-неволей, привѣтствуетъ Востокова, какъ издателя своего Изборника 1073 года.

---

[1]) Письмо отъ 7 янв. 1824. Переписка Востокова, № 44. Въ отвѣтномъ письмѣ Востокову, отъ 12 апр., Румянцовъ обязуется выплачивать по 3 тыс. — но, пока, въ теченіе лишь первыхъ трехъ лѣтъ, «какъ воздаяніе тѣхъ трудовъ, которые вы по домогательству моему по части словесности принесете благу общему» (тамъ-же, №№ 49, 50. Ср. стр. 424). Извѣстно, что Румянцовъ умеръ ранѣе условленнаго срока—6 янв. 1826. Наслѣдникъ -братъ словесное условіе продолжилъ только на годъ (№ 164), а потомъ Востоковъ остался ни при чемъ, но продолжалъ занятія, пока Собраніе пок. канцлера не перешло въ вѣдѣніе правительства: тогда Востоковъ получилъ мѣсто библіотекаря въ утвержденномъ 28 мая 1831 года «Румянцовскомъ Музеумѣ». (Тамъ-же, стр. 455; Сборникъ постановленій по мин. нар. просв., II, № 163).

[2]) Отъ 28 мая. Переписка Востокова, стр. 422.

[3]) Тоже письмо. О порученіи Изборника, тамъ-же, № 65. Ср. выше, стр. 134.

[4]) Др. и Нов. Росс. 1881, февр., 310. Мы говорили, что о Строевѣ канцлеръ теперь очень невысокаго мнѣнія. Благодаря Востокова за разрѣшеніе «недоумѣнія, въ которое его ввели сочинители Каталога рукописей гр. Толстаго», Румянцовъ пишетъ 26-го іюня 1825: «г. Строевъ, мнѣ кажется, часто обличаетъ больше самонадѣянность на себя, нежели какія-либо нужныя ученыя свѣдѣнія» (Переписка Востокова, № 147). Трудно принять подъ защиту Строева противъ Востокова. Жалкія выходки ученика и друга Строе-

Съ понятнымъ чувствомъ удовольствія не мало потрудившійся для науки Кружокъ Румянцова видѣлъ теперь, какъ самъ Добровскій, этотъ «учитель и вождь Востокова на стезѣ грамматическихъ изслѣдованій», по скромному признанію послѣдняго, обратился къ нему—и его наставить въ языкѣ все бо̀льшую и бо̀льшую цѣну пріобрѣтавшаго Остромирова евангелія, для проницательнаго Евгенія—драгоцѣннаго уже съ 1806 года. Правда, Добровскій, какъ-бы убѣгая Востокова, обращается лично къ канцлеру; но Востоковъ безъ затрудненія дѣлаетъ для Добровскаго вторую, столь-же образцовую по отчетливости и полнотѣ, характеристику письма и языка Остромира, какъ раньше, на первое знакомство съ Евгеніемъ, его безцѣнныхъ новгородскихъ отрывковъ, и тѣмъ же путемъ, чрезъ Румянцова, пересылаетъ свой трудъ великому, но теперь нѣсколько разстроенному, аббату, который не поблагодарилъ даже Востокова за услугу, къ удивленію самого канцлера [1]).

Но высшій тріумфъ для Востокова и Кружка, но уже на закатѣ дней послѣдняго, былъ сейчасъ впереди, когда явились въ 1825 году Библіографическіе Листы друга Востокова, Кеппена, за которые умирающій Румянцовъ долженъ былъ вступиться предъ министромъ Шишковымъ противъ гоненій лицемѣра Магницкаго, умоляя охранить русскую науку отъ позора предъ Европой [2]), а въ 1827—Собраніе словенскихъ памятниковъ, его-же.

Въ Листахъ Востоковъ помѣстилъ образцовое описаніе только что открытой канон. Бобровскимъ Супрасльской минеи, не имѣя даже въ рукахъ самой рукописи. Румянцовъ встрѣтилъ этотъ трудъ Востокова признаніемъ, что «въ русской литературѣ ничего такого еще не было». Въ Собраніи-же онъ напечаталъ текстъ извѣстныхъ отрывковъ хорутанскаго языка X-го столѣтія, изъ Фрейзингенскаго монастыря въ Баваріи, съ обстоя-

---

ва, Бередникова, позже, противъ безупречнаго научнаго авторитета великаго изслѣдователя, въ интимной перепискѣ съ учителемъ (Барсуковъ, П. М. Строевъ, стр. 275—285), довлѣютъ и для характеристики Строева. Румянцовъ былъ правъ, не умалялъ цѣны.

[1]) Переписка Востокова, № 50, стр. 100 — 116, характеристика, впереди нѣсколько теплыхъ словъ обращенія; № 81. О пересылкѣ именно чрезъ канцлера—Шишковъ, Записки, II, 371, прим. Услугу Востокова признаетъ Добровскій въ письмѣ Кеппену 15 марта 1824 (Письма, стр. 670).

[2]) Переписка Востокова, стр. 231.

тельнѣйшимъ филологическимъ комментаріемъ. «Еще чужестранные ученые не читали русскихъ работъ сего рода», привѣтствовалъ Кеппенъ своего безкорыстнаго друга, просмотрѣвъ первые листы новаго труда Востокова [1]).

Отрывки эти важны, и какъ памятникъ славянскаго языка весьма глубокой древности—X-ое столѣтіе, и какъ памятникъ языка славянъ, жившихъ когда-то вблизи Тироля, написанный какими-то нѣмецкими миссіонерами. Ближайшіе родичи этихъ славянъ —нынѣшніе хорутане или словенцы въ Каринтіи, слѣд., земляки знакомаго намъ Копитара. Вполнѣ естественно, если Фрейзингенскіе отрывки, съ самаго открытія ихъ для науки Добровскимъ, въ 1811 году [2]), стали предметомъ самаго ревниваго отношенія къ нимъ Копитара.

Копитаръ въ теченіи многихъ лѣтъ тщательнѣйше изучалъ дорогіе отрывки роднаго языка; съ изданіемъ ихъ онъ носился все время, какъ съ пріятнѣйшею грёзой, ревниво оберегая неприкосновенность ихъ отъ покушенія со стороны; не чего таить— на нихъ онъ лелѣялъ для себя славу въ будущемъ. Вѣроятнѣе всего, въ этомъ интересѣ закрѣпленія за собой монопольнаго права на изданіе своихъ Отрывковъ Копитаръ уже въ приложеніи къ рецензіи «Институцій» Добровскаго помѣстилъ текстъ перваго отрывка, съ кирилловскою, не вполнѣ послѣдовательною, передачей, латинскимъ переводомъ и поясненіями.

1822 и 1823 годы другъ Востокова, Кеппенъ, провелъ за границей — въ Вѣнѣ, Прагѣ. Заѣхалъ онъ и въ Мюнхенъ, гдѣ хранились Фрейзингенскіе отрывки, и приготовилъ для себя снимокъ съ нихъ. Хотя Кеппенъ и пріятель, но Копитаръ, зная его предпріимчивый характеръ, опредѣлилъ сразу возможность опасности перехвата изданія, не смотря на только-что заявленныя права. Но, упорствуя въ старомъ предъубѣжденіи о научномъ безсиліи насъ, русскихъ, онъ думалъ теперь объ одномъ: напередъ взять слово съ Добровскаго, учившаго его самого читать текстъ знаменитыхъ Отрывковъ — ничѣмъ не помогать его возможнымъ соперникамъ изъ Россіи. Они, увѣрялъ онъ Добровскаго, потерпятъ несомнѣнную неудачу въ своей неумѣстной

---

[1]) Тамъ-же, № 181.

[2]) Письма Добровскаго, № 30.

попытке, а въ тоже время онъ самъ, при его совѣтахъ, успѣетъ издать свои дорогіе отрывки. Кто они—говорить излишне: это были Востоковъ и Кеппенъ.

Чуткій Копитаръ не ошибся въ опредѣленіи факта — для чего это понадобился Кеппену текстъ Фрейзингенскихъ отрывковъ, на его возвратномъ пути въ Россію, въ Востокову.

«Учитель! обращается уже крайне встревоженный Копитаръ къ Добровскому 29 ноября 1826 г.; я сердечно благодаренъ вамъ за уступку и помощь въ моемъ изданіи Фрейзингенскихъ отрывковъ. Изъ письма Кеппена я вижу, что Востоковъ уже представилъ въ цензуру нѣчто о томъ же предметѣ; только дѣло еще не покончено.

«Вы видите, продолжалъ Копитаръ, я еще могу предупредить Востокова, и я настою на томъ, предупрежу. Но одно меня сокрушаетъ — чтобы вы не предложили сокровищницы вашего знанія этимъ невѣждамъ, для объясненія исключительно нашего достоянія. Развѣ васъ, не боюсь никого. Скажите откровенно о своихъ намѣреніямъ, не по тому, чтобы я имѣлъ право вмѣшиваться въ ваши дѣла, но чтобы знать настоящее положеніе вещей... Знаю, опасенъ Востоковъ, но—только руководимый вами» [1]).

Открывался славянскій турниръ между Вѣною и Петербургомъ, между мятущимся Копитаромъ и молчаливымъ Востоковымъ. Онъ заинтересовалъ теперь даже безстрастнаго Добровскаго, уже дряхлаго старца: чѣмъ же кончится любопытное состязаніе претендентовъ на дѣвственные Фрейзингенскіе отрывки?..

«Копитаръ, пишетъ Добровскій Кеппену въ началѣ 1827 г., работалъ надъ Отрывками всю зиму, даже часто запрашивалъ меня, желая васъ предупредить. Ну, мы и посмотримъ, кто изъ васъ лучше потрафитъ»!... [2])

Но увы! турниръ не состоялся...

---

[1]) Письма Добровскаго, № 215. Ср. обѣщаніе тамъ-же — въ своемъ изданіи Отрывковъ привести мнѣнія, конъюктуры Добровскаго. Какъ слабо, неудовлетворительно еще въ 1826 г. читалъ текстъ Отрывковъ самъ Копитаръ—см. его слѣд. письмо къ Добровскому, отъ 7 декабря (тамъ-же, № 217). Ср. и № 222.

[2]) Тамъ-же, стр. 682.

Зло-же надсмѣялась судьба надъ ревнивымъ и завистливымъ вѣнскимъ соперникомъ Востокова: Копитаръ не только не предупредилъ высоко-образцоваго изданія столь долго оберегаемыхъ имъ родныхъ Фрейзингенскихъ отрывковъ, вышедшаго изъ-подъ мастерской руки одного Востокова, хотя по видимому изъ силъ выбивался, но и самую мысль о своемъ изданіи того -же памятника отложилъ на цѣлый почти десятокъ лѣтъ.

Оказалось, что Востоковъ—не «невѣжда», а мощная сила даже въ области, по видимому, для него далекой, совсѣмъ чужой . . . Оказалось, что ничто славянское не было чуждо избраннику проницательнаго Евгенія.

Съ другой стороны, легко себѣ представить, какъ скверно почувствовалъ себя теперь Копитаръ, тотъ Копитаръ, который еще такъ недавно возмнилъ поучить Востокова—какъ издавать памятники славянской литературной старины. «Остромирово евангеліе, наставительно писалъ онъ Кеппену, должно быть издано цѣликомъ и даже съ удержаніемъ сокращеній — т о г о т р е б у е т ъ н ѣ м е ц к а я к р и т и к а, к о т о р а я у в а с ъ е щ е в ъ п е л е н к а х ъ» [1]). Но этого мало. Надо помнить, что Копитаръ заблаговременно млѣлъ отъ злорадственнаго удовольствія разнести «русское» изданіе Фрейзингенскихъ отрывковъ. Но не разнести—«bekritteln» (въ письмѣ къ Кеппену отъ 27 апр. 1825), пришлось завистливому хорутанцу трудъ Востокова, а учиться и повторить русскій трудъ въ своемъ запоздаломъ изданіи. Если самъ Добровскій въ вопросѣ о происхожденіи Фрейзингенскихъ отрывковъ грезилъ о томъ, какъ оригиналъ ихъ могъ странствовать отъ лужицкихъ сербовъ къ чехамъ, а отъ нихъ уже къ хорутанцамъ [2]): то Востоковъ скромно указалъ на знаменательную связь одного изъ отрывковъ съ поученіемъ на день ап. Марка въ старой церковно-славянской письменности, вѣроятно, эпохи еще паннонской.

Но что особенно должно было тяготить страстнаго Копитара, такъ это сознаніе, что образцовый трудъ Востокова выполненъ былъ имъ однимъ, безъ всякой подмоги со стороны, которой онъ такъ опасался—подмоги Добровскаго.

Въ «Вѣнскихъ Лѣтописяхъ» не послѣдовало обычнаго «разложенія»...

---

[1]) Тамъ-же, отъ 27 апр. 1825 г., стр. 683.

[2]) Тамъ-же, № 214, къ Копитару, отъ 21 ноября 1826 г.

Прошло немного времени послѣ не состоявшагося турнира, и Добровскій умираетъ (1829). Копитаръ остается безъ стараго руководителя, одинъ, сиротой. Бывало, изучая Фрейзингенскіе отрывки, онъ ежеминутно тревожилъ Добровскаго—то тѣмъ, то другимъ вопросомъ. А теперь?.. А между тѣмъ теперь попался ему въ руки новый славянскій памятникъ, и тоже глубокой старины: это — такъ наз. Отрывки гр. Клоца, и глаголическіе. Онъ изучаетъ ихъ, готовится издать. Но—гдѣ же учитель, постоянный совѣтникъ?... И Копитаръ обращается къ нашему Востокову, съ мольбой — быть ему въ Добровскаго мѣсто при изученіи открытыхъ глаголическихъ отрывковъ: «вы, признается онъ, самый опытный человѣкъ въ этомъ дѣлѣ»![1])

Любопытная и поучительная метаморфоза, лишній разъ оправдывавшая старую русскую пословицу—«не хвались идучи на рать»...

Но съ этимъ—мы дошли до кульминаціонной точки въ развитіи научной дѣятельности Румянцовскаго Кружка, когда предъ наукой этого Кружка преклонилъ свою выю и гордый противникъ, Копитаръ предъ Востоковымъ, недавній «великанъ» предъ недавнимъ лилипутомъ...

Мы можемъ себѣ представить, какъ бы сердечно въ эти величественныя минуты торжествующей юной русской науки порадовался старый Румянцовъ... Такъ блестяще оправдалось недавнее еще предреченіе умнаго Евгенія.

Но—духовнаго главы Кружка въ живыхъ уже не было. Не было у дѣла и стараго соратника, Калайдовича: онъ былъ на новой службѣ—медленно умиралъ среди своихъ евреевъ, въ своемъ подворьѣ—историческомъ для историка русской науки.

Смерть Румянцова, этого истиннаго цѣнителя русскихъ талантовъ, не въ примѣръ Россійской Академіи, никогда не подымавшейся до высоты своей задачи, внесла безпокойство въ жизнь Востокова, отягчила его житейскія отношенія, а начатыя имъ, заказанныя ему, работы: Описаніе рукописей канцлера и изданіе Изборника 1073, окончаніе которыхъ старикъ, въ виду первыхъ успѣшныхъ шаговъ Востокова, надѣялся было видѣть еще при своей жизни, затормозились—первая на много лѣтъ, вторая на-всегда.

[1]) «Qui ipse sis rei peritissimus»—въ письмѣ 26 сент. 1830. (Переписка Востокова, № 209).

Та-же тяжелая судьба постигла начатыя раньше, еще во второмъ десятилѣтіи, теоретическія свободныя работы Востокова, работы, которыя, несомнѣнно, должны были произвести цѣлый переворотъ въ развитіи славяновѣдѣнія. Мы имѣемъ въ виду работы Востокова надъ исторической грамматикой церковно-славянскаго и русскаго языковъ — «по ихъ древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ», о которыхъ онъ самъ заявлялъ еще въ 1818 году, въ извѣстномъ письмѣ къ Качановскому.

Обстоятельства такъ своеобразно сложились, что Востоковъ вмѣсто того, чтобы одновременно, но независимо отъ Гримма, который тогда полагалъ начала исторіи нѣмецкаго языка, положить основу исторіи славянскихъ языковъ, стать русскимъ Гриммомъ, достойнымъ соперникомъ ему въ лѣтописяхъ общей науки, является въ громко осужденной имъ роли русскаго издателя анахроническихъ «Институцій» Добровскаго, а затѣмъ дебютируетъ въ роли автора томительнаго школьнаго учебника русскаго языка. Востоковъ поступается своими научными убѣжденіями, которыя достались ему годами труда, является добровольнымъ орудіемъ противъ самого себя, такъ сказать, на себя налагаетъ руку.

Эти обстоятельства, случайныя, но высоко любопытныя, разрѣшаютъ намъ предложенныя черты дѣятельности Востокова въ Румянцовскомъ Кружкѣ замкнуть двумя эпизодическими экскурсіями въ сторону — въ эпоху послѣ смерти канцлера, но сейчасъ.

Онѣ живѣе обрисуютъ характеръ Востокова и дополнятъ картину отношеній къ интересамъ науки: добродушнаго — въ Румянцовскомъ Кружкѣ, и страстнаго—внѣ его, въ этимологической Академіи Шишкова.

. 16 .

Мы видѣли выше, какъ проф. Лобойко, по выходѣ въ свѣтъ «Ексарха», изъ Вильны наивно препоручалъ Калайдовичу вытвердить на-изъ-усть, за нимъ во-слѣдъ, громадныя «Институціи» Добровскаго. Видѣли, какъ и самый аббатъ благодарилъ въ лицѣ Кеппена насъ за теплый съ нашей стороны пріемъ его, въ его собственныхъ глазахъ уже обветшалаго, отсталаго труда: «меня

конечно, радуетъ, писалъ Добровскій въ декабрѣ 1824 г., что русскіе цѣнятъ мой трудъ и готовы его перевести, только— еслибы я могъ быть руководителемъ переводчиковъ» [1]). Очевидно, говоря это, онъ въ русскомъ переводѣ желалъ видѣть второе изданіе своего труда, передѣланнаго по Востокову, а предъ буквальнымъ переводомъ—останавливался.

Дѣйствительно, фатальный для Востокова вопросъ о русскомъ буквальномъ переводѣ «Институцій» былъ давно поставленъ на очередь, и, къ сожалѣнію, иниціатива его вышла изъ среды самого Кружка, а затѣмъ попала въ особенныя руки.

Едва первый экземпляръ «Институцій» достигъ предѣловъ Россіи, въ Москвѣ уже рѣшенъ былъ переводъ ихъ: на нашей литературной аренѣ впервые появился тогда Погодинъ, съ девизомъ— смѣлость города беретъ.

Мы выше видѣли, что Копитаръ уже въ апрѣлѣ 1822 года извѣщалъ Добровскаго о намѣреніи Румянцова издать переводъ; но дѣло было нѣсколько иначе: намѣренія еще не было.

Въ апрѣлѣ 1822 г. Калайдовичъ обратился къ Малиновскому съ предложеніемъ — быть предстателемъ предъ Румянцовымъ о кандидатѣ Погодинѣ, о готовности его перевести Добровскаго [2]). Малиновскій написалъ и поставилъ тѣмъ канцлера въ затрудненіе. «Грамматика Добровскаго, отвѣчалъ онъ Малиновскому, есть такое великое сочиненіе, что нельзя тому статься, чтобы переводъ ея не былъ порученъ отъ Россійской Академіи кому либо изъ ея членовъ и, кажется мнѣ, не можетъ быть принадлежностію первыхъ опытовъ какого-либо таланта» [3]).

Едва-ли можно сомнѣваться, что отклоняя, какъ слишкомъ смѣлое, предложеніе Погодина, Румянцовъ имѣлъ давно въ виду Востокова, «Разсужденіе» котораго было такъ вѣрно оцѣнено имъ. Въ этомъ смыслѣ понятно извѣщеніе Копитаромъ Добровскаго въ апрѣлѣ 1822: «Russis dabit Румянцовъ vertendas tuas Institutiones, ita Adelung»—т. е., изъ Петербурга такъ пишутъ [4]). Между тѣмъ мысль Погодина о переводѣ встрѣтила сильную поддержку съ особенно компетентной для канцлера стороны.

---

[1]) Письма Добровскаго, стр. 672.

[2]) Бевсоновъ, Калайдовичъ, 68.

[3]) Отъ 8 мая. Переписка Румянцова, № 239.

[4]) Письма Добровскаго, № 140.

Весной 1822 экземпляръ «Институцій» былъ у Румянцова, и онъ, по установившемуся обычаю, отправилъ его, какъ литературную новинку, митроп. Евгенію. При письмѣ отъ 22 октября Евгеній возвратилъ книгу Добровскаго, съ самымъ сочувственнымъ мнѣніемъ, что она «стоитъ быть у насъ напечатана». Только теперь экземпляръ «Институцій» канцлеръ посылаетъ въ Москву, къ Калайдовичу, «для прочтенія и усовершенствованія изданія Экзарха» (7 ноября)—и, вѣроятно, тотъ же, евгеніевскій, экземпляръ[1]).

Въ это самое время подоспѣла Копитарова рецензія труда Добровскаго въ «Вѣнскихъ Лѣтописяхъ», и въ ноябрѣ (10) Румянцовъ пишетъ Евгенію: «съ тяжелою почтою отправляю я къ вамъ Вѣнскій журналъ, въ которомъ найти изволите анализъ прелюбопытный новаго сочиненія г. Добровскаго. Сіе ученое разложеніе его книги приписываютъ г. Копитару, мужу довольно извѣстному». На это отвѣчалъ Евгеній отъ 26 ноября: «статью о Добровскаго грамматикѣ велѣлъ я перевести», за что и поблагодарилъ его Румянцовъ[2]). Это «разложеніе» могло только болѣе утвердить канцлера въ справедливости указанія митрополита о переводѣ.

Но между тѣмъ какъ Румянцовъ осудилъ предпріятіе Калайдовичъ-Погодина и въ головѣ все лелѣялъ мысль о предостав-

---

[1]) Въ апрѣлѣ 1823 Калайдовичъ пишетъ Кеппену въ Вѣну: «два письма ваши (20 сент. и 9 февр.) я имѣлъ удовольствіе получить въ одно время и только что теперь. Благодарю васъ душевно за подарокъ Грамматики Добровскаго и за два 17 номера Архива, издаваемаго г. Гормейеромъ» (Безсоновъ, ор. с. 126). Отъ Кеппена должны были получить въ Москвѣ и первую вѣсть о выходѣ въ свѣтъ «Институцій».

[2]) Переписка Евгенія, 64—67. Знакомство, дѣловое, Румянцова съ Копитаромъ началось, кажется, съ 1819 года. Въ постояннномъ выслѣживаніи памятниковъ древности канцлеръ не упустилъ и Вѣны, и 12 августа 1819 г. онъ сообщаетъ Евгенію о своихъ поискахъ въ Вѣнской императорской Библіотекѣ: «нѣкто, по порученію моему, осматривалъ каталоги манускриптовъ; ихъ числомъ нѣсколько тысячъ; доступъ до самыхъ рукописей очень труденъ; но изъ каталога видно, что всего 114 только историческихъ номеровъ относятся до Россіи, Польши и Литвы. Я однако-же началъ гоняться за нѣкоторыми и, ежели будетъ успѣхъ, донесу... Мнѣ легче домогаться въ чужихъ государствахъ, нежели въ отечественныхъ предѣлахъ» (тамъ-же, 21). Этотъ нѣкто—Копитаръ?...

ленiи чести перевода Востокову, хотя послѣдній тогда уже мысли о переводѣ болѣе чѣмъ не сочувствовалъ, поднятый въ Москвѣ вопросъ не заглохъ, а выступилъ съ новою силою, вопреки, конечно, расчетамъ канцлера.

Калайдовичъ, получивъ отказъ отъ старика быть «кассиромъ» для перевода юнаго Погодина, съ дѣломъ не унялся, съ упорствомъ велъ его далѣе, тогда какъ избранникъ канцлера, Востоковъ, и слышать не хотѣлъ о простомъ переводѣ грамматики Добровскаго.

23 янв. 1823 года Калайдовичъ запрашиваетъ Востокова: «я слышалъ, будто въ Россійской Академіи хотятъ перевести грамматику Добровскаго; сдѣлайте одолженіе, увѣдомьте—правда-ли? Мнѣ это очень знать нужно».

Запросъ этотъ Востокова остановилъ. Свой взглядъ на трудъ Добровскаго онъ давно опредѣлилъ, опредѣливъ тѣмъ и свое отношеніе къ мысли о переводѣ.

Еще 1 мая 1822 Востоковъ писалъ Румянцову: «Я видѣлъ экземпляръ, присланный Добровскимъ А. С. Шишкову и нашелъ въ ней множество превосходныхъ вещей, полноту и основательность... Однако-жъ такъ какъ онъ не имѣлъ у себя многихъ матеріаловъ, какими мы можемъ пользоваться въ Россіи (напр. Остромирово евангеліе и пр.), то и не могъ всего опредѣлить удовлетворительнымъ образомъ. Будущему сочинителю Славенской грамматики, живущему въ Россіи, остается съ помощью сихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ пополнить, объяснить и поправить многія недостаточныя, сомнительныя или ошибочныя мѣста въ грамматикѣ Добровскаго».

Судъ былъ сдержанный, но довольно ясный: книга, при многихъ своихъ достоинствахъ, не пригодна для простаго перевода; русская наука должна дать свою грамматику церковнаго языка, своего Добровскаго. Мы видѣли, что въ головѣ Востокова давно носилась мысль о сочиненіи подобной самостоятельной грамматики. Но Румянцовъ—встрѣтилъ поддержку у Евгенія и мысли о переводѣ все не оставилъ.

Получивъ запросъ Калайдовича, Востоковъ въ отвѣтѣ сотоварищу повторилъ свои старыя замѣчанія, но противъ простаго

перевода высказался откровеннѣе. Отвѣтъ послѣдовалъ около 10 февраля 1823 года[1]), послѣ того какъ Востоковъ повидался съ только что прибывшимъ въ Петербургъ канцлеромъ.

«Вамъ угодно знать, писалъ Востоковъ Калайдовичу, правда ли, будто въ Россійской Академіи хотятъ перевести грамматику Добровскаго. Помнится, однажды въ собраніи Академіи говорили, что не худо-бы перевести эту книгу; но формальнаго къ тому порученія никому не сдѣлано, и никто изъ членовъ Академіи самъ на то не вызывался».

На запросъ отвѣтъ здѣсь кончался. Но Востоковъ ясно видѣлъ, куда запросъ клонился, что въ Москвѣ затѣвается переводъ и, вѣроятно, при участіи самого Калайдовича, не говоря о томъ, что о заботахъ Калайдовича по переводу онъ могъ имѣть свѣдѣнія отъ самого канцлера еще въ минувшемъ году. Востоковъ ясно понималъ, что съ переводомъ Добровскаго связывались серьезные интересы русской науки—ея правильное развитіе, и даже практическіе—школы, и потому счелъ своевременнымъ, если не удержать настойчиваго Калайдовича отъ перевода, то, по малости, преподать ему предостережительное наставленіе—что потребовалось бы отъ переводчика; при выполненіи-же намѣчаемыхъ условій онъ-де первый сердечнымъ привѣтомъ встрѣтитъ трудъ и готовъ будетъ даже пожертвовать своими завѣтными старыми грезами — дать свою грамматику церковно-славянскаго языка.

«Я, предостерегалъ Востоковъ, не взялся бы быть просто переводчикомъ этой грамматики, находя въ ней многое, требующее передѣлки, пополненія и сокращенія... Другое дѣло—перевести грамматику сію съ нужными дополненіями и примѣчаніями. Я и за сіе не взялся бы, ибо намѣренъ сочи-

---

[1]) Это письмо Востокова безъ даты, почему пок. Срезневскимъ обозначено просто: «послѣ 29 янв.» — дата запроса Калайдовича. Но въ письмѣ Востоковъ упоминаетъ, что «канцлеръ съ недѣлю уже какъ пріѣхалъ». Но Румянцовъ могъ прибыть въ Петербургъ только въ началѣ февраля, ибо свое послѣднее письмо къ митр. Евгенію изъ Гомеля, отъ 23 января, онъ начинаетъ: «отправляясь послѣ-завтра (слѣд., 25 янв.) въ Петербургъ...» Переѣздъ, вѣроятно, потребовалъ не менѣе недѣли. Отъ 17 февраля было уже первое письмо канцлера къ митроп. Евгенію изъ Петербурга (Переписка Евгенія, 73, 74).

нить свою Словенскую грамматику, въ которой, конечно, не оставлю воспользоваться всѣми открытіями Добровскаго. Если кто между тѣмъ переведетъ его грамматику съ своими дополненіями и примѣчаніями, тѣмъ лучше, я воспользуюсь и его трудомъ. Крайне желалъ бы я васъ имѣть предшественникомъ моимъ на семъ поприщѣ. Можетъ быть, мнѣ послѣ васъ не осталось бы уже никакого дѣла надъ поясненіемъ грамматики Словенской. Съ радостью уступилъ бы я вамъ пальму по сей части» [1]).

Но въ дѣйствіи своего крайне вѣжливаго, откровеннаго предостереженія Востоковъ ошибся. Конечно, самъ Калайдовичъ не могъ взять на себя задачу передѣлать и пополнить «Институціи» Добровскаго, хотя скромный Востоковъ и предлагалъ ему эту честь въ самой теплой формѣ; но онъ не счелъ за благо остановиться предъ осужденною, столь категорически и по существу, мыслью о простомъ переводѣ и продолжалъ поддерживать затѣю своего избранника—Погодина.

Правда, на нѣкоторое время вопросъ о московскомъ переводѣ какъ-бы замолкъ; но затишье было фальшивое.

Погодинъ, не успѣвъ войти въ сближеніе съ канцлеромъ при помощи «Институцій», достигъ своей цѣли инымъ путемъ.

Отклоняя услуги Погодина, какъ не соотвѣтствующія имени Добровскаго, Румянцовъ тѣмъ не менѣе отмѣтилъ молодаго кандидата, покровительствуемаго Калайдовичемъ. «Возданныя хвалы Погодину въ письмѣ Калайдовича, продолжалъ канцлеръ Малиновскому 8 мая 1822 г., возбуждаютъ во мнѣ особенное къ нему вниманіе, и вы меня премного одолжить изволите, ежели, познакомяся съ нимъ и познавъ въ немъ сущую способность и особенную любовь къ славенскимъ древностямъ, мнѣ впередъ укажете, на что бы его съ успѣхомъ употребить можно». Какъ видно, Малиновскій указалъ въ Погодинѣ «сущую способность» къ исторіи, потому что въ письмѣ 15 февраля Румянцевъ проситъ поощрять его «вяще и вяще заниматься познаніями исторіи нашей и о ея первобытныхъ временахъ» [2]).

---

[1]) Переписка Востокова, №№ 8, 17, 18.

[2]) Къ Малиновскому, Переписка Румянцова, № 311. Въ Вѣстн. Европы за 1824 г. были помѣщены статьи Погодина о Несторѣ; ими и былъ доволенъ канцлеръ. Ср. тамъ-же, № 321.

Предметъ поощренія былъ вскорѣ найденъ, и самимъ канцлеромъ; это—переводъ небольшой исторической монографіи Добровскаго—«Кириллъ и Меѳодій». Пересылая въ сентябрѣ 1824 г. экземпляръ новаго труда Добровскаго, Румянцовъ пишетъ Малиновскому: «предложите, пожалуйте, отъ меня именно г. Погодину взять на себя трудъ сію книжку перевесть. Погодинъ ищетъ содѣлать себя извѣстнымъ и таковый его трудъ, конечно, къ тому поведетъ его отличнымъ образомъ»[1]). Тогда былъ только что выпущенъ «Ексархъ».

Понятно, Погодинъ поспѣшилъ принять вызовъ, впрочемъ, поторговавшись напередъ[2]), и дѣйствительно «содѣлалъ себя извѣстнымъ», но въ иную сторону.

Когда работа «столь отличнаго переводчика», какъ назвалъ Погодина канцлеръ въ письмѣ къ Малиновскому отъ 28 октября, была прислана на просмотръ къ Востокову для сличенія съ полинникомъ[3]), Востоковъ могъ только пожалѣть о трудѣ не подъ силу. «Съ сожалѣніемъ долженъ я донести вашему с—ву, писалъ скромный Востоковъ 18 февраля 1825 г., что переводчикъ весьма слабъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Изъ поправокъ вы усмотрѣть изволите, что онъ нѣкоторыя мѣста понялъ совсѣмъ превратно. Я ожидалъ отъ него болѣе, судя по статьямъ, какія онъ помѣщаетъ въ Вѣстникѣ Европы»[4]).

Но урокъ не пошелъ въ прокъ, а только раззадорилъ.

Покончивъ столь торопливо съ небольшимъ нѣмецкимъ Добровскимъ, Погодинъ возвратился теперь къ старой мысли—къ грандіозному латинскому Добровскому, къ мысли о такомъ-же торопливомъ переводѣ его «Институцій», съ такимъ-же по-

[1]) Тамъ-же, № 327.

[2]) Тамъ-же, № 329, письмо отъ 28 октября 1824 г.

[3]) «Вы изволите увидѣть, писалъ при этомъ канцлеръ Востокову отъ 18 дек. 1824 г., что этотъ молодой человѣкъ готовится къ большому отличію; сдѣланной-же имъ переводъ, кажется, требуетъ нѣкоторыхъ поправокъ». (Переписка Востокова, № 94). Несомнѣнно, канцлеръ перевода не читалъ.

[4]) Тамъ-же, № 110. Изъ сравненія датъ ясно, что Погодинъ переводилъ оригиналъ столько-же времени, сколько Востоковъ сличалъ переводъ Погодина. Канцлеръ чтобы не оскорбить Погодина, отзывъ Востокова сообщилъ одному Малиновскому, но просилъ, чтобы переводъ просмотрѣлъ кто-либо изъ «хорошихъ нѣмецкихъ литераторовъ въ Москвѣ» (Переписка Румянцова, № 356). Самъ Добровскій желалъ повременить съ переводомъ (Письма его, ср. 676), но натолкнулся на переводчика, которому тогда же указывалъ «Моск. Телеграфъ», по поводу другаго изданія Погодина, что въ два мѣсяца книжекъ не переводятъ, даже учебниковъ географіи (1826, V).

средственнымъ знаніемъ латинскаго языка и безъ всякой филологической подготовки, *какъ бы* въ пику знаменитому судіи въ Петербургѣ, но—съ насильственнымъ пріобщеніемъ того-же Востокова къ увѣнчанію осужденнаго имъ дѣла. Истинно, на такой шагъ могъ рѣшиться одинъ Погодинъ. А скромный до слабости Востоковъ долженъ былъ молча выносить искушеніе.

Въ концѣ 1825 былъ выпущенъ *Кириллъ и Меѳодій*, гдѣ лучшія страницы, приложенія, принадлежатъ Востокову, котораго «отличный переводчикъ» рѣшилъ не оставлять въ мирѣ. Наступилъ 1826 годъ, весна, и—фатальный переводъ «Институцій» былъ на лицо, «*однимъ духомъ*»....

«Великимъ постомъ 1826 года, разсказываетъ самъ Погодинъ, я уговорилъ Шевырева [1]) приняться сообща за переводъ съ латинскаго знаменитой грамматики Добровскаго. Планъ мой былъ—запереться на страстную и святую недѣли въ своихъ комнатахъ и перевести грамматику однимъ духомъ. Намѣреніе безразсудное. Но Шевыревъ согласился; мы заперлись, и на Ѳоминой недѣлѣ вся грамматика, состоящая изъ 900 стр., была у насъ готова.... Признаюсь, взглядъ на эту груду мелко исписанной бумаги, взглядъ на эту крѣпость, взятую нами приступомъ, доставилъ намъ сладкое удовольствіе, за которое мы поплатились тогда-же двумя обмороками» [2]).

Но не сладкое удовольствіе могъ доставить этотъ геройскій подвигъ тому, кто уже въ началѣ осудилъ всякую мысль о нехитромъ трудѣ механическаго перевода, и кто тѣмъ не менѣе былъ втянутъ въ дѣло.

Румянцовъ лежалъ уже въ могилѣ. Груда «исписанной бумаги» лежала безъ употребленія. Но — Погодинъ нашелъ издателя—министерство.

---

[1]) Позже извѣстный талантливый профессоръ Моск. университета, до гроба другъ Погодина, тогда еще робкій молодой человѣкъ, всего 19 лѣтъ (род. 18 окт. 1806 г.).

[2]) *Погодинъ*, Воспоминаніе о Шевыревѣ, 8 — 9. Раньше, кратко, Погодинъ въ своей автобіографіи: «съ Шевыревымъ перевелъ Славянскую грамматику Добровскаго съ латинскаго въ теченіе 2 недѣль (900 стр.), страстной и святой» (*Словарь* профессоровъ Москов. университета, II, 273). Ср. въ автобіографіи Шевырева: «тогда вмѣстѣ, *соревнуя другъ другу*, они (т.-е. Шевыревъ и Погодинъ) перевели съ латинскаго грамматику ц. слав. языка, написанную Добровскимъ» (*тамъ-же*, II, 606).

26 сент. 1829 года Погодинъ съ радостною вѣстью спѣшитъ къ своему споспѣшнику, Шевыреву. «Я, пишетъ онъ ему въ Италію, сижу надъ исправленіемъ Славянской грамматики. На нынѣшней недѣлѣ оканчиваю первую часть ея, до глагола, и отправляю въ Петербургъ». «Это не такъ легко, какъ я думалъ», наивно признается Погодинъ [1]). Можно себѣ представить, каковъ былъ начальный переводъ—«однимъ духомъ».

А въ Петербургѣ этотъ оригинальный трудъ имѣлъ поступить—для увѣнчанія, къ Востокову, выйти въ свѣтъ съ его санкціей, чего мы менѣе всего могли-бы ожидать.

«Такъ много въ головѣ скопилось, что не знаю, за что приняться, жалуется Погодинъ Шевыреву въ письмѣ отъ 11 сент. 1829 г. И то, и другое, и третіе. Первое — Славянская грамматика, которую свѣряю съ подлинникомъ.... Востоковъ по моей просьбѣ, заключалъ Погодинъ, взялся читать послѣднюю корректуру» [2]).

Дѣйствительно, еще въ началѣ марта 1829 г. Погодинъ, пересылая Востокову «для дѣтей Риттеровы карты, мною изданныя», писалъ ему: «между тѣмъ обращаюсь къ вамъ съ покорною просьбою. Департаментъ нар. просвѣщенія согласился напечатать переводъ моей Славянской грамматики Добровскаго. Я въ надеждѣ переѣхать скоро въ Петербургъ, удерживалъ у себя до сихъ поръ свой оригиналъ съ тою цѣлію, чтобы самому смотрѣть за печатаніемъ. Надежда эта, Богъ знаетъ почему, теперь слабѣетъ [3]), и я рѣшаюсь послать книгу въ типографію. Не угодно-ли вамъ будетъ принять на себя прочтеніе послѣдней корректуры до тѣхъ поръ, какъ я самъ смогу это сдѣлать, т. е. какъ пріѣду въ Петербургъ. Убѣдительно прошу васъ о семъ именемъ славянскаго языка и народа...» [4])

[1]) Письма Погодина къ Шевыреву въ «Русск. Архивѣ», 1882, V, 111.

[2]) Тамъ-же, V, 103.

[3]) Въ 1828 г. Погодинъ избранъ былъ въ адъюнкты Академіи Наукъ, по предложенію Круга: «радъ онъ былъ этому мѣсту, чтобъ подъ руководствомъ Круга познакомиться короче съ норманами, но желаніе его по неизвѣстнымъ причинамъ не состоялось» (изъ автобіографіи въ Словарѣ проф. Моск. унив., II, 244). Въ письмѣ къ Востокову Погодинъ имѣетъ въ виду именно это обстоятельство.

[4]) Переписка Востокова, № 198. Любопытно, что о переѣздѣ въ Петербургъ Погодинъ почти отчаявается, а далѣе въ письмѣ трудъ Востокову сокращаетъ до своего переѣзда.

Что Востокову не угодно могло быть всякое участіе въ предпріятіи Погодина, при первомъ намекѣ о которомъ онъ, еще пять лѣтъ тому назадъ такъ ясно высказался противъ, вопроса быть не можетъ. Но, уступчивый до слабости, Востоковъ далъ свое согласіе...

Погодинъ былъ въ восторгѣ. Когда вышла первая часть, онъ восторжено благодаритъ Востокова за трудъ по изданію Славянской грамматики: «наконецъ, чрезъ девять лѣтъ, прошедъ всякія мытарства, является она на свѣтъ, благодаря вашему благосклонному пособію» [1]).

Но былъ ли въ восторгѣ Востоковъ?... Нежеланнаго и утомительнаго труда онъ понесъ массу: Погодинъ распоряжался имъ по свойски[2]).

Такимъ образомъ, столь нежеланная для Востокова книга все-таки явилась на русскомъ языкѣ и къ тому-же съ его санкціей каждаго листа. Книга издана отъ министерства, стала канономъ науки, и сама по себѣ, и въ своемъ раннемъ, тощемъ видѣ, какъ учебникъ Пенинскаго, она на цѣлыя десятилѣтія, почти до самой смерти Востокова, заториозила въ русской школѣ благое дѣйствіе благихъ научныхъ мыслей великаго нашего учителя о славянскомъ и отечественномъ языкахъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ....

Въ своемъ раннемъ предвидѣніи значенія перевода «Институцій» Востоковъ не ошибся: «кто хочетъ пользоваться ими въ настоящемъ видѣ, писалъ онъ тогда (10 февр. 1823 г.) Калайдовичу, можетъ читать и латинскій подлинникъ. Книга эта писана собственно для ученыхъ, которые должны разумѣть по латыни».

«Институціи»-же въ переводѣ закрыли отъ насъ на долго науку—Востокова, приготовлявшаго давно, изъ-подъ-доволь, историческую, т.-е. научную грамматику церковно - славянскаго языка, какъ понимаетъ ее современное славяновѣдѣніе.

Таковъ былъ результатъ подвига Погодина — «однимъ духомъ»....

---

[1]) Отъ 9 марта 1833. Тамъ же, № 229.

[2]) Ср. тамъ-же, №№ 225, 228.

.17.

Наука Запада уже нетерпѣливо ждала, жаждала отъ насъ наставленія, свѣта—*востоковской* грамматики церковно-славянскаго языка, послѣ того какъ предвѣстникъ ея былъ встрѣченъ, какъ давно желанная денница «настоящей славянской филологіи»[1]). «Что дѣлается съ вашею славянскою грамматикою»? спрашиваютъ въ 1823 г. Востокова изъ Вѣны черезъ Кеппена. «Вышла-ли она уже»?[2]) Въ это самое время, увы! Востоковъ самъ вмѣсто хлѣба готовилъ поднести ей камень —механическій переводъ тѣхъ-же «недостаточныхъ» «Институцій».... Но на этомъ испытанія Востокова не завершились: не менѣе печальная участь ждала и вторую старую работу его сердца, которою онъ также подготовлялъ себѣ путь къ имени славянскаго Гримма—работу надъ *исторіей русскаго языка*.

Вмѣсто «отработки на-чисто» давно накоплявшихся историческихъ матеріаловъ по русскому языку, о чемъ мечталъ Востоковъ такъ рано, онъ засѣлъ, подъ духовнымъ давленіемъ Шишкова, съ его теоріей безразличія церковно-славянскаго и русскаго языковъ, за иную работу — за составленіе шаблоннаго школьнаго учебника, чтобы—естественная вещь—сейчасъ-же отнестись къ ней съ тѣмъ-же брезгливымъ чувствомъ, съ какимъ онъ относился и къ переводу «Институцій», какъ къ работѣ претящей. Эта новая работа вторично хоронила отъ насъ автора знаменитаго «Разсужденія о словенскомъ языкѣ», нашего Гримма!... На нее онъ наткнулся также случайно, какъ случайно сталъ виновникомъ изданія осужденныхъ имъ «Институцій», но, по своему характеру, оттолкнуться — былъ не въ силахъ.

«Какъ обрадовались наши московскіе любители языка и педагоги, что вамъ *поручено* писать грамматику русскаго языка для училищъ», спѣшитъ первый привѣтствовать Востокова Погодинъ[3]).

---

[1]) Метафора эта принадлежала, какъ ни странно этого ожидать, тому-же Копитару: она явилась подъ *первымъ* впечатлѣніемъ знакомства съ «Разсужденіемъ» Востокова.

[2]) *Переписка* Востокова, №№ 37, 188.

[3]) 2 августа 1827 г. *Переписка* Востокова, № 173.

Но—радовался-ли самъ виновникъ спѣшнаго московскаго поздравленія?...

Съ исторіей этого порученія и познакомятъ насъ нижеслѣдующія строки.

Помня свое предназначеніе — «наблюдать нравственность, цѣломудріе и чистоту языка», свою обязанность — «наблюдать, чтобы хорошихъ и полезныхъ книгъ время не истребляло и чтобы тѣ изъ оныхъ, которыя пришли въ забвеніе или сдѣлались весьма рѣдки, вновь издавать» [1]), Россійская Академія выпустила въ 1819 г. въ свѣтъ въ третій разъ свою грамматику русскаго языка: старые экземпляры, по признанію Шишкова, всѣ разошлись.

Поновленіе Смотрицкаго и Ломоносова, съ отступленіями, но не въ пользу, предметъ раннихъ насмѣшекъ Копитара [2]), далекая отъ науки при самомъ рожденіи въ 1802 г., теперь академическая грамматика была анахронизмомъ.

Немощный, но вѣрный себѣ—не знать движенія науки, Шишковъ, перепечатывая грамматику, не только соблюдалъ параграфъ свѣжаго, только что имъ написаннаго, Устава Академіи, но и поддерживалъ честь Академіи, такъ какъ на трудъ этотъ Академія, въ свое время, вложила всѣ свои силы. И вдругъ—бойкій журналистъ, практическій педагогъ, изъ чешскихъ нѣмцевъ, объявилъ, при выходѣ 3-го изданія, что академическая грамматика лишній, потому что совсѣмъ отсталый, трудъ: напечаталъ «хулительныя замѣчанія», жалуется Шишковъ.

Это былъ знакомый намъ Гречъ, съ своимъ «Сыномъ Отечества». «Неужели въ 17 лѣтъ, спрашивалъ Гречъ, русскій языкъ ни въ теоріи своей, ни въ практикѣ, не сдѣлалъ ни малѣйшаго шага? Или полагаютъ, что 1 изданіе было non plus ultra совершенства»?... Укоризну эту посылалъ Гречъ, не какъ журналистъ, а какъ авторъ «Опыта русскаго спряженія», книж-

---

[1]) § 2 гл. III, § 4 гл. II Устава Россійской Академіи, написаннаго Шишковымъ въ 1818 г.

[2]) «Прочелъ, пишетъ Копитаръ Добровскому 13 іюня 1811, грамматику академическую; говорятъ господа составители, что написали новую, гдѣ глаголъ лучше разсмотрѣнъ, чѣмъ у Ломоносова, и nascitur ridiculus mus: вм. 2 спряженій надѣлали 4, но формъ сами достаточно не различаютъ», (Письма Добровскаго, стр. 207).

ки, которая нашла одобреніе у Добровскаго, знакомый съ ранними серьезными занятіями отечественнымъ языкомъ въ столицѣ—Борна, Востокова, гдѣ уже дѣлались кое-какъ справки съ исторіей языка [1]).

Въ замѣчаніяхъ, правда, въ нѣсколько рѣзкой формѣ, Греча Академія увидѣла однѣ «хулы, брани, укоризны, насмѣшки и восклицанія» и рѣшила, что «поступокъ его не подлежитъ суду Академіи, но суду правительства». Она обратилась потому съ жалобой къ министру народнаго просвѣщенія. Но кн. Голицынъ, къ удивленію Академіи, не нашелъ признаковъ преступленія и—отказалъ начать преслѣдованіе.

Академія тогда постановила: «журналиста Греча въ Академію не приглашать и ежели кѣмъ изъ членовъ приглашенъ будетъ, то не впускать»[2]).

Безспорно, придуманная мѣра взысканія для Греча—остракизмъ—имѣла въ себѣ много наивнаго: такъ дуются только дѣти, и Карамзинъ, играя почтеннымъ членами Академіи, по переѣздѣ своемъ въ Петербургъ, не прегрѣшалъ противъ скромности. По поводу одного обѣда у Державина съ академиками онъ пишетъ женѣ: «славный мой обѣдъ съ непріятелями не былъ для нихъ веселъ: всѣ сидѣли нахмурясь, хотя и я старался забавлять ихъ грамматикою, синтаксисомъ, этимологіей». Хозяинъ вздумалъ было произвести Карамзина въ члены Академіи, но тотъ отказался[3]). Храму Шишкова Карамзинъ противуполагалъ свободный Арзамасъ: «вотъ истинная русская Академія», писалъ онъ, но уже слишкомъ, такъ какъ и Арзамасъ только забавлялся, безъ серьезной мысли[4]).

---

[1]) Ср. Переписку Востокова, стр. XXVII и сл.

[2]) О забавномъ столкновеніи Академіи съ Гречемъ см. Шишковъ, Записки и пр., II, 102—109. Но Шишковъ вм. Смотрицкаго называетъ Максима Грека: такъ былъ онъ нетвердъ во внѣшней даже исторіи церковно-славянскаго языка.

[3]) Отъ 18 февр. 1816 г. («Неизданныя сочиненія и переписки Н. М. Карамзина», Спб., 1862, 150). Отъ 7 февр. Карамзинъ описываетъ первый визитъ у Шишкова: «я видѣлъ и Шишкова; бесѣдовалъ съ нимъ втроемъ около 3 часовъ; сперва онъ чинился, а послѣ свободно разсуждалъ со мною о происхожденіи славянскихъ словъ. J'ai du tendre pour mes ennemis si j'en ai» (тамъ-же, 144).

[4]) Тамъ-же, 160.

А между тѣмъ въ то время какъ Академія забавлялась войною съ Гречемъ, она не предчувствовала, что не далеко тотъ день, когда самъ Шишковъ, но уже министръ народнаго просвѣщенія, долженъ будетъ произнести прещеніе надъ своимъ обнесеннымъ дѣтищемъ — злочасной грамматикой своей Академіи, и молча признать правоту бойкаго журналиста, даже изъ бемчанъ. Мы говоримъ о заботѣ самого высшаго правительства дать, наконецъ, русскимъ дѣтямъ сносную книгу по отечественному языку, обнаружившейся сейчасъ-же по вступленіи на престолъ импер. Николая: но къ Академіи Шишкова за нею не обратились, на ея грамматикѣ не остановились. При этомъ оборотѣ въ исторіи русской грамматики мы встрѣчаемся на первомъ-же шагу съ тѣмъ-же Гречемъ, въ борьбѣ изъ-за той-же русской грамматики, и съ тѣмъ-же Шишковымъ, но изъ-за котораго вышелъ теперь самъ Востоковъ: встрѣча была не ровная, принесшая пораженіе Гречу, но и бѣду Востокову и русской наукѣ.

Въ интересѣ улучшенія русской школы, или, выражаясь словами высочайшаго рескрипта на имя Шишкова, «должнаго и необходимаго единообразія», 14 мая 1826 года высочайше образованъ былъ при министрѣ «Главный комитетъ устройства учебныхъ заведеній» изъ кн. Ливена, Сперанскаго, Ламберта, Сиверса, Шторха, испр. должность харьковскаго попечителя Перовскаго и флигель-адъютантовъ Перовскаго и гр. Строганова. Въ числѣ другихъ обязанностей Главному Комитету вмѣнялось «опредѣлить подробно всѣ курсы ученія, означивъ и сочиненія, по коимъ оные должны впредь быть преподаваемы, и рѣшивъ, которыя изъ существующихъ хороши, вмѣстѣ съ тѣмъ распорядиться о дополненіи недостающаго». Для послѣдней цѣли министръ имѣлъ избрать «надежнѣйшихъ профессоровъ и академиковъ» и образовать изъ нихъ особый Комитетъ, чтобы затѣмъ «воспретить всякія произвольныя преподаванія ученій, по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ».

Черезъ недѣлю, 21 мая, Шишковъ представилъ императору свои первыя соображенія объ особомъ Комитетѣ—о наименованіи его «Комитетомъ устройства учебныхъ заведеній», о назначеніи правителемъ дѣлъ его кн. Ширинскаго-Шихматова, «близъ двухъ лѣтъ неусыпно занимающагося изученіемъ иностранныхъ по сей части учрежденій». 29-же іюня высочайше

утвержденъ былъ и самый составъ этого Комитета: предсѣдатель Шторхъ, члены—академики Кругъ, Греве, профессора университета Чижовъ и Толмачевъ, бывшій харьковскій ректоръ, сербъ Стойковичъ, и членъ Россійской Академіи, Соколовъ[1]). Такимъ образомъ, Академія Шишкова могла быть представлена лишь однимъ лицомъ—главнымъ пайщикомъ въ сочиненіи академической грамматики, хотя право избранія принадлежало одному Шишкову. Но Шторхъ вскорѣ умеръ, и на мѣсто него предсѣдателемъ учебнаго Комитета былъ назначенъ попечитель А. А. Перовскій.

Въ концѣ октября 1826 Гречъ уже представилъ предсѣдателю Перовскому «плоды многолѣтнихъ трудовъ своихъ по грамматикѣ»—первые листы Полной грамматики русскаго языка и Руководство для гимназій, ища одобренія и принятія. Но когда Перовскій сообщилъ о просьбѣ Греча министру Шишкову, то Главный Комитетъ, по предложенію министра, нашелъ, что, въ виду важности дѣла, учебный Комитетъ одинъ не достаточенъ для сужденія, и усилилъ его «Разсматривательнымъ Комитетомъ» Россійской Академіи, состоявшимъ изъ Карабанова, Никольскаго и кн. С. Шихматова. Память о недавнемъ столкновеніи Греча съ Академіей по грамматикѣ была свѣжа; не безъ воспоминанія о немъ Шишковъ призналъ некомпетентность Комитета Перовскаго въ дѣлѣ благосклонно принятой имъ просьбы Греча, и Гречъ, подчиняясь распоряженію министра, просилъ только о присоединеніи къ усиленному Комитету Перовскаго еще одного члена Академіи, Востокова, какъ дѣйствительно свѣдущаго судію и непричастнаго къ дѣлу о грамматическомъ столкновеніи, тогда какъ членъ Соколовъ былъ однимъ изъ многочисленныхъ авторовъ злополучной академической грамматики, а профессоръ Толмачевъ—авторомъ другой соперничавшей тогда грамматики.

---

[1]) Сборникъ постановленій по мин. нар. просв., т. II (Спб. 1875), № 11. Ср. §§4, 6. №№ 12, 15. Флигель-адъютантъ гр. Строгановъ—это, кажется, будущій министръ и генералъ губернаторъ Новороссійскій, маститый старецъ, здравствующій и понынѣ, въ Одессѣ. Тогда онъ былъ предсѣдателемъ Петербургскаго минералогическаго Общества.— Ср. о Комитетахъ и книгу Е. Шмида: Исторія среднихъ учебныхъ заведеній, въ переводѣ А. Нейлисова (Спб. 1878), стр. 217 и слѣд. Книга Шмида трудолюбиво написана, но крайне скучно, однообразно.

11 января 1827 состоялось первое соединенное засѣданіе обоихъ Комитетовъ. Гречъ былъ приглашенъ для ознакомленія членовъ съ своими грамматическими опытами. Засѣданіе вышло весьма характернымъ.

«Началъ я, разсказываетъ Гречъ въ жалобномъ письмѣ къ П. И. Кеппену, который въ то время состоялъ близкимъ совѣтникомъ при Шишковѣ, руководство для высшихъ училищъ. Оно было прерываемо почти на каждомъ словѣ насмѣшками и странными замѣчаніями гг. Соколова и Толмачева; одинъ утверждалъ, что у насъ нѣтъ этимологіи, что буквы *сж* не превращаются въ *щ*, что вообще измѣненіе согласныхъ буквъ есть вздоръ; другой твердилъ, что слово м о р е происходитъ отъ слова м о к р ы й, что с е л о происходитъ отъ с ѣ д л а и т. д. Съ величайшимъ трудомъ были прочитаны 43 параграфа большаго, 19 малаго руководства».

Страстное до неприличія отношеніе къ труду Греча ясно говорило о пристрастія заинтересованныхъ лицъ, и потому Перовскій предложилъ отдать рукопись на разсмотрѣніе гг. членамъ порознь; но, съ согласія Комитета, возложилъ трудъ разсмотрѣнія на Востокова.

«Я былъ симъ окончаніемъ весьма доволенъ, вспоминаетъ Гречъ; ибо совершенно довѣряю благонамѣренности, праводушію, уму и познаніямъ сего почтеннаго члена Академіи».

Читатель уже обратилъ вниманіе на характерную черту. Образуется Комитетъ для просмотра и составленія учебныхъ книгъ, усиливается для разсмотрѣнія трудовъ Греча новыми тремя членами Академіи Шишкова; но тщетно бы онъ средп членовъ Комитета, въ постоянномъ и усиленномъ его составѣ, искалъ Востокова: ему нѣтъ мѣста подлѣ Соколова, Толмачева. Востоковъ вошелъ въ Комитетъ уже по спеціальной просьбѣ Греча, для огражденія интересовъ правды. Соколовъ, Толмачевъ кричать въ засѣданіи могли; но когда надо было сдѣлать дѣйствительную оцѣнку руководствъ Греча, трудъ этотъ Учебнымъ Комитетомъ возлагается на случайнаго сочлена—Востокова. Это была первая, случайная, его работа: но она вызвала, на бѣду, и вторую.

Такъ нелюбезно могли отнестись Шишковъ и его Академія, при обсужденіи серьезнаго дѣла, къ тому своему сочлену, который былъ единственнымъ и давно признаннымъ у насъ

судіею въ вопросахъ отечественнаго языка среди плеяды номинальныхъ судей, который, по справедливому признанію того-же самого Греча, «своими основательными и глубокими свѣдѣніями въ славянскихъ языкахъ могъ быть полезенъ въ споспѣшествованіи успѣху общаго труда». Забвеніе Востокова отъ министра Шишкова въ дѣлѣ его перваго призванія невольно наводитъ на мысль о систематическомъ уклоненіи Востокова отъ упражненій академическихъ. Авторитетъ Востокова тогда былъ слишкомъ высокъ, чтобы не заинтересоваться сужденіемъ его по вопросу о составленіи русской нормальной грамматики для школы, такъ неприлично игнорировать его, и останавливаться на Толмачевыхъ, Карабановыхъ, этомъ безсиліи русской науки.

Порученіе Комитета Востоковъ вскорѣ исполнилъ, предложивъ цѣлый рядъ замѣчаній на грамматическія положенія Греча. Когда послѣдній освѣдомился у Перовскаго о судьбѣ своихъ опытовъ, тотъ отвѣчалъ ему, что замѣчанія Востокова были столь многочисленны и важны, что ими совершенно опровергается его система, и онъ, вѣроятно, на нихъ не согласится. Но — Гречъ согласился на перемѣны. Тогда Перовскій объяснилъ Гречу, отъ имени Комитета, что по множеству и важности представленныхъ замѣчаній Востокова, руководства его «сдѣлались болѣе трудомъ Комитета, нежели его собственнымъ».

«Я, продолжаетъ Гречъ въ своемъ письмѣ, изумился симъ отзывомъ». Дѣйствительно, можно было думать, что Комитетъ желаетъ воспользоваться чужимъ трудомъ. Ясно было, что опыты отвергнуты Комитетомъ; но не безъ труда Гречъ возвратилъ свои рукописи.

Судъ Востокова рѣшилъ участь Греча, участь его «22 лѣтнихъ трудовъ», хотя, очевидно, онъ ожидалъ иного конца. Такъ думалъ Гречъ. Но на судьбу вліяло и старое недоброжелательство Шишкова и его клевретовъ: Соколова, Толмачева. Въ другомъ мѣстѣ мы говорили о замѣчаніяхъ Востокова[1]). Они были отрывочны, и Гречъ отнесся къ нимъ съ обычною легкостью. «Востоковъ, заключаетъ Гречъ свою записку къ Кеппену, не нашелъ ничего противнаго въ моей системѣ; одна часть замѣчаній относилась къ ошибкамъ писца; другая происходила отъ того, что онъ не успѣлъ вникнуть въ ходъ моихъ

[1]) Итоги славянской и русской филологіи (Одесса, 1882), 14—19.

мыслей; нѣкоторыя относились къ перемѣнѣ выраженій; иныя были неосновательны, а три или четыре справедливы и важны». Получивъ отъ любезнаго Востокова текстъ его замѣчаній, Гречъ сдѣлалъ на нихъ свои возраженія—пустыя. Онъ просмотрѣлъ главное—что ему указывалась недостаточность его простыхъ, хотя и долголѣтнихъ, эмпирическихъ наблюденій надъ языкомъ и механическихъ правилъ изъ нихъ, «облегчающихъ изученіе языка и употребленіе онаго, изустное и письменное», какъ полагалъ Гречъ, что ему указывалась необходимость научнаго знанія, а не толкованія о «произволѣ употребленія».

«*А* превращается въ *о*, преимущественно въ слогахъ *ла*, *ра*: гладъ—голодъ, стражъ—сторожъ», училъ Гречъ[1]). Востоковъ замѣтилъ: «но здѣсь смѣшаны слова двухъ разныхъ нарѣчій, церковно-славянскаго и русскаго». «Что касается до примѣровъ: сяду—сѣлъ, стужа—стынетъ, палецъ—пальца, продолжалъ Востоковъ, то и въ нихъ измѣненіе гласныхъ не есть произвольное, но зависитъ отъ извѣстныхъ правилъ производства, которыя надлежитъ искать, вникая въ строеніе языка[2]).

Дѣло Греча съ Учебнымъ Комитетомъ Шишкова окончилось въ февралѣ 1827 года, а въ августѣ мы уже слышали

---

[1]) Въ историко-критическомъ предисловіи Добровскаго къ замѣчательной грамматикѣ русскаго языка ученика его, Пухмейера: «Lehrgebäude der russischen Sprache», (Prag 1820), Гречъ уже нашелъ-бы указаніе о значеніи полногласія, какъ спеціальной черты русскаго языка съ древнѣйшаго времени (стр. XI).

[2]) Современная рукописная записка Н. И. Греча о столкновеніи его съ Комитетомъ Перовскаго изъ-за грамматикъ, съ копіями писемъ его къ предсѣдателю Комитета и отвѣта послѣдняго къ нему, замѣчаній Востокова и возраженій автора—въ библіотекѣ имп. Новоросс. университета, куда она поступила покупкой отъ П. И. Кеппена, послѣ смерти его. Общій заголовокъ рукописи: О грамматикахъ Н. И. Греча, а на первой страницѣ отмѣтка той-же рукой: Получено отъ Н. И. Греча 31 апрѣля 1827 г. Рука эта, повидимому, самого Кеппена. Въ такомъ родѣ записка Греча (вѣроятно, рукою писца) имѣетъ характеръ какъ-бы жалобы на злочасную судьбу своихъ трудовъ, тотчасъ-же по окончаніи дѣла съ Комитетомъ. Для исторіи русской науки и просвѣщенія рукопись Греча весьма любопытна, и въ Приложеніяхъ, № III, мы печатаемъ ее цѣликомъ, съ соблюденіемъ правописанія подлинника. Чтобы понять обращеніе Греча къ Кеппену, надо помнить, что послѣдній былъ приближеннымъ чиновникомъ Шишкова-министра.

привѣтъ изъ Москвы Востокову—по поводу порученія составить для Комитета новую школьную грамматику русскаго языка.

Очевидно, тотъ-же Комитетъ, послѣ своеобразной неудачи съ грамматиками Греча, взложилъ теперь на Востокова составленіе учебника, а отъ себя преподалъ ему руководящія начала. Всегда уступчивый, Востоковъ согласился, для того, чтобы съ той высокой точки зрѣнія, съ которой онъ только что разсматривалъ неудовлетворительные опыты Греча, снизойти до уровня грамматическаго пониманія массы, жертвуя своимъ временемъ, трудомъ и авторитетомъ....

Такъ появилось обрадовавшее Погодина порученіе. Такъ появилась казенная русская грамматика Востокова, и въ тѣхъ-же двухъ видахъ, какъ у Греча, трудъ, навязанный Востокову Комитетомъ Шишкова, самому ему несимпатичный, улучшенный Гречъ, на мѣсто давно начатой грамматики русскаго языка—«по древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ» его, т.-е., *исторической*, такъ свѣта и не увидавшей....

Случайно Востоковъ попалъ въ «Комитетъ составленія учебныхъ пособій», случайно сталъ и авторомъ комитетскаго учебника, для котораго довлѣло бы практическое знаніе языка и журналиста Греча.

Погодинъ привѣтствуетъ; привѣтствуетъ и митроп. Евгеній, по старому слѣдившій за жизнью русской науки—за дѣятельностью оставшихся членовъ знаменитаго Кружка. «Хотя трудъ, возложенный на васъ сочинить классическія грамматики, писалъ онъ Востокову въ сентябрѣ 1828 г., и отвлекаетъ васъ отъ другихъ важныхъ занятій; но честь и слава быть всего русскаго юношества и для иностранцевъ классическимъ авторомъ, есть довольная награда». Но — вся эта честь самому Востокову была совсѣмъ не по сердцу.

«Я, пишетъ Востоковъ Копитару въ апрѣлѣ 1829 г., такъ во все это время занятъ былъ по устройству Румянцовскаго Музея и по другимъ *казеннымъ порученіямъ*, что едва имѣлъ нѣсколько минутъ свободныхъ. На сихъ дняхъ только представилъ я сокращенную грамматику.... Теперь занимаюсь переписываньемъ на бѣло пространной русской грамматики.... Сей трудъ займетъ меня еще мѣсяца два. Когда управлюсь съ онымъ, тогда примусь опять за каталогъ рукописей Румянцов-

ского Музея, оставшійся недоконченнымъ, а потомъ возвращусь къ давнишней своей работѣ, коею я всегда занимался сот amore—къ Словенской грамматикѣ и лексикографіи»[1])

А, въ довершеніе всего, и матеріальное вознагражденіе за навязанный трудъ было только лишнимъ источникомъ непріятностей для старѣющаго Востокова[2]).

. 18 .

Прежде нежели подвести итогъ дѣятельности Румянцовскаго Кружка, еще нѣсколько словъ о двухъ спутникахъ духовнаго вождя его, Востокова.

Имя одного, юриста, тѣсно связано съ дѣятельностью Востокова. Онъ былъ его другомъ, распространителемъ его ученой славы за границей. Онъ намъ уже давно знакомъ. Это—П. И. Кеппенъ. Другой—свой человѣкъ у Румянцова, молодой священникъ, на филологическихъ опытахъ котораго такъ ясно благотворное вліяніе школы Востокова. Это—отецъ Іоаннъ Григоровичъ, въ Гомелѣ, этихъ Тускуланахъ Румянцова.

Сынъ бѣднаго провинціальнаго врача изъ выходцевъ Германіи, молодой, энергическій, но всегда съ разносившимися интересами въ наукѣ, Кеппенъ, еще съ 1813 года собесѣдникъ Калайдовича о древнихъ рукописяхъ[3]), въ 1819 г. уже является въ кругу Румянцова ближнимъ человѣкомъ. «Позвольте мнѣ, обращается канцлеръ къ преосв. Евгенію въ Псковъ 2 мая, поручить особенному покровительству вашему г. Кеппена: онъ того достоинъ по просвѣщенію своему и нравственности; жаль, что здоровье имѣетъ слабое и несогласное съ рвеніемъ учено-

---

[1]) Переписка Востокова, №№ 190, 202. «Съ грамматикой своей я еще валандаюсь», пишетъ онъ тогда-же Кеппену (тамъ-же, стр. 455).

[2]) Тамъ-же, стр. 458.

[3]) Ср. письмо Калайдовича къ нему отъ 15 января 1814 г. у г. Бессонова, op. c., 125.

сти»[1]) Проницательный ученый іерархъ нашелъ Кеппена «достойнымъ любви за страстную охоту къ русской словесности и исторіи», но только[2]).

На это первое свое знакомство съ Кеппеномъ Евгеній подарилъ ему пергаменный листокъ русской Псалтыри XI в.; но этотъ историческій листокъ, какъ мы видѣли, былъ поводомъ къ сближенію Востокова, сначала, съ Евгеніемъ, потомъ съ Румянцовымъ. Когда-же Востоковъ указалъ Евгенію на Кеппена, какъ на возможнаго славянскаго палеографа въ будущемъ, тотъ усумнился въ этомъ, и съ Евгеніемъ согласился и канцлеръ. Сомнѣніе Евгенія оправдалось сейчасъ-же, когда въ 1822 г. появился трудъ Кеппена «Списокъ русскимъ памятникамъ» — безъ ожидавшихся снимковъ: впрочемъ, книга издана была Калайдовичемъ, когда самъ авторъ былъ уже далеко за рубежемъ, а съ авторомъ и его снимки.

Духъ предпріимчивости, любовь къ наукѣ отличали физически слабаго Кеппена—черты, которыя высоко цѣнили въ немъ оба высокіе члена Кружка. «Онъ весьма способенъ къ розысканіямъ, писалъ Евгеній Румянцеву, хотя по молодости еще и не основателенъ; но охота научитъ его»[3]). Духъ предпріимчивости, живая любознательность привели Кеппена, въ первые-же годы его ученой карьеры, туда, куда добровольно, безъ солдатской шинели, лишь въ кои вѣки заходила нога русскаго—къ полумиѳическимъ уже для нашего сознанія славянамъ Австріи, въ ихъ поэтическіе закоулки Карпатъ и Альпъ, и Кеппенъ былъ первымъ сознательнымъ путешественниковъ изъ Россіи въ славянскія земли. Какъ піонеръ, онъ открылъ въ своемъ лицѣ, теперь уже традиціонный, путь русскихъ славистовъ на Западъ—для полной оснастки.

---

[1]) Переписка Евгенія, 19. Кеппенъ ѣхалъ во Псковъ на археологическую экскурсію для канцлера, какъ видно изъ другаго письма Румянцова къ Евгенію по поводу сообщенія Кеппена, что въ Островскомъ уѣздѣ, въ погостѣ Вреве и др., «находятся камни съ надписями, никѣмъ еще не разобранными» (тамъ-же, 44). Въ рѣчи, въ день своего пятидесятилѣтняго юбилея (29 дек. 1859 г.), старикъ Кеппенъ прежде всего теплымъ словомъ помянулъ канцлера Румянцова, какъ своего перваго «благодѣтеля».

[2]) Переписка Евгенія, 20.

[3]) Отъ 19 дек. 1823 года. Тамъ-же, 90.

Въ августѣ 1821 Румянцовъ спѣшитъ извѣстить Евгенія, что «добрый и трудолюбивый Кеппенъ, по условію для себя выгодному, отправился путешествовать по Европѣ съ однимъ юнымъ россійскимъ дворяниномъ»[1]). Мы выше видѣли: эта Европа—сосредоточилась для Кеппена въ Австріи, а этотъ юный дворянинъ былъ Березинъ, вскорѣ умершій въ Италіи.

Порадовался и Евгеній новой вѣсточкѣ и добрыми пожеланіями сопровождалъ смѣлый и любопытный шагъ въ жизни предпріимчиваго Кеппена.

«Добрый путь доброму Кеппену на чужбину, писалъ Евгеній Анастасевичу. Онъ тощъ не возвратится къ намъ, но воспользуется больше своего Телемака. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ ко мнѣ онъ описалъ свои распоряженія о палеографическихъ запискахъ и надѣется больше на Каченовскаго, нежели на Академію Россійскую. Намѣреніе Кеппена издать продолженіе своихъ матеріаловъ въ Вѣнѣ что-то кажется странно, ибо если на нѣмецкомъ, то не для насъ; если на русскомъ, то не для нѣмцевъ. Вотъ если бы онъ тамъ вырѣзалъ палеографическіе наши снимки, то занялъ бы и нѣмцевъ»[2]).

Въ концѣ декабря 1821 Кеппенъ изъ Кіева выѣхалъ въ Австрію[3]).

Въ расчетѣ своемъ Евгеній не ошибся. Путешествіе энергическаго Кеппена по Австріи, по ея славянскимъ землямъ, составило извѣстнаго рода эпоху въ развитіи славяновѣдѣнія у насъ, съ многобразными послѣдствіями въ ближайшемъ и болѣе отдаленномъ будущемъ. Но оно было съ значеніемъ и для нихъ, самихъ славянъ Австріи. Кеппенъ тощъ не возвратился уже по тому одному, что, открывъ личныя знакомства съ выдающимися дѣятелями того времени среди австрійскихъ славянъ, онъ сталъ, вѣрный себѣ, энергическимъ посредникомъ между молодою наукою Россіи и славянскими учеными силами Австріи—словомъ и дѣломъ.

---

[1]) Тамъ-же, 48.

[2]) Отъ 28 октября 1821 г. Др. и Нов. Россія, 1881, 295.

[3]) Тамъ-же, 306. Въ своей автобіографіи, приложенной къ описанію его 50-лѣтняго юбилея ученой дѣятельности, старикъ ошибочно показалъ что въ Кіевѣ онъ получилъ напутное благословеніе друга своего, митроп. Евгенія, и уѣхалъ въ январѣ 1822 г. Евгеній прибылъ въ Кіевъ только 11 апрѣля 1822 г.

Въ мартѣ 1822 г. чрезъ Галицію Кеппенъ прибылъ въ Вѣну, съ запасомъ русскихъ новинокъ и своими славянскими палеографическими снимками.

Русскій запасъ Кеппена былъ кладомъ для Копитара: отъ Кеппена онъ познакомился съ «Разсужденіемъ» Востокова, какъ это мы видѣли раньше, и свой нелицемѣрный восторгъ онъ излилъ тогда-же въ письмѣ къ учителю. «Прибылъ, пишетъ Копитаръ Добровскому 25 марта, Кеппенъ съ молодымъ Березинымъ, съ новыми книгами, съ славянскими снимками. Прочелъ и видѣлъ большую часть; желалъ-бы я послать эти книги вамъ; но говоритъ—нельзя. Самая любопытная вещь—статья Востокова»[1]). Добровскаго, въ высшей степени заинтересовавшагося привезенными снимками, Копитаръ приглашаетъ прямо пріѣхать въ Вѣну, къ тому времени, когда Кеппенъ возвратится изъ поѣздки по Венгріи, куда онъ отправился въ маѣ.

Лѣтняя экскурсія Кеппена на дальній востокъ Австріи, въ таинственную, невѣдомую Трансильванію, должна была оставить особые слѣды въ исторіи русскаго славяновѣдѣнія, имѣла имя смѣлаго русскаго путешественника связать съ замѣчательнымъ историко-этнографическимъ откровеніемъ. Но, къ сожалѣнію, путешественникъ не былъ славистомъ чистой крови и остался вѣренъ себѣ: разбрасывающійся характеръ ученыхъ интересовъ Кеппена не могъ остановить, фиксировать его вниманія на первыхъ мѣстныхъ вопросахъ.

Въ Трансильваніи, на югѣ, въ горныхъ ущельяхъ, Кеппенъ засталъ еще послѣднихъ, вымиравшихъ, эпигоновъ доселѣ загадочнаго, но въ высшей степени любопытнаго, племени—средне-дунайскихъ «русскихъ», нѣкогда полновластныхъ хозяевъ всей громадной альпійской страны Дунайскаго Залѣсья. Онъ слышалъ еще живую рѣчь этихъ «русскихъ», даже какъ будто и серьезно занялся ихъ замѣчательнымъ языкомъ, ими.... Но, увы! Кеппенъ поспѣшилъ издать лишнюю книжку о языкѣ ихъ нѣмецкихъ сосѣдей, о мѣстныхъ римскихъ памятникахъ, а объ этомъ интереснѣйшемъ славянскомъ племени ограничился простою отмѣткой[2]).

---

[1]) Переписка Добровскаго, № 139.

[2]) Ср. нашу книгу: Итоги славянской и русской филологіи, стр. 224—225.

Тогда-же Кеппенъ объѣхалъ сербскій край Срѣма, подобно Тургеневу лѣтъ двадцать тому назадъ; въ Новомъ Садѣ (Neu Satz) познакомился съ молодымъ учителемъ сербской православной гимназіи, Шафарикомъ, геніальнымъ ученикомъ Добровскаго, тогда еще мало извѣстнымъ, и извѣщалъ отсюда Румянцова[1]).

Весной 1823 года Кеппенъ посѣтилъ, наконецъ, Прагу, гдѣ онъ имѣлъ «истинное счастіе» познакомиться съ Добровскимъ и Ганкою, какъ выразился въ письмѣ къ Востокову. А знаменитый аббатъ увидѣлъ съ своей стороны, наконецъ, давно желанныя «сокровища»—ученый багажъ Кеппена. «Я могу только сожалѣть, писалъ старикъ тогда-же Кеппену, что ваше пребываніе въ Прагѣ было слишкомъ коротко»—«für meine Belehrung» —прибавляетъ вѣжливый Добровскій[2]).

Надо полагать, что подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Добровскимъ, ведшимъ уже болѣе десяти лѣтъ переговоры съ Копитаромъ объ Фрейзингенскихъ отрывкахъ, у Кеппена явилась мысль свернуть и побывать самому въ Мюнхенѣ. Здѣсь онъ провелъ зиму съ 1823 на 1824 г. и, какъ видѣли, приготовилъ снимокъ съ знаменитыхъ отрывковъ, а за тѣмъ чрезъ Дрезденъ и Берлинъ 9 апрѣля 1824 г. возвратился, до срока, въ Петербургъ. Уже въ декабрѣ 1823 г. канцлеръ, заботливо слѣдившій за дѣятельностью Кеппена за границей, извѣщалъ друга-митрополита, что къ февралю онъ ожидаетъ возвращенія Кеппена: «онъ, кажется, вынужденъ къ скорому возвращенію тѣмъ, что сопутникъ его со-

---

[1]) До 1 окт. 1822 г. Кеппенъ пишетъ чрезъ Калайдовича канцлеру: «Въ дополненіе къ статьѣ моей о слав. древностяхъ въ Сирміи сообщаю еще извѣстіе о т. наз. болгарской хроникѣ Даніила, о которой я первое извѣстіе получилъ въ Гомелѣ изъ устъ его с—ва, поручившаго мнѣ объ оной справиться. Сею рукописью пользовался Ранчъ; но въ Сирміи находится токмо списокъ 1763, списанный съ подлинника въ Холандорскомъ (!) монастырѣ во св. горѣ Аѳонской. Какой-то проигуменъ онаго монастыря принесъ списокъ въ Венгрію, гдѣ, какъ говорятъ, оный за 100 или 200 черв. купленъ Вершецкимъ или Темишварскимъ епископомъ. Вся рукопись состоитъ изъ 87 л. въ малый листъ» (Переписка Евгенія, 63). Упоминаемая здѣсь статья: «Описаніе слав. древностей въ Сирміи» (Срѣмѣ), напечатана Калайдовичемъ въ «Сѣверномъ Архивѣ» Булгарина въ 1823 г. и несправедливо причисляется къ сочиненіямъ Калайдовича.

[2]) Письма Добровскаго, стр. 666.

вершенно разстроилъ свои дѣла»[1]). Дѣйствительно, 17 октября 1823 г. Кеппенъ изъ Вѣны писалъ своему новому другу въ Прагѣ, Ганкѣ, отвѣчать ему въ Дрезденъ: «тамъ я думаю быть въ декабрѣ или въ генварѣ; въ скоромъ времени я оставлю Вѣну и поѣду въ Мюнхенъ и Аугсбургъ, откуда, можетъ быть, посѣщу Гейдельбергъ, а, можетъ быть, и прямо чрезъ Веймаръ, Лейпцигъ, Дрезденъ и Берлинъ, возвращусь въ Петербургъ»[2]). По возвращеніи въ Петербургъ, молодой славянскій путешественникъ поступилъ на службу къ только что назначенному министромъ народнаго просвѣщенія Шишкову, въ качествѣ младшаго дѣлопроизводителя «Временнаго Комитета для составленія проэкта устава учебныхъ заведеній»[3]), постъ, который онъ сохранилъ за собой и тогда, когда Комитетъ этотъ былъ, съ восшествіемъ на престолъ императора Николая, преобразованъ въ «Главный Комитетъ устройства учебныхъ заведеній» (о немъ мы говорили только что выше, стр. 191). Оставляя его вскорѣ для министерства внутреннихъ дѣлъ, Кеппенъ открываетъ любопытную организаціонную дѣятельность. Между тѣмъ онъ свою обычную энергію обратилъ на науку, при прежнемъ тепломъ участіи къ себѣ Румянцова.

Палеографическіе снимки съ славянскихъ рукописей не были изданы при Спискѣ древнимъ русскимъ памятникамъ въ 1822

[1]) Переписка Евгенія, 88. Спутникъ—юный Березинъ, но больной, уѣхавшій въ Италію. 18 сентября 1825 г. Юнгманнъ пишетъ Марку изъ Праги: «новаго ничего, развѣ что извѣстіе отъ Кеппена (Ганкѣ) о прекрасномъ Березинѣ, который недавно, во время путешествія по Италіи, умеръ въ Сициліи, 25 лѣтъ; онъ былъ много обѣщавшій русскій дворянинъ» («Časopis Musea», 1883 ., p. 55). Оба, Румянцовъ и Евгеній, сердечно любили добраго Кеппена, и больно отзывались на нихъ неудачи его. «Сейчасъ, пишетъ Евгеній канцлеру 14 ноября 1823, прочиталъ я Келлеровы замѣчанія на книгу бѣднаго Кеппена «Alterthümer». Очень строго... А Кеппенъ не робѣй въ цеху антикваріевъ, въ нынѣшнемъ-же 1823 г. издалъ въ Вѣнѣ тетрадь еще и на одну египетскую древность»... «Препровождаю, отвѣчалъ Румянцовъ 20 ноября, новый упрекъ, который напечаталъ Келлеръ противъ добраго Кеппена. Первый, конечно, между нумизматиками нынѣ стоитъ, какъ родоначальникъ; но жаль, что такъ строго гнѣваться изволитъ на юнѣйшихъ дома своего, когда они вздоръ несутъ». «Извѣстно, успокаивалъ Евгеній 25 ноября, что мастера не любятъ славы подмастерьевъ и учениковъ. Но, можетъ быть, и ученикъ Кеппенъ отзовется на мастера»... (тамъ-же, 85—87),

[2]) Приложенія, IV, № 2.

[3]) Изъ автобіографіи Кеппена въ указ. юбил. описаніи.

году. Кеппенъ повезъ ихъ за границу, гдѣ и собирался издать. «Умнаго Востокова, пишетъ митроп. Евгеній Румянцову 10 сентября 1822 г., надобно чаще побуждать къ скорѣйшему изданію Русской палеографіи. Кеппенъ хочетъ упредить его и изъ Вѣны пишетъ къ петербургскому Обществу Соревнователей объ изданіи собранныхъ имъ азбукъ. Но Кеппенъ не имѣетъ столь основательныхъ свѣдѣній о семъ предметѣ»[1]).

Опасеніе осторожнаго іерарха было преждевременно. Кеппенъ въ Вѣнѣ отвлекся въ сторону, и только по возвращеніи обратился къ старой работѣ по палеографіи, но которую канцлеръ считалъ теперь своею. Въ январѣ 1825 г. Румянцовъ проситъ Малиновскаго спросить у Кеппена—для чего ему славянскія литтеры по матрицамъ, употреблявшимся при изданіи «Ексарха»: «для себя-ли собственно, или же для усовершенствованія того палеографическаго труда, которымъ онъ для меня занимается»[2])? «Мнѣ очень пріятно было читать, отвѣчаетъ Добровскій Кеппену 6 дек. 1824 г., на его извѣщеніе о разныхъ планахъ, что вы заняты изданіемъ многихъ снимковъ. Я сердечно благодаренъ вамъ за это и другія извѣстія»[3])

Но новый вопросъ, Фрейзингенскіе отрывки, еще болѣе занялъ Кеппена. Кеппенъ носится съ мыслью быть издателемъ ихъ. «Кеппенъ предложилъ мнѣ, пишетъ Копитаръ Добровскому 21 ноября 1824 г., вмѣстѣ съ нимъ издать въ Петербургѣ мюнхенскую рукопись. Что вы скажете на это»[4])? Дѣйствительно, тогда-же Добровскій получилъ отъ самого Кеппена его facsimile двухъ отрывковъ той рукописи, очевидно, съ просьбой помочь прочесть. «Снимки, отвѣчалъ Добровскій 6 декабря, довольно удачны. Но я не могъ все такъ хорошо прочесть, какъ самую рукопись, которую я самъ списалъ. Сами-ли вы снимали въ Мюнхенѣ, или Копитаръ сообщилъ вамъ свои facsimile»?... Затѣмъ Добровскій предложилъ нѣкоторыя поправки въ чтеніи Копитаромъ одного отрывка[5]).

[1]) Переписка Евгенія, 61.

[2]) Переписка Румянцова, № 350.

[3]) Переписка Добровскаго, стр. 672.

[4]) Тамъ-же, № 176.

[5]) Тамъ-же, № 674. Кеппенъ писалъ Добровскому въ октябрѣ 1824. Можетъ быть, эти небольшія замѣчанія Добровскаго на текстъ Фрейзингенскихъ отрывковъ были сообщены Кеппеномъ Востокову; но во всякомъ случаѣ этимъ и ограничивалось-бы участіе аббата въ изданіи Востокова всей рукописи.

Но порывъ Кеппена — стать издателемъ такого труднаго памятника, какъ Фрейзингенскія статьи, къ счастью, дальше не пошелъ: сложное изданіе, которымъ уже болѣе десяти лѣтъ непрерывно занимались испытанные слависты: Добровскій, Копитаръ, pro domo sua, и все не были у конца, перенялъ отъ Кеппена «умный» Востоковъ и свершилъ его во славу свою и Кружка. Но въ тоже время совершенно справедливо, что безъ предпріимчиваго Кеппена молодая русская наука лишена бы была своей второй ранней гордости—Фрейзингенскихъ отрывковъ въ объясненіи Востокова.

Въ 1827 году вышло Собраніе иноземныхъ славянскихъ памятниковъ, подъ редакціею Кеппена (цензурное одобреніе—въ сент. 1826 г.). Это было послѣднее изданіе Румянцовскаго Кружка, и вышло уже по смерти канцлера.

Личный трудъ Кеппена былъ не великъ: онъ выразился въ «Общемъ предисловіи» (значительные отрывки изъ Остромира, съ таблицею буквъ) да двухъ небольшихъ замѣткахъ—въ концѣ. Главное-же содержаніе Собранія составила монументальная работа Востокова по объясненію Фрейзингенскихъ отрывковъ. Смерть канцлера прекратила дальнѣйшій выходъ Собранія.

Тотъ-же духъ предпріимчивости Кеппена сказался сейчасъ-же по возвращеніи отъ славянъ и въ изданіи замѣчательнаго и въ настоящее время критико-литературнаго журнала: Библіографическіе Листы.

Предпріятіе, задуманное съ весьма скромными цѣлями—«сообщать полныя заглавія новыхъ книгъ, на разныхъ языкахъ въ Россіи издаваемыхъ, и предлагать краткое изложеніе ихъ содержанія», особенно книгъ историческихъ и филологическихъ (такъ въ Объявленіи съ цензурной пометой 20 ноября 1824 г.), Библіографическіе Листы, съ перваго же своего номера (6 янв. 1825), явились съ характеромъ серьезнаго органа движенія русской науки, а не простаго перечня книгъ, органомъ петербургскаго отдѣленія Румянцовскаго Кружка и, главнымъ образомъ, органомъ Востокова. Это давалось понять и начальнымъ объявленіемъ, что въ случаѣ смерти или выѣзда изъ Петербурга Кеппена правильное изданіе журнала обезпечено участіемъ «извѣстнаго литератора»—Востокова. Если знаменитыя «Вѣнскія Лѣтописи литературы» были выраженіемъ западно-славянскаго

славяновѣдѣнія, то «Библіографическіе Листы» имѣли стать органомъ—русскаго.

Но, помимо этого, журналъ Кеппена, задуманный подъ свѣжими еще впечатлѣніями ученой экскурсіи въ западно-славянскія земли, предназначался стать ученымъ посредникомъ между Россіей и западно-славянскимъ міромъ. Въ этомъ именно смыслѣ признавался самъ Кеппенъ, характеризуя первый годъ изданія: «за то, что я преимущественно старался знакомить соотчичей моихъ съ литературою *другихъ словенскихъ народовъ*, надѣюсь, никто изъ благомыслящихъ не станетъ мнѣ пенять».

Онъ дѣйствительно былъ единящимъ органомъ Славянства. Въ немъ принимали бо́льшее или меньшее участіе, статьями, совѣтами: Добровскій и Ганка въ Прагѣ, Копитаръ и Вукъ Караджичъ въ Вѣнѣ, Янъ Колларъ въ Пештѣ, Шафарикъ въ Новомъ Садѣ, Бандке въ Краковѣ, Линде и Мронговіусъ въ Варшавѣ, однимъ словомъ, вся плеяда современныхъ представителей славянской науки, литературы, сношенія съ которыми были такъ счастливо открыты Кеппеномъ во время недавняго путешествія. Прибавимъ, наконецъ, что и самъ знаменитый Яковъ Гриммъ былъ въ числѣ сотрудниковъ. Такимъ образомъ, значительное число лучшихъ сотрудниковъ «Вѣнскихъ Лѣтописей литературы» участвовало и въ журналѣ Кеппена, своемъ русскомъ соперникѣ, конечно, соперничества не опасаясь.... Совокупною дѣятельностью славистовъ востока и запада онъ надѣялся «разъ на всегда» выяснить нѣкоторыя части славяновѣдѣнія. Къ этой дѣятельности онъ, открывая «Листы», призывалъ своихъ друзей въ Прагѣ, Варшавѣ, какъ увидимъ ниже[1]).

Листы издавались, съ перерывами, по августъ 1826 г. Духовный судъ подъ издателемъ-протестантомъ, по доносу извѣстнаго попечителя Магницкаго, изъ митрополитовъ Евгенія и Серафима, хотя и совершенно оправдалъ Кеппена, но слѣдствіемъ его были: перерывы въ выпускѣ журнала, а засимъ и прекращеніе замѣчательнаго Румянцовскаго изданія. Нежданныя тяжелыя условія изданія, естественно, рано ослабили энергію Кеппена, и мы видимъ, что уже въ августѣ 1825 года онъ почти

---

[1]) См. Приложенія, IV, № 5.

рѣшилъ не издавать «Листовъ» въ слѣдующемъ году и бросить Петербургъ. Въ этомъ именно смыслѣ онъ писалъ своему пражскому другу-сотруднику, Ганкѣ, 5 августа: «въ будущемъ (году) едва-ли буду продолжать изданіе Библіографическихъ Листовъ; желалъ-бы опять повояжировать; не знаю еще, удастся-ли мнѣ когда-либо объѣхать Карпаты и побывать въ Кроаціи, а признаюсь, что давно уже сего желаю»[1]).

Самымъ сочувственнымъ словомъ привѣтствовалъ журналъ Кеппена старый Добровскій: «ваши Листы, писалъ онъ 14 января 1826 г. къ издателю, полны для меня интереса и поучаютъ о многомъ, что было для насъ здѣсь совсѣмъ неизвѣстно»[2]).

Это не былъ простой комплиментъ. О трудахъ Востокова въ Листахъ мы говорили раньше. Не касаясь массы разнообразныхъ цѣнныхъ свѣдѣній по старой и новой литературѣ, русской и славянской, статей оригинальныхъ, а не переводныхъ, какъ у Каченовскаго, исторіи, статистикѣ, умѣнья издателя привлечь къ своему журналу участіе образованныхъ людей изъ самыхъ захолустьевъ Россіи[3]), отмѣтимъ здѣсь съ глубокою признательностью отчетливый и обстоятельный планъ ученаго путешествія въ славянскія земли, исполненный разновременно нашими славистами, много позже—его «Записку о путешествіи по словенскимъ землямъ» (№ 33), составленную по просьбѣ «одной весьма почтенной особы», не сомнѣваемся — самого канцлера, какъ это будетъ ясно изъ дальнѣйшаго нашего изложенія, и

---

[1]) Приложенія, IV, № 7.

[2]) Письма Добровскаго, стр. 675.

[3]) Въ «Спискѣ первопечатнымъ словенскимъ книгамъ» (Библіогр. Листы 1825, № 16, ценз. помѣта 31 мая 1825 г.), Кеппенъ, описывая Тріодь, что̀ напечатана въ Скадрѣ въ 1463 году, въ примѣчаніи говоритъ: «мы имѣемъ одинъ только, полученный отъ г. ректора Кишиневской семинаріи, архимандрита Иринея (Нестеровича), листъ сей нашимъ еще вполнѣ неописанной книги, на коемъ напечатано послѣсловіе». Благодаря за эту любезность просвѣщеннаго ректора, Кеппенъ въ № 28 дѣлаетъ любезное оповѣщеніе о его русско-молдавской грамматикѣ, изданной имъ въ Кишиневѣ еще въ 1819 году. Иринеи—это будущій архіепископъ иркутскій, извѣстный своими испытаніями при жизни, а по смерти—отъ нѣкоторой части нашей журналистики. Кажется, къ тому-же Иринею въ Кишиневъ обращался въ 1823 году и самъ Евгеній, прося отвѣта на нѣкоторые вопросы изъ исторіи молдавской церкви, «съ увѣреніемъ, что вы имѣете уже обстоятельныя свѣдѣнія о молдовлахійской церкви» и пр. (Сборникъ статей по 2 отд. Ак. н., 1, стр. 62).

заботы Кеппена объ изученіи у насъ литовскаго языка, который даже для Карамзина былъ загадкой, заботы—въ которыхъ свѣтился неутомимый пытливый духъ того-же историческаго старца—Румянцова»[1]). Печатаемыя нами въ «Приложеніяхъ» письма Кеппена къ Ганкѣ, 1825 и 1826 годовъ, ясно свидѣтельствуютъ о горячей заботѣ издателя—въ научныхъ интересахъ русскихъ людей дать мѣсто и возрождавшемуся благородному чешскому народу. Но вмѣстѣ съ этимъ онъ не стыдился учиться у своихъ чешскихъ сотрудниковъ и быть для нихъ готовымъ на всякія услуги: быть посредникомъ, коммиссіонеромъ, экспедиторомъ книгъ.

Смерть искренняго благодѣтеля—Румянцова, тяжелыя искушенія по распространенію научныхъ свѣдѣній о Славянствѣ, повѣшему горячаго славяниста изъ нѣмцевъ къ митрополичьему суду, при склонности Кеппена съ-изъ-стари къ разнообразію занятій, мало по малу обратили издателя «Листовъ», этого завиднаго перваго

---

[1]) Въ 1824 г. изв. прое. Лобойко изъ Вильны пишетъ канцлеру: «и совѣтовалъ студ. Незабитовскому и Станевичу заняться собраніемъ литовскихъ пѣсенъ и новыхъ жмудскихъ стихотвореній, кои-бы можно напечатать съ дословнымъ польскимъ или россійскимъ переводомъ». Въ другомъ письмѣ: «Прошедшимъ лѣтомъ въ Петербургѣ имѣя удовольствіе видѣть печатные листы Финскаго Словаря, издаваемаго безсмертнымъ покровительствомъ в. с—ва, я нынѣ увѣдомился, что I часть уже отпечатана. Г. Шегренъ, когда-то разсматривая вмѣстѣ со мною литовскій словарь Ругига, находилъ довольно много словъ, сходныхъ съ финскими»; почему Лобойко предлагаетъ Румянцову поручить въ Литвѣ составить литовскій словарь—сравнительно съ финскимъ (Чтенія Моск. Общ. 1862, II, стр. 41 прим., 42, прим.). Но для насъ были важны первые вопросы: что такое Литва, откуда языкъ ея? Посильный отвѣтъ на нихъ далъ (не сомнѣваемся, подъ указаніемъ канцлера) позже Кеппенъ въ продолженіи «Библ. Листовъ»—третьемъ № своихъ Матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи (Спб. 1827), въ обширномъ (конечно, несамостоятельномъ) трудѣ: «О происхожденіи, языкѣ и литературѣ литовскихъ народовъ». Основная мысль—литовскій языкъ происходитъ отъ словенскаго, «литовцы одно изъ племенъ словенскихъ, слившееся съ готами». «Желательно было-бы, говоритъ Кеппенъ, хотя примѣрно опредѣлить, сколь велико нынѣ число всѣхъ вообще литовцевъ; но дѣло сіе довольно трудно» (стр. 159). По его счету: въ Лифляндіи 251.000, Курляндіи 332.000, Пруссіи 200.000, Виленской и смежныхъ губерніяхъ 1.200.000, итого, до 2 милліоновъ (стр. 160, счетъ 1819—1820 годовъ).—Упоминаемый прое. Лобойкою студ. Станевичъ, Симеонъ, издалъ въ 1829 г. небольшое собраніе литовскихъ пѣсенъ «Dajnas žemajsziu», т. е. Жмудскія пѣсни, и извѣстенъ, какъ талантливый литовскій поэтъ.

путешественника по невѣдомымъ землямъ славянъ Австріи, счастливаго установителя ранней научной взаимности между нами и ими, отъ интересовъ идеальнаго порядка къ міру реальному, свели къ учено-практической дѣятельности, и соиздатель Фрейзингенскихъ отрывокъ, авторъ замѣчательной Записки о научномъ изученіи Славянства, оставилъ совсѣмъ Петербургъ и сталъ, beatus procul negotiis, работать теперь надъ виномъ, сарачинскимъ пшеномъ на далекомъ югѣ, у насъ, въ Крыму, чтобы затѣмъ остановиться совсѣмъ на статистикѣ и географіи.

Въ августѣ 1826 г. Кеппенъ прекратилъ изданіе, а въ октябрѣ уже писалъ Ганкѣ, что, вѣроятно, оставитъ Петербургъ, но не затѣмъ, чтобы продолжать свое славянское ученіе —въ Карпатахъ, въ Венгріи, какъ мечталъ годъ тому назадъ, а чтобы—«отказаться отчасти отъ науки», признается онъ. «Но, успокаиваетъ онъ Ганку, совсѣмъ отрѣшиться отъ старыхъ друзей—вещь невозможная»[1]). Дѣйствительно, въ ноябрѣ Кеппенъ уже собирается на югъ. «Возможно, пишетъ онъ Ганкѣ 18 ноября, что по дѣламъ министерства внутреннихъ дѣлъ я отправлюсь въ Таврію, расположусь въ Симферополѣ или на самомъ берегу, и оттуда буду разъѣзжать до границъ Персіи, и до предѣловъ Польши и до Харькова. Тамъ, вѣроятно, я буду имѣть больше времени заниматься своею славянскою корреспонденціей и буду въ состояніи предложить больше и, можетъ быть, лучшее»[2]). Свое-же славянское посредничество онъ перенесъ въ «Московскій Телеграфъ» Погодина, начавшій выходить съ 1827 года: сюда онъ взялся поставлять «slavica».

Но этого «лучшаго» напрасно Кеппенъ ожидалъ. Свое лучшее онъ оставилъ за собой позади....

«Богатыя мечты моей юности о пользѣ, которую я могу принесть Россіи, далеко не осуществились, съ грустью вспоминалъ старикъ въ свой пятидесятилѣтній юбилей. Время и

---

[1]) Приложенія, IV, № 13.

[2]) Приложенія, IV, № 15. Почти дословно онъ повторяетъ свои предположенія и въ письмѣ къ Ганкѣ отъ 6 апрѣля 1827, уже предъ оставленіемъ столицы: «въ первыхъ числахъ мая переселяюсь въ Таврію, гдѣ отнынѣ буду имѣть главную свою квартиру, объѣзжая всю южную Россію отъ Персидской границы до предѣловъ царства Польскаго и Турціи Европейской» (тамъ-же, № 17).

обстоятельства низвели меня изъ міра идеальнаго въ міръ вещественный; они показали мнѣ всю разность между надеждами и исполненіемъ».

Но невѣрности предмету первой любви не простилъ Кеппену его второй покровитель и другъ, доживавшій свой долгій вѣкъ старѣйшій дѣятель Румянцовскаго Кружка, и все тотъ-же старый идеалистъ—Евгеній. Когда въ 1834 году посѣтилъ знаменитаго митрополита молодой Мурзакевичъ изъ Одессы, слѣд., незадолго до его смерти, Евгеній горько сѣтовалъ на Кеппена, что тотъ сталъ писать о виноградѣ, вмѣсто того, чтобы продолжать начатые Словенскіе памятники[1]).

Въ послѣдній разъ сильною искрою гаснущаго огня вспыхнулъ славянскій энтузіазмъ испытаннаго друга славянъ, когда, по волѣ высшей власти, Кеппенъ, уже между заботъ о виноградѣ и пшенѣ, открылъ, выражаясь словами ѣдкаго Копитара, вербовку западно-славянскихъ ученыхъ для Россіи—о чемъ мы поговоримъ въ свое время.

Остается посвятить нѣсколько сочувственныхъ словъ бѣлорусскому священнику, о. Іоанну Григоровичу, въ Гомелѣ.

Роль Григоровича въ Кружкѣ—спеціальное изученіе церковныхъ источниковъ для исторіи западной Россіи. Раньше мы говорили о его «Бѣлорусскомъ Архивѣ» Но не спеціалистъ въ славянской филологіи, онъ, по требованію Румянцова, учится ей изъ трудовъ Востокова, и случайно перепадавшія на его долю филологическія работы исполняются столь отчетливо, что не даютъ мѣста для поправки самому учителю.

Канцлеръ предложилъ Григоровичу описать и опредѣлить вѣкъ новоприобрѣтенной харатейной Лѣствицы, и самая мрохотная палеографическая особенность не уходитъ отъ вниманія Григоровича: заботливо ведется сравненіе съ рукописями опредѣленнаго времени, и авторъ, имѣя въ виду «Разсужденіе» Востокова, провѣряетъ, дополняетъ и даже поправляетъ его.

По полученіи этого палеографическаго опыта юнѣйшаго сочлена своего Кружка, Румянцовъ въ восторгѣ. «Всѣ ваши замѣчанія, отвѣчаетъ онъ ему, свидѣтельствуютъ отличное позна-

[1]) «Воспоминанія» Мурзакевича, въ Рус. Старинѣ, 1887, мартъ, 661.

ніе ваше, и о томъ, читая у меня письмо вашего в—бія, А. И. Ермолаевъ и г. Востоковъ судили также»[1]).

Внѣ спора, не всякъ выдержалъ-бы съ такимъ успѣхомъ первое испытаніе. Григоровичъ подтвердилъ лишній разъ, что по плодамъ познается древо—Востоковъ.

. 19 .

1826 годъ унесъ въ могилу Румянцова.

Давно канцлеръ сказалъ о себѣ: «я старъ, мнѣ ничего въ долгій ящикъ откладывать нельзя», торопилъ потому всѣхъ, былъ неугомоненъ, какъ и другъ его, митрополитъ,—и тѣмъ не менѣе ошибся: многое изъ начатаго отошло въ долгій ящикъ. Цѣлая серія работъ, которыя блистательно имѣли увѣнчать величественное зданіе дѣятельности Кружка, начатое «мрачнымъ» Бантышемъ-Каменскимъ, остановилась за смертью старика. Не стало болѣе двигавшей силы, силы объединявшей. Послѣдующій годъ унесъ, пока во временную—еврейскую—могилу и его избранника, Калайдовича. Скромный Востоковъ не славянскую палеографію «сочинялъ», а очутился въ тяжеломъ положеніи, матеріальномъ и нравственномъ. Предпріимчивый Кеппенъ измѣнилъ завѣту юныхъ дней и Славянство промѣнялъ на сарачинское пшено и виноградъ, только на ходу, временами, вспоминая про недавнюю старину.

Но — одинъ остался соратникъ, котораго измѣнившіяся отношенія не коснулись, не дотронулись до его жизненной колеи.

---

[1]) Чтенія Моск. Общ., 1864. II, 71—73 описаніе Лѣствицы, 74—письмо (іюнь 1822 г.). Первый трудъ о. Григоровича вышелъ безъ имени, въ 1821 г.: Опытъ о посадникахъ новгородскихъ. Посылая его Малиновскому, канцлеръ пишетъ (9 іюня 1821 г.): «сіе твореніе есть плодъ моего желанія и писано подъ моимъ руководствомъ; молодой и скромный сочинитель сана духовнаго, воспитывался на моемъ иждивеніи въ Сп. Александро-Невской Дух. Академіи, при первомъ появленіи на сцену словесности нашей не дерзнулъ себя назвать» (Переписка Румянцова, № 198).—Самъ канцлеръ авторъ темы работы о. Григоровича: кажется, рукопись новгородскаго посадника Остромира навела старика на нее. Григоровичъ для Румянцова дѣлалъ извлеченія изъ византійцевъ, переводилъ латинскую, польскую переписку его и пр.

Это былъ—маститый митрополитъ, величественный дубъ, уцѣлѣвшій отъ непогоды, послѣ разнесенья присныхъ.

Законный наслѣдникъ традицій своего знаменитаго друга, Евгеній не переставалъ слѣдить за дѣятельностью оставшихся членовъ угасшаго Кружка, то радуясь, то скорбя, остался по старому вѣренъ старой избранницѣ своего сердца—наукѣ. Науку онъ освѣжилъ въ Кіевѣ, здѣсь какъ-бы воскрешалъ былой Кружокъ (вспомнимъ дѣятельность Иннокентія Борисова—общаго друга славистовъ перваго призыва, Ореста Новицкаго) и здѣсь среди науки тихо отошелъ въ вѣчность, уже много лѣтъ спустя.

Кружокъ былъ рано разнесенъ: но и въ немного лѣтъ своей дѣятельности онъ «ознаменовался» на-всегда, выражаясь языкомъ Румянцова: сторицею возмѣстились старику черные дни клеветы, политическихъ неудачъ, когда онъ отошелъ къ наукѣ, когда, послушные зову его, сошлись вокругъ него, подъ знамя «распространенія общеполезныхъ свѣдѣній» «пользы общей», по изученію былаго родной земли: Бантышъ-Каменскій, Евгеній, Каченовскій, Калайдовичъ, Кеппенъ, Востоковъ.

Скромная, но непрерывная дѣятельность скромнаго кружка людей науки, столь не похожая на шумныя, но безпорядочныя затѣи Академіи Шишкова, въ небольшой, но памятный, періодъ времени, 1811—1826 г., въ начальные, у ч е б н ы е, годы русской науки славяновѣдѣнія, внесла въ общую сокровищницу знанія не одну лепту, не одного канцлера «одолжила» она. Новыми для исторіи открытіями наука обязана единственно Кружку, говоря словами Малиновскаго.

Кружокъ канцлера Румянцова

открылъ изъ многовѣковаго забвенія памятники «едва имовѣрной» литературы славянской, X-го вѣка, труды дѣятелей меѳодіанской эпохи, равно какъ и русскіе памятники древнѣйшаго періода, когда «въ нашихъ рукахъ богатое поле открываться стало»;

далъ на мѣсто библіографіи первые опыты историко-литературной разработки славянскихъ памятниковъ, создавая исторію славянской литературы;

указалъ пріемы и с т о р и ч е с к а г о изученія языка, въ частности старо-славянскаго—«настоящей славянской филологіи»;

далъ образцы палеографическаго описанія и критическаго изданія памятниковъ, полагая основанія славянской палеографіи.

Только съ грустью можно вспомнить, что общему учителю Кружка обстоятельства не дозволили привести къ концу изданіе знаменитаго Изборника, первые шаги къ которому отмѣчены были такою глубиной [1]), что цензурныя соображенія остановили изданіе другихъ памятниковъ-сверстниковъ.

Спеціально же для насъ, Кружокъ, открывая старину Славянства, вскрывалъ немного и Славянство днешняго дня: къ славянской дѣятельности 10-хъ годовъ Каченовскаго въ 20-хъ присоединился Кеппенъ. О политическомъ, національно-историческомъ значеніи дѣятельности Кружка мы здѣсь уже не говоримъ.

Итакъ, повторяя еще разъ раньше сказанное (стр. 69), историкъ русской науки съ справедливою гордостью свидѣтельствуется дѣятельностью памятнаго Кружка; съ отраднымъ чув-

---

[1]) Мы разумѣемъ розыски со стороны Востокова греческихъ источниковъ къ славянскимъ статьямъ Изборника. Объ нихъ см. Переписку Румянцова, №№ 370, 373, 379, 381; Переписку Востокова, №№ 115, 116, 118, особенно 123, все объ Анастасьевыхъ отвѣтахъ. Весьма недостаточенъ судъ о дѣятельности знаменитаго Кружка, его людяхъ, нашего заслуженнаго слависта, О. М. Бодянскаго, въ его поминкахъ по Погодинѣ. «Дѣло славянское, говоритъ Бодянскій, давно уже обращало на себя наше вниманіе: Шишковъ, Востоковъ, Кеппенъ въ первой четверти нашего столѣтія, больше или меньше, говорили о нихъ и за нихъ, особливо два послѣдніе; но одинъ изъ нихъ вскорѣ ограничился изученіемъ основнаго нарѣчія всѣхъ слав. нарѣчій, и успѣлъ въ томъ превосходно, можно сказать, образцово; другой проѣхался даже по нѣкоторымъ краямъ соплеменниковъ, все съ нѣмъ изъ тогдашней ученой братіи ихъ познакомился; но тоже, по возвращеніи во свояси, предался иной дѣятельности, хотя также небезполезной въ извѣстномъ отношеніи для русской науки». И только! Въ этомъ немногомъ и вся заслуга Востокова и Кеппена для славянской науки!.. «Но всѣхъ ихъ, продолжаетъ Бодянскій, превозошелъ въ расположеніи и любви своей къ нашимъ собратьямъ М. П. Погодинъ, который...». (Въ память М. П. Погодина «въ Чтеніяхъ» Моск. Общ., 1877, III, 4). Сравненіе сдѣлано невѣрное, а потому и выводъ невѣрный. Погодина можно сравнивать только съ Шишковымъ, по непосредственному чувству пріязни ко всему славянскому.—Вѣрнѣе, и ясно, опредѣлилъ Погодина Снегиревъ. Сообщая изв. Анастасевичу о новостяхъ въ Москвѣ, онъ пишетъ ему 3 мая 1830 г.: «Недавно съѣхались въ Москву три историческіе путешественника: Строевъ, Венелинъ и Кухарскій. Знаменитый Строевъ, который великодушно самъ себя хвалитъ браня другихъ, ѣдетъ въ Новгород. губернію. А Погодинъ дѣйствуетъ по погодѣ: спрашиваетъ, восклицаетъ, недоумѣваетъ,.. чужими руками жаръ загребаетъ»... (Др. и Нов. Россія, 1880, 18, 552).

ствомъ успокоенія указываетъ онъ на эту полоску свѣта въ темномъ мракѣ ночи, на эту умиляющую солидарность стремленій заслуженнаго канцлера Имперіи, перваго предстоятеля Церкви и скромнаго чиновника библіотеки, дружественно объединенныхъ однимъ чувствомъ — благоговѣйною любовью къ наукѣ, одною заботою—объ умственномъ благѣ Русской Земли...

Но, при всѣхъ заслугахъ для науки дѣятелей Румянцовскаго Кружка, въ дѣятельности ихъ, въ ихъ работахъ, былъ и недочетъ, откровенно признававшійся, прежде всего, ими самими.

Интересы Кружка вращались около вопросовъ **своей** земли, рѣдко-рѣдко выходя за рубежъ (Востоковъ); труды ихъ были предоставляемы почти исключительно **своимъ** источникамъ, **своимъ** пособіямъ. Правда, въ сферѣ своей спеціальности дѣятели Кружка были «изящными мастерами»; но эта матеріальная ограниченность работъ, ограниченность «славянизма», какъ говорили тогда, тяготила ихъ. Мы слышали почти отчаяніе Евгенія при чтеніи славянскихъ трудовъ польскихъ современныхъ писателей, разсматривавшихъ вопросы съ широкой, общеславянской, точки зрѣнія. А мы—были бѣдны знакомствомъ съ славянскимъ міромъ, и въ его настоящемъ состояніи — знакомствомъ **этнографическимъ**, и въ его прошломъ — **историческимъ**, бѣдны и наукой Запада.

«Ради Бога, откровенно признается какъ-то Кеппенъ Ганкѣ, не приписывайте намъ знаній, которыхъ мы не имѣемъ. Самые извѣстные для **васъ** предметы, безъ объясненій, для **насъ** могутъ оставаться загадками»... Кеппенъ очень признателенъ Ганкѣ за простой переводъ заглавій чешскихъ книгъ: они для него «не совсѣмъ понятны»[1]).

Тотъ-же недочетъ очевиденъ и въ историко-теоретическомъ знаніи.

Добровскій уже въ началѣ нашего столѣтія училъ о серьезномъ для славянской филологіи значеніи литовскаго языка; а для насъ Литва и въ 20-хъ годахъ была какою-то дебрью. Копитаръ уже румынскій языкъ вовлекалъ въ грамматику старо-славянскаго языка, толковалъ даже объ албанскомъ языкѣ, не

[1]) Приложенія, IV, № 10.

говоря уже объ области нѣмецкаго языка; и для насъ — всѣ эти области вѣдѣнія лежали слишкомъ далеко, и если раздался серьезный голосъ о своевременности изученія славянскаго языка въ связи съ родственными, то онъ вышелъ, долженъ былъ выйти, не изъ Кружка, слабаго теоретическимъ знаніемъ, а отъ человѣка западнаго [1]). Мы слышали насмѣшку даже Евгенія надъ «испанскими замками»—Сравнительнымъ языкознаніемъ.

Стоитъ пробѣжать «Вѣнскія Лѣтописи литературы», этотъ замѣчательный органъ западныхъ славистовъ, чтобы видѣть, чѣмъ именно превосходили они насъ. Вспомнимъ и Письма Добровскаго.

Десятки лѣтъ Добровскій дебатируетъ съ своимъ талантливымъ ученикомъ въ Вѣнѣ о національности языка нашей славянской церкви; въ прѣнія вводится самая тонкая аргументація — соображенія лингвистическія, историческія; не забыто и слово рѣсьнота; побѣда, только подъ конецъ, видимо склонялась на сторону мнѣнія представителя младшаго поколѣнія западной науки, такъ что Добровскій чувствовалъ себя не ловко: а для насъ этотъ великій языкъ былъ только церковно-славянскимъ; на мѣсто-же вопроса о его національности слышались теоріи Шишкова о слогѣ, звучавшія еще долго послѣ Кружка. Качеповскій могъ только распространять идеи Добровскаго, быть эхомъ, но неполнымъ, идей Запада, при всей своей совѣстливости. Крѣпкіе своей методическою подготовкою, западные слависты, далѣе, подымаютъ вопросы о докирилловской письменности, о реституціи кирилловскаго текста славянской библіи, объ отношеніи обѣихъ славянскихъ азбукъ, о составленіи церковно-славянскаго словаря изъ его памятниковъ, мечтаютъ уже объ Аѳонѣ— вопросы, которые двинуты были у насъ только поколѣніемъ послѣдующихъ славистовъ. Одинъ только Востоковъ по нѣкоторымъ вопросамъ (историческое изученіе памятниковъ, пріемы для словаря) стоялъ на уровнѣ съ наукой западныхъ славистовъ, кое въ чемъ и превосходилъ. На почвѣ-то науки Запада и выросло высокомѣріе Копитара, его учительскій всегда тонъ; но все это для него было

---

[1]) Въ 1826 году вышло въ Петербургѣ разсужденіе академика Грефе, классика: «Commentatio qua lingua Graeca et Latina cum Slavicis dialectis re grammatica comparatur».

тѣмъ болѣе не у мѣста, что тоже русское положеніе было и у западныхъ славистовъ, только въ обратномъ отношеніи— при каждомъ приближеніи ихъ къ области вопросовъ русскаго славизма, и при этомъ съ тою особенностью, не въ ихъ пользу, что если Востоковъ могъ оказаться «изящнымъ мастеромъ» и въ сферѣ хорутанскаго языка, то никогда въ его положеніи не могъ бы найтись Копитаръ, войдя въ область русскаго языка, даже самого языка св. Кирилла, языка родной ему епархіи Меѳодія, какъ показало его позднѣйшее изданіе: «Glagolita Clozianus».

Эта недостаточность знанія Славянства, вмѣстѣ съ общей наукой Запада, была простымъ слѣдствіемъ недостаточности средствъ для пріобрѣтенія знанія, трудности самаго пріобрѣтенія; невольная спеціализація или замкнутость области задачъ Кружка, національзація его дѣятельности, была необходимымъ результатомъ замкнутости жизни, историческихъ условій той эпохи. Условія эти побороть — до извѣстной степени — предстояло новому поколѣнію, послѣ 1825 года, когда славянскія темы, научныя и политическія, стали у насъ довольно популярными и нашли для себя даже въ обществѣ горячихъ адептовъ, съ одной стороны, въ журналистѣ Полевомъ, съ другой, въ наростающихъ, еще очень юныхъ, славянофилахъ, когда само высшее правительство рѣшило было пойти на смѣлый шагъ — чтобы только вывести насъ изъ узкихъ границъ традиціоннаго «славянизма», какъ увидимъ ниже. Кружокъ-же дѣлалъ, что̀ дѣлалъ: довлѣла бо дневи злоба его.

ГЛАВА III.

Національзація жизни.

.1.

Замкнутость жизни, отношеній, слабость общенія, какъ народовъ между собою, такъ и отдѣльныхъ лицъ, были общимъ явленіемъ того времени. Правда, эпоха караванов отошла въ исторію, и караванъ смѣнился болѣе совершенными средствами общенія людей: но человѣкъ еще не всегда былъ воленъ высвободиться изъ-подъ нормирующей его духовные интересы власти «прихода».

Если переѣздъ въ недалекій городъ составлялъ вопросъ, предметъ тревогъ и опасеній (наши старики любятъ объ этомъ съ сластью вспоминать); то переѣздъ за рубежъ, слѣдовательно, каждый разъ per immensa spatia — уже цѣлое грандіозное событіе жизни, перепадавшее на долю немногимъ избранникамъ судьбы.

Добровскій изъ Праги издаетъ въ Вѣнѣ излюбленную работу своего сердца, свои любезныя «Институціи»: въ его Прагѣ нѣтъ необходимаго шрифта. Но его другу Копитару пришлось отправить много и много соблазнительныхъ приглашеній, прежде чѣмъ тотъ заглянулъ въ Вѣну. Но во второй разъ и пріѣздъ Кеппена въ Вѣну, съ массою русскихъ книгъ, славянскихъ палеографическихъ снимковъ, и увлекательная картина общеславянскихъ вечернихъ лекцій, съ Кеппеномъ, Вукомъ, Михановичемъ, т. е., въ обществѣ представителей почти всѣхъ

колѣнъ славянскихъ, уже безсильны были двинуть старика, какъ ни страстно стремился самъ онъ туда. Гласъ Копитара тщетно вопіялъ. «Отъ г. Примиссера я узнаю, что въ Прагѣ очень озабочены Добровскимъ; а мы ждемъ его сюда въ Вѣну, куда онъ, какъ писалъ Копитару, желалъ-бы прибыть и пѣшкомъ. Дай Богъ, чтобы не приключилось чего-нибудь непріятнаго ему на пути»! Этими тревожными строками, по поводу ожидавшагося такъ долго переѣзда Добровскаго изъ Праги въ Вѣну, открывается «славянская» переписка Кеппена съ Ганкою, въ письмѣ отъ 29 августа 1823 г.[1]). Тревожный переѣздъ не состоялся.

Съ какимъ восторгомъ вспоминалъ всегда Добровскій свое путешествіе въ Россію когда-то, въ концѣ царствованія имп. Екатерины!.. Всегда съ гордостью памятовалъ онъ о своихъ бесѣдахъ относительно рукописей славянскихъ съ самимъ митрополитомъ Платономъ въ Лаврѣ, Виѳаніи. «Мирно покоится въ Виѳаніи достойный мужъ, котораго я лично посѣтилъ въ Лаврѣ, и котораго дружественный пріемъ и сегодня я припоминаю съ удовольствіемъ». Благоговѣйными словами этими, посвященными памяти нашего Платона, Добровскій заключалъ свою рецензію «Словаря» Евгенія, самъ уже собираясь туда. Съ тѣмъ же чувствомъ говоритъ онъ о своихъ занятіяхъ въ Москвѣ, въ Синодальной библіотекѣ, о своихъ прогулкахъ по рынкамъ Москвы, гдѣ онъ приторговывалъ старыя книги. Съ какимъ импонированіемъ вскрывалъ онъ предъ изумленнымъ Копитаромъ странички изъ своей подорожной книжки, выписки изъ никому неизвѣстнаго тогда Крижаничя!... Все это понятно; все это было въ порядкѣ вещей...

Добровскій былъ въ самой Москвѣ, но—только благодаря случаю, благодаря своимъ близкимъ отношеніямъ къ семьѣ гр. Ностицовъ.

Но и собесѣдникъ Добровскаго, Копитаръ, дождался, наконецъ, случая, чтобы импонировать—поучать: въ 1814 году онъ побывалъ въ Парижѣ, изучилъ тамъ Abecenarium bulgaricum (XII в.) и воротившись сейчасъ же принялъ высокій тонъ. Онъ самъ теперь иной—въ Парижѣ былъ.

---

[1]) Приложенія, IV, № 1.

Трудны и рѣдки бывали переѣзды; не легко было слѣдить и за наукой, литературой. Естественно, не легокъ былъ и самый обмѣнъ мыслей.

Добровскій съ трудомъ достаетъ книгу, что̀ вышла въ своемъ же приходѣ, въ своей Австріи, гдѣ-нибудь въ Венгріи, Краинѣ, Далмаціи, и если получаетъ, то благодаря, или коммиссіонерскимъ хлопотамъ друга Копитара въ Вѣнѣ, или экспедиціонной любезности какого-нибудь чешскаго «кавалера», странствующаго патріота-музыканта и пр. Опять случай.

Хотя Копитаръ и любилъ толковать, что Вѣна — славянскія Аѳины, гдѣ будетъ и Славянская Академія, и центръ изученія языка св. Кирилла; но самъ же признается, что архимандритъ Мушицкій въ Карловцахъ, въ южной Венгріи, его сербскій корреспондентъ, тщетно въ теченіе 5 лѣтъ домогался получить изъ Вѣны польскую грамматику. Только благодаря посредничеству знаменитаго Гумбольдта, прусскаго посла на Вѣнскомъ конгрессѣ, Копитаръ могъ получить изъ недалекаго Мюнхена манускриптъ родныхъ ему Фрейзингенскихъ отрывковъ, чтобы ихъ, по крайней мѣрѣ, «oculis usurpare», радуется онъ — въ сласть наглядѣться[1]).

Также тяжко собирались и другія данныя, и, всегда недостаточныя. Извѣстно, что въ знаменитой Славянской этнографіи Шафарика, уже 1842 года, болгаръ показано всего 600 тысячъ!...

Если австрійцу трудно было достать австрійскую книгу, то понятно, что книга изъ Россіи была сокровищемъ, въ буквальномъ смыслѣ слова. Какъ драгоцѣнность, Добровскій бережетъ свои славянскіе буквари, вывезенные имъ когда-то изъ Москвы: «я, пишетъ онъ Копитару, не даю охотно ничего изъ пріобрѣтенныхъ мною въ Россіи книгъ славянскихъ, потому что онѣ мнѣ напоминаютъ Россію; я скупилъ всѣ буквари; но уже многихъ изъ нихъ нѣтъ». Русская книга—предметъ вожделѣній для Добровскаго. Горько сѣтуетъ онъ на провинціальную наивность Харьковскаго университета въ 1812 году: «меня, пишетъ онъ Копитару, сдѣлали членомъ университета и заказали за то у меня чешскіе гранаты для харьковскихъ красавицъ. Они лучше бы прислали мнѣ русскія книги, чѣмъ отягчать подоб-

[1]) Ср. Письма Добровскаго, № 53, 57, 49 и др.

ными порученіями»[1]). Когда, благодаря проповѣди великаго аббата, молодые энтузіасты-патріоты, т. е. его ученики: клерики, литераторы, студенты, съ увлеченіемъ занялись русскимъ языкомъ, съ убѣжденіемъ исповѣдуя въ немъ свое политическое спасеніе, одинъ Добровскій, съ запасомъ вывезенныхъ изъ Россіи букварей, могъ быть. ихъ русскимъ коммиссіонеромъ. Во главѣ этихъ политическихъ подростковъ-«русомановъ» (какъ именовали ихъ тогда противники) стоялъ уже пожилой Юнгманъ: но русскій букварь, и то писанный, онъ могъ достать только отъ полковаго священника квартировавшаго въ его городкѣ, въ 1813 году, пензенскаго ополченія. Тотъ же священникъ уходя оставилъ ему для упражненія въ русскомъ языкѣ и «драгоцѣнный», по признанію Юнгманна листокъ писаннаго русскаго текста—довольно банальную военную пѣсеньку:

«Безъ любви и безъ вина
Наша жизнь скучна»...

Но и при этихъ микроскопическихъ средствахъ старый ученикъ успѣлъ въ русской грамотѣ на-столько, что съ того же года, въ перепискѣ съ друзьями-единомышленниками, употреблялъ наше русское письмо, какъ криптографію, для спасенія своихъ мыслей отъ чернаго кабинета, когда ему, напримѣръ, приходилось выражать свою радость, что «наши русскіе храбро сражались», не по образцу австрійскому[2]).

Въ своей преданности русскому языку, Россіи, бѣдные ученики Добровскаго послѣдній свой нищенскій грошъ кладутъ на русскую книгу, платятъ въ три дорога какому-нибудь нѣмецкому посреднику изъ Лейпцига, особенно за словарь, чтобы только выбиться изъ удушающей атмосферы своего прихода, выйти на свѣжій воздухъ. Они образовывали артели для выписки; книги циркулировали по пайщикамъ и возвращались нерѣдко въ лохмотьяхъ, къ ихъ ужасу. Если-же русская книга выдавалась изъ города, то самый надежный путь для того—еврей-факторъ. «Я обѣщаю, пишетъ Челаковскій другу Камариту, на будущее время посылать и русскія и польскія книги—чужія: у насъ съ тобой теперь болѣе удобный путь для пересылки — еврей. Но смотри, чтобы никогда ничего не затерялось»[3]). Такъ было въ

[1]) Тамъ-же, №№ 25, 41.
[2]) «Письма Юнгманна къ Марку» въ «Časopisu Musea», 1882, p. 39 и др.
[3]) Čelakovský, Sebrané listy, p. 174.

10-хъ годахъ, такъ было и позже — въ 30-хъ. Купецъ-ли съ чешскими гранатами ѣдетъ въ Петербургъ; родственникъ-ли, чешскій «кавалеръ» изъ феодаловъ, непремѣнное порученіе — русская книга, полученію которой предшествуетъ цѣлый періодъ душевныхъ тревогъ, сомнѣній — не позабудутъ-ли; опасеній — пройдетъ-ли благополучно чрезъ immensa spatia разныхъ государствъ, чрезъ подозрительную почту, чрезъ черный кабинетъ —до своего «прихода»?...

Любопытно въ этомъ отношеніи признаніе на старости лѣтъ ученика русскаго полноваго священника.

Одинъ юркій петербургскій книгопродавецъ прислалъ въ 1838 году въ Прагу цѣлый транспортъ русскихъ книгъ, и цѣнныхъ, и ничего не стоящихъ, но по дорогой цѣнѣ (онъ предупредилъ Погодина, который тогда же прислалъ московскій транспортъ). Не смотря на высокія цѣны, книги не только были раскуплены, но старикъ Юнгманнъ, главный покупщикъ, въ восторгѣ и, полный сердечной горечи, припоминаетъ тутъ старыя времена, обездоленные годы своей юности. Тяжелый вопль вырывается изъ-подъ его пера въ письмѣ къ такъже состарѣвшемуся Марку: «о, какъ я сожалѣю, что я уже старъ для настоящаго времени, когда инославянскія книги и среди насъ, чеховъ, начинаютъ чувствовать себя, какъ дома. Отъ чего же этого не было сорокъ лѣтъ назадъ?.. Но, какъ бы то ни было, радъ и тому, что, по крайней мѣрѣ, другіе могутъ воспользоваться плодомъ, котораго я такъ давно и тщетно домогался»[1]).

Вполнѣ понятно, какъ всѣ эти безкорыстные друзья нашего языка: Юнгманнъ, Марекъ, Ганка, были рады, когда въ 1820 году извѣстный Вукъ Караджичъ, по благополучномъ возвращеніи изъ Россіи, открылъ въ Вѣнѣ распродажу по дешевымъ цѣнамъ навезенныхъ русскихъ книгъ, собираясь къ себѣ въ Сербію[2]).

---

[1]) Отъ 4 марта 1838 г. «Časopis Musea», 1884, p. 288. Ср. о полученіи русскихъ книгъ, тамъ-же, p. 60, 61, 67, 69, 273, 287. — Но нынѣшніе эпигоны Добровскаго-Юнгманна не печатаютъ въ своемъ ученомъ журналѣ правильно простаго русскаго слова — тамъ-же, 1883, p. 496. — 13 іюля 1832 г. Погодинъ писалъ Шевыреву, проси быть въ Прагѣ, познакомиться съ Ганкою, Челаковскимъ: «я послалъ къ нимъ много книгъ чрезъ одного Шауфуса» (Рус. Арх., 1882, 3, 198). «Я наберу ему возъ русскихъ книгъ въ Прагу», хвалился онъ 10 іюля (т.-же, 152).

[2]) «Časopis-Musea», 1882, p. 467.

Пріѣздъ въ 1822 г. Кеппена въ Вѣну былъ цѣлымъ событіемъ. Какъ голодный, Копитаръ пожиралъ привезенные снимки, русскія книги: «legi, vidi plerqaae», пишетъ съ торжествомъ онъ въ Прагу и зоветъ дряхлаго аббата—спѣшить вкусить отъ той-же злачной трапезы.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ жалуется позже Добровскій, что, со смертью Румянцова и оставленіемъ Кеппеномъ Петербурга, нѣтъ никакой надежды получать порядочныя русскія книги[1]). Почтовая же услуга была привиллегіей немногихъ, а для многихъ—карою египетскою. Въ 1824 году русское посольство переслало Добровскому небольшую французскую брошюрку по почтѣ, и «я, жалуется Добровскій, долженъ былъ уплатить за нее 8 металлич. гульденовъ»[2])... Бѣдному Добровскому, жившему отъ крохотной пенсіи и литературнаго труда пришлось золотою пошлиною оплатить каждую унцію петербургской брошюрки. «Мы, жалуется Добровскій Линде въ Варшаву, по несчастію находимся въ такомъ слабомъ общеніи, что посылка книгъ имѣетъ дѣйствительно свои трудности»[3]).

Неудобны были сношенія на Западѣ; тѣмъ примптивнѣе были пути общенія съ нами и у насъ! Это мы отчасти видѣли только-что выше.

Если, въ началѣ 30-хъ годовъ, Уваровъ, тогда товарищъ министра народнаго просвѣщенія, остановился на проэктѣ созданія «умственныхъ плотинъ» (выражаясь его терминологіей), для огражденія насъ отъ дыханія Запада[4]): то онъ могъ задать себѣ эту задачу лишь какъ человѣкъ, привыкшій считаться съ условіями иной, западной жизни. У насъ-же сама природа давно уже рѣшила ту задачу, давно озаботилась образовать плотины противъ общенія.

«Да, пишетъ Кеппену Добровскій, быть въ письменныхъ сношеніяхъ съ Россіей — имѣетъ свои трудности». Но старикъ не предчувствовалъ, что именно это письмо его достигнетъ назначенія черезъ годъ и четыре мѣсяца. Къ потерѣ времени надо присоединить дороговизну почтовой услуги. Кеппенъ, пере-

---

[1]) Письма Добровскаго, стр. 610.

[2]) Тамъ-же, стр. 672.

[3]) Письма Добровскаго, стр. 644.

[4]) Сборникъ постановленій по мин. н. просв., т. II, № 6—докладъ объ осмотрѣ Московскаго университета.

писываясь съ Ганкой, пользуется иногда миніатюрнымъ форматомъ бумаги, листъ въ 16 долю, чтобы только поменьше платить. «Чтобы съэкономичить на пересылкѣ, пишетъ Кеппенъ Ганкѣ въ 1825 году, пожалуйста, отрѣжьте кусочекъ, заключающій въ себѣ fac-simile, и такъ назадъ пришлите» [1]). Тѣ же соображенія. Понятно, особенно тяжело было—заставлять платить адрессата, а почта — прибѣжище въ исключительныхъ случаяхъ. «Однако скажите мнѣ, умоляетъ Кеппенъ Ганку, сколько вамъ пришлось уплатить за это письмо, чтобы знать мнѣ, могу ли я на будущее время, на случай крайности, пользоваться тѣмъ-же пріемомъ». Слѣдующее письмо, и — таже просьба: «опять прошу васъ увѣдомить меня, что̀ стоитъ пересылка сего письма; за издержки ваши въ семъ случаѣ дозвольте мнѣ прислужиться какою либо русскою книгою» [2]). А мы видѣли, предлагаемый обмѣнъ — русская книга — стоилъ много. Главное средство общенія съ нами — оказія да посольство въ Вѣнѣ — курьеръ. Курьеръ — общее прибѣжище. Онъ такъ часто фигурируетъ въ издаваемой нами (Приложеніе IV) перепискѣ Кеппена съ Ганкой, что объ этомъ «прибѣжищѣ» излишне говорить. Не только обыкновенные смертные, но и самъ канцлеръ прибѣгалъ къ тому-же спасительному курьеру. Получивъ извѣстіе, что его Левъ Діаконъ въ Парижѣ уже готовъ, въ мартѣ 1818 Румянцевъ писалъ Евгенію: «Газе увѣдомляетъ меня, что постарается мнѣ доставить чрезъ курьеровъ экземпляра три, а остальные весною. Кой часъ они дойдутъ, поспѣшу одинъ экземпляръ вамъ доставить» [3]).

Въ 1828 Добровскій сообщаетъ Копитару, что онъ писалъ митрополиту Евгенію въ Кіевъ чрезъ одну даму, которая ѣхала туда къ роднымъ. Но оказія нечаста и ненадежна, а посольство не всегда хочетъ. «Что-же, спрашиваетъ Копитаръ Кеппена—посылать къ вамъ—по адрессу въ Китай?.. Посольство ничего не принимаетъ, путешественники рѣдки... На курьера расчитывать нельзя, и мысль, что вы за мое маранье должны платить нечеловѣчески дорого—для меня сущая мука» [4]).

---

[1]) Приложенія, IV, № 8.
[2]) Приложенія, IV, №№ 13, 14.
[3]) Переписка Евгенія, стр. 10.
[4]) Письма Добровскаго, № 236, стр. 684, 694.

Если простое письмо оплачивалось дорого, то не трудно представить себѣ, во что обходилась выписка книгъ, да еще изъ Австріи. Она была по силамъ одного канцлера, и мы дѣйствительно находимъ его въ роли славянскаго экспедитора. Такъ мы видѣли, что митрополитъ Евгеній могъ слѣдить за движеніемъ даже польской ученой литературы только благодаря любезному посредничеству канцлера. Чрезъ него же онъ получалъ новинки и изъ другихъ славянскихъ литературъ — чешской, сербской.

Характерна одна изъ такихъ славянскихъ выписокъ Румянцова, въ 1822 году.

Старикъ, заинтересованный Востоковымъ, рѣшилъ войти съ нимъ въ ближайшія сношенія. Но какъ начать? И рѣшилъ— открыть сношенія ученымъ сюрпризомъ — выпиской славянскихъ книгъ изъ Австріи, съ предоставленіемъ ихъ въ ученое пользованіе Востокова.

«Свѣдавъ, что вы, пишетъ Румянцовъ Востокову, занимаетесь сочиненіемъ древнеславянской грамматики, я потребовалъ изъ Вѣны все, что тамъ напечатано было на пользу разныхъ колѣнъ славянскаго племени дома австрійскаго». Извиняясь, что получилъ бо́льшею частью тетрадки, а не книги, канцлеръ дозволяетъ держать эти славянскія новинки годъ и даже болѣе, но подъ росписку. «Укажите мнѣ еще иной способъ споспѣшествовать трудамъ вашимъ, заключаетъ Румянцовъ; вы во мнѣ найдете большую готовность», т. е. сдѣлать и новый заказъ «тетрадокъ» [1]).

Въ полученныхъ «тетрадкахъ» была невеликая жатва для Востокова: онъ взялъ всего 12 № изъ 89 выписанныхъ изданій (первыя сербскія пѣсни Вука, грамматики и словари хорутанскаго языка); но какой радости и благодарности исполненъ былъ отвѣтъ его Румянцову за оказанное «споспѣшествованіе»!

Однокрейцеровую славянскую «тетрадь» изъ Австріи въ Россіи могъ получить Румянцовъ, государственный канцлеръ....

Посылка книгъ отъ насъ идетъ «божьимъ путемъ», т. е., водою. Не одна русская книга изъ посылокъ въ Прагу пошла на дно Балтійскаго моря, не исключая даже Академическаго

---

[1]) Переписка Востокова, № 6.

Словаря Шишкова[1]). Но гдѣ «божьи пути» отказывали намъ въ службѣ, тамъ была просто бѣда. Для иллюстраціи послѣдняго любопытенъ одинъ почтовый эпизодъ, изъ жизни Румянцова, но изъ того періода его дѣятельности, когда онъ еще былъ въ главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Дѣло касалось непосредственно министерства иностранныхъ дѣлъ; имъ затронуты были серьезные интересы высшаго правительства, и тѣмъ не менѣе почтовая практика была безсильна дать этому дѣлу надлежащее направленіе — за «плотинами» дѣйствительности.

1813 годъ, когда Букарештскимъ трактатомъ мы только-что нѣсколько легализовали положеніе возставшихъ сербовъ. Естественно было озаботиться намъ объ упорядоченьи церковной жизни въ Сербіи и прежде всего о снабженіи ея необходимыми церковными книгами. Дѣйствительно, въ этихъ цѣляхъ лѣтомъ 1813 года канцлеръ предписалъ старому Бантышу-Каменскому приготовить московскій почтамтъ къ отправкѣ въ Букарештъ тюковъ съ церковными книгами. Управляющій почтамтомъ обѣщалъ было исполнить требованіе. Но когда Бантышъ-Каменскій отправилъ для пріема первый тюкъ (въ три пуда), то тотъ отказалъ. «Прискорбна мнѣ была его отговорка, горько жалуется обиженный старикъ канцлеру, 11 сентября, тѣмъ болѣе, что онъ обѣщаніе свое нарушилъ и меня предъ вашимъ сіятельствомъ въ лжецахъ поставилъ». Но и управляющій почтамтомъ былъ правъ: тяжелою посылкою обременять почту нельзя было, такъ какъ на колесахъ почта шла только до Дубосаръ, а тамъ, за Днѣстромъ, въ Бессарабіи, верховая.

Тогда, изъ различныхъ предложенныхъ канцлеру отъ Бантыша-Каменскаго комбинацій — какъ все-таки отправить въ Букарештъ церковныя книги для Сербіи: гужомъ ли, «какъ дѣлаютъ греки съ своими товарами, посылая оныя за границу», или указомъ обязать московскій почтамтъ принять книжную оффиціальную посылку, канцлеръ остановился на первомъ средствѣ, и не смотря на осеннее время, грязь, книги были отправлены греческимъ путемъ — на вольнонаемныхъ двухъ подводахъ, что̀ стоило болѣе 500 рублей (до Могилева на Днѣстрѣ

[1]) Приложенія, IV, № 20. Ср. тамъ-же № 15; путь книжный изъ Праги въ Крымъ лежалъ чрезъ Тріестъ—Одессу.

360 руб.). Только въ апрѣлѣ слѣдующаго года было полученo извѣстіе о прибытіи книгъ въ Яссы и отправкѣ ихъ далѣе въ Букарештъ[1]).

Съ другой стороны, для славянъ ближайшаго Юга, для образованнѣйшихъ изъ нихъ, Россія представлялась какою-то Америкой временъ Колумба. Наивное и рельефное признаніе вырвалось изъ груди посла возставшаго Кара-Георгія въ 1804 году, когда онъ, простившись съ родною землей, очутился на волнахъ Дуная, по пути въ Россію: «нѣкогда, воскликнулъ посолъ, протопопъ Ненадовичь, собирался Колумбъ на синее море со своею дружиною, чтобы найти Америку и познакомить съ ней Европу; а теперь пускаемся мы внизъ по тихому Дунаю, чтобы найти Россію, о которой мы ничего не знаемъ, даже гдѣ она лежитъ — только въ пѣсни народной слышали, что она существуетъ, и чтобы Сербію познакомить съ Россіей»[2]). Почти вѣчный карантинъ вдоль Днѣстра окончательно раздѣлялъ Югъ отъ насъ.

Въ виду тяжелыхъ для умственнаго труда условій жизни понятно появленіе оригинальнаго проэкта исторической княгини, Зинаиды Волконской.

Въ 1827 г. эта образованная женщина была избрана въ члены Москов. историческаго Общества. Признательная за избраніе, она тотчасъ же отослала въ Общество свой проэктъ поднятія науки въ Россіи. «Я увидѣла, писала она о научной дѣятельности на Западѣ, что главная причина неимовѣрныхъ успѣховъ, сопровождающихъ въ нашемъ вѣкѣ всѣ занятія по части исторіи и по всѣмъ отраслямъ наукъ, относящихся до бытія народовъ, заключается въ тѣсной связи, которая существуетъ между занимающимися, и которая, соединяя отдаленнѣйшіе труды, въ одно время всѣ части свѣта дѣлаетъ достояніемъ ученаго». Для достиженія подобнаго же единенія умственныхъ силъ и въ Россіи, княгиня предлагала учредить уче-

[1]) Приложенія, I, №№ 23, 28: II, № 7.

[2]) Мемоари проте М. Ненадовића, Београд, 1867, стр. 104. О трудности общенія съ нами для нашей православной братіи Юга см. и автобіографію извѣстнаго сербскаго мецената, Саввы Текелія, племянника екатерининскаго генерала, въ журналѣ Новосадской Матицы: «Српски Летопис», свеска 119.

ное посредничество подъ именемъ «Патріотической Бесѣды». Главная цѣль новаго учрежденія — «доставлять пособія къ сочиненію и напечатанію достойныхъ уваженія твореній касательно русской исторіи, археологіи древней, географіи, филологіи славянскихъ и другихъ племенъ, подвластныхъ Россіи», — и все обязательно на французскомъ языкѣ [1]).

Такимъ образомъ, одна и другая сторона, мы, русскіе, и они, слависты Запада, въ своихъ славянскихъ работахъ были отказаны самимъ себѣ. Съ трудомъ и въ кои-годы перекидывались обѣ стороны между собою словомъ или обсылались книжкой: межь нами и ими залегали искони «плотины» — трудность общенія.

Слѣдствія этой изолированности, невольной національзаціи жизни, у насъ, въ нашей наукѣ, были указаны выше; въ нашемъ-же быту эта національзація жизни приводила къ идолослуженію предъ всѣмъ иностраннымъ, къ «чужебѣсію» Московіи Крижанича и Грибоѣдова. Но она не могла не чувствоваться и у нихъ. Оснзательный примѣръ — «Институціи» Добровскаго.

Сильный критическимъ анализомъ, разносторонне подготовленный, но силою вещей предоставленный исключительно самому себѣ, своимъ источникамъ, и то собираемымъ съ огромнымъ трудомъ [2]), Добровскій, положивъ массу лѣтъ на свои «Институціи», далъ грамматику несуществовавшаго языка — крѣпкую своею стройною системою, наблюденіями надъ организмомъ вообще славянскаго языка, но съ недостаточными данными и фальшивыми выводами. Но что бы далъ тотъ-же Добровскій, если-бы центромъ его дѣятельности была не Прага, а Москва, если-бы онъ былъ въ положеніи, напримѣръ, Калайдо-

---

[1]) И. М. Снегиревъ и его Дневникъ, изд. Ивановскаго, 132, 137. Снегиревъ въ то время былъ секретаремъ Моск. Общества и въ бумагахъ его нашелся проэктъ.

[2]) Свѣдѣнія, напр., о церковно-славянскихъ рѣдкихъ книгахъ въ библіотекѣ русскаго мукачовскаго епископа (Ужгородѣ), въ сѣверной, русской Венгріи, Добровскій могъ имѣть, благодаря особенно теплому сотрудничеству своего друга, словацкаго пастора Рыбая, замѣчательнаго патріота и слависта своего времени (конецъ прошлаго столѣтія). Ср. наше описаніе славянскихъ рукописей Національнаго Музея въ Пештѣ (до 1875 г.) въ статьѣ: «Славянскія рукописи Пештскаго Музея», въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» за 1881 г., т. V, стр. 205—206.

вича, или жилъ бы и дѣйствовалъ при иныхъ, широкихъ условіяхъ жизни?...

И горечи положенія автора «Институцій» никто такъ больно не сознавалъ, какъ самъ Добровскій, когда, сопоставивъ изобрѣтенный имъ славянскій языкъ и дѣйствительный славянскій языкъ Востокова, произнесъ: «рукописей, рукописей желаю я; ихъ видѣть, изслѣдовать и употребить въ дѣло». Но кто бы ему далъ?.... Тщетное взываніе!... Намъ понятно теперь, что, когда не достаточно свѣдущіе, но ретивые, чтители таланта Добровскаго въ Россіи буквальнымъ переводомъ его «Институцій» возмнили оказать автору вниманіе, а Россіи— услугу, старикъ не радоваться могъ, а ужаснулся: «кабы могъ я хоть побесѣдовать съ русскимъ издателемъ или передать ему свой экземпляръ, съ замѣчаніями», говорилъ съ отчаяніемъ Добровскій...

Обоюдная изолированность, закрѣпленіе къ интересамъ своего прихода, недостаточность отсюда славянскихъ студій, знанія, здѣсь и тамъ, но въ обратномъ отношеніи—естественное явленіе эпохи. Славянство для самихъ славянъ «v perřijemném prachu skutečnosti» было едва-едва не Америкою дней Колумба.

. 2 .

Между тѣмъ какъ славяне Запада съ трудомъ выкарабкивались изъ-подъ давившаго ихъ политическаго и духовнаго гнета апостолической Австріи, съ ея папизмомъ и феодализмомъ, Австріи, которая благородное сердце аббата Добровскаго наполняла всегда однимъ негодованіемъ (и это чувство онъ передалъ своей школѣ: Юнгманну, священнику Марку, Ганкѣ), одного только мірянина Копитара приводя въ умиленіе и, вѣримъ, искреннее, своимъ якобы славянскимъ характеромъ, и хватались за героическія средства, матеріально бѣдные, разобщенные, — мы, при иныхъ матеріальныхъ и политическихъ условіяхъ, рано уже пытали счастья—разными путями помочь себѣ въ трудномъ знакомствѣ съ Славянствомъ: нарочитыми путешествіями, личными связями, миссіями.... Рано уже улыбнулась намъ даже мысль — не купить-ли, не выписать-ли намъ не дающагося славянскаго знанія и такимъ путемъ обойти «плотины»?... Исканіе «славянизма» было давно: но особенно ярко оно сказалось въ эпоху Румянцовскаго Кружка.

Уже при изданіи «Сравнительнаго Словаря» импер. Екатерины былъ сдѣланъ вызовъ ко всѣмъ славянскимъ ученымъ— участвовать своими приношеніями. Хорутанецъ Кумердей послалъ въ Россійскую Академію какіе-то матеріалы; но что сталось съ ними — неизвѣстно. По словамъ же Копитара, Кумердею формально было предложено работать по славянской части — съ платою по червонцу за листъ.

Въ 1805 году Тургеневъ и Кайсаровъ изъ Геттингена предприняли спеціальное путешествіе по Австріи, для знакомства съ бытомъ, для собиранія разныхъ матеріаловъ. А нѣсколько позже Добровскій съ признательностью вспоминалъ какого-то случайнаго слависта, князя Бѣлосельскаго, что онъ перевелъ многія чешскія пословицы по-русски, которыя съ его рукописи напечаталъ Добровскій въ своемъ Slavin'ѣ [1]).

Но особенно любопытно было путешествіе въ Австрію друга молодости имп. Александра, Новосильцова, президента Академіи наукъ. Извѣстно, въ 1808 онъ на-долго оставилъ Россію и въ 1811—12 годахъ посѣтилъ Вѣну, проведя тамъ зиму. Австрія же, ея славяне, Новосильцову были знакомы изъ-давна. Еще въ 1804 году, открывая въ Петербургѣ Педагогическій Институтъ, Новосильцовъ вызвалъ для него изъ Австріи про-

---

[1]) Письма Добровскаго, № 38. Въ 1805 г. вышло въ Петербургѣ Путешествіе по Саксоніи, Австріи и Италіи въ 1800—1802 г. съ легкими наблюденіями. Авторъ пишетъ о чехахъ: «Обычаи сельскихъ жителей болѣе всего меня забавляютъ. Они столь близки къ обычаямъ Малороссіи, нашей любезной отчизны. Нарѣчіе ихъ также сходно съ малороссійскимъ... Въ здѣшнемъ краю считаютъ до 1.300 т. жителей и до 2500 разныхъ училищъ. Главная цѣль, какъ увѣряли меня, введеніе повсюду нѣмецкаго языка. Природное нарѣчіе не чувствительно теряется... Народъ набоженъ до суевѣрія» (107—108). Наши частыя войны съ Наполеономъ и Турціей въ началѣ наст. вѣка способствовали взаимному ознакомленію насъ и славянъ. Еще полки Суворова, въ походѣ черезъ Краину, были съ восторгомъ встрѣчаемы хорутанскими патріотами, напр. Водникомъ. Изъ эпохи Аустерлица и доселѣ живетъ въ Моравіи поговорка: «vyhráš jak Rusi u Slavkova». О значеніи пребыванія русскихъ въ Чехіи въ 1813 году— въ жизни Юнгманна, мы говорили выше. Въ 1809 г. вышло «Путешествіе въ Молдавію, Валахію и Сербію» Д. Н. Бантыша-Каменскаго, въ слѣдующемъ Броневскаго—«Отъ Трієста до Петербурга», а чрезъ шесть лѣтъ, его «Записки морскаго офицера», гдѣ много свѣдѣній о далматинцахъ, черногорцахъ.

фессоровъ Лодія, Кукольника, Балугьянскаго, съ указанія Сперанскаго. Что же дѣлалъ добровольный изгнанникъ, президентъ русской Академіи въ Вѣнѣ?... Онъ остановился на—славянахъ.

Какъ любопытную новинку, Копитаръ спѣшитъ сообщить Добровскому о пріѣздѣ Новосильцова. «Слышу я, пишетъ Копитаръ 27 октября 1811 года, что Новосильцовъ ищетъ человѣка, который бы ему написалъ или списалъ — не знаю — Сравнительный словарь славянскихъ языковъ. Я предлагаю себя, чтобы по крайности видѣть, чего онъ хочетъ». Дѣйствительно, Копитаръ познакомился съ Новосильцовымъ, котораго, конечно, онъ, по мѣстному сервильному обычаю, титулуетъ графомъ, и нашелъ въ немъ весьма любезнаго человѣка, который для Копитара тогда-же заказалъ какія-то русскія книги. Но вѣренъ ли былъ слухъ о Словарѣ, неизвѣстно. А что Новосильцовъ серьезно интересовался въ Вѣнѣ славянскими предметами, живя довольно долго, видно изъ установившихся у него весьма близкихъ отношеній съ Копитаромъ. «Новосильцовъ уже уѣхалъ, пишетъ въ іюлѣ 1812 г. Копитаръ Добровскому; я ссудилъ его своимъ Slavin'омъ и намедни былъ у него за нимъ... Онъ простился съ прекрасными обѣщаніями. Я имѣю разрѣшеніе прямо писать ему о русскихъ книгахъ; съ своей же стороны долженъ быть его агентомъ для подписки на славянскія вещи»[1]).

Такимъ образомъ, въ 1811 г. мы видимъ одного изъ представителей либеральной партіи—въ Вѣнѣ, за славянскими студіями. Черезъ два года политическія событія заносятъ, какъ упомянуто было раньше, въ ту же австро-славянскую среду носителя иной партіи — Шишкова. И онъ, какъ и Новосильцовъ, занимается здѣсь славянскими людьми, славянскими вопросами, книгами. Знакомство съ Добровскимъ намъ извѣстно, а «богемскія» книги были даже причиною непріятныхъ для славянофильствующаго на полѣ брани старика толковъ въ праздной столицѣ. Шишковъ долженъ былъ защищаться отъ навѣтовъ. «Богъ видитъ, писалъ онъ, и мои чувствованія, и мою невинность. Въ Прагѣ я жилъ не для того, чтобы зарыться въ богемскихъ книгахъ

[1]) Письма Добровскаго, №№ 33, 37, 44.

и все забыть (курс. подл.). Вотъ какъ и самая невинная и небезполезная склонность моя обращается мнѣ въ вину»[1])...

Славянофильское направленіе въ польской наукѣ первыхъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка, выразившееся между прочимъ въ любовномъ отношеніи къ русскому языку, русскимъ темамъ, имѣло свою долю вліянія въ усиленіи запроса на славянизмъ и у насъ.

Подъ прямымъ воздѣйствіемъ историческаго Словаря польскаго языка Линде въ Россійской Академіи воскресаетъ съ новою силою проэктъ о Сравнительномъ Словарѣ всѣхъ славянскихъ языковъ. Но далѣе добрыхъ пожеланій дѣло пойти не могло—за отсутствіемъ силъ, т. е. славянскаго знанія... Вѣроятно, подъ вліяніемъ того-же труда Линде (импер. Александръ былъ въ числѣ подписчиковъ на польскій Словарь) Новосильцовъ хлопоталъ въ Вѣнѣ еще въ 1811 г. о Сравнительномъ славянскомъ словарѣ, какъ о томъ говорилъ Копитаръ. А пока, Россійская Академія — въ 1820 г. — награждаетъ поляка Раковецкаго медалью за его «Русскую Правду». Но читалъ-ли кто изъ академиковъ эту «Правду»—еще вопросъ: Шишковъ былъ доволенъ главнымъ образомъ за помѣщеніе любезнаго ему, по доступности своего языка, «Любушина Суда»... По содержанію, книгу польскаго славянофила могли оцѣнить, и оцѣнили, лишь члены Румянцовскаго Кружка, какъ это мы видѣли, говоря

---

[1]) Записки Шишкова, I, 378. Въ 1817 г. чешскія дамы прислали гр. Остерману на память о Кульмѣ кубокъ съ чешскою надписью. Императоръ приказалъ Шишкову написать рескриптъ. Шишковъ въ своемъ проэктѣ назвалъ чеховъ «соплеменнымъ намъ храбрымъ народомъ». Императоръ изъ этой фразы оставилъ только слово «народъ». Шишковъ защищалъ свое выраженіе: «вѣдь Богемцы нашимъ нарѣчіемъ говорятъ». Но императоръ замѣтилъ: «подозрительные нѣмцы подумаютъ, что мы, сближаясь съ Богемцами, симъ родствомъ имѣемъ на нихъ какіе нибудь виды». (Тамъ-же, II, 99—100). Дѣйствительно, предъ Ахенскимъ конгрессомъ (1818 г.) Меттернихъ подозрѣвалъ имп. Александра въ желаніи воспользоваться разнороднымъ составомъ Австріи и кровною связью русскихъ съ ея славянами. (Богдановичъ, Исторія царств. имп. Александра, V, 387). Въ то время какъ имп. Александръ думалъ о мѣрахъ противъ «заразы» изъ Франціи (цѣль Ахенскаго конгресса), наши друзья: Австрія и Пруссія, заняты были тѣмъ же иными мѣрами—противъ «завоевательной-де политики» Россіи. Недавній смѣлый проэктъ имп. Александра — поднять славянъ Австріи—долго-долго помнился Меттернихомъ... Объ этомъ проэктѣ—ниже.

объ Евгеніи, который былъ въ восторгѣ отъ польской книги за ея «примѣрный и для насъ патріотизмъ къ славянизму».

Но обстоятельства слагались теперь благопріятно для подъема давно желаннаго «патріотизма къ славянизму» и у насъ. Мы разумѣемъ предположенія канцлера Румянцова объ миссіяхъ въ славянскія земли, для изученія на мѣстѣ.

Данцигскій пасторъ и польскій лексикографъ, Мронговіусъ, въ своихъ трудахъ указывалъ на особенную близость языка сосѣднихъ съ Данцигомъ кашубовъ съ русскимъ языкомъ, и Румянцовъ посылаетъ ученому пастору деньги и инструкцію, какъ заниматься языкомъ кашубовъ на мѣстѣ [1]). Но это было лишь случайное порученіе.

Не смотря на все умиленіе Копитара предъ «всеславянской» Вѣной, изъ этой самой Вѣны, въ концѣ 1818 года, тронулся въ путь вѣрный ученикъ Копитара, изв. сербъ Вукъ Караджичъ, по направленію въ Петербургъ, въ «Іерусалимъ» тѣхъ самыхъ недобрыхъ людей, которые, если вѣрить вѣнскому слависту, распинали невиннаго Вука—это «фарисеи изъ Карловца» [2])—за то, что невинный Вукъ, сообразно съ нашептываніями своего учителя, произвелъ, къ ужасу Добровскаго, литературный расколъ среди сербовъ. Мы видѣли выше, что Добровскій, во имя будущаго, защищалъ необходимость общаго литературнаго языка у сербовъ съ русскими.

Въ началѣ 1819 года Вукъ былъ уже во Псковѣ и былъ предметомъ самаго теплаго вниманія управлявшаго тогда псковской епархіей преосв. Евгенія, который купилъ у него его Сербскій Словарь — «прекрасное руководство, писалъ тогда же іерархъ канцлеру, къ сербскому языку, сроднику нашему, но временемъ далеко уже отчужденному» [3]), кромѣ того «нѣкоторыя тетрадки, имъ изданныя на сербскомъ языкѣ» [4]); а въ столицѣ одинаково въ восхищеніи были отъ умнаго серба и Шишковъ, и Румянцовъ, но каждый по своему.

---

[1]) Журналъ мин. нар. пр., XXVIII, ч. IV, 2, 11, въ донесеніи Прейса.

[2]) Письма Добровскаго, № 119.

[3]) Переписка Евгенія, 18. Отъ 21 марта 1819 года.

[4]) Тамъ-же, 69. Отъ 17 декабря 1822 года, уже изъ Кіева—въ воспоминаніи о пребываніи Вука во Псковѣ.

Между тѣмъ какъ президентъ одарялъ «Вуга» Извѣстіями своей Академіи, Румянцовъ увидѣлъ въ предпріимчивомъ сербѣ орудіе, какъ-бы самой судьбой ниспосланное для восполненія нашего дефицита въ славяновѣдѣніи.

«Позвольте, пишетъ Румянцовъ своему другу Малиновскому въ Москву (24 февраля 1819), взнесть въ библіотеку вашу новоизданный Сербскій Словарь; сочинитель его самъ здѣсь и среди своего народа мѣсто отличное, какъ ученый, занимаетъ»..... И вотъ съ этимъ «ученымъ» сербомъ Румянцовъ входитъ въ соглашеніе, рядитъ его на миссію этнографическаго изученія славянскаго міра: Вукъ имѣлъ повторить, но въ болѣе обширномъ размѣрѣ, экспедицію Калайдовича и Строева въ московскіе монастыри. Между тѣмъ Вукъ побывалъ и въ Москвѣ.

«Я радуюсь, пишетъ Румянцовъ позже, 22 іюня, Малиновскому, что вы познакомились съ ученымъ и добрымъ сербомъ; я не знаю, повѣрялъ ли онъ вамъ, что онъ со мною взялъ (т. е. заключилъ) обязательство — на мой коштъ объѣхать всѣ области славянскаго поколѣнія, отыскивая въ каждой древніе сихъ народовъ документы и лѣтописи; кажется мнѣ, взявъ въ уваженіе всю его къ тому способность, я въ правѣ ожидать отъ такого предпріятія важныхъ послѣдствій»[1]).

Въ столь горячей заботѣ о подъемѣ славяновѣдѣнія у насъ старикъ-канцлеръ обязался—ежегодно, въ теченіе 3 лѣтъ, уплачивать Караджичу на путевые расходы по 300 червоныхъ[2]).

---

[1]) Переписка Румянцова, №№ 111, 129.

[2]) Ср. письмо Вука къ Шишкову въ 1835 у ак. Сухомлинова, Исторія Росс. Акад. VII, 587. Интересъ къ сербамъ, въ Австріи и за Дунаемъ, былъ давно въ русскомъ обществѣ—еще съ прошлаго столѣтія, съ Петра Великаго, но особенно, когда русскія войска дѣйствовали на Дунаѣ, напр. при Потемкинѣ. Выступившій при имп. Александрѣ въ европейской политикѣ Сербскій вопросъ возбудилъ всюду живыя надежды на освобожденіе славянъ. Съ этимъ возбужденіемъ славянскаго чувства въ Россіи связано имя прекрасной, но несчастной судьбою своею, великой княгини Александры Павловны, жены палатина Венгріи, почіющей уже девять десятковъ лѣтъ, въ печальномъ Иромѣ, близь Пешта. Уже Колларъ посвятилъ ей прекрасный сонетъ въ «Дщери Славы» (286). Довольно лѣтъ послѣ ея смерти, въ 1808 г., духовникъ ея, старикъ Сомборскій, именемъ покойной взывалъ къ императору о поддержкѣ возставшихъ сербовъ: «Ваша сестра, писалъ во время своего пребыванія въ

Къ сожалѣнію, чаемыхъ «важныхъ послѣдствій» не послѣдовало, за неудачей самой миссіи «во всѣ области славянскаго поколѣнія»....

О причинѣ неудачи сказать трудно. И чрезъ много лѣтъ Вукъ выражался глухо: «разныя обстоятельства, отъ меня не зависѣвшія, не позволили мнѣ воспользоваться тогда симъ счастливымъ случаемъ» (въ упомянутомъ письмѣ къ Шишкову, въ 1835 году). Копитаръ сваливаетъ вину на канцлера — на его корыстныя побужденія: «если бы, жаловался Копитаръ Кеппену, канцлеръ въ теченіе какой-нибудь пары лѣтъ воспользовался Вукомъ — этой розсыпью съ золотомъ — интересуясь болѣе имъ, чѣмъ простою добычею, то теперь Сербія на Югѣ, славянская стихія въ Македоніи (будь она болгарская или еще постарше) были бы ясны»[1]).

Венгріи, возродила въ единовѣрныхъ сербахъ доблестный духъ къ избавленію... По богоугодному ея завѣщанію, и мнѣ извѣстному, и по преселеніи своемъ въ вѣчность, оставила она исполненіе сего наиважнѣйшаго въ свѣтѣ происшествія вамъ, благочестивѣйшій самодержецъ...» (Русск. Стар., 1876, ноябрь, 627).— Наканунѣ нашествія Наполеона, весной 1812, имп. Александръ выработалъ грандіозный планъ общаго возмущенія славянъ, чтобы, по соединеніи ихъ съ недовольными въ Венгріи, итти противъ Австріи. 9/21 апрѣля Александръ писалъ наслѣдному принцу Швеціи (Бернадоту): «.... мнѣ кажется, долженъ быть предпринятъ слѣдующій серьезный планъ (un grand plan): народы славянскіе, по природѣ воинственные, будучи возмущены, образуютъ внушительную единицу, и, по соединеніи съ недовольными въ Венгріи, въ состояніи произвести сильную диверсію противъ Австріи и французскаго владычества на Адріатикѣ. Если это удастся, то будетъ вполнѣ возможно — чрезъ Боснію и Хорватію проникнуть на-столько впередъ, чтобы войти въ связь съ тирольцами и отсюда съ швейцарцами. Я посылаю адмир. Чичагова, человѣка съ головой, для организаціи этого дѣла. Но было бы необходимо, чтобы Англія снабжала деньгами и муниціей тѣхъ славянъ, которые подымутся за дѣло общей свободы». Дѣло поручено было адмир. Чичагову и неудачно. Знаменитое письмо императора къ шведскому принцу у Богдановича, Исторія царств. Александра, т. III, приложенія, 59—60. Ср. нашу статью: «О. М. Бодянскій въ его Дневникѣ» въ «Истор. Вѣстникѣ» 1887, XII, стр. 526, гдѣ московскій разсказъ о взаимныхъ интригахъ Чичагова и Кутузова. Нашелъ же время Чичаговъ для сведенія старыхъ личныхъ счетовъ!... Прибавимъ, что изв. гр. Бенкендорфъ, въ молодости (1805 г.), былъ посыланъ на греческіе острова съ негласнымъ порученіемъ набирать охотниковъ для войны въ нашу пользу. (Рус. Архивъ, 1884, IV, 293).

[1]) Письма Добровскаго, стр. 691. Въ своемъ календарѣ «Забавникъ» на 1826 г. Вукъ помѣстилъ описаніе 8 сербскихъ монастырей: это, вѣроятно, часть уговореннаго плана съ Румянцовымъ, котораго онъ здѣсь же прославляетъ, какъ мецената.

По всему вѣроятію размолвка скорѣе всего произошла изъ-за вопроса о правѣ на «добычу».... Да простятъ мнѣ, но по словамъ пок. Григоровича, у котораго одно время были особенно близкія отношенія къ семьѣ Вука въ Вѣнѣ, практическій сербъ особенно былъ привязанъ къ деньгамъ...

Намъ вполнѣ понятна та симпатія, съ которою встрѣтилъ Румянцовъ въ Петербургѣ, въ 1820 году, увлекающагося польскаго археолога Ходаковскаго (Чарновскаго) и его проэктъ объ археологическомъ путешествіи по Россіи и славянскимъ землямъ[1]). Ходаковскій получилъ отъ императора Александра 3 тысячи — и для Румянцова какъ-бы возмѣщалъ неудачу съ Вукомъ.

Въ Вѣну Караджичъ возвратился въ началѣ 1820 г. безъ дукатовъ, но съ порученіемъ отъ Россійской Академіи — поставлять новыя славянскія изданія, какъ это видно изъ письма его къ Шишкову: «въ нашихъ краяхъ нѣтъ теперь никакихъ новыхъ книгъ; но если что появится, я съ величайшею радостію пришлю въ Академію». Впрочемъ, вскорѣ Вукъ получилъ отъ Академіи медаль и 300 рублей и, признательный, онъ льститъ Шишкову, что Копитаръ съ величайшею радостію читаетъ всѣ упражненія Академіи — «наипаче, ваши сочиненія», прибавляетъ «умный» сербъ, чтобъ этимъ облегчить путь для своего новаго проэкта. «Есть ли бы я имѣлъ щастіе, продолжаетъ Вукъ, достать пензію отъ двора русскаго или отъ Академіи, я давно уже желалъ перепечатывать здѣсь русскія книги для южныхъ славянскихъ народовъ и такъ сдѣлалъ бы южнымъ славянамъ пользу, а русскому слову славу»[2]). Пенсію далъ, но далѣе Шишковъ промолчалъ. Любопытно только одно, какъ мало это предложеніе ученика Копитара гармонировало съ основною мыслью его дѣятельности, осужденною Добровскимъ. Но за то слава Шишкова пронеслась межь земляковъ Вука.

Въ 1821 году нѣкто Л. Милетичь, «правдословъ въ кралевствѣ Маджарскомъ», т. е. венгерскій адвокатъ, такъ величаетъ его, посылая ничтожную книжку: «вѣдый, яко у в. в. пр—ва славенское книжество имать рачителя великаго и мецената своего ненакнадимаго», но—по совѣту «серб-

[1]) Вѣстн. Евр., 1886, ноябрь, 321.

[2]) Сухомлиновъ Исторія Росс., Акад., VII, 581, 583.

ского дворянина Вука». Шишковъ, отвѣчая «правдослову», въ восторгѣ отъ завязывающихся книжныхъ пересылокъ [1]). Между тѣмъ Вукъ оставался славянскимъ корреспондентомъ Шишкова, и такъ какъ жаловался на свое убожество, то, чтобы сохранить его въ Вѣнѣ, старикъ думалъ было пристроить его при русскомъ посольствѣ [2]).

Только горячей головѣ поэта, на крыльяхъ фантазіи, легко было обозрѣвать Славянство, и Колларъ въ своей «Дщери Славы» совершаетъ объѣздъ по Славянству—«во всѣ края славянскаго міра», къ «источникамъ Вислы, Волги». Но не такъ было легко это въ «непріятной дѣйствительности»....

Мысль Румянцова—послать Вука во «всѣ области славянскаго поколѣнія» не удалась. Но счастливая мысль не прошла въ-тунѣ, намѣченныя цѣли не забылись въ Румянцовскомъ Кружкѣ. Мы видѣли, что въ концѣ 1821 года отъѣхалъ въ славянскія земли Кеппенъ, при самыхъ добрыхъ пожеланіяхъ своихъ—канцлера, Евгенія.

Образованный, энергическій, подвижной, Кеппенъ личнымъ знакомствомъ съ представителями старѣйшаго и юнѣйшаго поколѣній западно-славянской науки и литературы: Копитаромъ, Добровскимъ, Юнгманномъ, Ганкой, Палацкимъ, Шафарикомъ, съумѣлъ дать особенно живительный толчекъ ихъ славянскимъ интересамъ и въ своемъ лицѣ перебросить живой мостъ между нами и ими. По возвращеніи же Кеппена, до срока, Румянцовъ рѣшаетъ сейчасъ же новое славянское путешествіе—выслать на него Погодина. «У меня бродитъ въ мысляхъ намѣреніе употребить его дарованія и большія уже познанія за границею», пишетъ онъ Малиновскому 13 янв. 1825 г. изъ Гомеля. Канцлеръ доволенъ одобреніемъ Малиновскаго: «можетъ статься, отвѣчаетъ онъ въ февралѣ, изъ таковыхъ моихъ видовъ выйдетъ польза». Когда же гр. Кочубей предложилъ Погодину ѣхать за границу съ своимъ сыномъ, слѣдов., повторить недавнее путешествіе Кеппена, Румянцовъ рѣшилъ утилизировать это обстоятельство для своихъ славян-

---

[1]) Шишковъ, Записки, II, 406, 407.

[2]) Тамъ-же, 428—429. Шишковъ поручилъ Вуку въ 1813 г. составить полный экземпляръ первой сербской газеты «Новине», издававшейся въ Вѣнѣ съ 1813 г., такъ какъ листочки растерялись въ Академіи.

скихъ видовъ. Но Погодинъ вошелъ въ университетъ, и славянскую миссію постигла снова неудача [1]).

Между тѣмъ единственно удавшееся славянское путешествіе энергическаго Кеппена готово было принести самые осязательные результаты въ самой жизни высшихъ разсадниковъ просвѣщенія въ Россіи.

Не только сильнѣе зашевелился удрученный міръ славянскій,

«Země plná cti i posměchů,
Slavná přízní bohů jak hněvem»,

т. е., Чехія, завязались близкія отношенія съ нами; но они, постепенно развиваясь и укрѣпляясь, нашли въ концѣ концовъ знаменательное выраженіе въ рѣшеніи президента Шишкова, между тѣмъ ставшаго верховнымъ блюстителемъ дѣла русскаго образованія — министромъ народнаго просвѣщенія, открыть при русскихъ университетахъ спеціальныя каѳедры Славянской Филологіи и на эти каѳедры выписать знакомцевъ Кеппена изъ славянъ Австріи, изъ Праги.

Все это новое дѣло поручено было Кеппену.

---

[1]) Переписка Румянцова, №№ 346, 352, 357.

ГЛАВА IV.

Призваніе славянъ.

.1.

Не въ празднословіи корнесловія Шишкова и его Академіи зародилась, росла и формировалась русская партія славяновѣдѣнія, а въ единичныхъ трудахъ членовъ частнаго кружка. Но — при всей своей научной праздности, тормозившая науку дѣятельность Шишкова и его «этимологической» школы имѣла и свою добрую сторону: и она, хотя отрицательно, но поддерживала въ эпоху грубыхъ идеаловъ чувство любви къ наукѣ, къ умственному труду, питала въ хаотическомъ обществѣ идеалы высшаго порядка, безсознательную вѣру въ благотворную силу знанія[1]).

Не по ошибкѣ-же Шишковъ, эта «добрая литературная няня», какъ называлъ его Пушкинъ, могъ вдохновлять великаго поэта, сказавшаго о немъ тогда:

---

[1]) Какъ моряку, Шишкову извинительно, если онъ покровительствовалъ своимъ, назначая напр. морика Синицына директоромъ Ришельевскаго лицея. Но онъ воздерживалъ другихъ со стороны. Въ 1825 г. генералъ майоръ Писаревъ чрезъ Дибича домогался мѣста Московскаго попечителя, и какъ главный мотивъ онъ выставлялъ тотъ, что и въ гражданскую службу, «на память военной», онъ внесъ бы «ту строгость къ порядку и подчиненность, чѣмъ усовершается военная служба и что̀ казалось бы новымъ въ республикѣ ученыхъ». Импер. Александръ почелъ домогательство Писарева неприличнымъ. (Дубровинъ, Письма, № 372).

«Одинъ въ толпѣ вельможъ онъ русскихъ музъ любилъ,
Ихъ незамѣченныхъ созвалъ, соединилъ»....

Отсюда юношеская отзывчивость у пытливаго и вовсе не «тупаго» старика, какъ назвалъ его Карамзинъ[1]), на требованія науки, возможность у него солидарности дѣйствій даже съ тѣми, къ кому сердце не лежало — во имя науки.

Да, заслугу смѣлаго проэкта — въ ту темную эпоху славяновѣдѣнію дать особое и видное мѣсто въ системѣ нашего университетскаго преподаванія и тѣмъ, разомъ, приготовить условія для правильно-систематическаго и полнаго развитія славяновѣдѣнія въ Россіи, отнявъ у него его историческій случайный характеръ — одинаково раздѣляютъ и Шишковъ, и знаменитый Кружокъ Румянцова: послѣдній въ лицѣ своего энергическаго члена, практика-Кеппена.

Но надъ обѣими фракціями русской науки вѣялъ государственный духъ Сперанскаго: въ проэктѣ призванія славянъ Сперанскій дѣйствуетъ рука объ руку съ своимъ старымъ недоброжелателемъ. Въ одинаково тепломъ чувствѣ къ Славянству и русской наукѣ политическіе противники сходились для общаго дѣйствія. Съ Румянцовымъ-же геніальный поповичъ былъ отъ начала въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ, какъ однополчанинъ въ политикѣ[2]).

Уже незадолго до отъѣзда Кеппена на Западъ, сношенія между Петербургомъ и Прагой, раньше по необходимости слабыя и случайныя, стали нѣсколько оживляться, благодаря особеннымъ обстоятельствамъ.

Это было время, когда около старика Добровскаго успѣла уже разростись добрая семья молодыхъ побѣговъ, воспитавшихъ въ себѣ, подъ животворнымъ вліяніемъ своего учителя, одинъ

---

[1]) «Шишковъ—честенъ и учтивъ, но тупъ», въ женѣ, 14 февр. 1816 г. («Неизд. сочиненія и переписка Карамзина», 148).

[2]) 16 января 1821 г. Румянцовъ пишетъ своему сибирскому сотруднику, Берху: «вы меня помысленно обрадовали, сказавъ, что М. М. Сперанскій меня помнитъ и вамъ поручилъ то мнѣ свидѣтельствовать». Старикъ просилъ освѣдомиться у Сперанскаго, какъ «взнесть въ библіотеку иркутскую» его изданія, а самому ему посылать Льва Діакона. (Лѣтопись занятій Археогр. Коммис., VI, II, 154).

общій культъ—Россію[1]). Эти побѣги Добровскаго намъ уже знакомы. Одна часть ихъ была въ Прагѣ, другая — разбросана.

Изъ людей болѣе солиднаго возраста здѣсь были: Іос. Юнгманнъ — Младонъ «Дщери Славы», воскрешавшій въ словарѣ и исторіи литературы величіе заброшеннаго языка и былой умственной жизни своего многострадальнаго народа; его другъ, священникъ Антонинъ Марекъ, признававшій одинъ русскій языкъ; священникъ Пухмайеръ, поэтъ и авторъ замѣчательнѣйшей грамматики русскаго языка (только что умершій); болѣе юные и болѣе энергическіе: недавній «pasaček» — пастушекъ Ганка, до 15 лѣтъ ведшій жизнь царя Давида, но, по увѣренію его, среди своихъ овечекъ уже занимавшійся славяновѣдѣніемъ, а съ момента появленія въ Прагѣ, сразу ставшій помощникомъ Добровскаго; Челаковскій, протестанты Палацкій, Шафарикъ, Колларъ и др.[2]).

Любо было старѣвшему аббату видѣть около себя дружину бойцовъ за славянскіе идеалы будущаго. «Около 12 юристовъ учатся у меня старославянскому языку, пишетъ онъ въ 1813 году своему ученику въ Вѣнѣ, т. е. Копитару, но иной, черно-желтой, окраски; рвеніе ихъ похвальное, но выдержка—рѣдкій даръ»[3]). Какого духа могли исполняться ученики, особенно подростки, отъ своего великаго учителя въ наукѣ и политикѣ, отъ этого феноменальнаго явленія XVIII вѣка — ясно будетъ изъ одного примѣра.

Когда начались первыя попытки мадьяризаціи словаковъ, негодующій Добровскій писалъ Копитару: «словаки довольно мужественно дѣйствуютъ противъ; но если имъ прійдется мѣнять свой языкъ на какой-другой, то для нихъ окажется лучшій выборъ»[4]). Пояснять-ли, что старикъ разумѣлъ здѣсь языкъ русскій?...

---

[1]) Не смотря на крѣпостное право которымъ иногда извиняютъ ненависть Копитара къ Россіи и ко всему русскому.

[2]) Симпатическую фигуру Марка, почти столѣтняго старца, мы попытались нарисовать въ воспоминаніяхъ нашихъ о путешествіи по Чехіи въ 1874 г.: «Въ краю былыхъ еретиковъ»—«Истор. Вѣстникъ», 1882, т. IX, гл. III, 356—366. Здѣсь же данныя для характеристики Добровскаго, Юнгманна. О Ганкѣ — см. его біографію при жизни: «Vácesl. Hanka, durch Legis Glückselig» (1852). Колларъ въ «Дщери Славы» поясняетъ идеи Добровскаго.

[3]) Письма Добровскаго, № 65.

[4]) Отъ 22 іюля 1811 г. Тамъ-же, № 30.

Культъ русскаго языка прошелъ изъ Праги даже въ такую среду папскаго прозелитизма, какъ хорутане. Въ 1822 году Словшекъ, извѣстный позже епископъ-патріотъ, сталъ учить родному языку семинаристовъ, въ чемъ ему помогалъ другой патріотъ, Агацель. «Не было, говоритъ новѣйшій біографъ Агацеля, печатной словинской книжки, которую-бы ни купилъ онъ. Онъ подписывался на сербскія пѣсни и газеты— въ нихъ онъ имѣлъ большое удовольствіе. Но понималъ также и по-русски»[1]). А еще раньше, еще болѣе горячимъ адептомъ Добровскаго былъ его знакомецъ Водникъ, растрига-монахъ и поэтъ, сердечно привѣтствовавшій Суворова, а позже Наполеона вдохновенною одою: «Иллирія, возстань»!... Самый «иллиризмъ» 30—40 годовъ, естественно, непріятный Копитару, поддерживавшему южно-славянскую дробленность, выросъ на тѣхъ-же пражскихъ идеяхъ бывшаго іезуита Добровскаго! Добровскій, дѣйствительно, «náš celý národ sbratřil»....

Что терпѣнія было немного у нѣкоторыхъ учениковъ пражскихъ, учитель не ошибся.

Копитаръ, при первомъ знакомствѣ съ Ганкой, сказалъ, что отъ ученика Добровскаго онъ ожидалъ болѣе науки[2]). Такимъ Ганка остался на-всегда. Но недостатокъ выдержки возмѣщался у Ганки необыкновенной энергіей, находчивостью— этого дитяти природы.

Съ первымъ выступленіемъ Ганки на арену публичной дѣятельности, послѣ того какъ 12 избранниковъ оставили келію своего учителя, открывается эпоха открытій старочешскихъ памятниковъ.

Мы ихъ не перечисляемъ. Они довольно извѣстны, какъ извѣстно и то, что часть ихъ уже устранена. Но они имѣли свое значеніе, дѣйствуя на возрожденіе духа забитаго народа картинами лучшаго времени—счастливой старины.

«Дѣла отцовъ забыты нами,
Могучій громъ свободы смолкъ,
И прахъ родной земли героевъ
Растоптанъ вражьею ногой;

---

[1]) Слов. журналъ «Krok», 1884 г., p. 563.
[2]) Письма Добровскаго, № 81.

Гдѣ звукъ веселья—стонъ стоитъ,
Свободу—звукъ цѣпей смѣнилъ,
И пѣснь забыла о потомкахъ,
Чтобъ смыть съ нихъ рабское клеймо»!..

Но-де открытія Ганки все это взмѣнили, «дѣла» воскресили.

Такъ привѣтствовалъ тогда энергическаго ученика Добровскаго вдохновенный товарищъ его—Челаковскій [1]).

«Často tichá pastuchova chyžka
Více pro vlast může dělati»,

сказалъ другой товарищъ, Колларъ.

Съ другой стороны, другіе единомышленники Ганки работали положительными средствами на то-же возрожденіе своего народа, стремясь современную науку Запада ввести въ сознаніе отставшаго чеха. Рѣшивъ изданіе научнаго органа «Krok» (т. е. прогрессъ), знаменитый физіологъ Пуркинье пишетъ, 21 окт. 1819 г., старѣйшему ученику Добровскаго, Марку, прося о сотрудничествѣ: «цѣль журнала—прокладывать путь для введенія высшихъ наукъ въ нашъ языкъ; его предметъ — весь объемъ науки и искусства; его главныя части—поэзія, бытъ, исторія» [2]).

Между тѣмъ политико-литературныя открытія, заподозрѣнныя тотчасъ-же, кромѣ Краледворской рукописи, великимъ старикомъ, не говоря уже о его ученикѣ въ Вѣнѣ, Копитарѣ, который издѣвался, что скоро чехи найдутъ національные фрагменты изъ времени Александра Македонскаго, должны были искать поддержки для себя на сторонѣ. Дѣйствительно, открытія направляются въ Петербургъ, къ Шишкову, но прокладывая себѣ дорогу окольными путями — чрезъ среду польскихъ славянофиловъ, кромѣ Краледворской рукописи, которая прошла прямо, и находятъ здѣсь какъ нельзя болѣе подготовленную почву.

Неопротестованная Добровскимъ Краледворская рукопись идетъ прямо въ Россію, къ Румянцову.

Канцлеръ доволенъ. Онъ только что издалъ сборникъ Киршп; онъ всюду розыскивалъ богатырскія пѣсни на востокѣ Россіи; а тутъ онѣ и у чеховъ старыхъ. Онъ спѣшитъ послать чешскую книжку въ Москву, въ главную квартиру своего Кружка, а къ книжкѣ допустить спеціалиста въ славянскихъ вопросахъ,

[1]) Цензура строки эти не пропустила. Строфы подлинника мы позволили себѣ воспроизвести стихами, хотя, признаемся, весьма слабыми.

[2]) «Časopis Musea», 1886, 433, прим.

Калайдовича. «Недавно въ Богеміи, пишетъ онъ Малиновскому 24 января 1819 г., отысканы остатки древнихъ ихъ стихотворепій, которыя г. Думбровскій (!) т. е. рукопись ихъ, полагаетъ быть конца XIII или самаго начала XIV в. Мнѣ сіе открытіе кажется важнымъ...; оно нечуждо намъ русскимъ не по одному сходству языковъ»[1]). Вслѣдъ за этимъ Румянцовъ сообщаетъ извѣстіе о чешскомъ открытіи, при еще болѣе восторженномъ письмѣ, Евгенію. Но онъ встрѣтилъ открытіе нѣкоторымъ сомнѣньемъ, какъ это мы видѣли выше (см. главу II, 9).

Отъ Румянцова получилъ свѣдѣніе о Краледворской рукописи и Шишковъ. Онъ былъ вдвойнѣ доволенъ: какъ старый славянолюбецъ «богемскихъ книгъ», но, главное, какъ президентъ Россійской Академіи, съ ее новымъ уставомъ, 1818 года, требовавшимъ отъ Академіи—выйти на путь общенія съ славянскимъ ученымъ міромъ.

«Богемскія книги», на мѣстѣ, въ Прагѣ, которыя такъ соблазнили нѣкоторыхъ въ высокомъ обществѣ столицы въ 1813 г., что вынудили старика на смѣлое откровеніе, личное знакомство съ Добровскимъ и вообще съ чехами, на-столько бодро, освѣжительно воздѣйствовали на застывшее безъ содержанія славянское чувство Шишкова, что въ составленномъ имъ новомъ уставѣ Россійской Академіи 1818 года, проведенномъ при участіи Аракчеева, онъ энергически заговорилъ о Славянствѣ, и въ общеніи съ славянскимъ ученымъ міромъ указалъ одну изъ важныхъ задачъ Академіи, помимо «наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка» (III гл. § 2).

«Нужно Академіи со многими славянскихъ нарѣчій профессорами, книгохранителями и другими учеными людьми сноситься», говорилъ президентъ по всеподданнѣйшемъ докладѣ. «И буде кто изъ нихъ, продолжалъ онъ, изслѣдованіями и трудами своими о славянскихъ народахъ и языкѣ ихъ, или выписками изъ древнихъ рѣдко встрѣчающихся книгъ доставитъ въ нее какія-либо новыя, достойныя любопытства открытія и свѣдѣнія, таковому Академія, какъ попечительница обо всемъ подобномъ, долженствуетъ дать названіе почетнаго члена съ приличнымъ, по разсмотрѣнію ея, единовременнымъ

---

[1]) Переписка Румянцова, № 107. Ср. еще № 112 о найденномъ сочувствіи у Малиновскаго.

или всегдашнимъ награжденіемъ». Эти самыя мысли, въ легкой переформировкѣ, были изложены въ § 8 десятой главы Устава.

Но, кромѣ славянской научно-пассивной задачи, Академія имѣла участвовать въ успѣхахъ славяновѣдѣнія и активно. «По долгу званія своего» Академія должна была стараться и о такихъ «главныхъ предметахъ», какъ составленіе «свода славянскихъ нарѣчій» (подъ этой темноватой фразой Шишковъ, вѣроятно, разумѣлъ сравнительно-славянскій словарь), грамматики славянской, помимо русской (II гл. § 1). И для этого необходимо было тоже общеніе «со многими славянскихъ нарѣчій профессорами».

Краледворская рукопись, такимъ образомъ, открывала собой осуществленіе новыхъ, славянскихъ, обязанностей Россійской Академіи.

Тогда-же Шишковъ обратился къ Добровскому съ убѣдительною просьбою «давать знать о произведеніяхъ такихъ»[1]), а между тѣмъ самъ принялся за работу, и уже въ 8-й книгѣ «Извѣстій Академіи», слѣд. въ 1820 году, появился его переводъ Краледворской рукописи.

Старикъ былъ радъ. Онъ лично вывелъ Академію на новый ученый путь (хотя, конечно, работа была очень не хитрая, какъ понялъ ее Шишковъ) и переводомъ своимъ, и тѣмъ, что переводъ былъ поводомъ для энергическаго Ганки къ открытію славянской переписки съ президентомъ.

«Вѣсть та (о переводѣ), писалъ Ганка Шишкову 8 мая 1820 г., наполнила духа моего радостью и восхищеніемъ, особенно, когда я помню, что славянскіе народы начинаютъ уже языки свои между собою уважать»[2]).

При этихъ благопріятныхъ условіяхъ пробирался къ Шишкову изъ Праги и отвергнутый Добровскимъ «Любушинъ Судъ».

Въ книгѣ Раковецкаго, которая произвела такое сильное впечатлѣніе своимъ славянскимъ направленіемъ на малоувлекающагося вообще Евгенія—«Prawda Ruska», былъ впервые помѣщенъ неусыновленный на родинѣ Любушинъ Судъ, по списку, доставленному отъ Юнгманна къ Линде. Получивъ книгу, Шишковъ сейчасъ-же обратилъ вниманіе на чешское произведеніе и въ письмѣ къ автору называетъ его «любопытнымъ». Но Ганка,

---

[1]) Шишковъ, Записки, II, 372.

[2]) Тамъ-же, II, 388.

посылая Шишкову свои «Starobylá Skladánie», въ письмѣ своемъ еще ничего не говоритъ о Любушиномъ Судѣ. Но лѣтомъ 1822 Шишковъ имѣлъ текстъ отвергнутаго памятника уже изъ Праги, какъ видно изъ письма Юнгманна къ президенту отъ 2-го мая, при которомъ онъ пересылалъ къ нему тогда двѣ книжки упомянутаго журнала «Krok», гдѣ братъ Юнгманна, профессоръ-акушеръ, помѣстилъ съ комментаріемъ памятникъ, и—занялся опять славянскимъ переводомъ. Какъ же польщенъ былъ Ганка, когда самъ президентъ въ началѣ слѣдующаго года (28 апрѣля 1823) извѣщалъ его о помѣщеніи Любушина Суда въ журналѣ самой Россійской Академіи [1]).

Этотъ любезный пріемъ пражскаго открытія въ Петербургѣ, естественно, былъ крайне непріятенъ Добровскому, и Копитаръ его утѣшаетъ, предлагая написать рецензію на Любушинъ Судъ въ «Вѣнскихъ Лѣтописяхъ»: «тогда русскіе и поляки прочтутъ и обратятся» [2]).

Такимъ путемъ, благодаря чешскимъ національнымъ открытіямъ стали устанавливаться довольно правильныя сношенія между Академіей, т. е Шишковымъ, и Прагой, а вскорѣ приняли весьма близкій, почти семейный, характеръ: Юнгманнъ жалуется уже Шишкову на преслѣдованія Добровскаго, проситъ Шишкова быть судьей въ мелкой домашней распрѣ. «Мы, жалуется Юнгманнъ, нимало не заслуживаемъ, чтобы они (т. е. Добровскій и его школа просодистовъ) за сіе (т. е. за противудѣйствіе введенію русской метрики) гнали насъ и приводили въ презрѣніе (подозрѣніе?) у правительства» [3]). Замѣтимъ, первый Добровскій рекомендовалъ Шишкову Юнгманна. Несомнѣнно, высоко забилось сердце у Шишкова при этомъ славянскомъ обращеніи—разсудить съ самимъ Добровскимъ. Но, всегда практическій, Ганка дѣлаетъ предъ Шишковымъ шагъ особеннаго характера.

---

[1]) Тамъ-же, II, 391. Любопытно, что Колларъ анонимнаго отправителя Люб. Суда приблизилъ языкомъ къ вратамъ Ада въ «Дщери Славы», с. 539.

[2]) Письма Добровскаго, № 174. Въ рецензіи труда Раковецкаго «Prawda Ruska» въ «Jahrbücher der Literatur», т. XXVII—Добровскій высказалъ свое мнѣніе о «Любушиномъ Судѣ», какъ о подлогѣ. Ср. и рекомендацію этой статьи въ письмѣ его къ Кеппену отъ 17 янв. 1826 г. (т. же, p. 676).

[3]) Шишковъ, Записки, II, 422.

Шагъ этотъ Ганки любопытенъ по тому, что, оставленный тогда безъ вниманія, онъ немного позже какъ будто припоминается, всплываетъ наружу, и это случайное совпаденіе, въ особенномъ интересѣ оброненной, мысли Ганки съ позднѣйшимъ проэктомъ Шишкова-Кеппена-Сперанскаго — поднять славянскія студіи въ Россіи, изъ Россіи сдѣлать разсадникъ общей славистики, подало поводъ Ганкѣ считать себя виновникомъ открытія славянскихъ каѳедръ въ русскихъ университетахъ по Уставу 1835 года, что̀ прошло и въ спеціальные труды, по неосновательному преданію [1]).

Мы имѣемъ въ виду предложеніе Ганки Шишкову о новомъ шагѣ къ славянизаціи Россійской Академіи, о—«національномъ членѣ отъ каждаго изъ колѣнъ славянскихъ» въ Академіи.

Мы видѣли выше, что какъ подъ воздѣйствіемъ польскаго словаря Линде, такъ и во исполненіе новыхъ, прямыхъ обязанностей Академіи, по силѣ новаго Устава, у Шишкова возникла мысль издать «Словарь всѣхъ славянскихъ нарѣчій». Но приглашается къ соучастію самъ Линде и — отказъ, — Добровскій, и онъ отмалчивается, грозясь прислать критическія замѣчанія на труды Академіи; членъ Академіи, Востоковъ, уклоняется.

Шишковъ чувствовалъ себя безпомощнымъ, а оффиціальные шаги сдѣланы: образованъ комитетъ. Въ эту-то минуту, когда Шишковъ былъ оставленъ всѣми, на кого только расчитывалъ, раздается добрый, сочувственный затѣямъ Академіи голосъ изъ Праги, и какъ будто случайно, но въ такой формѣ, что старикъ и не зналъ что̀ отвѣчать.

Въ маѣ 1822 г., на неуклюжемъ русскомъ языкѣ, пишетъ президенту «сіятельной Академіи» Ганка, имѣя уже свѣдѣнія о перепискѣ Шишкова съ Добровскимъ: «читая засѣданія (т. е. протоколы), на умъ мнѣ пало, что-бъ не токмо весьма пристойно, но и несравненно полезно было, когда-бъ въ засѣданіяхъ оныхъ тоже одинъ искусный національный членъ

---

[1]) «Важность славянской филологіи, говоритъ оффиціальный историкъ С.-Петербургскаго университета, ныне проф. Григорьевъ, какъ предмета университетскаго преподаванія, признана была у насъ впервые Уставомъ 1835 г. Это правительственное признаніе совпадало болѣе съ сердечными желаніями славянскихъ ученыхъ Запада» (стр. 242).

изъ каждаго нарѣчія присутствовалъ, особливо, когда Академія словари всѣхъ славянскихъ нарѣчій издавать намѣревается».

Такимъ образомъ, Ганка выражалъ полное сочувствіе мыслямъ Академіи о словаряхъ, но для осуществленія ихъ предлагалъ радикальное средство. Ясно, проэктированная имъ помощь была такого свойства, что требовала новой реорганизаціи только что устроившейся Академіи.

Авторъ проэкта «О національномъ членѣ», дѣлая собственно плохой комплиментъ настоящей Академіи, воспользовался старою мыслью Копитара о Славянской Академіи, но въ Петербургѣ. Конечно, Ганка намѣчалъ себя въ члены.

Что-же Шишковъ?

Почти годъ молчалъ. Отвѣчая уже 28 апрѣля 1823 года Ганкѣ, Шишковъ по обычаю широко росписался о единоспасительномъ своемъ корнесловіи, сказалъ о Любушиномъ Судѣ, но о существенной части письма Ганки — о проэктѣ помощи — ни полъ слова.

Смѣлость-ли предложенія — обратить Россійскую Академію въ Славянскую, озадачила старика; опасеніе-ли личнаго свойства у самолюбиваго «славяноФила», или недовѣріе къ силамъ самого Ганки говорило въ немъ, сказать не беремся. Но замѣтимъ, что Кеппенъ въ то время только сходился съ Ганкой въ Прагѣ, чтобы быть затѣмъ отъ него въ восхищеніи, оставивъ прежнее предубѣжденіе, слѣдовательно, еще въ Петербургѣ не былъ.

2.

Прошло немного лѣтъ.

По видимому, все шло по старому. Члены Румянцовскаго Кружка занимались своимъ дѣломъ. Шишковъ продолжалъ свою этимологію да утѣшалъ своего вѣнскаго корреспондента, Караджича, въ неудавшейся экспедиціи въ славянскія земли, исходатайствовавъ ему у императора Николая ежегодную пенсію для продолженія этнографическихъ студій, при чемъ не слабое

участіе въ этомъ дѣлѣ принадлежало энергическому Кеппену, предъ которымъ хлопоталъ за Вука Копитаръ[1]).

Но были и перемѣны въ жизни этимологическаго и Румянцовскаго Кружковъ. Старый этимологъ, Шишковъ, теперь не просто славенолюбецъ, президентъ Академіи съ славянскими симпатіями, а министръ народнаго просвѣщенія, смѣнившій иллюмината кн. Голицына, слѣдовательно, человѣкъ съ властью, а знаменитый ученый славянолюбецъ, Румянцовъ, съ началомъ 1826 года скончался.

15 мая 1824 г. Шишковъ былъ призванъ на постъ министра, какъ старый испытанный патріотъ, всегда такъ горячо отстаивавшій право на вниманіе отеческихъ преданій, національной стихіи въ жизни. Какъ старый балтійскій князь Крукъ въ «Дщери Славы», онъ былъ

«hněvivý novotám, otcovskou prostotu bráně».

Шишковъ смѣнялъ придворнаго князя, выросшаго въ космополитическихъ идеяхъ Запада, воспитаніемъ отчужденнаго давно отъ русской дѣйствительности, смѣнялъ въ тоже время грубое самовластіе Магницкихъ. Съ восшествіемъ на престолъ императора Николая, милостиво встрѣтившаго старика, положеніе Шишкова упрочивается.

Религіозное изступленіе (кружокъ Татариновой), биготство (Фотій, квакеры), кощунство и тутъ-же ликующій папскій прозелитизмъ среди высшихъ сферъ въ опытныхъ рукахъ «братства Іисусова» (совращеніе, напримѣръ, племянника самого министра Голицына), съ одной стороны, недовольство, глухой ропотъ, съ другой — вотъ въ главныхъ штрихахъ Петербургъ 20 годовъ. Въ виду общаго шатанія, даже органическій замѣститель возненавидѣннаго обществомъ Сперанскаго, Аракчеевъ, понималъ, что время остановиться на своихъ дѣлахъ, которыя, естественно, представлялись ему подъ однимъ цвѣтомъ — дѣлами «карбонаріевъ», своихъ. «Совершенно съ Вами согласенъ, писалъ онъ императору за границу въ апрѣлѣ 1820 г., что необходимо должно окончить иностранныя дѣла, на кото-

---

[1]) Копитаръ къ Кеппену 14 февраля 1826, отвѣтъ Кеппена 26 февраля того же года о согласіи Шишкова, Вукъ къ Копитару о своихъ условіяхъ, 19 мая того же года, см. Письма Добровскаго, стр. 691, 693, 698.

рыя, конечно, и всѣ наши карбонары вѣрно глядятъ пристально и ожидаютъ развязки»[1]).

Министерская дѣятельность стараго славенолюбца имѣла: освободить общество отъ шатанія, отъ смутнаго «духа времени», привести этотъ духъ, по его замѣчательному выраженію, «къ тихому и скромному потушенію»[2]), и создать положительныя условія для обновленія умственной жизни, посредствомъ правильной организаціи труднѣйшаго государственнаго вопроса — народнаго образованія, а не гасить немногіе источники просвѣщенія, какъ это предлагалъ было Магницкій.

Эти новыя начала были ясно отмѣчены Шишковымъ еще въ осудительномъ приговорѣ надъ падшимъ министерствомъ (въ іюльскомъ проэктѣ рескрипта 1824 года). Въ-кратцѣ они могутъ быть выражены однимъ словомъ—національизація школы, отъ низу до верху, на мѣсто старой школы, хаотической. Вспомнимъ только, что въ гимназіяхъ преподавались философія языка, технологія, а въ университетахъ — т. назыв. военныя науки...

Сейчасъ же, по порученіи министерства Шишкову, былъ образованъ при немъ «Временный Комитетъ» для составленія проэкта нормальнаго устава учебныхъ заведеній, куда, какъ мы видѣли, былъ назначенъ министромъ, въ качествѣ дѣлопроизводителя, Кеппенъ, лишь только онъ возвратился изъ своего славянскаго путешествія. Но съ новымъ царствованіемъ этотъ Комитетъ былъ закрытъ и на мѣсто него образованъ «Комитетъ устройства учебныхъ заведеній», о которомъ мы говорили уже выше, съ Сперанскимъ, кн. Ливеномъ и др.[3]). Кеппенъ сохра-

---

[1]) Богдановичъ, Исторія царствованія императора Александра I, т. VI, Прилож., стр. 109.

[2]) Записки и пр. II, 238, 161: «Духъ времени» Шишковъ видѣлъ въ «страшномъ» карбонарствѣ и «книжномъ развратѣ» (см. тамъ-же, II, 162). Отсюда забота о цензурѣ. Ср. его рѣчь 11 сентября 1824 г. въ Главномъ Правленіи училищъ — противъ «мечтаній», его замѣчанія противъ «худыхъ рукописныхъ тетрадокъ», которыя должны быть замѣнены руководствами, его мысли о соединеніи преподаванія съ воспитаніемъ — Шмидъ, Исторія средн. уч. заведеній, 171—177.

[3]) Призваніе Сперанскаго въ Комитетъ по лучшей организаціи русской школы обусловливалось, и личными высокими качествами его ума, исканіемъ—«исправить и обновить все старое», какъ охарактеризовалъ великаго человѣка гр. Кочубей, и постояннымъ участіемъ его раньше въ дѣ-

нялъ въ первое время мѣсто и въ новомъ организаціонномъ учрежденіи.

Августъ 1826 г. Шишковъ провелъ въ Москвѣ. По возвращеніи оттуда послѣ коронаціонныхъ празднествъ, онъ, одновременно съ осмѣяннымъ въ столицѣ бракомъ дряхлаго министра съ полькою Лобаржевскою, когда обычный собесѣдникъ его въ славянскихъ дѣлахъ, Кеппенъ, уже рѣшилъ перемѣнить службу, перенестись на Югъ къ винограду и сарачинскому пшену и разъѣзжать отъ рубежа Бессарабіи и до Каспійскаго моря, останавливается на мысли — открыть славянскія каѳедры во всѣхъ русскихъ университетахъ — «для расширенія изученія Славянства въ Россіи», какъ формулировалъ тогда-же цѣль министра его совѣтникъ, Кеппенъ. Въ этихъ интересахъ Шишковъ поспѣшилъ воспользоваться присутствіемъ еще въ столицѣ своего славянскаго собесѣдника и посредника и поручилъ ему сейчасъ же снестись съ своими знакомцами въ Австріи—нельзя ли ихъ перевести въ Россію и ими открыть славянскія каѳедры?

18 ноября 1826 года желаніе Шишкова уже было исполнено Кеппеномъ: онъ писалъ Ганкѣ о предполагаемомъ открытіи въ русскихъ университетахъ каѳедры «Исторіи славянскихъ литературъ». Тогда-же и о томъ же было отписано и второму другу, Копитару, въ Вѣну.

Время дѣятельности организаціоннаго Комитета Шишкова-Сперанскаго, естественно, было какъ нельзя болѣе удобнымъ для поднятія вопроса объ университетской славянской каѳедрѣ: Комитетъ занимался и положеніемъ университетовъ. Но участвовалъ ли самъ Комитетъ въ счастливой мысли объ открытіи славянскихъ каѳедръ и въ порученіи осуществленія ея Кеппену чрезъ вызовъ недостающихъ силъ? Изъ хода дѣла, какъ это

лахъ русскаго просвѣщенія. Царскосельскій лицей обязанъ Сперанскому и мыслью своею, и уставомъ. Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ обязанъ ему же своей организаціей. Ср. проэкты прошеній на высочайшее имя, писанные рукою Сперанскаго для его друга, Лазарева, въ приложеніяхъ къ «Письмамъ гр. Сперанскаго къ Х. І. Лазареву», Спб. 1864. Вполнѣ понятно, если въ 1828 году Сперанскому высочайше поручено было «по сношенію съ министерствомъ нар. просвѣщ., учредить всѣ подробности: назначеніе наукъ въ университетѣ и во II Отдѣленіи»—для лицъ избранныхъ къ приготовленію въ профессора юридическихъ факультетовъ. (Сборникъ постановленій по м. нар. просв., т. II. Ср. и стр. 549, 955).

будетъ ясно ниже, одно можно заключить, что проэктъ Шишкова и мѣры его были извѣстны члену Комитету, Сперанскому: ибо ему тотчасъ же были предлагаемы полученныя условія и болѣе или менѣе одобрены, а позже онъ съ удовольствіемъ знакомится лично съ пражскими дѣятелями. Но все дѣло пока имѣло характеръ пробнаго шага, безъ всякой оффиціальной окраски. Вопросъ законодательный былъ впереди.

Мысль о славянской каѳедрѣ въ университетѣ, объ организаціи и расширеніи славянскихъ студій, была не нова. Уже въ нашемъ прошломъ было много за нее. Но за нее особенно было настоящее.

Мы видѣли, что, благодаря стараніямъ Каченовскаго, еще въ 1811 году Московскій университетъ получилъ славянскую каѳедру, такъ сказать, на пробу: но проба была неудачна. Судьбѣ угодно было, чтобы юная каѳедра заглохла, попавши въ руки безталаннаго эстетика Гаврилова, чтобы плода не дала. Каченовскій съ такою настойчивостью и съ знаніемъ дѣла доказывалъ на страницахъ своего «Вѣстника Европы» необходимость изученія Славянства, и паки, и паки можно жалѣть только о томъ, что самъ ранній ходатай о славянскихъ студіяхъ не сѣлъ на мѣсто Гаврилова. Но этого мало.

Робко, неясно, но мысль Каченовскаго о необходимости знакомства съ славянскимъ міромъ въ русской школѣ не разъ заявлялась самимъ правительствомъ. Но если въ Московскомъ университетѣ, на глазахъ у Каченовскаго, славянская каѳедра была мертворожденнымъ дѣтищемъ, отпугивала отъ себя, а не привлекала; то вполнѣ понятно, если славянскія пожеланія въ распоряженіяхъ правительства оставались мертвою буквою; въ лучшемъ случаѣ получались гавриловскіе результаты.

Когда основанный Новосильцовымъ, при участіи славянскихъ ученыхъ, Педагогическій Институтъ въ 1816 году былъ преобразованъ Уваровымъ въ Главный, то въ общихъ курсахъ двухъ первыхъ лѣтъ должны были быть преподаваемы: «Древности другихъ народовъ, въ особенности, славянскія».

Въ 1818 году Главное Управленіе училищъ, указывая на многопредметность въ гимназическомъ преподаваніи, на «праздноумственность и безплодность» такихъ предметовъ, какъ «философическая» грамматика, рекомендовало «преподаваніе русскаго языка основать на знаніи языка славянскаго; для точнаго

-же знанія этого надлежитъ быть свѣдущимъ въ древнихъ, особливо въ греческомъ, служащемъ ему первообразомъ»[1]).

По вступленіи въ министерство Шишкова, бойчѣе заговорили о славянскомъ языкѣ. Въ заботѣ объ упорядоченьи русской школы, о соотвѣтствіи ея національнымъ нуждамъ, Шишковъ указывалъ, чтобы всѣ школы носили русскій характеръ, чтобы для того въ нихъ языкъ славянскій повсемѣстно былъ вводимъ и ободряемъ[2]).

Когда, почти одновременно съ возникновеніемъ мысли объ открытіи славянской каѳедры во всѣхъ русскихъ университетахъ, въ маѣ 1827 года, Шишковъ утверждалъ уставъ Латышскаго ученаго Общества, мы можемъ себѣ представить, какъ отрадно было славянскому сердцу министра читать, что Общество обязывалось «дѣлать сличенія съ близкимъ латышскому языку славянскимъ»[3]).

Съ другой стороны, въ сочувствіи къ своей мысли о введеніи славяноизученія въ русскіе университеты Шишковъ сомнѣваться не могъ: она такъ прекрасно отвѣчала запросамъ русской мысли, науки.

Мы видѣли, какъ горячо пропагандировалъ славянскія студіи Каченовскій, еще въ началѣ столѣтія, студіи, на которыя указывали раньше Румовскій, Лепехинъ, которыя вызывала сама императрица Екатерина. Мы слышали, къ какому горькому признанію привело ученаго іерарха чтеніе «Русской Правды» Раковецкаго, какъ обворожилъ его широкій «славянизмъ» польскаго славянослова, видѣли, съ какою любовью встрѣтилъ старый канцлеръ грамматику Добровскаго, чешскія открытія, какъ радъ онъ былъ сербу Вуку, условленной съ нимъ сербской миссіи, какъ заботливо слѣдилъ за странствованіями Кеппена среди славянъ, сколько надеждъ возлагалъ на этотъ «подвигъ» Кеппена Евгеній.

20-ые годы внесли въ русскую журналистику самый живой интересъ къ вопросамъ Славянства. Къ старой проповѣди Каченовскаго, этого журналиста Румянцовскаго Кружка, примк-

---

[1]) Шмидтъ, Исторія ср. уч. завед., стр. 117, 129, 127. Подъ выраженіемъ «первообразъ» вѣроятно, имѣлось въ виду извѣстное отношеніе церковно-славянскаго синтаксиса къ греческому.

[2]) Тамъ-же, стр. 177.

[3]) Сборникъ постановленій по мин. н. пр. II, стр. 62.

нули другіе серьезные дѣятели изъ самыхъ противуположныхъ партій.

О славянской дѣятельности Кеппена, направленіи его «Листовъ», мы говорили раньше. Но журналъ былъ спеціальнымъ органомъ спеціальныхъ интересовъ своего цеха. Тѣмъ любопытнѣе появленіе съ 1825 года въ русской журналистикѣ такого требовательнаго искателя славянскаго знанія, какъ Н. Полевой, съ своимъ «Московскимъ Телеграфомъ»: «неграмотный, но всегда симпатичный», сказалъ о Полевомъ тогда-же Пушкинъ.

Уже въ вводной статьѣ къ новому изданію—въ «Обозрѣніи наукъ и литературы за 1824 годъ», новый публицистъ, недовольный минувшимъ русской науки, восклицаетъ: «явите достойныхъ историковъ, филологовъ, прозаиковъ, ученыхъ... И сколько требуетъ еще самый языкъ. Пора, пора приняться за дѣло настоящимъ образомъ»[1]).

Въ «Евсархѣ» Калайдовича Полевой увидѣлъ радостное исключеніе, и онъ привѣтствовалъ его, какъ мы видѣли, горячо —«звукомъ трубъ».

Въ планѣ объ образцовомъ изданіи русской лѣтописи Полевой требуетъ, какъ приложенія, особаго тома, третьяго, который заключалъ-бы въ себѣ «географію Несторову, исторію славянскихъ народовъ вообще и русскаго въ особенности, исторію языка славянскаго и русскаго, соображеніе мѣстъ изъ Библіи, приведенныхъ Несторомъ»[2]).

Привѣтствуя мысль канцлера объ описаніи славянскихъ синодальныхъ рукописей Калайдовичемъ и Румянцовскаго Собранія Востоковымъ, «Московскій Телеграфъ» въ IV части помѣстилъ письмо изъ Праги (отъ 22 апрѣля) о засѣданіи Чешскаго Музея, о выставкѣ картинъ, а въ V—fac-simile статьи Ломоносова по русской грамматикѣ — «о славенскомъ церковномъ языкѣ и о нынѣшнихъ діалектахъ»[3]).

Въ томъ-же, первомъ, году помѣщенъ разборъ Шлегелева перевода Бхагивадъ-Гита, съ замѣчаніемъ, что еще въ 1787 г. этотъ санскритскій текстъ былъ переведенъ по-русски, съ англійскаго, и въ одной росписи онъ названъ сочиненіемъ госпо-

---

[1]) I, 257—258.
[2]) I, 247—248.
[3]) 75—79. Въ концѣ.

ина Кришны. Московскій журналъ и — санскритъ: какая сумятица, и она вдохновила извѣстнаго Воейкова сказать о Полевомъ—

Битый рюриковой палкой
И санскритскимъ батожьемъ...[1])

Можемъ отмѣтить еще энергическую статью противъ «Есклавоновъ» Сестренцевича, что все это безъ исторической критики и «не можетъ быть причислена къ историческимъ пособіямъ для изыскателей исторіи славянской и русской»[2]).

Въ программѣ журнала на слѣдующій, 1826, годъ Полевой съ удареніемъ говорилъ о своихъ симпатіяхъ къ вопросамъ славянскимъ, что въ области наукъ журналъ его останавливается на археологіи, палеографіи, лингвистикѣ[3]) — на лѣтописяхъ, пѣсняхъ, преданіяхъ разныхъ народовъ, особенно сѣверныхъ, азіатскихъ и славянскихъ».

Но статей было немного. Укажемъ на большую статью «О состояніи, духѣ и стремленіи новѣйшей польской поэзіи» (Мицкевичъ, Залѣскій, Одынецъ) и на случайную корреспонденцію Ганки: «Богемская литература», переселенную отъ Кеппена. Но помѣщая строки Ганки, редакторъ прибавляетъ отъ себя: «мы почли бы пріятнѣйшею обязанностью помѣщать всѣ извѣстія о литературахъ народовъ славянскихъ, какія почтенный г. Кеппенъ сообщалъ въ Библіографическихъ Листахъ, къ общему сожалѣнію прекратившихся съ прошедшимъ годомъ. Сіи извѣстія можно назвать драгоцѣнными, ибо литература богемцовъ, сербовъ и другихъ славянскихъ народовъ (съ малыми исключеніями для русскихъ и поляковъ) донынѣ еще не составляетъ отдѣла библіографіи и тѣмъ менѣе критики, въ журналахъ нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ. Въ семъ случаѣ пріятно было-бы видѣть, что русскіе берутъ на себя трудъ, о которомъ другіе европейцы еще не подумали»[4]).

Вездѣ въ Полевомъ говорило и чувство русское, и справедливое уваженіе къ Западу, къ ея наукѣ, т. е., къ опыту ты-

---

[1]) Ч. V, 64 и сл.—Въ «Домѣ сумашедшихъ».

[2]) 1825, ч. VI, 390.

[3]) Кажется, слово «лингвистика» впервые въ русскомъ языкѣ употреблено здѣсь.

[4]) Ч. X, 183--169, 265; X, 315—316 и прим.

сячелѣтій, не затмѣваемое первымъ. Всѣмъ этимъ Полевой былъ непохожъ на своего московскаго собрата, выступившаго на соперничество съ нимъ — быть истолкователемъ желаній, стремленій общественныхъ, но вполнѣ сближаясь съ нимъ въ славяно-научныхъ симпатіяхъ. Мы говоримъ о «Московскомъ Вѣстникѣ» извѣстнаго намъ Погодина, начавшаго выходить въ 1827 году.

Если журналъ Полеваго былъ исключительно выразителемъ личнаго духовнаго міра его редактора, то изданіе Погодина было органомъ уже цѣлой группки единомышленныхъ людей — зарождавшагося, въ будущемъ знаменитаго, общества славянофиловъ, пока еще открыто не объявлявшихъ умнаго Запада въ гніеніи, но учившихся у него, даже вдохновляемыхъ имъ[1]). Понятно, что направленіе втораго московскаго журнала было особенно славянское.

«Московскій Вѣстникъ» былъ предпринятъ по мысли юнаго, съ блистательнымъ образованіемъ (конечно, западнымъ) и дарованіями, поэта Веневитинова, на второмъ мѣстѣ—его столь же образованныхъ и даровитыхъ друзей: Хомякова, обоихъ братьевъ Кирѣевскихъ, Кошелева († 1883). Предварительно отмѣтимъ, что 1825 и начало 1826 года Хомяковъ провелъ за границей, въ Парижѣ, но на обратномъ пути объѣхалъ земли

---

[1]) 23 дек. 1829 г. Погодинъ пишетъ Шевыреву въ Италію: «П. Кирѣевскій былъ у Шеллинга, который говорилъ много о Россіи. «Россіи опредѣлено великое назначеніе». Я дохнуть не могъ, слушая это мѣсто изъ письма. Шеллингъ говоритъ, что Россія имѣетъ великое предназначеніе. Слышишь ли?..» (Русскій Архивъ, 1882, V, 123). Кирѣевскому было тогда 21 годъ (1808—1856). Къ исторіи патологическаго афоризма славянофиловъ: «гнилой Западъ», равномѣрнаго съ афоризмомъ втораго десятилѣтія: «апокалипсическій звѣрь», т. е. Наполеонъ, замѣтимъ, что впервые то изреченіе встрѣчается у кн. Вяземскаго и ранѣе появленія славянофиловъ. 9 сент. 1824 г. князь изъ Москвы пишетъ Жуковскому, упрекая въ невниманіи къ смерти Байрона: «... Наполеонъ на островѣ св. Елены и Байронъ въ Миссолунги! Вотъ два поэтическіе вопроса, которые освѣщаютъ нашу глубокую ночь. Тутъ есть какая-то религіозная таинственность, т. е. религіи, не... Прахъ сихъ двухъ великихъ людей долженъ быть принятъ дѣвственною землею, еще чистою отъ прикосновенія того, что можетъ назваться гнилью европейскою, въ виду натуры еще не упраздненной». (Русскій Архивъ, 1884, IV, 394). Конечно, смыслъ здѣсь особый.

западныхъ славянъ[1]). Правда, еще въ 1826 году Веневитиновъ переѣхалъ въ Петербургъ; но и отсюда онъ зорко слѣдилъ за задуманнымъ предпріятіемъ, заботился объ его успѣхѣ. Онъ пишетъ Погодину, что не худо бы пригласить къ соучастію Мицкевича (тотъ былъ тогда въ Москвѣ и блисталъ въ салонахъ княгини Зинаиды Волконской) — «слывущаго за знатока литовскихъ древностей, латышскаго и древне-славянскаго языковъ»[2]).

Не перечисляя статей въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (конкурренція его съ журналомъ Полеваго была слаба; самъ Пушкинъ, хотя и соучастникъ Веневитинова, не хвально думалъ о Погодинѣ[3]); число подписчиковъ никогда не превышало 300), замѣтимъ только, что знаменитый Востоковъ тогда-же, въ первомъ году, помѣстилъ любопытную статью—объ открытой имъ въ старыхъ русскихъ прологахъ біографіи св. князя чешскаго Вячеслава — моментъ объединенія насъ съ форпостомъ славянскаго племени еще въ X стол. Объ этой статьѣ уже предварительно полетѣли извѣстія въ Прагу—отъ Кеппена къ Ганкѣ, съ особенною рекоммендаціей московскаго предпріятія Веневитинова, съ просьбой—черезъ него, Кеппена, участвовать и самому въ дѣлѣ изданія.

«Расчитывая, извѣщаетъ Кеппенъ Ганку 18 ноября 1826 года, на продолженіе вашихъ благосклонныхъ сообщеній, я далъ

---

[1]) Бартеневъ, Въ память объ Хомяковѣ, 29. Понятно, какъ лично знакомый съ доступною тогда частью Славянства, Хомяковъ нѣсколько позже, въ 1830 г., могъ подать совѣтъ Шевыреву: «проѣзжая чрезъ славянскія земли въ южной Австріи, говорите какъ можно болѣе съ жителями—васъ будетъ веселить ихъ радость, и хорошо напомнить имъ иногда объ Россіи. Они своихъ сѣверныхъ братьевъ рѣдко видятъ». (Русскій Архивъ, 1882, III, 146).

[2]) Полное собраніе сочиненій Веневитинова, издан. Пятковскаго, 1862, 12. Какъ ковенскій уроженецъ, Мицкевичъ могъ практически знать литовскій языкъ, но не латышскій. Польскій поэтъ въ то время пользовался сердечными симпатіями среди русскихъ писателей. Не говоря о Пушкинѣ, укажемъ на кн. Вяземскаго, Козлова. 2 янв. 1828 князь пишетъ Козлову изъ Москвы: «... наконецъ и я скоро пущусь въ Крымъ, по слѣдамъ Мицкевича... Шимановская пишетъ мнѣ, что бываетъ у васъ довольно часто и всегда съ новымъ удовольствіемъ. Сдѣлайте одолженіе, скажите ей и дочерямъ мой сердечный padam do nog, также и Мицкевичу; только сердце мое падаетъ ему не въ ноги, а въ объятья». (Рус. Архивъ, 1882, II. 143).

[3]) Сочиненія (изд. Лит. ф.), I, 187. Письмо въ ноябрѣ 1826 г.

согласіе нѣкоторымъ московскимъ литераторамъ, во главѣ которыхъ сталъ извѣстный вамъ переводчикъ Погодинъ, поставлять имъ славянскія вещи для новаго журнала: «Московскій Вѣстникъ». Какъ долго я буду участвовать тамъ, почтительнѣйше прошу васъ всѣ извѣстія сообщать мнѣ porto, книги же и большія посылки, по прежнему, отправлять чрезъ Вѣну или моремъ. Чѣмъ чаще, чѣмъ подробнѣе будете писать, тѣмъ болѣе буду благодаренъ вамъ за сообщенія и наставленія. Самъ Востоковъ обѣщалъ москвичамъ кое-что доставить»[1]).

Въ самомъ русскомъ обществѣ, у лучшихъ людей, на сторонѣ, давно бродило какое-то исканіе разумно-національнаго, своего, славянскаго.

Отмѣтимъ прежде всего автора картинокъ современной цивилизаціи Москвы, Грибоѣдова. Его любовь къ старинѣ, къ разумному с в о е м у, такъ ярка въ Чацкомъ. «Въ Кіевѣ я, писалъ Грибоѣдовъ кн. В. О. Одоевскому въ 1825 г., пожилъ съ умершими. Владиміръ и Изяславъ совершенно овладѣли моимъ воображеніемъ; за ними едва вскользь замѣтилъ я н а с т о я щ е е поколѣніе»[2]). Культъ с в о е г о необходимо требовалъ общаго органическаго основанія — Славянства, и этотъ процессъ ясно и полно совершился, чрезъ два-три года, съ кружкомъ Веневитинова, Кирѣевскихъ.

Но особенно жаркимъ глашатаемъ Славянства, внутри себя, былъ пушкинская Кюхля—несчастный Кюхелбекеръ.

«Я вотъ уже 12 лѣтъ, отмѣтилъ онъ въ своемъ петропавловскомъ заключеніи въ 1832 году, служу въ дружинѣ славянъ, подъ знаменами Шишкова, Грибоѣдова».

Дѣйствительно, еще въ 1821 году нѣмецъ Кюхля читалъ лекціи въ Парижѣ о — с л а в я н с к о й л и т е р а т у р ѣ и с л а в я н с к о м ъ я з ы к ѣ. Импровизированныя славянскія лекціи возбудили живѣйшій интересъ въ Парижѣ; но изъ посольства было тотчасъ-же приказано Кюхелбекеру убраться домой[3]). Въ своемъ же долгомъ заключеніи онъ только и услаждался «Бѣстникомъ» Каченовскаго, «Спорами и Нориами» Буткова, возражая послѣднему, что «языки кавказскихъ чеховъ и леховъ не

[1]) Приложенія, IV, 15.

[2]) Р у с с к і й А р х и в ъ, 1882, V, 10.

[3]) Р у с с к а я С т а р и н а, 1875, сентябрь, 83; XII, 342, прим. 3.

представляютъ никакого сходства съ языками польскимъ или богемскимъ», что сходство существуетъ между языками славянскими, германскими, эранійскими, но не съ кавказскими. Языкъ же нашей Библіи онъ зналъ близко, зналъ наизусть пареміи изъ Ветхаго Завѣта[1]).

Вспомнимъ, наконецъ, добрымъ чувствомъ и имя другого страдальца «въ темныхъ пропастяхъ земли», кн. А. Одоевскаго, сердечнаго друга Грибоѣдова и сотоварища Кюхельбекера. Какая могучая славянская струна звучала въ его «Славянскихъ дѣвахъ», въ этихъ раннихъ нашихъ грезахъ о в с е с л а в я н с т в ѣ, подъ эгидой Россіи!

«Кто-же напѣвы чѣхинь услышитъ»? —
спрашиваетъ поэтъ. Онъ укоритъ ихъ:

«Дѣвы! согласно что не поете
П ѣ с н и с в я т ы я м и н у в ш и х ъ в р е м е н ъ?...
Боже, когда-же сольются потоки
Въ рѣку одну, какъ источникъ одинъ...
И, увлажая полъ-міра собой,
Землю украситъ могучей красой!»

Но съ тоскою поэтъ сознаетъ, что

«Старшая дочь въ семействѣ Славяна
Всѣхъ превзошла величіемъ стана,
Славой гремитъ, но—г р у с т н о ж и в е т ъ:
Въ теремѣ дни проводитъ, какъ ночи»..[2])

Нельзя не припомнить здѣсь «Соединенныхъ Славянъ», о которыхъ мы говорили раньше: ясно, ихъ титулъ не былъ пустымъ звукомъ, а девизомъ, дѣйствительною программой, хотя и мечтательною. Нельзя не припомнить и политическихъ грезъ старика Добровскаго. Замѣтимъ еще, какъ высоко глубиною мысли возносится русскій поэтъ надъ Колларомъ, который въ своей «Дщери Славы» посвятилъ также нѣсколько строфъ «славянскимъ дѣвамъ»!..

«Туга» русскихъ людей по Славянству встрѣчала обратный сочувственный отзывъ въ самыхъ укромныхъ уголкахъ славян-

---

[1]) Тамъ-же, сентябрь, 83—85.

[2]) Полное собраніе стихотвореній кн. А. И. Одоевскаго, изд. б. Розена (Спб. 1883), стр. 89—90. Очевидно, Пушкинъ повторялъ только кн. Одоевскаго въ изв. одѣ.

скаго міра, напримѣръ, на границѣ турецкой — среди сербовъ Венгріи, гдѣ томился Шафарикъ, и это въ то время, когда Копитаръ уже съ сердечнымъ удовольствіемъ, но къ ужасу Добровскаго, видѣлъ плоды своей дѣятельности—литературный расколъ сербовъ и русскихъ.

Въ противудѣйствіе копитаровской австрійской пропагандѣ, въ Новомъ Садѣ, въ 1825 году, сербское патріотическое Общество—«Матица»—стало издавать «Сербске Лѣтописи», удерживая историческій литературный языкъ и правописаніе, какъ показываетъ самое заглавіе. Но не одна русская форма важна для насъ: важнѣе направленіе журнала, которое ярко обозначилось уже въ первомъ-же году, въ статьяхъ руководителя журнала, талантливаго Георгія Магарашевича.

Отмѣчающей статьей уже была первая: «Краткія библіографическія свѣдѣнія о литературѣ славянъ». Задачею журнала, говорилось въ ней, быть прежде всего справочною книгою о русской литературѣ, а, затѣмъ, сербскою библіографіей. Въ другой статьѣ перваго года: «Воспитателна заведенија Славена», еще громче звучала русская нота.

«Всякій, говорилъ здѣсь редакторъ, кто испыталъ, насколько вредно было намъ въ литературѣ наше слабое знаніе трудовъ, положенныхъ на дѣло образованія у другихъ славянъ, способа ихъ развитія, болѣе того—наша отчужденность, легко признаетъ, какъ полезно будетъ каждому сербскому патріоту знакомство съ этой стороны съ своими единоплеменниками. Начнемъ-же отъ русскихъ, какъ самаго главнаго и самаго знаменитаго народа славянскаго, который, особенно начиная съ Петра Великаго, не только въ политическомъ отношеніи, но и въ своей литературѣ, сдѣлалъ громадные успѣхи» [1]).

Наконецъ, живой образецъ, подвигающій примѣръ для подражанія, былъ у себя дома. Мы говоримъ о заботахъ обоихъ польскихъ университетовъ, изъ которыхъ одинъ, Виленскій, былъ въ прямомъ подчиненіи у Шишкова, дать мѣсто у себя научному славяновѣдѣнію.

Еще въ 1822 году совѣтъ Виленскаго университета командировалъ за границу, для обозрѣнія и изученія славянскаго міра,

[1]) Цитуемъ изъ статьи: «Ђ. Магарашевић, српски књижевник, оснивач и први уредник Српског Летописа» въ журналѣ—«Летопис Матице Српске», кн. 150, стр. 18—19.

одного изъ наиболѣе подготовленныхъ — по матеріальному знанію разныхъ языковъ, своихъ профессоровъ, знакомаго намъ унитскаго ксендза Бобровскаго, друга профессора Лелевеля ab intimis, несомнѣнно, въ интересѣ открытія въ будущемъ у себя спеціальной славянской каѳедры. Другъ Лелевеля былъ богословъ, человѣкъ немолодой, и его болѣе всего занялъ, естественно, Римъ.

Слѣдомъ за Виленскимъ университетомъ пошелъ и Варшавскій.

Въ 1825 году имъ былъ отправленъ въ славянскія-же земли профессоръ Кухарскій, позже пріятель Погодина и московскихъ славянолюбцевъ, проведшій среди славянъ Австріи около пяти лѣтъ, особенно въ Прагѣ. По возвращеніи въ Россію, Погодинъ, писалъ о немъ Шевыреву (10 іюля 1830): «я успѣлъ въ послѣднее время сдѣлать много знакомствъ въ пользу просвѣщенія: съ варшавскимъ профессоромъ Кухарскимъ, который 5 лѣтъ обозрѣвалъ славянскія земли, жилъ полъ-года у насъ въ Москвѣ— ученѣйшій филологъ и пламенный славянинъ»[1]).

Дѣйствительно, пріѣздъ «пламеннаго славянина» въ Прагу былъ праздникомъ для знакомыхъ намъ чешскихъ патріотовъ, особенно Челаковскаго, который тогда именно занимался польскимъ языкомъ и литовскимъ.

Если въ 1825 году Челаковскій изъ Праги жаловался своему другу Камариту: «у насъ все тихо, и вообще ничего не слышимъ изъ славянскаго міра; даже русскіе и поляки въ этомъ году не двигаются черезъ Прагу»: то появленіе въ началѣ слѣдующаго года Кухарскаго измѣнило «тихую» идиллію. «У насъ, пишетъ 15 февраля Челаковскій къ тому-же, теперь хорошій полякъ, профес. Кухарскій изъ Варшавы, который задержится еще мѣсяца четыре, учась по-чешски... Онъ намѣревается писать всеславянскую грамматику и по этой-то причинѣ польская Эдукаційная Коммиссія выслала его на три года въ славянскія земли, чтобы онъ учился славянскимъ языкамъ, такъ сказать, съ устъ. Уже хорошо щебечетъ по-чешски. Мы ему здѣсь весьма рады, и особенно я»[2]).

Славянскія заботы польскаго министерства какъ нельзя болѣе отвѣчали подъему «славянизма» въ польской наукѣ 10-хъ,

[1]) Русскій Архивъ, 1882, 3, стр. 151.
[2]) Čelakovský, Sebrané listy, p. 179, 188.

20-хъ годовъ: цѣль коммандировки Кухарскаго была — изученіе славянскихъ языковъ изъ живой рѣчи народа. Эти заботы еще сильнѣе оттѣняются, если вспомнимъ, что тогда-же, по словамъ Челаковскаго (вѣроятно, изъ сообщенія Кухарскаго), въ Варшавѣ основывали нѣчто въ родѣ Славянской Академіи—«Общество любителей Славянства» [1]).

Суммируя все выше приведенное, можемъ сказать, что Шишковъ давалъ только послѣдюю формулировку стародавнимъ исканіямъ русской интеллигентной жизни, санкцировалъ правильный, органическій выходъ, когда, по примѣру польскаго сосѣда, рѣшилъ вопросъ объ открытіи при русскихъ университетахъ спеціальной каѳедры Славяновѣдѣнія «для расширенія славяноизученія», иными словами, когда рѣшилъ— старую московскую мысль Каченовскаго сдѣлать общерусскою. Въ заслугу стараго мечтателя-славенолюбца надо отнести и то, что неудачный московскій опытъ не устрашилъ его.

Еще менѣе нова была вторая мысль — для быстрѣйшаго осуществленія славянскаго проэкта вызвать недостававшія силы изъ-за моря, вызвать славянскихъ ученыхъ.

Уже великій царь начала XVIII вѣка, въ своей политикѣ безотлагательства, останавливался на славянахъ цесарскихъ: онъ пользовался не только услугами чешскихъ «шрейберовъ», но даже «іезовитовъ-бемчанъ», для спѣшнаго перевода книгъ, полезныхъ, по его мнѣнію, для обновлявшагося московскаго общества, привыкшаго до тѣхъ поръ пріобрѣтать залежалый товаръ польской цивилизаціи.

Примѣръ великаго преобразователя былъ живъ и у его преемниковъ. Императрица Елисавета разсматривала цесарскихъ сербовъ, какъ своихъ людей, къ раннему ужасу австрійскаго правительства: извѣстны ея вмѣшательства въ сербскія дѣла послѣ несчастнаго возстанія Петра Сегединца въ 40-хъ годахъ, приведшія къ переселенію сербовъ къ намъ. При Екатеринѣ былъ вызванъ знаменитый педагогъ, сербъ Мирковичъ фонъ Миріево, нашъ первый министръ народнаго просвѣщенія. Когда въ концѣ 80-хъ годовъ остановились на мысли открыть цѣлый рядъ провинціальныхъ университетовъ, Козодавлевъ, будущій александровскій министръ, въ своемъ ли-

[1]) Тамъ-же, p. 191.

беральномъ «Планѣ учрежденія въ Россіи университетовъ», рекомендовалъ тотъ же петровскій пріемъ — вызовъ профессоровъ изъ-за границы[1]). Въ началѣ царствованія Александра I были вызваны сербы австрійскіе: Стойковичъ, будущій харьковскій ректоръ и членъ учебнаго Комитета Шишкова, и Терлаичъ, себя не посрамившіе. Тогда же, въ 1804 г., попечитель Новосильцовъ, вызвалъ, по указанію сотоварища Сперанскаго, карпато-роса Орлая, для своего Института, карпато-россовъ же: Балугьянскаго (собственно Балудянскій), Лодія, Кукольника. Не забудемъ, что, какъ мы видѣли выше, тотъ же Новосильцовъ въ 1811 г. искалъ слависта для Россіи въ Вѣнѣ. Тогда же Сперанскій выписываетъ для Александро-Невской академіи извѣстнаго еврениста Фесслера изъ Трансильваніи, приведшаго въ ужасъ грубыхъ массоновъ толка московскаго попечителя Кутузова[2]).

Но въ самыхъ широкихъ размѣрахъ старый петровскій пріемъ имѣлъ быть приведенъ въ дѣйствіе въ 1820 году, въ министерство кн. Голицына, предшественника Шишкова, слѣд. всего за шесть лѣтъ до осенняго рѣшенія о вызовѣ славянъ, именно, послѣ децимаціи профессоровъ Казанскаго университета попечителемъ Магницкимъ.

Масса каѳедръ осталась вакантными. Какъ же замѣстить? Подростковъ какихъ-либо еще не было. Когда въ 1827 году предложено было Харьковскому университету указать своихъ кандидатовъ для образованія профессорскаго института въ Дерптѣ, ихъ не оказалось, и императоръ Николай могъ только помѣтить: «довольно стыдно Харьковскому университету, что ни одного не нашлось кандидата на полезную службу»[3]).

Князь Голицынъ надѣялся было помочь Казанскому университету вызовомъ изъ другихъ университетовъ; но на вызовъ никто не пошелъ. «Засимъ, говорилъ министръ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, слѣдовало бы обратиться, какъ доселѣ бывало, къ Германіи; но въ настоящее время, по существующему тамъ духу, не предвидится въ томъ пользы. Одинъ народъ, отъ котораго можно намъ желать ученыхъ, есть Карпато

---

[1]) Ср. Сухомлиновъ, Исторія Рос. Академіи, VI, 56.

[2]) Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, II, 471, 489.

[3]) Сборникъ постан. мин. нар. просв., т. II, № 60, отъ 20 февраля.

-Росы, говорящіе однимъ съ нами языкомъ и сохраняющіе вѣру предковъ нашихъ[1]), которая защищаетъ доселѣ племена славянскія отъ духа философизма. Но извѣстно, что правительство австрійское не благопріятствуетъ сношеніямъ Карпато-Росовъ съ нами. Профессоры, кои изъ сей націи занимаютъ въ здѣшнемъ университетѣ каѳедры, не могли по сей причинѣ сохранить связей съ своимъ отечествомъ и опасаются даже перезывать изъ него сюда людей». По мнѣнію кн. Голицына, оставалось одно средство, хотя весьма неудобное — открыть оффиціальные переговоры съ самимъ подозрительнымъ правительствомъ Австріи о замѣщеніи въ Казани 12 каѳедръ — отъ скотолѣченія и до греческой словесности.

13 марта 1820 года послѣдовало на предложеніе министра высочайшее соизволеніе[2]).

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, были ли открыты переговоры. Если раньше вызовъ практиковался болѣе въ одиночку, то теперь «перезываніе» получало характеръ суммарнаго дѣйствія.

Но Шишковъ, рѣшаясь открыть новую каѳедру, не счелъ для себя обязательнымъ съ-разу остановиться на пріемѣ кн. Голицына, хотя и высочайше одобреннымъ.

Мѣра князя Голицына мотивировалась невозможностью найти иной путь, помимо оффиціальнаго, для обновленія сношеній съ славянскими учеными Австріи: старыя связи прерваны; начинать новыя опасаются раньше призванные. Но Шишковъ не находился въ положеніи своего предшественника: въ средѣ къ нему близкихъ людей находился энергическій человѣкъ, недавній славянскій странникъ, съ запасомъ самыхъ свѣжихъ и близкихъ личныхъ знакомствъ съ учеными подозрительной Австріи, которыя онъ къ этому времени еще болѣе укрѣпилъ

---

[1]) Тамъ-же, т. I, стр. 1357—1358.

[2]) Любопытное признаніе въ устахъ денаціонализованнаго князя. Если-бы подобные взгляды руководили министерствомъ иностр. дѣлъ послѣ Румянцова, въ эпоху Вѣнскаго конгресса, вѣроятно, Галицію не выпустили-бы изъ своихъ рукъ. А позже въ нашемъ обществѣ до того забыли про нашу кровную Галицкую или Карпатскую Русь, что во время Съѣзда 1867 г. и Головацкій попалъ въ число «братьевъ-славянъ», вмѣстѣ съ «славонами» «славунами», «словенами» и т. д., — послѣднее изъ одной привѣтственной рѣчи. Странное время!

интимной переписки. Это былъ дѣлопроизводитель Комитета — Кеппенъ. Да и самъ руководитель Комитета, министръ Шишковъ, какъ мы видѣли выше, раздѣлялъ давно значительную часть славянскихъ знакомствъ своего ученаго чиновника, а эти знакомства, съ возвращеніемъ Кеппена изъ славянскаго путешествія, въ свою очередь еще болѣе освѣжились. Самъ Кеппенъ могъ только рукоплескать проэкту Шишкову, вывезя изъ -за границы самое высокое мнѣніе объ ученыхъ славянахъ, въ чемъ онъ признавался имъ откровенно, безъ всякаго лукавства, въ своей перепискѣ съ ними.

Не прибѣгая ни къ какимъ оффиціальнымъ шагамъ, Шишковъ все дѣло о призывѣ славянскихъ ученыхъ изъ Австріи поручилъ лично Кеппену, при томъ — предварительно поднятія законодательнымъ путемъ самого вопроса объ открытіи славянскихъ каѳедръ въ русскихъ университетахъ, такъ какъ этотъ вопросъ былъ въ прямой зависимости отъ успѣшности ввѣренныхъ Кеппену переговоровъ. Конечно, если вспомнимъ, что Ганка давно уже самъ добровольно назывался въ Россіи своимъ проэктомъ «о національномъ членѣ» въ Академіи, то Шишковъ, открывая чрезъ Кеппена переговоры, болѣе могъ расчитывать на положительный результатъ отъ нихъ, чѣмъ на отрицательный. Къ тому же, недавно еще изъ Австріи бѣжалъ Венелинъ, а по пражскимъ слухамъ не далѣе, какъ въ 1825 году, собирался бѣжать въ Россію и знаменитый словацкій пасторъ въ Пештѣ, поэтъ Колларъ, спасаясь отъ неистовства уже высоко подымавшихъ голову мадьярскихъ національовъ [1]).

.3.

Предварительно начатія Кеппеномъ переговоровъ съ славянскими учеными Австріи по порученію Шишкова-Сперанскаго, предварительно суммарнаго призванія славянъ, возвращаемся ко времени немного лѣтъ назадъ, ко времени установленія тѣснѣйшихъ отношеній у Кеппена съ Прагой, которая

[1]) «Говорятъ, пишетъ Челаковскій Камариту 25 сент. 1825 г., Колларъ уже въ Россіи. Долженъ былъ бѣжать изъ Венгріи. Проклятые мадьяре рѣшили съ нимъ покончить». («Sebr. listy», p. 182).

отъ той отдаленной эпохи и понынѣ сердечнѣйшій уголокъ для русскаго слависта: и понынѣ витаетъ тамъ научный и политическій духъ великаго славянина—Добровскаго, а не одинъ духъ корысти.

Эти отношенія имѣли, несомнѣнно, свою долю участія въ быстромъ рѣшеніи Шишкова, и оффиціозные переговоры стараго славянскаго посредника, Кеппена, отъ имени министра Шишкова были, какъ увидимъ сейчасъ, непосредственнымъ продолженіемъ раньше завязанныхъ имъ связей, предъ эпохой же переговоровъ получившихъ самый близкій—интимный характеръ.

Въ изложеніи этихъ отношеній, какъ и дальнѣйшихъ оффиціозныхъ переговоровъ, мы воспользуемся небольшою, неизданною еще, перепискою Кеппена съ Ганкой, съ 1823 года, которую намъ посчастливилось найти въ Прагѣ, въ Народномъ Музеѣ. Переписка эта (отчасти въ нужныхъ отрывкахъ) помѣщается нами въ Приложеніяхъ, IV.

Въ началѣ 1822 года Кеппенъ прибылъ въ Вѣну, и почти весь этотъ годъ провелъ въ разъѣздахъ по Австріи, минуя Прагу, куда свернулъ только въ 1823 году.

Вѣроятно, подъ вліяніемъ Копитара, Кеппенъ былъ нѣсколько предубѣжденъ противъ Ганки, ибо въ Россіи привѣтливо встрѣтили знакомство съ Ганкой и Румянцовъ, и Шишковъ. Въ іюнѣ 1823, дѣлясь съ Востоковымъ своими пражскими впечатлѣніями, Кеппенъ какъ-бы извиняется за свое прежнее отношеніе къ Ганкѣ: «о Ганкѣ я, пишетъ Кеппенъ, не имѣлъ того понятія, которое теперь только получилъ въ Прагѣ»[1]).

Кеппенъ и Ганка сердечно сошлись.

Уже 23 августа 1823 изъ Вѣны Кеппенъ спѣшитъ послать къ Ганкѣ свои свѣжія нѣмецкія работки, а чрезъ Ганку и къ Юнгманну, но къ Палацкому чрезъ Добровскаго, съ выраженіемъ крайняго безпокойства по поводу слуховъ о нездоровьѣ старика-аббата[2]). Между тѣмъ Кеппенъ, подъ вліяніемъ измѣнив-

[1]) Переписка Востокова, № 25.

[2]) Этимъ письмомъ начинается у насъ переписка Кеппена съ Ганкой. Оно писано по-нѣмецки, но Ганка отвѣчалъ по-русски и, очевидно, просилъ писать далѣе по-русски: «я, начинаетъ Кеппенъ отвѣтное письмо 17 октября, никакъ не могъ думать, чтобы вы хотѣли переписываться со мною по-русски. Теперь, повѣрьте, что не стану уже писать къ вамъ на другомъ какомъ либо языкѣ». Съ этого времени переписка идетъ по-русски, кромѣ особенныхъ случаевъ.

шихся обстоятельствъ, рѣшилъ до срока возвратиться въ Россію, и 17 октября, пересылая Ганкѣ «Исторію русской словесности» Греча (въ Новомъ Садѣ тогда-же она подтолкнула Шафарика приняться за свою общеславянскую исторію литературы), онъ извѣщаетъ, какъ мы видѣли выше, о скоромъ возвращеніи въ Петербургъ. Свидѣтельствуя чрезъ Ганку свое почтеніе Добровскому, Юнгманну и Палацкому, Кеппенъ заключаетъ письмо просьбой о дозволеніи и въ послѣдствіи оставаться въ перепискѣ: «повѣрьте, что каждое письмо ваше доставлять мнѣ будетъ полное удовольствіе»[1]).

На возвратномъ пути, въ Дрезденѣ, Кеппенъ получилъ отвѣтъ Ганки. О содержаніи его мы можемъ судить изъ письма Кеппена къ нему, уже по пріѣздѣ домой, но сейчасъ-же.

«А. С. Шишковъ, отвѣчалъ Кеппенъ, благодаритъ за пожеланіе ему Несторова вѣка и посылаетъ къ вамъ полный экземпляръ Академическаго Словаря. Думаю, что на ваше же имя будетъ отправленъ и другой экземпляръ, назначенный для публичной библіотеки въ Вѣнѣ. Пусть и Копытарь порадуется[2]). Деньги за пересылку прошу взыскать съ вѣнцовъ... А. С. Шишковъ въ скоромъ времени будетъ писать къ вамъ; теперь онъ очень занятъ... Спѣшу и потому прощаюсь съ вами въ надеждѣ, что вы скоро подарите меня письмецомъ...» Письмо заканчивалось дружескимъ приглашеніемъ писать безъ титуловъ и просьбой—сказать свое отчество[3]).

Письмо это помѣчено 8-мъ мая 1824, а черезъ недѣлю, 15 мая, Шишковъ былъ назначенъ министромъ. Понятно отсюда

---

[1]) Приложенія, IV, № 2.

[2]) Вѣроятно, былъ отправленъ недавно оконченный печатаніемъ «Словарь Росс. Академіи азбучнымъ порядкомъ расположенный», въ 6 томахъ. Тянулось изданіе массу лѣтъ: 1-й томъ вышелъ въ 1806 г., послѣдній въ 1822. Но могъ ли порадоваться Копитаръ? Не для него былъ этотъ странный трудъ Академіи: съ сочиненными словами въ родѣ—д в о р о б р о д ъ, смоква з а м о р е н н а я (т. е. винная ягода), съ невѣроятно длинными объясненіями элементарныхъ словъ: арбузъ, вишня, гусли («музикійное орудіе»)—по столбцу, съ необыкновенно-простыми грамматическими указаніями. А Фонъ-Визинъ, 40 лѣтъ назадъ, думалъ, что для азбучнаго словаря достаточно нѣсколькихъ подъячихъ. Этотъ то академическій Словарь далъ поводъ Копитару съострить объ насъ: «die grossen, aber in der Wissenschaft noch sehr kleinen Russen». (П и с ь м а Добровскаго, № 177).

[3]) Приложенія, IV, № 4.

выраженіе: «теперь Шишковъ очень занятъ». Ясно также довѣренное отношеніе между старикомъ-президентомъ и юнымъ горячимъ славистомъ уже тогда. Вскорѣ засимъ Шишковъ призвалъ Кеппена въ первый организаціонный Комитетъ.

Занятія по новой должности, рядъ задуманныхъ ученыхъ предпріятій (палеографическія работы для канцлера, соблазнившее изданіе Фрейзингенскихъ отрывковъ, приготовленія къ начатію «Библіографическихъ Листовъ») отвлекли на время вниманіе Кеппена отъ его пражскаго друга, и въ перепискѣ—перерывъ, до начала 1825 года. Съ первыми-же номерами «Библіографическихъ Листовъ» отношенія возобновляются.

12 января 1825 г. Кеппенъ въ нѣмецкомъ письмѣ проситъ «друга» Ганку и другихъ пражанъ о содѣйствіи новому изданію. «Возьмите, пишетъ Кеппенъ, прилагаемые листы въ руки и исправляйте что можно, чтобы сообща, наконецъ, согласиться о нашей славянской старинѣ. Къ сожалѣнію, въ прекрасномъ трудѣ нашего учителя Добровскаго я не нашелъ чешскихъ заглавій старопечатныхъ книгъ. Не могъ бы я получить ихъ отъ васъ?... Меня очень интересуетъ полный указатель грамматикъ и словарей чешскаго языка. О польской части мнѣ обѣщалъ озаботиться Хлендовскій изъ Варшавы. Не могли ли бы вы указать мнѣ на самые лучшіе источники о чешскихъ трудахъ этого рода, равно какъ и сдѣлать прибавленія»?

Вмѣстѣ съ этимъ, Кеппенъ, посылая съ привѣтомъ свой журналъ Добровскому, Юнгманну и Палацкому, извиняется предъ ними, что самъ не пишетъ. «Не могъ бы одинъ или другой предложить съ своей стороны дополненія и поправки къ моей работѣ»?—заключаетъ Кеппенъ [1]).

Ганка просьбу русскаго друга исполнилъ, какъ видно изъ отвѣтнаго письма Кеппена 5 августа. Лѣтомъ 1825 г. Юнгманъ издалъ свою «Historiji literatury české», собственно, библіографію чешскихъ книгъ, съ вводными статьями общаго характера; она была тотчасъ-же отослана Ганкой Кеппену, съ отмѣтками тѣхъ старопечатныхъ книгъ, о которыхъ спрашивалъ Кеппенъ. Благодаря за одолженіе и посылая новые номера своихъ «Листовъ», гдѣ была помѣщена статья о новыхъ чешскихъ книгахъ, Кеппенъ проситъ Ганку исправить здѣсь погрѣшности, и какъ можно

[1]) Приложенія, IV, № 5.

скорѣе, такъ какъ съ слѣдующаго года онъ собирался уже бросить свой журналъ.

Но, пиша къ другу Кеппену, Ганка никогда не забывалъ Шишкова. «По препорученію вашему я, прибавлялъ въ томъ же письмѣ Кеппенъ, засвидѣтельствовалъ ваше почтеніе А. С. Шишкову, который вамъ кланяется»[1]).

Въ послѣдующемъ нѣмецкомъ письмѣ, отъ 1 декабря, Кеппенъ отдаетъ отчетъ о своихъ занятіяхъ Юнгманновой Исторіей литературы и проситъ выправить снимокъ Краледворской рукописи, а заключаетъ сѣтованіемъ на Добровскаго: «и такъ, батюшка Добровскій мнѣ никогда не напишетъ? Спросите его осторожно — не сердится ли онъ на меня и за что? Кажется, я повода никакого не подавалъ. Простите и пишите поскорѣе вашему другу Кеппену»[2]). Дѣйствительно, въ письмѣ отъ 5 августа Кеппенъ писалъ Ганкѣ: «прошу засвидѣтельствовать мое отличное почтеніе нашему батюшѣ Добровскому; скажите ему, что я давно уже ожидаю отъ него извѣстія, собственноручнаго, которымъ бы онъ меня чрезвычайно обрадовалъ».

Въ самомъ концѣ декабря (24) Кеппенъ посылаетъ Ганкѣ, а чрезъ него Юнгманну и Палацкому, новые номера «Библіографическихъ Листовъ»[3]).

Трудъ Юнгманна продолжалъ занимать Кеппена, какъ и вообще древняя чешская литература, а между тѣмъ онъ получилъ и давно желанное извѣстіе отъ «батюшки» Добровскаго — но съ предостереженіемъ относительно Ганки, его открытій. Въ это время Добровскій сильно разошелся съ горячими учениками въ Прагѣ — «сектою зилотовъ», и въ современной перепискѣ Юнгманна, Челаковскаго дурное чувство къ ихъ великому учителю находило для себя уже откровенное выраженіе. «Славянствующій нѣмецъ», «хуже всѣхъ нѣмцевъ», «чѣмъ дальше, тѣмъ становится кислѣе и кислѣе» — вотъ эпитеты, которыми уснащены письма Юнгманна къ Марку еще въ 1823 году[4]).

Было естественно, что Добровскій нѣсколько сердился на Кеппена, защищавшаго его учениковъ, и свое неудовольствіе онъ и выразилъ въ предостереженіи противу открытій Ганки.

---

[1]) Тамъ-же, № 7.

[2]) Тамъ-же, № 8.

[3]) Тамъ-же, № 9.

[4]) «Časopis Musea», 1883, p. 48, 52.

Такъ какъ Добровскій указывалъ, что Ганка готовъ дать подробныя свѣдѣнія о первопечатныхъ чешскихъ книгахъ, то русскій славистъ, благодаря за это Ганку, 13 апрѣля 1826 чистосердечно проситъ: «желалъ-бы имѣть переводы нѣкоторыхъ заглавій, кои для меня несовсѣмъ понятны»[1]).

Конечно, не скромность говорила въ послѣднихъ словахъ Кеппена, а искреннее сознаніе. Если же уже не мало потрудившійся въ славянской наукѣ Кеппенъ, недавно еще болѣе двухъ лѣтъ кружившійся среди славянъ и славянскихъ студій, затруднялся въ прочтеніи титула старой чешской книги, то это новый ясный знакъ, какъ слабо было еще среди нашихъ первыхъ славистовъ знаніе славянскихъ нарѣчій и вообще славянской этнографіи, какъ благовременна и настоятельно нужна была задуманная реформа Шишкова. А долголѣтнія упражненія надъ Краледворскою рукописью и Любушинымъ Судомъ самого министра и его ученика, Грамматина († 1827), ничего не доказываютъ, какъ было указано раньше.

Лѣтомъ 1826 г. Кеппенъ отправилъ «своему драгоцѣннѣйшему другу» Сопикова и заключительныя страницы своихъ «Листовъ», при нѣсколькихъ сердечно-дружественныхъ нѣмецкихъ строчкахъ: «простите-же, пріятельски препоручите меня Юнгманну и Палацкому и скажите мнѣ, какими литературными вопросами заняты они»[2]).

15 сентября Кеппенъ получилъ отъ Ганки «дружескія» нѣмецкія строки, съ чешскими снимками и его нѣкоторыми замѣтками. «Къ сожалѣнію, отвѣчаетъ Кеппенъ 13 октября, у меня не достаетъ тѣхъ снимковъ, которые вы одновременно съ экземплярами Юнгманновой Исторіи чешской литературы прислали канцлеру[3]) и министру народнаго просвѣщенія. Какъ, подъ какимъ адрессомъ отправлены были эти посылки? Или лежатъ онѣ еще въ Вѣнѣ? Примите же трудъ не оставить эти вопросы безъ отвѣта, а теперь я долженъ всѣмъ этимъ особенно интересоваться, такъ какъ я еще не знаю, останусь ли въ Петербургѣ, или получу иное назначеніе на югѣ Имперіи, простившись отчасти (курс. подл.) съ науками».

---

[1]) Приложенія, IV, № 10.
[2]) Тамъ-же, № 11.
[3]) Т. е. гр. Румянцову.

Превративъ въ августѣ 1826 г. изданіе «Библіографическихъ Листовъ», Кеппенъ собирался теперь отослать въ Прагу послѣднія страницы: «все, прибавляетъ онъ, лежитъ на-готовѣ для васъ и нашего общаго предстателя — батюшки Добровскаго». Въ связи съ прекращеніемъ «Листовъ» стоитъ заключеніе письма: «ваши любезныя сообщенія о новыхъ чешскихъ произведеніяхъ я направилъ въ Москву, гдѣ должны быть напечатаны въ Телеграфѣ»[1]).

По видимому, Кеппенъ ликвидировалъ всѣ свои славянскіе счеты.

Но — разставаться Кеппену съ своими теплыми славянскими отношеніями было еще рано. Напротивъ, не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ, ему предстояло закрѣпить ихъ на-всегда, принявъ въ свои руки серьезное дѣло — ихъ, этихъ своихъ пражскихъ друзей, перевести живьемъ въ Россію, съ ихъ славянскимъ знаніемъ, опытомъ, книгами, рукописями.

А пока, 24 октября, Кеппенъ получилъ новое письмо отъ Ганки, отъ 7 октября, съ новыми свѣдѣніями по чешской библіографіи, и новыя посылки книгъ чешскихъ. «Сегодня, отвѣчаетъ Кеппенъ Ганкѣ 25 октября, я уже предварилъ А. С. Шишкова о полученіи сихъ книгъ. При представленіи ему сочиненія г. Юнгманна, попрошу, чтобы автору былъ посланъ экземпляръ Академическаго Словаря. Знаете ли, прибавляетъ Кеппенъ, что Шишковъ на прошедшей недѣлѣ женился»[2])?

Женидьба 72 лѣтняго министра на молодой вдовѣ, полькѣ Лобаржевской, стоитъ на межѣ двухъ отдѣловъ въ интимной перепискѣ двухъ друзей-славистовъ, петербургскаго и пражскаго: ученая переписка имѣла смѣниться теперь — дѣловой и была вызвана не кѣмъ инымъ, какъ младоженомъ Шишковымъ.

---

[1]) Приложенія, IV, № 13.

[2]) Тамъ-же, № 14.

Обозрѣвая содержаніе переписки Кеппена съ Ганкой, въ періодъ времени съ 1823 по 1826 годы, мы видимъ, что съ возвращеніемъ Кеппена отъ славянъ пересылки съ Прагой у насъ приняли самый живой, дружескій характеръ. Переписка Кеппена и Ганки вращалась около текущихъ научныхъ работъ, какъ собесѣдниковъ, такъ и общихъ пріятелей: Палацкаго, Юнгманна. Старикъ, или, какъ фамильярно онъ титулуется въ письмахъ, папа Добровскій, окруженъ благоговѣйнымъ вниманіемъ, но въ сторонѣ. За-то другой старикъ, несоотвѣтственный соперникъ Добровскаго, но теперь министръ народнаго просвѣщенія въ Россіи, почти не сходитъ съ пражскаго пера, съ чешскаго сердца — онъ болѣе и болѣе становится своимъ, домашнимъ человѣкомъ. Изъ Праги спѣшатъ къ Шишкову съ «богемскими» книгами, въ которыя онъ когда-то небезопасно зарывался, съ поклонами черезъ Кеппена, а Кеппенъ предстательствуетъ за своихъ славянскихъ друзей у добраго министра: тотъ благодаритъ, кланяется чрезъ Кеппена, «богемскихъ» интересовъ не забываетъ, но занимается ими теперь безбоязно.

Въ промежутокъ трехъ лѣтъ—1824—1826 гг. — слависты изъ Праги: Ганка, Юнгманнъ, уже раньше знакомые Шишкову -президенту изъ личной переписки, теперь, благодаря присутствію Кеппена въ Петербургѣ, становятся уже короткими знакомцами Шишкова, но уже министра. Старикъ привыкъ столько-же къ ихъ именамъ, какъ и къ самому Кеппену, своему дѣлопроизводителю.

Такъ постепенно прокладывался ученый славянскій путь отъ нихъ къ намъ, изъ Праги въ Россію. Онъ открылся чешскими открытіями: но заслуга укладки его принадлежала энергичному Кеппену, который, по вѣрному предсказанію преосв. Евгеніи, изъ своего смѣлаго славянскаго странствія тощъ не возвратился. Въ порядкѣ вещей, что въ будущемъ, съ развитіемъ славянскихъ интересовъ, путь этотъ долженъ былъ стать живѣе и живѣе.

Дѣйствительно, приближалось время, когда вотъ-вотъ по этому свѣжему пути тронется и потянется уже цѣлый славянскій караванъ на Сѣверъ: Ганка и его пражскіе друзья двинутся въ сѣверный «Іерусалимъ», и старыя грезы его, Ганки, о «національномъ членѣ» въ Россійской Академіи облекутся въ плоть....

. 4 .

Не прошло и мѣсяца послѣ послѣдняго письма (25 окт.)— оно, вѣроятно, еще не было въ Прагѣ, ибо на немъ рукой Ганки отмѣчено, что отвѣтъ послѣдовалъ 20 декабря н. ст., какъ Кеппенъ отправилъ къ своему пражскому другу новое, и опять нѣмецкое, какъ бы опасаясь быть не вполнѣ понятымъ по русски.

Помѣта письма — 18 ноября 1826 года.

Начало, какъ и въ прежнихъ, посвящено обычной литературной бесѣдѣ, въ связи съ личными обстоятельствами Кеппена. Оно намъ знакомо изъ предшествующаго. Кеппенъ проситъ Ганку сообщать ему почаще и пообстоятельнѣе свѣдѣнія о чешскихъ новостяхъ для новаго журнала — «Моск. Вѣстника» Погодина, извѣщаетъ о своемъ рѣшенномъ перемѣщеніи въ Крымъ, утѣшая своего друга, что тамъ онъ, можетъ быть, будетъ имѣть больше времени для своей славянской корреспонденціи. Но далѣе — крутой поворотъ.

«Теперь, продолжаетъ Кеппенъ, имѣю поговорить съ вами о предметѣ, который, какъ мнѣ кажется, очень важенъ. Онъ касается расширенія изученія Славянства въ Россіи. Было-бы весьма желательно, чтобы отнынѣ (новая организація школьнаго дѣла, которая теперь въ ходу, могла бы этому пособить) въ университетахъ находились профессора для исторіи славянскихъ литературъ. Скажите-же мнѣ, что вы думаете объ этомъ — кого бы вы могли назвать, какъ сотрудниковъ, въ этомъ дѣлѣ и—не были бы вы склонны сами перемѣститься въ Россію, и подъ какими условіями»?...

Затѣмъ, Кеппенъ подробно описываетъ на первомъ мѣстѣ наивныя прелести профессуры въ Россіи, въ расчетѣ на слабость людскую — честолюбіе, и — матеріальныя выгоды.

«Кто русскимъ профессоромъ, тотъ тѣмъ самымъ и Hofrath. По крайней мѣрѣ, такъ было доселѣ. Онъ и его дѣти принадлежатъ (разъ они стали русско-подданными) къ россійскому дворянству. Содержаніе профессора составитъ въ будущемъ, вѣроятно, отъ 4 до 5 тыс. рублей, т. е. около 2000 гульденовъ серебромъ».

«Петербургъ, Москва, Харьковъ и Казань, поясняетъ далѣе Кеппенъ вопросъ о славянской каѳедрѣ, вотъ тѣ универси-

теты, для которыхъ были бы желательны славянскіе профессора. Предварительно я уже говорилъ съ министромъ въ этомъ отношеніи, и онъ разрѣшилъ мнѣ узнать ваше мнѣніе. Только я прошу отвѣчать какъ можно скорѣе, такъ какъ и самъ не знаю, останусь ли еще, и какъ долго, въ Петербургѣ? Что думаете вы о Шафарикѣ и полагаете-ли, что онъ направился бы въ Россію? Было бы желательно, чтобы мы заполучили людей отъ обѣихъ главныхъ вѣтвей славянскаго племени [1]). Жаль, что Палацкій доселѣ мало писалъ, и полагаете ли вы, что онъ, при своей поэтической натурѣ, не легко бы взялся за сухую литературу? Впрочемъ, его рвеніе, кажется, ручается за него. Но обращалъ ли онъ вниманіе на литературу восточной вѣтви славянъ»?...

Осторожно намѣтивъ славянскихъ кандидатовъ на славянскія каѳедры: Ганку, Шафарика и — эвентуально — Палацкаго (Юнгманнъ благоразумно опущенъ, какъ старикъ — 53 лѣтъ), Кеппенъ спѣшитъ устранить затрудненіе при естественномъ вопросѣ объ языкѣ преподаванія: «лекціи на первое время могли бы быть на латинскомъ, пожалуй, на нѣмецкомъ языкѣ, пока-бы новые профессора вполнѣ не освоились съ русскимъ».

«Имѣй мы здѣсь, пишетъ въ заключеніе своего любопытнаго предложенія отъ 18 ноября Кеппенъ, по крайней мѣрѣ, одного ученаго чеха или словака, то и сравненный Далимилъ могъ бы быть здѣсь напечатанъ, какъ этого желаетъ министръ. На дняхъ же онъ самъ будетъ писать вамъ объ этомъ предметѣ, какъ и о работахъ Лубенскаго, которыя онъ желаетъ имѣть здѣсь» [2]).

---

[1]) Т. е. представителей, какъ отъ сѣверо-западныхъ славянъ, такъ и отъ юго-восточныхъ, по распредѣленію славянъ у Добровскаго.

[2]) Приложенія, IV, № 15. Письмо это Кеппенъ заключаетъ опять литературными справками о дѣятельности Добровскаго, Юнгманна, сомнѣніемъ своимъ о Любушиномъ Судѣ. Упомянувъ о Лубенскомъ, Кеппенъ продолжаетъ: «напишите однако условія Лубенскаго и сообщите ихъ мнѣ». Лубенскій — молодой сербъ-лужичанинъ, который въ то время началъ обработку грамматики своего роднаго языка по системѣ Добровскаго. Онъ учился въ т. наз. сербо-лужицкой католической семинаріи въ Прагѣ. Во время путешествія Бобровскаго по Лужицамъ, въ 1823 г., Лубенскій былъ его спутникомъ («Вѣсти. Евр.», 1825, № 4). Но о какихъ работахъ запрашивалъ Шишковъ? Вѣроятно, словарныхъ, по лужицкому языку.

Письмо заключено опять литературными просьбами и предложеніями.

Таково содержаніе историческаго письма сотрудника и славянскаго посредника министра Шишкова in slavicis къ Ганкѣ отъ 18 ноября 1826 года.

Изъ него видно, что открытіе новой, славянской, каѳедры стояло въ связи съ общими организаціонными мѣрами въ дѣлѣ національнаго образованія: она имѣла укрѣпить, «расширить» изученіе Славянства въ Россіи. Иниціаторомъ могъ быть только самъ министръ, но не его предпріимчивый чиновникъ, хотя совершенно понятно, что Кеппенъ всѣми силами долженъ былъ поддерживать счастливую мысль о славянской каѳедрѣ. Думаемъ, что уже давно, изъ-подъ-доволь, въ частныхъ и частыхъ славянскихъ бесѣдахъ съ министромъ, призваннымъ къ особенно цѣлью—упорядоченія, національзаціи русской школы, недавно возвратившагося съ прекрасными впечатлѣніями отъ славянъ Кеппена, только что прекратившаго изданіе своего объединительнаго славянскаго органа, гдѣ столько мѣста отведено было явленіямъ славянскихъ литературъ, и крупнымъ, и мелкимъ, крупныхъ и мелкихъ литературъ, рѣчь о славянской каѳедрѣ и о легчайшемъ, традиціонномъ, способѣ ея осуществленія была предметомъ обсужденія. Интимное отношеніе Кеппена къ министру, сближеніе съ тѣмъ же министромъ, но чрезъ Кеппена, пражскихъ славистовъ до того, что самъ Шишковъ увлекается ихъ темами (онъ собирается сейчасъ же писать Ганкѣ о его «Далемилѣ»), говоритъ въ пользу этого предположенія. Но, открывая, съ прямаго разрѣшенія министра, рѣчь съ Ганкой о славянской каѳедрѣ въ Россіи, Кеппенъ не одобренія отъ Ганки искалъ самому проэкту, а обратился, какъ къ общему близкому знакомому и общеуважаемому агенту, за практическимъ совѣтомъ: на-сколько осуществимъ проэктъ въ виду мѣстныхъ, западно-славянскихъ, условій, найдутся ли охотники? Это какъ нельзя лучше видно изъ аналогическаго запроса, и тогда же, 18 ноября, и въ Вѣну, къ Копитару. Копитаръ имѣлъ помочь, какъ получить представителей отъ второй «главной вѣтви славянскаго племени», т. е., юго-восточной, какъ это ясно изъ его отвѣтнаго письма Кеппену отъ 3 января (н. ст.) 1827 года.

На первомъ мѣстѣ расчетъ былъ на самого Ганку: онъ еще недавно предлагалъ мысль о «національномъ членѣ» въ Академіи. Кеппенъ самъ намѣчаетъ на второмъ мѣстѣ Шафарика, и только на третьемъ Палацкаго, но оговариваясь, что было-бы лучше, если бы кандидатами не были одни чехи. Нѣсколько сомнѣваясь въ принятіи предложенія Шафарикомъ, онъ не вполнѣ довѣряетъ «поэтическому» Палацкому.

Только что было упомянуто, что одновременно съ обращеніемъ въ главную агентуру, тождественный запросъ былъ сдѣланъ Кеппеномъ и въ Вѣну.

Изъ обоихъ консультантовъ первымъ отвѣчалъ Копитаръ —3 января 1827 года, и—неодобрительно.

Копитаръ отнесся съ усмѣшкой къ славянскому проэкту Шишкова: онъ не осудилъ самой мысли, но способъ ея осуществленія, находя его непрактическимъ, и указалъ тотъ путь, къ которому мы, дѣйствительно, обратились нѣсколько позже, когда изъ пріема Кеппена не вышло ничего, но не по его винѣ. Кажется, Копитаръ повторялъ здѣсь только мнѣніе Добровскаго.

«Шафарикъ, отвѣчаетъ Копитаръ Кеппену на его обращеніе о содѣйствіи, достоинъ бы былъ всяческаго покровительства; но я желалъ бы его лучше тамъ, гдѣ онъ теперь. Почему же Михановича вы забыли? Такихъ кавалеровъ я отдалъ бы вамъ всѣхъ. Но сказать откровенно — я жду солиднаго только отъ туземцевъ, которые могли-бы образоваться или у себя дома, или въ путешествіи, или еще лучше — при соединеніи того и другаго, какъ это имѣло мѣсто съ вами лично» [1]).

Обращеніе Кеппена перебирается тогда-же въ письмѣ Копитара къ Добровскому отъ 12 января, и здѣсь онъ даетъ свободу своему чувству. «Кеппенъ пишетъ, что онъ сдѣлалъ предложенія Шафарику и Ганкѣ, и спрашиваетъ меня, не могъ ли я пред-

---

[1]) Письма Добровскаго, стр. 707. Антонъ Михановичъ, родомъ хорватъ, тогда австрійскій чиновникъ, долго служившій консуломъ въ Турціи. Извѣстна его нѣкоторая любовь къ славянскимъ студіямъ, выразившаяся въ собираніи старо-славянскихъ рукописей, въ ученыхъ статейкахъ, въ которыхъ онъ справлялся даже съ санскритомъ—простой диллетантъ. Такъ какъ онъ дослужился до v o n'a, поэтому Копитаръ, по обычаю, издѣвается, титулуя его «chevalier». Предлагая такого «спеціалиста» для Россіи, въ отвѣтъ на довѣренную просьбу Кеппена о серьезномъ содѣйствіи, Копитаръ, очевидно, смѣялся. Михановичъ умеръ послѣ 1860 года.

ложить еще другихъ? Такъ какъ объ этомъ я думаю, какъ и вы, то, шутки ради, напомнилъ я ему иронически про одного хорвата — Михановича, котораго онъ самъ здѣсь вкусилъ»...[1]).

Копитаръ отвѣчалъ Кеппену 3 января 1827 года, Ганка на другой день—4-го. Къ сожалѣнію, мы отвѣта не имѣемъ, но о содержаніи его можемъ догадываться изъ письма на него Кеппена и другихъ указаній.

Прежде всего, несомнѣнно главное — Ганка самъ принялъ предложеніе на выѣздъ въ Россію, и предъявилъ свои условія, которыя въ Петербургѣ были найдены «умѣренными». Несомнѣнно и второе, что о Шафарикѣ могъ выразиться только одобрительно. Шафарикъ былъ далеко, далекъ отъ всякихъ личныхъ счетовъ; всегда скромный, онъ былъ давно гордостью чешскихъ людей. Еще въ началѣ 1823 г. Юнгманнъ съ торжествомъ сообщалъ своему Марку, что Шафарикъ «по просьбѣ Эрша и Грубера пишетъ о литературѣ славянской въ ихъ Энциклопедіи»[2]). Въ началѣ же 1826 г. Шафарикъ началъ уже печатать свою «Исторію славянскихъ литературъ». Зато яблокомъ раздора въ крохотной кучкѣ чешскихъ патріотовъ былъ Палацкій, и своему нерасположенію къ нему Ганка навѣрно далъ выходъ въ письмѣ отъ 4 января.

Ганкѣ не трудно было воспользоваться сомнѣніемъ своего петербургскаго друга о недостаточной годности третьяго намѣченнаго въ Петербургѣ члена славянскаго тріумвирата, «поэта» Палацкаго, для предположенныхъ учебныхъ цѣлей, и развить это сомнѣніе. По крайней мѣрѣ, на мѣсто него онъ провелъ своего кандидата, поэта Челаковскаго, своего друга, не давно прославившаго его пѣснопѣніемъ и посвященіемъ своихъ произведеній, но имѣвшаго за себя и любовь къ славянской наукѣ, и любовь къ Россіи. Нѣсколько лѣтъ спустя, Шишковъ прямо ссылается на эту рекомендацію Ганки: «Челаковскій хотя и извѣстенъ болѣе по произведеніямъ въ родѣ изящной словесности, однако Ганка, коего свидѣтельство представляетъ достаточную благонадежность, отзывается, что онъ занимался славянскимъ языкомъ по всѣмъ его нарѣчіямъ и съ пользою

[1]) Тамъ-же, № 222.

[2]) «Casopis Musea», 1883, p. 49.

могъ бы быть профессоромъ по сей части»[1]). Наконецъ, изъ дальнѣйшаго хода дѣла можно съ полнымъ вѣроятіемъ полагать, что въ этомъ же письмѣ Ганка распредѣлилъ и мѣста: первое, Петербургъ—себѣ; второе, Москву—Шафарику; третіе, Харьковъ — Челаковскому. По крайней мѣрѣ, 12 іюня 1827 г. Челаковскій пишетъ Камариту: «что это себѣ думаешь, что я такъ долго не пишу? А что за долго? Два мѣсяца. Учись и привыкай обходиться безъ моихъ писемъ: изъ Харькова чай и одного письма не будетъ за три мѣсяца»[2]).

Выборъ Челаковскаго не выходилъ изъ компетенціи права, предоставлявшагося письмомъ 18 ноября, и былъ вообще удаченъ. Избранникъ Ганки былъ выше кандидата Кеппена. Самъ же Кеппенъ могъ судить о Палацкомъ только по своимъ слабымъ воспоминаніямъ изъ пражской жизни.

Миловидный эстетикъ, протестантъ по вѣрѣ, Франтишекъ Палацкій былъ встрѣченъ жизнью сурово. Онъ только думалъ о Прагѣ, а общій печальникъ, Юнгманнъ, уже скорбитъ въ письмѣ къ Марку (23 февр. 1823 г.): «Палацкій мнѣ пишетъ, что, не имѣя склонности стать пасторомъ, желалъ бы подыскать себѣ какое-нибудь занятіе въ Моравіи или, охотнѣе, въ Чехіи, напримѣръ, библіотекаря, или что-либо подобное; проситъ совѣта и помощи. Онъ прекрасный молодой человѣкъ, но главное затрудненіе—вѣра. Кто его возьметъ въ воспитатели—развѣ какой-нибудь еврей? На перемѣну вѣры онъ не рѣшится, и я опасаюсь, что и эта звѣздочка на горизонтѣ нашей литературы угаснетъ, какъ угасла другая — Пуркинье, который вчера уѣхалъ въ Бреславль».

Въ половинѣ апрѣля Палацкій прибылъ въ Прагу: «въ рядъ-ли въ чемъ успѣетъ, повторяетъ скорбный Юнгманнъ — вѣры ради»[3]).

Но осторожный, пріятный, какъ отмѣтилъ его тогда же Юнгманнъ, Палацкій, и при своей вѣрѣ, съумѣлъ скоро найтись. Впрочемъ, прежде всего онъ обязанъ былъ гуманному аббату Добровскому, старому представителю благороднаго іозефинизма,

---

[1]) Сухомлиновъ, Ист. Росс. Ак., VII, 232.

[2]) «Sebrané listy», p. 202. Харьковъ обозначенъ здѣсь инициалкой, очевидно, въ слѣдствіе опасенія полиціи.

[3]) «Časopis Musea», 1883, p. 49, 50.

не привыкшему считаться о вѣрѣ. Правда, чрезъ много лѣтъ, послѣ смерти своего благодѣтеля, оперившійся Палацкій уже нѣсколько съ-высока смотрѣлъ на первые пражскіе годы и свои отношенія къ Добровскому понималъ своеобразно. «Вы очень ошибаетесь, возражалъ онъ Коллару 24 ноября 1830 г., считая меня питомцемъ и преемникомъ Добровскаго. Никогда онъ меня за своего не считалъ, такъ какъ я къ славянской филологіи при его жизни никакой охоты не имѣлъ, въ исторіи же чешской уже съ 1824 г. имѣлъ собственное сужденіе, часто несогласное съ его сужденіемъ»[1]). Но именно Добровскій провелъ его въ дома чешскихъ аристократовъ, цѣня его способности, историческія знанія, ввелъ въ тотъ фарватеръ, по которому онъ плылъ всю свою жизнь, забывая своихъ. Мы видѣли, онъ прежде всего забылъ Добровскаго, хотя современники именно его считали пріемышемъ Добровскаго.

Дѣйствительно-же пріемышъ чешскихъ феодаловъ, воспринявшій отъ нихъ рано высокомѣрный тонъ, самомнѣніе, рано отказывавшійся отъ истинной чести считаться сыномъ Добровскаго, Палацкій чрезъ предсѣдателя Національнаго Музея, гр. Штернберка, къ эпохѣ откровеннаго приглашенія Кеппена, уже очень вліятельный дѣятель. Именно, въ концѣ 1826 года Палацкій, орудіе гр. Штернберка, избранъ редакторомъ двуязычнаго журнала Музея — на соблазнъ пишущей братіи. «Юнгманнъ, пишетъ въ самомъ началѣ 1827 года Челаковскій Камариту, злобится на Палацкаго — да и многіе другіе: господинъ всезнайка каждому, по своему произволенію, стрижетъ статьи, да и безъ того можно замѣтить среди нашихъ большую антипатію къ нему, по многимъ причинамъ»[2]). Ему-ли двигаться въ Россію, и не въ Петербургъ, а куда нибудь въ провинцію—напр. въ Харьковъ, Казань? . . .

Апатичный къ славянамъ, потому антипатичный имъ, до послѣднихъ дней своихъ, съ блестящими надеждами на будущее, благодаря пріязни сильныхъ, высокомѣрный, сервильно-деспотическій, Палацкій, очевидно, не годился для скромной роли русскаго профессора, предлагавшейся ему въ Россіи, еще менѣе могъ желать. Охоты къ славянской филологіи онъ не чувство-

---

[1]) Тамъ-же, 1879, p. 471.

[2]) «Sebrané listy», p. 199.

валъ. Слѣдовательно, Кеппенъ въ своемъ провидѣніи и колебаніи не ошибался; только поэтическою натурою Палацкій уже давно пересталъ быть, буде онъ ее имѣлъ. Старый благожелатель его, Юнгманнъ, не любившій теперь Добровскаго, могъ только сказать о Палацкомъ въ 1827 году: «старый каплунъ подъ невымъ соусомъ»[1]).

Иной человѣкъ, въ иномъ положеніи, былъ избранникъ Ганки, дѣйствительный, и замѣчательный, поэтъ — Ладиславъ Челаковскій.

Безупречный идеалистъ, талантливый, но нищій, бездомный поэтъ, Челаковскій съ-изъ-мала былъ преданнѣйшимъ другомъ и славянской филологіи, отверженной Палацкимъ, и нашего языка, Россіи. Челаковскому принадлежитъ весьма ранняя и высоко поэтическая обработка нашихъ былинъ — «Ohlas písní ruských» (въ печати въ 1829, но уже въ 1827 при переводѣ литовскихъ пѣсенъ Резы приложенъ «Potok Michajlo Iwanowič») — заслуга, забываемая нами. А сколько любви къ намъ въ его шутливомъ разсказѣ о странствованіи съ арфой за плечами по Русской Землѣ, отъ Кърконошъ (горы вост. Чехіи) къ синему Дону, бурной Волгѣ, холодной Невѣ и цвѣтущей Тавріи—въ письмѣ къ Марку еще въ 1822 году, своему русскому учителю[2])! Онъ рано усвоилъ и польскій языкъ, сошедшись еще въ началѣ 20-хъ годовъ съ знаменитымъ критикомъ, Казиміромъ Бродзинскимъ, изъ Варшавы, рано остановился и на литовскомъ языкѣ, глашая тѣмъ старое ученіе Добровскаго объ этомъ языкѣ. Въ то время какъ Палацкій уже занимался чисткой литературнаго языка чеховъ отъ русскаго вліянія[3]), Челаковскій отъ юности своей мечталъ объ одномъ — бѣжать, спасаться въ Россію[4]).

---

[1]) «Časopis Musea», 1883, p. 57.

[2]) Тамъ-же, 1887. 63—64.

[3]) 17 ноября 1829 г. Палацкій жалуется Коллару на русизмы въ языкѣ, что они де отталкиваютъ читателей отъ чешскихъ книгъ, но заключаетъ успокоеніемъ: «всѣ здѣшніе писатели, пожалуй, за исключеніемъ господъ Ганки, Свободы и Линды, уже заботливо избѣгаютъ всего того, что было бы для нашихъ читателей о с к о р б л е н і е м ъ». («Časopis Musea», 1879, p. 393).

[4]) Еще въ 1824 г. Челаковскій на-столько владѣлъ русскимъ языкомъ, что писывалъ друзьямъ письма по-русски («Sebrané listy», стр. 144, 146, письма

Въ Челаковскомъ, какъ восторженномъ и талантливомъ сотрудникѣ для открывавшихся славянскихъ студій въ Россіи, Ганка уже сомнѣваться не могъ. И прошлое его, и настоящее, такъ говорили въ его пользу. Старыя грезы бездомнаго поэта о побѣгѣ къ намъ имѣли такъ блестяще осуществиться....

Тогда-же, вмѣстѣ съ общею рекоммендаціей Ганки, писалъ въ Петербургъ и самъ Челаковскій, на имя Шишкова. Ибо, сообщая о своихъ славянскихъ студіяхъ Камариту, Челаковскій 12/31 іюня 1827 г. пишетъ: «полабскій словарь уже составленъ, начинаю теперь переписку; любопытно мнѣ знать, какой отвѣтъ дастъ мнѣ Шишковъ, потому что въ письмѣ, отправленномъ къ нему, я между прочимъ коснулся и вопроса — не пожелала ли Академія напечатать эти остатки вымершаго славянскаго языка?»[1])

Радость восторженнаго Челаковскаго работать въ Россіи и для Россіи можно себѣ представить. Уже сейчасъ же по полученіи Ганкою письма Кеппена объ открытіи славянскихъ каѳедръ, 31 января 1827, онъ спѣшитъ подѣлиться этою патріотическою новинкою съ старымъ своимъ другомъ, столяромъ-панславистомъ въ маленькихъ Стѣраконицахъ, Планкомъ. «Вотъ сообщаю вамъ новость — въ Россіи, въ четырехъ университетахъ, открываются каѳедры славянскихъ литературъ и славянскихъ языковъ, гдѣ слѣдовательно и нашъ чешскій языкъ будетъ раздаваться—именно, въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и

въ переводѣ). Изв. Марекъ былъ его учителемъ. Зналъ сербскій языкъ, польскій; рано, съ 1822 г., сталъ заниматься литовскими пѣснями, затѣмъ готскимъ языкомъ (тамъ-же, стр. 92, ср. 185, 191, 198). Подъ вліяніемъ Россійской Академіи, съ которой тогда только что укладывались теплыя и живыя отношенія, Челаковскій сталъ и этимологомъ, но съ подготовкой ученаго. «Да, пишетъ онъ въ 1824 г., языкъ старославянскій или церковный и его хорошее знаніе столько же необходимы для славянскаго этимолога, сколько знаніе для хорошаго музыканта генералъ-баса» (тамъ-же, 145)—убѣжденіе, къ которому наука пришла много позже. И бѣдность, и неудовлетвореніе своихъ идеаловъ — указали ему путь въ Россію, бѣжать куда онъ рѣшилъ уже въ 1820 году, обратившись съ просьбой къ изв. послу, Головкину. (Тамъ-же, 24, 26, 29 и др.).

[1]) Тамъ-же, р. 202. Кеппенъ Челаковскому былъ совершенно незнакомъ. Извѣщая Камарита въ 1825 г. о имѣющихъ выходить «Библіографическихъ Листахъ», онъ объ издателѣ выражается: «какой-то Кеппенъ» (тамъ-же, 180).

Казани... Поляки въ Варшавѣ будутъ имѣть также всеславянскую каѳедру. Какъ это весело будетъ впереди»!..[1]). Но о себѣ, о приглашеніи славянъ ни слова. Но что еще болѣе удивительно — ни слова о русскихъ новинкахъ въ весенникъ письмахъ Челаковскаго къ его задушевному другу, Камариту. Лишь въ письмѣ отъ 27 марта маленькій намекъ — что при личномъ свиданіи «наговоримся—о Россіи»[2]). Вѣроятная причина—опасеніе предъ полиціей, такъ какъ именно въ это время нѣмецкія газеты полны были криковъ о задуманномъ декабристами «Славянскомъ Союзѣ».

Вмѣстѣ съ Челаковскимъ радовались и прочіе споспѣшники наши, особенно Юнгманнъ съ своимъ Маркомъ. Если раньше Юнгманнъ восторгался министерскою дѣятельностью Шишкова, по газетнымъ слухамъ, что «въ Россіи по новому учебному плану, выработанному Шишковымъ, иностранные языки удалены изъ школы»,—«это, писалъ онъ Марку 3 января 1827 г., меня радуетъ; по крайней мѣрѣ, есть страна, гдѣ вознаградятся утраты»: то съ словомъ «славянская каѳедра» въ той же «странѣ» счастіе его должно было удесятериться. Черезъ мѣсяцъ (3 февраля), жалуясь на безсмысленное преслѣдованіе цензурой всего, что носитъ имя славянское, на двусмысленность поведенія Палацкаго, онъ въ тоже время успокаиваетъ Марка: «болѣе пріятныя вѣсти приходятъ съ Востока; по письму Шафарика изъ Новаго Сада аккерманская конвенція гарантируетъ народность сербамъ и новая эпоха откроется для народа и литературы; въ Россіи-же, въ четырехъ университетахъ, учреждаются славянскія каѳедры, тоже и въ Варшавѣ. Итакъ, зазвучитъ тамъ и чешскій языкъ и что только есть лучшаго на немъ»[3])!..

Въ концѣ января (27) Кеппенъ отвѣчалъ Ганкѣ, слѣдовательно, спустя два мѣсяца съ небольшимъ послѣ приглашенія. По видимому, все было по старому: срокъ былъ невеликъ; но тонъ письма былъ далеко не мажорный.

«Условія ваши, писалъ Кеппенъ, я представилъ г. министру. Кажется, что дѣло сладится и что мы будемъ

---

[1]) Тамъ-же, p. 494.
[2]) Тамъ-же, p. 201.
[3]) «Časopis Musea», 1883, p. 58.

имѣть удовольствіе видѣть васъ въ С. Петербургѣ. Предварительно могу сказать вамъ, что какъ А. С. Шишковъ, такъ и М. М. Сперанскій, находятъ условія ваши умѣренными». Стало быть. все хорошо; но — за этимъ неожиданный минорный оборотъ. «Теперь рѣчь идетъ о томъ только—учреждать ли словенскія каѳедры, или нѣтъ. Надѣюсь, что дѣло рѣшиться въ пользу Словенскаго, а слѣдовательно, и отечественнаго языка»[1]). Очевидно, рѣчь пошла о весьма существенномъ...

Итакъ, условія предложеннаго переселенія одобрены и приняты главными дѣйствующими лицами Комитета: Шишковымъ и Сперанскимъ; но далѣе — выражается только нѣкоторая увѣренность въ порѣшенной встрѣчѣ обоихъ старыхъ друзей въ Петербургѣ. Прошло немного недѣль (ноябрь 1826 — январь 1827), и взглядъ Шишкова на самый вопросъ объ открытіи славянскихъ каѳедръ какъ-будто измѣнился, и прежнее, по видимому, твердое намѣреніе его поколебалось. — И эта перемѣна взгляда сказалась тогда, когда менѣе всего можно было ее ожидать, когда сомнѣніе въ осуществимости славянскаго проэкта чрезъ вызовъ такъ быстро и легко было отстранено, благодаря энергіи находчиваго Кеппена . . .

Какія же это обстоятельства могли поколебать рѣшеніе Шишкова открыть славянскія каѳедры, послѣ того какъ первыя трудности были такъ скоро устранены? Кандидаты — Ганка, Челаковскій, готовы, ждутъ вызова, и вдругъ — остановка: да открывать-ли самыя каѳедры?..

Самъ Шишковъ не могъ раздумать въ теченіе немногихъ недѣль. Открытіе славянскихъ каѳедръ такъ гармонировало со всѣми его славянскими порывами. Въ позднѣйшемъ же сожалѣніи Кеппена — года черезъ два, когда министра Шишкова смѣнилъ членъ Комитета, кн. Ливенъ, о неудачѣ, постигшей славянскій проэктъ, мы видимъ прямое указаніе, что Шишковъ твердо стоялъ на своей мысли (а стойкость была въ его природѣ), что сомнѣніе противъ каѳедры, именно, противъ пріема ея отарытія—чрезъ вызовъ чужихъ силъ, могло выйти только со стороны.

Полагаемъ, что сторона эта была самъ Комитетъ, т. е. большинство его членовъ. Сперанскій, сейчасъ-же одобривши

[1]) Приложенія, IV, № 16.

условія Ганки, найдя ихъ умѣренными, гр. Строгановъ, вѣроятно, раздѣлялъ взглядъ Шишкова. Комитетъ-же могъ думать о предпочтительности иного пріема при открытіи новой славянской каѳедры, того пріема, который такъ рѣшительно со словъ Добровскаго былъ указанъ Копитаромъ, что пользы можно ждать только отъ туземныхъ дѣятелей, и который не далѣе, какъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, хотя и при оппозиціи Шишкова и его двухъ единомышленниковъ — Сперанскаго и гр. Строганова, былъ удостоенъ высочайшаго одобренія.

3 сент. 1827 г., по высочайшему повелѣнію, былъ внесенъ статсъ-секретаремъ Блудовымъ въ Комитетъ устройства учебныхъ заведеній проэктъ академика Паррота, благороднаго друга императора Александра I: «Sur les universités de l'interieur de la Russie». Цѣль проэкта — приготовить для русскихъ университетовъ профессоровъ изъ русскихъ — «туземцевъ»; средства — устройство при нѣмецко-русскомъ университетѣ въ Дерптѣ профессорскаго института, а затѣмъ посылка тѣхъ-же кандидатовъ за границу. Проэктъ явно направлялся противъ традиціоннаго пріема вызова ученыхъ силъ изъ-за границы, противъ котораго еще недавно, въ 10-хъ годахъ, по открытіи цѣлаго ряда провинціальныхъ университетовъ въ Россіи, такъ краснорѣчиво-софистически возставалъ іезуитъ-лаикъ, сардинскій графъ Сегюръ, въ своихъ письменныхъ бесѣдахъ съ министромъ Разумовскимъ: Сегюръ исключеніе дѣлалъ для іезуитовъ, которые -де одни смогли-бы спасти Россію[1]). Въ частности, по проэкту

[1]) См. Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ. II, 451 и др. Вопросъ — какъ имѣть профессоровъ, былъ вопросомъ живымъ въ то время, и одинаково, какъ для университетовъ русскихъ, такъ и для университетовъ, открытыхъ имп. Александромъ въ земляхъ бывшей Польши. Одновременно съ Казанскимъ былъ открытъ университетъ въ Вильнѣ, польскій. Профессора и для него были вызываемы частію изъ Германіи, частію изъ Австріи. Уже въ 10-хъ годахъ среди виленскихъ профессоровъ поднялся вопросъ о непригодности вызова и необходимости образованія учебныхъ силъ изъ своихъ. Въ главѣ дѣйствія противъ «иностранцевъ» стоялъ знаменитый профессоръ медицины Франкъ, но самъ изъ Вѣны. Былъ, напримѣръ, такой случай. Соискатель, прислалъ изъ Германіи свою диссертацію, на прекраснѣйшемъ латинскомъ языкѣ. Но профессоръ Бобровскій, извѣстный намъ канонистъ, указалъ, что сочиненіе — буквально списано съ одной старопечатанной книги. Ср. обо всемъ этомъ отрывки изъ воспоминаній проф. Франка въ журналѣ «Na dziś», t. II (Kraków, 1872), p. 12—13, гдѣ проэктъ Франка. О Бобровскомъ тамъ-же, p. 13, прим.

Паррота, спеціалисты русской словесности имѣли доканчивать свое техническое образованіе «подъ надзоромъ Россійской Академіи, которая учредитъ для нихъ особыя бесѣды о словесности россійской и славянской» — очевидно, уступка и комплиментъ министру-президенту Шишкову; кромѣ того «русскіе литераторы» должны были дообразовываться «годъ въ Гёттингенѣ, для нѣмецкой и англійской (!) литературы, и годъ въ Парижѣ, для литературы французской и итальянской (!)».

Проэктъ Паррота произвелъ бурю въ Комитетѣ: Шишковъ, Сперанскій и гр. Строгановъ объявили, что онъ «не заслуживаетъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія» (не безъ воспоминанія-ли объ оппозиціи Комитета противъ славянскаго проэкта, ихъ проэкта?); но прочіе члены—нѣмецкаго происхожденія (Ливенъ, Ламбертъ, Крузенштернъ, Шторхъ) и два русскіе (Блудовъ, Уваровъ) «были такого мнѣнія, что хотя не всѣ предположенія г. Паррота могутъ быть приведены въ дѣйство, но въ проэктѣ его есть и такія, которыя достойны вниманія Комитета и правительства».

При докладѣ всего профессорскаго дѣла, императоръ Николай положилъ высочайшую резолюцію: «профессора есть достойные, но ихъ немного и нѣтъ имъ наслѣдниковъ; ихъ должно готовить и для сего лучшихъ студентовъ послать на 2 года въ Дерптъ, а потомъ въ Берлинъ или Парижъ» [1]).

Такимъ образомъ, пріемъ Паррота о выработкѣ своихъ профессоровъ былъ мнѣніемъ Комитета и удостоился высочайшаго одобренія. Противъ него были тѣ, которые останавливались раньше на противуположномъ традиціонномъ пріемѣ — вызовѣ. Въ пользу Шишкова, Сперанскаго и Строганова говорило то обстоятельство, что когда, какъ мы уже видѣли, вслѣдъ за этимъ затребовано было отъ Харьковскаго университета назвать своихъ кандидатовъ для Дерпта, онъ отозвался неимѣніемъ ихъ. Если же въ началѣ слѣдующаго, 1828 года, и самъ Сперанскій пошелъ по пути Паррота и ему высочайше повелѣно было образовать спеціально-юридическій профессорскій институтъ при Петербургскомъ университетѣ изъ семинаристовъ, то

---

[1]) Сборникъ распоряженій по мин. нар. просв., т. II, № 48. Ср. № 59.

онъ, очевидно, не противурѣчилъ себѣ, а только послѣдовалъ за установлявшеюся практикой [1]).

Такимъ образомъ, Копитаръ и большинство членовъ Комитета, вѣроятно, сходились въ неодобреніи мыслей Шишкова -Сперанскаго о славянской каѳедрѣ въ Россіи, о вызовѣ для «расширенія славянскихъ студій» славянскихъ ученыхъ Австріи. Дѣло затянулось—на-всегда.

Но самъ Кеппенъ, какъ будто, долго еще не отчаявался въ видимо проигранномъ дѣлѣ. Вѣроятно, въ этомъ смыслѣ поддерживалъ его и Шишковъ. И послѣ письма отъ 27 января онъ проситъ Ганку не унывать и ждать послѣдняго слова; только сила вѣры въ добрый исходъ поднятаго дѣла ослаблялась съ каждымъ новымъ письмомъ.

Ганка отвѣчалъ 7 марта. Что—не знаемъ. 6-го же апрѣля Кеппенъ извѣщалъ своего пражскаго друга о близкомъ своемъ отъѣздѣ въ Крымъ, и съ просьбой — быть покойнымъ, но съ довольно слабою гарантіей въ успѣхѣ—чрезъ неумолкаемое личное предстательство.

«О словенской каѳедрѣ, пишетъ Кеппенъ, все еще ничего не рѣшено; коль скоро что либо послѣдуетъ, не премину васъ тотчасъ о томъ увѣдомить. Я съ моей стороны не перестаю хлопотать о семъ предметѣ» [2]).

Письмо это получено было Ганкой только 3 іюня.

Между тѣмъ прошелъ май. Кеппенъ не двинулся на Югъ, а дѣло если и подвинулось, то не къ лучшему, и 1-го іюня онъ съ новымъ грустнымъ письмомъ къ Ганкѣ, опять нѣмецкимъ. Правда, онъ снова съ своимъ обычнымъ успокоеніемъ; но оно опиралось теперь уже на самой слабой надеждѣ, такъ какъ давалось уже понять, что «наше общее дѣло» можетъ окончиться и ничѣмъ. Не заявленныя Ганкою и Челаковскимъ условія остановили, а останавливалъ принципъ: быть славянской каѳедрѣ, или нѣтъ?

«Драгоцѣннѣйшій другъ! Относительно вашего или, скорѣе, нашего общаго дѣла — именно, славянскихъ каѳедръ, все еще ничего не рѣшено, начинаетъ Кеппенъ свое прощальное письмо отъ 1 іюня. Такъ какъ я оставляю Петербургъ, то

---

[1]) Тамъ-же, № 57.

[2]) Приложенія, IV, № 17.

мой другъ Гёце, котораго вы узнаете изъ перевода русскихъ и сербскихъ народныхъ пѣсенъ, будетъ продолжать съ вами дальнѣйшіе переговоры. Въ сдѣланныхъ условіяхъ вообще нечего выбрасывать; весь вопросъ — въ учрежденіи славянскихъ каѳедръ. Какъ рано или какъ поздно онъ разрѣшится, пока еще предвидѣть нельзя. Можетъ быть, случится это очень скоро, но, можетъ быть, и никогда». «Я съ своей стороны дѣйствовалъ въ интересѣ дѣла, на-сколько только могъ», прибавлялъ Кеппенъ, какъ бы въ оправданіе себя противъ возможныхъ нареканій, а, можетъ быть, и дѣйствительныхъ — отъ Ганки.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ слѣдовали въ Прагу посылки книгъ, для Ганки: новый знакъ, что свиданіе въ Петербургѣ уже не предвидѣлось. Въ посылкѣ былъ и подарокъ отъ «министра», т. е. Шишкова, для Юнгманна — Академическій Словарь. Кеппенъ заключаетъ письмо отъ 1 іюня просьбой, чтобы Юнгманнъ не отказалъ себѣ въ трудѣ извѣстить лично министра о полученіи[1]).

Взаимный обмѣнъ мыслей умедляется: недавно живой вопросъ сталъ теперь тяжелымъ, и Ганка отвѣчалъ Кеппену только въ концѣ октября, а затѣмъ со стороны Кеппена успокоеніе прекращается на годъ и полтора мѣсяца, до Одессы, чтобы отсюда, когда уже было очевидно, что все пропало, извѣстить друзей чешскихъ еще лишній разъ — не унывать и надѣяться...

И въ Прагѣ, дѣйствительно, еще живутъ долгое время вѣрою въ слова Кеппена, въ ожидаемое переселеніе, какъ этого требовали успокаивающія завѣренія Кеппена, ждутъ-не дождутся. Вопросъ о славянской каѳедрѣ въ Россіи, во всѣхъ русскихъ университетахъ — вопросъ дня среди «патріотовъ» Праги. Они связывали съ нимъ не только личные, но и болѣе общіе интересы — политической побѣды славизма. Ошибались-ли?.. Можемъ только вспомнить, что за проэктъ Паррота были кн. Ливенъ, Шторхъ; противъ—Шишковъ, Сперанскій, гр. Строгановъ.

Мы слышали изъ письма Челаковскаго отъ 12 іюня (н. ст.), какъ онъ извинялъ предъ другомъ Камаритомъ свое молчаніе

---

[1]) Тамъ-же, IV № 18.

указаніемъ, что, когда очутится онъ въ Харьковѣ, мѣсяцами не будетъ писемъ.

Томительная неизвѣстность въ теченіе перваго полугода только слегка навѣваетъ сомнѣніе на поэта-слависта, и въ концѣ іюля онъ нѣсколько тяготится своимъ положеніемъ. «Изъ Россіи до сихъ поръ ничего, съ грустью пишетъ онъ Камариту 24 іюля; не знаю, чѣмъ все это дѣло окончится? Или изъ всего выйдетъ одинъ пуфъ»[1]).

Но проходитъ 1827 годъ. Отъ Кеппена нѣтъ болѣе даже сладкихъ увѣреній; но Челаковскій все еще съ нѣкоторою надеждою. Говоря о своихъ занятіяхъ англійскимъ языкомъ, онъ пишетъ тому-же другу въ январѣ 1828 года: «однако, если останусь на родинѣ, тотчасъ же примусь за Шекспира». Мысль о Россіи еще продолжала жить, какъ въ самомъ Челаковскомъ, такъ и среди ему близкихъ. Пылавшая къ поэту-патріоту платоническою любовью монашенка-патріотка изъ одного пражскаго женскаго монастыря еще въ мартѣ робко спрашиваетъ своего друга: «что, изъ Россіи до сихъ поръ еще ничего?», чтобы затѣмъ увѣрить, что въ счастіи его и въ печали никто не приметъ такого сердечнаго участія, какъ ему преданная Антонія... И самая вѣсть объ уходѣ друга чеховъ, Шишкова, изъ министерства, вѣсть, «непріятная» для Челаковскаго, вызвала въ немъ прежде всего одно опасеніе—не будетъ ли его преемникъ, кн. Ливенъ, человѣкомъ, политически предубѣжденнымъ противъ всего славянскаго?

«Изъ Россіи, заключаетъ онъ письмо къ Камариту отъ 8 іюня (слѣд., 26 мая ст. стиля), пришло непріятное извѣстіе — Шишковъ оставилъ министерство по болѣзни, рѣшивши остатокъ дней своихъ провести для себя. Кн. Ливенъ назначенъ на мѣсто его; боюсь, чтобы не былъ этотъ какимъ-нибудь нѣмцемъ»[2]).

---

[1]) «Sebrané listy», p. 204.

[2]) Тамъ-же, p. 209, 525, 223. Замѣщеніе Шишкова, науко-и славянолюбца, генераломъ кн. Ливеномъ, проведшимъ свой долгій вѣкъ въ походахъ, отъ времени своего адъютанства еще при кн. Потемкинѣ, не могло не возбудить сомнѣнія. Что-же касается его убѣжденій политическихъ, то отмѣтимъ его рѣчь профессоромъ Московскаго университета, при первомъ знакомствѣ, 22 дек. 1828 г. Онъ заключилъ ее: «я русскій и вы — русскіе». (Снегиревъ, указ. Дневникъ, стр. 111). Но къ Дерптскому университету особенно благоволилъ.

Крѣпко вѣрилось въ Прагѣ, потому что желалось.

Сошелъ Шишковъ, смѣненный хотя членомъ того же Комитета устройства учебныхъ заведеній, но чуждымъ наукѣ, а не то что славянской; прошелъ и второй годъ ожиданій, 1828,— но Челаковскій все еще вѣритъ: жалуется, но ждетъ, полный покорности судьбѣ...

«Изъ Россіи и Англіи—ничего, словно все было герметически закупорено, пишетъ тому-же другу Челаковскій въ мартѣ 1829 года. Жду утромъ, жду вечеромъ и постоянно повторяю: жди своей минуты, какъ гусь колоса»[1]).

Только къ концу 1829 года Челаковскій, по видимому, отказался отъ своего Харькова — отъ своего хлѣбнаго «колоса», когда, не получая никакого отвѣта отъ Шишкова на первое свое предложеніе о печатаніи полабскаго Словаря въ Академіи въ теченіи почти трехъ лѣтъ, рѣшилъ его напечатать самъ, и въ октябрѣ имѣлъ уже свою рукопись изъ опасной цензуры[2]). Итакъ, онъ отказался отъ мысли своего сердца... Но прошелъ мѣсяцъ, другой, и въ его бѣдной хатѣ заслышался давно желанный призывный голосъ изъ Россіи, послѣдовалъ второй призывъ, но чтобы разрѣшиться тѣмъ-же, чѣмъ и первый, чтобы еще разъ надсмѣяться надъ доброю душою восторженнаго поэта, оставивши въ немъ усиленно-горькое воспоминаніе о разбившихся надеждахъ, какъ это увидимъ ниже.

Томленіе страдавшаго поэта достойно глубокаго сочувствія. Но патронъ его, практическій Ганка, такъ долго томиться не могъ. Надо думать, Ганка по второму письму Кеппена уже заподозрѣлъ, что славянскій вопросъ принялъ неблагопріятный оборотъ и, вѣроятно, причину этого увидѣлъ было въ предложенныхъ «умѣренныхъ» условіяхъ, такъ какъ Кеппенъ, какъ мы видѣли, спѣшитъ успокоить его на этотъ счетъ, что не въ условіяхъ дѣло. На прощальное письмо Кеппена (предъ переѣздомъ въ Крымъ) Ганка отвѣтилъ только въ октябрѣ. Отвѣтъ же Кеппена на это письмо, хотя все еще съ успокоеніями, но въ глазахъ практическаго Ганки не давалъ уже болѣе мѣста сомнѣнію объ печальной участи, постигшей въ Россіи проэктъ Шишкова о славянской каѳедрѣ.

---

[1]) Тамъ-же, p. 234. «Dočkej času, co hus klasu»—вѣроятно, поговорка.

[2]) Тамъ-же, p. 255.

Извиняясь за долгое молчаніе, благодаря за дружескія присылки книгъ, Кеппенъ, послѣ годоваго перерыва, пишетъ Ганкѣ 14-го іюля 1828 года изъ Одессы — и на старую тему: «объ учрежденіи славянскихъ каѳедръ я все еще хлопочу и не задолго предъ симъ о семъ-же предметѣ писалъ къ новому министру народнаго просвѣщенія, кн. Карлу Андр. Ливену. Не знаю, что̀ послѣдуетъ». Но далѣе самъ тутъ-же признается, что шансовъ никакихъ, что дѣло о славянской каѳедрѣ могло пройти лишь при старикѣ: «жаль, очень жаль, сѣтуетъ теперь Кеппенъ, что А. С. Шишковъ не успѣлъ привести въ исполненіе сего добраго дѣла» [1]).

Болѣе Кеппенъ не успокаивалъ . . .

Такъ истинно доброе, своевременное и плодотворное дѣло Шишкова—учрежденіе славянскихъ каѳедръ въ русскихъ университетахъ—на помощь и развитіе русской науки, не разцвѣтши отцвѣло, зачахло . . . Обращеніе перваго ходатая за него изъ Одессы къ министру Ливену было шагомъ отчаянія: слабымъ-ли силамъ Кеппена было спасти, воззвать къ жизни дѣло, которое молча было похоронено, не смотря на участіе въ немъ Сперанскаго, съ его всегдашними завѣтными мыслями о «новомъ бытіи Россіи»!..

Проэктъ учрежденія университетской каѳедры «Исторіи славянскихъ литературъ», съ славистами изъ австрійскихъ славянъ, палъ вмѣстѣ съ его виновникомъ, старымъ, испытаннымъ славенолюбцомъ, и пера, и жизни.

Безспорно, Шишковъ былъ очень старъ, настойчивъ, упрямъ; но все это не помѣшало Шишкову, «министру народнаго затмѣнія», какъ неудачно сострилъ надъ нимъ Карамзинъ, строгимъ судомъ преслѣдовать Магницкаго, дать передышку русской литературѣ, поднять такіе серьезные вопросы, какъ учрежденіе славянской каѳедры въ Россіи, любить, а не губить науку (имъ посланъ былъ знаменитый языковѣдъ Гульяновъ за границу), быть, наконецъ, вдохновителемъ правдивой музы великаго поэта. Польскія-же отношенія Шишкова должны были потрясти положеніе его.

Министръ женился на полькѣ, которая въ особомъ офиціальномъ мірѣ уже давно отмѣчена была, какъ «старая

[1]) Приложенія, IV, № 18.

интриганка»[1]), и давно уже давала чувствовать себя въ самомъ министерствѣ.

«Съ тѣхъ поръ, какъ министерство народнаго просвѣщенія ввѣрено адмиралу Шишкову, поляки, пишетъ великій князь Константинъ Павловичъ Бенкендорфу (покровителю Магницкаго) уже послѣ паденія министра, постоянно находятъ средства и пути, чтобъ вступать въ прямыя сношенія съ этимъ министерствомъ, а съ тѣхъ поръ какъ они стали находить тамъ легкій доступъ, отъ нихъ начали поступать туда разные доносы»[2]).

Послѣ женитьбы, скромный славено-этимологическій кабинетъ Шишкова оживился: рѣже въ немъ слышались этимологическіе домыслы старцевъ; ихъ смѣнили новые гости—живые польскіе звуки, и домъ министра сталъ мѣстомъ вдохновенія для столичной польской колоніи, отъ крупныхъ величинъ, какъ Мицкевичъ, и до мелкой букашки, въ родѣ Пржецлавскаго, автора недавнихъ «Воспоминаній»[3]).

Можетъ быть, эти польскія отношенія Шишкова имѣли свое участіе и въ странномъ исходѣ поднятаго имъ вопроса о систематической организаціи изученія Славянства въ Россіи — почему вопросъ былъ какъ бы замолчанъ, такъ и остался безъ какого либо оффиціальнаго движенія.

Что недостатка въ личномъ участіи у Шишкова не было и не могло быть, мы убѣдимся и изъ слѣдующихъ страницъ. Старикъ помнилъ свою неудачу.

. 5 .

70-лѣтній молодой мужъ старой польской «интриганки» болѣе не министръ, не радѣтель болѣе интересовъ образованія

[1]) Назначенный въ 1824 г. попечителемъ въ Вильну изв. нам. Новосильцовъ тогда же жалуется Аракчееву на польскихъ дѣятелей въ столицѣ: Сенковскаго, Булгарина, Грека. «Но опаснѣйшая изъ всѣхъ, пишетъ Новосильцовъ, есть г-жа Лобарженская (старая интриганка, извѣстная еще со временъ пок. Кутузова); я не знаю почему, но та дѣйствительная правда, что на нее болѣе всего кладутъ надежды». (Дубровинъ, Письма, т. 400). Причина — намѣченная невѣста министра.

[2]) Русскій Архивъ, 1885 г., I, 26.

[3]) Русская Старина, 1874, т. XI, 471; 1875, т. XIII, 388—393. Пржецлавскій приходился родственникомъ Шишковой.

Но Шишковъ остался президентомъ Россійской Академіи, этого стража интересовъ русскаго языка, по гордому опредѣленію самого старика, и онъ рѣшилъ интересы Славяновѣдѣнія, не нашедшіе пока доступа къ университетамъ, принять подъ охрану Академіи, принять въ Академіи тѣхъ, которые не могли быть приняты въ университетахъ.

Погасшее дѣло — славянскій призывъ — всплываетъ съ новою силою, ведется за-ново энергически и быстро, легко проходитъ опасныя тѣснины, къ которымъ даже не подошелъ первый славянскій проэктъ — законодательный путь, но за тѣмъ — чтобы въ концѣ и во второй разъ разрѣшиться ничѣмъ.

Новый славянскій шагъ Шишкова вполнѣ отвѣчалъ настойчивому характеру старика. Въ новомъ приглашеніи намѣченныхъ раньше славянскихъ ученыхъ Шишковъ могъ видѣть требованіе долга — дать удовлетвореніе имъ, попусту потревоженнымъ. Неудача перваго проэкта разстроила его, теперь любимыя, чешскія студіи. Давно лежали безъ движенія словарныя затѣи. Наконецъ, разъ старые кандидаты въ Россіи, легче было попытать воскресить неудавшійся проэктъ . . . Не забудемъ и дѣйствій энергическаго Кеппена, не дававшаго даже кн. Ливену забыть про первый проэктъ.

Вторичный славянскій призывъ было тѣмъ легче открыть, что его весьма удобно можно было зацѣпить за самый уставъ Академіи, за тотъ параграфъ его, который уже десять лѣтъ оставался мертвою буквою.

Составляя новый уставъ для Россійской Академіи въ 1818 г., Шишковъ вмѣнялъ въ обязанность членовъ и занятія славянскими языками: помимо «славенской» грамматики, академики должны были «стараться о сводѣ славянскихъ нарѣчій, объ изслѣдованіи корней и происшедшихъ отъ нихъ вѣтвей» (гл. II, § 1). Но, естественно, Шишковъ при этомъ не могъ оставить безъ вниманія главнаго вопроса—о самихъ средствахъ для славянскихъ упражненій членовъ своей Академіи. Мы видѣли, книжный вопросъ, сношенія со странами за рубежемъ, въ ту глухую эпоху международныхъ отношеній, представляли существенныя трудности.

Въ этихъ видахъ Шишковъ своимъ новымъ уставомъ открывалъ при Академіи особое учрежденіе—Библіотеку и, главнымъ образомъ, с л а в я н с к у ю. «Академія, гласилъ Уставъ, старается

завести у себя избранную библіотеку изъ книгъ, наиболѣе относящихся къ языку и словесности: сего ради должно ей доставить и собирать всякаго рода азбуки, словари, грамматики, а особливо всѣхъ славянскихъ нарѣчій, такожъ на всѣхъ языкахъ библіи и всякія древнія рукописи» (гл. II, § 8).

Конечно, возложеніе на «избранное сословіе изъ всего круга ученыхъ Россіянъ» обязанности составлять и коллекцію азбукъ, притомъ, всякого рода, нѣсколько странно. Но оно лишній разъ возстановляетъ предъ нами знакомый образъ Шишкова, съ его смутными представленіями о задачахъ науки языка, о нуждахъ славянскихъ студій. Необходимо вспомнить при этомъ, что въ разсматриваемую эпоху азбучные вопросы среди славянъ Запада и Юга дебатировались съ страстностью парламентскихъ прѣній, мѣстами подымая на ноги и тайную полицію, какъ напримѣръ въ Прагѣ, и расплодили обширную, для ознаменованія нашего славянскаго убожества, азбучную литературу [1]). Объ этомъ уже говорилось выше.

Про это-то открытіе «Славенской Библіотеки» при Россійской Академіи, вмѣненное членамъ ея въ обязанность еще въ 1818 году, но остававшееся до сихъ поръ однимъ доб-

---

[1]) Уставъ Академіи—въ «Сборникѣ постановленій по мин. нар. просв.», т. I, указанные §§ на стр. 1165. Характерна одна подробность въ учрежденіи о Славенской Библіотекѣ. Шишковъ, изъ опыта зная, какою цѣною достается каждая славянская книжка, не исключая и азбукъ (вспомнимъ выписку книгъ Румянцовымъ для Востокова), замѣчательно строго отнесся къ вопросу о мѣрахъ для сбереженія новой библіотеки въ потомствѣ. Драконовскою строгостью онъ обставилъ пользованіе книгами для самихъ академиковъ: книги на домъ отпускались лишь съ дозволенія министерства и «съ обязательствомъ того, кто взялъ, чтобы въ случаѣ невозвращенія книги, заплатить вдесятеро противъ цѣны оной» (гл. II, § 8, конецъ). — Для характеристики взглядовъ среди искреннихъ учениковъ Добровскаго на выработку несчастнаго разнообразія азбукъ въ жизни славянъ отмѣтимъ одно обстоятельство. Колларъ въ своей, не разъ уже нами упоминаемой, поэмѣ — «Дщерь Славы», для кириллицы нашелъ мѣсто въ Раю, а глаголицею пользуются — въ Аду, обитатели послѣдняго:

«Nad vratami pekla železnými
Průčelí se černé zdvihuje,
Kde se nápis tento spatřuje
Literami rytý glagolskými...» (сон. 538).

И здѣсь ясна великая политическая идея феноменальнаго аббата!..

рымъ пожеланіемъ, и вспомнилъ теперь старикъ—послѣ неудачи съ университетскимъ славянскимъ проэктомъ. Не новый вопросъ имъ подымался, а только старый обновлялся.

Для веденія дѣла былъ избранъ, какъ и естественно ожидать, старый испытанный агентъ, какъ и старикъ, тяжело принявшій неудачу перваго проэкта — Кеппенъ.

Въ половинѣ октября 1829 года, послѣ долгихъ странствованій по югу Россіи, Кеппенъ заглянулъ въ Петербургъ.

На пути, въ Тулѣ, чрезъ митрополита Евгенія, получилъ Кеппенъ письмецо отъ Ганки и тотчасъ же по пріѣздѣ въ столицу поспѣшилъ къ Шишкову: отъ одного изъ пражскихъ друзей была просьба къ президенту чрезъ стараго посредника, и Шишковъ ее тотчасъ-же исполнилъ. Дѣло было въ томъ, что пожертвованный Шишковымъ для Юнгманна Академическій Словарь утонулъ въ Балтійскомъ морѣ. «О Словарѣ, извѣщаетъ Кеппенъ Ганку 1 ноября, я докладывалъ А. С. Шишкову, который обѣщалъ отпустить для Юнгманна еще одинъ экземпляръ».

Но бесѣда Шишкова съ Кеппеномъ не ограничилась темой о погибшемъ въ волнахъ экземплярѣ Словаря. Была у нихъ тема болѣе серьезная: старикъ-президентъ давно поджидалъ появленія на старомъ мѣстѣ своего стараго славянскаго посредника, Кеппена.

«Смѣю надѣяться, продолжалъ Кеппенъ свое письмо отъ 1 ноября, что евангеліе Остромирово будетъ со временемъ издано и, *можетъ быть, вами, ибо еще не теряю надежды видѣть васъ въ С.-Петербургѣ*. При случаѣ прошу васъ меня увѣдомить, *не перемѣнили-ль вы и г. Челаковскій мнѣнія своего касательно переселенія въ Россію*» [1]).

Такимъ образомъ всплываетъ вторично вопросъ о призывѣ тѣхъ же самыхъ славянскихъ кандидатовъ въ Россію — Ганки, Челаковскаго и Шафарика (о послѣднемъ см. ниже); осторожно выраженная Кеппеномъ надежда, это—попытка Шишкова пристроить ихъ въ самой Россійской Академіи, въ открываемой для того при ней «*Славенской Библіотекѣ*».

Прошло неполныхъ два мѣсяца, и 29 декабря 1829 года Кеппенъ, полный понятнаго восторга, спѣшитъ къ Ганкѣ, съ

---

[1]) Приложенія, IV, № 20.

радостнымъ привѣтомъ, но пока подъ секретомъ: робко выраженная раньше надежда смѣнялась теперь полною увѣренностью, при чемъ Кеппенъ не забываетъ выставить и своихъ заслугъ.

«Съ всею поспѣшностью, начинаетъ Кеппенъ свое письмо отъ 29 декабря, и опять, въ виду важности его содержанія, понѣмецки, долженъ я объявить вамъ, что наше[1]) желаніе—видѣть васъ въ Россіи, кажется, приходитъ въ исполненіе. Съ тѣхъ поръ, какъ я опять въ Петербургѣ, работали мы не безъ успѣха: Россійская Академія опредѣлила отъ 30 до 40 тысячъ рублей на созданіе Славянской Библіотеки и отъ 3 до 4 тысячъ ежегодно на пополненіе ея.

«Въ библіотекари избраны: г. Ганка, съ содержаніемъ въ 4 тысячи рублей, г. Челаковскій — въ 3 тыс., г. Шафарикъ — въ 4 тыс., всѣ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ приглашаются въ Россію иностранные профессора, съ подъемными, правами службы и пр. Г. Челаковскій уравненъ съ экстра-ординарными профессорами. Обо всемъ этомъ я имѣю составить особенную Записку, хотя я и не членъ Россійской Академіи. Представленіе по этому дѣлу отъ Академіи уже пошло въ министерство, и теперь требуется одного утвержденія государя. Хотя я нимало не сомнѣваюсь въ этомъ утвержденіи, но дѣло можетъ еще нѣсколько замедлиться.

«Итакъ, заключалъ счастливый, наконецъ, посредникъ, ждите терпѣливо, пока я или кто другой не напишетъ къ вамъ официально. Я полагаю, что однимъ изъ главныхъ вашихъ занятій будетъ сопоставленіе всѣхъ славянскихъ нарѣчій въ одномъ словарѣ, въ родѣ Словаря Линде» [2]).

Хотя оффиціозное письмо Кеппена къ Ганкѣ отъ 29 декабря и имѣло помѣту: «конфиденціально», но сейчасъ же вѣсть о новомъ призывѣ прошла въ среду патріотовъ. Ганка, Челаковскій на приглашеніе Кеппена отвѣчали согласіемъ, но послѣдній уже съ значительною холодностью, сдержанностью, согласіемъ по неволѣ; друзья-же, что по-серьезнѣе, привѣтствовали благословеніями, наивные—наивными опасеніями. Помнилось Челаковскому недавнее разочарованіе.

---

[1]) Очевидно, Кеппенъ разумѣетъ и Шишкова.

[2]) Приложенія, IV, № 21.

«Милый другъ, писалъ Челаковскій Камариту 3 февраля (нов. ст., слѣд. 22 янв.) 1830 года, кто бы повѣрилъ, что въ нашей жизни бываютъ случаи, которые одновременно источникъ и удовольствія, и боязни. Въ такомъ именно состояніи нахожусь я теперь. Вчера Ганка получилъ письмо отъ Кеппена изъ Петербурга, которымъ дается ему знать, что Россійская Академія избрала его, меня и Шафарика библіотекарями въ новоучреждаемую Всеславянскую Библіотеку, съ чѣмъ соединяется обязанность работать намъ вмѣстѣ надъ общеславянскимъ словаремъ... Какъ пишетъ Кеппенъ, это рѣшеніе Академіи уже передано въ министерство, и что нѣтъ сомнѣнія, что будетъ одобрено императоромъ. Мы должны быть готовы и ждать оффиціальной бумаги.

«Ганка, продолжаетъ Челаковскій, съ полною готовностью принимаетъ предложеніе, да и мнѣ равнымъ образомъ ничего другаго не остается, какъ ухватиться за ту-же оказію. Но будь я на мѣстѣ Ганки, т. е., имѣй столько-же доходу, какъ онъ, я бы того не сдѣлалъ. Меня же здѣсь ожидаетъ одна горькая будущность—тяжелая борьба изъ-за куска хлѣба».

Свою неохоту къ переѣзду въ Россію Челаковскій объяснялъ необходимостью распрощаться на-всегда съ поэзіей, сухихъ словарей ради. «Мнѣ болѣе всего жаль, писалъ онъ далѣе, что будетъ нужно на вѣки оставить область поэзіи, тогда какъ я думаю, что въ этой сферѣ я былъ-бы въ состояніи нѣчто сдѣлать. Впрочемъ, прежде чѣмъ дѣло прійдетъ къ концу, можетъ протечь еще добрый годъ»[1]).

Разлука съ старымъ другомъ была тяжела для Камарита. «Боже, отвѣчаетъ онъ Челаковскому 16 февраля, что̀ ежели наша бесѣда будетъ послѣдней»!.. Но онъ сейчасъ-же одобряетъ и благословляетъ въ путь Челаковскаго указаніемъ, что во всемъ воля Божія, что изъ разлуки можетъ быть и польза для несчастной родины: «хорошаго человѣка Богъ еще никогда не оставлялъ, и нашей дружбѣ нечего такъ сильно страшиться той роковой минуты, страшиться, что мы теряемъ разомъ и надежду на лучшіе дни, и на нѣкоторое, по крайности, вознагражденіе, особенно, когда эта серьезная жертва приносится въ инте-

[1]) «Sebrané listy», p. 259.

ресс родины, для которой тамъ можно будетъ, вѣроятно, не мало сдѣлать»[1]).

Въ другомъ другѣ Челаковскаго, знакомой намъ уже «монахинѣ» Антоніи, вѣсть изъ Россіи вызвала теперь прежде всего женски-наивное опасеніе о спасеніи его души.

«Въ воскресенье, пишетъ Антонія, этотъ любопытный типъ патріотической монашенки, своему Челаковскому, мнѣ сообщили, какъ самую свѣжую новость, что вы и Ганка получаете въ Россіи хорошія мѣста... Всѣ эти извѣстія меня крайне испугали, потому что я полагала, что, прежде чѣмъ я возвращусь, вы вынуждены будете оставить Прагу. Не знаю, можете-ли вы себѣ представить, какъ болѣла я сердцемъ?.. Сердце мое полно вопросовъ, на которые вы должны мнѣ еще отвѣчать. Прежде всего — относительно католическаго исповѣданія: будетъ-ли вамъ дозволено въ Россіи свободно его исповѣдывать»?... При свиданіи-же съ другомъ, Антонія сначала плакала, но потомъ говорила Челаковскому, что если онъ получитъ мѣсто въ Россіи, она «будетъ вдвое любить русскихъ»[2]), т. е. разсуждала по своему.

На этотъ разъ Челаковскій непріятно ошибся въ успокоительной надеждѣ, что дѣло и теперь затянется, какъ прежде, на годъ, а, можетъ, и больше, какъ ошибся и Кеппенъ, прося Ганку о терпѣніи: уже 7 января 1830 послѣдовало высочайшее утвержденіе и ходатайства Россійской Академіи объ учрежденіи при ней Славянской Библіотеки, и избранія на должность библіотекарей всѣхъ трехъ славянскихъ кандидатовъ.

«Нѣсколько дней тому назадъ, извѣщаетъ 15 января Кеппенъ Ганку, государь императоръ благоволилъ утвердить планъ Россійской Академіи и одобрилъ избраніе трехъ библіотекарей. Теперь, въ самомъ ближайшемъ времени, должно послѣдовать къ вамъ оффиціальное приглашеніе».

Итакъ, въ недалекомъ будущемъ предвидѣлся подъемъ далекаго славянскаго каравана въ Россію, и, обрадованный ходомъ дѣла, Кеппенъ уже озабоченъ, какъ получше бы устроить самое путешествіе долго уже поджидаемыхъ гостей.

«Сегодня, продолжалъ Кеппенъ, я уже говорилъ со многими членами Академіи о путевыхъ издержкахъ; но онѣ еще

[1]) Тамъ-же, p. 262.

[2]) Тамъ-же, p. 534, 264. Ср. 536.

не рѣшены. Ваше вступленіе въ должность и уплата содержанія должны начаться съ прибытія вашего въ Петербургъ».

Вмѣстѣ съ этимъ Кеппенъ рѣшилъ, съ согласія, конечно, Шишкова, воспользоваться предстоявшимъ путешествіемъ молодаго Челаковскаго для порученія ему особенной ученой миссіи, которая уже давно и такъ соблазнительно манила самого Кеппена—познакомиться съ русскимъ племенемъ въ Карпатахъ, по сю и по ту сторону ихъ. «Я письменно выразилъ желаніе[1]), прибавлялъ Кеппенъ, чтобы Челаковскій на своемъ пути въ намъ объѣхалъ край русняковъ, и тамъ, въ сѣверо-восточной Венгріи и юго-западной Галиціи, равно какъ во Львовѣ, Краковѣ и Варшавѣ, пробылъ бы нѣкоторое время, но чтобы его жалованье и служба шли со дня отъѣзда изъ Праги. Пожалуйста, скажите намъ какъ можно скорѣе, согласенъ ли Челаковскій на это путешествіе. На-сколько я знаю, онъ холостъ и могъ бы легче, чѣмъ вы или Шафарикъ, совершить путешествіе въ край русняковъ»[2]).

Челаковскій отвѣчалъ полнымъ согласіемъ на экскурсію.

«Недавно полученнымъ письмомъ, пишетъ онъ своему Камариту 11 марта, Кеппенъ насъ извѣщаетъ, что предположенія Академіи утверждены его величествомъ, и что въ будущемъ мѣсяцѣ мы получимъ оффиціальное приглашеніе отъ Академіи. При этомъ на меня возложено порученіе — по дорогѣ въ Петербургъ, сдѣлать небольшое путешествіе въ интересѣ изученія русинскаго или русняцкаго нарѣчія. Такимъ образомъ мнѣ предстоитъ проѣхать верхнюю Венгрію, нашу Польшу, Краковъ и на Варшаву. Несомнѣнно, до зимы всѣ эти дѣла прійдутъ въ порядокъ, и отъ сегодняшняго дня черезъ годъ меня уже болѣе не будетъ въ Чехіи». Между тѣмъ, прежняя неохота, колебаніе, смѣнились теперь полною готовностью.

Прося своего друга, чтобы онъ никому не говорилъ о дѣлѣ, чтобы не узнала старуха-мать раньше, чѣмъ онъ ей самъ сообщитъ, Челаковскій продолжалъ: «всѣ мои работы теперь оставлены; приходится заняться инымъ—рыскать по библіотекамъ, отмѣчать, извлекать все, что только можетъ имѣть-

---

[1]) Т. е., предъ Шишковымъ.

[2]) Приложенія, IV, № 22.

важность для предстоящей русской службы, такъ что я уже разсматриваю себя въ Прагѣ, какъ какого-то путешественника»[1]).

Итакъ, старику-президенту, подъ конецъ его дней, улыбнулась завидная доля — реформировать въ славянскомъ духѣ свою полуживую Академію, влить въ нея струю свѣжихъ научныхъ силъ—славянскихъ. «Академія наша, характеризуетъ ее Кеппенъ предъ Ганкой въ письмѣ отъ 6 апрѣля 1827 года, нынѣ, и давно уже, бездѣйствуетъ. Да и не будетъ добра, доколѣ не будетъ она имѣть порядочнаго секретаря». Конечно, причина лежала нѣсколько глубже. Учрежденіемъ при Академіи особаго рабочаго института, подъ именемъ «Славенской Библіотеки», Шишковъ осуществлялъ свои старыя темныя грезы о славянскихъ «обязанностяхъ» Академіи; его старыя академическія исканія получали теперь благополучный и легкій выходъ. Мы видѣли, какъ безуспѣшно Шишковъ, соревнуя польскому лексикографу, обращался къ Добровскому, Востокову и самому Линде, приглашая ихъ заняться общеславянскимъ Словаремъ. Теперь, черезъ 10 лѣтъ, эта задача оффиціально вмѣнялась въ первую обязанность высочайше утвержденныхъ трехъ членовъ «Славенской Библіотеки» добавочными параграфами къ самому Уставу Академіи, отъ 7 января 1830 года.

Не безъ внутренняго удовольствія, наконецъ, могъ видѣть настойчивый старикъ въ новосозданномъ спеціальномъ пріютѣ славянскихъ студій въ Россіи средство — спасти хотя на половину отставленный первый проэктъ его—изъ русскихъ университетовъ создать питомники славяновѣдѣнія. Дѣйствительно, академическая «Славенская Библіотека», съ заграничными корифеями славянской науки, на первое время лабораторія общеславянскаго словаря, со временемъ легко могла стать разсадникомъ славяновѣдѣнія и для русскихъ университетовъ.

Конечно, нѣсколько странно читать въ предложеніи Шишкова отъ 23-го ноября 1829 года (т. е. въ Запискѣ Кеппена) обоснованіе призыва славянъ для библіотечныхъ работъ въ Академіи отсутствіемъ у себя соотвѣтственныхъ кандидатовъ, «искусныхъ и опытныхъ въ употребленіи славенскихъ нарѣчій словесниковъ»[2]). Развѣ Востоковъ, членъ же самой Академіи, не

[1]) «Sebrané listy», p. 265—266.

[2]) Сухомлиновъ, Исторія Росс. Акад., VII, 231.

находился тогда уже въ апогеѣ своей ученой славы, какъ именно «искусный словесникъ», и въ тоже время въ апогеѣ своихъ тяжелыхъ матеріальныхъ средствъ? Пенсія пок. Румянцова давно была прекращена, самый Румянцовскій Музей, куда предназначался Востоковъ, еще не былъ устроенъ?... Но Шишковъ, послѣ неудачной попытки обращенія самостоятельнаго Востокова въ свою вѣру при пріемѣ въ Академію, какъ бы не замѣчалъ его: мы видѣли, въ учебный Комитетъ Перовскаго Востоковъ попалъ случайно, непріглашенный.

Къ концу января 1830 года дѣло о вызовѣ славянскихъ библіотекарей было окончено въ Академіи, и она поручила Кеппену, отъ имени ея, написать оффиціальное приглашеніе избраннымъ лицамъ, съ сообщеніемъ условій русской службы. Такимъ образомъ, тоже неоффиціальное лицо имѣло сдѣлать и послѣдній, уже оффиціальный, шагъ—образъ дѣйствія нѣсколько своеобразный.

«Наконецъ, мой безцѣнный другъ, начинаетъ радостный Кеппенъ препроводительное письмо отъ 29 января (и опять, въ виду важности, по-нѣмецки), могу я представить вамъ формальное приглашеніе отъ импер. Россійской Академіи и прошу только — подарить насъ поскорѣй пріятнымъ отвѣтомъ. Меня особенно интересуетъ вашъ скорый отвѣтъ, такъ какъ мѣсяца черезъ два, три, я собираюсь снова оставить Петербургъ, а я желалъ бы еще до отъѣзда своего видѣть ваше дѣло оконченнымъ. Пишите мнѣ откровенно и будьте увѣрены, что всѣ ваши справедливыя требованія охотно доведу до свѣдѣнія г. министра. Кн. Ливенъ принимаетъ самъ живѣйшее участіе въ дѣлѣ и навѣрное приметъ васъ здѣсь сердечно. Сообщите объ этомъ, пожалуйста, и г. Челаковскому, прибавивъ, что ему чинъ коллежскаго ассессора,, 8-го класса—майоръ»[1]).

Но отвѣтъ скорый не послѣдовалъ.

Письмо Кеппена съ условіями Академіи получено было Ганкой, только 14 апрѣля, и 17-го онъ отвѣчалъ Шишкову, по-русски: «спѣшу в. в. превосходительству радостное мое принятіе и неизреченную благодарность объявить» [2]). Того-же числа

---

[1]) Приложенія, IV, № 23.

[2]) Сухомлиновъ, Ист. Росс. Акад., VII, 565.

отвѣчалъ и Челаковскій, съ тѣмъ же выраженіемъ признательности.

Полонъ радостнаго чувства былъ теперь бездомный Челаковскій, о которомъ еще такъ не давно выражалъ опасеніе Юнгманнъ, чтобы онъ, не имѣя занятій, «не предалъ себя на службу консисторіи»[1]), т. е. клерикаламъ.

«Три дня тому назадъ, пишетъ онъ другу Камариту 29/17 апрѣля[2]), получены нами оффиціальныя увѣдомленія изъ Петербурга, отъ Академіи: въ нихъ намъ предложены точно и подробно условія (výminky). Главная вещь заключается въ слѣдующемъ. Государственная служба въ Россіи или степени значенія дѣлятся на 14 классовъ. Ганку поставили въ седьмой классъ, что означаетъ достоинство надворнаго совѣтника или подполковника; меня въ осьмой, съ титуломъ коллежскаго ассессора или майора. Обѣ эти степени даютъ дворянство — приносятъ съ собою. Дальнѣйшее повышеніе въ чинахъ слѣдуетъ по общимъ правиламъ. Служба опредѣлена на 25 лѣтъ, послѣ чего свободно всею пожизненною пенсіей пользоваться, или въ Россіи, или гдѣ-либо за границей. На случай неизлѣчимой болѣзни до выслуги лѣтъ назначается половинная пенсія и т. д. Какъ разъ сегодня мы съ Ганкой посылаемъ отвѣтъ на имя президента и всѣ условія принимаемъ».

Сообщивъ своему другу дальнѣйшія подробности, что служба идетъ отъ дня прибытія въ Россію, что на дорогу по 100 червонцевъ, Челаковскій продолжаетъ: «что же ты скажешь, дорогой другъ, и какъ ты находишь все это? Мнѣ въ особенности нравится то условіе, что по окончаніи службы свободно

---

[1]) Въ письмѣ къ Коллару, 28 марта 1829 года — «Časopis Musea», 1880 г., p. 201.

[2]) Слѣд., по Челаковскому, письмо Кеппена получено въ Прагѣ Ганкою 14 апрѣля. Но самъ Ганка почему то заявляетъ въ своемъ отвѣтѣ Шишкову, отъ 17 апрѣля (того-же дня отвѣчалъ и Челаковскій), что письмо получено вчера слѣд. 16 числа. Вѣроятнѣе, ошибся въ показаніи Ганка, такъ какъ Челаковскій пишетъ Камариту въ день общаго отвѣта Шишкову. Не вполнѣ ясно выраженіе Челаковскаго въ письмѣ къ другу: dopisové úřední, въ множ. числѣ—«оффиціальныя бумаги», тогда какъ только получено было въ Прагѣ одно письмо Кеппена, коллективнаго содержанія, слѣд. только оффиціознаго характера. Для обыкновеннаго, неканцелярскаго, человѣка ошибка понятна.

направиться куда хочешь, и если меня не привяжутъ къ чужой землѣ новыя связи, я желалъ-бы кости свои опять перенести на родину, а вмѣстѣ съ тѣмъ и—нѣсколько мѣшковъ... Если не будетъ отмѣны, я путь свой охотнѣе всего направилъ бы чрезъ Варшаву и матушку Москву. Собирай же, гдѣ можешь старыя чешскія книги, особенно важнѣйшія, такъ какъ запасъ такой будетъ мнѣ нуженъ потомъ, для себя и для Библіотеки»[1]).

Такъ какъ посредникъ, Кеппенъ, почти не сомнѣвался въ положительномъ отвѣтѣ на формальное чрезъ него приглашеніе отъ Россійской Академіи, ибо не было никакихъ указаній предполагать противное, то въ своемъ оффиціозномъ письмѣ отъ 29 января 1830 года онъ не забываетъ своихъ пражскихъ друзей снабдить совѣтами, порученіями, даже мелочными наставленіями.

«Въ условіяхъ, писалъ Кеппенъ тамъ, нельзя ничего измѣнять. Но я посовѣтовалъ бы, если вы ихъ принимаете, просить Академію, чтобы она позаботилась о безпошлинной перевозкѣ вашихъ книгъ и прочихъ вещей въ предѣлы Россіи. Если вамъ не хватитъ ста дукатовъ на путевые расходы, то, можетъ быть, Академія, по пріѣздѣ вашемъ въ Петербургъ, согласится кое-что прибавить. Все это вы должны обдѣлать тогда сами съ г. президентомъ. Впрочемъ, могли бы, буде пожелаете, и предварительно высказаться въ этомъ отношеніи».

Указавъ затѣмъ въ интересѣ предлежавшаго труда, что «если представится случай натянуться на такія рукописи, пріобрѣтеніе которыхъ можетъ имѣть для Академіи существенную пользу, напр. не напечатанные словари, то захватывайте ихъ тотчасъ же, такъ какъ вы, вѣроятно, получите отъ Академіи порученіе ихъ закупать». Кеппенъ съ заботливостью отца входитъ въ мелкія подробности самого переѣзда.

Путь общенія съ Австріей лежалъ въ тѣ времена чрезъ Броды; поэтому Кеппенъ направляетъ желанныхъ гостей сюда, и здѣсь у русскаго консула, его стараго знакомаго, онъ препоручаетъ запастись свидѣтельствомъ о днѣ прибытія на русскую границу—для счета службы[2]).

Словомъ, путь былъ уготованъ. Оставалось только тронуться...

---

[1]) «Sebrané listy», p. 271—272.

[2]) Приложенія, IV, № 23.

Съ горькимъ чувствомъ, и, по видимому, искреннимъ, провожалъ предстоявшій отъѣздъ Челаковскаго Палацкій, какъ и «монашенка» Антонія. «Мы, писалъ онъ въ іюлѣ Коллару, очень сожалѣемъ объ уходѣ Челаковскаго въ Петербургъ, потому что онъ нашъ наилучшій писатель, и славянамъ здѣсь могъ-бы быть болѣе полезенъ, чѣмъ въ Россіи». За-то былъ равнодушенъ, чтобы не сказать, радъ, къ уходу Ганки: «потеря Ганки, продолжалъ онъ, легко можетъ быть вознаграждена» — именно, имъ самимъ, такъ какъ въ томъ-же письмѣ онъ надѣется занять мѣсто Ганки[1]). Палацкій въ этомъ пунктѣ сходился съ пражскою полиціей, которая своими же «патріотами» была во время поставлена на ноги по поводу «призванія славянъ» въ Россію: съ удаленіемъ Ганки удалялась-де политическая опасность отъ имперіи — оставались «благонадежные» замѣстители Ганки.

Если раньше, въ 1828 году, Юнгманнъ обвинялся бездарнымъ поэтомъ и «императорско-королевскимъ» профессоромъ Нѣдлымъ, какъ сообщникъ Россіи («s Rusy spolčen**ý**»): то теперь относительно друзей его обвиненіе на лицо. «Рецензія Selanek Нѣдлаго въ послѣднемъ выпускѣ Музейника, пишетъ Палацкій тому-же Коллару 31 мая 1830 года, крайне ожесточила автора: онъ бѣгалъ по начальству; совсѣмъ потерянный, требовалъ уничтоженія этого выпуска; но когда ему это не удалось, онъ старался себя успокоить тѣмъ, что снова жаловался полиціи на русомановъ, какъ онъ ихъ величаетъ, и въ подтвержденіе своихъ прежнихъ доносовъ ссылался теперь на призваніе (povolání) Ганки и Челаковскаго въ Петербургъ. Этотъ клеветникъ, плачется Палацкій, и другой, подобный ему, сильно вредятъ чехамъ у правительства, наводя подозрѣніе, яко-бы мы всѣ были русоманами, тогда какъ я, кромѣ Ганки, не знаю ни одного, кто бы когда либо много занимался русскимъ языкомъ»[2]).

Разъ высочайше утверждено предположеніе Академіи о Славенской Библіотекѣ, своеобразномъ разсадникѣ славянскихъ

---

[1]) Отъ 8 іюля 1830 г. — «Časopis Musea», 1879, p. 468.

[2]) Тамъ-же, p. 1880, 198; 1879, p. 397. Дѣйствительно, если въ 1823 г. Юнгманнъ писалъ Марку криптографически, т. е. по-русски: «не и и с а й съ почтою» (тамъ-же, 1883, p. 47), — то журналъ сегодня напечаталъ: «съ постосо».

студій въ Россіи; утверждены и дѣйствующія лица, — естественно было вспомнить недавнюю старину. Отставленный славянскій проэктъ, вслѣдствіе вѣроятной оппозиціи большинства членовъ организаціоннаго Комитета, все же оставался дорогъ своимъ родителямъ: Шишкову, Сперанскому и Кеппену, и если нельзя его было провести раньше, то можно, можетъ быть, теперь, съ открытіемъ славянскаго теченія, и не разомъ, а по частямъ, начавъ, напримѣръ, со столицы?... Кеппенъ самъ хвалился предъ Ганкою, что не оставлялъ въ покоѣ преемника Шишкова, кн. Ливена, напоминая ему о славянской каѳедрѣ.

И вотъ, дѣйствительно, какъ особенную матеріальную приманку для славянскихъ избранниковъ Россійской Академіи, Кеппенъ въ томъ же письмѣ отъ 29 января сообщалъ Ганкѣ о новомъ любопытномъ обстоятельствѣ — о воскресеніи, уже въ оффиціальныхъ сферахъ столицы, стараго проэкта Шишкова объ учрежденіи университетской славянской каѳедры, но пока, на пробу, въ одномъ Петербургскомъ университетѣ.

«Я, писалъ Кеппенъ, долженъ вамъ еще сказать, что теперь снова носятся съ мыслью — основать въ Петербургѣ, въ университетѣ, каѳедру Славянской Филологіи, на которую потому одинъ изъ васъ и долженъ готовиться. Такимъ образомъ, эта профессура могла бы быть соединена съ мѣстомъ библіотекаря Россійской Академіи и, по крайней мѣрѣ, удвоить его содержаніе. Можетъ быть, и въ остальныхъ университетахъ имперіи будутъ открыты каѳедры того-же рода, и я прошу васъ заранѣе подумать о кандидатахъ на этотъ предметъ, чтобы, слѣдуя вашему совѣту, можно бы было ихъ пригласить»[1]). И Ганка, прежде чѣмъ подумать о другихъ, подумалъ о себѣ. «При семъ, спѣшитъ онъ отвѣчать Шишкову 17-го апрѣля 1830 года на радостную вѣсточку Кеппена, тоже всепокорнѣйше просить отважаюсь, есть ли кафедра всесловянской литературы въ С. Петербургѣ учредится, чтобъ в. в. превосходительство меня вспомнить благоволили»[2]).

Послѣ всего выше изложеннаго, почти излишне упоминать, на-сколько можно дать вѣры признанію самого Ганки въ

---

[1]) Приложенія, IV, № 23.

[2]) Сухомлиновъ, Ист. Росс. Ак., VII, 565.

его автобіографіи, что онъ, по своему-де великодушію, «желая принести въ жертву свои силы на службу чешской землѣ, не принялъ почетнаго приглашенія на каѳедру славянскихъ нарѣчій и литературы въ Петербургскомъ университетѣ»[1]).

Приглашеніе Кеппена было обращено къ двумъ библіотекарямъ, жившимъ въ Прагѣ. Но Шафарикъ былъ въ Венгріи, въ Новомъ Садѣ, гдѣ «теперь, поясняетъ Шишковъ въ своемъ представленіи, съ честію продолжаетъ служеніе при гимназіи въ званіи профессора піитики»[2])— т. е. томился и нравственно страдалъ, разобщенный отъ міра и науки; поэтому «сегодня же, прибавляетъ Кеппенъ въ письмѣ отъ 29 января, предлагаю я и Шафарику явиться въ Петербургъ».

«Теперь, заключалъ неутомимый славянскій борецъ, Кеппенъ, свое второе историческое письмо, полагаю, я сказалъ все, что я имѣлъ вамъ сообщить. Да благословитъ же небо ваше рѣшеніе, а я могу только пожелать счастья, и просить васъ быть другомъ, какъ прежде»[3]).

Итакъ, славянскій проэктъ во второй разъ былъ доведенъ какъ будто до счастливаго конца Шишковымъ. Изъ Праги благодарятъ президента, а сами приготовляютъ къ упаковкѣ свой ученый багажъ. Ганка дѣлаетъ даже ходъ впередъ и напередъ хлопочетъ о «выгодномъ жилищѣ» при Славенской Библіотекѣ... 6 мая отвѣчалъ и Шафарикъ изъ Новаго Сада тѣмъ-же—благодарнымъ принятіемъ академической чести. Оставалось славянскому каравану только двинуться въ далекій путь, на край свѣта, по скорбному выраженію женскаго друга Челаковскаго, Антоніи, но гдѣ ихъ ожидала радостная встрѣча не только старика Шишкова, но и его преемника, кн. Ливена, если вѣрить увѣренію Кеппена.

Истинна была радость энергическаго Кеппена, этого заслуженнѣйшаго и перваго посредника между русскою и западнославянскою наукою: онъ ее выразилъ въ своемъ письмѣ. Сердечнымъ удовольствіемъ долженъ былъ исполниться теперь и старый предстатель новыхъ общеславянскихъ студій въ Россіи — новый фазы нашего славяновѣдѣнія, «полумертвый»,

---

[1]) Legis-Glückselik, V. Hanka, Прилож., p. 4.
[2]) Сухомлиновъ, op. c. VII, 231.
[3]) Приложенія, IV, № 23.

какъ его обидно и несправедливо именуютъ нѣкоторые и сегодня, «тупой», какъ иногда его называлъ Карамзинъ — Шишковъ. Свѣжіе обязательные работники въ дѣйствительно одряхлѣвшей, безжизненной и отставшей Академіи, старыя мечтанія объ обширныхъ словарныхъ работахъ, вотъ-вотъ у своего осуществленія.

И на сторонѣ реорганизація Россійской Академіи, въ смыслѣ ея славянизаціи, открытія при ней спеціальнаго Славянскаго Отдѣленія (въ извѣстномъ смыслѣ эта реформа была осуществленіемъ стараго проэкта Ганки «о національномъ членѣ въ Академіи», но совсѣмъ независимо отъ послѣдняго), была встрѣчена добрымъ словомъ, въ надеждѣ на добрые плоды отъ наставшей перемѣны.

«Я, пишетъ профессоръ Снегиревъ извѣстному намъ другу Евгенія, Анастасевичу, въ Петербургъ, въ маѣ 1830 г., слышалъ, что въ Россійской Академіи заводится отдѣленіе нарѣчій славянскихъ и для сего выписываются ученые изъ племенъ славянскихъ. Пора давно этимъ заняться, безъ чего нельзя добраться до истиннаго происхожденія многихъ словъ и значенія оныхъ, ни составить хорошаго словаря русскаго». Снегиревъ какъ бы повторялъ мотивы въ Запискѣ Кеппена для Академіи. Сообщивъ своему петербургскому пріятелю, что, по слухамъ, одинъ изъ вызванныхъ троихъ, Челаковскій, уже печатаетъ пословицы на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, Снегиревъ въ другомъ письмѣ, отъ 29 мая, выражаетъ увѣренность, что «отъ тріумвирата славянъ можно ожидать добра, если дадутъ имъ хорошее направленіе»[1]).

Дѣйствительно, если самъ Кеппенъ добродушно признавался Ганкѣ, что ему трудно прочесть заглавіе старочешской книги; если еще недавно (въ 1819 году) Шишковъ для

---

[1]) Др. и Нов. Россія, 1880, 18, стр. 552, 553. Слухъ былъ невѣрный. Симпатическій трудъ Челаковскаго объ общеславянскихъ пословицахъ былъ начатъ, дѣйствительно, уже давно. Еще въ маѣ 1828 г. Челаковскій пишетъ Камариту: «объ одной вещи долженъ тебѣ сообщить — именно хочу по образцу славянскихъ народныхъ пѣсенъ издать собраніе всеславянскихъ пословицъ . . . Много матеріала я уже собралъ, извлекъ и систематизировалъ». («Sebr. listy», 221). Вышелъ же трудъ, какъ извѣстно, только въ 1852 году, въ обширныхъ размѣрахъ: «Mudrosloví Slovanského národu v přísloviích» (Praha, 644 стр.)—по содержанію, какъ и у нашего Даля.

академическаго перевода «иллирійскаго» словаря сотрудника себѣ могъ найти лишь въ минералогѣ Озерецковскомъ[1]): то и отсюда довольно ясно, какъ слаба была извѣстность живыхъ славянскихъ языковъ у насъ, даже и въ Кружкѣ Румянцова, за исключеніемъ Востокова, на-сколько искренне вызовъ славянъ могли привѣтствовать со стороны, какъ залогъ болѣе широкаго, болѣе разносторонняго развитія молодой русской науки. Великій Востоковъ, съ своими глубокими знаніями, стоялъ одиноко, немолодъ былъ уже и отвлеченъ долголѣтнимъ спеціальнымъ трудомъ.

Но—славянскому «тріумвирату» суждено было и на этотъ разъ, не только не явиться въ Россію, но и съ мѣста не двинуться; на этотъ разъ—не по винѣ нашей...

. 6 .

Мы видѣли, Челаковскій былъ въ полной готовности къ отъѣзду. Одно опасеніе томило его: какъ встрѣтитъ его старуха-мать вѣсть о переселеніи на чужбину; но онъ надѣялся личными убѣжденіями успокоить ее. Какъ получившій чрезъ Кеппена особое ученое порученіе, требовавшее времени — по пути въ Россію объѣздить край карпато-русскій и область мазуровъ, Челаковскій, естественно, могъ прибыть къ мѣсту своей русской службы довольно поздно, при всемъ добромъ желаніи спѣшить.

Иначе отнеслись, но по несходственнымъ побужденіямъ, къ наступавшему отъѣзду въ Россію остальные два члена славянскаго «тріумвирата»: Ганка и Шафарикъ.

Выше указано, что Ганка, сейчасъ-же по полученіи формальнаго приглашенія, отвѣчалъ Шишкову благодарностью, но тутъ же прибавлялъ: «пору переселенія моего оставляю назначенію сіятельной Академіи». Онъ указывалъ на свои обязательства относительно службы при Чешскомъ Музеѣ: «полгодомъ впередъ отказать надобно», и тѣмъ давалъ понять, что скоро въ Петербургѣ быть не можетъ. Между тѣмъ его пражское мѣсто

[1]) Сухомлиновъ, Ист. Рос. Акад., II, 383.

—библіотекаря Музея—предметъ зависти Челаковскаго, сейчасъ же сталъ предметомъ вожделѣній его противника, Палацкаго. Что̀, если изъ Петербурга ничего не выйдетъ, а онъ потеряетъ мѣсто въ Прагѣ?... Но главное—можетъ быть, завидуя порученію Челаковскаго объѣздить Карпаты, для себя Ганка создалъ свою командировку. «Однакожъ бы я, писалъ онъ 17-же апрѣля, примѣтить отважился, чтобъ выгоднѣе было нужныя библіотекѣ (т. е. «Славенской») книги немедлѣнно скупывать» и ссылался на предстоявшій аукціонъ чешской библіотеки гр. Штернберка. «Къ дополненію сего собранія старыхъ книгъ маленькое путешествіе по Чехамъ и Моравіи очень хорошо бы послужило». Это была первая командировка, и за нею и вторая—«вылетъ» въ Лужицы и Померанію за книгами и чтобы — «съ остатками сихъ нѣкогда расширенныхъ людовъ славянскихъ въ самомъ мѣстѣ познакомиться». Не забылъ закинуть напередъ словцо и о «выгодномъ жилищѣ», прибавкѣ «дорожныхъ денегъ» [1]).

Ганка ждалъ «милостиваго рѣшенія», т. е., денегъ, отсрочки и денегъ.

Отсрочки пріѣзда, но не денегъ, скромно просилъ скромный Шафарикъ, отсрочки — для размышленія объ окончательномъ рѣшеніи.

Первое письмо Шафарика къ Шишкову, отъ 6 мая 1830 года, не сохранилось. Но о содержаніи его безошибочно можно заключать изъ послѣдующаго письма, отъ 10 ноября, когда Шафарикъ почувствовалъ себя непріятно, не получая отвѣта изъ Петербурга.

Съ благодарностью принимая избраніе, Шафарикъ писалъ Шишкову съ полною откровенностію, что онъ содрогается мысли о страшномъ климатѣ и дороговизнѣ въ Петербургѣ, писалъ и о «жилищѣ», т. е., квартирѣ, но съ крайнею деликатностью, оговариваясь, что этотъ вопросъ нисколько не связанъ съ прибытіемъ его въ Россію, и въ заключеніе просилъ о годовой отсрочкѣ, въ виду крайне болѣзненнаго состоянія своей многочисленной семьи, каковое время онъ обязывался употребить со всяческою пользою для Академіи — на изученіе не вполнѣ извѣстныхъ южнославянскихъ нарѣчій, старыхъ книгъ, руко-

[1]) Сухомлиновъ, Ист. Рос. Акад., VII, 565—566.

писей и пр. Письмо свое оканчивалъ любезнымъ увѣреніемъ, что хотя сейчасъ явиться и не можетъ, но и теперь онъ разсматриваетъ себя уже какъ-бы на службѣ въ Академіи [1]).

Итакъ, въ то время какъ Шишковъ и Кеппенъ были живо заинтересованы скорѣйшимъ прибытіемъ славянскихъ ученыхъ библіотекарей: дополнительные параграфы къ уставу Академіи были проведены быстро, не встрѣтивъ нигдѣ ни малѣйшей запинки,—отъ нихъ, за исключеніемъ Челаковскаго, одна и та же рѣчь—о т с р о ч к а...

Въ просьбѣ объ отсрочкѣ, естественно, было увидѣть колебаніе, сомнѣніе—ѣхать-ли въ Россію?..

О Ганкѣ мы говорили: обезпеченное положеніе на родинѣ —полная антитеза положенію Шафарика и Челаковскаго, всегда практическій характеръ автодидакта-«пастушка», указывавшій предпочесть извѣстное неизвѣстному, самыя лѣта—все это заставило автора ранняго проэкта «о національномъ членѣ» въ Россійской Академіи въ рѣшительную минуту поколебаться, и онъ открылъ, пока, славянскій торгъ. Что же касается до мысли, что Ганка не рѣшился изъ опасенія дѣйствительно неудобнаго соперничества [2]), то, какъ ни заманчиво это соображеніе, въ рядъ-ли его можно допустить, такъ какъ Челаковскій былъ именно избранникомъ Ганки для Россіи. Что же касается отношеній Ганки къ Шафарику, то они, вѣроятно были и тогда неискренни, не смотря на все добродушіе, мягкость и незлобіе великаго словака.

Отсрочка Шафарика была вызвана иными, неганковскими, соображеніями.

Шафарикъ такъ быстро, какъ требовалъ Кеппенъ (слѣд. Шишковъ), вопроса о переселеніи рѣшить не могъ: онъ страдалъ и колебался, не смотря на всю затруднительность своего положенія въ Венгріи, въ полуварварской странѣ, послѣ слишкомъ десятилѣтнихъ умственныхъ лишеній и пытокъ, въ виду уже дававшаго себя чувствовать шовинизма мадьяръ, не смотря на то, что оставался безъ всякихъ средствъ, съ перспективой нищеты. Спасительное приглашеніе въ Петербургъ онъ прини-

---

[1]) Тамъ-же, VII, 568—571.

[2]) Z e l e n ý V., Život J. Jungmanna, p. 406.

малъ только съ искреннею благодарностью, безъ лукавства, когда откровенно просилъ времени для обдуманья.

Правда, въ письмѣ къ Ганкѣ отъ 3 марта 1831 г., Шафарикъ какъ будто одобряетъ его замедленіе: «дѣло требуетъ времени», пишетъ онъ; но тутъ же прибавляетъ: «наступающія бурныя времена (т. е. возстаніе польское), не знаю, что̀ еще принесутъ; но я съ своей стороны не перестану стоять на своемъ намѣреніи (т. е. на переѣздѣ въ Петербургъ) и всячески готовиться къ достиженію желанной цѣли» [1]). Вспомнимъ и первое письмо его къ Востокову, въ сентябрѣ 1833 г. «Я, писалъ Шафарикъ, давно желалъ было писать къ вамъ; но разныя обстоятельства мѣшали. Къ тому же немного лѣтъ назадъ я лелѣялъ сладкую надежду — быть въ состояніи имѣть честь лично познакомиться въ Петербургѣ. Увы! эта надежда оказалась тщетной» [2]).

Главная причина колебанія со стороны Шафарика—семейное чувство. Онъ былъ не въ состояніи побороть особенно нѣжнаго чувства къ своей, всегда болѣзненной, женѣ (православной сербкѣ), и необходимый вопросъ, вынесетъ-ли она переѣздъ и суровый климатъ Петербурга, заставлялъ его колебаться, «быть, по его признанію, въ полной нерѣшительности» и просить о годовой отсрочкѣ — для дачи послѣдняго рѣшенія. Опасеніе за жену не было простою фразой въ письмѣ къ Шишкову. А къ этому, на бѣду, тогда именно Шафарикъ былъ искушаемъ иною, естественно, болѣе удобною комбинаціей, хотя она держалась ни простомъ слухѣ — мыслью о вызовѣ въ Германію, въ Берлинскій университетъ, на славянскую каѳедру.

14 іюня 1830 года, слѣдовательно, спустя мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ отвѣта Шишкову, Шафарикъ писалъ своему другу, извѣстному намъ нѣкогда издателю «Krok»'а, а теперь профессору физіологіи въ Бреславлѣ: «вѣроятно, Копитаръ вамъ уже сообщилъ, что я былъ приглашенъ въ Петербургъ; но я опасаюсь, чтобы суровый климатъ (drsné ponebí) сѣвера окончательно не уничтожилъ здоровья моей жены, и я теперь въ полной нерѣшительности».

---

[1]) Тамъ-же, p. 405.

[2]) Переписка Востокова, № 233.

Колебаніе, естественно, усиливалось. Шафарикъ обращается къ Пуркинье, какъ къ нѣмецкому теперь профессору, быть посредникомъ между нимъ и Германіей.

«Нѣсколько времени тому назадъ, пишетъ Шафарикъ въ томъ же письмѣ, Копитаръ любезно сообщилъ мнѣ, что вы, будучи въ Вѣнѣ, между прочимъ ему сообщали, яко-бы Берлинскій университетъ, точнѣе, нѣкоторые его сочлены, предположили въ прошломъ году (слѣдов. въ 1829) пригласить меня туда въ качествѣ профессора. Но я не имѣю удовольствія знать ни одного изъ тамошнихъ профессоровъ, почему для меня совершенная загадка, какъ это случилось, что Берлинскій университетъ, при его отдаленности, обратилъ свое вниманіе на меня. По дружескому совѣту Копитара обращаюсь къ вамъ съ просьбой и вопросомъ — объяснить все это дѣло, столь важное для меня: какая каѳедра свободна и на какую я имѣю быть приглашенъ? Занята она уже? Въ случаѣ если не занята, есть ли надежда, что выборъ падетъ на меня»?

«Признаюсь, продолжалъ Шафарикъ, дѣятельность въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ университетѣ, и особенно въ прусскомъ, была-бы мнѣ очень желанна, даже если-бы она осуществилась и позже... Нѣмецкому климату, который мнѣ знакомъ, я отдалъ бы предпочтеніе и предъ нашимъ»[1]).

Естественно, если въ Петербургѣ колебанія, «полная нерѣшительность» главныхъ дѣйствующихъ лицъ: Ганки и Шафарика, могли произвести только непріятное впечатлѣніе. Колебаніе одной стороны вызвало колебаніе другой. Старый посредникъ, Кеппенъ, былъ опять внѣ столицы. Изъ Академіи не отвѣчали на письмо Ганки отъ 17 апрѣля. Не писали и Шафарику на письмо отъ 6 мая.

Есть темное извѣстіе, что въ Академіи рѣшили не только не торопить библіотекарей «Славенской Библіотеки» съ прибытіемъ, но, въ отмѣну приглашенія чрезъ Кеппена, просить ихъ

---

[1]) Slovanský Sborník, изв. журналъ Ед. Елинка въ Прагѣ, 1887 г., p. 45—46. Какъ протестантъ-словакъ, Шафарикъ учился въ университетѣ въ Іенѣ. Жена Шафарика — изъ-за здоровья которой онъ колебался переѣхать въ Россію, пережила своего мужа, и въ половинѣ 70-хъ годовъ мы еще имѣли удовольствіе видѣть ее, слабую старуху, у ея сына, проф. Войтѣха Шафарика.

ждать новаго приглашенія, и въ этомъ рѣшеніи какъ будто виднѣется рука практическаго Сперанскаго.

«Только что былъ у меня Ганка, пишетъ 15/3 іюля 1830 г. изъ Праги старый Юнгманнъ своему другу Марку въ Либунь, и показывалъ мнѣ знаки ордена Владиміра IV степени. Онъ получилъ потому, что государственный совѣтникъ (!) Сперанскій поднесъ по экземпляру его грамматики (русскаго языка?) русскому царю и цесаревичу. По письму того-же Сперанскаго (къ Ганкѣ?), сначала имѣетъ быть выработанъ обширный планъ всеславянскаго словаря, и только потомъ уже пригласятся разомъ сотрудники для этой работы. Такимъ образомъ, дѣло собственно не оставлено, но затянулось»[1]).

Дѣйствительно, Сперанскій, оставивъ столицу 12 мая, лѣто 1830 года провелъ на чешскихъ водахъ и побывалъ въ любезной и ему Прагѣ, гдѣ видѣлся съ Ганкой и другими чешскими дѣятелями[2]). Вполнѣ понятно, что при этомъ свиданіи была прежде всего рѣчь о приглашеніи. Можно представить себѣ, какъ счастливъ былъ Ганка: и съ Петербургомъ не разссорился, получилъ Владиміра, и въ Прагѣ остался.

Такимъ образомъ, прошло не болѣе полугода, какъ утверждена была верховною властью «Славенская Библіотека», славянское отдѣленіе при старой Россійской Академіи, изъ трехъ представителей славянской науки у западныхъ славянъ, какъ порѣшенное дѣло приняло нежданный оборотъ — отложено до времени, при чемъ на первое мѣсто поставлено было не учреж-

---

[1]) «Časopis Musea», 1883, p. 332. И въ сближеніи съ русскими государственными людьми Ганка имѣлъ болѣе успѣха, чѣмъ его недоброжелатель, Палацкій. Правда, еще въ 1827 г. Палацкій съ удовольствіемъ писалъ Коллару о близкомъ знакомствѣ своемъ съ воспитателемъ цесаревича, Жуковскимъ: «въ маѣ я познакомился въ Лейпцигѣ и, такъ сказать, подружился съ нѣкоторыми знаменитыми русскими, между прочимъ, съ Жуковскимъ. Оба наши журнала будутъ исправно ему посылаться. Онъ мнѣ пришелся очень по сердцу и обѣщалъ мнѣ давать журналы русскіе. Онъ воспитатель цесаревича Александра, человѣкъ остроумный, ученый, очень любезный, скромный и притомъ серьезный, любящій своихъ славянъ». («Časopis Musea», 1879, p. 392). Но о продолженіи этихъ отношеній съ Жуковскимъ свѣдѣній не имѣется.

[2]) Бар. М. Корфъ, Жизнь гр. М. М. Сперанскаго, т. II, стр. 350.

деніе—«Славенская Библіотека», а одна изъ задачъ ея—работы надъ словаремъ.

Дѣйствительно, на упомянутое выше второе письмо Шафарика отъ 10 ноября нов. ст. (пражскія вѣсти къ этому времени еще не дошли до Новаго Сада) Шишковъ отвѣчалъ 1 декабря 1830 г., что ему разрѣшается свободно пользоваться временемъ для окончанія своихъ работъ. Шафарикъ понялъ это письмо буквально, продолжалъ работать въ Новомъ Садѣ, приготовляясь для будущей дѣятельности въ Петербургѣ, все считая себя мысленно на службѣ Россійской Академіи.

Но въ Прагѣ, какъ мы видѣли, положеніе славянскаго вопроса въ Академіи точнѣе знали, чѣмъ Шафарикъ: дѣло только отложено до поры до времени, толковали тамъ; но надежды не теряли, по крайней мѣрѣ, Челаковскій.

Въ апрѣлѣ 1831 года Камаритъ спрашиваетъ Челаковскаго: «что, изъ Россіи нѣтъ еще никакого извѣстія»? Отвѣчая другу, Челаковскій, хотя немного и сѣтуетъ на неопредѣленность своего положенія — что дѣлать, что начать, но выражаетъ спокойную готовность ждать и ждать. «Нѣсколько я и доволенъ, пишетъ онъ Камариту 6 августа, что наше приглашеніе въ Петербургъ немного замедлилось—холера и тамъ уже свирѣпствуетъ, и кажется, что до года нельзя и думать, чтобы что-либо изъ всего вышло. Я бы, пожалуй, и не заботился, если бы только доходы мои здѣсь, на родинѣ, могли-бы возрасти и утвердиться... Но тѣмъ не менѣе я не отчаяваюсь; ибо временами часто является то, о чемъ мы и не думали» [1]).

Но прошелъ 1831 годъ, половина 1832. Лѣтомъ этого года Сперанскій опять въ Чехіи. «Нѣсколько долѣе, разсказываетъ его біографъ, онъ пробылъ только въ Прагѣ, куда привлекла его любовь къ западнымъ славянамъ и желаніе ближе познакомиться съ чешскими учеными: Ганкой, Юнгманномъ, Шафарикомъ и др.» [2]). Изъ Петербурга все ничего. Матеріальное поло-

---

[1]) «Sebrané listy», p. 296, 300.

[2]) Кореѳъ, Жизнь гр. М. М. Сперанскаго, I, 352. Конечно, Шафарикъ долженъ быть исключенъ, какъ не выѣзжавшій еще изъ Новаго Сада, а экскурсій онъ не дѣлалъ. Кстати отмѣтимъ тутъ ошибку въ «Воспоминаніяхъ» Мурзакевича. Онъ говоритъ, что его одесскій другъ, Кирьяковъ, будучи въ 1830 г. за границей, познакомился въ Прагѣ съ Шафарикомъ, (Русск. Старина, 1887, февраль, 285). Очевидно, ошибка.

женіе Челаковскаго ухудшалось; семья увеличивалась, и его долгое спокойствіе переходило уже въ отчаяніе.

«Немного надежды, пишетъ Челаковскій 9 августа 1832 года другу Винарицкому, полагаю еще на то, что, можетъ быть, теперь съ Сперанскимъ будемъ мы трактовать о русскомъ дѣлѣ. Но обманетъ и эта надежда—я готовъ сдѣлать скачекъ, который меня, или вывезетъ къ чему нибудь лучшему, или я сломаю себѣ шею: долѣе въ такомъ стѣснительномъ положеніи оставаться мнѣ нельзя». Винарицкій старался успокоить бѣднаго друга, но въ то же время ухудшалъ его состояніе духа замѣчаніемъ: «не полагайте всю свою надежду на одного человѣка—Сперанскаго, характеръ котораго вамъ до сихъ поръ неизвѣстенъ; во всѣхъ концахъ свѣта вы найдете людей, которые не будутъ подходить подъ ваши идеалы»... «О когда бы, заключалъ Винарицкій, вамъ, дорогой другъ, досталось бы поскорѣе мѣсто, гдѣ бы вы, какъ въ своей сферѣ, двигались свободнѣе»[1]).

Желанные переговоры съ Сперанскимъ въ Прагѣ въ августѣ 1832 года о «русскомъ дѣлѣ», дѣйствительно, имѣли мѣсто, и было порѣшено тогда между Сперанскимъ, который еще въ 1831 году сталъ дѣйствительнымъ членомъ Россійской Академіи, съ одной стороны, Ганкой и Челаковскимъ, съ другой, что академическая работа по составленію общеславянскаго словаря могла бы быть выполнена избранными тремя библіотекарями въ Прагѣ, не отъѣзжая въ Россію, но, конечно, за вознагражденіе. Эта мысль или планъ — открыть славянское отдѣленіе Россійской Академіи, хотя бы на время, въ Прагѣ, принадлежала находчивому Ганкѣ.

25 октября 1832 года Камаритъ пишетъ послѣднее письмо своему другу (вскорѣ онъ умеръ), и въ немъ мы находимъ нѣкоторые слѣды пражскихъ переговоровъ съ Сперанскимъ. «Что, спрашиваетъ Камаритъ, приглашеніе тебя и Ганки въ Россію не осуществится? Баронъ Вернье (Vernier) что-то мнѣ такое передавалъ, что имѣетъ быть о томъ рѣчь, чтобы вы могли русскую службу выполнять въ Прагѣ. Вотъ была бы прекрасная вещь, да и отъ чешской земли вы не были бы отняты»[2]).

---

[1]) «Sebrané listy», p. 379, 381.

[2]) Тамъ-же, p. 316.

Этимъ результатомъ, по видимому, былъ удовлетворенъ Челаковскій. Но роль его была третья, вниманія обращали мало. Корифеемъ былъ владимірскій кавалеръ — Ганка, какъ называлъ его теперь Юнгманнъ. Съ явно повеселѣвшей мыслью Челаковскій пишетъ теперь, 21 ноября 1832 года, своему другу -столяру въ Страконицы, извѣстному политику Планку: «вы уже хотите имѣть извѣстія и изъ Петербурга, тогда какъ министръ[1]) едва только теперь возвратился туда. Пожалуй, будущей весною вы спрашивайте объ этомъ, потому что оттуда не то, что изъ Праги перелетѣть въ Страконицы»[2]).

Между тѣмъ какъ въ Прагѣ проэктъ Шишкова получалъ уже, такъ сказать, третію редакцію, редакцію изобрѣтательнаго Ганки, третій членъ славянскаго призыва, Шафарикъ, не зная ничего о происходившемъ въ Прагѣ, все жилъ и работалъ въ Новомъ Садѣ, пользуясь предоставленнымъ ему «отпускомъ» отъ Россійской Академіи, для Академіи. Но прошелъ годъ съ четвертью послѣ отвѣта Шишкова отъ 1 декабря 1830 года, и въ апрѣлѣ 1832 года Шафарикъ счелъ необходимымъ напомнить о себѣ. Онъ возобновляетъ свою, такъ сказать, служебную переписку съ своей Академіей.

Шафарикъ 5-го апрѣля извѣщалъ Шишкова, что послѣдній срокъ прибытія своего въ Петербургъ на службу онъ назначаетъ для себя весну 1833 года, выражалъ надежду, что, можетъ быть, сдѣланныя имъ за время отпуска работы извинятъ его промедленіе и даже, по добротѣ своей, предложилъ новаго члена къ славянскому тріумвирату, изв. серба Вука Караджичя.

На это извѣщеніе Шафарика уже не отвѣчалъ самъ Шишковъ, а секретарь Россійской Академіи, Соколовъ. Отвѣтъ этотъ долженъ былъ поразить добродушнаго Шафарика: онъ собирается въ Петербургъ, чтобы начать русскую службу, а Соколовъ ему, отъ имени Академіи, препоручалъ, что, можетъ быть, ему удобнѣе остаться еще на нѣсколько лѣтъ въ своемъ Новомъ Садѣ, иными словами, что Академія въ немъ теперь не нуждается. Между тѣмъ теперь только Шафарикъ узналъ о «непред-

---

[1]) Несомнѣнно, подъ министромъ Челаковскій разумѣетъ Сперанскаго.

[2]) «Sebrané listy», p. 506—507.

видѣнномъ, по его словамъ, измѣненіи мыслей» Ганки и Челаковскаго (точнѣе, одного Ганки), уже послѣ отсылки письма къ Шишкову отъ 5 апрѣля; онъ понялъ, что это письмо его было лишнимъ, что иного отвѣта, чѣмъ отвѣтъ секретаря Академіи, онъ и ожидать не могъ, что дѣло о приглашеніи отставлено [1]).

На извѣщеніе Соколова Шафарикъ отвѣчалъ 13/1 октября, что, какъ частный человѣкъ, онъ готовъ служить, по мѣрѣ своихъ силъ, Россійской Академіи; но обязательныхъ отношеній къ ней у него болѣе нѣтъ никакихъ.

Всегда скромный, деликатный, Шафарикъ благодаритъ Академію за ея любезное разрѣшеніе остаться ему еще надолго въ Новомъ Садѣ, но объясняетъ, что дальнѣйшее пребываніе его на турецкой границѣ, гдѣ онъ уже столько лѣтъ отрѣзанъ отъ божьяго міра, онъ считаетъ для себя невозможнымъ, что если бы Академія пожелала воспользоваться его слабыми силами «для осуществленія своей прекрасной и общеполезной цѣли» (т. е. для общеславянскаго словаря), то для этого ему нѣтъ необходимости ни ѣхать въ Петербургъ, ни оставаться въ Новомъ Садѣ: онъ готовъ служить Академіи и изъ Праги, куда онъ твердо рѣшилъ переселиться, чтобы тамъ его ни ожидало.

Дѣлая послѣднее предложеніе, Шафарикъ имѣлъ въ виду сообщенные уже ему, но чрезъ третія только руки, результаты лѣтнихъ переговоровъ Ганки съ Сперанскимъ въ Прагѣ. Отъ нихъ онъ былъ въ восторгѣ, и свою радость онъ поспѣшилъ излить въ письмѣ къ Ганкѣ, сейчасъ же послѣ отвѣта Соколову, прося его объ откровенной подмогѣ — не позабыть и его (въ глазахъ добродушнаго Шафарика Ганка былъ силою), и кротко упрекая его въ неискренности.

---

[1]) Сухомлиновъ, Ист. Росс. Ак., VII, 572 — 574 письмо Шафарика отъ 5 апрѣля. Извѣщеніе Соколова было отъ 23 іюня; о содержаніи его — изъ отвѣта на него Шафарика отъ 13/1 октября, тамъ-же, 574 — 578. Деликатный Шафарикъ вполнѣ извиняетъ странность отвѣта Академіи — измѣнившимися отношеніями къ Ганкѣ и Челаковскому, и извиняется даже за свое нескромное письмо отъ 5 апрѣля, невѣдѣніемъ перемѣны: «но теперь, отвѣчалъ онъ Соколову, при этой перемѣнѣ обстоятельствъ, я не нахожу страннымъ, что мое присутствіе въ Петербургѣ является менѣе настоятельнымъ и необходимымъ, и что имп. Академія, при полной свободѣ отъѣзда, даетъ мнѣ понять — не полезнѣе-ли было для меня и моихъ занятій, если я еще долѣе останусь въ Новомъ Садѣ» (т. же, стр. 575).

«Еще бо́льшею радостью, пишетъ Шафарикъ Ганкѣ 17/5 октября 1832 года, наполнило меня полученное мною извѣстіе объ удачныхъ переговорахъ съ г. Сперанскимъ. Дай же Богъ, чтобы эта прекрасная надежда скоро и вполнѣ оправдалась... Я изъ Петербурга получилъ недавно увѣдомленіе такого содержанія: такъ какъ вы и г. Челаковскій (!) приглашенія не приняли, то первоначальный планъ въ настоящую минуту не можетъ быть выполненъ въ Петербургѣ, а между тѣмъ Академія оставляетъ мнѣ на волю—ѣхать ли въ Петербургъ, или оставаться далѣе въ Новомъ Садѣ. Въ это время Академія еще ничего не знала о вашемъ новомъ планѣ. Я приготовляюсь потому писать въ Петербургъ, что присоединяюсь къ вашему плану и всячески буду совѣтовать, чтобы Академія одобрила этотъ планъ, а меня присоединила бы къ вамъ и къ другимъ пріятелямъ въ Прагѣ, въ качествѣ сотрудника. Я сожалѣю, что у меня нѣтъ никакихъ болѣе полныхъ извѣстій о вашемъ планѣ, и что вы о немъ мнѣ не написали ни словечка. Вы бы меня очень одолжили, если бы увѣдомили меня хотя о главнѣйшихъ основаніяхъ и условіяхъ его .. Но, какъ бы то ни было, я полагаюсь на вашу прямоту, что, стараясь столь похвально о благѣ цѣлаго Славянства, о составленіи общеславянскаго словаря, не забудете и меня, вашего вѣрнаго пріятеля, но усиленно будете стараться о томъ, чтобы я попалъ въ Прагу, при выгодныхъ условіяхъ. Больше всего это зависитъ отъ васъ; вы въ этомъ дѣлѣ можете сдѣлать много»[1]).

Но Ганка, заботившійся прежде всего о себѣ, а не о «благѣ цѣлаго Славянства», кажется, и не отвѣчалъ на смиренную просьбу Шафарика о дѣлѣ, за которое послѣдній ухватывался теперь, какъ утопающій за соломинку, да и отвѣчать не могъ въ желанномъ для Шафарика смыслѣ, такъ какъ его планъ объ устройствѣ славянскаго отдѣленія Россійской Академіи въ Прагѣ былъ одобренъ однимъ Сперанскимъ въ частыхъ бесѣдахъ, притомъ, неизвѣстно въ какой формѣ; планъ-же былъ слишкомъ откровенный.

А между тѣмъ для Шафарика наступали тягчайшіе дни: восторгъ отъ плана Ганки былъ мимолетною сладкою грезою.

[1]) Zelený V., Život J. Jungmanna, p. 405.

Онъ переѣзжалъ въ Прагу, «что̀ бы тамъ его ни ожидало», а въ его Прагѣ его ожидала самая суровая, неприглядная будущность — нужда до нищеты. Онъ переѣзжалъ въ Прагу, чтобы своей любимой и многочисленной семьѣ устроить полуголодную жизнь, и то при довольно стѣснительныхъ нравственныхъ условіяхъ. Одно крѣпило его: преданность наукѣ, любовь къ своему языку и дѣятельность среди людей, которые радовались, что «такъ-сякъ связали его и такимъ образомъ пріобрѣли для роднаго языка», какъ хвалился благородный Юнгманнъ[1]).

Доведенный до отчаянія неудачами, Шафарикъ обращается теперь съ мольбой—помогите, ко всѣмъ. 25/13 октября 1832 г. онъ пишетъ Коллару въ Пештъ: «я, будь что будетъ, остановился, наконецъ, на мысли, усѣсться въ Прагѣ. Я уже писалъ объ этомъ подробно Палацкому и кратко Юнгманну, прося ихъ подыскать для меня тамъ хоть какое-нибудь мѣстечко. Я не ищу должностей, чиновъ, титуловъ, богатства, да, какъ протестантъ, не могу и имѣть въ католической Прагѣ—мнѣ бы только найти въ Прагѣ какое-либо честное занятіе и такимъ образомъ сохранить себя для славянской литературы. И васъ, дорогой, я усиленно прошу—съ своей стороны написать Юнгманну. Если-бы мнѣ хоть на три года достали мѣсто какого-нибудь библіотекаря, архиваріуса, или секретаря, съ квартирой и какимъ нибудь жалованіемъ! Подумайте, что̀ бы я сработалъ въ Прагѣ для чешской энциклопедіи, журнала! На оборотъ, не будетъ-ли къ вѣчному сраму чешскаго народа, если я, пожалуй, и съ семьей, пропаду среди этихъ пропащихъ людей, или продамъ свою душу нѣмцамъ! Да, дорогой, не найду я мѣста въ Прагѣ, въ мартѣ продамъ свои пожитки и гдѣ нибудь въ Германіи залѣзу въ университетъ, въ качествѣ приватъ-доцента, чтобы, по крайней мѣрѣ, костп сложить въ нѣмецкой землѣ, если для нихъ нѣтъ мѣста въ славянской»[2]).

Пріятели горячо приняли къ сердцу безвыходное положеніе своего великаго, но несчастнаго, соотечественника, чтобы только его великій талантъ и знаніе не погибли для Славянства — къ вѣчному его безчестію.

---

[1]) Въ письмѣ къ Марку, послѣ 20 іюля 1883 г. — «Časopis Muzea», 1883, p. 353.

[2]) Zelený V., Život J. Jungmanna, p. 283, примѣч. 3.

16 ноября 3812 Палацкій спѣшитъ извѣстить Коллара, что хотя мѣста для Шафарика въ «католической» Прагѣ нѣтъ, но друзья не оставятъ. «О миломъ нашемъ Шафарикѣ и его нуждахъ, писалъ Палацкій, вамъ извѣстно. Всячески мы стараемся приготовить ему пребываніе среди насъ, если не вполнѣ пріятное, то, по крайней мѣрѣ сносное, и, надѣюсь, это намъ удастся. Мы припасли для него, хотя предварительно всего на пять лѣтъ, нѣсколько сотъ гульденовъ въ годъ; стараемся и о мѣстѣ. Какъ важно сохранить его для нашей литературы, мы это прекрасно чувствуемъ и цѣнимъ»[1]).

Одновременно сообщаетъ о благородной патріотической складчинѣ тому-же посреднику и Юнгманнъ. «Дорогому Шафарику, пишетъ онъ Коллару 8 декабря, надѣюсь, не дозволимъ уйти на чужбину, хотя мы и не въ состояніи устроить ему жизнь у насъ такъ удобно, какъ это желалось бы»[2]). Благородный Юнгманнъ заботится теперь объ увеличеніи пока пайщиковъ на «сохраненіе» Шафарика. «Относительно Шафарика, пишетъ онъ своему Марку въ самомъ концѣ злополучнаго для Шафарика 1832 года, 28 декабря, мы (т. е. патріоты, люди благородной школы Добровскаго, но безъ Ганки) постановили, наконецъ, между собою, и ему сообщили, что мы принимаемъ на себя заботу — обезпечить его дружескою складчиной на пять лѣтъ, но не долѣе,—скорѣе, короче, если ему удастся получить какое либо занятіе. Мы дѣлали много для родной литературы, —сдѣлаемъ же и это. Шафарикъ, дѣйствительно, прекрасная голова и будетъ сильно работать. Въ мартѣ (т. е. 1833 года) онъ собирается быть здѣсь»[3]). И Марекъ не отказалъ въ участіи, въ своемъ паѣ.

Дѣйствительно, веселый май 1833 года встрѣтилъ Шафарика не на чужбинѣ, въ Петербургѣ, съ обезпеченнымъ существованіемъ, какъ это онъ благодушно расчитывалъ еще годъ тому назадъ, а въ родной Прагѣ, съ черствымъ ломтемъ хлѣба, гдѣ, впрочемъ, его ожидали, какъ мессію, по выраженію Палацкаго. «Прибытіе нашего Шафарика будетъ новою весной нашей

---

[1]) «Časopis Musea», 1879, p. 478.

[2]) Тамъ-же, 1880, p. 207.

[3]) Тамъ-же, 1883, p. 346.

литературы», предвѣщалъ добрый Юнгманнъ[1]). Но будетъ ли это весной для самого Шафарика?

Какою горькою ироніей судьбы звучало въ ушахъ Шафарика любезное дозволеніе Россійской Академіи оставаться въ Новомъ Садѣ еще на долго лѣтъ!

Съ крайне удрученнымъ духомъ покидалъ Шафарикъ свой православный Новый Садъ, край «пропащихъ людей», гдѣ онъ провелъ полтора десятка лѣтъ, и уѣзжалъ въ гостепріимную Прагу, но чтобы тамъ собою еще болѣе увеличить бѣдность своихъ бѣдныхъ собратій, писателей-патріотовъ.

«Четырнадцать лѣтъ тому назадъ, пишетъ Шафарикъ въ послѣдній разъ, 17 февраля 1833 года, изъ Новаго Сада другу своему въ Варшаву, знаменитому польскому слависту-юристу, В. Мацѣёвскому, пришелъ я къ сербамъ съ желаніемъ дѣйствовать среди нихъ на благо культуры народа, а ухожу съ сознаніемъ напрасно потраченнаго труда. Что я не отправился въ Петербургъ, получивъ оттуда приглашеніе—главною причиною была болѣзненность моей жены, слабой грудью; а позже подошли иныя препятствія», т. е. колебаніе Ганки, поставившее всѣхъ въ фальшивое положеніе.

Полный отчаянія, Шафарикъ исповѣдывался теперь Мацѣёвскому. «Въ концѣ будущаго мѣсяца (т. е. марта) я, продолжалъ онъ, оставляю Новый Садъ и на-время переселяюсь въ Прагу... Я водворюсь въ Прагѣ, какъ частный ученый, при небольшой подмогѣ изъ какого-то частнаго фонда. Я хочу испытать этотъ послѣдній шагъ, прежде нежели продамъ свою бѣдную душу нѣмецкому Михлю и потянусь въ какой-нибудь нѣмецкій университетъ. Да, мой дорогой другъ, жалко, мало того—отчаянно стоитъ наше славянское дѣло. Какъ слѣпой энтузіастъ, жертвовалъ я собою этому дѣлу въ теченіе 16 лѣтъ, а въ результатѣ—уничтожилъ только себя»...[2]).

Не легче было несчастному ученому и въ Прагѣ. Не весною встрѣтила его и Прага, съ своей складчиной бѣдняковъ, хотя и прибылъ въ маѣ.

Суетны были и торжественная ода со стороны его земляка, Коллара, на проводы въ Прагу, и особенное благоволеніе къ

---

[1]) «Časopis Musea», 1879, p. 479; 1880, p. 207.

[2]) «Slov. Sborn[k»], Едв. Елинка, 1884 годъ, p. 189, 188.

нему «Дщери Славы», увы! своеобразно выразившееся въ жаркомъ желаніи, чтобы великій страдалецъ остался на вѣки въ нашей юдоли скорби (сон. 469), не смѣшиваясь съ остальными «nebeštany» въ «Nebeslavsku»...

Нищета стала участью избранника науки. Анонимные члены фонда хладѣли, да и сами были бѣдняки. «Палацкій, пишетъ Юнгманнъ Марку уже въ апрѣлѣ 1834 года, слѣд. до окончанія года, просилъ, чтобы ваши 50 гульденовъ пошли на Шафарика за этотъ 1834 годъ, такъ какъ Штепанекъ отказался отъ своего пая и мы въ нуждѣ»[1]). Перебился кое-какъ Шафарикъ четыре года; наступилъ послѣдній условный—пятый, 1837-й; виды на полученіе мѣста, даже какого-нибудь переводчика слабы, а впереди прекращеніе складчины. «Какъ бы то ни было, пишетъ благородный Юнгманнъ тому-же Марку, но весь вопросъ—какъ вы отнесетесь: можете-ли и желаете-ли и позже что-нибудь дѣлать для Шафарика, или совершенно отказываетесь»?[2])

Въ эти критическія минуты Шафарика, когда свои, за невозможностью, оставляли, когда великій страдалецъ отдавалъ уже въ типографію свои классическія «Славянскія Древности», пришла рука помощи—отъ насъ, отъ частныхъ также людей, но московскихъ, и на эту помощь одинаково спѣшили, и славянофилы, смѣнившіе преданія Румянцовскаго Кружка, и западники, по духу присные Сперанскому.

Извѣстно, что первыя строки «Славянскихъ Древностей», съ сердечнѣйшею признательностью за помощь, знаменитый авторъ посвятилъ, послѣ своихъ анонимныхъ благодѣтелей, Погодину: «да будетъ и тебѣ благодарность, дорогой Михайло Петровичъ, тебѣ, который, увидѣвъ мой трудъ еще неоконченнымъ, оцѣнилъ его душею истиннаго славянина»...

Въ 1837 году посѣтилъ Прагу Грановскій, познакомился съ Шафарикомъ и ужаснулся его нищетѣ. Онъ поспѣшилъ просить своего товарища Григорьева (будущаго оріенталиста) организовать между своими знакомыми помощь нищенствующему Шафарику—и русская складчина была на лицо[3]).

---

[1]) «Časopis Musea» 1883, p. 498.

[2]) Отъ 19 декабря 1837 г. Тамъ-же, 1884, 66.

[3]) Веселовскій, Н. И., В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ. Спб. 1887, стр. 28—29.

Въ это самое время безмятежно кончалъ свои дни секретарь Россійской Академіи, дозволявшій Шафарику оставаться —въ испытаніяхъ, еще на «многая лѣта»...

Прошло много лѣтъ, и волны Влтавы уготовили, наконецъ, предѣлъ испытаніямъ несчастнаго Шафарика. Тогда, наконецъ, и исполнилось его старое желаніе соединиться съ русскими. Какъ протестанту ему не было мѣста въ «славянской», т. е. «католической» Прагѣ: гробъ его вынесенъ далеко, подъ Жижкову гору, на «село скудельниче», гдѣ великій чехъ (словакъ) упокоился о-бокъ съ русскими, падшими когда-то подъ Кульмомъ...

Не весела судьба была и втораго члена тріумвирата, также какъ и Шафарикъ, долго утѣшавшагося надеждой работать въ Россіи, достойнаго Челаковскаго.

Когда въ 1835 году Челаковскій, извѣрившійся во все подъ гнетомъ судьбы, былъ привлеченъ къ отвѣту за неблагоразумное слово, какъ-то вырвавшееся у него по адрессу къ намъ, на страницахъ ничтожной газетки, онъ прямо указывалъ на Ганку, какъ на своего доносчика[1]). За этимъ послѣдовала полная нищета и положеніе еще отчаяннѣе, чѣмъ у Шафарика. «Шафарика, жалуется Палацкій другу Пуркинье въ Бреславль, въ іюлѣ 1839 г., мы должны были въ прошломъ году ссадить съ 40 на 30 гульденовъ въ мѣсяцъ, и нужныя деньги труднѣе и труднѣе собираются. Начали было мы такою же складчиной помогать и Челаковскому; но она такъ скверно идетъ, что вынуждены будемъ скоро ее бросить. Этотъ прекрасный человѣкъ заболѣлъ дней 14 назадъ, и мы не безъ опасенія о немъ»[2]). Наконецъ, Челаковскій «продалъ свою душу нѣмецкому Михлю» — въ Бреславскій университетъ.

Долго, очень долго слышались у Челаковскаго отзвуки о славянскомъ тріумвиратѣ; съ горечью души вспоминалъ онъ и чрезъ десятокъ лѣтъ о своемъ «ruském pozvání» — о приглашеніи въ Россію[3]).

Одинъ только Ганка оказался избранникомъ фортуны, «недостойнѣйшій» изъ всѣхъ троихъ, по сильному, но справедливому

---

[1]) «Časopis Musea», 1883, p. 811.

[2]) «Slovanský Sborník», 1886, p. 231.

[3]) Ср. его письма въ 1841 году въ «Sebr. listech», p, 440, 443.

замѣчанію автора біографіи Юнгманна [1]). Даже неудавшееся, главнымъ образомъ, по его винѣ счастье Шафарика и Челаковскаго — переселеніе въ Петербургъ, послужило ему въ выгоду. Знаки вниманія засыпали его изъ Россіи, и еще пок. П. А. Лавровскій не разъ вспоминалъ въ бесѣдахъ съ пишущимъ эти строки, какъ онъ встрѣчалъ Ганку въ театрѣ: руки горѣли огнями. И умеръ торжественно, среди своихъ рукописей:

«Na Přikopech je dům
říkají — Museum» . . .

Припоминаніемъ этихъ стишковъ знаменитаго чешскаго поэта-публициста, Гавличка-Боровскаго, заключимъ нашу сказку о Вячеславѣ Вячеславовичѣ Ганкѣ — мудромъ «пастушкѣ».

Таковъ былъ финалъ призванія славянъ.

. 7 .

Два раза Шишкову, второму нашему историческому старцу, блестѣвшему среди своихъ хаотическихъ современниковъ, улыбалась завидная честь стать преобразователемъ-организаторомъ традиціонно-отрывочныхъ славянскихъ студій въ Россіи.

Сначала, какъ министръ народнаго просвѣщенія, Шишковъ остановился на проэктѣ учрежденія славянскихъ каѳедръ въ университетахъ имперіи; позже, какъ президентъ Россійской Академіи, онъ выработалъ и провелъ законодательнымъ путемъ проэктъ открытія Славянскаго Отдѣленія при своей Академіи.

Оба раза непосредственнымъ сотрудникомъ его въ этомъ благовременномъ и серьезномъ дѣлѣ былъ энергическій Кеппенъ, изъ знаменитаго научно-славянскаго Кружка канцлера Румянцова, и оба раза, для осуществленія реформы, останавливались на одномъ и томъ-же пріемѣ—на приглашеніи западнославянскихъ ученыхъ, и каждый разъ на однихъ и тѣхъ-же лицахъ.

Но оба смѣлыя предначертанія постигла одна и таже участь —неудача.

---

[1]) Zelený V., Život J. Jungmanna, Приложеніе V, p. 406.

Сожалѣть ли намъ о роковомъ неуспѣхѣ?...

И нѣтъ, и да.

Ганка, корифей тріумвирата, планировавшій по своему даже намѣренія самой Россійской Академіи, былъ, безспорно, горячій патріотъ — онъ былъ такимъ, лишь только оставилъ наслѣдственный пастушескій посохъ, кропотливый собиратель, открыватель памятниковъ родной старины и издатель; но онъ не выдавался никогда ни талантомъ, ни глубиною знанія. Онъ хвалился знаніемъ всѣхъ славянскихъ языковъ; но мы видѣли его русскій языкъ въ письмахъ въ «сіятельной» Академіи. Вѣрно и сразу понялъ его опытный Бодянскій [1]), но не другъ его, И. И. Срезневскій.

Трудолюбивый, талантливый Челаковскій былъ и остался до конца выдающимся поэтомъ, съ возвышенными мотивами не одного своего «прихода»; но онъ былъ болѣе вдохновеннымъ, чѣмъ строгимъ, ученымъ.

Оторванные отъ своего народа, и Ганка, и его избранникъ, Челаковскій, въ своемъ новомъ положеніи не будучи въ состояніи продолжать благотворную дѣятельность для духовнаго возрожденія своей несчастной родины своимъ личнымъ, непосредственнымъ участіемъ въ ея судьбахъ, въ тоже самое время не могли бы быть особенно выдающимися вкладчиками въ русскую науку, двигателями ея.

Но не то можно сказать о Шафарикѣ, скромномъ словакѣ — третьемъ, въ ходѣ дѣйствія, второстепенномъ членѣ приглашавшагося славянскаго тріумвирата.

Если среди грозной нищеты, перебиваясь пріятельскими складчинами, Шафарикъ не только не потерялся, не измѣнилъ долгу жизни — наукѣ, но работалъ съ возрастающей энергіей; если, такъ сказать, чѣмъ голоднѣе онъ былъ, тѣмъ выше становились творенія его, этого великаго духа: сегодня—ровно полъ-вѣка, какъ нищій Шафарикъ окончилъ свою великую книгу, сегодня — полувѣковой юбилей его «Древнѣйшей Исторіи славянъ»,—то позволительно думать, что обезпеченность на службѣ въ Россіи, а къ намъ онъ льнулъ, и безкорыстно, и упрямо, была-бы для него, по крайней мѣрѣ, не менѣе слабымъ сти-

---

[1]) См. нашъ очеркъ: «О. М. Бодянскій въ его Дневникѣ» въ «Историч. Вѣстникѣ» 1887, декабрь, стр. 512.

муломъ въ работѣ, чѣмъ нужда. Бѣдность, временами предметъ грустнаго соблазнѣнія, въ Шафарикѣ творила чудеса. А мы лично — пріобрѣтали въ Шафарикѣ и силу, и руководителя, слѣдовательно, и лишились съ нимъ многаго. Не скорбѣть о роковой неудачѣ въ жизни Шафарика, о неудачѣ смѣлаго проэкта историческаго старца-Шишкова, нельзя.

Не всуе великій поэтъ министра Шишкова встрѣтилъ восторженнымъ дифирамбомъ:

«Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ»,

ликовалъ Пушкинъ, при свѣжемъ еще воспоминаньѣ объ эпохѣ Магницкаго, съ его «пакостными руками», въ глубокой вѣрѣ, что время то минуло безвозвратно.

И удовлетвореніе заботъ, давнихъ исканій друзей русской науки въ проэктѣ организаціи каѳедры Славяновѣдѣнія, и въ попыткѣ реорганизаціи въ томъ же творческомъ духѣ Екатерининской Академіи, оправдывали привѣтъ и вѣру поэта.

Человѣкъ не науки, Шишковъ своимъ чистымъ сердцемъ постигалъ интересы другихъ, интересы науки. По указанію сердца онъ вышелъ на тотъ путь, который былъ прокладываемъ сознательнымъ и многолѣтнимъ трудомъ знаменитаго Кружка знаменитаго канцлера, и когда не стало для науки Румянцова, Шишковъ сталъ въ его мѣсто и пошелъ объ руку съ эпигонами его, въ преслѣдованіи общей цѣли — органическаго развитія русской науки. Изъ Арзамаса выросла теорія «умственныхъ плотинъ»; изъ Академіи Шишкова — славянская университетская каѳедра.

И правъ былъ пѣвецъ «Дщери Славы», отводя обоимъ старикамъ, Шишкову и Румянцову, мѣсто о бокъ Петра и Екатерины въ славянскомъ элисіи (сон. 425). Правъ былъ онъ и въ оцѣнкѣ дѣятельности энергическаго помощника обоихъ, Кеппена, прославивъ и его, какъ перваго путешественника по славянскимъ землямъ, и плоды этого подвига — укладку «славянской взаимности» (сон. 496).

Правда, Шишковъ не успѣлъ, къ общему сожалѣнію, нашедшему выраженіе въ Кеппенѣ, мыслямъ своего сердца дать осуществленіе: казалось, все было готово, а въ результатѣ ничего. Но не безслѣднымъ метеоромъ пронесся вопросъ, выдвинутый президентомъ Россійской Академіи, въ исторіи русскаго просвѣщенія: вопросъ этотъ, послѣ Шишкова, былъ на-столько

очередной, что второму наслѣднику Шишкова, Уварову, доставалась не трудная задача — повторить знаменитаго адмирала въ университетскомъ уставѣ 1835 года и въ учрежденіи 2-го Отдѣленія Императорской Академіи наукъ.

Лѣтопись русскаго просвѣщенія, исторія русской науки, не позабудутъ «честнаго министра», какъ привѣтствовалъ Шишкова Пушкинъ.

«Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года»...

Но это не все: не менѣе священна память Шишкова, какъ неизмѣнно-горячаго друга отечественной науки.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

.I.

ПЕРЕПИСКА

государственнаго канцлера гр. Н. П. Румянцова

съ управляющимъ Моск. госуд. Коллегіи иностр. дѣлъ Архивомъ,

Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ,

объ изданіи «Собранія госуд. грамотъ и договоровъ».

1811—1814.

Перечень Переписки.

№

1. Канцлеръ Н. Н. Бантышу-Каменскому, 4 апрѣля 1811 г.
2. Докладъ (копія) канцлера импер. Александру, 25 февраля 1811.
3. Бантышъ-Каменскій канцлеру, объ открытіи дѣйствій Комиссіи, 17 апрѣля 1811.
4. Сообщеніе канцлера Комиссіи, о конфирмаціи Доклада и прочемъ, 5 мая 1811.
5. Канцлеръ Бантышу-Каменскому, 13 августа 1811.
6. Бантышъ-Каменскій канцлеру, 21 августа 1811.
7. Канцлеръ Бантышу-Каменскому, 18 октября 1811.
8. Онъ ему-же, 26 февраля 1812.
9. Онъ ему-же, 1-го февраля 1813 г., съ приложеніемъ высочайше утвержденнаго доклада о выкраденныхъ архивскихъ деньгахъ, 1 февраля 1813.
10. Онъ ему-же, 14 февраля 1813.
11. Онъ ему-же, 24 февраля 1813.
12. Бантышъ-Каменскій канцлеру, съ планомъ II-ой части Собранія, 7 апрѣля 1813.
13. Канцлеръ Бантышу-Каменскому (кассація плана), 30 апрѣля 1813.
14. И. К. Вестманъ Бантышу-Каменскому, 30 апрѣля 1813.
15. Канцлеръ Бантышу-Каменскому, 20 мая 1813.
16. Онъ ему-же, 8 іюля 1813.
17. Онъ ему-же, 8-же іюля 1813.
18. Бантышъ-Каменскій канцлеру, 14 іюля 1813.
19. Онъ ему-же, 22 іюля 1813 (о концѣ печатанія I ч. Собранія).
20. Канцлеръ Бантышу-Каменскому, 5 августа 1813.
21. Бантышъ-Каменскій канцлеру, 19 августа 1814.

22. Онъ ему-же, 25 августа 1813.
23. Онъ ему-же, 11 сентября 1813 (о неудачной посылкѣ въ Сербію церковныхъ книгъ).
24. Онъ ему-же, 23 сентября 1813 (о посылкѣ копій со всѣхъ трактатовъ по 1726 годъ, для будущихъ трехъ частей Собранія).
25. Канцлеръ Бантышу-Каменскому, 24 сентября 1813.
26. Бантышъ-Каменскій канцлеру, 2 октября 1813.
27. Канцлеръ Бантышу-Каменскому, 1 ноября 1813.
28. Бантышъ-Каменскій канцлеру, 13 ноября 1813.
29. Канцлеръ Бантышу-Каменскому, 4 декабря 1813 (съ поправками текста Предисловія и о цѣнѣ).
30. Бантышъ-Каменскій канцлеру, 18 декабря 1813 (успокоеніе о палеографическомъ изданіи, мѣрахъ къ выпуску).
31. Канцлеръ Бантышу-Каменскому, 30 декабря 1813 (расчетъ выручки).
32. Бантышъ-Каменскій канцлеру, 5 января 1814 (сумма издержекъ, текстъ объявленія о выходѣ въ свѣтъ I ч. Собранія).
33. Канцлеръ Бантышу-Каменскому, 17 января 1814 (уже покойному).
34. Ив. Либенау канцлеру—отвѣтъ на послѣднее письмо, 26 января 1814.
35. Канцлеръ Бантышу-Каменскому, 25 января 1814 (о разсылкѣ экземпляровъ).

№ 1.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Препровождая при семъ копію съ доклада, поднесеннаго мною императорскому величеству объ изданіи въ печать Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, сообщаю вашему превосходительству, что хотя и не послѣдовало еще на оный высочайшее утвержденіе, но я, имѣя предварительно соизволеніе его императорскаго величества на сіе предпріятіе, не хочу долѣе отложить отвѣтъ мой на письмо ваше отъ 31 января [1]).

Докладомъ симъ учреждается при Архивѣ особая для сего предмета Коммиссія подъ начальствомъ вашего превосходительства. Главнымъ смотрителемъ надъ симъ изданіемъ съ прибавочнымъ жалованьемъ по 600 руб. въ годъ полагаю я согласно съ мнѣніемъ вашимъ надворнаго совѣтника Либенау, который мнѣ показался весьма къ сему способнымъ, а двухъ чиновниковъ ему въ помощь съ жалованьемъ по 200 по 50 руб. прошу васъ, милостивый государь мой, выбрать изъ подчиненныхъ вашихъ и имена ихъ мнѣ сообщить для испрошенія высочайшаго указа на опредѣленіе имъ сихъ окладовъ.

Докладомъ разрѣшается также печатаніе безъ цензуры, употребленіе полагаемой на оное суммы и распродажа сихъ книгъ въ пользу иностраннаго Департамента; мнѣ остается только присовокупить къ сему слѣдующее:

1) Я прошу ваше превосходительство постановить съ типографіею г. Всеволожскаго и доставить ко мнѣ на утвержденіе проектъ контракта, отъ имени учреждаемой Коммиссіи заключаемаго на отпечатаніе первой части сей книги, полагая печатать въ два столбца буквами миттель называемыми, съ положеніемъ пени типографщику за печатаніе лишнихъ екземпляровъ и съ наблюденіемъ, чтобы по отпечатаніи не

---

[1]) Письмо это — см. Переписку Румянцова, № 2.

были сложены сырые листы вмѣстѣ, отъ чего иногда пристается печать отъ одного листа къ другому и тѣмъ изданіе портится; впротчемъ прошу цѣну за работу и сроки платежамъ точно означать, дабы къ тому времени и деньги могли быть ассигнованы и вообще все такъ оговорить, чтобы ни въ чемъ не было спору и сумнѣнія.

2) Таковыя же проекты контрактовъ прошу постановить съ рѣщикомъ Осиповымъ на вырезаніе печатей и съ купцомъ Кузнецовымъ на бумагу, полагая оную въ 22 рубли стопу по послѣднему отъ васъ присланному образцу, съ тѣмъ, чтобы на подносные 50 екземпляровъ сія бумага была на выборъ лучшая.

Вообще же какъ сіе изданіе дѣлается сколько для пользы, столько и для славы, то сдѣлайте мнѣ одолженіе, не щадите какихъ либо небольшихъ издержекъ, только бы соблюдена была вся чистота и красота тисненія, что послужитъ собственно къ чести вашей, и я по изданіи сей I части не премину испросить Монаршее вамъ за сей трудъ воздаяніе сходно съ желаніемъ вашимъ.

Впротчемъ имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ
вашего превосходительства
покорнымъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ

въ С.-Петербургѣ
апрѣля 4. дня
1811 года.

(Оригиналъ).

№ 2.

Его императорскому величеству государственнаго канцлера

ДОКЛАДЪ [1]).

Усердствуя пользамъ всемилостивѣйше ввѣреннаго мнѣ иностраннаго Департамента и желая споспѣшествовать образованію чиновниковъ,

---

[1]) Онъ напечатанъ Бантышемъ-Каменскимъ въ Предисловіи къ I части Собранія. Повторяемъ въ интересѣ полноты.

вновь посвящающихъ себя сему служенію, равно какъ и распространенію общеполезныхъ свѣденій, я давно занимался мыслію сколь нужно было-бы въ семъ отношеніи издать въ свѣтъ полное собраніе дипломатическихъ актовъ нашихъ, по примѣру извѣстнаго сочиненія Дюмонова, какъ-то: древнихъ грамотъ и другихъ договоровъ Россіи съ разными державами, хранящихся въ Архивѣ иностраннаго Департамента.

Въ семъ намѣреніи собиралъ я свѣденія, сколько примѣрно можетъ стоить напечатаніе первой части таковой книги, начиная съ самыхъ древнихъ грамотъ и съ изображеніемъ печатей, къ нимъ приложенныхъ. По представленному мнѣ исчисленію оказалось, что ограничивъ первое изданіе 1200 экземплярами, для напечатанія первой части потребуется до 25 тысячъ рублей.

Уважая правила строгой бережливости, необходимо нужной въ расходахъ государственныхъ, я не почитаю себя въ правѣ утруждать ваше императорское величество ходатайствомъ, чтобы издержки для изданія оной книги были приняты на щетъ казны; но облагодѣтельствованный толь много высочайшею милостію вашего величества осмѣливаюсь испрашивать и приму съ живѣйшею благодарностію въ видѣ новаго на меня опыта монаршаго благоволенія, всемилостивѣйшее соизволеніе вашего императорскаго величества, чтобы для напечатанія I части сего изданія исчисленную выше сего сумму, или сколько потребно будетъ, употребилъ я изъ собственнаго моего иждивенія на слѣдующемъ основаніи:

1) Изданіе оной книги признавать не частнымъ предпріятіемъ, но дѣломъ казеннымъ и до пользы службы относящимся.

2) Для сего составить при Московскомъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ особую Коммиссію, которая будетъ заниматься всѣми предметами, касательными до сего изданія.

3) Сія Коммиссія будетъ состоять подъ вѣденіемъ и распоряженіемъ управляющаго онымъ Архивомъ, извѣстнаго по трудамъ своимъ и усердію г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Бантыша-Каменскаго, изъ одного главнаго смотрителя надъ изданіемъ и двухъ чиновниковъ, съ жалованьемъ смотрителю по 600 руб., а послѣднимъ двумъ по 200 по 50 р. въ годъ каждому, изъ общихъ государственныхъ доходовъ.

4) Выборъ главнаго смотрителя надъ изданіемъ и двухъ чиновниковъ по оной Коммиссіи предоставить управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

5) Заглавіе издаваемой книгѣ дать слѣдующее: Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ.

6) Поелику собраніе сихъ государственныхъ грамотъ будетъ на-

даваться по волѣ вашего императорскаго величества, то отъ надзора цензуры оное освободить.

7) Продажу сихъ книгъ производить единственно при Московскомъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобъ каждый экземпляръ былъ заклейменъ казенною печатью.

8) Чтобъ до распродажи I части сихъ грамотъ запрещено было вообще издавать оныя въ маломъ форматѣ, и типографщику наистрожайше подтвердить, чтобы болѣе означеннаго числа 1200 экземпляровъ не печаталъ, подъ опасеніемъ денежнаго взысканія.

9) Выручаемыя чрезъ продажу I части деньги хранить въ той Коммиссіи, а по мѣрѣ какъ оныя накопляться будутъ, обращать на печатаніе второй части и такъ далѣе, доколѣ продолжаться будетъ сіе изданіе.

10) Всю выручку и всю прибыль отъ онаго изданія, по совершенномъ окончаніи сего предпріятія, обратить въ свое время въ пользу иностраннаго Департамента, съ представленіемъ мнѣ права сдѣлать изъ сихъ денегъ употребленіе.

11) Изъ числа 1200 экземпляровъ сей книги предоставить въ мою пользу 50 экземпляровъ для поднесенія вашему императорскому величеству и собственно для моего употребленія.

Повергая все сіе на высочайшее благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества, я осмѣливаюсь испрашивать еще единой милости, есть ли представленіе будетъ удостоено высочайшаго утвержденія, позволить мнѣ имѣть участіе и попеченіе объ успѣхѣ сего предпріятія и въ то время, когда по болѣзни и другимъ обстоятельствамъ я былъ бы вынужденъ оставить мѣсто нынѣшняго моего служенія.

Подписанъ по сему: графъ Николай Румянцовъ.

вѣрно: оберъ-секретарь Вестманъ.

февраля 25 дня
1811.

(Копія).

№ 3.

Вантышъ-Каменскій канцлеру.

. . . . . 2) Какіе въ I часть внесутся договоры а) Новгородскія и b) великихъ князей и царей россійскихъ старинные разныя гра-

моты, онымъ подъ № II и III на усмотрѣніе вашего с—ва посылаются два реестра (кои по разсмотрѣніи благоволите приказать обратно въ Архивъ прислать): за сими грамотами будетъ внесена избирательная отъ всего россійскаго государства грамота на царство государя царя Михаила Ѳеодоровича; потомъ и еще какія отыщутся государственныя грамоты, объ оныхъ сообщено будетъ вашему с—ву въ свое время.

Но какъ въ двухъ новгородскихъ грамотахъ, подъ № 12 и 18 при семъ приложенныхъ, многихъ словъ не достаетъ: то нужно-ли будетъ сіи вносить (ибо и у Дюмона есть таковыя-же неполныя грамоты): на сіе Коммиссія будетъ ожидать разрѣшенія.

. . . . . 4) (Главный смотритель — Иванъ Либенау). Касательно-же двухъ чиновниковъ, способными и надежными къ сему дѣлу быть рекомендую архивскаго канцеляриста Дмитрія Прилуцкаго, а другаго переводчика Ивана Нестеровича, твердо знающаго нѣмецкій и протчія языки. Но какъ сей Нестеровичъ назначенъ уже къ другому извѣстному вашему с—ству дѣлу: то въ случаѣ отбытія его мѣсто его занять можетъ братъ его родной, обучающійся въ университетѣ наукамъ и языкамъ, Павелъ Нестеровичъ, которой уже кандидатомъ словесныхъ наукъ въ университетѣ щитается. За исправность и прилежаніе обоихъ сихъ людей крѣпко ручаюсь и прошу о опредѣленіи сихъ; ибо протчіе (коихъ хотя и великое въ Архивѣ число), не получая чиновъ, всѣ почти объ **отставкѣ** изъ Архива **помышляютъ**.

(Затѣмъ смѣта I части—21.202 р.).

Итакъ, получа на все сіе рѣшительный отвѣтъ, Коммиссія приступитъ къ печатанію I части государственныхъ грамотъ.

Москва, 17 апрѣля 1811.

(Отпускъ. Слова: «объ отставкѣ», «помышляютъ» рукою Бантыша-Каменскаго» на мѣсто перечеркнутаго имъ: «вонъ», «глядятъ»).

№ 4.

Канцлеръ Бантышу-Каменскому.

. . . . . По полученіи доношенія отъ Коммиссіи отъ 17 апрѣля объ учиненіи ею нужныхъ распоряженій къ началію печатанія помянутыхъ трактатовъ, имѣлъ я щастіе поднести къ конфирмаціи его импе-

раторскаго величества докладъ мой, съ котораго копія въ оную предварительно уже доставлена. Сія высочайшая конфирмація послѣдовала 3 числа сего маія, и я сообщилъ уже г. министру финансовъ монаршую волю объ ассигнованіи.

(Утверждая контракты, предположенія и назначенія Комиссіи отъ 17 апрѣля, прибавляетъ:)

. . . . . буде нужными окажутся какія либо объясненія, то оныя дѣлать выносками въ концѣ страницы.

. . . . . 5) Въ щетъ исчисленной на отпечатаніе I части суммы 21.202 р. посылаю при семъ 9 тыс., о полученіи которыхъ меня увѣдомить, а достальныя присланы будутъ къ 1 числу августа и къ 1 декабря сего года.

6) Въ разсужденіе освобожденія сего изданія отъ надзора цензуры и запрещенія вообще перепечатывать оное въ маломъ форматѣ, объявляю сегодня высочайшую волю г. министру полиціи.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ,
маія 5 дня 1814.

(Оригиналъ).

№ 5.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

При отношеніи моемъ въ Комиссію о печатаніи государственныхъ грамотъ и договоровъ отъ 5 маія возвратилъ я два реестра вносимыхъ въ I часть таковымъ актамъ. Хотя я и увѣренъ, что ваше пр—во всю употребите осторожность въ разсужденіи цензуры, дабы не было обнародовано что-либо противное принятымъ правиламъ цензуры и общимъ политическимъ видамъ, особливо въ отношеніи уваженія къ другимъ дворамъ, и хотя я въ тѣхъ реестрахъ ничего не нашелъ таковаго, однакожъ почитаю за нужное обратить на то вниманіе ваше, и буде вы найдете въ содержаніи самихъ тѣхъ грамотъ что либо обнародованіемъ своимъ предосудительнаго правительству нашему и оскорбительнаго иностраннымъ, то прошу васъ въ таковыхъ случаяхъ пред-

варительно доставить ко мнѣ копію съ акта, съ вашими замѣчаніями на разсмотрѣніе, и ожидать моего разрѣшенія.

Впротчемъ надѣюсь я, что въ самомъ отпечатаніи приняты вами всѣ нужныя мѣры къ исправности, чистотѣ и красотѣ изданія, дабы оно, особливо при первомъ началѣ, могло заслужить вниманіе и одобреніе, какъ всемилостивѣйшаго государя, такъ и публики.

При семъ препровождаю 5 тыс. 500 р., опредѣленныя на сіе предпріятіе въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, прося васъ о полученіи оныхъ меня увѣдомить. Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнымъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ
августа 13 дня
1811 г.

(Оригиналъ).

№ 6.

Вантышъ-Каменскій канцлеру.

Сіятельный графъ,

Милостивый государь!

Извѣщая о полученныхъ отъ вашего с—ва Коммиссіею 5500 р. на печатаніе извѣстныхъ договоровъ, могу смѣло увѣрить ваше с—во, что доселѣ въ изданіи нашемъ ничего противнаго принятымъ правиламъ цензуры, либо общимъ политическимъ видамъ не встрѣтилось, да и быть, кажется, не можетъ для того, что грамоты сіи и договоры составляютъ внутренняго отечества нашего часть, т. е. взаимные между великими князьями условія, никакого отношенія къ другимъ европейскимъ дворамъ не имѣющія. Осторожность сія нужна будетъ при изданіи договоровъ съ иностранными дворами.

О чистотѣ-же и красотѣ сего изданія ежечасно твердимъ г. Всеволожскому и о томъ его всячески просили. Что-же касается до исправ-

ности сего изданія, единственно лежащей на отчетѣ Коммиссіи, она долгомъ нашимъ всегда пребудетъ.

Сегодня 25-ый листъ принесенъ изъ типографіи для корректуры.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ имѣю честь быть

1811
августа 21 дня.

(Отпускъ).

№ 7.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Благодарю ваше пр—во за доставленную ко мнѣ выписку изъ Лейденской газеты о бытности государя Петра Великаго въ Парижѣ, также и за копію съ писемъ великаго князя Василія Ивановича къ супругѣ его 1534 года. Сіи послѣднія извѣстны мнѣ уже изъ Древней Россійской Библіотеки. Содержаніе оныхъ нельзя причесть къ грамотамъ и для того кажется мнѣ неприличнымъ включать ихъ въ издаемое собраніе.

Удовлетворяя желанію вашему, предложилъ я Коллегіи опредѣлить кандидата Нестеровича на мѣсто брата его.

Впротчемъ пребываю съ истиннымъ почитаніемъ

вашего превосходительства

покорнымъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ
октября 18 дня
1812 г.

(Оригиналъ).

№ 8.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Возвращая при семъ вашему пр—ву заглавіе Трактатнаго Собранія и оглавленіе договоровъ и грамотъ, сдѣлалъ я въ первомъ нѣкото-

рую поправку. Я нахожу, что употребленный къ заглавному листу шрифтъ слишкомъ крупенъ и похожъ на церковную печать, а для того прошу васъ выбрать шрифтъ по красивѣе, каковымъ отпечатавъ корректурной листъ ко мнѣ доставить на усмотрѣніе.

Предположеніе отпечатать нѣсколько грамотъ древнѣйшихъ, съ наблюденіемъ почерка и величины ихъ, можно исполнить и по окончаніи изданія особою тетрадью, на что тогда и сумму назначу, а теперь посылаю достальныя за отпечатаніе первой части 6702 рубли, о полученіи которыхъ прошу васъ меня увѣдомить.

Канцеляриста Прилуцкаго не оставлю я произвесть въ актуаріусы, коль скоро онъ выслужитъ въ нижнемъ званіи три года.

Впрочемъ пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорный слуга

Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ
февраля 26 дня
1812 г.

(Оригиналъ).

№ 9.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Препровождая къ вашему пр—ву копію о высочайше утвержденнаго доклада о покраденныхъ въ Московскомъ Архивѣ деньгахъ, извѣщаю васъ: что о возвращеніи казенныхъ 850 р. сообщилъ я г. министру финансовъ, о монхъ-же на печатаніи трактатовъ назначенныхъ буду ожидать вашего увѣдомленія, когда тѣ деньги понадобятся. Впрочемъ согласно съ тѣмъ докладомъ надлежитъ надв. совѣтнику Либенау сдѣлать строгій выговоръ за слабое смотрѣніе, что и представляю исполнить вашему пр—ву.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

вашего превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ
февраля 1 дня 1813 г.

(Копія).

XVI

(Приложеніе къ предшествующему письму).

На подлинномъ написано собственною его императорскаго величества рукою: Согласенъ. Млава, генваря 19 дня 1813 г.

Управляющій Московскимъ Архивомъ государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ д. ст. сов. Бантышъ-Каменскій доноситъ Коллегіи и государственному канцлеру, что по отправленіи съ нимъ дѣлъ онаго Архива во Владиміръ и потомъ въ Нижній-Новгородъ взяты были съ собою и оставшіеся въ наличіи деньги казенные 800 р. и присланные отъ государственнаго канцлера, на печатаніе трактатовъ, 5950 руб., всего 6800 р.; сіи деньги за казенною печатью хранились вмѣстѣ съ бумагой въ сундукѣ, который по пріѣздѣ во Владиміръ былъ поставленъ въ отведенныхъ нижнихъ палатахъ владимірскихъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ открылось, что замокъ съ сундука разломанъ и деньги украдены, о чемъ производится слѣдствіе въ тамошней уголовной палатѣ, но понынѣ виновные не отысканы.

Изъ дѣла-же видно, что деньги сіи ввѣрены были отъ управляющаго Архивомъ надв. совѣтнику Либенау, который уложилъ ихъ вмѣстѣ съ бумагою въ сундукъ при вахмистрѣ и инвалидахъ архивскихъ, препровождавшихъ дѣла во Владиміръ, слѣдовательно они тогда и были объ нихъ извѣстны, а потому состоятъ въ большомъ подозрѣніи о похищеніи, но дѣло еще уголовною палатою не рѣшено.

Въ протчемъ хотя взысканіе всей суммы надлежало-бы обратить на управляющаго Архивомъ и на надв. совѣтника Либенау за слабое ихъ смотрѣніе, но уважая, что д. ст. сов. Бантышъ-Каменскій болѣе 50 лѣтъ продолжаетъ службу съ отличностію, и что нынѣ въ Москвѣ лишился имущества болѣе нежели на 60,000 руб., Коллегія осмѣливается всеподданнѣйше просить его императорское величество о милосердномъ на него воззрѣніи и о всемилостивѣйшемъ повелѣніи отпустить изъ казны похищенные 850 р., принадлежащіе между прочимъ разнымъ пенсіонерамъ, надворному-же совѣтнику Либенау сдѣлать строгій выговоръ.

Чтожъ касается до суммы 5950 р. на трактатное печатаніе отпущенной, то какъ государственный канцлеръ беретъ сію потерю на себя, чтобъ не отягчать судьбу тѣхъ чиновниковъ, то и о семъ довести такъ-же до свѣденія его императорскаго величества.

(Копія).

№ 10.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Надѣюсь, что ваше пр—во по возвращеніи въ Москву приняlись уже за окончаніе печатанія I части Трактатнаго Собранія; для котораго доска къ заглавному листу здѣсь такъ-же скоро поспѣетъ, ибо остановка сдѣлалась токмо отъ того, что художникъ, которому было поручено гравированіе, вступилъ въ ополченіе, но замѣненъ уже другимъ; между тѣмъ прошу васъ подумать заблаговременно и о второй части, и для того прислать ко мнѣ на разсмотрѣніе реестръ тѣмъ трактатамъ, которые въ оную входить должны, дабы я могъ и на то дать свое разрѣшеніе.

Впротчемъ имѣю честь быть съ всегдашнимъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнымъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ
февраля 14 дня
1813 г.

Съ подлиннымъ вѣрно. Секретарь Ив. Ждановскій.

№ 11.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Препровождая при семъ 5950 р. вмѣсто похищенныхъ на отпечатаніе трактатовъ, буду ожидать извѣщенія вашего пр—ва о полученіи оныхъ.

При семъ случаѣ прошу васъ увѣдомить меня также, не имѣется-ли въ Архивѣ древнихъ рукописей или книгъ печатныхъ на армянскомъ языкѣ, буде-же есть, то какого содержанія.

Впротчемъ пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнымъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ
февраля 24 дня 1813 г.

(Съ подлиннымъ вѣрно. Иванъ Либенау. Рукою его-же сдѣлана и копія).

№ 12.

Вантышъ-Каменскій канцлеру.

Сіятельный графъ

Милостивый государь!

Для составленія 2-й части Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, по предложенному плану, имѣю честь вашему с—ву представить:

a) Реестръ Австрійско-цесарскаго двора договорамъ, какія только въ здѣшнемъ Архивѣ имѣются. Въ семъ Реестрѣ отмѣчены, какія именно посылаются съ оныхъ списки.

b) Списки съ Австрійско-Цесарскихъ трактатовъ для усмотрѣнія содержанія оныхъ и для отмѣтки, которыя изъ нихъ назначены будутъ въ печать; всѣхъ піесъ числомъ 59.

Ратификацій не разсудилъ я списывать, дабы не повторять содержанія трактатовъ; однако нужно будетъ при всякомъ трактатѣ означить, когда именно съ обоихъ сторонъ оныя трактаты ратифицированы были.

Полномочія на заключеніе договоровъ также исключены: хотя безъ оныхъ и не могли составиться трактаты.

Надписи или содержанія каждаго трактата означено на одномъ россійскомъ: но ежели нужны и на иностранныхъ языкахъ, то прикажите ваше с—во оныя въ Коллегіи сдѣлать.

Печати вырѣзывать-ли при каждомъ трактатѣ, или означать въ кружкѣ обыкновенное слово (L. S.), (M. P.); сіе зависить будетъ отъ воли вашего с—ва.

Ошибки въ спискахъ сихъ трактатовъ, по скорости списыванія оныхъ, могутъ случиться: но поправку оныхъ предоставлено съ оригиналами при печатаніи исправить.

Послѣ праздника Святыя Пасхи, съ коимъ ваше с—во искреннѣйше поздравляю, примусь за слѣдующій Аглинскій дворъ, заготовляя такимъ-же образомъ списки трактатовъ онаго.

При семъ разсудилъ я препроводить къ вашему с—ву выписку Австрійско-цесарскаго двора, въ коей все то вкратцѣ находится, что̀ составляетъ всю переписку сего съ россійскимъ государствомъ двора.

Осмѣливаюсь просить ваше с—во взглянуть на сію выписку (каковыя всѣхъ Европейскихъ дворовъ мною соченены). Въ оной въ ко-

роткое время обозрѣть можно всю чрезъ столько лѣтъ происходившую обоюдную дворовъ переписку. Много мнѣ труда стоило сіе сочиненіе; ибо долженъ былъ прочесть всѣ бумаги и нужнѣйшее изъ оныхъ выписать. Симъ хотѣлъ я показать услугу занимающимся въ дипломатическомъ званіи особамъ; и желалъ-бы очень, чтобъ оная для нихъ издана была въ свѣтъ подъ моимъ присмотромъ.

Въ заглавіи сея Австрійскаго Двора выписки изволите усмотрѣть: какимъ порядкомъ я слѣдовалъ въ сочиненіи семъ. Можетъ быть, по оному прикажете расположить и печатаніе трактатовъ.

Продолженіе Первой части Собранія договоровъ печатается. Остановка была за бумагою, которая наконецъ изъ фабрики Кузнецова доставлена.

Съ глубочайшимъ высокопочтеніемъ имѣю честь быть

вашего сіятельства

милостиваго государя

покорнѣйшій преданнѣйшій слуга

Николай Бантышъ-Каменскій.

апреля 7 дня
1813 г.

(Отпускъ).

№ 13.

Канцлеръ Бантышу-Каменскому.

(Рукою Бантыша-Каменскаго: «перечень съ писма его с—ва канцлера къ Бантышу-Каменскому, С.-Петербургъ отъ 30-го апреля 1813 г.»)

. . . . . Въ разсужденіи Трактатнаго Собранія желалъ-бы я, чтобъ вторая и послѣдующія части изданы были не по алфавитному порядку дворовъ, но по примѣру Дюмонова Собранія хронологически, съ начала сношеній Россіи со всѣми европейскими державами, дабы имѣть общее обозрѣніе всѣхъ съ ними постановленій одного времени, или одной епохи, раздѣляя по царствованіямъ россійскихъ государей и заключая государствованіемъ вѣчно достойныя памати императора Петра Великаго, а къ концу каждой части пріобщить Реестръ трактатамъ по алфа-

виту дворовъ, для удобнѣйшаго пріисканія какого-либо договора. Сіе тѣмъ нужнѣе наблюдать, что въ Московскомъ Архивѣ находятся дѣла токмо по 1760 г.; присланный-же ко мнѣ Реестръ трактатамъ простирается по 1810-ый, слѣдовательно до новѣйшихъ временъ, которымъ дѣла хранится въ здѣшнемъ Архивѣ и не могутъ еще быть обнародованы.

Я прошу ваше пр—во составить таковой новый Реестръ трактатамъ долженствующимъ входить во вторую часть, и оный вмѣстѣ съ списками тѣхъ трактатовъ ко мнѣ доставить на разсмотрѣніе.

Надписи или содержаніе каждаго трактата могутъ быть на одномъ россійскомъ языкѣ, изъ печатей же полномочныхъ, подписавшихъ трактаты, вырѣзывать токмо древнѣйшія, и остальныя означать просто мѣстомъ печати, равно и изъ ратификацій отпечатать цѣликомъ единственно отличающіяся формою или рѣчьми отъ обыкновенныхъ; о другихъ-же сказать просто въ надписи: когда ратификація послѣдовала, кѣмъ подписана и контросигнирована.

(Проложеннымъ наборомъ—подчеркнуто въ оригиналѣ).

№ 14.

И. К. Вестманъ Бантышу-Каменскому.

(Рукою Бантыша-Каменскаго: «Перечень съ письма И. К. Вестмана отъ 30 апреля 1813 г.»)

. . . . . На сей почтѣ ваше пр—во изволите получить обратно трактатные ваши списки и выписку съ подробнымъ объясненіемъ Начальника нашего. При семъ случаѣ его с—во навѣдывался у меня: пришлете-ли вы ему скоро копіи съ кантемировскихъ донесеній, о которыхъ онъ васъ просилъ. Я отвѣчалъ: что занимаются списываніемъ. А какъ его с—во весьма желаетъ ихъ получить, то я побуждаюсь васъ просить поспѣшить доставленіемъ хотя части оныхъ, чѣмъ сдѣлаете ему большую участность.

(Илья Карловичъ Вестманъ, приближенный къ канцлеру оберъ-секретарь Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, не рѣдкій посредникъ между Петербургомъ и Москвою по разнымъ вопросамъ Коммисіи. О немъ Вигель: «очень пріятный, совсѣмъ непохожій на Бантыша-Каменскаго» — «Воспоминанія», II, 15).

№ 15.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Отвѣчая на письмо вашего пр—ва отъ 12 сего мѣсяца [1]), почитаю нужнымъ объяснить, что не только трактаты съ Портою Оттоманскою, яко съ европейскою державою, должны входить въ издаваемое Собраніе, но мнѣ кажется, что вообще и всѣ азіатскіе одного времени могутъ быть къ онымъ присовокуплены, тѣмъ наиначе, что ихъ вѣроятно очень мало. Къ тому надлежитъ примаровить, чтобъ издаваемая вторая часть была такой-же величины, или не много толще первой, слѣдовательно, всѣ трактаты по кончину Государя Императора Петра I займутъ кромѣ первой части, можетъ быть, еще не болѣе двухъ ровныхъ частей съ азіатскими вмѣстѣ, на каковыя и надобно все Собраніе раздѣлить. Составляемый общій реестръ я, по обѣщанію вашему, ожидаю и прошу васъ, означить въ немъ токмо вкратцѣ содержаніе каждаго трактата; чтожь касается до списанія копій съ оригиналовъ польскихъ и шведскихъ, то можете оныя прислать для того въ Коллегію, мнѣ-же достаточно одного русскаго перевода.

Въ разсужденіи выписки вашей толико полезной для дипломатиковъ, я совершенно того мнѣнія, чтобъ она издана была подъ вашимъ именемъ, яко трудившагося надъ оною, и есть-ли бы Государь Императоръ не былъ въ отсутствіи, я долгомъ бы почелъ доложить о томъ его императорскому величеству и просить объ изданіи ея на щетъ казны, но въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ надобно повременить; я однакожъ могу васъ увѣрить, что всегда, даже и безъ меня, сей трудъ, яко вамъ принадлежащій, не будетъ изданъ мимо васъ.

Читая реляціи князя Кантемира и дошедъ до послѣдней отъ 29 декабря 1732 г., нашелъ я, что какой-то англичанинъ прислалъ просить пути изъ Архангельска въ Японію, Хину и Америку. Хотя я и не успѣлъ еще прочесть рескриптовъ къ оному посланнику отправленныхъ и слѣдовательно не знаю, какой данъ былъ на то отвѣтъ: но между тѣмъ буде сей проектъ имѣется въ Архивѣ, а въ противномъ случаѣ

---

[1]) Отпуска письма этого не имѣется.

буде данъ отвѣтъ, или какія либо о томъ откроются слѣды, прошу васъ доставить мнѣ копію, чѣмъ, равно какъ скорѣйшею присылкою продолженія тѣхъ депешъ обяжете пребывающаго съ истиннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорный слуга

Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ
маія 20 дня
1813 г.

(Копія).

№ 16.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Полагая, что первая часть Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ уже отпечатана и что изданіе оной остановилось въ ожиданіи только отъ меня заглавнаго листа, я долженъ сказать вамъ, что здѣланные до сихъ поръ для того опыты оказались неудачными и теперь составляется таковый листъ снова, а между тѣмъ я покорнѣйше прошу ваше пр—во прислать ко мнѣ оной отпечатанной первой части десять екземпляровъ на лучшей бумагѣ безъ заглавнаго листа, который я присовокуплю здѣсь, есть-ли онъ удастся, и вѣроятно будетъ готовъ въ скоромъ времени.

Честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

Графъ Николай Румянцовъ.

С.-Петербургъ
іюля 8 дня
1813 г.

(Оригиналъ).

№ 17.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Получивъ отъ вашего пр—ва извѣстныя копіи съ реляцій князя Кантемира, я обязываюсь изъявить вамъ, милостивый государь мой, благодарность мою за сіе сообщеніе.

При семъ случаѣ нужнымъ считаю присовокупить, что хотя просилъ я ваше пр—во о присылкѣ ко мнѣ 10 экземпляровъ отпечатаннаго I тома грамотъ и договоровъ, но на первый разъ не находя въ такомъ количествѣ надобности, покорнѣйше прошу доставить мнѣ одинъ только экземпляръ на лучшей бумагѣ.

Честь имѣю съ истиннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

С.-Петербургъ
іюля 8 дня
1813 г.

(Оригиналъ).

№ 18.

Вантышъ-Каменскій канцлеру.

(Рукою Бантыша-Каменскаго: «Отвѣтъ Бантыша-Каменскаго, отъ 14 іюля 1813 г.»).

Сіятельный графъ,

Милостивый государь!

Вчера имѣлъ я честь получить отъ вашего с—ва два приказанія отъ 8 іюля о присылкѣ одного экземпляра I тома грамотъ и договоровъ; и зная, что уже три листа остается къ окончанію сей книги, того-жъ времени послалъ я нарочнаго въ типографію къ г. Всеволожскому для развѣданія: какъ скоро можетъ быть оная книга кончена?

Онъ увѣрилъ меня: что въ нынѣшній четвергъ непремѣнно послѣдній листъ пришлетъ ко мнѣ для подписанія печатать.

Въ слѣдствіе сего прошу ваше с—во взять терпѣніе на сію только недѣлю, и тогда изволите получить полный экземпляръ сея книги съ реестромъ заглавій напечатанныхъ грамотъ и договоровъ.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ и преданности имѣю честь быть

(Отпускъ).

№ 19.

Бантышъ-Каменскій канцлеру.

(Рукою Бантыша-Каменскаго: «Послано съ г. Нестеровичемъ къ его с—ву канцлеру»).

Сіятельный графъ,

Милостивый государь!

Трудъ (Богу благодареніе) конченъ. Съ онымъ поспѣшаю отправить перемѣщеннаго въ Коллегію г. Нестеровича старшаго. Безсмертную, ваше с—во, сдѣлали отечеству услугу, даровавъ свѣтъ толико лѣтъ лежавшимъ въ пыли и забвеніи безцѣннымъ россійскимъ древностямъ! Хвала, честь и слава отъ благодарнаго отечества въ роды родовъ за сіе возсылаема будетъ вашему имени.

При изданіи сего труда, кажется, все вашего с—ва предписаніе исполнено. Чистота печати по типографіи дѣлаетъ честь г. Всеволожскому. Въ добротѣ бумаги поставщикъ Кузнецовъ все свое оказалъ усердіе, не токмо выставилъ оную въ свое время, но и на десять экземпляровъ самаго высокаго разбору подаривъ оной вашему с—ву. Въ исправности корректуры (скучномъ и занимательномъ семъ дѣлѣ) больше всѣхъ послужилъ неусыпный и трудолюбивѣйшій податель сего старшій Нестеровичъ, купно съ братомъ своимъ Павломъ и съ регистраторомъ Прилуцкимъ, коихъ трехъ, а паче старшаго Нестеровича долгомъ почитаю рекомендовать вашему с—ву въ отеческую вашу милость. Награда симъ трудникамъ ободритъ ихъ и къ слѣдующему за симъ труднѣйшему въ изданіи II и III части подвигу.

Неизлишнимъ почитаю увѣдомить: что я по сей Коммиссіи со всѣми расплатился и въ доказательство сего прилагаю при семъ крат-

кой щетъ суммы приходу и расходу, употребленнымъ на напочатаніе сей I части деньгамъ, коихъ документы въ особой шнуровой находятся книгѣ, и въ случаѣ требованія могутъ на усмотрѣніе вашему с—ву быть присланы.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть
вашего сіятельства и пр.

22 іюля 1813 г.
Москва.

(Отпускъ).

№ 20.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Чрезъ г. Нестеровича получивъ я исправно I часть грамотъ и договоровъ. Ваше пр—во меня много порадовали симъ прекраснымъ изданіемъ. Не могу довольно васъ благодарить за трудъ вами на то употребленный. Теперь остается мнѣ доставить вамъ доску для заглавнаго листа и небольшое предначертаніе, чѣмъ и занимаюсь. Между тѣмъ желалъ-бы я, для вящшей пользы и украшенія сего изданія, чтобъ къ оному присовокуплены были точные рисунки или списки почерковъ рукописей, съ четырехъ или пяти древнѣйшихъ грамотъ, разныхъ поръ по вашему выбору. Покорно прошу васъ, милостивый государь мой, приказать съ одной таковой грамоты срисовать теперь-же точную копію и ко мнѣ доставить на усмотрѣніе, увѣдомя меня при томъ, не возьмется-ли за сію работу г. граверъ Скотниковъ, или кто другой и за какую цѣну, дабы я могъ на то дать вамъ окончательное рѣшеніе.

Въ заключеніе сего прошу васъ сказать отъ меня благодарность и всѣмъ участвующимъ въ семъ изданіи. Мнѣ пріятно будетъ сдѣлать рекомендованнымъ вами нѣкоторыя выгоды по совершенномъ окончаніи работы, увѣряя васъ при томъ въ истинномъ почтеніи, съ которымъ пребываю

вашего превосходительства
покорнымъ слугою
Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ
августа 5 дня
1813 г.

(Оригиналъ).

№ 21.

Вантышъ-Каменскій канцлеру.

Сіятельный графъ

Милостивый государь!

Обѣщалъ я доставить вашему с—ву на сей почтѣ рисунки назначаемымъ для выгравированія къ I части Грамотамъ: сіе нынѣ и исполняю.

Сверьхъ гравера Осипова отыскалъ г. Либенау академика Александра Флорова, учившагося вмѣстѣ съ гравером Скотниковымъ, который находится нынѣ въ Виткѣ. Симъ обоимъ даннымъ для образца срисовать по одной грамотѣ, отобраны и цѣны онымъ отъ обоихъ, кои препровождаю при семъ на разсмотрѣніе вашего с—ва съ запискою объявленнымъ отъ обоихъ цѣнамъ. Буду ожидать на то вашего с—ва рѣшенія.

Мнѣ кажется, что работа академика Флорова лучше и цѣною сходнѣе: но дабы и Осипова не обидѣть и дѣло-бы скорѣе исполнить, то можно одну грамоту и ему дать вырѣзать, ту самую, коей снимокъ онъ же дѣлалъ; прочія же три академику могутъ быть отданы.

Сію же работу они не менѣе, какъ въ теченіе 2 мѣсяцевъ кончить обѣщаютъ.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть

вашего сіятельства

Августа 19 дня
1813 года
Москва.

(Отпускъ. Заявленныя цѣны: Грамота 1265 года—150 р. и 200 р.; гр. 1371 г.—100 р. и 220 р.; гр. 1465 г.—200 р. и 300 р.; гр. 1523 г.—100 р. и 220 р. Изъ приложенія къ письму).

№ 22.

Вантышъ-Каменскій канцлеру.

Сіятельный графъ

Милостивый государь!

Да не устрашитъ вашего с—ва толикое множество бумагъ! Вамъ угодно было видѣть въ самомъ дѣлѣ содержаніе каждаго трактата и грамотъ: я сіе теперь и исполняю.

Какъ по посланному прежде мною реестру число всѣхъ трактатовъ состоитъ въ 730 номерахъ: но я оныя для удобнѣйшей пересылки и раздѣлилъ на 3 части.

I часть, которую при семъ посылаю, содержитъ въ себѣ съ начала имѣющіеся въ Архивѣ трактаты, и продолжается до царствованія царя Михаила Ѳеодоровича.

II часть будетъ заключать въ себѣ трактаты царей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михаиловича и Ѳеодора Алексѣевича.

III, и послѣдняя, часть составится изъ трактатовъ въ государствованіе царя Іоанна Алексѣевича и Петра I по 1725 годъ.

Пока прочтена будетъ сія I часть (въ коей, кажется, ничего нѣтъ, заслуживающаго изключенія): между тѣмъ я займусь собраніемъ слѣдующихъ двухъ частей.

Прошу только ваше с—во, всѣ сіи копіи въ свое время обратно возвратить Архиву: они очень нужны для Архива, и долговременно собираемы и списываемы были изъ разныхъ книгъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства

25 августа 1813.

(Отпускъ).

№ 23.

Вантышъ-Каменскій канцлеру.

Сіятельный графъ,

Милостивый государь!

На прошедшей почтѣ имѣлъ я честь донесть вашему с—ву, какое учинено было мною о посылаемыхъ въ Сербію книгахъ распоряженіе. И хотя управляющій здѣшнимъ почтамтомъ г. Рунячь на словахъ обѣщалъ было оныя отправить: но когда я прислалъ къ нему вчера, яко день почтовой, изъ посылки оной первой тюкъ (въ трехъ пудахъ состоящій съ письмомъ къ г. Кирико въ Букарести): то онъ отозвался, 1) что такою большою посылкою обременить почту онъ никакъ не можетъ; 2) Что почта ходитъ только на колесахъ до пограничнаго города Дубосаръ: а отъ Дубосаръ до Букарестъ верховая съ однимъ невеликимъ для писемъ чемоданчикомъ, и болѣ пяти фунтовъ

посылки принимать не велено[1]). Прискорбна мнѣ была его Рунича отговорка, тѣмъ болѣе, что онъ обѣщаніе свое нарушилъ и меня предъ вашимъ с—вомъ въ лжецахъ поставилъ. Но и то правда, что отъ Дубосаръ до Букарестъ толь великой посылки (ибо всѣ восемь тюковъ вѣсятъ 24 пуда съ половиною) пересылать по почтѣ не удобно, развѣ съ особою оказіею.

Итакъ два остаются средства къ пересылкѣ сихъ церковныхъ книгъ: или нанять здѣсь двѣ подводы (какъ дѣлаютъ Греки съ своими товарами, посылая оныя за границу) съ поставкою до Букареста оныхъ книгъ, и сіе около 500 р. будетъ стоить: или исходатайствовать въ С.-Петербургѣ въ главномъ почтовомъ правленіи два указа: одинъ въ московскій почтамптъ, дабы оный принялъ изъ Московскаго Коллегіи иностранныхъ дѣлъ Архива увязанныя въ 8 тюкахъ церковныя книги, вѣсомъ въ 24 пуда съ половиною, для отправленія въ пограничный городъ Дубосары; а другой къ Дубосарскому почтмейстеру, г. кол. совѣтнику Козачковскому съ предписаніемъ, дабы онъ способомъ ему извѣстнымъ препроводивъ оныя тюки съ книгами въ городъ Букарестъ по адрессу г. Кирико.

Есть и третій еще способъ слѣдующій: какъ дѣло сіе церковное, и живущему, кажется, въ Бендерахъ нашему Экзарху митрополиту Гаврілу[2]) извѣстна съ Сербіею переписка: то не можно-ли предписать Дубосарскому почтмейстеру, дабы онъ всю сію посылку отправилъ въ Бендеры (ибо отъ Дубосаръ очень близко) и поручилъ бы Преосв. митрополиту оныя книги или переслать въ Букарестъ къ г. Кирико: или дать знать въ Сербію, чтобы за сими церковными книгами присланъ былъ къ нему оттуда въ Бендеры нарочный комиссіонеръ для принятія оныхъ.

Препоручая все сіе веленію вашего сіятельства
съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть
вашего сіятельства

P. S. Къ посланному печатному экземпляру Собранія гра-

---

[1]) О первобытныхъ средствахъ передвиженія въ Бессарабіи даже въ началѣ 20-хъ годовъ — см. «Воспоминанія» Вигеля, ч. VI, 110.

[2]) Знаменитый первый іерархъ Бессарабіи, Бунескулъ, родомъ трансильванецъ, изъ Потеминскихъ людей. Ему главнымъ образомъ мы обязаны, что благословенный край между Днѣстромъ и Прутомъ—родина Бантыша-Каменскаго, остался за нами. Шаловливые стишки Пушкина, посвященные Гаврілу, не повредили поэту: не такъ отнесся къ поэту позже Воронцовъ въ Одессѣ . . .

мотъ и договоровъ необходимо нужно Предувѣдомленіе. Проэктъ онаго на разсмотрѣніе вашего с—ва при семъ посылаю. Прибавить или убавить что̀ въ оном̀ъ, зависѣть будетъ отъ воли вашего с—ва.

11 сентября 1813.
Москва.

(Отпускъ, съ исправленіями Бантыша-Каменскаго).

№ 24.

Бантышъ-Каменскій канцлеру.

Сіятельный графъ

Милостивый государь!

Какъ желали ваше с—во имѣть копіи со всѣхъ трактатовъ европейскихъ и азіатскихъ, хранящихся въ здѣшнемъ Архивѣ: то я и расположилъ пересылать оныя къ вамъ на три посылки.

Первую оныхъ часть отправилъ я къ вашему с—ву 25 августа; но еще не получилъ извѣстія: дошли ли оныя! и угодна ли вашему с—ву сія присылка?

Вторую посылку, заключающую время царствованій Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михаиловича и Ѳеодора Алексѣевича при семъ посылаю.

Третью же (и послѣднюю), которая состоять будетъ въ трактатахъ въ государствованіе царей Іоанна Алексѣевича и Петра I по 1726 годъ[1]), и почти толикое же число номеровъ содержать будетъ, пришлю, какъ скоро могу собраніемъ оныхъ исправиться.

Съ истиннымъ почтеніемъ

23 сентября 1813.
Москва.

(Отпускъ).

---

[1]) Вѣроятно, по 1725 г. Ср. выше № 22.

№ 25.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь, Николай Николаевичъ!

Я съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ доставленный отъ вашего пр—ва проектъ предисловія къ Собранію государственныхъ грамотъ и договоровъ и нашелъ оный въ полной мѣрѣ соотвѣтственнымъ моему желанію. Благодаря васъ, милостивый государь мой, за сей трудъ, я препровождаю оный обратно къ вашему пр—ву съ тѣмъ, чтобы вы благоволили приказать напечатать сіе предисловіе и пріобщить опое къ I тому, а также и доставить ко мнѣ одинъ экземпляръ опаго для приложенія къ находящемуся у меня экземпляру первой части. Вслѣдъ за симъ надѣюсь я въ скоромъ времени прислать къ вамъ и заглавный листъ.

Честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

графъ Николай Румянцовъ.

С.-Петербургъ.
Сентября 24 дня
1813.

(Оригиналъ).

№ 26.

Вантышъ-Каменскій канцлеру.

(Помѣтка: «Октября 2 1813. Государственному канцлеру»).

Желаніе мое совершилось. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ приняло свой ходъ доставленною вчера присылкою Предисловія, которое поспѣшу отправить въ типографію г. Всеволожскаго.

Принося вашему с—ву искреннѣйшую благодарность за принятіе милостиво помянутаго сочиненія, осмѣливаюсь донесть: что къ заглавію издаваемой сей книги Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ необходимо должно прибавить Россій-

ской Имперіи. Безъ сего прибавленія кажется сія книга будетъ имѣть обширное и универсальное значеніе, будто-бы содержитъ она (и кромѣ вышедшихъ въ Россіи) другихъ царствъ договоры.

Теперь остается исполнить еще двѣ порученные отъ вашего с—ва комиссіи: объ отправленіи въ Сербію книгъ и объ отысканіи Кипріяновской Степенной.

Первую по случаю осѣнней грязной дороги не такъ удобно исполнить, какъ зимнимъ путемъ; тогда можетъ быть и изъ грековъ многіе поѣдутъ — извѣстно уже здѣсь, что до Могилева (на Днѣстрѣ) карантины, и проѣздъ труденъ.

О послѣдней же комиссіи разсматриваемъ теперь полученныя изъ Синодальной библіотеки книги и ожидаю изъ Калуги отвѣта.

Съ глубочайшимъ высокопочтеніемъ имѣю честь быть

вашего сіятельства.

(Отпускъ).

— — —

№ 27.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

При письмѣ вашего пр—ва отъ 14 (?) октября получена мною третья, и послѣдняя, часть Собранія договоровъ и грамотъ, за что благодаря васъ, милостивый государь мой, я предоставляю себѣ сообщить вамъ въ свое время о тѣхъ распоряженіяхъ, кои для напечатанія сихъ актовъ мною будутъ сдѣланы.

Честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорный слуга

Графъ Николай Румянцовъ.

Ноября 1 дня.
1813.

(Копія).

№ 28.

Вантышъ-Каменскій канцлеру.

Сіятельный граѳъ

Милостивый государь!

На сихъ дняхъ я имѣлъ щастіе получить отъ вашего с—ва три письма: первое, отъ 24-го октября, о принятіи мнѣ изъ Московскаго казначейства 359 р. 40 к., издержанныхъ на отправленіе до Могилева церковныхъ книгъ; второе, отъ 1-го ноября, извѣстительное о дошедшей къ вамъ третьей и послѣдней части Собранія договоровъ и грамотъ; а третіе, отъ 4-го числа того-жь ноября, повелѣвающее доставлять преосвященному Евгенію, епископу Калужскому, изъ Архива копіи съ бумагъ, относящихся до сочиняемой имъ Россійской Церковной исторіи.

По содержанію перваго письма я еще не получилъ денегъ изъ Московскаго казначейства, хотя и посылалъ туда нѣсколько разъ комисара; вѣрно еще отъ г. министра финансовъ не прислано предписанія. По третьему же письму не премину доставлять преосвященному Евгенію Калужскому, по его требованію, копіи съ бумагъ, какія ему нужны будутъ для сочиняемой имъ исторіи.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть

вашего сіятельства

Москва,
Ноября 13 дня
1813 года.

(Отпускъ).

№ 29.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Препровождая при семъ вырѣзанную доску, для заглавнаго листа 1 части Трактатнаго Собранія, прошу ваше пр—во приказать приступить къ совершенному онаго изданію. Поелику же извѣстно, что таковая

доска можетъ служить не болѣе какъ на 600 экземпляровъ, т. е. на половину нашего изданія, то для другой половины предоставляю вамъ сыскать въ Москвѣ рѣзщика, которой бы взялся ее поправить или вновь сострить; но буде таковаго тамъ не найдется, то по отпечатываніи половины, пришлите ее вновь сюда для сей поправки.

Краткое заглавіе на первомъ листѣ, при семъ возвращаемомъ, остается по вашему.

Корректурный листъ Предисловія также возвращаю; но на оном сдѣлалъ я токмо слѣдующія поправки:

Во—1) выпустить въ заглавіи слова Россійской Имперіи, по тому что само по себѣ разумѣется, что на россійскомъ языкѣ, россійскій канцлеръ надаетъ грамоты Россійскаго, а не другаго государства; къ тому же убѣжденъ я въ томъ и примѣрами иностранными. Недавно еще попалась мнѣ нечаянно въ руки аглинская книга Statutes at large, from Magna Charta to the cod of the last Parliament, разумѣется аглинскаго, а не другаго парламента.

Во—2) вы въ Предисловіи сказали: что во второй и третьей части внесутся договоры съ текстомъ на употребительнѣйшихъ языкахъ, а мнѣ кажется надобно бы сказать: на тѣхъ языкахъ, на которыхъ они писаны, съ переводомъ россійскимъ.

Въ—3) найдете вы на третьей страницѣ небольшую опечатку: вмѣсто предъуставлено кажется надлежитъ быть предоставлено.

Исправивъ такимъ образомъ сіе Предисловіе, прошу васъ кончить первую часть, отлагая уже вовсе прежнее намѣреніе мое, издать вмѣстѣ нѣсколько тѣхъ грамотъ по палліграфіи (!), ибо я самъ себѣ приписываю въ вину, что сіе дѣло такъ долго длилось, а теперь мнѣ хочется къ новому году уже поднести оное его императорскому величеству и императорской фамиліи.

На сей конецъ прошу васъ, милостивый государь мой, прислать мнѣ 25 экземпляровъ на велейновой, и столько-же на простой бумагѣ, всѣ безъ переплета, хотя не вдругъ, но исподовольно по почтѣ; а притомъ увѣдомить, по какой цѣнѣ вы полагаете можно будетъ остальныя экземпляры на велейновой и простой бумагѣ пустить въ продажу, дабы не токмо выручить употребленный на сіе изданіе капиталъ, но и пріі-

умножить оный на продолженіе слѣдующихъ частей, къ чему немедлѣнно приступимъ.

Впротчемъ съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

вашего превосходительства

покорнымъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ
Декабря 4 дня
1813 года.

(Оригиналъ. Проложеннымъ наборомъ—подчеркнуто).

№ 30.

Вантышъ-Каменскій канцлеру.

Сіятельный графъ

Милостивый государь!

Исполняя приказаніе вашего с—ва 4 декабря доставить 50 экземпляровъ Государственныхъ грамотъ и договоровъ симъ имѣю честь донесть:

1) Въ прошлый вторникъ 16 числа на тяжелой почтѣ въ двухъ ящикахъ посланы Вамъ 25 экземпляровъ, а завтра по тяжелой же почтѣ въ двухъ же ящикахъ остальные 25 экземпляровъ посланы будутъ[1])....

2) Прекрасно вырѣзанная доска на заглавіе авось либо, по увѣренію типографіи, послужитъ и на всѣ 1200 экземпляровъ; въ случаѣ же невозможности, тогда можемъ отдать поправить, къ чему есть здѣсь и мастера.

3) Исправки Ваши всѣ такъ точно въ оригиналъ внесены, какъ Вами поставлены.

4) Не тужите, что не исполнили намѣренія своего въ изданіи нѣсколькихъ грамотъ по Поліографіи (!)—это совсѣмъ другая часть, и не изъ однихъ только грамотъ нашихъ должна состоять, но и изъ другихъ разныхъ рукописей.

---

[1]) Опускаемъ: сколько и какіе экземпляры въ каждомъ ящикѣ.

5) Какъ въ Докладѣ сказано, что всякой продажной экземпляръ долженъ быть заклейменъ казенною печатью: то для сдѣланія такой печати прилагаются три рисунка, и какой изъ нихъ угоденъ будетъ вашему с—ву, оный извольте отмѣтить для вырѣзанія здѣсь; но всего бы нужнѣе было и мѣсто назначить, гдѣ оная печать должна быть въ книгѣ приложена. Я почитаю одну поставить на оборотѣ заглавнаго листа внизу, а другую на концѣ книги.

6) При продажныхъ экземплярахъ не угодно ли будетъ приказать сшить оные въ папку или въ бумагу не обрѣзывая; за переплетъ въ папку требуютъ по 1 рублю за экземпляръ, а за бумажку (brochet) по 50 копѣекъ съ экземпляра, и нужно чтобы оные продаваемы были въ переплетѣ для того, дабы покупающій оную точно былъ увѣренъ, что полной экземпляръ покупаетъ, и сію сумму должно причислить къ продажѣ.

7) Угодно было вашему с—ву знать, по чему остальные 1150 экземпляровъ пустить въ продажу: разщетъ сему дѣлу учиненъ слѣдующій:

a) 1200 экз. обошлись по 15 р. 74 к. каждый экземпляръ, съ похищенными же во Владимірѣ по 20 р. 70 к.

b) Приложивъ къ симъ за отправленные къ вашему с—ву 50 экз. деньги, остальные 1150 экз. обойдутся по 16 р. 43 к., съ похищенными же по 21 р. 51 к.

c) Прибавивъ сверхъ того къ каждому экземпляру въ переплетѣ въ папку по 1 р., не грѣшно, кажется, будетъ, какъ совѣтуетъ и содержатель типографіи, г. Всеволожскій, пустить въ продажу по 25 рублей каждый экземпляръ.

Впрочемъ предоставляется сіе на волю вашего с—ва.

8) А дабы публика извѣстна была о продажѣ сихъ книгъ, то нужно будетъ чрезъ Московскія и С.-Петербургскія газеты сдѣлать объявленіе, и для единообразія не угодно ли будетъ сообщить въ Комиссію подобную записку для припечатанія въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ имѣю честь быть

вашего сіятельства

Декабря 18 дня
1813 года.

(Отпускъ).

№ 31.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Благодарю ваше п—во за доставленные мнѣ 50 екземпляровъ грамотъ и договоровъ и не могу довольно изъявить вамъ моей признательности за совершенную отдѣлку сего изданія. Теперь я донесу о томъ его императорскому величеству, а между тѣмъ спѣшу разрѣшить вамъ продажу сей первой части.

Какъ всего доставилъ я вамъ денегъ 27.152 рубля, что составило бы на экземпляръ 23 р. 62 коп., то, согласно съ мнѣніемъ вашимъ прибавляя и плату за переплетъ, полагаю я цѣну по 25 р. за каждый экземпляръ, что̀ составитъ за 1150 р. экземпляровъ 28.750 р.

А въ томъ числѣ за 150 экземпляровъ на велейновой бумагѣ можно прибавить по 10 р., что̀ составитъ 1150

слѣдовательно выручается . 29.900 р.

Переплетъ экземпляровъ на велейновой бумагѣ можно дѣлать въ папку, а всѣ другіе въ бумажку. Въ разсужденіи же клейма долженъ я вамъ сказать, что присланныя рисунки мнѣ не понравились, но я вѣлю здѣсь таковое клеймо вырѣзать и вамъ доставлю, а между тѣмъ сіе не должно остановить продажи, ибо большой нужды въ клеймѣ не предвидится. Объявленіе о сей продажѣ при Комиссіи печатанія трактатовъ извольте отъ себя внести въ Московскія Вѣдомости, а мнѣ прислать копію для внесенія въ здѣшнія Академическія.

Въ окончаніе сего ожидаю отъ васъ подробный отчетъ всѣмъ расходамъ на сіе предпріятіе и прошу васъ употреблять стараніе ваше о скорѣйшей распродажѣ сихъ книгъ, для выручки капитала на изданіе второй части.

Впротчемъ пребываю съ истиннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнымъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

С.-Петербургъ,
Декабря 30 дня
1813 года.

(Оригиналъ).

№ 32.

Вантышъ-Каменскій канцлеру.

Сіятельный графъ,

Милостивый государь!

Исполняя приказаніе вашего с—ва отъ 30 декабря 1813 года о разрѣшеніи продажи первой части Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, приступилъ я тотчасъ (не смотря на тяжкую мою болѣзнь) къ изготовленію записки для припечатанія въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, съ которою копію для разсмотрѣнія вашему с—ву при семъ прилагаю.

2) На отпечатаніе первой части получено при предписанiяхъ вашего с—ва денегъ 27.152. и процентовъ изъ Московскаго Воспитательнаго Дома со внесеннаго въ оный капитала по разщету 203 р. 60 к., всего 27,355 р. 60 к. Изъ оныхъ употреблено въ расходъ на отпечатаніе первой части 25.465 р. 55 к., полагая въ то число назначенныя и за переплетъ; затѣмъ осталось на лицо 1890 р. 5 к.

3) Сію остающуюся за всѣми расходами сумму не благоволите ли, ваше с—во, приказать внести въ Сохранную Казну на имя Комиссіи для приращенія процентовъ, откуда оная во всякое время на случай надобности обратно взята быть можетъ.

4) Въ бумагѣ велейновой вышла рознь, Вы изволите писать, что въ продажу поступятъ 150 екземпляровъ; но какъ сей бумаги куплено 35 стопъ, и изъ оной отпечатано только сто екземпляровъ, изъ числа оныхъ отправлено къ вашему с—ву 25 екземпляровъ; въ остаткѣ же для продажи 75 екземпляровъ. Полагая по предписанію вашего с—ва назначенную цѣну по 25 р. за каждый екземпляръ составитъ за 1150 екземпляровъ . . . . . 28.750 р.,

а въ томъ числѣ за 75 екземпляровъ на велейновой бумагѣ, учинивъ прибавку по 10 р. на каждый составитъ 750

слѣдовательно отъ продажи должно выручиться . 29.500 р.

Прибавивъ къ сему остающіяся отъ напечатанія I части 1890. 5

всего составитъ 31.390 р. 5 коп.

5) Сто екземпляровъ на велейновой и на другой бумагѣ отданы уже мною по предписанію вашего с—ва въ переплетъ, и такимъ образомъ и всѣ по частямъ отдаваться будутъ.

6) За неполученіемъ же клейма продажею оныхъ останавливаться не буду, но приказалъ изготовить книгу, въ коей до присылки клейма записываться будутъ всѣ продаваемые екземпляры, на какой бумагѣ и подъ какимъ №; кому же оныя именно проданы будутъ, о томъ ваше с—во по прошествіи каждаго мѣсяца извѣщены будете.

7) При семъ препровождая на разсмотрѣніе вашего с—ва подлинную приходную и расходную книгу ассигнованнымъ отъ вашего с—ва на отпечатаніе первой части деньгамъ, употреблю всевозможное стараніе о скорѣйшей распродажѣ сихъ книгъ[1]).

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ глубочайшею преданностію

имѣю честь быть

вашего сіятельства

(Отпускъ).

(Приложеніе къ № 32).

«Записка»

для Московскихъ Вѣдомостей.

Учрежденная по высочайше конфирмованному его императорскимъ величествомъ 1811 года маія въ 3 день Докладу отъ государственнаго канцлера графа Николая Петровича Румянцова при Московскомъ Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ Архивѣ Коммисія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ симъ почтеннѣйшую публику извѣщаетъ, что первая часть сего Собранія, заключающая въ себѣ всѣ, какъ древнія Новгородскія, такъ и великихъ князей россійскихъ государей постановленія до внутреннихъ въ Россіи произшествій относя-

---

[1]) Безъ даты. Но изъ реестра въ началѣ Книги, какъ и изъ отвѣта графа, видно, что это, послѣднее, письмо Бантыша-Каменскаго было отъ 5 января 1814 года. Черезъ двѣ недѣли старикъ скончался отъ своей «тяжкой болѣзни».

щіяся, съ 1265 г. до временъ царя Михаила Ѳедоровича, отпечатана нынѣшнимъ его с—ва г. канцлера подъ вѣденіемъ управляющаго Архивомъ д. с. с. Бантыша-Каменскаго и съ сего времени поступаетъ въ продажу.

Сія книга издана въ листъ, наилучшимъ образомъ, съ оттисками привѣшенныхъ и приложенныхъ того времени печатей точно въ такомъ видѣ, въ какомъ оныя донынѣ уцѣлѣли. Печатано въ Москвѣ въ типографіи Н. С. Всеволожскаго. Цѣна на бумагѣ велейновой и въ папкѣ 35 р., а на бѣлой въ простой обвертѣ 25 р.

Особы, живущія въ Москвѣ и желающія покупать сію книгу, да благоволятъ присылать въ помянутую Коммисію, въ казенномъ Московскаго Архива Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ домѣ состоящую близь Ивановскаго монастыря въ Колпашномъ переулкѣ; иногородныя же могутъ письменно адресоваться по сему въ Коммисію, прилагая за почтовую пересылку каждаго екземпляра за 10 фунтовъ вѣсовыхъ и полупроцентныя деньги по разстоянію верстъ, да за увязку по 80 копѣекъ и означая въ требованіи свой чинъ, имя, отчество, фамилію и мѣстопребываніе.

(Эта «Записка» напечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», 1814, № 2, отъ 7 января, стр. 18).

№ 33.

Канцлеръ Бантышу-Каменскому.

(Отмѣтка рукою Либенау: «Получено 24 генваря 1814 г.).

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Получивъ письмо вашего пр—ва отъ 5-го сего мѣсяца, съ отчетами въ деньгахъ, употребленныхъ на отпечатаніе первой части граматъ и договоровъ, нахожу я, что отъ оныхъ за всѣми расходами имѣются въ остаткѣ 1890 р., почему согласно съ мнѣніемъ вашимъ прошу васъ сію сумму внести въ Сохранную Казну для приращенія процентами, впредь до востребованія Комисіи на изданіе второй части.

Клеймо здѣсь мною заказано и по изготовленіи къ вамъ доставлено будетъ.

По полученіи отъ васъ истребованныхъ мною 100 экземпляровъ первой части для распродажи здѣсь, внесу я о томъ въ Академическія Вѣдомости публикацію, сходную съ доставленною отъ васъ.

Впротчемъ имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнымъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ
Генваря 17 дня
1814 года.

(Оригиналъ).

№ 34.

Ив. Либенау канцлеру.

Сіятельный графъ,

Милостивый государь!

Вчерашняго числа доставлено мнѣ отъ дѣтей покойнаго Н. Н. Бантыша-Каменскаго письмо вашего с—ва къ нему отъ 17 генваря, съ изъясненіемъ вашей воли, чтобъ имѣющіеся въ остаткѣ отъ напечатанія первой части государственныхъ грамотъ и договоровъ деньги 1890 внесены были въ Сохранную Казну; въ слѣдствіе чего сіе нынѣшній день мною и исполнено, а билетъ на имя Комисіи полученный, съ согласія его пр—ва Алексѣя Ѳеодоровича[1]) положенъ для храненія въ Архивской Кладовой палатѣ.

Въ число же назначенныхъ вашимъ с—вомъ въ пересылку въ С. Петербургѣ для разпродажи 100 екземпляровъ первой части съ первою тяжелою почтою отправлено будетъ въ Государственную Коллегію иностранныхъ дѣлъ 5 екземпляровъ на веленевой и 10 екземпляровъ на обыкновенной бумагѣ, а потомъ каждую недѣлю въ два раза буду отправлять по 30 екземпляровъ пока всѣ 100 екземпляровъ перешлю

. . . . . » И. Либенау.

26 генв. 1814.

(Отпускъ, рукою Либенау).

[1]) Т. е. Малиновскаго, оставшагося старшимъ въ Архивѣ по смерти Бантыша-Каменскаго.

№ 35.

Канцлеръ Вантышу-Каменскому.

(Отмѣтка рукою Либенау: «Получено 1 февраля 1814).

Милостивый государь мой, Николай Николаевичъ!

Хотя я и просилъ ваше пр—во доставить положенное число экземпляровъ первой части Трактатнаго Собранія во всѣ мѣста, куда высочайшими указами повелѣно; но какъ я между тѣмъ уже здѣсь самъ нѣкоторые роздалъ, какъ изъ приложенной записки усмотрѣть изволите; то я и спѣшу васъ о томъ извѣстить, дабы мы не сдѣлали таковаго приношенія вдвойнѣ; а господинъ министръ просвѣщенія сообщилъ мнѣ, что таковыхъ экземпляровъ доставляется: по два въ Департаментъ Министерства просвѣщенія, изъ коихъ одинъ для здѣшней Духовной Академіи, два въ Императорскую Публичную Библіотеку и одинъ въ Императорскую Академію Наукъ; слѣдовательно къ розданнымъ уже мною остается присовокупить только три экземпляра, которые и прошу покорнѣйше васъ, милостивый государь мой, разослать куда слѣдуетъ.

При семъ прилагаю подъ открытою печатью письмо мое на имя Павла Ивановича Голенищева-Кутузова[1]), которое благоволитъ ваше пр—во препроводить въ Московскій Университетъ вмѣстѣ съ однимъ экземпляромъ Трактатнаго Собранія на ординарной бумагѣ для тамошней Библіотеки.

Честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнымъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

С.-Петербургъ,
января 25 дня
1814.

(Оригиналъ).

Всѣ эти письма извлечены изъ «Записной тетради входящихъ и исходя-

---

[1]) Извѣстный тогда попечитель Московскаго университета.

щимъ бумагамъ учрежденной при Московскомъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ Архивъ Коммиссіи о изданіи въ печать Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ», годы 1811—1814, въ Главномъ Московскомъ Архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

.II.

МАТЕРІАЛЫ

для исторіи Румянцовскаго Кружка

(письма канцлера къ А. Ѳ. Малиновскому, бумаги «Коммисіи печатанія» и пр.).

1814—1825.

Перечень Матеріаловъ.

№

1. Канцлеръ А. Ѳ. Малиновскому, 2 февраля 1814.
2. Малиновскій канцлеру, 16 февраля 1814.
3. Канцлеръ Малиновскому, 6 марта 1814.
4. Малиновскій канцлеру, 12 марта 1814.
5. И. К. Вестманъ Малиновскому, 19 марта 1814.
6. Канцлеръ Малиновскому, 4 апрѣля 1814.
7. Малиновскій канцлеру, 13 апрѣля 1814.
8. Антоній, архіепископъ Ярославскій, Малиновскому, 29 апрѣля 1814.
9. Евгеній, епископъ Калужскій, Малиновскому, 13 мая 1814.
10. Синодальная типографская Контора Малиновскому, 5 іюня 1814.
11. Малиновскій канцлеру, 8 іюня 1814.
12. Канцлеръ Малиновскому, 9 іюля 1814.
13. Ив. Нестеровичъ Малиновскому, 10 іюля 1814.
14. Вестманъ Малиновскому, 13 января 1815.
15. Малиновскій канцлеру, 22 января 1815.
16. Нестеровичъ Малиновскому, 15 марта 1815.
17. Малиновскій канцлеру, 2 іюля 1815.
18. Онъ ему-же, сентябрь 1815.
19. П. М. Строевъ Малиновскому, 10 декабря 1815.
20. Малиновскій канцлеру, 28 декабря 1815.
21. Доношеніе Коммисіи канцлеру, 14 февраля 1816 (о назначеніи Строева Главнымъ Смотрителемъ).
22. Малиновскій канцлеру, 22 мая 1816.
23. Онъ ему-же, 2 апрѣля 1817.
24. Онъ ему-же, 16 апрѣля 1817.
25. Онъ ему-же, 30 апрѣля 1817.

26. Онъ ему-же, 21 іюня 1817 (о первомъ успѣхѣ Волоколамской экспедиціи).
27. Онъ ему-же, 28 іюня 1817.
28. Выписка изъ «Вѣдомости о приходѣ и расходѣ» за 1817.
29. Малиновскій канцлеру, 25 апрѣля 1818.
30. Доношеніе Калайдовича (и Китовича) Малиновскому, 1 мая 1818 (отвѣтъ на извѣты Апастасевича предъ канцлеромъ).
31. Доношеніе Коммисіи канцлеру, 29 іюля 1818 (о зачисленіи Калайдовича въ чиновники Коммисіи).
32. Реестръ рукописей изъ Синодальной и Волокол. библіотекъ, январь 1819.
33. Прошеніе Калайдовича, апрѣль 1819, съ приложеніемъ копіи кандидатскаго диплома и свидѣтельства университетскаго Совѣта.
34. Малиновскій канцлеру, 17 апрѣля 1819.
35. Сообщеніе статсъ-секретаря гр. Нессельрода Малиновскому, 20 мая 1819 (объ опредѣленіи Калайдовича въ Коммисію контръ-корректоромъ).
36. Формулярный списокъ Калайдовича (1819 г.?). (Главнѣйшія данныя).
37. И. Нестеровичъ Малиновскому, 30 іюня 1819.
38. Предписаніе канцлера Коммисіи, 12 сентября 1819 (о жалованьѣ Калайдовичу).
39. Филаретъ, архіепископъ Тверскій, Малиновскому, 26 ноября 1819.
40. Малиновскій Н. И. Евреинову, 12 января 1820.
41. Канцлеръ Малиновскому, 2 апрѣля 1820 (съ соображеніями объ ошибкахъ въ грамотахъ что̀ для III-ей части).
42. Ал. Янишъ Малиновскому, 5 августа 1820.
43. Нестеровичъ Малиновскому, 30 сентября 1820.
44. Онъ ему-же, 19 ноября 1820.
45. Наказъ Малиновскаго чиновникамъ, 17 января 1821.
46. В. И. Берхъ канцлеру, 23 декабря 1821.
47. Высочайшій рескриптъ канцлеру, 2 августа 1822.
48. Гр. Нессельродъ канцлеру, 4 августа 1822.
49. Строевъ канцлеру, 17 августа 1822 (объ отставкѣ).
50. Канцлеръ Малиновскому, 23 августа 1822 (объ уволеніи Строева).
51. Аттестатъ Строеву, 1 сентября 1822.
52. Малиновскій канцлеру, 12 октября 1822.
53. Канцлеръ Малиновскому, 20 октября 1822.
54. Концептъ опредѣленія Коммисіи, конецъ октября 1822.
55. Нестеровичъ Малиновскому, 30 мая 1822.

56. Доношеніе Калайдовича Малиновскому, 15 ноября 1822 г. (о «сумнѣніяхъ» контръ-корректора Херсонскаго).
57. Канцлеръ Малиновскому, 12 января 1824.
58. Онъ ему-же, 25 января 1824.
59. Малиновскій канцлеру, іюнь 1824.
60. Доношеніе Коммисіи канцлеру, 7 іюля 1824.
61. Канцлеръ Малиновскому, 19 мая 1825.
62. А. Х. Востоковъ Калайдовичу, 10 сентября 1825.
63. Разныя свѣдѣнія объ изданіяхъ Коммисіи въ 1821, 22, 23, 24 и 25 годахъ.

№ 1.

Канцлеръ Румянцовъ А. Ѳ. Малиновскому.

(Отмѣтка: получено 9 февраля).

Милостивый государь мой, Алексѣй Федоровичъ!

Съ прискорбіемъ извѣстился я о кончинѣ почтеннаго нашего Николая Николаевича, и первымъ долгомъ счелъ имѣть попеченіе о его семействѣ, какъ ваше пр—во усмотрите изъ приложенной при семъ въ копіи докладной моей записки, отправленной къ его императорскому величеству[1]).

Между тѣмъ до полученія на то высочайшаго повелѣнія, поручаю вамъ принять въ полное свое управленіе всѣ дѣла Московскаго Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ Архива, равно какъ и Комиссіи для печатанія трактатовъ учрежденной; отдавъ вамъ предъ всемилостивѣйшимъ государемъ надлежащую справедливость, я не токмо слѣдовалъ собственному моему убѣжденію, что никто лучше васъ замѣнить не можетъ претерпѣнной для службы потери въ семъ случаѣ; но я удовлетворилъ желанію и самого покойнаго, который васъ преемникомъ себѣ назначилъ.

Теперь мнѣ остается просить васъ особенно принять въ свой надзоръ Комиссію печатанія трактатовъ, какъ о дѣлѣ меня лично занимающемъ. Вамъ уже извѣстно, что я назначилъ выручаемый съ продажи первой части сего изданія капиталъ на печатаніе продолженія; теперь слѣдовательно остается заниматься только сею продажею и деньги по мѣрѣ вступленія отсылать въ Опекунскій Совѣтъ Московскаго Воспитательнаго Дома. Я прошу васъ меня почасту увѣдомлять, сколько продадутся екземпляровъ и сколько вы денегъ отошлете. Также прошу васъ приказать въ той Комиссіи показать себѣ всю мою по

---

[1]) Этой копіи нѣтъ въ Дѣлахъ.

сему случаю переписку съ покойнымъ Николаемъ Николаевичемъ и привесть во исполненіе то, что имъ не могло быть сдѣлано. Между прочимъ я просилъ его прислать сюда въ Коллегію на продажу 100 экземпляровъ, которыя я нынѣ отъ васъ ожидаю; также я писалъ о согласіи моемъ опредѣлить къ Архиву кандидата Калайдовича, лишь бы онъ прислалъ свое прошеніе съ атестатами и далъ-бы знать, на какомъ основаніи онъ вступить желаетъ.

Присланные ко мнѣ для второй части трактаты мною еще разсматриваются. Я въ свое время ихъ вамъ доставлю съ моими замѣчаніями. Между тѣмъ прошу васъ сообщить мнѣ и мнѣніе ваше по сему предмѣту, есть ли вы къ улучшенію сего изданія найдете нужнымъ дѣлать какія либо устройства.

Впротчемъ могу васъ увѣрить, что вступая нынѣ въ ближайшія съ вами сношенія, мнѣ всегда пріятно будетъ доказывать вамъ на дѣлѣ готовность мою быть вамъ полезнымъ и истинное почтеніе, съ которымъ пребываю

вашего превосходительства

покорнымъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

въ С.-Петербургѣ,
февраля 2 дня
1814 года.

(Копія. Отрывки изъ этого письма помѣщены г. Безсоновымъ въ его трудѣ: «Матеріалы для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича», что въ «Чтеніяхъ» Моск. Историч. Общества, 1862, III, стр. 143—144. Ходатайство покойнаго управляющаго Архивомъ о Калайдовичѣ — см. «Записки» послѣдняго въ «Лѣтописяхъ русской литературы» прое. Тихонравова, т. III, II, 86; тамъ-же и о назначеніи Малиновскаго, согласно предсмертной волѣ Бантыша-Каменскаго).

№ 2.

Малиновскій канцлеру.

Продажа сей книги отъ Комиссіи до сихъ поръ была не успѣшна; ибо продано только 19 экземпляровъ. Изнеможенное состояніе покойнаго предмѣстника моего при начатіи продажи первой части не допустивъ его употребить въ дѣйствіе той особенной возможности, какую онъ имѣлъ по давнимъ связямъ своимъ съ духовенствомъ и съ учи-

лицами, о которой со мною говаривалъ: она состояла въ томъ, чтобы разослать по нѣскольку экземпляровъ всѣмъ знакомымъ ему епархіальнымъ архіереямъ и ректорамъ, а сіе знакомство его распространялось на всѣ епархіи. Хоть я никакъ не надѣюсь съ равномѣрнымъ успѣхомъ воспользоваться симъ же самымъ способомъ къ распродажѣ, но испытать его считаю и за полезное, и за приличное; есть-ли ваше с—во изволите одобрить мое намѣреніе, то я отнесусь циркулярнымъ письмомъ съ симъ предложеніемъ къ грекороссійскаго и иностранныхъ исповѣданій преосвященнымъ владыкамъ и ректорамъ всѣхъ духовныхъ училищъ.

Для скорѣйшей выручки на отпечатаніе второй части денегъ осмѣливаюсь представить и другое средство—снестись съ министромъ народнаго просвѣщенія.

Разсмотрѣніемъ плана для приготовляемыхъ къ печатанію слѣдующихъ частей я началъ уже заниматься и что только придумаю къ улучшенію сего изданія, о всемъ томъ донесу.

16 февраля 1814.

(Отпускъ).

№ 3.

Канцлеръ Малиновскому.

Милостивый государь мой, Алексѣй Федоровичъ!

Получивъ отъ вашего пр—ва экземпляръ изданныхъ вами Поученій покойнаго вашего родителя, я обязываюсь усерднѣйше благодарить васъ, милостивый государь, за сей подарокъ, особенно для меня пріятный, какъ по всегдашнему моему къ вамъ уваженію, такъ и къ тому, что онъ напоминаетъ мнѣ личное знакомство мое съ симъ достойнымъ пастыремъ, къ коему я всегда преисполненъ былъ истиннаго почтенія[1]).

Мнѣ должно также благодарить ваше пр—во и за присылку по просьбамъ моимъ разныхъ бумагъ, и въ особенности за доставленіе мнѣ чрезъ господина Нестеровича трехъ старинныхъ лѣтописей, изъ

---

[1]) Протоіерей Малиновскій, Ѳеодоръ Авксентьевичъ, 1738—1811. Въ 1813 г. изданы были его «Избранныя поученія юношамъ» сыномъ.

конхъ двѣ отдалъ я на разсмотрѣніе извѣстному профессору здѣшней Академіи Наукъ, господину Кругу, а третью, именно Кіевскую, Алексѣю Николаевичу Оленину; по полученіи-жъ отъ нихъ сихъ рукописей, не премину тотчасъ вамъ оныя возвратить и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить въ разсужденіи ихъ мое намѣреніе.

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ утруждалъ я покойнаго Николая Николаевича просьбою объ отысканіи въ московскихъ книгохранилищахъ такъ называемой Кипріановской Степенной книги и о сличеніи оной съ другими Степенными же книгами, есть-ли таковыя отыщутся. Хотя непосредственно затѣмъ и получилъ отъ него отвѣтъ; но признаюсь, что оный не въ полной мѣрѣ удовлетворилъ моему сильному любопытству и ожиданію. Изъ письма его о семъ отъ 20 октября прошлаго года удостовѣрился я только въ томъ, что въ Московской Синодальной и Архивской библіотекахъ дѣйствительно хранится нѣсколько Степенныхъ книгъ, но въ тоже время увидѣлъ, что содержаніе ихъ не все и не съ надлежащимъ тщаніемъ было разсматривано, а сличали только одно начало и конецъ, которыхъ сходство по моему мнѣнію не доказываетъ еще, чтобы въ срединѣ текста не заключалось какого либо ощутительнаго различія; слѣдовательно не взирая на всѣ доводы, Николаемъ Николаевичемъ представленные, я еще остаюсь въ прежнемъ мнѣніи, что у насъ существуютъ, можетъ быть, Степенныя книги разныхъ сочинителей. Что касается до существованія таковыхъ книгъ митрополита Кипріяна, въ томъ ссылаюсь я на преосвященнаго Платона, который въ своей Церковной Исторіи ч. I, стр. 256, говоря о семъ митрополитѣ, называетъ его точно сочинителемъ Степенныхъ книгъ, упоминая при томъ о нѣкоемъ Игнатіи, архимандритѣ Спасскомъ, который, по словамъ его «не только всѣ книги оныя сохранилъ, но и по препорученію митрополита оныя докончалъ».

Неужели Платонъ въ семъ случаѣ основывался единственно на сказаніяхъ Татищева и Миллера?

По симъ упражненіямъ обращаюсь я къ вашему пр—ву съ возобновленіемъ моей просьбы, приступить паки къ разсмотрѣнію всѣхъ въ Москвѣ находящихся лѣтописей подъ именемъ Степенныхъ книгъ, употребивъ къ тому, есть-ли можно молодыхъ людей, подъ вашимъ начальствомъ при Архивѣ служащихъ, или пріискавъ для сего постороннихъ, коихъ труды будутъ отъ меня вознаграждены деньгами, сколько потребно будетъ по вашему усмотрѣнію. Я желаю, чтобы оныя книги были всѣ прочтены и сличены отъ начала до конца и отъ слова до слова, и чтобы всѣ несходныя мѣста, кои въ оныхъ окажутся, были

особо выписаны и ко мнѣ доставлены. Исполнить же сіе, по моему мнѣнію, всего удобнѣе такимъ образомъ, чтобы одинъ чиновникъ, въ исторіи довольно свѣдущій, читалъ печатный экземпляръ Степенныхъ книгъ, а другіе смотрѣли-бы въ рукописныя, и при всякомъ несходномъ мѣстѣ останавляли его и оныя мѣста отмѣчали.

Извѣстная и дѣятельная любовь вашего пр—ва къ историческимъ изысканіямъ и неоднократно мною испытанная готовность ваша одолжать меня, даютъ мнѣ полное право надѣяться, что вы не оставите и сей просьбы моей безъ исполненія. Я не преминую сдѣлать таковыхъ же розысканій и въ здѣшнихъ библіотекахъ.

Теперь мы приступаемъ къ произведенію въ дѣйство извѣстнаго уже вамъ предпріятія моего издать въ свѣтъ древнія историческія наши рукописи, въ Библіотекѣ Академіи Наукъ хранящіяся, и я надѣюсь въ скоромъ времени имѣть удовольствіе въ свою очередь служить вашему пр—ву, какъ издатель, печатнымъ экземпляромъ I части сихъ древностей.

Честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

С.-Петербургъ
Марта 6 дня
1814.

(Копія).

№ 4.

Малиновскій канцлеру.

. . . . . 2) Принявъ въ образецъ Дюиона, не настоитъ надобности печатать азіатскіе договоры оригиналами, къ чему недостатокъ здѣсь въ турецкихъ, татарскихъ и персидскихъ литерахъ послужитъ препятствіемъ.

3) Всѣ акты на латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англинскомъ, шведскомъ, датскомъ, голандскомъ и польскомъ языкахъ должны печататься въ двѣ колонны; на одной изъ нихъ подлинникъ, а на другой переводъ.

4) Для повѣрки сихъ оригинальныхъ Дипломатическихъ актовъ необходимо имѣть при Коммисіи человѣка по званію своему ученаго и основательно знающаго главные изъ упомянутыхъ діалектовъ....

12 марта 1814 года.

(Отпускъ).

№ 5.

И. К. Вестманъ Малиновскому.

Почтеннѣйшее письмо вашего пр—ва отъ 9 сего мѣсяца имѣлъ я честь представить его с—ву г. канцлеру въ подлинникѣ.

Графъ, удовлетворяя желанію г. Калайдовича, согласенъ отложить опредѣленіе его къ Архиву. Между тѣмъ его с—во ожидаетъ мнѣнія вашего въ разсужденіи продолженія печатанія второй части Трактатнаго Собранія и поручить мнѣ изволилъ просить васъ включить въ оное мнѣніе также статьи: 1) объ азіатскихъ шрифтахъ, какіе именно надобны? имѣются ли таковыя въ Москвѣ или нужно оные вновь вырѣзать?.... и 2) кто будетъ заниматься корректурою нѣмецкихъ и французскихъ текстовъ, особливо писанныхъ древнимъ идіомомъ. Можно ли къ сему пригласить г. профессора Шлецера и какимъ образомъ къ тому приступить? Разрѣшеніе сихъ вопросовъ его с—во считаетъ нужнымъ до приступленія къ дѣлу и готовъ даже употребить на то вновь сумму, есть-ли бъ то нужно было.

Исполняя волю сего начальника нашего, я побуждаюсь покорнѣйше просить ваше пр—во пожаловать хотя ко мнѣ доставить таковой полный планъ, за вашимъ подписаніемъ, для представленія его с—ву, дабы можно было сдѣлать окончательное о томъ положеніе и составить нужные бумаги.....

С.-Петербургъ,
19 марта 1814.

(Копія).

№ 6.

Канцлеръ Малиновскому.

. . . . . Для повѣрки сихъ послѣднихъ подлинниковъ ожидаю я вашего мнѣнія — не пригласить-ли къ сему господина профессора Шлецера или кого другаго, есть-ли вы имѣете на примѣтѣ, человѣка, могущаго совершенно соотвѣтствовать нашему желанію? . . .

4 Апрѣля
1814.

(Копія).

№ 7.

Малиновскій канцлеру.

При сличеніи списковъ степенныхъ книгъ открылось кое-что новое:

. . . Очень любопытная статья о дѣяніи царя Іоанна Васильевича, какой ни въ одномъ изъ списковъ и въ лѣтописяхъ, извѣстныхъ мнѣ не находится и которая была также новостью для исторіографа Карамзина;

что о Кипріановской Степенной книгѣ никакихъ слѣдовъ, что получено изъ Яссъ отъ господина Пина письмо на имя покойнаго Николая Николаевича[1]) объ отправленныхъ въ Букарестъ церковныхъ книгахъ.

13 апрѣля
1814.

(Отпускъ).

№ 8.

Антоній, архіепископъ Ярославскій, Малиновскому.

. . . Желая споспѣшествовать общеполезному изданію такъ важной отечественной книги, я чрезъ благочинныхъ по городу далъ знать: но въ отзывѣ сего утра получилъ, что небогатые духовные, при настоя-

---

[1]) Т. е. Бантыша-Каменскаго. Ср. выше, Приложенія, I, № 23.

щихъ хозяйственныхъ обстоятельствахъ, ценою удерживаются отъ покупки, хотя-бы оные и желали. Постараюсь, сколько угодно. Семинарій здѣсь одна только, а малые училища никакой суммы не имѣютъ.

29 апрѣля 1814.
Ярославль.

(Оригиналъ).

№ 9.

Евгеній, епископъ Калужскій, Малиновскому.

Почтенное отношеніе ваше отъ 25 апрѣля съ предложеніемъ подписки на I часть книги Собраніе государственныхъ грамотъ я имѣлъ честь получить. И поелику во всей моей епархіи одно только духовное училище и одна библіотека, то покорнѣйше прошу выдать мнѣ одинъ экземпляръ въ простой оберткѣ. Книгу сію принять и заплатить деньги 25 р. повѣрилъ я Новоспаскому отцу архимандриту Амвросію.

При семъ беру случай покорнѣйше просить ваше пр—во о выдачѣ мнѣ копій съ нѣкоторыхъ актовъ Архивы вашей. А какіе изъ сихъ актовъ мнѣ нужны, о томъ донесетъ вамъ помянутый же отецъ архимандритъ, которому поручилъ я также списать сіи копіи.

Съ истиннымъ почтеніемъ покорнѣйшій слуга

Евгеній епископъ Калужскій.

Маія 13 дня
1814,
Калуга.

(Оригиналъ).

№ 10.

Синодальная типографская Контора Малиновскому.

Извѣщаетъ, что

. . . . . въ скорости не можетъ прислать реестра имѣющимся въ Типографской Библіотекѣ рукописнымъ книгамъ по тому, что послѣ вторженія непріятеля по оному реестру повѣряются книги, а посему и сочиняются новые. Когда же повѣрены и сочинены будутъ, тогда Контора въ оную Коммисію прислать не преминетъ.

5 іюня 1814.

(Оригиналъ).

№ 11.

Малиновскій канцлеру.

Сообщая отказъ Синодальной Конторы, прибавляетъ:

. . . . но ризничій Патріаршей Библіотеки былъ нѣсколько снисходительнѣе; хотя въ Архивъ и не отпустилъ реестровъ своихъ, но дозволилъ списывать въ кельѣ его.

8 іюня 1814 года.

(Отпускъ).

№ 12.

Канцлеръ Малиновскому.

. . . . Къ удовольствію моему усматриваю, что книга сія мало-по-малу расходится. Можно утѣшаться мыслью, что усердіе и труды, употребленные на изданіе сихъ дипломатическихъ актовъ, имѣютъ нѣкоторымъ образомъ въ глазахъ просвѣщенной публики и любителей отечественныхъ древностей надлежащую цѣну.

9 іюля 1814 года.

(Копія).

№ 13.

Иванъ Нестеровичъ Малиновскому.

. . . . Касательно актовъ, которые не вошли въ составъ I части Собранія государственныхъ актовъ и договоровъ, его сіятельство по видимому намѣреваетъ издать въ свѣтъ прибавленіе къ сей части. Въ прибавленіи семъ имѣютъ быть помѣщены, кромѣ помянутыхъ актовъ и многіе древніе документы, полученные его сіятельствомъ изъ Риги, Кенигсберга и другихъ мѣстъ.

С.-Петербургъ,
10 іюля 1814 г.

(Оригиналъ).

№ 14.

И. К. Вестманъ Малиновскому.

. . . . Сегодня возвратился сюда графъ Николай Петровичъ и, можетъ быть, примется опять за продолженіе сего изданія, ибо, кажется, все остановилось по причинѣ малой выручки суммы.

С.-Петербургъ,
13 генваря 1815.

№ 15.

Малиновскій канцлеру.

. . . . Представляю вашему сіятельству списанную по приказанію Вашему Исторію царя Іоанна Васильевича, сочиненную княземъ Курбскимъ, съ разными добавленіями. По неимѣнію въ Архивѣ писцовъ я принужденъ былъ за 57 тетрадей заплатить сто рублей.

Его с—во графъ Сергѣй Петровичъ изволилъ передать мнѣ сумнѣніе Ваше, не пропущено ль какихъ грамотъ и договоровъ въ I части противъ изданныхъ Новиковымъ въ Древней Вивліоѳикѣ. На сіе имѣю честь донести, что у Новикова дѣйствительно напечатаны во второй части три грамоты лишнія . . . , но сіи грамоты онъ включилъ вдвойнѣ . . . и предмѣстникъ мой никакого опущенія въ томъ не сдѣлалъ.

22 генваря
1815 г.

(Отпускъ. Отвѣтъ на это письмо — Переписка Румянцова, № 14).

№ 16.

Ив. Нестеровичъ Малиновскому.

Его с—во канцлеръ убѣдительнѣйше проситъ ваше пр—во принять на себя трудъ пріискать древнія богатырскія сказки о Бовѣ Королевичѣ, Евдонѣ и Берфѣ и другіе, какія только есть древнія сего рода сказки и списки оныхъ ему доставить.

Также онъ проситъ васъ, доставъ въ Синодальной Библіотекѣ слѣдующія рукописи, приказать списать оныя:

№ 48. Житія и чудеса святыхъ россійскихъ, а именно
Св. Леонтія, еписк. Ростовскаго, л. 1.
Св. Ісаія, еписк. Ростовскаго, л. 38.
Св. Петра, митрополита Кіевскаго, л. 49.
Св. Игнатія, еписк. Ростовскаго, л. 46.
Св. Авраамія, архимандрита Ростовскаго, л. 70.
Св. Іоанна, архіеп. Новгородскаго, л. 91.
Св. Ѳеодора, князя Смоленскаго, л. 112.
Преп. Варлаама Хутынскаго, л. 131.
Стефана Новаго, архіеп. Сурожскаго, л. 136.
Св. Стефана, еп. Пермскаго, л. 171.

№ 133. Патерикъ Скитскій.

№ 155. Чего ради архіепископы Великаго Новгорода носятъ бѣлые клобуки.

№ 174. Степенная книга
№ 190. Степенная книга

Сіи рукописи проситъ графъ сличить только съ печатнымъ, нѣтъ ли въ нихъ какихъ либо противъ оной пополненій.

№ 467. Патерикъ Печерскій .... Буде онъ полнѣе и древнѣе напечатаннаго, то графъ проситъ, сличивъ оный, таковыя мѣста для него выписать.

С.-Петербургъ,
15 Марта 1815.

(Оригиналъ. Ср. запросъ о томъ-же канцлера въ іюлѣ — Переписка Румянцова, № 25).

№ 17.

Малиновскій канцлеру.

Имѣю честь представить вашему сіятельству

1) извѣстіе объ открытіи мною другого древнѣйшаго списка рукописи подъ названіемъ: Слово о полку Игоревѣ....

Москва,
2 іюля 1815.

(Отпускъ).

№ 18.

Малиновскій канцлеру.

Имѣю честь представить вашему с—ву 33 рукописанія, по приказанію вашему снятыя съ подлинниковъ, въ Архивѣ находящихся.

Есть-ли онѣ удостоены будутъ одобренія вашего, то дозволите ль пополнить ихъ другими, по временамъ открывающимися. Для Россійской Палеографіи не лишнимъ кажется мнѣ помѣщать въ сіе Собраніе и снимки съ извѣстнѣйшихъ лѣтописей.

При всемъ личномъ благопріятствѣ ко мнѣ ризничаго, я встрѣтилъ непреодолимое препятствіе списывать что либо въ Библіотекѣ Патріаршей. Онъ буквально придерживается указа Синодскаго, а мнѣ очень бы желалось снять копіи съ грамотъ, въ представляемомъ реестрѣ значущихся, для дополненія I части Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ.

Его с—во графъ Сергѣй Петровичъ препоручилъ отъ имени вашего с—ва узнать о изданныхъ г. Ключаревымъ[1]) Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ, всѣ ль оныя имѣлъ онъ въ старинной рукописи собранныя, или самъ по частямъ собиралъ. Въ исполненіе вашей воли я адресовался съ вопрошеніемъ о томъ къ ученнѣйшему и близкому для издателя чиновнику, который ни самъ не могъ удовлетворить моему любопытству, ни свѣденіями другихъ не поснилъ отвѣта своего. По моему мнѣнію, г. Ключаревъ большую часть изданнаго имъ написалъ со словъ сказочника, какіе и на моей уже памяти бывали въ старинныхъ господскихъ домахъ. Нелѣпости и анахронизмы подтверждаютъ мою догадку. Въ древнихъ же рукописяхъ случалось мнѣ замѣтить только сказки подъ слѣдующими названіями: Синагрипъ царь Адоровъ и Наливскія страны; Дѣянія прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ о борзости и силѣ; Сказаніе о Филипатѣ и Максимѣ и о храбрости ихъ; Аще думно есть слышати о свадьбѣ Девгѣевѣ и о восхищеніи Стратиговнѣ . . . .

Сентябрь 1815 г.
Москва.

(Отпускъ. Много позже, 15 марта 1820, самъ Румянцовъ запрашиваетъ о тѣхъ-же лубочныхъ сказкахъ уже изв. Берха, въ Перми: « . . . постарайтесь объ отысканіи древнихъ списковъ нашихъ богатырскихъ сказокъ, не токмо о россійскихъ богатыряхъ, но даже о иностранныхъ, каковы суть — Бова Королевичь, Евдонъ и Берда и тому подобные . . . » (Лѣтопись зан. Археогр. Коммис., VI, II, 152).

---

[1]) До 1812 года Московскій почтъ-директоръ (род. 1754), а теперь сенаторъ. Въ 1804 имъ изданъ Кирша Даниловъ, о которомъ здѣсь вопросъ. Сомнѣніе о принадлежности Ключареву перваго изданія Древнихъ россійскихъ стихотвореній (Геннади, Словарь, II, 139) устраняется настоящимъ письмомъ. О самой рукописи Кирши, которая въ 1816 г. уже собственность Румянцова, см. Безсоновъ, ор. с., 57.

№ 19.

П. М. Строевъ Малиновскому.

Милостивый государь!

Находясь въ вѣдомствѣ Комиссіи снабженія солью Государства въ чинѣ губернскаго секретаря, намѣреваюсь нынѣ оставить сію должность и по извѣстной вашему пр—ву склонности моей къ ученымъ и историческимъ занятіямъ, имѣю желаніе продолжать свою службу въ Московскомъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Архивѣ и въ Коммисіи изданія древнихъ государственныхъ граматъ, на вакантію Главнаго Смотрителя, съ жалованьемъ по штату положеннымъ. Почему покорнѣйше прошу ваше пр—во о принятіи меня и употребленіи по сей части на пользу государственной службы. Обучался же я языкамъ латинскому, нѣмецкому, французскому и частію греческому, исторіи всеобщей и россійской, коей преимущественно посвятилъ себя, статистикѣ и начальнымъ основаніямъ математики, и съ 1812 г. доканчиваю курсъ наукъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ въ званіи своекоштнаго студента.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть

Павелъ Строевъ.

10 декабря
1815 года.

(Оригиналъ).

№ 20.

Малиновскій канцлеру.

(Въ отвѣтъ на письмо изъ Гомеля отъ 29 октября)

. . . . Имѣю честь представить 48 рукописаній тѣхъ княжескихъ дьяковъ, которые подписали напечатанныя въ I томѣ грамоты, и другихъ извѣстнѣйшихъ лицъ тамо упоминаемыхъ, также почерки одной изъ Архивскихъ лѣтописей и надпись съ древнѣйшаго евангелія въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ хранящагося. Щастливымъ себя почту, есть-ли и сіе возложенное на меня порученіе послужитъ къ благодарности вашего с—ва.

За снятіе сихъ почерковъ заплачено г. Скотникову 300 рублей и соборному священнику 40 рублей и за портфейль 5 рублей . . .

28 декабря 1815
Москва.

(Отпускъ).

№ 21.

Доношеніе Коммисіи канцлеру.

. . . . . 2) На опорожнившееся при Коммисіи мѣсто Главнаго Смотрителя не благоугодно-ли будетъ вашему с—ву избрать нѣсколько извѣстнаго уже по ученымъ своимъ занятіямъ губернскаго секретаря Павла Михайловича Строева съ произвоженіемъ годоваго по штату Коммисіи жалованья; но принять на себя сію должность онъ иначе не соглашается, какъ съ причисленіемъ въ службу Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ къ Московскому ея Архиву; потому Коммисія и испрашиваетъ вашего покровительства ему.

3) Желательно для Коммисіи знать волю вашего с—ва, въ какомъ видѣ прикажете издавать акты, съ поправкою-ли правописанія, какъ изданы уже въ I части, или сохранять всю точность подлинниковъ безъ перемѣны буквъ и препинаній?

4) Поелику главное достоинство сего дипломатическаго изданія составляетъ безошибочная наблюдательность за каждою буквою, то необходимо имѣть при Коммисіи контръ-корректора вмѣсто отказавшагося отъ сей должности г. Шлецера, не соизволите ль ваше с—во возложить сіе на Московскаго университета профессора, г. Черепанова, соглашающагося за двѣ тысячи рублей годоваго жалованія заняться буквальною повѣркою списковъ съ подлинниками, также безостановочною корректурою при печатаніи и являться для сего въ Коммисію по три раза въ недѣлю . . . .

14 Февраля 1816 г.

(Отпускъ).

№ 22.

Малиновскій канцлеру.

Помѣщеніе Строева въ Коммисіи печатанія замедлилось, и Малиновскій напоминаетъ:

. . . . Возобновляю мою покорнѣйшую просьбу къ вашему с—ву объ опредѣленіи къ дѣламъ Коммисіи и о помѣщеніи въ Архивъ г.г. Строева и Колосова. Трудолюбіемъ и усердіемъ къ службѣ перваго изъ нихъ до сихъ поръ я совершенно доволенъ . . . .

Москва 22 маія 1816 г.

(Отпускъ. Отвѣтъ на это письмо — Переписка Румянцова, № 32).

№ 23.

Малиновскій канцлеру.

. . . . Съ преосвященнымъ Августиномъ я объяснялся о древней харатейной рукописи подъ названіемъ Небеса и въ отвѣтъ отъ него о напечатаніи сей книги получилъ, что онъ самъ собою дать на сіе дозволеніе не властенъ; а должно испросить оное отъ Синода, о чемъ обѣщалъ самъ писать къ вашему с—ву. Изданіе въ свѣтъ сей древнѣйшей рукописи будетъ историческимъ памятникомъ для Россійской Словесности.

Другую книгу въ Патріаршей Библіотекѣ подъ № 15 хранящуюся, Аѳанасія Архіепископа Александрійскаго четыре слова на аріаны, я вытребовалъ уже оттуда и поручилъ г. Калайдовичу сдѣлать обстоятельное описаніе для представленія онаго вашему сіятельству.

Москва, 2 апрѣля 1817.

(Отпускъ. Отвѣтъ на письмо канцлера — Переписка Румянцова, № 49).

№ 24.

Малиновскій канцлеру.

. . . . . Древнія Стихотворенія вышли уже изъ цензуры и вскорѣ надѣюсь представить отпечатанный листъ сего изданія съ подробнымъ донесеніемъ по сей части.

Москва, 16 апрѣля 1817.

(Отпускъ).

№ 25.

Малиновскій канцлеру.

. . . . . Г. Калайдовичъ въ представляемомъ письмѣ на имя вашего с—ва пополнилъ прежнія свои замѣчанія на прежнюю (!) рукописную книгу Небеса и вновь изъясняетъ вамъ другую рукопись изъ Патріаршей-же Библіотеки подъ названіемъ: Аѳанасія Архіепископа Александрійскаго четыре слова на аріаны и нѣкоторыя другія рукописи, имѣющія связь съ двумя первыми . . .

Москва, 30 апрѣля 1817.

(Отпускъ. Письма Калайдовича нѣтъ).

№ 26.

Малиновскій канцлеру.

. . . . . Волоколамская экспедиція въ самомъ началѣ обѣщаетъ уже много успѣха, что̀ изъ двухъ писемъ ко мнѣ г. Строева[1]) усмотрѣть ваше с—во изволите. Препровождавшій его изъ любопытства въ Іосифовъ монастырь г. Калайдовичъ разказываетъ съ энтузіазмомъ о изобиліи тамъ историческихъ матеріаловъ и о крайнемъ небреженіи объ нихъ со стороны отцовъ святыхъ, но неискусныхъ. Новыми для исторіи открытіями отечество обязано будетъ единственно вашему с—ву. Одно только неудобство встрѣчается къ исполненію вашей воли въ томъ, что нѣтъ совсѣмъ переписчиковъ. Учители семинарскіе не знаютъ

---

[1]) Эти письма, 12 и 16 іюня—Переписка Румянцова, №№ 52, 53.

и не хотятъ знать старинной русской грамоты, и потому всѣ рѣшительно отказались отъ сей скучной для нихъ и утомительной работы; посторонніе изъ студентовъ университетскихъ просятъ несообразную за трудъ свой цѣну. Строевъ же, видя предъ собою богатую историческую жатву и не въ силахъ будучи одолѣть ея убѣдительнѣйше проситъ на подмогу писцовъ. Я съ своей стороны не остановился бы предстоящими на то издержками, ибо имѣю дозволеніе ваше тратить деньги; но главное затрудненіе состоитъ въ пріисканіи на дѣло сіе людей столько-же искусныхъ, сколько и охотливыхъ; а кто дорожится, на тѣхъ нельзя много полагаться; ибо имѣютъ одинъ интересъ въ виду и пріобрѣтенныя при семъ свѣденія считаютъ за ничто. Усердіе мое къ исполненію угоднаго вамъ, сіятельный графъ, изыскиваетъ теперь всѣ способы, какъ-бы согласить личную корысть съ общеполезнымъ обогащеніемъ.

Москва, 21 іюня 1817.

(Отпускъ).

№ 27.

Малиновскій канцлеру.

. . . . Представляю также донесеніе г. Калайдовича о древней рукописи харатейной, отысканной имъ въ Воскресенскомъ монастырѣ.

Москва, 28 іюня 1817.

(Это донесеніе — письмо Калайдовича къ канцлеру — Переписка Румянцова, № 54).

№ 28.

Въ «Вѣдомости о приходѣ и расходѣ» за 1817 годъ значится:

Подъ 15 марта:

Г. контръ-корректору Калайдовичу, въ число слѣдуемыхъ ему за корректуру II части Собранія государственныхъ грамотъ тысячи рублей, выдано 150 рублей.

Подъ 31 іюля: ему-же 100 рублей.

(Ср. Переписка Румянцова, № 42, отъ 28 декабря 1816).

№ 29.

Малиновскій канцлеру.

. . . . Имѣю честь препроводить къ вашему сіятельству второй листъ Судебника; третій также скоро получить изволите.

Москва, 25 апрѣля 1815.

(Отпускъ).

№ 30.

Доношеніе Калайдовича (и Китовича) Малиновскому[1]).

Комиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ при изданіи II части возложила на насъ обязанность смотрѣть за корректурою польскихъ грамотъ, въ сей части помѣщаемыхъ. Желая оправдать столь лестную для насъ довѣренность, мы продолжали печатаніе оныхъ съ возможною осмотрительностію, чего требовала отъ насъ важность бумагъ и собственное рвеніе издать оныя въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они сохранились въ оригиналѣ; мы желали сего для блага исторіи отечественной, чести мѣста и похвалы собственной, ни мало не помышляя, что добрымъ ожиданіямъ нашимъ неблагонамѣренность готовила уже свои ковы. Нѣсколько недѣль тому назадъ его с—во господинъ государственный канцлеръ графъ Н. П. Румянцовъ, неутомимо пекущійся о пользѣ и чести Комиссіи, его изданіемъ и патріотическою ревностію учрежденной, изволилъ препроводить къ вашему пр—ву нѣсколько отпечатанныхъ листовъ латинскихъ и польскихъ грамотъ, съ минимыми ошибками, отмѣченными въ оныхъ г. Анастасевичемъ, прося васъ изслѣдовать справедливость словъ рецензента, и посему или отвергнуть оныя какъ неосновательныя, или заставить признаться издателей въ ихъ погрѣшностяхъ. Получивъ отъ вашего пр—ва шесть листовъ, отъ 59 по 65, мы почли обязанностію свѣрить оные, не смотря на неоднократное уже сличеніе, вновь съ оригиналомъ. Въ листахъ сего сочиненія, раздѣленныхъ на четыре колонны и при семъ на благоусмотрѣніе вашего пр—ва представляемыхъ, означены: 1) слова оригинала, 2) какъ напечатано, 3) поправки

---

[1]) Чиновникъ Китовичъ (изъ бѣлорусовъ) корректировалъ польскія грамоты для Комиссіи еще раньше.

Анастасевича и 4) замѣчанія издателей. Изъ сего открывается, что мы должны сознаться въ 19 самыхъ неважныхъ погрѣшностяхъ, еще прежде нами усмотрѣнныхъ, которыя у насъ означатся въ опечаткахъ; а всѣ прочія замѣчанія, числомъ 234, не приносятъ намъ ни малѣйшей пользы, ни г. Анастасевичу чести, котораго главная ошибка по видимому состояла въ томъ, что онъ погрѣшности оригинала, сойственныя правописанію того вѣка, почиталъ собственными поправками издателей. Замѣчанія рецензента о переводѣ польскихъ грамотъ совершенно одного рода; онъ исправлялъ старый переводъ ихъ, весьма благоразумно удержанный Коммиссіею. Послѣ сего съ нашей стороны остается пожалѣть о потерѣ времени, употребленномъ на сличеніе, а г. Анастасевичу пожелать больше скромности.

Контръ-корректоръ кандидатъ Константинъ Калайдовичъ.

12-го класа Константинъ Китовичъ.

Москва
1 мая
1818.

За этимъ слѣдуетъ пять листовъ самыхъ «замѣчаній». Въ концѣ ихъ зачеркнуто:

Мы бы еще представили нѣсколько возраженій въ доказательство ограниченныхъ свѣденій г. рецензента въ языкахъ латинскомъ, старинномъ и новомъ польскомъ, а особливо въ точности изданія; но онъ самъ первыя свои замѣчанія о нашихъ ошибкахъ заключилъ сими словами: есть многія и такіе, кои показываютъ ореографію своего вѣка, и симъ-то признаніемъ, послѣ коего поправки его не имѣютъ никакой цѣны, совершенно насъ обезоружилъ.

(Рукою Калайдовича. Объ этомъ обвиненіи Анастасевича, что «въ польскомъ текстѣ при печатаніи множество вкралося неисправностей» — см. письмо канцлера къ Малиновскому 26 февраля. — Переписка Румянцова, № 80. Соблазнившіе Анастасевича польскіе акты находятся во II ч. Собранія, №№ 121 и слѣдующіе).

№ 31.

Доношеніе Коммисіи канцлеру.

Находящійся при сей Коммисіи на ваканціи чиновника колежскій секретарь Павелъ Нестеровичъ болѣе двухъ лѣтъ находится въ такомъ болѣзненномъ состояніи, что сей службы исправлять не въ состояніи,

а потому въ отвращеніе остановки при изданіи второй части грамотъ и договоровъ не благоугодно ли будетъ вашему с—ву, отчисливъ его, Нестеровича, отъ Коммисіи, оставить на архивскомъ окладѣ; а на открывающуюся чрезъ то ваканцію принять извѣстнаго вашему с—ву университетскаго кандидата Константина Калайдовича; просьба же его о семъ съ приложеніемъ засвидѣтельствованныхъ копій съ аттестатомъ его препровождена уже къ вашему с—ву минувшаго іюня 20 дня Управляющимъ сею Коммисіею.

29 іюля 1818.

(Отпускъ. При Дѣлахъ нѣтъ просьбы Калайдовича. Рукою Строева, который иногда подписывался: Главный смотритель и переводчикъ).

№ 32.

16 января 1819 года были пересланы изъ Синодальной Библіотеки и Волоколамскаго монастыря въ Коммисію цѣлый рядъ славянскихъ рукописей, и, принимавшій ихъ, Калайдовичъ сдѣлалъ имъ тогда-же собственноручно краткую опись:

Изъ Синодальной Библіотеки:

1) Іоанна Дамаскина книга Небеса, переводится Іоанномъ Екзархомъ Болгарскимъ, въ листъ, на пергаминѣ, подъ № 66[1]).

2) Шестодневъ, переведенный Іоанномъ Екзархомъ Болгарскимъ, въ листъ, на пергаминѣ, подъ № 277[2]).

3) Аѳанасія архіепископа Александрійскаго Четыре слова на Аріанъ, переведенныя епископомъ Константиномъ въ 906 году. Рукопись на бумагѣ, въ листъ, подъ № 15[3]).

4) Шестодневъ, переведенный Іоанномъ Екзархомъ Болгарскимъ, рукопись XVI в., въ 4, подъ № 129[4]).

5) Такой же Шестодневъ, рукопись XVII в., въ 4, подъ № 128.

---

[1]) Отмѣчено позднѣйшею рукой: «Сія рукопись возвращена при бумагѣ за № 19, 19 марта 1825 г.».

[2]) Такая-же отмѣтка: «возвращена 9 сентября 1824 г.».

[3]) Такая-же отмѣтка: «возвращена 8 декабря 1821 г.».

[4]) Такая-же отмѣтка: «возвращена 9 сентября 1824 г.».

6) Оглавленіе книгъ кто ихъ сложилъ. Рукопись конца XVII в., въ 4, подъ № 262.

Изъ Іосифова Волоколамскаго монастыря:

1) Книга, содержащая разныя слова Іоанна Златоустаго и другихъ святыхъ отцевъ, въ томъ числѣ Кирилла, епископа Туровскаго, и Іоанна Екзарха Болгарскаго. Рукопись въ листъ, подъ № 9.

2) Рукопись въ листъ, подобная предшествующей, подъ № 17.

3) Книга Іоанна Дамаскина О осьми частяхъ слова и Небеса, переведенныя Іоанномъ Екзархомъ Болгарскимъ, подъ № 82, въ листъ.

Означенныя рукописи, числомъ восемь (исключая Оглавленія книгъ, кто ихъ сложилъ), изъ коихъ двѣ писаны на пергаминѣ, а остальныя шесть на бумагѣ, принялъ кандидатъ 12-го класса Константинъ Калайдовичъ 16 января 1819 года.

(Рукою Калайдовича).

№ 33.

Прошеніе Калайдовича.

Всепресвѣтлѣйшій и вседержавнѣйшій, великій государь и пр. (по титулу) проситъ кандидатъ Константинъ Ѳедоровичъ Калайдовичъ; а о чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

I.

Обучась въ императорскомъ Московскомъ университетѣ на собственномъ своемъ иждивеніи разнымъ языкамъ и наукамъ, получилъ я въ ономъ степень кандидата словесныхъ наукъ, и въ службѣ вашего императорскаго величества нигдѣ не состою, и желаніе имѣю, по склонности моей и занятіямъ въ отечественной исторіи и Древностяхъ оной, служить при Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ.

Того ради и прошу, дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе принять и въ

оную Коммиссію меня опредѣлить въ званіи контръ-корректора. На степень кандидата представляю въ копіяхъ университетскій дипломъ и свидѣтельство.

Всемилостивѣйшій Государь! Прошу ваше императорское величество о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Къ поданію надлежитъ въ Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Прошеніе сочинялъ и писалъ я-жъ, кандидатъ Константинъ Ѳедоровъ сынъ Калайдовичъ. Апрѣля дня, 1819 года.

(Рукою Калайдовича).

Copia.

Quod felix faustumque esse jubeat supremum numen! Sub auspiciis Augustissimi ac Potentissimi magni Domini Alexandri Primi, omnium Russiarum Imperatoris et Autocratoris, et cetera et cetera, et cetera; veniam dante Ministro Publicae Institutionis, Alexio Cyrillide comite a Rasumowsky, cons. intimo actuali, cubiculario Imperatorio, Consilii Imperialis membro, et equite ordinis s. Alexandri Newensis, annuente Universitatis Mosquensis Curatore, Paulo Joannide a Golenistzew-Kutusow, cons. intimo, senatore, et equite ord. s. Annae pr. classis; Magnifico Univ. rectore Joanne Heym, consiliario status, Statisticae professore P. O. et ord. s. Annae sec. cl. equite, promotor legitime constitutus Frid. de Matthei, professor linguae latinae et graecae p. o. et ordinis literarum humaniorum Decanus, viro praenobilissimo atque doctissimo Constantino Kalaidowitsch, propter egregia literarum humaniorum specimina atque optimos profectus, die XXVII Maii anni MDCCCX insignes in artibus humanioribus honores et privilegia Candidati rite contulit, cujus rei testes sunto hae literae, sigillo Universitatis munitae.

Senatui Academico a Secretis:

Joannes Dwigubski

p. p. o.

№ 25

(L. S.)

Mosquae
Typis Universitatis, 1810.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Изъ Совѣта императорскаго Московскаго университета кандидату словесныхъ наукъ Константину Ѳедорову сыну Калайдовичу дано сіе свидѣтельство въ томъ, что онъ, по силѣ 10-го § высочайше дарованной императорскому Московскому университету утвердительной грамоты, состоитъ съ 1810 года мая 27 дня въ 12 классѣ государственныхъ чиновниковъ. Февраля 24 дня 1818 года. Ректоръ Иванъ Геймъ. Секретарь Совѣта профессоръ и кавалеръ Двигубскій. Коллежскій секретарь Подхватовъ.

(М. П.). № 19.

№ 34.

Малиновскій канцлеру.

Сіятельный графъ,

Милостивый государь!

Препровождая просительное къ вашему с — ву письмо отъ г. Калайдовича о принятіи его въ дѣйствительную службу Коммисіи, безъ причисленія къ Архиву, съ переименованіемъ изъ кандидатовъ въ соотвѣтственный сему ученому званію чинъ губернскаго секретаря и съ жалованьемъ, обязаннымъ себя считаю ходатайствовать за него, какъ за человѣка для изысканія и обработки отечественныхъ древностей весьма способнаго. Въ продолженіе трехлѣтняго печатанія грамотъ онъ ежедневно былъ на глазахъ у меня, и я въ предосужденіе ему ничего замѣтить не могъ.

По особенному вашему благорасположенію, не соизволите-ль, ваше с—во, и переводчику г. Строеву испросить въ воздаяніе за всѣ труды его отличіе ордена св. Анны 3-го класса.

О наградѣ другаго чиновника, при Коммисіи находящагося, протоколиста Прилуцкаго, ваше с—во приказали мнѣ сами напомнить вамъ при отпечатаніи II части государств. грамотъ. Онъ и писецъ, и корректоръ, и казначей. Трудолюбіе его, на усердіи къ службѣ основанное, и вѣрность таковы, что въ Коммисіи онъ одинъ замѣняетъ многихъ, а потому весьма заслуживаетъ отличенъ быть такимъ же орденскимъ знакомъ.

Предавая сіе представленіе мое и самого себя и пр. . . . .

Москва, 17 апрѣля 1819.

(Отпускъ, рукою самого Строева).

№ 35.

Графъ Нессельродъ Малиновскому.

Его Императорское величество высочайше указать соизволилъ въ 13 день сего мѣсяца опредѣлить кандидата Моск. университета Калайдовича къ Коммисіи печатанія государств. грамотъ и договоровъ въ должности контръ-корректора съ переименованіемъ изъ кандидатовъ въ соотвѣтствующій сему ученому званію чинъ губернскаго секретаря.

Во исполненіе сей высочайшей воли я прошу ваше пр—во объявить объ оной помянутому Калайдовичу, привести его къ присягѣ и учинить слѣдующій за чинъ губ. секретаря вычетъ на основаніи законовъ.

Согласно съ представленіемъ вашимъ г. государств. канцлеру отъ 17 минувшаго апрѣля оный Калайдовичъ въ вѣдомствѣ государственной Коммисіи иностранныхъ дѣлъ и при московскомъ ея Архивѣ числиться не будетъ. Имѣю честь съ совершеннымъ почтеніемъ и пр.

гр. Нессельродъ.

Мая, 20 дня 1819 года, № 2946.

(Оригиналъ).

(Это сообщеніе получено было 2 іюня, 5 іюня учинена была присяга, къ которой приводилъ «Предтеченскій что въ быломъ Ивановскомъ монастырѣ священникъ Иродіонъ Іоанновъ», при свидѣтелѣ Строевѣ, согласно предложенію Малиновскаго. Самъ канцлеръ объ опредѣленіи Калайдовича зналъ раньше — Переписка Румянцова, № 125. Ср. любопытный запросъ канцлера Малиновскому—тамъ-же, № 126, а также взаимную обсылку канцлера и Нессельрода, тамъ-же, стр. 354—355).

№ 36.

Формулярный списокъ Калайдовича.

Московскаго Общества испытателей природы адъюнктъ-членъ, имѣющій военную медаль за 1812 годъ, отъ роду 27 лѣтъ. Изъ дворянъ, сынъ покойнаго надворн. совѣтника Ѳедора Дмитріевича Калайдовича. Въ доказательство его дворянства представилъ копію съ грамоты, данной ему отъ московскаго губ. предводителя дворянства [1]). Положивъ

---

*) Грамота помѣчена 28 сентября 1819 г., за подписью Моск. губ. предв. двор. Обольянинова и уѣздныхъ. (Дѣла Коммисіи за 1820 г.).

первыя начала ученія въ Елецкомъ народномъ училищѣ и въ Кіевской академіи, въ гимназію импер. Московскаго университета вступилъ 9 сентября 1799 г. и въ оной на своемъ коштѣ обучаясь разнымъ языкамъ и наукамъ, при публичномъ экзаменѣ произведенъ студентомъ. По принятіи въ университетъ (2 іюля 1807 г.) слушалъ профессорскія лекціи: 1) греческаго, латинскаго и французскаго языковъ, 2) всеобщей и россійской исторіи и хронологіи, 3) краснорѣчія и поэзіи, 4) статистики, 5) умозрительной философіи, 6) теоріи гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, 7) политической экономіи, 8) антропологіи, 9) натуральной исторіи и сельскаго домоводства, 10) технологіи, 11) геометріи, тригонометріи и алгебры.

Участвуя въ дѣлахъ Общества испытателей природы въ званіи члена, сопутствовалъ (1809 г.) директору онаго для минералогическаго, ботаническаго и геологическаго наблюденій въ Московской губерніи. За отличное прилежаніе и успѣхи удостоенъ степени кандидата. Въ продолженіи 3 лѣтъ (1810—1812) обучалъ въ университетской академической гимназіи россійской исторіи и географіи, по собственному желанію, безъ жалованья, и въ тоже время училъ онымъ предметамъ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Раздѣляя труды Общества исторіи и древностей россійскихъ въ званіи дѣйствительнаго члена онаго, занимался (1811, 1812 г.) порученнымъ изданіемъ Русскихъ Достопамятностей, коихъ первая часть и отпечатана. Въ теченіи полутора года (1811, 1812) читалъ, по назначенію университетскаго Совѣта, лекціи россійской исторіи для чиновниковъ, гражданскою службою обязанныхъ. Въ іюлѣ же мѣсяцѣ (1812), внимая воззванію монарха и отечества, оставивъ университетъ и съ временнымъ увольненіемъ отъ онаго, явился (27 іюля) къ службѣ въ Московскую Военную Силу, съ переименованіемъ изъ кандидатовъ въ подпоручики, въ 5 пѣшій козачій полкъ, по раскассированіи коего подъ Москвою тогоже года причисленъ къ нижегородскому пѣхотному, изъ коего переведенъ по прежнему въ ополченіе, въ 8 пѣшій козачій полкъ и съ онымъ, по роспускѣ ополченія, возвратился въ Москву (11 іюля 1813), гдѣ тогда же причисленъ къ прежней службѣ университета. По отставкѣ изъ Московской Военной Силы награжденъ за 1812 годъ серебренною на голубой лентѣ медалью, высочайшимъ благоволеніемъ и мундиромъ ополченія (декабрь 1814).

По приглашенію государственнаго канцлера участвовалъ въ теченіе трехъ лѣтъ (1817—1819), съ званіемъ контръ-корректора въ из-

данія II части государств. грамотъ. Въ 1818, апрѣля 8, по прошенію изъ университета уволенъ. . . . .

(Рукою самого Калайдовича, по обычной формѣ послужныхъ списковъ. Нами извлечены болѣе любопытныя свѣдѣнія. Отрывки—помѣщены раньше въ указанномъ трудѣ г. Безсонова, стр. 55).

№ 37.

Ив. Нестеровичъ Малиновскому.

Его с—во графъ Николай Петровичъ въ письмѣ своемъ отъ 16 текущаго мѣсяца изъ Гомеля, изволилъ возложить на меня порученіе одинъ экземпляръ Слова о полку Игоревѣ препроводить къ вашему пр—ву и просить васъ покорнѣйше о принятіи на себя труда доставить оный отъ имени графа Михаилу Трофимовичу г. Каченовскому, коего труды и заслуги отечественной исторіи и словесности графъ премного уважаетъ.

Исполняя симъ волю его с—ва, пользуюсь вмѣстѣ пріятнѣйшимъ случаемъ донести вашему пр—ву, что списки съ грамотъ, которые его с—во поручилъ мнѣ отыскать и доставить въ Архивъ, найдены мною у Ивана Андреевича Вейдемейера [1]). Разсмотрѣвъ и повѣривъ ихъ по реэстру, всѣ-ли оные на лицо находятся, не премину просить его пр—во Василія Алексѣевича [2]) о препровожденіи ихъ изъ Коллегіи обратно въ Архивъ.

С. Петербургъ, 30 іюня 1819 г.

(Ср. Переписка Румянцова, № 128, 129: въ послѣднемъ письмѣ, отъ 22 іюня, самъ канцлеръ проситъ Малиновскаго передать экземпляръ Слова, въ изданіи Пожарскаго, Каченовскому. Изданіе-же это сдѣлано было на счетъ Румянцова, о чемъ онъ самъ признается въ письмѣ отъ 8 мая 1819 г.: «я сему любопытному появленію не совсѣмъ чуждъ» (тамъ-же, № 123).

---

[1]) Правитель канцеляріи Совѣта его величества, до преобразованія его въ Государственный Сперанскимъ въ 1810 году, а съ того времени членъ его, позже, послѣ оставленія Румянцовымъ министерства, завѣдывавшій послѣднимъ—до Нессельрода.

[2]) Т. е. . . . ?

№ 38.

Предписаніе канцлера Коммисіи.

Коммисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ.

Предписаніе.

Высочайшимъ его императорскаго величества мияннымъ указомъ, даннымъ государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ мая въ 21 день сего года, опредѣленному въ Коммисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ контръ-корректору губернскому секретарю Константину Калайдовичу, предписываю производить жалованье съ вышеозначеннаго числа по 600 р. на годъ изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи всѣхъ вообще книгъ, имъ издаваемыхъ печатаемыхъ и въ пользу сей Коммисіи предоставленныхъ [1]).

Графъ Николай Румянцовъ.

1819 сентября 12 дня.

(Оригиналъ. Вѣроятно, отвѣтъ на просьбу Калайдовича—Переписка Румянцова, № 127. Ср. № 135).

№ 39.

Архіепископъ Тверскій Филаретъ Малиновскому.

Превосходительный господинъ,

Милостивый государь!

Въ слѣдствіе отношенія вашего превосходительства отъ 10 октября сего года за № 20 объ отпечатаніи второй части собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, далъ я надлежащее тверской семинаріи правленію предложеніе. Поелику же въ собственной моей библіотекѣ и первой части сего собранія еще нѣтъ: то покорнѣйше прошу изходатайствовать мнѣ отъ Коммиссіи печатанія по одному экземпляру обѣихъ частей, для чего какъ цѣну сихъ книгъ

---

[1]) Какъ ясно изъ донесенія Малиновскаго Румянцову отъ 31 декабря 1819 года, канцлеръ представилъ въ пользу Коммисіи слѣд. свои изданія: Древнія россійскія стихотворенія и Судебникъ.

70 р., такъ и вѣсовыя деньги 16 р. и увязку 1 р. 60 к. и полупроцентныхъ 70 коп., а всего 88 р. 30 коп. при семъ препровождаю.

Съ глубочайшимъ и совершеннымъ почтеніемъ имѣю долгъ быть

вашего превосходительства

милостиваго государя

покорнѣйшій слуга и Богомолецъ

Филаретъ Архіепископъ Тверскій.

№ 226
ноября 26 дня
1819

№ 40.

Малиновскій Н. Ив. Евреинову.

По послѣднему отношенію моему къ вашему пр—ву 6 октября истекшаго 1819 года оставлены были въ Коммисіи печатанія государственныхъ грамотъ пять славянскихъ рукописей Сѵнодальной библіотеки подъ № 66, 227, 15, 192/и г и 193/н д, срокомъ на три мѣсяца. Хотя означенный срокъ въ семъ генварѣ мѣсяцѣ и окончился, но Коммисія имѣетъ еще въ оныхъ рукописяхъ надобность; почему покорнѣйше прошу ваше пр—во оставить ихъ еще на три мѣсяца и приказать отпустить къ тому двѣ греческихъ рукописи: Слова Іоанна Лѣствичника и Петра Дамаскина подъ № 351 и 386, подъ росписку коллежскаго протоколиста Іоасафа Горлицкаго. Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

№ 1, генваря 12 дня 1820 г.

На просьбу Коммисіи Синодальная Контора отвѣчала согласіемъ, отъ 24 февраля.

Чрезъ три мѣсяца таже просьба повторяется—продлить еще на три мѣсяца, отъ 26 мая, а кромѣ того отпустить двѣ славянскія рукописи и одну греческую, подъ №№ 82, 351 и 379, всѣ на пергаминѣ, «подъ названіемъ Іоанна Зонара толкованіе тропарей», подъ росписку губ. секретаря К. Калайдовича.

7 іюня 1820 г. Контора отвѣчала согласіемъ.

№ 41.

Канцлеръ Малиновскому.

Милостивый государь мой, Алексѣй Федоровичъ!

Изъ послѣдняго вашего письма съ удовольствіемъ удостовѣряюсь, что возвращенный мною къ вамъ манускриптъ родословія россійскихъ государей, принадлежащій государственному архиву, вами возвратно полученъ. Теперь препровождаю къ вашему превосходительству врученныя мнѣ списки съ грамотъ, заготовленныхъ для изданія третьяго тома; прикажите пожалуйте вновь кому нибудь сіи списки пересмотрѣть осторожно, въ нихъ вкрался ошибки, и я здѣсь умалчиваю о простыхъ опискахъ, каковы суть, повтореніе тѣхъ же словъ, замѣненіе въ торопости нѣкоторыхъ литтеръ другими, буду теперь съ вами бесѣдовать объ ошибкахъ другаго рода, къ которымъ статься можетъ и самъ выведу заключенія несовершенно основательныя, что предаю на благоусмотрѣніе ваше.

1) Въ грамотѣ 18, въ первой строкѣ сказано, что царь и великій князь Михайло Федоровичъ пожаловалъ царевича Арслана на Касиновъ въ цари, и въ грамотѣ точно видно, что ходилъ онъ благодарить царевича Федора Борисовича, изъ чего заключить должно, что пожаловалъ его царь Борисъ Федоровичъ, а не царь Михайло Федоровичъ, и слѣдов. въ III томѣ грамоту сію помѣстить не можно. Заключеніе мое и тѣмъ утверждается, что при концѣ того документа пишется, что государь и великій князь Борисъ Федоровичъ велѣлъ идти къ себѣ, также и въ обозначеніи года при оглавленіи стоялъ 1600 г., которой помаранъ и замѣненъ 1614.

2) Нумеры 22 и 23 мнѣ кажутся одинъ и тотъ же документъ, съ тою разницею, что нѣсколько страницъ во второмъ добавлены находятся.

3) Въ грамотѣ 50 присяга дается царю Алексѣю Михайловичу въ 1645 г. и матери его, безъ упоминанія супруги, а въ 51 документѣ того же года присяга дается тому же царю безъ упоминанія матери, а съ упоминаніемъ не токмо супруги, но даже сына, нѣтъ-ли въ обозначеніи одинакого года для сихъ двухъ документовъ ошибки?

4) Въ обозначеніи грамоты № 81 сказано, и вѣроятно правильнѣе, что она пожалована генералъ-поручику Томасу Деліелю, а въ самой грамотѣ тоже имя писано Томасъ Далаль.

5) Въ грамотѣ № 82 стоитъ ближнему боярину и несничу Вологодскому, безъ сумнѣнія ошибкою вмѣсто и намѣстнику Вологодскому.

Всѣ сіи замѣчанія какъ не очень важныя могутъ вамъ причинить скуку: но да послужатъ онѣ передъ вами доказательствомъ того теплаго участія, которое я беру въ совершенствѣ изданія государственныхъ грамотъ и для того даже прошу васъ, милостивый государь мой, поручить кому-либо изъ подчиненныхъ вашихъ точно пересмотрѣть, не существуютъ ли уже напечатанными нѣкоторыя изъ сихъ грамотъ въ обѣихъ коллекціяхъ Древней Вивліоѳики, или въ журналѣ г. Туманскаго [1]) и иномъ какомъ-либо періодическомъ сочиненіи; объ таковыхъ грамотахъ, коли сочтется нужнымъ повторить ихъ изданіе, то кажется причину тому заявить въ предисловіи.

Въ томъ же духѣ пристрастія къ III тому государственныхъ грамотъ препровождаю къ вамъ оригинальную грамоту царя Алексѣя Михайловича, пожалованную Щепоткину, которую я обязался съ крайнимъ объ ней береженьемъ возвратить. Прикажите пожалуйста съ неё снять два списка, одинъ ко мнѣ съ возвращеніемъ грамоты пришлите, а второй оставьте при Государственномъ Архивѣ, и ежели найдете, что сія грамота точно не издана, то кажется она бы заслуживала помѣщеною быть въ издаваемомъ III томѣ.

На сихъ дняхъ писалъ я къ г. Калайдовичу, прося нѣкотораго поясненія о купленномъ мною здѣсь на пергаминѣ писанномъ Евангеліи и при немъ святцахъ, поручая ему обратиться къ вашему пр—ву отъ меня съ тою же просьбою; прибавте пожалуйте сіе одолженіе къ столь многимъ мнѣ уже показаннымъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть

вашего превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

С.-Петербургъ,
2 апрѣля 1820 г.

(Оригиналъ).

(Помѣтка рукою Малиновскаго: получено 15 апрѣля 1820 г. Упоминаніе объ этомъ письмѣ—Переписка Румянцова, № 161, стр. 154).

---

[1]) Туманскій, Ѳеодоръ Осиповичъ, трудолюбивый собиратель матеріаловъ для исторіи Петра Великаго, писатель конца XVIII столѣтія. Съ 1792 по 1794 годъ издавалъ «Россійскій Магазинъ». Этотъ журналъ и имѣетъ въ виду канцлеръ.

№ 42.

А. И. Яниш̀ъ Малиновскому.

Въ августѣ 1820 была уже куплена бумага для III части «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ», и управляющій канцлера, А. И. Яниш̀ъ, препровождая Малиновскому 10 тысячъ рублей на уплату за бумагу, писалъ 5 августа ему:

. . . . . Государственный канцлеръ получилъ во вторникъ почту довольно рано, пообѣдалъ въ 12-мъ и поѣхалъ въ 2 часа, а ночевалъ, вѣроятно, на второй станціи.

(Рѣчь идетъ о пути изъ Гомеля въ Петербургъ, куда канцлеръ прибылъ около половины августа. См. Переписку Румянцова, № 170).

№ 43.

Ив. Нестеровичъ Малиновскому.

Его с—во государственный канцлеръ въ письмѣ своемъ изъ Гомеля отъ 12 числа минувшаго сентября препоручилъ мнѣ взять въ его кабинетъ 2 экземпляра Льва Діакона на греческомъ и латинскомъ языкахъ и препроводить ихъ вашему пр—ву, одинъ для библіотеки Архива, а другой для собственной вашей, которые съ сею-же почтою и имѣю честь препроводить къ вамъ.

Въ исходѣ Августа мѣсяца, по приказанію же его с—ва, препровождена мною въ Комиссію печатанія государственныхъ грамотъ 300 экземпляровъ книги, подъ названіемъ: Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи[1]). Книги сей напечано иждивеніемъ его с—ва всего 600 экземпляровъ, изъ числа коихъ 35 экземпляровъ употребилъ графъ собственно для себя, а остальные затѣмъ 565 экземпляровъ изволилъ предоставить Комиссіи для распродажи при оной въ числѣ прочихъ изданныхъ его с—вомъ книгъ. Раздѣливъ, по волѣ же его с—ва, изданіе сіе на двѣ части, 300 экземпляровъ отправлено мною въ Комиссію, а 265 экземпляровъ отдано здѣсь на комиссію братьямъ Сленинымъ[2]). Долгомъ поставляю донести при семъ вашему пр—ву, что за переплетъ всего 565 экземпляровъ, равно и за иллю-

---

[1]) Т. е. переводъ Д. Языкова изв. «Untersuchungen» Лерберга.

[2]) Извѣстная въ свое время книжная фирма въ Петербургѣ.

миновку или раскрашеніе находящейся при сей книгѣ 500 экземпляровъ карты (ибо 100 экземпляровъ карты раскрашено было на иждивеніи его с—ва) уплочено изъ суммы вырученной здѣсь коммиссіонерами братьями Слепнинными.

За симъ и пр.

30 сентября 1820,
С.-Петербургъ.

(Оригиналъ. Помѣтка рукою Малиновскаго: получено 8 сентября 1820. Вѣроятно, въ помѣтѣ письма ошибка: «сентября» вм. октября. Ибо и въ текстѣ ссылка на письмо канцлера отъ 12 сентября, когда канцлеръ опять былъ въ Гомелѣ).

№ 44.

Ив. Нестеровичъ Малиновскому.

Его с—во государственный канцлеръ въ письмѣ своемъ отъ 26 минувшаго октября изъволилъ поручить мнѣ: изъ новоотпечатаннаго здѣсь изданія на русскомъ языкѣ Исторіи Льва Діакона, отчисля 50 экземпляровъ въ библіотеку его с—ва на разныя раздачи, остальные затѣмъ 500 экземпляровъ пустить въ продажу здѣсь въ Петербургѣ и Москвѣ для умноженія выручаемаго отъ продажи книгъ капитала состоящей подъ управленіемъ вашего пр—ва Коммиссіи печатанія государственныхъ граматъ и договоровъ. Получивъ отъ г. Круга (подъ надзоромъ коего печаталась сія книга) означенные 500 экземпляровъ, половинное число изъ сего количества немедленно отдалъ въ продажу на коммиссію здѣсь братьямъ Слепнинымъ, а другую половину, т. е. 250, поручилъ имъ же, Слепнинымъ, задѣлавъ бережно въ тюкъ, въ двухъ связкахъ препроводить въ Москву. Цѣну сей книги его с—во предоставилъ мнѣ опредѣлить съ совѣта вашего пр—ва или Ф. И. Круга. Посовѣтовавшись съ послѣднимъ, для скорѣйшаго пущенія оныя въ продажу, мы опредѣлили по 5 рублей. Впрочемъ буде ваше пр—во найти изволите цѣну сію слишкомъ умѣренною; въ такомъ случаѣ можно будетъ и повысить оную.

Изъ числа 50 экземпляровъ, которые внесены въ библіотеку граеческую, его с—во поручилъ мнѣ разослать по экземпляру къ разнымъ особамъ, въ томъ числѣ четыре экземпляра препроводить къ вашему пр—ву, изъ коихъ два экземпляра собственно для васъ, а по экземпляру для врученія отъ имени его с—ва г. Каченовскому и г. Калай-

девичу. Исполняя таковое порученіе, я съ сею же почтою имѣю честь препроводить оные четыре экземпляра къ вашему пр—ву. Между тѣмъ долгомъ своимъ поставляю довесть до свѣдѣнія вашего, что книги сей печатано всего ползавода, т. е. 600 экземпляровъ, изъ коихъ 550, какъ выше показано, выдалъ мнѣ г. Кругъ, а въ остальныхъ затѣмъ 50 экземплярахъ, не давъ мнѣ отчета, вѣроятно, относился письменно къ графу о предоставленіи ему оныхъ.

Вмѣняю себѣ также въ пріятнѣйшую обязанность испросить воли вашего пр—ва: не прикажете-ли, по случаю истеченія сего года, сдѣлать расчетъ съ книгопродавцами, Слепинымъ, сколько продано книгъ, принадлежащихъ Коммисіи, и сколько остается на лицо; на сіе имѣю честь ожидать рѣшенія Вашего.

Затѣмъ и пр. . . . .

Ноября 19 дня
1820 года.
С. Петербургъ.

(Оригиналъ).

№ 45.

Наказъ Малиновскаго чиновникамъ Коммисіи.

. . . . Немедленно приступить къ окончательному изготовленію для III части Собранія назначенныхъ матеріаловъ и отъ сего числа чрезъ двѣ недѣли непремѣнно начать печатаніе I отдѣла . . . . Исключить сокращенія, удержать слова и реченія неприкосновенными касательно старинной грамматической оныхъ перемѣны . . . . Отпечатывать въ недѣлю никакъ не менѣе двухъ листовъ . . . .

1) На отвѣтственности Главнаго Смотрителя лежитъ повѣрка и переправка вновь описей и совершенное во всемъ приготовленіе оригиналовъ къ печатанію, равно и составленіе по алфавиту росписей историческимъ и географическимъ наименованіямъ во всѣхъ трехъ частяхъ.

2) Помощники Главнаго Смотрителя обязаны заняться сверхъ чтенія корректуры . . . . изготовленіемъ актовъ для втораго и третьяго отдѣленій.

3) Главная обязанность контръ-корректора должна состоять въ

предварительной провѣркѣ списковъ съ оригиналами и выправки ихъ, въ чтеніи послѣднихъ корректуръ и вообще въ надзорѣ за исправностію и точностію изданія.

(Отъ 17 января 1821 года. Ср. Переписка Румянцова, № 184. Полностью наказъ этотъ напечатанъ тамъ-же, стр. 356—357. Мы его сохранили оригинальности ради).

№ 46.

В. И. Верхъ канцлеру.

Ваше сіятельство, милостивый государь!

При семъ честь имѣю препроводить къ вашему с—ву опись тѣмъ грамотамъ, о коихъ имѣлъ щастіе увѣдомлять ваше с—во въ послѣднемъ письмѣ моемъ, не взирая на то, что часть изъ нихъ уже напечатана; но остальныя послужатъ богатымъ матеріаломъ для третьяго тома Собранія.

Съ чувствомъ etc. Василій Берхъ.

23 декабря 1820
Пермь

(Въ этой описи перечислены—72 грамоты (1505—1705). Въ концѣ описи идетъ указаніе отличій въ текстѣ грамотъ, напечатанныхъ во II томѣ Собранія, противу оригиналовъ, находящихся у него, Верха, и нѣкоторыя толкованія его. Коммисія отвѣчала на указаніе этихъ недостатковъ, что ею напечатано буквально такъ, какъ стоитъ въ ея архивскихъ спискахъ, а «затѣйливыя чтенія» Верха—кое-гдѣ простыя описки.—О В. И. Верхѣ, флота лейтенантѣ, канцлерѣ въ письмѣ Малиновскому отъ 17 ноября 1819 выражается: «одинъ изъ моихъ пріятелей, жительствующій въ Перми»—Переписка Румянцова, № 144. О нашей описи, «прелюбопытномъ реестрѣ», тамъ-же № 183).

№ 47.

По поднесеніи государю императору 3 части Собранія, Румянцовъ былъ удостоенъ слѣдующаго высочайшаго рескрипта:

«Графъ Николай Петровичъ! Получивъ 3 часть Государственныхъ грамотъ и договоровъ, я увидалъ съ особеннымъ удовольствіемъ новый опытъ неусыпнаго попеченія, прилагаемаго вами къ совершенію изданія

сей полезной книги. Успѣхъ въ дѣлѣ семъ я долженъ приписать ревностному содѣйствію вашему и отличному усердію, коимъ все продолженіе службы вашей и прежде ознаменовано было. Вмѣняя себѣ въ пріятную обязанность возобновить вамъ искреннюю мою признательность, я поручаю вамъ объявить благоволеніе мое трудившимся при изданіи сей книги. Пребываю вамъ всегда благосклоннымъ Александръ.

Каменный Островъ, Августа 2 дня 1822.

(Копія).

№ 48.

4 августа статсъ-секретарь Нессельродъ, управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, извѣщалъ Румянцова:

. . . государь императоръ въ уваженіе ходатайства вашего с—ва за губ. секретаря Калайдовича высочайше повелѣть соизволилъ опредѣлить его въ вѣдомство Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ причисленіемъ къ Московскому ея Архиву и при томъ всемилостивѣйше жалуетъ его кавалеромъ ордена св. Анны третьей степени . . .

(Эта награда—вслѣдствіе «предстательства» Малиновскаго. Ср. Переписку Румянцова, № 215).

№ 49.

П. М. Строевъ канцлеру.

Сіятельный графъ,

Милостивый государь!

Въ 1815 году удостоился я особенной чести, бывъ призванъ вашимъ с—вомъ къ занятію должности Главнаго Смотрителя въ Коммисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Съ того времени я участвовалъ въ изданіи 2 и 3 частей оныхъ; описалъ, по волѣ вашего с—ва, болѣе тысячи рукописей, въ разныхъ монастыряхъ находящихся; издалъ Законы великаго князя Іоанна Васильевича; привелъ къ окончанію печатаніе Временника Софійскаго и по временамъ удостоивался другихъ значительныхъ порученій.

Милостивые и одобрительные отзывы вашего с—ва, словесно и письменно мнѣ неоднократно изъявленные, и орденскій знакъ св. Анны, грудь мою украшающій, суть достаточныя свидѣтельства, что всѣ дѣланныя мнѣ порученія были исполняемы съ точностію, какая только отъ силъ моихъ и способностей зависѣла.

Но неумѣренная страсть къ занятіямъ ученымъ мало по малу растроила крѣпкое до того сложеніе моего тѣла. Отъ напряженнаго чтенія древнихъ рукописей зрѣніе мое начало притупляться примѣтно; всегдашнія трудныя упражненія причинили ослабленіе груди, а сидячая жизнь, при всей молодости лѣтъ моихъ, подвергла частымъ имородіальнымъ припадкамъ. Въ 1820 г. двухмѣсячное пребываніе въ Малороссіи, разсѣянность и движеніе подкрѣпило было значительно тѣлесныя мои силы; но послѣдовавшія затѣмъ безпрерывныя занятія снова растроили мое здоровье. Не знаю, позволитъ ли позднее уже время нынѣшняго лѣта провести хотя недѣли двѣ или три внѣ столицы.

По сей причинѣ я нахожусь внѣ всякой возможности продолжать службу въ настоящемъ моемъ званіи и участвовать въ изданіи 4 части Собранія государственныхъ грамотъ: особенно же когда, по волѣ вашего с—ва, возложено на меня одного составленіе алфавитныхъ росписей, къ ней принадлежащихъ. Сочиняя подобныя росписи къ Временнику Софійскому, я почувствовалъ всю тяжесть сего дѣла и при всемъ усердіи къ скорѣйшему ихъ окончанію, употребилъ на то болѣе десяти мѣсяцевъ. На собственное благоразсужденіе ваше, сіятельный графъ! предоставляю, сколько потребно времени и какихъ трудовъ на подобное предпріятіе для четырехъ частей грамотъ, которыя числомъ печатныхъ листовъ въ шесть разъ превосходятъ Временникъ Софійскій! Растроенное здоровье мое не вынесетъ сего труда утомительнаго и, могу сказать, гибельнаго.

Находясь въ такихъ лѣтахъ, отъ удачнаго употребленія которыхъ зависитъ будущее благосостояніе жизни; при состояніи слишкомъ незначительномъ и съ здоровьемъ, растроеннымъ отъ неумѣреннаго трудолюбія, самая необходимость заставляетъ меня обратить надлежащее вниманіе на улучшеніе перваго и возможное сбереженіе послѣдняго.

Благоволите, сіятельный графъ! изъявить милостивое согласіе ваше на увольненіе меня отъ должности Главнаго Смотрителя, которую растроенное здоровье мое болѣе занимать мнѣ не позволяетъ. При всегдашнемъ отличномъ ко мнѣ расположеніи Алексѣя Ѳедоровича, я нахожусь въ полной увѣренности, что его пр—во изволитъ мнѣ великодушно остаться при Архивѣ, безъ жалованья, на нѣкоторое время,

пока благопріятный случай не расположитъ будущимъ жребіемъ моей жизни и службы.

Да не подумаете, сіятельный графъ, чтобы симъ откровеннымъ представленіемъ невозможности дальнѣйшаго отправленія занимаемой мною должности я имѣлъ въ виду испрошеніе какой либо новой милости отъ вашего с—ва. Исполнять приказанія начальства и ничего не просить было всегдашнимъ правиломъ моей службы.

Съ февраля мѣсяца 1816 г. по настоящее время я получалъ казеннаго жалованья по 600 р. ежегодно. За разныя особенныя порученія я имѣлъ щастіе получить въ разныя времена до 3000 р.; всего около 7000 руб. Разложивъ сію сумму на семь лѣтъ службы моей въ Коммисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ выдетъ не болѣе 1000 р. ежегодно. Простите великодушно, сіятельный графъ, если я симъ неумѣстнымъ расчетомъ осмѣлился обременять милостивое ваше вниманіе. Намѣреніе мое единственно состоитъ въ томъ, чтобы представить вашему с—ву всегдашнюю мою умѣренность и что не какіе либо виды наградъ или прибытка, но единая страсть къ отечественной исторіи и желаніе заслужить лестное для всякаго покровительство вашего с—ва были главною побудительною причинами семилѣтней службы моей подъ высокимъ вашимъ начальствомъ. Могу ли не скорбѣть, оставляя любимѣйшія мои занятія!

Оставляя званіе Главнаго Смотрителя Коммисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ я лишаюсь щастія быть подчиненнымъ особѣ вашего с—ва; но могу ли исключить себя изъ числа Вами благодѣтельствуемыхъ? Да не прекратится чрезъ сіе, сіятельный графъ, милостивое и великодушное ваше мнѣ покровительство! Съ моей стороны, гдѣ-бъ я ни былъ, ревностнѣйшее исполненіе воли и приказаній вашего с—ва будетъ всегдашнею и священнѣйшею моею обязанностію.

Съ особеннымъ къ особѣ вашего с—ва и пр.

Павелъ Строевъ.

17 августа
1822.

(Оригиналъ. Оно напечатано въ извѣстной книгѣ г. Барсукова «П. М. Строевъ», стр. 54—56. Что жаль было разставаться Малиновскому, это ясно. Но канцлеръ ни на минуту не сожалѣлъ, какъ видно изъ слѣд. № 50 лаконическаго письма).

№ 50.

Канцлеръ Малиновскому.

Милостивый государь мой, Алексѣй Федоровичъ!

Главный смотритель при Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ титул. совѣтникъ Строевъ письменно просилъ меня, по причинѣ разстроеннаго здоровья, объ увольненіи отъ должности, имъ занимаемой. Не находя въ томъ съ моей стороны препятствія, представляю Коммиссіи уволить его на законномъ основаніи съ похвальнымъ о службѣ его при оной аттестатомъ, которому, какъ извѣстно вашему пр—ву, онъ точно право имѣетъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ etc.

23 августа
1822 г.

(Оригиналъ).

№ 51.

1 сентября 1822 былъ выданъ Строеву аттестатъ отъ Коммиссіи печатанія:

. . . . должность и поручаемыя отъ начальства дѣла исправлялъ онъ съ примѣрнымъ трудолюбіемъ, отличнымъ усердіемъ и знаніемъ, и велъ себя весьма похвально.

№ 52.

Малиновскій канцлеру.

Сіятельный графъ

Милостивый государь!

По увольненіи г. Строева отъ дѣлъ Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ угодно было вашему с—ву поручить

мнѣ, чтобъ я пріискалъ на упалое мѣсто человѣка съ дарованіями и приличными для Коммисіи знаніями. Въ исполненіе воли вашей выборъ мой палъ на профессора Духовной Академіи Василія Васильевича Херсонскаго. Принялъ отъ него просьбу на Высочайшее имя, послужной списокъ, аттестаты и вновь узаконенную подписку, представляю здѣсь на благоусмотрѣніе ваше.

Не могу умолчать при семъ и объ изъявленномъ мнѣ желаніи отъ г. Калайдовича быть перемѣщеннымъ на ваканцію главнаго смотрителя, а званіе контръ-корректора предоставить г. Херсонскому съ обязанностію имѣть наблюденіе за корректурою, какъ и прежде. Просить о семъ побуждаетъ его одно желаніе пользоваться титуломъ главнаго смотрителя.

Представляя все сіе на благоусмотрѣніе вашего с—ва и испрашивая вашего рѣшенія, имѣю честь etc.

№ 68
12 октября 1822.

(Отпускъ. Представленіе любопытное: какъ глубоко понималъ душу Калайдовича его высокочиновный начальникъ! А разница была даже въ содержаніи: смотритель получалъ постоянное, а не случайное содержаніе . . . Ср. № 54).

№ 53.

Канцлеръ Малиновскому.

Милостивый государь мой, Алексѣй Федоровичъ!

Изъ письма, каковымъ удостоить меня изволили отъ 12 текущаго мѣсяца, усмотрѣвъ, что вы желаете на ваканцію г. Строева принять въ Коммиссію печатанія государственныхъ грамотъ В. В. Херсонскаго, который былъ профессоромъ Духовной Академіи, я не токмо даю на то свое согласіе, но даже прошу васъ сіе привесть въ исполненіе, предсказывая себѣ, по удостовѣренію вашему, всякую пользу Коммиссіи отъ сего чиновника.

Чтоже касается до изъявленнаго вашимъ пр—вомъ желанія г. Калайдовича поступить на ваканцію Главнаго Смотрителя, а г. Херсонскому быть въ званіи контръ-корректора, и ему г. Калайдовичу продолжать смотрѣть по прежнему за корректурой, сіе предоставляю совершенно волѣ вашей; кой часъ оно совмѣстно съ обыкновеннымъ по-

рядкомъ службы. Нельзя не воздать г. Калайдовичу той справедливости, что труды его для Коммиссіи преполезны.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть

вашего превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

Графъ Николай Румянцовъ.

Гомель
20 октября 1822.

(Оригиналъ. Рукою Малиновскаго: «получено 30 октября 1822». Отвѣтъ дипломатическій. Но и Малиновскій понялъ волю канцлера. Ср. слѣд. №. Ср. Переписку Румянцова, № 253).

№ 54.

Концептъ опредѣленія Коммисіи.

. . . . Въ сходственность изъясненнаго на то господиномъ канцлеромъ согласія, опредѣлить его Херсонскаго въ званіе контръ-корректора съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ изъ суммъ выручаемыхъ изъ продажи книгъ; а занимавшаго то мѣсто губ. секретаря Калайдовича, какъ опытнаго въ изданіи актовъ и заслуженнаго уже чиновника, перевесть на вакансію Главнаго Смотрителя, съ жалованьемъ штатнымъ, по 600 же р., назначивъ производство онаго обоимъ съ 20 числа Октября.

(Отпускъ).

№ 55.

Ив. Нестеровичъ Малиновскому

что согласно волѣ канцлера книги отобраны у Сленниыхъ и переданы на коммисію Россійской Академіи коммисіонеру Василію Правильщикову. Далѣе извѣщаетъ, что оправданіе его долгаго молчанія

. . . . болѣзнь моя, потомъ необыкновенныя занятія по службѣ, а равно и трудъ по исправленію японскаго словаря для его-же сіятельства».

С.-Петербургъ,
30 октября 1822.

(Оригиналъ).

№ 56.

Доношеніе Калайдовича Малиновскому.

13 ноября Херсонскій представилъ «сумнѣнія» относительно составленія указателя историческихъ и географическихъ именъ въ Собраніи[1]). Резолюція Малиновскаго: «разрѣшить прописанныя здѣсь сумнѣнія предоставляю Главному Смотрителю». Вслѣдствіе этого 15 ноября Калайдовичъ доносилъ Малиновскому:

По волѣ вашего пр—ва я разсматривалъ представленныя вамъ г. контръ-корректоромъ Херсонскимъ нѣкоторыя затрудненія, встрѣтившіяся при составляемой имъ росписи историческимъ и географическимъ именамъ въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ. Въ разрѣшеніе сихъ затрудненій долгомъ поставляю предложить мое мнѣніе.

На 1-ое: Должно ли цифровать страницу при упоминаніи какого либо достоинства или званія, когда извѣстно къ какому лицу оное относится? — Безъ сомнѣнія должно, ибо здѣсь въ имени достоинства обнаруживается самое лице.

На 2-ое: Названія монастырей и церквей слѣдуетъ ли помѣщать въ указателѣ? — Слѣдуетъ; но лучше въ особенной росписи, по примѣру находящемуся во Временникѣ. Объ иконахъ упоминать не должно.

На 3-іе: Когда извѣстны, къ какому лицу относятся означенныя достоинства или чины, то оныя должны ли имѣть мѣсто въ росписи? — Нѣтъ, ибо такое указаніе ни къ чему не послужитъ.

На 4-ое: Князья великіе и удѣльные, а также и духовныя особы, разнообразно въ грамотахъ подъ именами Іоанновъ и Ивановъ напечатанныя, какъ должны означаться? — Въ семъ случаѣ для единообразія приличнѣе послѣдовать церковному выговору, а всѣ прочія историческія лица помѣстить подъ гражданскимъ названіемъ.

На 5-ое: Не важныя историческія лица, имѣющія отношенія къ другимъ извѣстнымъ, должно-ли показывать въ росписи?— Должно означать всѣ вообще историческія лица, выставляя оныя въ томъ видѣ, въ какомъ находятся въ грамотахъ: Еска, Аѳиней, Юрьевъ и пр. Объясненіе сихъ именъ, если извѣстно, можно вмѣстить въ скобкахъ.

---

[1]) Этотъ указатель былъ заказанъ самимъ канцлеромъ. Еще 20 февр. 1817 онъ писалъ Малиновскому о прибавленіи къ реестру собств. именъ и именъ географическихъ, селъ, деревень и пр. (Переписка Румянцова, № 75). Онъ-же былъ поводомъ къ оставленію Коммисіи Строевымъ.

На 6-е: Имена слободокъ, селъ и деревень вносить ли въ Географическую роспись? — Безъ сомнѣнія.

На 7-ое, 8-ое и 9-ое: Какъ грамоты по составу своему совершенно разнятся отъ лѣтописей и показаніе дѣйствій какого нибудь лица будетъ невозможнымъ, то нужно ли въ семъ случаѣ послѣдовать росписи, къ извѣстному Временнику приложенный? — Не излагая жизни лицъ можно только удовольствоваться при означеніи имени однимъ показаніемъ страницъ, на которыхъ оное упоминается.

Къ сему могу дополнить, что если гдѣ-либо въ описаніи грамотъ встрѣтятся историческія лица и географическія названія, въ самихъ бумагахъ не упоминаемыя, но извѣстныя Коммисіи по другимъ актамъ, то оныя также слѣдуетъ внести въ роспись, оставляя однако историческія примѣчанія, присоединенныя къ нѣкоторымъ грамотамъ, помѣщеннымъ въ I части.

Впрочемъ порядокъ росписи самъ собою откроется можетъ при отдѣльной выпискѣ: 1) историческихъ лицъ, 2) географическихъ названій и 3) именъ монастырей и церквей; теперь же на нѣкоторыя случаи, которыя могутъ встрѣтиться въ послѣдствіи, думаю, нельзя положить правилъ.

Главный Смотритель Константинъ Калайдовичъ.

Резолюція Малиновскаго: «При составленіи Росписи историческимъ и географическимъ именамъ г. Херсонскому принять въ руководство значущіяся здѣсь поясненія, съ которыхъ и дать ему копію. 20 ноября 1822 года».

№ 57.

(Выписки изъ письма гр. Румянцова къ Малиновскому, отъ 12 генв. 1824):

Александръ Ивановичъ[1]) пишетъ ко мнѣ по нынѣшней почтѣ, что не встрѣчается никакого затрудненія вручить вашему пр—ву нужныя деньги на покупку бумаги, для изданія четвертаго тома государственныхъ грамотъ, слѣдовательно, совершенно отъ васъ зависитъ заказать теперь же сію бумагу. Я хвалю осторожность вашу, съ каковою хотите

---

[1]) Т. е. Яниш, управляющій канцлера.

поступить при покупкѣ бумаги, т. е. умножить количество оной еще 25 стопами клѣеной и такихъ же числомъ неклееной, чтобы не было въ ней недостатку.

Съ подлиннымъ вѣрно: колежскій ассессоръ Колосовъ.

№ 58.

Канцлеръ Малиновскому.

Обычное извѣщеніе о полученіи приходо-расходныхъ книгъ за 1823 годъ:

.... Я нашедъ ее въ достодолжной исправности свидѣтельствую вашему пр—ву благодарность, за попеченіе ваше о таковомъ порядочномъ теченіи дѣлъ сей Коммиссіи. При томъ же письмѣ вашего пр—ва я также съ признательностію получилъ разныя вѣдомости о распродажи книгъ.

Гомель, 25 генваря 1824 г.

(Оригиналъ).

№ 59.

Малиновскій канцлеру.

«Утверждено государственнымъ канцлеромъ 5 іюля 1824.»

Такъ какъ четыре части государственныхъ грамотъ заключаютъ бумаги внутреннія, то для удостовѣренія читателей въ древности документовъ и для показанія образа письма въ разныхъ столѣтіяхъ нахожу должнымъ испрашивать соизволенія вашего с—ва: не благоугодно ли будетъ приказать Коммиссіи, отобравъ важнѣйшія изъ грамотъ, идущихъ непрерывно чрезъ цѣлыя пять столѣтій, отдать для награвированія по нѣсколько строкъ съ каждой, расположа все сіе на пять таблицахъ: на I-й помѣстятся почерки трехъ единственныхъ въ нашемъ Архивѣ грамотъ XIII вѣка, на II, III, IV и V съемки письменъ взятые изъ начала, средины и конца XIV, XV, XVI и XVII столѣтій.

Такимъ образомъ ваше с—во сверхъ незабвенной заслуги, принесенной отечественной дипломатикѣ, окажете другую—положивъ начала Словено-россійской Палеографіи.

(Отпускъ, рукою Калайдовича. На испрашиваемое гравированіе Румянцовъ ассигновалъ 2.207½ рублей. (Изъ Дѣлъ Коммиссіи).

№ 60.

Донощеніе Коммисіи канцлеру.

7 іюля 1824 Коммисія испрашивала разрѣшенія—

присоединять ли замѣченныя неисправности (въ I томѣ) въ поправкахъ при IV части, или вовсе умолчать объ оныхъ?

Канцлеръ указалъ присоединять.

(Отпускъ).

№ 61.

Канцлеръ Малиновскому.

Милостивый государь мой, Алексѣй Ѳеодоровичъ!

Получивъ при письмѣ, каковымъ меня ваше пр—во удостоить изволили 4 маія, прошеніе на высочайшее имя, по которому домогается подъ предстательствомъ вашимъ, милостивый государь мой, увольненный императорской медико хирургической Академіи изъ Московскаго отдѣленія канцеляристъ Иванъ Ивановъ сынъ Остроумовъ поступить въ Коммисію печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ на ту ваканцію, которую въ ней оставилъ по выходѣ своемъ г. Колосовъ, я съ большимъ удовольствіемъ сей вашъ выборъ утверждаю и на таковое помѣщеніе даю согласіе. Просьбу же г. Остроумова и приложенную къ оной копію съ аттестатомъ здѣсь къ вамъ возвращено.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр.

Графъ Николай Румянцовъ.

Гомель
19 маія 1825 г.

(Оригиналъ).

№ 62.

Востоковъ Калайдовичу.

Милостивый государь Константинъ Ѳедоровичъ!

Препровожденныя Вами ко мнѣ, по опредѣленію г. Управляющаго Коммисіей печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ книги для внесенія въ библіотеку его с— ва господина канцлера, а именно: изданіе

Бандке Мартина Галла и 22 Академическихъ упражненія Варшавскаго университета, при письмѣ вашемъ отъ 1 сентября мною исправно получены, о чемъ увѣдомляю васъ, пользуясь случаемъ къ засвидѣтельствованію Вамъ совершеннаго почтенія и преданности, съ каковыми имѣю честь быть вашъ

милостивый государь
покорный слуга
А. Востоковъ.

С.-Петербургъ
10-го сентября 1825.

P. S. Канцлеръ показывалъ мнѣ письмо ваше къ нему, въ коемъ извѣщаете его о сдѣланныхъ Вами во время послѣдней поѣздки Вашей находкахъ, какъ то: о Евангеліи XIII в., о Номоканонѣ 1309 г. и о другихъ рукописяхъ. Жаль, что первыя двѣ рукописи не продаются, а ихъ то и желательнѣе бы было имѣть, особливо Номоканонъ. Не списали ли Вы, по крайней мѣрѣ, для себя оглавленія статей, въ ономъ содержащихся, и не можете ли сказать, къ какому разряду кормчихъ принадлежитъ этотъ Номоканонъ, къ болгарскому или къ русскому?

(Оригиналъ).

№ 63.

Разныя свѣдѣнія объ изданіяхъ Комиссіи.

Въ декабрѣ 1821 г. Прилуцкій извѣщалъ Малиновскаго, что 4-го декабря онъ принялъ изъ типографіи Селивановскаго «Памятники россійской словесности XII в.»—на веленевой 27, на простой 568 экземпляровъ.

Въ 1821 году I части Собранія было продано только 18 экземпляровъ, а всего—по 1 января 1822 г.—388 экземпляровъ. Осталось еще 658 экземпляровъ.

Къ 1 января 1822 г. II части продано 367 экз., осталось на веленевой 405, на простой 428 экз.

» » » » » Древнихъ россійскихъ Стихотвореній — 310 экз., осталось на вел. 37, на простой 253 экз.

» » » » » Судебника — 279 экз., осталось на простой 321 экз.

Къ 1 января 1822 г. Рустрингіи — 178 экз.; осталось на просто 122 экз.

» » » » » Исторіи Лерберга — 17 экз.; осталось на простой 283 экз.

» » » » » Записки объ Азіи, Назарова (изд. Нестеровичъ, С.-Петербургъ въ 1821 году) — 4; осталось на простой 246 экз.

» » » » » Исторіи Льва Діакона — 41 экз.; осталось на простой 210 экз.

» » » » » Памятниковъ Россійской Словесности — 59 экз.; осталось на простой 536 экз.

» » » » » Опыта о посадникахъ Новгородскихъ—43 экз.; осталось на веленевой 15, на простой 569 экз.

Главнымъ заборщикомъ новыхъ изданій былъ самъ канцлеръ, для раздачи. Каченовскому—всегда, по волѣ канцлера, отсылался одинъ экземпляръ изданій.

Въ Петербургѣ также немного было спроса на изданія. 26 января 1822 г. извѣщаетъ Нестеровичъ Малиновскаго: «какъ въ Коллегіи, такъ равно и въ лавкахъ Сленинныхъ, продано въ теченіе минувшаго года столь малое количество, какого и ожидать было нельзя» (Дѣла 1822 г.).

Въ Августѣ 1822 г. Прилуцкій доносилъ Малиновскому, что 18 числа онъ принялъ изъ типографіи Селивановскаго III-ью часть Собранія: велейновой 502 экземпляра, на простой бумагѣ 574 экземпляра.

По выходѣ въ свѣтъ III-ей части «Собранія» опять циркулярное предложеніе отъ Малиновскаго архіереямъ. — Кромѣ того онъ съ тѣмъ же обратился къ греко-унитскимъ духовнымъ властямъ: суффрагану Литовско-Виленской митрополіи Оршанскому епископу, Браславскому архимандриту Адріану Головнѣ, администратору Полоцкой епархіи, архимандриту Исаіѣ Шулякевичу, Луцкому епархіальному епископу Іакову Окелло-Мартусевичу, и суффрагану Брестской епархіи, Владимірскому епископу, Супральскому архимандриту Леону Яворовскому.

Архіепископъ Димитрій Кишиневскій выслалъ 75 р. на «Собраніе» и 6 руб. на «Льва Діакона», съ припиской: «есть ли что нибудь отъ пересылки останется изъ сихъ денегъ, то оные не оставьте отдать неимущимъ» (Кишиневъ, 6 декабря 1822).

---

3 мая 1823 г. Прилуцкій доносилъ Малиновскому, что изъ числа 300 напечатанныхъ экземпляровъ «Письма объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи г. Калайдовича» принято имъ 120 экземпляровъ для продажи, а «остальные розданы безденежно».

Въ 1824 вышли «Ексархъ» и «Бѣлорусскій Архивъ».

Перваго изданія канцлеръ потребовалъ для себя 48 экземпляровъ, «сочинителю» подарилъ 30 экземпляровъ, по 1 экз. назначилъ: Каченовскому, Ермолаеву, Востокову, Погодину и П. И. Кеппену.

Втораго изданія: для себя — 42 экз., отцу І. Григоровичу — 51 экз.; по 1 экз. тѣмъ же, но съ пропускомъ Погодина.

Изъ отношенія въ Правленіе Новоіерусалимскаго монастыря отъ 10 декабря 1825 г. видно, что уже 21 октября былъ отправленъ туда изъ Коммисіи Изборникъ 1073 года.

---

2 декабря 1825 Прилуцкій доносилъ Коммисіи, что имъ принято тогда изъ типографіи Селивановскаго на велейновой бумагѣ 48, на простой 537 экземпляровъ книги: «Кириллъ и Меѳодій, словенскіе первоучители». Всего же отпечатано было 600 экземпляровъ.

Къ концу 1825 въ наличности «Ексарха» было еще 360 экземпляровъ.

Эти «Матеріалы» извлечены изъ тѣхъ-же «Записныхъ тетрадей», что и «Приложеніе» I, соотвѣтствующихъ годовъ.

. III .

Н. И. ГРЕЧЪ П. И. КЕППЕНУ

о своихъ грамматикахъ русскаго языка.

1827.

О Грамматикахъ Н. И. Греча.

Получено отъ Н. И. Греча 31-го апрѣля 1827 года[1]).

Движимый усерднымъ желаніемъ споспѣшествовать, по мѣрѣ силъ и способностей моихъ, вожделѣнному успѣху великаго дѣла преобразованія нашихъ учебныхъ заведеній и средствъ, изъявилъ я въ Октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1826 года Г. Предсѣдателю Комитета составленія учебныхъ пособій, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику А. А. Перовскому готовность мою составить изъ имѣющихся у меня многихъ матеріаловъ два руководства къ Русской Грамматикѣ, одно для училищъ низшаго разряда, другое для высшихъ училищъ, напримѣръ нынѣшнихъ Гимназій[2]). Г. Предсѣдатель весьма благосклонно принялъ сіе предложеніе, довелъ объ ономъ до свѣдѣнія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, и внесъ представленный мною опытъ въ помянутый Комитетъ. Надлежало приступить къ разсмотрѣнію онаго; но здѣсь встрѣтилось первое препятствіе: Главный Комитетъ, по предложенію Г. Министра Просвѣщенія, нашелъ, что Комитетъ учебныхъ пособій не можетъ одинъ разсмотрѣть и одобрить такой важной книги, какова Грамматика, и прикомандировалъ къ оному Разсматривательный Комитетъ Императорской Россійской Академіи. Узнавъ о семъ отъ Г. Предсѣдателя, я объявилъ, что охотно подвергаю свои труды на разсмотрѣніе кому угодно, и просилъ о присоединеніи къ Разсматривательному Комитету еще одного члена Академіи, Надворнаго Совѣтника А. Х. Востокова, который, по моему мнѣнію, своими основательными и глубокими свѣдѣніями въ Славянскихъ языкахъ, могъ быть весьма полезенъ въ споспѣшествованіи успѣху общаго труда.

---

[1]) Рукою П. И. Кеппена и общее заглавіе рукописи, на обертѣ, и отмѣтка полученія. Прим. изд.

[2]) См. приложеніе А.

Приготовленія къ сему дѣлались два мѣсяца слишкомъ. Наконецъ послѣдовало первое засѣданіе обоихъ помянутыхъ Комитетовъ, подъ предсѣдательствомъ г. Перовскаго, 11-го Генваря сего года. Въ ономъ присутствовали: Члены Комитета учебныхъ пособій: Г.г. Соколовъ, Толмачевъ, Стойковичъ, Грефе, Чижовъ; Члены Академіи: Карабановъ, Никольскій, Князь С. А. Шихматовъ, Востоковъ. Прочитавъ небольшое вступленіе, въ коемъ я изложилъ предначертанную мною методу и избранныя мною для достиженія предполагаемой цѣли средства, началъ я чтеніе Руководства для высшихъ училищъ. Оное было прерываемо почти на каждомъ словѣ насмѣшками и странными замѣчаніями Г.г. Соколова и Толмачева; одинъ утверждалъ, что у насъ нѣтъ Этимологіи; что буквы *скз* не превращаются въ *щ*, слѣдовательно, что надлежало бы говорить *искать*, *искаю*, а не *ищу*; что вообще измѣненіе согласныхъ буквъ (на коемъ устроена вся этимологія) есть вздоръ; другой твердилъ, что слово *море* происходитъ отъ слова *мокрый*, что *село* происходитъ отъ *сѣдла*, и т. д. Съ величайшимъ трудомъ были прочитаны 43 параграфа большаго, 19 малаго Руководства. За симъ Г. Предсѣдатель предложилъ отдать рукопись на разсмотрѣніе Г.г. Членамъ порознь и, по согласію Комитета, вручилъ оную Г. Востокову. Я былъ симъ окончаніемъ весьма доволенъ, ибо совершенно довѣряю благонамѣренности, правдушію, уму и познаніямъ сего почтеннаго Члена Академіи. Такъ кончилось сіе первое засѣданіе, и я тщетно ждалъ втораго.

По истеченіи четырехъ почти недѣль былъ я приглашенъ Г. Предсѣдателемъ, и получилъ отзывъ, что въ сіе время было нѣсколько засѣданій, на которыя не приглашали меня для того, чтобъ присутствіемъ моимъ не стѣснять членовъ въ ихъ сужденіяхъ, что Г. Востоковъ сдѣлалъ къ моимъ Руководствамъ многія, весьма важныя замѣчанія, коими совершенно опровергается моя система, и на которыя я вѣроятно не соглашусь. Я отвѣчалъ, что охотно приму всякое справедливое замѣчаніе и онымъ воспользуюсь, свою справедливость, въ случаѣ неосновательности замѣчаній, постараюсь доказать, а гдѣ нѣтъ большой разницы, тамъ охотно пожертвую своимъ авторскимъ самолюбіемъ удовольствію Членовъ и успѣху общаго дѣла. На просьбу мою о сообщеніи мнѣ сихъ замѣчаній, Г. Предсѣдатель объявилъ, что оныя будутъ мнѣ объявлены по разсмотрѣніи *всей* Грамматики моей. Я и на это согласился. На той же недѣлѣ увидѣлся я вновь съ Г. Предсѣдателемъ, и узналъ, что по множеству и важности представленныхъ на мои опыты замѣчаній, оныя сдѣлались болѣе трудомъ Комитета, нежели моимъ

собственнымъ. Я изумился симъ отзывамъ и не зналъ, что отвѣчать; но потомъ, видя, что мой трудъ не удостоенъ одобренія, и не желая чтобъ плоды многолѣтнихъ моихъ занятій достались въ чужія руки, обратился къ Г. Предсѣдателю письменно (14 февраля) и просилъ о возвращеніи моихъ рукописей, кои, какъ онъ объявилъ мнѣ, не могутъ быть приняты Комитетомъ[1]). Не получая отвѣта, я повторилъ сію просьбу (21 февраля) и въ сей разъ изложилъ весь ходъ дѣла, прося позволенія, если Комитетъ не въ правѣ отдать мнѣ мою собственность, просить о томъ Г. Министра[2]). Чрезъ два дня (23 февраля) получилъ я мои рукописи при письмѣ Г. Предсѣдателя, служившемъ отвѣтомъ на первое письмо мое отъ 14 февраля[3]).

Симъ, казалось, дѣло кончилось. Между тѣмъ, желая воспользоваться замѣчаніями столь умнаго и ученаго человѣка, каковъ Г. Востоковъ, я обратился къ нему съ просьбой о сообщеніи мнѣ оныхъ, и онъ потрудился доставить мнѣ копію. Я распечаталъ пакетъ съ трепетомъ, думая, что прочту смертный приговоръ моимъ двадцати-двухлѣтнимъ трудамъ; но каково было мое удивленіе, когда я усмотрѣлъ, что Г. Востоковъ не нашелъ ничего противнаго въ моей системѣ, что онъ сдѣлалъ на 70 параграфовъ только 22 замѣчанія, изъ коихъ одна часть относилась къ ошибкамъ писца, другая происходила отъ того, что онъ при бѣгломъ разсматриваніи не успѣлъ вникнуть въ ходъ моихъ мыслей, а я не имѣлъ возможности объяснить онаго; нѣкоторыя его замѣчанія относились къ перемѣнѣ выраженій; иныя, сколько мнѣ кажется, были неосновательны, а три или четыре справедливы и важны: я принялъ бы оныя охотно и съ истинною благодарностью[4]).

Такимъ образомъ, на основаніи легкихъ, впрочемъ благонамѣренныхъ, замѣчаній, отринутъ трудъ, который могъ бы принести великую пользу! Говорю это теперь смѣло, ибо Члены Комитета, при всемъ стараніи и усердіи своемъ, не могли найти въ моихъ Руководствахъ никакихъ ошибокъ и недостатковъ, а справедливыя замѣчанія и существенныя поправки Г. Востокова, которыя принялъ бы я съ благодарностію, придало бы моему труду вящшую цѣну. Теперь бѣдные наши ученики и учители должны будутъ, по прежнему, довольство-

---

[1]) См. приложеніе B.
[2]) См. приложеніе C.
[3]) См. приложеніе D.
[4]) См. приложеніе E.

ваться недостаточными книгами Г.г. Соколова и Толмачева, служившими донынѣ основаніемъ въ обученіи Русскому языку ко вреду нашей Словесности.

А. Письмо Греча къ Его Пр—ву А. А. Перовскому, писанное въ октябрѣ 1826 года.

М. Г. Алексѣй Алексѣевичъ!

Имѣя желаніе посильными трудами моими споспѣшествовать достиженію общеполезной цѣли, предположенной при учрежденіи Комитета для составленія учебныхъ пособій, принимаю смѣлость утрудить Ваше Превосходительство всепокорнѣйшею просьбою о представленіи Комитету сему прилагаемыхъ у сего трудовъ моихъ по части Русской Грамматики.

Во-первыхъ, имѣю честь представить отпечатанные 13 листовъ полной Русской Грамматики, составляемой мною въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ: первая часть оной изготовлена будетъ къ новому году и тогда выйдетъ въ свѣтъ. Сіи листы могутъ показать Комитету правила, мнѣнія и опыты, коими я руководствуюсь въ грамматическихъ трудахъ своихъ. По мѣрѣ отпечатанія послѣдующихъ листовъ, не премину представить оные Вашему Превосходительству.

Во-вторыхъ, рукописное извлеченіе изъ помянутой полной Грамматики, заключающее въ себѣ введеніе, Этимологію общую, а изъ частной главу объ именѣ существительномъ. На сіе-то сочиненіе желаю я преимущественно обратить благосклонное вниманіе Комитета. Извлеченіе сіе есть опытъ учебной Русской Грамматики для Гимназій и другихъ среднихъ училищъ. При составленіи онаго руководствовался я вообще слѣдующими главными правилами:

1. Составить краткое, но ясное и полное Руководство къ Русской Грамматикѣ, которое заключало-бы въ себѣ всѣ правила и послѣдствія всѣхъ изысканій, заключающихся въ Грамматикѣ полной, такъ, чтобъ сія послѣдняя служила толкованіемъ и поясненіемъ для учителя.

2. Наблюдать строжайшій порядокъ и надлежащую постепенность въ изложеніи правилъ; не упоминать ни о чемъ такомъ, что прежде не было опредѣлено и истолковано.

3. Излагать правила только нынѣшняго Русскаго языка, не уклоняясь къ Славянскому и не дѣлая сравненій съ другими языками:

первое предоставляется собственно Славянской Грамматикѣ, а послѣднее заключается въ упомянутомъ полномъ курсѣ.

4. Въ раздѣленіи и опредѣленіяхъ держаться Всеобщихъ Грамматикъ Сильвестра де Саси и Бернарди; относительно же собственно Русскаго языка придерживаться правилъ Ломоносова и Словаря Россійской Академіи (заимствуя при томъ все хорошее и изъ другихъ Грамматикъ), а въ практикѣ, особенно для составленія правилъ Синтаксиса и Орѳографіи, слѣдовать примѣрамъ, даннымъ въ Исторіи Государства Россійскаго Карамзина, съ нѣкоторыми не важными отъ оныхъ уклоненіями.

5. Держаться существующей у насъ Грамматической терминологіи, и вводить новыя выраженія только тамъ, гдѣ прежде не было никакихъ.

6. Прилагать все стараніе о собраніи и ясномъ изложеніи всѣхъ извѣстныхъ мнѣ, по долговременной практикѣ, правилъ и замѣчаній, облегчающихъ изученіе языка и употребленіе онаго, изустное и письменное.

Вотъ главныя правила, служившія мнѣ при составленіи сей книги. Если Комитету угодно будетъ заняться разсмотрѣніемъ оной, то я съ величайшею благодарностію приму всякое указаніе моихъ частныхъ ошибокъ и недостатковъ; въ разсужденіи же всей системы желалось бы мнѣ имѣть письменныя возраженія, для того, чтобъ отвѣчать на оныя такимъ же образомъ.

Когда Комитетъ по сему началу найдетъ трудъ мой небезполезнымъ, то я по письменному приглашенію Вашего Превосходительства охотно приму на себя довершеніе онаго, для представленія на окончательное сужденіе Комитета. Но какъ сія Грамматика составлена не для начинающихъ, а для учениковъ Гимназическихъ, имѣющихъ уже нѣкоторое о правилахъ языка понятіе, то я, если сего пожелаетъ Комитетъ, съ удовольствіемъ приму на себя составленіе и Начальныхъ правилъ оной для училищъ уѣздныхъ, такимъ образомъ, чтобъ сіи начальныя правила служили приготовленіемъ и вступленіемъ къ сей пространной Грамматикѣ, и между тѣмъ сами составляли нѣчто полное и цѣлое.

Въ случаѣ одобренія сихъ трудовъ и предположеній моихъ, не испрашиваю себѣ отъ Комитета никакихъ наградъ или денежной платы, а принимая сверхъ того на себя и редакцію съ печатаніемъ сихъ курсовъ, прошу только о введеніи оныхъ въ училища, съ тѣмъ, чтобъ я по требованію училищныхъ начальствъ доставлялъ онымъ потребное число экземпляровъ за опредѣленную самую умѣренную плату. Въ томъ

время принимаю я на себя переводъ и изданіе сихъ двухъ Курсовъ на языкахъ Нѣмецкомъ, Польскомъ, Шведскомъ и Ново-Греческомъ, для введенія единственнаго способа преподаванія Русскаго языка во всѣхъ областяхъ Россійской имперіи.—При каждомъ новомъ изданіи принимаю на себя исправленіе замѣченныхъ въ прежнихъ ошибокъ и дополнять недостатки, представляя о каждой существенной перемѣнѣ Комитету учебныхъ пособій.

Въ ожиданіи благосклоннаго отвѣта Вашего Превосходительства на сіе усердное приношеніе общеполезныхъ трудовъ моихъ, честь имѣю пребыть и пр.

B. Письмо Греча къ А А. Поповскому, отъ 14 февраля 1827.

М. Г. Алексѣй Алексѣевичъ.

При свиданіи нашемъ въ прошедшую пятницу, вы изволили объявить мнѣ, что по числу сдѣланныхъ Членами Комитета учебныхъ пособій въ представленныхъ мною руководствахъ къ Русской Грамматикѣ поправокъ и перемѣнъ, сіи Руководства сдѣлались ужъ сочиненіемъ самихъ членовъ. Видя изъ сего, что трудъ мой былъ совершенно лишній, и не желая утруждать Комитета разсмотрѣніемъ сихъ ничтожныхъ опытовъ, всепокорнѣйше прошу ваше Превосходительство возвратить мнѣ рукописи оныхъ Руководствъ. Имѣю честь и пр.

C. Другое письмо, отъ 21 февраля.

М. Г. Алексѣй Алексѣевичъ!

Не удостоясь отвѣта на письмо, которымъ я безпокоилъ Ваше Превосходительство отъ 14 сего мѣсяца, принимаю смѣлость повторить заключавшуюся въ ономъ всепокорнѣйшую просьбу мою о возвращеніи мнѣ рукописи двухъ Руководствъ къ Русской Грамматикѣ, представленныхъ мною въ Комитетъ составленія учебныхъ пособій. При семъ случаѣ неизлишнимъ считаю вкратцѣ изложить ходъ сего дѣла.

Въ концѣ октября прошлаго 1826 года утрудилъ я Ваше Превосходительство письмомъ, въ коемъ представилъ желаніе мое быть полезнымъ оному Комитету плодами многолѣтнихъ трудовъ моихъ по Русской Грамматикѣ.

Ваше Превосходительство изволили благосклонно принять мое предложеніе 11-го января сего года былъ я приглашенъ въ засѣданіе помянутаго Комитета, въ которомъ присутствовали и Члены Разсматривательнаго Комитета Императорской Россійской Академіи. Не имѣю надобности повторять подробностей сего засѣданія. Въ заключеніе онаго вы поручили одному члену взять мои рукописи на разсмотрѣніе. Съ того времени ждалъ я приглашенія на вторичное засѣданіе, но тщетно: я полагалъ, что Комитету, за другими дѣлами, нѣкогда заниматься Грамматикою; но каково было мое удивленіе, когда я въ февралѣ узналъ отъ Вашего Превосходительства, что въ Комитетѣ было уже нѣсколько засѣданій, на которыя меня не приглашали, что на мои Руководства сдѣлано множество замѣчаній, что оныя совершенно передѣланы, и такимъ образомъ сдѣлались болѣе сочиненіемъ Членовъ Комитета, нежели моимъ.

Не могу входить въ оправданіе и защиту моихъ трудовъ, ибо замѣчанія и поправки гг. Членовъ Комитета не были мнѣ сообщены, слѣдственно мнѣ вовсе неизвѣстны. Соглашаюсь даже, что опыты мои могутъ быть недостойны вниманія Комитета, который конечно имѣлъ достаточныя причины къ опроверженію оныхъ во всѣхъ пунктахъ. Прошу только о возвращеніи моихъ рукописей, какъ неотъемлемой моей собственности.

Комитетъ не можетъ уклониться отъ сего возвращенія подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ употребилъ нѣсколько времени и много трудовъ на передѣлку моихъ Руководствъ. Не я тому причиною: если бы меня приглашали въ засѣданія, то сіе дѣло было бы рѣшено безъ дальнѣйшаго затрудненія въ самомъ началѣ. При томъ же я представилъ мои Руководства только на разсмотрѣніе Комитета, а отнюдь не на поправку.

Можетъ быть, что по правиламъ, коими Комитетъ въ дѣлахъ своихъ руководствуется, оный не имѣетъ права возвращать поступившія на его разсмотрѣніе рукописи. Въ семъ случаѣ позвольте мнѣ обратиться съ просьбой къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія.

Въ ожиданіи удостоенія меня благосклоннымъ отвѣтомъ, честь имѣю пребыть и пр.

D. Отвѣтъ Г. Перовскаго, отъ 23 февраля.

Милостивый государь мой, Николай Ивановичъ.

Согласно положенію Комитета разсмотрѣнія учебныхъ пособій, состоявшемуся въ слѣдствіе письма вашего ко мнѣ отъ 14 сего Февраля

и утвержденному г. Предсѣдателемъ Комитета устройства учебныхъ заведеній, возвращаю при семъ доставленныя вами мнѣ въ рукописи два Руководства ваши къ Россійской Грамматикѣ, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ

вашимъ,
милостивый государь мой,
покорнѣйшимъ слугою
Алексѣй Перовской.

№ 82
22 февраля
1827

Его Высокобл.
Н. И. Гречу.

P. S. При семъ и третія не переплетенная рукопись.

Е. Замѣчанія Г. Востокова съ отвѣтами Греча.

Замѣчанія Г. Востокова.	Возраженія Г. Греча.
1. Къ § 2-му. Нужно ли въ Грамматикѣ изъяснять значеніе словъ *говорить* и *писать*, которыя понятны всякому ребенку? Если нужно таковое истолкованіе, то не будетъ ли приличнѣе помѣстить оное въ видѣ приложенія къ 1-му § не дѣлая изъ онаго особаго §-фа?	1. Нужно. Всякое слово требуетъ опредѣленія. Къ тому же сей § 2 служитъ переходомъ отъ 1-го къ 3-му и составляетъ необходимую между оными связь: въ примѣчаніи сія связь потеряется.
2. Къ § 3-му. *Этимологія общая* и *этимологія частная* кажутся мнѣ терминами не довольно опредѣленными, и при томъ такими, безъ коихъ весьма хорошо обойтись можно. Сіе доказалъ самъ сочинитель, не употребивъ ихъ въ Начальныхъ правилахъ Русской Грамматики. Почему бы и здѣсь не изложить § 3-й такимъ обра-	2. Въ начальныхъ правилахъ нѣтъ сихъ словъ потому, что въ сихъ правилахъ нѣтъ общей этимологіи. Я согласенъ перемѣнить сіи названія, но мнѣ кажется, что предлагаемые Г. Востоковымъ термины недостаточны, ибо во второй части заключается равномѣрно произведеніе словъ въ отношеніи къ раздѣленію оныхъ на части рѣчи.

зомъ: «Русская Грамматика раздѣляется на 5 слѣдующихъ частей:

1. О произведеніи словъ.
2. О частяхъ рѣчи.
3. О сочиненіи словъ.
4. О произношеніи словъ.
5. О правописаніи.

Если скажемъ: 1. Произведеніе словъ вообще, 2. Произведеніе словъ въ видѣ частей рѣчи; то выйдетъ прежнее, только длиннѣе.

3. Къ § 6-му. «Слова, то есть слышимые звуки» можно бы прибавить: «или звукосочетанія».

3. Можно прибавить, можно и оставить.

4. Къ § 29. Въ семъ § сказано, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ буквы гласныя измѣняются по произволу употребленія, и въ примѣръ сему приводятся:

«*а* превращается въ *о*, преимущественно въ слогахъ *ла*, *ра*: гладъ, голодъ, стражъ, сторожъ, равный, ровный». Но здѣсь смѣшаны слова двухъ разныхъ нарѣчій, церковно-славянскаго и русскаго, о коихъ нельзя сказать, чтобы онѣ измѣнялись одно на другое, или по произволу были бы употребляемы одно вмѣсто другаго. Одно имѣетъ мѣсто въ важномъ слогѣ, другое въ простомъ и разговорномъ.

Такая же разность нарѣчій въ словахъ *единъ*, *одинъ*, *видишь*, *видишь*, *завтра*, *завтра*.

Что касается до примѣровъ: *ростъ*, *расту*, *говорилъ*, *говаривалъ*, *лежать*, *ложа*, *сяду*, *сѣлъ*, *стужа*, *стынуть*, *духъ*, *дыханіе*, *палецъ*, *пальца*, *паекъ*, *пайка*, то и въ нихъ измѣненіе гласныхъ не есть произвольное, но зависитъ отъ

4. Замѣчаніе справедливое и оно находится у меня въ полной Грамматикѣ. Здѣсь же я не смѣлъ говорить объ ономъ, ибо о различіи Славянскихъ діалектовъ не упоминается въ семъ меньшемъ курсѣ. И *стражъ* и *сторожъ*, и *хладъ* и *холодъ* употребляются въ Русскомъ языкѣ. Еще менѣе можно говорить въ учебной книгѣ Грамматики о различіи слоговъ высокаго и низкаго.—Я назвалъ сію измѣняемость произвольною потому, что оная не слѣдуетъ никакимъ *общимъ* правиламъ: въ *частной* же этимологіи оная подробно изложена въ надлежащихъ мѣстахъ.

извѣстныхъ правилъ словопроизводства, которыя надлежитъ искать, вникая въ строеніе языка.

5. Въ пунктѣ 5 показано измѣненіе *о* въ *у* примѣрами: супругъ, супясь: но тутъ нѣтъ измѣненія; ибо *су* и *со* (или *съ*) два разные предлога, не происходящіе другъ отъ друга, хотя ихъ и смѣшиваютъ иногда неправильно. Они имѣютъ различное значеніе.

6. Въ § 30, пунктъ 4. «*т* превращается и въ *щ*, напримѣръ: *обратить*, *обращу*»; но здѣсь замѣтить должно, что сіе бываетъ только въ словахъ заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго.

7. Въ пунктѣ 6 сказано: «Кромѣ сего и пр. . . . (о глаголахъ —*ть*). Ежели здѣсь есть превращеніе, то не въ *ст*, а въ *с*; ибо *ть* есть только окончаніе неопредѣленнаго наклоненія, общее всѣмъ глаголамъ. Но можетъ быть здѣсь только выкидываются буквы *б*, *д*, *н*, *т* предъ окончаніемъ — *ть*, также какъ *д*, *т* выкидываются предъ *л*, напр. клалъ, плелъ, вмѣсто кладлъ, плетлъ.

8. Къ § 34. Въ прошломъ засѣданіи предложено было назвать слоги съ ударѣніемъ *высокими*, а безъ ударенія низкими (вмѣсто прежняго несвойственнаго названія долгихъ и короткихъ). Но такъ какъ *слогомъ высокимъ* называется и Style Sublime, то чтобъ не выходило недоразумѣній отъ одинаковаго названія двухъ предметовъ

5. Я этого не зналъ. Мнѣ казалось, что предлогъ *су* есть испорченный, *со*; напримѣръ у насъ говорятъ: *сумнѣніе*, *супостатъ*, вмѣсто: сомнѣніе, сопостатъ (!).

6. Здѣсь повторяю сказанное въ отвѣтъ на 4-е замѣчаніе: я не смѣю говорить о церковно-славянскомъ языкѣ.

7. Дѣльно. Охотно соглашаюсь.

8. Это замѣчаніе относится не ко мнѣ: термины: *высокій* и *низкій* предложены были членами Комитета.

столь различныхъ, не лучше-ли назвать слогомъ *повышаемымъ* такой слогъ, на коемъ удареніе, и *понижаемымъ* слогъ безъ ударенія.

9. Къ § 46. Вмѣсто: «качество или свойство» можно бы сказать *принадлежность*, а потомъ опредѣлить значеніе сего слова такимъ образомъ: принадлежность предмета есть: либо качество онаго, т. е. такое явленіе, которое *постоянно* соединено съ видомъ предмета, — либо дѣйствіе или состояніе, которое предмету *временно* принадлежитъ. Слова, означающія качество, называются собственно именами прилагательными; означающія же дѣйствіе или состояніе, называются причастіями.

9. На сію перемѣну я не могу согласиться. Если-бы гг. Члены потрудились заглянуть въ статью объ именахъ прилагательныхъ, то увидѣли-бы, что у меня называютъ *принадлежность* имена прилагательныя, напримѣръ: *отцевъ, женинъ*, а качество выражается именами прилагательными качественными. — *Нарѣчіе дѣйствующее* есть описка; надлежало сказать: «нарѣчіе, коимъ выражается качество качества (!) дѣйствующее».

Въ § 47 вмѣсто «качество» поставить *принадлежность*, а къ слову «*дѣйствіе*» прибавить или *состояніе*.

Въ § 48 вмѣсто «нарѣчіе дѣйствующее» лучше сказать: *нарѣчія дѣйствія или состоянія*.

10. § 55. a) и b). Не нужно кажется изъяснять, что значитъ одушевленные и неодушевленные. Довольно привести примѣры: a) одушевленные, напр. человѣкъ, звѣрь, червь; b) неодушевленные, напр. вода, домъ.

10. Мнѣ кажется, что нужно. Впрочемъ, какъ угодно.

11. § 59 во 2 пунктѣ сказано, что кончающіяся на ь суть рода

11. Это можно оставить по моему, или перемѣнить по мнѣнію Г.

мужескаго, а въ слѣдующемъ 3-мъ пунктѣ говорится объ исключеніяхъ: «не всѣ имена кончащіяся на *ь* суть мужескаго рода. Нѣкоторыя изъ нихъ напр. жизнь, соль, трость, суть рода женскаго». Но такъ какъ именъ женскаго рода съ окончаніемъ на *ь* едва-ли не больше еще находится, чѣмъ мужескаго рода именъ, то и нѣтъ кажется причины вводить мужескаго рода имена въ правило, а женскаго рода въ исключеніи изъ правила. Удобнѣе бы было, неговоря вовсе во 2 пунктѣ объ окончаніяхъ на *ь*, отнести оные въ 3 пунктъ, который начать такимъ образомъ: «имена оканчивающіяся на *ь*[1]) суть либо мужескаго рода либо женскаго.

Мужескаго рода такіе то

Женскаго — такія то».

Востокова безъ существенной разности. Относя имена, кончающіеся на *ь* преимущественно къ роду мужескому, я руководствуюсь тѣмъ замѣчаніемъ, что сія буква въ усѣченныхъ прилагательныхъ означаетъ родъ мужескій: *синь*, *господень*.

12. Въ § 62 между именами, употребляемыми во множественномъ только числѣ, поставлено средняго рода *Кричане*. Это должно быть ошибка. *Кричане* мужескаго рода.

12. Это описка.

13. Впрочемъ нѣкоторыя изъ именъ, яко-бы во множественномъ только числѣ употребляемыхъ, имѣютъ и единственное число, хотя значеніе ихъ въ обоихъ числахъ неодинаково. Таковыя надобно выкинуть изъ росписи, оставивъ только тѣ имена, которыя вовсе не имѣютъ единственнаго числа.

13. На это нельзя согласиться. Напримѣръ, слово: *часы*, хотя и употребляется въ единственномъ числѣ, но непремѣнно должно быть упомянуто въ семъ спискѣ. Нѣкоторыя имена даже перемѣняютъ родъ при семъ переходѣ, напримѣръ: *куръ*, *куры*.

[1]) Очевидно, описка: должно стоять *ъ*. Прим. изд.

14. *Цесты* (не описка-ли это вмѣсто *цаты*?)—подвѣски у образовъ.

14. Разумѣется *цаты*. Это описка

15. Между названіями городовъ, рѣкъ и пр. съ окончаніемъ на *ь*, кои сочинитель полагаетъ мужескаго рода, замѣтили уже одно рода женскаго: *Умань*. Можетъ быть и еще нѣсколько таковыхъ найдется, напр. Корсунь? Лебедянь? Мядынь? Сквирь? Тмуторокань? Чердынь? Мужескаго рода суть очевидно тѣ названія городовъ, кои употреблены были въ старинномъ языкѣ какъ притяжательныя отъ именъ собственныхъ, подразумѣвая къ нимъ слово городъ напр. *Ярославль* (т. е. Ярославовъ городъ), Василь (т. е. Василіевъ), Епифань (Епифаніевъ), Перемышль (Перемысловъ городъ).

15. Въ семъ случаѣ прошу наставленія и указанія. Родъ сихъ именъ отнюдь не опредѣленъ. У насъ говорятъ: за Тмутороканью, а въ исторіи Карамзина находимъ: за Тмутороканемъ.—Я не Академія и самовольно рѣшить не смѣю, а руководствуюсь примѣрами хорошихъ писателей и общимъ употребленіемъ: здѣсь то и другое меня оставляетъ безъ помощи.—Замѣчаніе о происхожденіи именъ *Василь*, *Епифань*, справедливо и достойно уваженія, но я и не говорилъ, чтобъ сіи имена не были мужескаго рода.

16. Къ § 64. Въ опредѣленіи падежей, которое найдено недовольно точнымъ, я предложилъ бы слѣдующія перемѣны:

1. Именительный падежъ означаетъ предметъ, о коемъ идетъ рѣчь.

3. Родительный, а) на вопросъ *чей? чего?* показываетъ предметъ, отъ коего происходитъ или коему принадлежитъ подлежащее. Напр. свѣтъ *солнца*, капля *воды*. b) на вопросъ *кого? чего?* предметъ, съ коимъ сравнивается, или отъ коего отъемлется сказуемое напр. свѣтлѣе *солнца*. Лишать *чести*. Не дѣлать *зла*. Бѣжать *пѣва*; или наконецъ,

16. Ученіе о падежахъ заключается у меня въ синтаксисѣ, и тамъ основано на теоріи Тирша (см. его Греческую Грамматику). Здѣсь показаны только главнѣйшія отличительныя свойства падежей. Но я смѣю сказать, что если мои опредѣленія падежей найдены недовольно точными, то предлагаемыя еще менѣе могутъ назваться точными. Предметъ, о коемъ идетъ рѣчь, означается не однимъ именительнымъ падежемъ, а всякимъ, по свойству предложенія: нѣтъ *хлѣба*, отдай *брату*, читай *книгу*, пиши *перомъ*, не говори *о погодѣ*: здѣсь предметы, о кокъ идетъ

предметъ, который достигается сказуемымъ: искать *богатства*, просить *помощи*.

4. Винительный,—предметъ, на который обращено дѣйствіе.

5. Дательный, цѣль, къ которой дѣйствіе направлено.

7. Предложный—мѣсто дѣйствія.

17. Вводимое Г. Гречемъ раздѣленіе именъ существительныхъ на первообразныя, производныя, второобразныя и сложныя, вмѣсто принятаго въ другихъ Грамматикахъ раздѣленія на первообразныя, производныя, простыя и сложныя, по мнѣнію Г.г. присутствующихъ въ Комитетѣ, признано излишнимъ. Цѣль сочинителя Грамматики при семъ новомъ раздѣленіи была конечно та, чтобъ ближе опредѣлить произхожденіе словъ, называемыхъ вообще производными. Онъ менѣе удалился бы отъ общепринятаго порядка, ежели-бы говорилъ о производныхъ и второобразныхъ, какъ рѣчь, поставлены въ разныхъ падежахъ, а не въ одномъ именительномъ. Въ опредѣленіяхъ родительнаго говорится о подлежащемъ и сказуемомъ, между тѣмъ, какъ сіи слова еще не объяснены, да и рѣчи объ нихъ вовсе не было. Опредѣленіе винительнаго справедливо, но то же самое сказано и мною. Дательный падежъ означаетъ не цѣль, не направленіе дѣйствія, а личный предметъ, коему въ пользу или во вредъ дѣйствіе происходитъ, напримѣръ: *онъ далъ мнѣ денегъ на забавы*. Здѣсь цѣль выражена не дательнымъ падежемъ, а винительнымъ съ предлогомъ *на*. Предложный означаетъ мѣсто дѣйствія, но не всегда, напримѣръ: какое мѣсто означается въ слѣдующемъ случаѣ: *сказка о лисицѣ*?

17. Вводимое мною раздѣленіе именъ не первообразныя, производныя и второобразныя, необходимо; но если угодно, то вмѣсто главныхъ дѣленій, я сдѣлаю изъ сихъ наименованій подраздѣленія.

о подраздѣленіяхъ только одного и того же разряда.

18. § 68. Въ пунктѣ 4-мъ сочинитель опредѣляетъ имя существительное сложное совокупленіемъ двухъ первообразныхъ существительныхъ, или двухъ главныхъ корней. Но приведенные имъ примѣры показываютъ, что сложное имя составляется и изъ производныхъ, ибо—*носецъ*,—*творитель*, —*любіе* по его же опредѣленію, суть производныя, такъ какъ *дълитель*, *имѣніе*.

18. Здѣсь опять описка. Вмѣсто: первообразныхъ, надлежало сказать: простыхъ.

19. Въ § 70-мъ говоритъ сочинитель о родовыхъ буквахъ, подразумѣвая буквы, показывающія родъ мужескій, женскій или средній. Для большей ясности надлежало бы присовокупить въ скобкахъ истолкованіе сего термина, въ первый разъ встрѣчающагося.

10. Сіи родовыя буквы упомянуты и исчислены въ предъидущемъ § 69. Впрочемъ можно и повторить.

20. Нѣкоторые изъ показанныхъ въ семъ § окончаній принадлежатъ къ корню слова, а какъ (не къ?) отличительнымъ буквамъ или слогамъ, придающимъ какое либо значеніе слову. Таковы суть въ пунктѣ 1. берегъ (или брегъ), дорога (въ другихъ діалектахъ *дрѣга* (!), въ 6-мъ *чадо*[1]), въ 7-мъ *молотъ* (или *млатъ*) также *клевета*, *копоть*, въ коихъ *т* принадлежитъ къ корню

20. Замѣчанія на § 70 совершенно справедливы. Недостатки и сбивчивость сего параграфа произошли отъ того, что онъ взятъ безъ перемѣны изъ подробной Грамматики, гдѣ составляетъ одно дополненіе къ общему обозрѣнію *всѣхъ* окончаній именъ существительныхъ. Г. Востоковъ правъ, что должно оный передѣлать. Сіе уже исполнено мною въ часъ времени. Что же касается до замѣчаній его о нѣкоторыхъ исключеніяхъ изъ приводимыхъ мною примѣровъ, то я никогда не думалъ въ точности и

[1]) *Чадо* по словенски чядо (произноси (!): *чендо*) отъ одного корня съ нѣмецкимъ Kind, Англ. Child.

глаголовъ; клевет*а*ть, коп*т*ить; въ 13-мъ помощь. Мощь измѣнено только изъ кореннаго слога *мог*.

Почти на каждое окончаніе можно прінскать словѣ, не въ тѣхъ значеніяхъ, какія сему окончанію приписаны.

1. *юга* означаетъ и неодушевленный предметъ, напримѣръ: *дерюга*, *вьюга*.

2. *акъ*, приписываемое предметамъ личнымъ, означаетъ иногда неодушевленные, напр. *пятакъ*, *четвертакъ*, *тесакъ*.

3. *уха*. Не всегда одушевленный предметъ женскаго пола: *желтуха*, *лопуха*, *синюха*, *пагуха*.

5. Окончаніе *орь* слѣдуетъ выкинуть. Онаго нѣтъ въ Русскомъ языкѣ, да и примѣровъ на оное не приведено, иностранные же слова: Директ*оръ*, конд*иторъ* и пр. сюда не принадлежатъ. На *арь* есть имена и неодушевленныхъ предметовъ, напр. *косарь* (большой ножъ).

6. *Говядо* не есть *малый* одушевленный предметъ. *Громада* не отвлеченное имя. Оно то же, что куча.

7. *Ушатъ* есть прилагательное усѣченное (ушатый сосудъ); слѣдовательно въ оном*ъ* *ть* не означаетъ собственно вещества.

Ота, *оть*, не всегда имена отвлеченныя: *сирота* предметъ личный. *Ломоть*, *мякоть*, предметы, чувствамъ подлежащіе.

безъ исключеній опредѣлить характеръ всѣхъ окончаній, а хотѣлъ только представить главныя черты. Точное опредѣленіе всѣхъ окончаній безъ исключенія превосходитъ и мои силы, и, можетъ быть, силы многихъ другихъ.

8. *ень* значитъ иногда и неодушевленный предметъ, напр. *бредень*, *сажень*, *стержень*, *перстень*, *кистень*, *збитень*, *студень*. *Ня*, *нья* не всегда личный предметъ женскаго пола. Примѣры сему: *пустыня*, *милостыня*, *деревня*, *ботвинья*, *сорынья*, *полынья*. — *Арня*, по словамъ автора, мѣсто, въ коемъ производится что-либо? — Слогъ *ар* принадлежащій къ существительному муж. рода (пова*рь*, слеса*рь*, овча*рь*) не идетъ здѣсь въ разсмотрѣніе. Только *ня* составляетъ отличительное окончаніе, коимъ означаетъ мѣсто, отведенное для какой нибудь работы: пова*рня*, слѣса*рня*, овча*рня*, конюш*ня*, кожев*ня*, солодов*ня*, ледокач*ня*, паш*ня*.

ина имѣетъ множество другихъ значеній, кромѣ показанныхъ сочинителемъ. Сіе окончаніе принадлежитъ и предметамъ личнымъ, напр. старш*ина*, женщ*ина*; и отвлеченнымъ, напр. дл*ина*, шир*ина*, конч*ина*; и собирательнымъ, напр. складч*ина*, поземельщ*ина*, верш*ина*; и отдѣльнымъ составляющимъ часть или звѣно чего либо. Напр. баля-с*ина*, жемчуж*ина* и пр.

Изъ приведенныхъ примѣровъ, *дубина* не есть увеличительное отъ *дуба*, а развѣ только часть, отрубокъ или сукъ отъ дуба. Говяд*ина*, баран*ина* означаютъ, конечно, вещество, какъ и всѣ другія вещи, подлежащія чувствамъ; но въ тѣсномъ смыслѣ симъ окончаніемъ

означается мясо животнаго, о коемъ идетъ рѣчь.

10. *ва*, *иво*, *ево*, по опредѣленію сочинителя, вещественный собирательный предметъ, произведенный руками человѣка. Но приведенные примѣры не подтверждаютъ этого. *Пиво* въ первоначальномъ значеніи то же что питіе, напитокъ; слѣдовательно можетъ состоять и изъ воды, не руками человѣка произведенной. *Жниво* солома, то что остается послѣ сжатія хлѣба. *Сѣчиво* есть орудіе, а не собирательный предметъ. *Топлево* (!) вещество, коимъ топятъ печи, можетъ состоять изъ хворосту и пр. произведеннаго не руками. Есть еще и другія имена на *ево* не подходящія подъ опредѣленіе сочинителя, напр. *зарево*.

12. *горечь* не отглагольное имя, а отъ прилагательнаго *горькій*. Окончаніе на *очь* забыто сочинителемъ. Напр. *свѣточь*, *мелочь*.

13. *ишь*, *ищь*, «имена одушевленныхъ личныхъ предметовъ». Въ примѣръ приведено только *товарищь*. Но на *ишь* есть имена и неодушевленныхъ предметовъ, напр. *послѣдышь*, *мякишь*, *голышь*.

19. *истъ* наименованіе человѣка, занимающагося какимъ либо искуствомъ или принадлежащаго къ какому нибудь званію, есть иностранные, съ латин. *ista*. Ежели оному дано здѣсь мѣсто, то надобно будетъ говорить и о другихъ иностранныхъ окончаніяхъ въ именахъ

чиновъ и званій, принятыхъ въ языкъ Русскій. Напр. *орз*, *ерз*, *ирз*, *алз* и пр. (ассесоръ, кавалеръ, кассиръ, генералъ).

Весь этотъ § 70-й требуетъ передѣлки. Роспись окончаній въ ономъ не полна, распредѣленіе ихъ сбивчиво. Окончаніе разныхъ значеній перемѣшаны одни съ другими. Надобно бы отдѣлить въ особый разрядъ уменьшительныя и увеличительныя, прочія же окончанія распредѣлить по частямъ рѣчи, отъ коихъ какое существительное имя происходитъ. Тогда яснѣе можно бы было увидѣть причину, по какой слова принимаютъ то или другое окончаніе.

21. Показанныя въ исключеніяхъ именъ уменьшительныхъ *столичекъ*, *рукавочекъ* едва ли употребительны. Также и *пыльца*, *сольца*, *кожичка*, *рожичка*.

22. *Днище* не есть увеличительное отъ дна. Днищемъ называется собственно исподъ у судовъ водоходныхъ.

21. По однимъ употребительны, по другимъ (нѣтъ?). Говорятъ: *рукавочекъ*, *кожичка*. Въ разсужденіи словъ *пыльца* и *сольца* Московскіе критики упрекали меня за пропускъ сихъ словъ. Кто правъ?

22. Справедливо: вмѣсто: *днище* можно поставить зеркалище, и дѣло кончено.

«Записка Н. И. Греча» — въ Библіотекѣ Императорскаго Новороссійскаго университета, въ отдѣлѣ рукописей, № 127.

.IV.

ПИСЬМА

П. И. КЕППЕНА къ В. В. ГАНКѢ.

1823—1830.

Временный указатель писемъ.

№

1. Кеппенъ Ганкѣ, $\frac{28\text{ августа}}{9\text{ сентября}}$ 1823 года.
2. » » 17/29 октября 1823.
3. » » 8/20 мая 1824.
4. Секретарь Россійской Академіи, Петръ Соколовъ Ганкѣ, 10 мая 1824.
5. Кеппенъ Ганкѣ, 12/24 января 1825.
6. » » 6/18 апрѣля 1825.
7. » » 5/17 августа 1825.
8. » » 1/13 декабря 1825.
9. » » 24 декабря 1825.
10. » » 13/25 апрѣля 1826.
11. » » 15/27 іюля 1826.
12. » » 16/28 сентября 1826.
13. » » 13/25 октября 1826.
14. » » $\frac{25\text{ октября}}{6\text{ ноября}}$ 1826.
15. » » 18/30 ноября 1826.
16. » » 27 января 1827.
17. » » 6/18 апрѣля 1827.
18. » » 1/13 іюня 1827.
19. » » 14/26 іюля 1828.
20. » » 1/13 ноября 1829.
21. » » 29 декабря 1829.
22. » » 15 января 1830.
23. » » $\frac{29\text{ января}}{10\text{ февраля}}$ 1830.

Письма П. И. Кеппена къ В. В. Ганкѣ.

№ 1.

Wien, $\frac{28\ \text{Aug.}}{9\ \text{Sept.}}$ 1823.

Кеппенъ, препоручивъ Ганкѣ знакомаго путешественника, профессора Шнейдера, изъ Бреславля, продолжаетъ:

. . . Vom Herr von Primisser[1]), welcher Jhnen besonders viel Dank weiss, erfahre ich, dass man in Prag um Herrn Abbé Dobrowský bekümmert ist. Wir aber erwarten ihn hier in Wien, wohin er, wie er an H. Kapitar schrieb, zu fuss kommen wollte[2]). . . . Möchte ihm doch nur auf seiner Wanderschaft nichts unangenehmenes zugestossen seyn. Ich bitte Sie das beyfolgende Exemplar meiner Hekate[3]) gefälligst anzunehmen. Dabei ist auch eine kurze Biographie des Profess. Linde[4]). Etwas für's National Museum, wie auch für Herrn Palacký, ist unter Convert des Herrn Abbé Dobrowský abgegangen. Für Herrn Professor Jungmann lege ich hier einen Linde bey [5]).

---

[1]) Примиссеръ — общій знакомый Кеппена, Добровскаго и Копитара. Въ письмѣ отъ 20 августа 1823 г. Копитаръ извѣщаетъ Добровскаго, что онъ третьяго дня чрезъ Примиссера послалъ ему цѣлый ворохъ русскихъ книгъ (Письма Добровскаго, № 167).

[2]) Письмо къ Копитару отъ 12 августа 1823 г. Добровскій начинаетъ: «Es wird doch sich fügen, dass ich nach Wien, da ich nicht fahren kann, zu Fusse komme» . . . (Письма Добровскаго, № 165).

[3]) Т. е., «Die dreygestaltete Hekate und ihre Rolle in den Mysterien», оттискъ изъ «Archiv für Geschichte, Statistik» etc. бар. Гормайера, 1823 г.

[4]) Т. е., «S. G. Linde, eine biographische Skizze», оттискъ изъ «Jahrbücher der Literatur», XXIII Th., 1823.

[5]) Раньше Кеппенъ прислалъ для Юнгманна, но «na ukázku», экземпляръ Исторіи русской словесности Греча. Ср. письмо его къ Марку отъ 17 іюля 1823 г.—«Časopis Musea», 1883, p. 51.

№ 2.

Вѣна, 17/29 Октября 1823 года.

Милостивый государь!

Письмо Ваше очень обрадовало меня. Я никакъ не могъ думать, чтобы Вы хотѣли переписываться со мной по русски. Теперь, повѣрьте, что не стану писать къ Вамъ на другомъ какомъ либо языкѣ, кромѣ отечественнаго. Боюсь только, что Вы съ трудомъ будете разбирать мою руку, ибо пишу слишкомъ худо.

Исторію Россійской Словесности [1]) прошу пріобщить къ прочимъ книгамъ Вашего Народнаго Музеума. Весьма радуюсь, что могу служить Вамъ этою бездѣлицею. Для г. Копытара я выписалъ изъ С. Петербурга другой экземпляръ. Посылаю при семъ переводъ сей же книги, которой я изъ Варшавы получилъ отъ г. Линде [2]), препровождающаго оный въ то Прагское Общество, котораго онъ членомъ [3]). Понынѣ я не имѣлъ еще случая препроводить онаго къ Вамъ. Если Вамъ угодно будетъ увѣдомить меня о полученіи сей книги, то прошу писать ко мнѣ въ Дрезденъ. Тамъ я думаю быть въ декабрѣ или въ генварѣ мѣсяцѣ. Въ скоромъ времени я оставлю Вѣну и поѣду въ Мюнхенъ и Авгсбургъ, оттуда, можетъ быть, посѣщу Гейдельбергъ, а, можетъ быть, и прямо чрезъ Веймаръ, Лейпцигъ, Дрезденъ и Берлинъ возвращусь въ С. Петербургъ.

Позвольте мнѣ и въ послѣдствіи оставаться съ Вами въ перепискѣ, и повѣрьте, что каждое письмо Ваше доставлять мнѣ будетъ полное удовольствіе. Съ отличнымъ почтеніемъ и пр...

П. Кеппенъ.

Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе почтеннѣйшимъ гг. Добровскому, Юнгманну и Палацкому. Не будете ли Вы имѣть случая увѣдомить г. Линде о полученіи его книги? Вы бы меня симъ очень должили.

---

[1]) Т. е., экземпляръ указ. выше книги Греча.

[2]) Т. е., переводъ Исторіи Греча, изданный Линде въ 1823 г., съ дополненіями по Кеппену.

[3]) Вѣроятно, въ «Чешское Общество наукъ».

№ 3.

Императорская Россійская Академія, препровождая у сего 2 экземпляра своего Россійскаго Словаря[1]), одинъ для Вашего Благородія, а другой для г. цензора Копытара въ Вѣнѣ (который представитъ оной Императорской Придворной Библіотекѣ), проситъ о полученіи сихъ книгъ доставить увѣдомленіе.

Членъ и непремѣнный секретарь Академіи, д. ст. сов. и кавалеръ

Петръ Соколовъ.

С. Петербургъ $\frac{1824}{\text{Маія 10 дня.}}$

Г-ну профессору Ганкѣ въ Прагѣ.

№ 4.

Рукою Ганки: «копія письма Коппена изъ С. Петербурга».

Милостивый Государь!

На письмо, полученное отъ Васъ въ Дрезденѣ, я тогда не успѣлъ отвѣчать: за то теперь отвѣтствую in folio. А. С. Шишковъ благодаритъ за пожеланіе ему Несторова вѣка и посылаетъ къ Вамъ полной экземпляръ Академическаго Словаря. Думаю, что на Ваше же имя будетъ отправленъ и другой экземпляръ, назначенный для Импе-

---

[1]) Послѣдній, шестой, томъ его вышелъ только въ 1822 году. Какъ цѣнна должна была быть эта академическая присылка для Ганки, видно изъ того, что чешскіе патріоты—«русоманы», какъ ихъ называли, не скупились деньгами, чтобы только получать Словарь. Еще 6 октября 1819 г. Юнгманнъ жалуется другу Марку (Антонину, замѣчательнѣйшему изъ учениковъ Добровскаго, недавно умершему): «изъ лейпцигскихъ книгъ намъ мало досталось... Мы дали на русскій академическій Словарь 8 талеровъ, а онъ обошелся въ 14; столько же и за Словарь Линде. Эти русскія книги обошлись намъ 28 талеровъ. Мы позаботимся о Карамзинѣ и о второмъ изданіи Словаря». («Časopis Musea», 1882, p. 460). Онъ важенъ былъ для чешскихъ друзей Россіи въ практическихъ интересахъ—для изученія нашего языка и выработки своего.

раторской Публичной Библіотеки въ Вѣнѣ. Пусть и Копытарь порадуется! Деньги за пересылку прошу взыскать съ Вѣнцовъ.

Не будучи въ состояніи служить Вамъ чѣмъ нибудь лучшимъ, прилагаю у сего экземпляръ моего списка Русскимъ памятникамъ [1]) и прошу принять оной въ знакъ моей къ вамъ преданности.

Прошу меня увѣдомить, что это за богемская рукопись (хроника), отысканая Пертцомъ въ Вольфенбительской библіотекѣ. Онъ говорилъ мнѣ объ оной; но тогда я занятъ былъ другими предметами.

Александръ Семеновичъ Шишковъ въ скоромъ времени будетъ писать къ Вамъ — теперь онъ очень занятъ, а посылка моя должна быть отправлена сегодня. Спѣшу и потому прощаюсь съ Вами въ надеждѣ, что вы скоро подарите меня письмецомъ, которымъ очень порадуете имѣющаго честь быть и пр.

П. Кеппенъ.

С. Петербургъ, 8/20 майя 1824 г.

Пишите ко мнѣ безъ всякихъ титуловъ; меня зовутъ Петромъ Ивановичемъ, а Васъ я прошу сказать мнѣ свое отечество, ибо знаю только что имя Вячеславъ, а по батюшки какъ — не знаю. Русскій адресъ мой: Его Высокоблагородію П. И. Кеппену въ С. Петербургъ въ квартирѣ г. ст. сов. Н. М. Яновскаго.

П. С. [2]) Словарь будетъ къ Вамъ посланъ чрезъ здѣшняго коммиссіонера Имп. Академіи Наукъ (Wielh. Mayer), который перешлетъ оной въ Галле (Halle) на имя книгопродавца Чвечке.

№ 5.

S. Petersburg. 12/24 Jänner, 1825.

Hochzuverehrender Freund!

Nehmen Sie mit Nachsicht die beyliegende Blätter zur Hand und bessern Sie, was Sie bessern können, auf dass wir doch gemeinschaftlich

---

[1]) Списокъ рус. памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной палеографіи, собр. и объясненнымъ П. Кеппеномъ. М. 1822. (Изданъ Калайдовичемъ).

[2]) Post scriptum?

einmal über unser Slawisches Alterthum ins Reine kommen. Leider, habe ich in den trefflichen Schrift unsers Meisters, des Herrn Dobrowský, die böhmischen Titel der alten Drucke vermisst. Könnte ich solche nicht noch durch Jhre Güte erhalten, um die bey der zweyten Ausgabe des Verzeichnisses zu benutzen? Auch liegt mir sehr an einen vollständigen Verzeichnisse der Grammatiken und Wörterbuche der Böhmischen Sprache[1]). Die polnische Partei hat Herr von Chlendowski in Warschau gütigst zu besorgen versprochen[2]). Könnten Sie mir in Beziehung auf die böhmischen Schriften dieser Art nicht die beste Quelle nachweisen und auch wohl Nachträge liefern? Wie gut wäre es, wenn solche Arbeit einmal zu Stande gebracht wäre. Dem Exemplare für Herrn Abbé Dobrowský (dem ich mich bestens zu empfehlen bitte) füge ich auch noch welche für die Herrn Jungmann und Palazky hinzu. Grüssen Sie beyde herzlichst und entschuldigen Sie mich, dass ich ihnen nicht selbst schreibe. Würde nicht einer oder der andere Nachträge und Verbesserungen meiner Arbeit liefern?

Mit etc.

Diener und Freund Köppen.

Sollten Sie mir ein corrigirtes Exemplar nicht senden können, so würde solches durch Herrn Hofrath v. Rodofinikin bey unserer Gesandschaft in Wien geschickt (werden) können[3]). Sagen Sie gefälligst Herrn von Dobrowský, dass ich aus seinem Cyrill und Method so eben einen russischen Auszug gemacht und in die Censur gegeben habe. Der Kanzler hat die ganze Schrift übersetzen lassen, und Wostokow sieht so eben die Uebersetzung durch[4]).

---

[1]) Рѣчь идетъ о статьѣ самого Кеппена — «Словенская литература: Списокъ (-Verzeichniss) первопечатнымъ Словенскимъ книгамъ», которою открываются «Библіографическіе Листы». Здѣсь—исповѣданіе вѣры издателя. За этой статьею имѣла слѣдовать вторая: «Росписи существующимъ по нынѣ Грамматикамъ и Словарямъ разныхъ Словенскихъ нарѣчій» («Библ. Листы», № 1, стр. 2).

[2]) О присылкахъ Хлендовскаго (Chlędowski)—тамъ-же, стр. 8.

[3]) Родофиникинъ—извѣстный нашъ консулъ въ Сербіи при Кара-Георгіи, теперь въ Вѣнѣ.

[4]) Рѣчь идетъ объ извѣстномъ переводѣ Погодина.

№ 6.

6/18 April 1825. Köppen ersucht Herrn von Hanka die beyfolgende Sendung gütigst aufnehmen zu wollen.

№ 7.

С. Петербургъ, 5/17 августа 1825 г.

Письмо Ваше и первую часть Богемской Литературы я имѣлъ удовольствіе получить и приношу Вамъ, Милостивый Государь, мою отличную признательность. Благодарю Васъ въ особенности за отмѣтку тѣхъ нумеровъ, которые находятся уже въ моемъ Спискѣ первопечатнымъ словенскимъ книгамъ. При второмъ изданіи сего Списка я воспользуюсь сочиненіемъ Г. Юнгманна, которое мною уже все просмотрѣно. Я приготовилъ объ ономъ извѣстіе для Библіографическихъ Листовъ[1]). Въ числѣ препровождаемыхъ при семъ № 18 — 21 есть одинъ (№ 18), въ коемъ я коснулся и новѣйшихъ произведеній чешской литературы. Если я въ чемъ либо ошибся, то прошу Васъ исправить мои погрѣшности, если можно еще до окончанія сего года, ибо въ будущемъ едва ли буду продолжать изданіе Библіографическихъ Листовъ. Желалъ бы опять повояжировать. Не знаю еще, удастся ли мнѣ когда либо объѣхать Карпаты и побывать въ Кроаціи, а признаюсь, что давно уже сего желаю.

По препорученію вашему я засвидѣтельствовалъ Ваше почтеніе Александру Семеновичу Шишкову, который Вамъ кланяется. Прошу Васъ поблагодарить за меня гг. Юнгманна и Палацкаго за воспоминаніе обо мнѣ.

20 экземпляровъ Библіографическихъ Листовъ я посылаю въ Лейпцигъ для продажи, на имя книгопродавца Фридриха Флейшера, предоставляя ему самому назначить цѣну сего изданія. Прошу засвидѣтельствовать мое отличное почтеніе нашему отцу Добровскому.

---

[1]) T. e., «Historie literatury české», v Praze, 1825. Обѣщанная рецензія этой книги помѣщена въ № 22 «Библіогр. Листовъ», стр. 311—316, съ цензурной отмѣткой отъ 8 августа.

Скажите ему, что я давно уже ожидаю отъ него извѣстія, собственноручнаго, которымъ бы онъ меня чрезвычайно обрадовалъ.

Въ заключеніе позвольте еще поблагодарить Васъ за поправку разныхъ опечатокъ и пр. въ доставленной ко мнѣ книгѣ. Для меня это тѣмъ полезнѣе, что при новомъ изданіи Списка первопечатныхъ книгамъ я желаю внести въ оной подлинныя заглавія книгъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

П. Кеппенъ.

Академикъ нашъ Грефе отправляется въ чужіе края; если бы ему случилось побывать въ Прагѣ, то сдѣлайте одолженіе — пріймите его благосклонно и окажите всевозможное пособіе.

Въ № 26 моихъ Листовъ я помѣщу хронологическое указаніе на чешскія книги, изданныя до 1526 г. (ссылаюсь на Исторію Г. Юнгманна). Не знаю однако, не случилось ли мнѣ иногда почесть рукопись первопечатною книгою. Сдѣлайте одолженіе, свѣрьте, если успѣете, сіи указанія, и буде есть ошибки, то исправте оныя. Не довести ли мнѣ списка чешскимъ книгамъ до онаго 1526 г.? Прилагаю сіи указанія. Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ поручилъ мнѣ выписать для него два экземпляра Исторіи чешской литературы; когда она допечатается, то покорнѣйше прошу доставить сіи экземпляры въ Вѣну къ г-ну Копытару, который сохранитъ ихъ у себя до времени. — Nehmen sie mir diess Geschmiere nicht übel!

№ 8.

S. Petersburg, 1/13 December am Jahre 1825.

Dass ich Jhre Jungmann'sche Geschichte fleissig studirt habe, werde Jhnen № 22 und 26 meiner Blätter beweisen. Dank Jhnen für diese gefällige Mittheilung. Herrn Professor Jungmann bitte ich zu sagen, dass ich ihm über Danzig und Leipzig, durch den Buchhändler Fr. Fleischer, ein vollständiges Exemplar (№ 1—25) meiner bisher erschienenen Blätter geschickt habe.

Jhnen sende ich jetzt № 22—23 zu. Dabei folgt auch das Facsimile der Königinhofer Handschrift. Würden Sie wohl die Gefälligkeit

haben solches collationiren zu wollen und mir die Correctur davon (roth) zu zuschicken. Um das Porto zu ersparen, bitte ich Sie mir das Stückchen, welches diese Facsimile enthält, abzuschneiden und mir so zurückzuschicken.

Wird denn Papá Dobrowský mir nie und nimmer schreiben? Fragen Sie ihn gefälligst, ob er ergrimmt sey über mich, und warum denn? Doch glaube ich hiezu keine Veranlassung gegeben zu haben. Leben Sie wohl und schreiben Sie bald Ihrem

Freunde und Diener Köppen.

№ 9.

Кеппенъ, свидѣтельствуя свое отличное почтеніе господину Ганкѣ, покорнѣйше проситъ принять при семъ препровождаемые номера Библіографическихъ Листовъ, какъ для себя собственно, такъ и для Г.г. Юнгманна и Палацкаго. С. Петербургъ, 24 декабря 1825 г.

№ 10.

Милостивый Государь!

Вы изволили доставить ко мнѣ окончаніе превосходной исторіи Чешской Словесности, за которую приношу Вамъ усерднѣйшую благодарность. Снимками съ древнихъ рукописей Вы[1]) меня чрезвычайно обрадовали. Но, къ сожалѣнію, Вы не отмѣтили на оныхъ, съ какихъ рукописей они сняты. Снимокъ, писанный крупными буквами, есть Судъ Любуши, мѣлчайшимъ же Краледворская Рукопись; третій снимокъ съ рукописи почти скорописной заимствованъ, думаю, изъ исторіи Александра (orig. in bibliotheca Rudnicensi); такъ-ли? И что это за библіотека?

Къ сему присовокупили Вы снимокъ рукописи (orig. in Museo Bohemico), Кар. IX: «Kdiz diewky ot ottzow etc.» — что это такое? Укажите только на № въ книгѣ г. Юнгманна, если онъ говоритъ о

---

[1]) Въ копіи стоитъ «мы».

сей рукописи[1]). Г. Добровскій пишетъ ко мнѣ: «Die älteste Handschrift oder besser zwey Blätter von der ältesten Handschrift liegen in böhm. Museum»[2])—это та рукопись, о которой онъ говоритъ? — Наконецъ доставлены ко мнѣ снимки съ печатей, откуда сіи заимствованы? Прошу Васъ меня о семъ увѣдомить подробно.

Ради Бога, не приписывайте намъ знаній, которыхъ мы не имѣемъ. Самые извѣстные для Васъ предметы, безъ объясненій, для насъ могутъ оставаться загадками. Если время вамъ дозволитъ, то покорнѣйше прошу отвѣчать мнѣ на сіи вопросы въ непродолжительномъ времени и по почтѣ.

Г. Добровскій увѣдомилъ меня, что Вы согласны сообщить мнѣ подробнѣйшія извѣстія о первопечатныхъ богемскихъ книгахъ[3]). Я Вамъ за это чрезвычайно былъ бы обязанъ и желалъ-бы имѣть переводы нѣкоторыхъ заглавій, кои для меня не совсѣмъ понятны. Впрочемъ дѣло сіе еще не къ спѣху.

Съ чувствомъ и пр.

П. Кеппенъ.

С. Петербургъ, 13/25 апрѣля 1826 г.

Прилагаю при семъ № 38—40 моихъ Листовъ и письма къ Г-мъ Добровскому и Юнгманну.

---

[1]) Поставившій въ недоумѣніе старочешскій снимокъ было facsimile такъ называемой Далимиловой Хроники, девятая глава которой и начинается стихами:

«Když dievky ot otcóv sě brachu
a na Děvin sě vzebrachu. . . ».

[2]) Въ письмѣ отъ 1/13 декабря 1825 г. къ Ганкѣ (см. № 8) Кеппенъ сѣтуетъ, что Добровскій не пишетъ къ нему. Ганка это письмо, вѣроятно, прочелъ старику, и 14 января (н. стиля) 1826 г. Добровскій уже пишетъ Кеппену. Оно начинается довольно рѣзкимъ выговоромъ: «меня очень удивляетъ, что Вы пишете, что отъ меня не имѣете никакихъ писемъ. Вѣдь на каждое Ваше письмо я не могъ же отвѣчать»! (Письма Добровскаго, стр 675). Ясно, что это письмо—отвѣтъ на сѣтованіе Кеппена, а получено оно было въ Петербургѣ 6 февраля. — Приводимыя Кеппеномъ строки изъ письма Добровскаго естественнѣе всего ожидать найти въ письмѣ старика отъ 14 января 1826 г... Но ихъ тамъ нѣтъ. Слѣдовательно, или письмо, напечатанное ак. Ягичемъ, не полно, или не всѣ еще письма Добровскаго къ Кеппену извѣстны, или не всѣ сохранились.

[3]) И это указаніе также изъ неизвѣстнаго письма Добровскаго къ Кеппену. Вѣроятно, изъ того-же письма, откуда приведены и нѣмецкія строки выше.

Пятую часть Сопикова я доставлю къ Вамъ чрезъ книгопродавца. Первая же часть особо не продается, и должно бы взять всѣ 4 части вмѣстѣ, стоящія 30 рублей.

Отдѣльно при этомъ письмѣ Хронологическій списокъ первопечатнымъ богемскимъ книгамъ. NB. № относится къ I части Исторіи Чешской Литературы Г-на Юнгманна. Числа, показанныя въ скобкахъ, относятся къ №, показаннымъ въ Библіографическихъ Листахъ.

(Этотъ «Списокъ» довольно обширный, и продолженіе его писано рукою самого Ганки).

№ 11.

S. Petersburg, 15/27 Juli, 1825.

Hier, mein sehr hochgeschätzter Freund, erhalten Sie den 5. Band der Sopikov' schen Bibliographie. Auch lege ich wiederum zwey Bogen meiner Blätter bey. Den letzten Bogen, enthaltend den Schluss des 2. Registers und die Druckfehler, sollen Sie nächstens nachgeschickt bekommen.

Leben Sie wohl! Empfehlen Sie mich freundschaftlichst den Herrn von Jungmann und Palacki und sagen Sie mir doch, was sie im litterärischen Fache treiben?[1]).

№ 12.

Euer Wohlgeboren freundschaftliche, mir besonders in bibliographischer Hinsicht sehr werthe Zeilen (den deutsch geschriebenen Brief) habe ich erhalten und danke vielmal dafür. Nächstens hoffe ich Ihnen durch Couriergelegenheit zu schreiben. Nun aber mir noch die Bitte um gütige Aufnahme der beyfolgenden Literärnotizen.

K.

S. Petersburg, 16/28 Sept. 1826.

---

[1]) Письмо съ траурной каймою по случаю смерти императора Александра. Оно почему-то неправильно помѣщено Ганкою, вообще тщательно сберегавшаго и сортировавшаго письма своего перваго русскаго друга, впереди письма отъ 1/13 дек. 1825 г. (№ 8). Мы отнесли его на его мѣсто.

№ 13.

S. Petersburg, 13/25 October 1826.

Sehr hochgeschätzter, gütiger Freund!

Ihr letztes, gütiges deutsches Schreiben erhielt ich am 15. Sept. und bringe Ihnen dafür meinen herzlichsten Dank. Die Facsimile (Jungmanns Gesch. d. B. Lit. II. 2, 4, 17, gleich dem Serbischen aus der Rudn. Biblioth.) erhielt ich; eben so die Beylagen zu Ihrem Briefe, welche aus gedruckten Werken entlehnt wurden. Noch gehen mir aber leider diejenige Facsimile ab, welche Sie zugleich mit den Exemplaren der Jungm. Gesch. d. Böhm. Lit. für den Kanzler und den Minister der Aufklärung sendeten. Wie? — unter welcher Adresse wurde diese Sendung expedirt? Liegt solche etwa jetzt noch in Wien? (Es waren darin, wie Sie mir gütigst anzeigen, folgende Stücke enthalten: Jungm. II, 3, 12, 13 und III, 84). Haben Sie die Gewogenheit diese Frage nicht unbeantwortet zu lassen, denn gerade jetzt muss mir besonders daran liegen, da ich noch nicht weiss, ob ich in Petersburg bleibe, oder eine Bestimmung in Süden des Reichs bekomme, den Wissenschaften zum Theil entsagend. Gänzlich scheiden von alten Freunden, ist ja ein Ding der Unmöglichkeit!

Mit dem heutigen Courier schreibe ich auch an Herrn von Kopitar, mich nach Ihrer Sendung erkundigend. Die letzten Bogen meiner Bibl. Blätter sollen durch einen anderen Courier expedirt werden; schon liegt alles fur Sie und unsern gemeinschaftlichen Vorsteher—Papa Dobrowský,—in Bereitschaft. Diese Sendung erhalten Sie jetzt über Halle. Sagen Sie mir doch, wie hoch sich von Ihrer Seite die Auslagen für diesen Brief belaufen, damit ich weiss, ob ich auch künftig im Nothfalle, diese nämliche Gelegenheit benutzen darf.—Ihre gütigen Mittheilungen in Betreff neuer böhmischer Werke, habe ich nach Moskau expedirt, wo solche im Telegraphen abgedruckt werden sollen[1]).

Herzliche Grüsse an die Herrn Dobrowský, Jungmann und Palacký von Ihrem treuergebenen

Freund und Diener Köppen.

---

[1]) Дѣйствительно, въ «Московскомъ Телеграфѣ», Н. Полевого 1826, ч. X, любезно напечатана была статейка Ганки, съ препроводительнымъ письмомъ Кеппена (стр. 315—316). Ср. выше у насъ.

CXXXII

№ 14.

Рукою Ганки: «Отвѣтъ 20 декабря».

С. Петербургъ $\frac{25\text{ октября}}{6\text{ ноября}}$ 1826.

Вчера я имѣлъ удовольствіе получить письмо Ваше отъ 19 октября, содержащее дополненія къ прежнимъ извѣстіямъ о первопечатныхъ богемскихъ книгахъ.

На дняхъ получены здѣсь для меня моремъ три пакета, въ числѣ коихъ долженъ находиться и тотъ, который Вы изволили ко мнѣ отправить. Еще пакеты сіи ко мнѣ не доставлены, но Г-нъ Гресе сказывалъ мнѣ, что тѣ посылки, которыя получены вмѣстѣ съ его книгами, содержатъ Юнгманнову Исторію Богемской литературы[1]). Благодарю покорнѣйше за сей драгоцѣнный подарокъ. Сегодня я уже предварилъ Ал. Сем. Шишкова о полученіи сихъ книгъ. При представленіи ему сочиненія Г-на Юнгманна, попрошу, чтобы автору посланъ былъ экземпляръ Академическаго Словаря. Надъ какимъ Словаремъ трудится Г-нъ Юнгманнъ? — прошу Васъ о семъ меня при случаѣ увѣдомить.

Знаете-ли, что А. С. Шишковъ на прошедшей недѣлѣ женился? Сдѣлайте милость, сообщите мнѣ при первой оказіи вторую книжку Starobylá Skládanie[2]). Мнѣ книжка сія понадобится при изданіи иноземныхъ словенскихъ памятниковъ.

Прилагаю при семъ окончаніе моихъ Библіографическихъ Листовъ. Если г. Добровскій не получилъ еще сего окончанія изъ Вѣны, то сдѣлайте одолженіе, передайте ему оное. Скажите ему, прошу Васъ, что здѣсь въ Петербургѣ я не отыскалъ Библіи 1739 года, изъ коей онъ требовалъ выписки[3]). Какъ скоро удастся отыскать сіе изданіе, то я не премину удовлетворить его желаніе. Опять прошу Васъ увѣдомить

---

[1]) Вѣроятно, Гресе посѣтилъ Прагу лѣтомъ 1826 года.

[2]) Извѣстный Сборникъ произведеній старой чешской литературы, издаваемый Ганкою съ 1817 года.

[3]) Въ письмѣ къ Кеппену отъ 6 дек. 1824 г. Добровскій, выражая сожалѣніе, что онъ поскупился въ свое время купить Библію изданія 1739 г. въ Москвѣ на рынкѣ, проситъ своего корреспондента помочь ему — сообщить нѣсколько стиховъ (Письма Добровскаго, стр. 674).

меня о томъ, что̀ стоитъ пересылка сего письма. За издержки Ваши въ семъ случаѣ дозвольте мнѣ прислужиться Вамъ какою либо русскою книгою.

Почтеніе мое прошу засвидѣтельствовать Г.г. Юнгманну и Палацкому.

Съ чувствомъ и пр.

Кеппенъ.

(Письмо въ малую 16 долю листа, для удешевленія почтовой пересылки).

№ 15.

Sehr hochgeschätzter Freund!

Rechnend auf die Fortsetzung Ihrer gütigen Mittheilungen habe ich gern einigen Moskauschen Literatoren, an deren Spitze sich Pogodin (der Ihnen bekannte Uebersetzer des Dobr. Schrift) gestellt hat, zugesagt, ihnen für ein neues Journal — Московскій Вѣстникъ— Slavica zu liefern. So lange ich daran Theil nehme, bitte ich Sie mir alle Nachrichten gefälligst per Porto,—Bücher und grössere Sendungen aber wie früher über Wien (oder zu Schiffe) zuzusenden. Gern will ich dagegen mit Russischen Sachen dienen. Je öfter, je ausführlicher Sie schreiben, um so mehr werde ich Ihnen Dank wissen für alle Mittheilungen und Belehrungen. (Auch Wostokow verspricht den Moskauern hierüber etwas zu liefern).

Es ist möglich, dass ich in Angelegenheiten des Ministeriums des Innern, nach Taurien ziehe und mich dort (etwa in Sympheropol, oder unmittelbar am Strande) niederlasse um von da an die Reisen zur Persischen Gränze und zur Polnischen, auch ins innere bis nach Charkow hinauf zumachen. Dort würde ich dann mehr Zeit haben meine Slawische Correspondenz zu kultiviren und könnte mehr, vielleicht, und besseres liefern. Alles, was ich an Sie zu expediren hätte, müsste über Triest an Sie gelangen.

Nun aber habe ich noch einen mir sehr wichtig scheinenden Gegenstand mit Ihnen zu verhandeln. Diess betrifft die Ausbreitung des Slawischen Studiums in Russland. Es wäre sehr erwünscht, dass von nun an (die neue Organisation des Schulwesens, welche so eben im Werke ist, könnte dazu beytragen) bey den Universitäten Professoren für die Geschichte der gesammten Slawischen Literatur angestellt

würden. Sagen Sie mir, was Sie hievon denken, — wen Sie wohl als Mitarbeiter in diesem Falle nennen möchten, und — ob Sie nicht selbst geneigt wären sich nach Russland zu versetzen, und unter welchen Bedingungen?

Wer Russischer Professor wird, wird eo ipso auch Hofrath. So wenigstens war diess bis jetzt der Fall. Er und seine Kinder gehörten (sobald sie Russischen Unterthanen wurden) dem Russischen Adel an. Die Gehalte der Professoren werde künftig hin, wahrscheinlich, 4 bis 5 Tausend Rubel (also wohl sagen 2000 Gulden Conv. Münze) ausmachen. Petersburg, Moskau, Charkow und Kasan sind die Universitäten, für welchen Slawische Professoren zu wünschen wären.

Vorläufig habe ich mit dem Minister in dieser Beziehung schon gesprochen und er erlaubte mir Ihre Meinung einzuholen. Nur bitte ich um schleunige Antwort, da ich selbst nicht weiss — o b und w i e l a n g e ich noch in Petersburg bleibe.

Was halten Sie von Herrn von Schaffarjk und meinen Sie wohl, dass er nach Russland ziehen würde? Wünschenswerth wäre es, dass wir Männer von beyden Hauptzweigen des Slavischen Stammes herbekämen. —Schade, dass Hr. Palacki bis her noch wenig geschrieben hat und glauben Sie wohl, dass er bey seiner poetischen Seite die dürre Literatur nicht zu leicht nehmen würde? Sein Eifer scheint übrigens für ihn zu bürgen. Aber hat er denn auch wohl die Literatur des östlichen Sprachzweiges berücksichtigt?

Die Vorträge könnten fürs erste in Lateinischer (auch wohl in Deutscher) Sprache statt finden, bis die neuen Professoren sich das Russische ganz angeeignet haben würden.—Hätten wir wenigstens einen gelehrten Böhmen oder einen Slowaken hier, so könnte der verglichene Dalimil hier gedruckt werden, wie es der Minister wünscht[1]). Nächstens wird er Ihnen selbst über diesen Gegenstand, gleich wie auch über die Lubenskischen Arbeiten schreiben, die er hieher wünscht. Setzen

[1]) Т. е. Шишковъ. Въ это время Ганка занимался издѣлною чешскою лѣтописью Далимила, полною патріотическихъ обвиненій противъ иновемцевъ, нѣмцевъ. Этою патріотическою стороною своею чешскій анонимный стихотворецъ и могъ особенно интересовать Шишкова, до того, что онъ пожелалъ видѣть изданіе его въ Петербургѣ.—Книга—всегда близкій другъ славнаго втораго нашего старца . . . .

Sie doch Lubenski's Bedingungen auf und theilen Sie mir solche mit[1]). Wie weit sind die Dobrowskischen Arbeiten — rücksichlich des Sorabischen—vorgerückt? — Seine Mährische Legende hoffe ich anzuzeigen, sobald mir die Zeit diess gestattet.

Theilen Sie mir doch etwas bestimmteres mit über das Jungmannische Wörterbuch. Noch sind mir die Elemente desselben nicht bekannt.

Die mir gütigst zugeschickten Facsimile habe ich nun alle richtig erhalten bis auf eines (Alexander Rkp. in fol. Jungm. II, 12, pag. 28). Könnte ich dieses nicht noch nachgeschickt erhalten?

Das Facsimile aus der Libuscha werde ich geben; jedoch ohne mir ein Urtheil darüber anmachen zu dürfen. Es darf also diess auch Keinen ärgern[2]). Leben Sie wohl etc. . . .

Köppen.

St. Petersburg
den 18/30 November
1826.

(Помѣта рукою Ганки: «Отвѣтъ 4 янв. 1827»).

№ 16.

Средневѣковымъ письмомъ руки Ганки: «O(dvěť?) přišel dne 7 března. Отвѣтъ 18 марта 1827».

Милостивый государь!

(Прошу увѣдомить меня, какъ звали Вашего родителя, ибо отчества по сіе время не знаю).

---

[1]) О лужичанинѣ Лубенскомъ см. выше, въ текстѣ, глава IV, 4.

[2]) Очевидно дѣйствіе совѣта Добровскаго въ письмѣ отъ 14 января 1826 г.: «будьте же, неосторожнѣе относительно извѣстныхъ, слишкомъ назойливыхъ, корреспондентовъ. Либушинъ Судъ, говорите вы, знатоки считаютъ подложнымъ. Желалъ-бы я, чтобы эти знатоки были названы поименно» (Письма Добровскаго, стр. 675). Добровскій имѣлъ въ виду слова Копитена въ № 18 «Библіогр. Листовъ» (ценз. помѣта 10 іюня 1825): «Не взирая однако на мнѣніе г. Добровскаго, понынѣ еще совершенно не опровергнутое, любители древней Богемской Литературы, и самые знатоки оной, не перестаютъ вѣрить, что Судъ Любуши есть по истинѣ древнее стихотвореніе» (стр. 253).

Условія Ваши я представилъ Его Высокопревосходительству г-ну Министру. Кажется, что дѣло сладится и что мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть Васъ въ С. Петербургѣ. Предварительно могу сказать Вамъ, что какъ А. С. Шишковъ, такъ и Михайло Михайловичъ Сперанскій, находятъ условія Ваши умѣренными. Теперь рѣчь идетъ о томъ только—учреждать ли словенскіе каѳедры или нѣтъ. Надѣюсь, что дѣло рѣшится въ пользу словенскаго, а слѣдовательно и отечественнаго языка.

За дополненія къ Списку первопечатнымъ книгамъ я Вамъ очень обязанъ, равно какъ и за разныя литературныя новости, изъ коихъ нѣкоторыя уже напечатаны въ Московскомъ Вѣстникѣ. Оттиски сихъ извѣстій будутъ къ Вамъ доставляемы, по мѣрѣ полученія ихъ. Теперь посылаю листокъ изъ № 1 сего Вѣстника.

Въ скоромъ времени надѣюсь опять писать къ Вамъ. Нынѣ болѣзнь понуждаетъ меня сократить число строкъ моихъ.

Вашъ Кеппенъ.

С. Петербургъ, 27 января 1827 г.

Богемскія снимки гравируются и скоро доставлю къ Вамъ корректурные листы.

№ 17.

Милостивый государь,

Вячеславъ Вячеславовичъ!

Письмо Ваше, съ приложенными при ономъ снимками, я имѣлъ удовольствіе получить. А. С. Шишковъ поручилъ мнѣ благодарить Васъ за обѣщанную Вами рукопись Вашего Далимила. Весьма хорошо то, что Вы съ оной оставляете у себя копію. Академія наша нынѣ (и давно уже) бездѣйствуетъ. Да и не будетъ добра, доколѣ она не будетъ имѣть порядочнаго секретаря. Соколовъ, принявшій на себя много разныхъ обязанностей, для полученія бо́льшихъ доходовъ, ни въ чемъ не успѣваетъ. Министръ обремененъ многими другими занятіями—а Академія—молчитъ. Прилагаю при семъ двѣ статьи для Общества Чешскаго Народнаго Музея[1]). Къ Вамъ и къ Г. Добровскому въ свое время

[1]) Вѣроятно, какіе либо оттиски, напр., изъ «Московскаго Вѣстника», ибо въ Прагѣ Кеппенъ ничего не печаталъ, какъ видно изъ тщательно составленнаго списка его трудовъ, при описаніи его юбилея.

доставлю полные экземпляры 3-ей книжки моихъ Матеріаловъ[1]). Допечатавъ оные, тотчасъ (въ первыхъ числахъ маія) переселяюсь въ Таврію (въ Симферополь), гдѣ отнынѣ буду имѣть главную свою квартиру, объѣзжая всю Южную Россію отъ Персидской границы до предѣловъ Царства Польскаго и Турціи Европейской.

О Словенской каѳедрѣ все еще ничего не рѣшено; коль скоро что либо послѣдуетъ, не премину Вамъ тотчасъ о томъ увѣдомить. Я съ моей стороны не перестаю хлопотать о семъ предметѣ.

Прошу засвидѣтельствовать почтеніе гг. Добровскому, Юнгманну, Палацкому и Челаковскому отъ и пр. . . .

Кеппенъ.

С. Петербургъ, 6/18 апрѣля 1827 г.

(Рукою Ганки: «Получено 3 юнія 1827»).

Назначенные для меня книги прошу по прежнему пересылать на мое имя въ Петербургъ, съ курьеромъ. Если же ихъ много, то чрезъ Тріестъ въ Одессу, на имя брата моего, Карла Ивановича Кеппена, который за провозъ оныхъ взнесетъ и слѣдующія деньги[2]).

№ 18.

Sehr hochgeschätzter Freund!

In Beziehung auf Ihre, oder vielmehr auf unsre gemeinschaftliche Angelegenheit, betreffend die Slawischen Professuren, ist noch immer nichts entschieden. Nun da ich Petersburg verlasse, wird wohl mein Freund Götze, den Sie durch seine deutsche Uebersetzungen Russischer und Serbischer Volkslieder wohl aus dem Morgenblatte kennen werden, die ferneren Unterhandlungen mit Ihnen fortsetzen[3]). An den gemach-

---

[1]) Въ 1827 г. Кеппенъ выпустилъ «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи», № III. Здѣсь его замѣчательная статья о литовскомъ народѣ и языкѣ, переведенная тогда же на языки нѣмецкій и польскій.

[2]) Года два назадъ умеръ въ Одессѣ, въ глубокой старости, послѣдній Кеппенъ, Александръ Ивановичъ, полковникъ, землевладѣлецъ Херсонской губерніи, какъ всѣ братья, образованный, симпатичный. Но, къ сожалѣнію, мало мы могли слышать отъ него о его заслуженномъ братѣ.

[3]) Götze, Peter Otto, дерптскій юристъ, въ 1828 г. издалъ въ Лейпцигѣ: 1) «Stimmen des Russischen Volks» и 2) «Wila. Serbische Volkslieder und Heldenmärchen», въ 2 частяхъ. — «Morgenblatt» — газета.

ten Bedingungen ist überhaupt nichts auszusetzen; es liegt nur an der Errichtung der Professuren. Wie früh oder wie spät diess zu Stande kommt, lässt sich noch gar nicht vorhersehen. Vielleicht, geschieht diess sehr bald, vielleicht, nimmer. Ich meinerseits habe dafür gewirkt was ich nur wirken konnte.

Vom 1 Hefte meiner Slawischen Denkmäler bitte ich Sie den Anfang (nämmlich Vorrede und Beylage) freundlich entgegenzunehmen. Ebenso empfehle ich Ihrer gütigen Nachsicht das 3. Heft meiner Materialien, von welchen auch Exemplare für die Herrn von Jungmann und Palacki, gleich wie auch für das Königl.-Böhmische National-Museum folgen. Alles durch Fr. Fleischers Buchhandlung in Leipzig, zugleich mit 1 Exemplare des Akademischen Wörterbuches für H. Prof. Jungmann, den ich bitte den Empfang dieses Werkes dem Minister gefälligst anzeigen zu wollen.

Köppen.

S. Petersburg, den 1/13 Juni 1827.

(Помѣтка рукою Ганки: «Odp. (т. е. odpověď) 10/22 list.», т. е. listopada).

№ 19.

Одесса, 14/26 іюля 1828.

Милостивый государь,

Вячеславъ Вячеславовичъ!

Дражайшія для меня письма Ваши отъ 6 апр. и 10/22 list. я имѣлъ удовольствіе получить въ Симферополѣ, въ концѣ минувшаго года. Не вините меня за долговременное молчаніе. Виноватъ, самъ это чувствую, но, право, оправдываться на сей разъ не смѣю и — не умѣю. Благодарю усерднѣйше за всѣ доставленныя ко мнѣ книги и разныя литературныя извѣстія. Объ учрежденіи Словенской каеедры я все еще хлопочу и не за-долго предъ симъ о семъ же предметѣ писалъ къ новому министру нар. просвѣщенія, его свѣтлости, кн. Карлу Андреевичу Ливену. Не знаю, что послѣдуетъ. Жаль, очень жаль, что А. С. Шишковъ не успѣлъ привести въ исполненіе сего добраго дѣла.

Если будете писать ко мнѣ, то, если можно, отсылайте письма чрезъ Вѣнскую миссію на имя г. Аделунга въ С. Петербургъ, который перешлетъ оныя ко мнѣ въ Симферополь... Мое почтеніе Гг. Юнгманну и Палацкому, равно какъ и господину Челаковскому.

CXXXIX

№ 20[1]).

Милостивый государь,

Вячеславъ Вячеславовичъ!

Письмо Ваше отъ 20 апрѣля нов. ст. 1828 г. я имѣлъ удовольствіе получить 1 окт. сего 1829 г., на пути изъ Астрахани и Пензы въ С. Петербургъ. Нашелъ я опое въ Тухѣ при письмѣ ко мнѣ преосвящен. Евгенія изъ Кіева.

3 часть моихъ Матеріаловъ и Словарь Академическій для г. Юнгманна погибли въ морѣ[2]). Первую изъ сихъ книгъ самъ къ Вамъ доставлю. О Словарѣ же я докладывалъ А. С. Шишкову, который обѣщалъ отпустить для г. Юнгманна еще одинъ экземпляръ Академическаго Словаря.

Смѣю надѣяться, что Евангеліе Остромірово будетъ со временемъ издано и, можетъ быть, Вами, ибо еще не теряю надежды видѣть Васъ въ С. Петербургѣ. При случаѣ прошу Васъ увѣдомить меня, не перемѣнили ли Вы, или г. Челаковскій мнѣнія своего касательно переселенія въ Россію. За доставленный мнѣ снимокъ (чешской Александреиды) и за переводъ литовскихъ пѣсенъ приношу я, какъ Вамъ, такъ и г-ну Челаковскому, мою искреннюю признательность[3]). А. Хр. Востоковъ посылаетъ при семъ имъ самымъ сдѣланныя для Васъ выписки изъ Остромірова Евангелія.

Еще благодарю я усерднѣйше и за Monatsschrift der Geschichte des Vaterländischen Museum[4]), равно какъ и за свѣдѣнія о древнемъ чешскомъ Евангеліи отъ Іоанна[5]).

---

[1]) Предшествующее этому съ ганковскою отмѣткою: № 29, нѣмецкое письмо Кеппена изъ Симферополя, отъ 23 января 1829 г., не представляетъ особаго интереса, и мы его опускаемъ.

[2]) Т. е. Балтійскомъ. Изъ Петербурга кладя шли на Любекъ моремъ.

[3]) Кеппенъ разумѣетъ изданную Челаковскимъ книгу: «Litewské národní písně. Z původního jazyka, dle sebraní Dr. L. J. Rhesy přeložil—». W Praze 1827, 132 стр. Очевидно, экземпляръ своего новаго труда Челаковскій прислалъ Кеппену.

[4]) Нѣмецкій органъ Чешскаго Музея, издававшійся Палацкимъ, къ соблазну истинныхъ патріотовъ, какъ Юнгманнъ, Марекъ, но черезъ годъ уже прекратившій свою жизнь, за недостаткомъ подписчиковъ. Объ отношеніи къ нему патріотовъ см. V. Zelený, «Život J. Jungmanna», 265 и слѣд., особенно, современную переписку дѣятелей того времени въ журналахъ.

[5]) Изъ открытій Ганки, уже новой серіи. Не хитрая фабрикація, въ родѣ большинства чешскихъ глоссъ «Mater Verborum».

Спѣшу. Простите и отвѣтствуйте, прошу васъ, чрезъ г. Аделунга (Александра Ѳедоровича), который въ Вѣнѣ состоитъ въ качествѣ секретаря Россійскаго Посольства.

Кеппенъ.

С. Петербургъ, 1/14 ноября 1829. Въ домѣ Яковлева, близъ Семеновскаго моста.

(Рукою Ганки: «Получено 29 марта 1830»).

№ 21[1]).

Unter der Hand.

Sehr werthgeschätzter Freund!

Ihre Sendungen habe ich mit Dank richtig erhalten. In aller Eile muss ich Ihnen doch sagen, dass unser Wunsch, Sie in Russland zu sehen, in Erfüllung zu gehen scheint! Seit ich wieder in Petersburg bin, ist nicht ohne Erfolg daran gearbeitet worden. Die Russische Akademie hat 30 bis 40 Tausend Rubel zur Anschaffung einer Slawischen Bibliothek bestimmt und jährlich 2 bis 3000 zur Completirung derselben. Zu Bibliothekaren sind gewählt: Herr von Hanka (mit 4000 Rub. Gehalt), Herr von Čelakowský (mit 3000 R.), Herr von Schafarjk (mit 4000 R.) — alle unter denselben Bedingungen, wie ausländische Professoren nach Russland berufen werden, mit Reisegeld, Kronsdienst etc. Herr von Čelakowský ist den extraordinären Professoren gleichgestellt worden. Ich habe darüber müssen eine besondere Note[2]) einreichen, obschon ich nicht Mitglied der Russischen Akademie bin. Die Vorstellung über diesen Gegenstand ist schon von der Akademie ans Ministerium gelangt, und bedarf jetzt nur noch die Bestätigung des Monarchen. Obschon ich keineswegs an dieser Bestätigung zweifle, so könnte sich die Sache doch noch verzögen. Warten Sie also mit Geduld, bis ich oder sonst jemand officiell an Sie schriebt. Eine Ihre Haupt-

---

[1]) Въ оригинальномъ Собраніи № 32.

[2]) Эту Записку Кеппена Шишковъ въ засѣданіи Россійской Академіи 23 ноября 1830 г. внесъ въ видѣ своего предложенія. Она у ак. Сухомлинова: «Исторія Росс. Академіи», вып. VII, 229—232.

beschäftigungen soll die Zusammenstellung aller Slawischen Dialecten zu einem Wörterbuche seyn, in der Art wie das Lindesche, denke ich.

Grüssen Sie Herrn Čelakowský von mir etc...

Köppen.

In Eile durch einen abgehenden Courier. S. Petersburg 29 Dec a. St. 1829.

Ich gedenke wenigstens noch 8 — 12 Wochen lang in Petersburg zu bleiben... Die Russische Akademie schickt Herrn Wenelin auf Reisen. Er geht in die Moldau, Walachey, die Bulgarey und Rumelien, auch nach Athos, wozu 6000 Rub.[1]).

№ 22.

S. Petersburg, 15 Jänner alt. St., 1830.

Vor einigen Tagen geruhete unser Kaiser den Plan der Russischen Akademie wegen Errichtung einer Slawischen Bibliothek zu bestätigen und genehmigte zugleich die Wahl der 3 Bibliothekare. Nun soll nächstens ein officieles Schreiben an Sie erfolgen. Heute sprach ich vor-

---

[1]) 30 апрѣля 1830 г. Венелинъ въ письмѣ Погодина приписываетъ Шевыреву въ Римъ: «Послѣ завтра ѣду и я въ страну классическую — классическую для Руси, Литвы — въ Болгарію... Ѣду на счетъ Россійской Академіи» («Русскій Архивъ», 1882 г., № 3, 145). Въ сообщеніи Кеппена любопытно, что первая русская командировка въ славянскія земли (Кухарскій ѣздилъ на пять лѣтъ отъ Варшавскаго университета), командировка Венелина, бѣглеца изъ Австріи, пригрѣтаго прежде всего въ Кишиневѣ ректоромъ семинаріи, архим. Иринеемъ Нестеровичемъ, захватывала и Аѳонскую Гору. Этотъ знаменитый пунктъ могъ быть указанъ самимъ Кеппеномъ. Правда, Аѳонъ, какъ и весь Балканскій полуостровъ, отсутствуютъ въ «Запискѣ» Кеппена о путешествіи по славянскимъ землямъ: но о важности путешествія на Аѳонъ, для успѣховъ славяновѣдѣнія, многократно указывалъ Добровскій, и, не смотря на свою дряхлость, въ 1823 г. и самъ желалъ было сдѣлать этотъ путь, «хотя, пишетъ онъ тогда къ Феслю, я знаю, что русскіе все лучшее уже оттуда унесли». (Письма Добровскаго, стр. 631). Откуда это? Замѣчательно, что Святой Горѣ посвященъ цѣлый сонетъ въ Колларовой «Дщери Славы» именно, какъ «неисчерпанной сокровищницѣ славянскихъ рукописей»:

«Tam kde chová poklad nepřebraný
Slavských rukopisů knihovna». . . (c. 295).

läufig schon mehrere Mitglieder der Akademie wegen des Reisegeldes,— welches doch noch nicht entschieden ist. Ihre Anstellung, gleich wie auch die Auszahlung der Gehalte soll vom Tage ihrer Ankunft in Petersburg datiren. Ich habe schriftlich den Wunsch geäussert, dass Herr von Čelakowský bey seiner Herreise das Rusnjakenland bereise und sich dort im N. Östl. Ungarn und S. Östl. Galizien gleich wie auch in Lemberg, Krakau und Warschau eine Zeitlang aufhalte und dass sein Gehalt und seine Anstellung von dem Tage seiner Abreise von Prag datirt. Nun bitte ich Sie uns aber auch baldigst zu sagen, ob Herr von Čelakowský diese Reise auch zu machen geneigt wäre. So viel ich weiss, ist er unverheirathet und könnte also leichter als Sie oder Herr von Schaffarjk die Reise ins Rusnjakenland machen. . . .

Köppen.

(Рукою Ганки: «Odpow. 1 března 1830»).

№ 23.

S. Petersburg, $\frac{29\text{ Jänner}}{10\text{ Febr.}}$ 1830.

Endlich, mein sehr hochgeschätzter Freund, kann ich Ihnen den förmlichen Ruf der Kais. Russischen Akademie zustellen und bitte nun uns bald mit einer erfreulichen Antwort zu beschenken. Mich besonders interessirt eine baldige Antwort von Ihnen, denn in Zeit von 2 bis 3 Monaten schon hoffe ich Petersburg abermals zu verlassen, und würde doch gern noch vor meiner Abreise Ihre Angelegenheit beendiget sehen. Schreiben sie mir offen und seyn Sie überzeugt, dass ich gern alle Ihre gerechten Anforderungen zur Kenntniss Seiner Durchlaucht des Minis-

---

Путешествіе позже Григоровича оправдало убѣжденіе Добровскаго объ архивскомъ значеніи Аѳона: добыча для науки была велика. И теперь отыскиваются временами на Аѳонѣ замѣчательныя славянскія рукописи, случайно, послѣ смерти какого-нибудь старика-келліота. Нынѣшняя библіотека Пантелеймонова монастыря уже владѣетъ нѣсколькими любопытными рукописями, пріобрѣтенными такимъ путемъ. Энергія о. Матвѣя, занявшагося рукописными пріобрѣтеніями, какъ и опытность о. Іосифа, библіотекаря въ Андреевскомъ Скитѣ (раньше извѣстнаго ризничаго Синодальной Библіотеки въ Москвѣ), не сомнѣваемся, принесутъ новые добрые плоды для славянской археологіи.

ters bringen werde. Dieser (Fürst Lieven) nimmt selbst den lebhaftesten Antheil an der Sache und wird Sie gewiss mit vieler Güte hier aufnehmen. Sagen Sie diess, ich bitte Sie, auch Herrn Čelakovski, ihn zugleich davon unterrichtend, dass auch der Rang eines Collegien-Assessors (=Majors der 8-en Classe)...

.... Ihnen muss ich noch sagen, dass man nun wieder mit der Idee umgeht in Petersburg an der Universität einen Lehrstuhle für Slawische Philologie zu stiften, wozu denn einer von Ihnen, meine Herren, sich vorbereiten müsste. Diese Professur könnte füglich mit der Stelle eines Bibliothekars der Russischen Akademie vereinigt werden und dürfte wenigstens zur Verdopplung des Gehalts Anlass geben.— Auch an anderen Universitäten im Reiche werden vielleicht Professuren dieser Art errichtet werden und ich bitte Sie auf einige Männer für dieses Fach bedacht zu seyn, damit man einst, Ihren Rath befolgend, welche berufen könnte.

An den befolgenden Bedingungen wird nichts zu ändern möglich seyn. Nur würde ich rathen, wenn Sie solche eingehen, die Akademie zu ersuchen, dass dieselbe, wo möglich, für die zollfreye Passage ihrer Bücher und übrigen Effecten ins Russische Gebiet sorge. Sollten die 100 Dukaten Reisegeld nicht hinreichen, so würde die Akademie sich vielleicht geneigt finden nach Ihrer Ankunft in S. Petersburg etwas zuzulegen. Doch diess müssten Sie dann selbst mit dem Herrn Presidenten abmachen; könnten aber, wenn Sie wollen, vorläufig auch in dieser Beziehung Ihre Hoffnung aussprechen.

Sollten Sie Gelegenheit haben solche Manuscripte aufzutreiben, deren Acquisition der Akademie von wesentlichen Nutzen seyn könnte, zum Beyspiel, noch ungedruckte Wörterbücher und des gleichen, so behalten Sie dieselben im Augenmerk, denn wahrscheinlich erhalten Sie den Auftrag welche anzuschaffen.

An der Gränze rathe ich sich von Herrn Consul (Stojatski in Brody, meinen guten Bekannten) oder sonst von einer russischen Gränzbehörde, ein Zeugniss ausstellen zu lassen über den Tag ihrer Ankunft ins Russische Gebiet, denn ich wünschte wohl, dass Ihr Dienst, das heisst, Ihre Dienstzeit vom Tage Ihrer Ankunft in S. Petersburg gerechnet werde. Sie könnten selbst, sich auf mein officieles Schreiben stützend, in Ihrer Antwort Herrn von Schischkow im voraus berichten, dass Sie sich einen Schein dieses Art werden ausstellen lassen in Brody, oder Radziwilow, oder sonst bey Ankunft in Russland.

CXLIV

Von Dobrowski's Briefen an mich werde ich suchen Ihnen Abschriften für's National-Museum[1]) zukommen zu lassen... Strojew ist soeben in Petersburg. Sjögren, welcher das Tchudenland bereisete, ist nun Adjunct bey der Akademie der Wissenschaften....

Ich bitte Sie mich den Herrn von Jungmann, Čelakowský und Palacký bestens zu empfehlen. Heute noch fordere ich auch Herrn von Schaffarjk auf nach Petersburg kommen...

Nun glaube ich alles gesagt zu haben, was ich Ihnen mitzutheilen hatte. Der Himmel segne Ihren Entschluss; ich aber kann nur Glück wünschen und bitten nach, wie vorher, Freund zu seyn....

Köppen.

Слѣдующее письмо въ Собраніи писемъ Кеппена къ Ганкѣ, уже отъ 4 января 1836 г., съ извѣщеніемъ объ избраніи, по его, Кеппена, предложенію, Ганки въ члены корреспонденты Академіи. Всѣхъ же писемъ послѣдующаго времени—всего восемь, то русскихъ, то нѣмецкихъ, и случайнаго характера. И лѣта, и перемѣна научныхъ занятій Кеппена, ослабили переписку съ «безцѣннѣйшимъ» другомъ. Послѣднее письмо въ Собраніи — отъ 10/22 октября 1853 года изъ С. Петербурга, о полученіи письма чрезъ И. И. Срезневскаго.

Настоящія письма Кеппена къ Ганкѣ извлечены нами изъ оставшихся бумагъ Ганки, что въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ въ Прагѣ.

---

[1]) Т. е. для Чешскаго Музея. Но сдѣланы ли были копіи всѣхъ писемъ Добровскаго?

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

Августинъ, архіеп. м. 102.
Агацель (Agacel), Мих., хорут. пис., 240.
Аделунгъ, А. Ѳ., 30, 31, 43, 166, 179 CXXXVIII, CXL.
Александра Павловна, вел. княгиня, жена палатина, 232.
Александръ I, имп., 39, 48, 55, 59, 60, 69, 159, 228, 230, 233, 234, 237, 261, 282, LXIX, CXXX.
Аллеръ 55.
Амвросій, митр., 80.
Амвросій (Зертышъ-Каменскій), архіеп. м., 65.
Анастасевичъ, В Гр., 38, 41, 48, 99, 114, 115, 128, 140, 142—146, 150, 151, 153, 158, 162, 163, 172, 199, 212, 304, LXV, LXVI.
Антонія, монашескій другъ Челаковскаго, 286, 295, 301.
Антонъ (Anton), сербо-луж. писатель, 56.
Аполлосъ, архим. 117.
Аппендини, Ф. М., далм. лексикографъ, 17, 20.
Аракчеевъ, А. А., гр., 26, 28, 29, 59, 60, 61, 242, 289.
Арндтъ, прус. эмигрантъ, 59.
Бакунинъ, П. В., през. Ак., 13.
Балугьянскій (Балудянскій), проф., 229, 261.
Бандке, С., пол. филологъ, 34, 48, 147, 205. XCII.
Бантышъ-Каменскій, Н. Н., 64 — 67, 70—90, 92, 93, 95, 96, 112, 148, 161, 210, 211, 224, 228, VIII, IX, XI, XVI XX, XXVIII, XXXVIII, XXXIX, XL, IXL, LIV.
Бардовскій 28, 29.
Барсовъ, Е. В., 48.
Барсуковъ, Н. И., 107, 173, LXXXIV.
Безсоновъ, П., проф., 96, 101, 115, 116, 118, 120, 122, 123, 126, 127, 130, 134, 135—137, 179, 180, IXL, LIX LXXIII.
Бекетовъ, П. П., предс. Моск. ист. Общ., 108—110, 115, 151.
Бенкендорфъ, К. П., гр., 289.
Бенковскій, Феликсъ 146.
Бередниковъ, ак., 173.
Березинъ 165, 167, 199, 200.
Берхъ, В. Н., 53, 238, LIX. LXXXI.
Берында (Памва) 40.
Блудовъ, Д. Н, гр., 66, 282.
Бобровскій, кан., вил. проф., 147, 173, 259, 272, 282.
Богацкій 120.
Богдановичъ, Ип., 8, 10, 12.
Богдановичъ, Мод., историкъ, 49, 58—61, 230, 233, 248.
Бодянскій, О. М. 41, 102, 157, 212, 322.
Болтинъ, Ив. Ник., енад., 3, 7, 10—12, 146.
Большаковъ 66.
Бородинъ 161.
Борнъ, Иг. 190.

Брандль (Brandl), В. 20.
Бродзинскій (Brodziński), Казиміръ, проф., 278.
Броневскій 228.
Броссъ, де—158.
Буле (Buhle), І. Ѳ. проф., 51.
Булгаринъ Ѳ., 50, 58, 123, 201, 289.
Бунина, Ан., 57.
Бутковъ 256.
Бутырскій 158.
Бычковъ, Аѳ. Ѳ., акад. 150.
Бѣлосельскій, кн. 228.
Васильчиковъ, А. А., 261, 282.
Вейдемейеръ, И. А., LXXIII.
Веневитиновъ, Д. Вл., 254—256.
Венелинъ, Юрій, 133, 212, 263. CXLI.
Верніе (Vernier), бар. 312.
Веселовскій, Н. И., 319.
Вестманъ, И. К., 84, 96, XX.
Вигель, Ф. Ф., 38, 64, 66, 81, 83, 90, 159, 163, XX, XXVIII.
Винарицкій, К. (Vinařický), чеш. пис., 312,
Владиміръ (о.), синодальный ризничій, 104.
Водникъ (Vodnik), В., хорут. поэтъ, 228, 240.
Воейковъ, А., 253.
Вонновъ 39.
Волконская, Зин., кн. 225, 255.
Воронцовъ Р., гр., 57, XXVIII.
Востоковъ, А. Х. 24. 29, 34, 67, 68, 96, 127, 128, 131—133, 135—137, 139, 151, 153, 154—197, 200, 201, 203, 204, 206, 209 — 215, 223, 227, 352, 255, 264, 291, 297, 298, 305, 308, XCIV, XCVII — XCIX, CVIII, CXI, CXXV, CXXXIII, CXXXIX.
Всеволожскій, Н. С., 74, 78, VII, XIII, XXX, XXXIX.
Вяземскій, П. А., кн. 147, 254, 255.
Гавличекъ-Боровскій, К., 321.
Гавриловъ, М. Г., проф., 51, 250.
Гавріилъ (Банулескулъ), ексархъ Молдавіи, XXVIII.
Гавріилъ, митроп. петерб., акад., 1, 3, 10.
Газе, париж. издатель, 111, 222.
Ганка, В. В. 35, 50, 145. 202, 205, 206, 208, 213, 217, 220, 222, 227, 235, 239, 241 — 246, 253, 255, 263—279, 282, 284, 285, 287, 292, 293 — 312, 314, 315, 320—322, CXXI—CXXIII, CXXVI, CXXVIII, CXXIX, CXXXI, CXXXII, CXXXIV, CXL, CXLIV.
Гаттереръ 20, 43, 151.
Гейнъ, И., проф. LXIX, LXX.
Геннади, Гр, LIX.
Гёце, П. (Götze, Peter Otto) 285, CXXXVII.
Гнѣдичъ, Н. И. 158, 161.
Голенищевъ-Кутузовъ, П. И., моск. попечитель, 51, 80, 161, 261, XLI. LXIX.
Голембёвскій, Лукашъ, 147.
Голицынъ, А. Н., министръ нар. пр., кн., 88, 131, 190, 247, 261, 262.
Головацкій, Я. Ѳ., 262.
Головкинъ, гр., вѣн. посолъ, 279.
Головня, Адріанъ, ун. архим., XCIII.
Гончаровъ, И. А., 42, 50.
Горлицкій, Іоасафъ, LXXV.
Гормейеръ (Hormayr) 180, CXXI.
Грановскій, Т. Н., 319.
Грамматинъ, Н. Ѳ., 38, 268.
Грекъ, Максимъ, 190.
Грефе (Graefe), акад., 192, 214, XCVIII, C., CXXVII, CXXXII.
Гречъ, Н. И., 58, 148, 149, 189, 190—196, 289, CXXI, CXXII.
Грибоѣдовъ, А. С., 226, 256, 257.
Григорьевъ, В. В., 158, 245, 319.
Григоровичъ, В. И., 234, CXLII.
Григоровичъ, І., прот., 67, 125, 197, 209, 210, XCIV.
Гриммъ, Я., 205.
Гульяновъ, И. Ал., оріент., 288.
Гумбольдтъ, Вильг. 21, 25, 218.
Даль, Вл., 304.
Даниловичъ, Иг., вин. проф. 147.
Дамаскинъ, еп., акад. 11, 12.
Дашкова, Е. Д. кн., презид. Рос. Ак. 3, 5, 13.
Двигубскій, И. А. проф., 38, 40, LXIX, LXX.

Державинъ, Г. Р. 190.
Джонсонъ 30.
Дибичъ, гр. 237.
Димитрій, архіеп. кишин., XCIII.
Димитрій, свят. Ростовскій, 12.
Діевъ, свящ. костр., 140.
Дмитріевъ, И. И. 14, 37, 58.
Добровскій, Іосифъ, 16—25, 33—36, 43—47, 63, 64, 69, 127, 129, 130, 132, 133, 136, 140, 144, 145, 147, 149, 150, 151, 161, 164—170, 173—186, 189, 190, 195, 200—206, 214—222 226—231, 235, 239—245, 251, 257, 258, 264—270, 274, 276, 277, 278, 282, 297, CXXI—CXXXII, CXXXV, CXXXVII, CXLI, CXLII, CXLIV.
Дубровинъ, Н. И., 26, 28, 29, 60, 237, 289.
Дюмонъ (du-Mont) 65, 70—73, 75, 77, 81, 92, IX; XI, LII.
Евгеній (Болховитиновъ), еп.—митр., 4, 13, 29, 30, 41, 48, 67, 80, 99, 106—118, 122, 127—129, 138—159, 161—163, 165, 171, 172, 176, 177, 180, 196—199, 202, 203, 206, 209, 211, 214, 217, 222, 223, 231, 235, 243, 251, 270, 292, 304, XXXII.
Екатерина II, имп., 2, 9, 13, 14, 31, 70, 217, 228, 251, 260.
Елинекъ Ед. (Jelínek. Edv.) 309, 318.
Елисавета, имп. 260.
Ермолаевъ, А. И., 67, 89, 151, 155, 156, 158—164, 210, XCIV.
Ермоловъ, А. П., 59.
Жуковскій, В. А., 254, 310.
Залѣскій (Zaleski, Bogd.) 253.
Захаровъ, И. С., акад. 14, 15.
Зеленый (Zelený V.), 307, 315, 316, 321, CXXXIX.
Зой, Зосима, гр. дворянинъ 83.
Ивановскій Іос., петерб. проф., 140, 163, 226.
Иннокентій (Борисовъ), архіеп., 211.
Ириней (Гавріилъ Нестеровичъ) архим. позже архіеп. иркут., 206, CXLI.
Іосифъ (о.), библіотекарь Св. Андр. скита на Аѳонѣ, CXLII.
Кайсаровъ, П. С., 39, 54, 55, 228.
Калайдовичъ, К. Ѳ. 43, 66—68, 83, 91, 95, 96, 98—139, 140, 142, 145, 150—152, 155, 163, 166, 170—172, 178—183, 187, 197, 198, 201, 210, 211, 226, 232, 242, 252, LXL, LIII, LXIII, LXIV, LXVI—LXIX, LXXI—LXXV, LXXVII, LXXXII, LXXXVI, LXXXVII, XCIV.
Калайдовичъ, Ѳ. Д. LXXI.
Кантемиръ, Ант., кн., XXIII.
Камаритъ (Kamarýt), Іосифъ, 219, 259, 263, 276, 277, 279, 280, 285, 286, 294, 298. 299, 311, 312.
Каменевъ, соляной коммиссаръ, 97.
Карабановъ 192, XCVIII.
Караджичъ, Вукъ Стеф. (Караџић), 18, 45, 47, 52, 92, 129, 144, 205, 216, 220, 231—235, 246, 247, 251, 313,
Карамзинъ, Н. М., 14—16, 37, 50, 54, 58, 93, 107, 109, 116, 125—128, 130, 131, 134, 139, 146, 148, 157, 166, 168, 190, 238, 288, 304, LIV, CI, CXXIII.
Качановскій, М. Тр., 30, 39, 40—50, 52—54, 62, 66, 67, 69, 76, 83, 92, 96, 97, 112, 122, 125, 130, 141, 147, 158, 165, 178, 211—214, 250, 260, LXXIII, LXXIX, XCII, XCIV.
Келлеръ, акад., 202.
Кеппенъ, А. И. CXXXVII.
Кеппенъ, К. И. CXXXVII.
Кеппенъ (Коерреп), П. И., 33, 67, 96, 126, 127, 130, 135, 137, 154, 157, 158, 162, 165—170, 173—180, 188, 193, 195, 197—213, 216, 217, 221, 222, 233, 235, 236, 238, 245—249, 251—253, 255, 263—280, 284—307, 321, 323, CXXI, CXXII, CXXIV, CXXV, CXXIX, CXXXI. CXXXII, CXXXV, CXXXVII, CXXXIX, CXL, CXLI, CXLIV.
Кирико XXVII, XVIII.
Кирьяковъ, М. М., 311.
Кирѣевскій, И. В., 254, 256.
Кирѣевскій, П. В., 254, 256.
Киселевъ, изд. Зап. Шишкова, 64.
Китовичъ, К. LXV.

Клингеръ 80.
Клоцъ. гр. 177.
Ключаревъ, моск. п. дир., 93, 94, LIX.
Ковалевскій, Е. П., 90.
Ковачиовскій XXVIII.
Коиковъ, И., 255.
Ководавлевъ, О. П., акад, министръ, 2, 260.
Коллеръ (Kollár). Янъ, 20', 232, 235, 239, 241, 244, 257, 263, 277, 291, 301, 316—31ª, CXLI.
Колосовъ LXII, XCI.
Копитаръ-Копытарь (Kopitar), Бартол., 17, 18, 20, 21, 22, 25, 35, 36, 69, 129, 133, 140, 165—167, 168, 169, 174, 176, 177, 179, 180, 189, 196, 200, 201, 203, 204, 205, 209, 213—222, 227—234, 239—241, 244, 246, 247, 249, 258, 264. 265, 273, 274, 284, 308, 309, CXXI—CXXIV, CXXVII,
Кореъ, М., гр., 310.
Кочубей, гр, 235.
Кошелевъ, А. И., 254.
Кругъ, Ф. И., акт., 92, 109, 130, 133, 136, 165, 186, 192, LI, LXXIX.
Крузенштернъ, адм., 80 283.
Крыловъ, И. А., 158.
Кузнецовъ, фабр., 74, VIII, XIX, XXIV.
Кукольникъ, проф., 229, 261.
Кумердей, хорут. пис., 228.
Кужарскій, А., варш. проф., 212, 259, 260, CXLI.
Кюхельбекеръ, В., 256, 257.
Лавровскій, П. А., 321.
Лазаревъ, Х. І., 249.
Ламбертъ, гр., 191, 283.
Лебедевъ, Амф., проф., 41.
Леванда, Ив. 143.
Legis-Glückselik, К., 303.
Лейбницъ 5.
Лелевель, Іоахимъ, 34, 50, 147, 259.
Лепехинъ, акад., 6, 8—10, 12, 251.
Лербергъ, акад, LXXVIII, XCIII.
Либенау, Ив., 74, 89, 90, 96, XI, XV, XVI, XXVI, XXXIX, XL.
Ливенъ, К. А. кн., мин. нар, пр., 191, 248, 281, 283, 285, 286, 288, 290, 298, 302, 303, CXLIII.
Линда (Linda), Іосифъ, 278.
Линде (Linde), Богум., 22, 32, 34, 142, 149. 164, 205, 221, 230, 243, 245, 293, 297, CXXI—CXXIII.
Лобаржевская (позже Шишкова), 249, 269, 289.
Лобойко, И. Н., проф., 130, 146, 156, 178, 207.
Лодій, проф., 229, 261.
Лонгиновъ 57.
Ломоносовъ, М. В., 3, 157, 189, 252, CI.
Лубенскій 272, CXXXV.
Магарашевичъ (Магарашевић). 258.
Магницкій, Леонтій, 51, 88.
Магницкій, М. Л., 26, 29, 60, 69, 125, 158, 173, 248, 261, 288, 289.
Максимовичъ, М. Ал., 157.
Малиновскій, А. Ѳ., 39, 48, 53, 60—69, 81—125, 135, 136, 138, 161—163, 179, 183, 184, 210, 211, 232, 235, 242, XL, LXVI, LXXVII, LXXVIII, LXXIX, LXXXI, LXXXII, LXXXIV, LXXXVII, XCII—XCIV.
Малиновскій, Ѳ. А., прот., L, LXXIV.
Мальтбрюнъ (Malthe Brunn) 122, 142, 143.
Малый (Malý Jakub) 50.
Марекъ, Ант., 202, 219, 220, 227, 239, 241, 267, 275, 276, 279, 280, 301, 310, 316, 317, 319, CXXI, CXXIII, CXXXIX.
Матвѣй (о), библіотекарь св. Пантелейм. м. на Аѳонѣ, CXLII.
Маттеи, Фрид., 135, 150, LXIX.
Мацѣёвскій, В., 34, 318.
Мераликовъ, А. Ф., 51, 52, 54.
Меттерних, кн., 230.
Милетичъ, Л., 234.
Миллеръ, Ѳ. И., исторіографъ, 64, 65, 66, 70—73, 75, 77, 78, 80, 81, 87, LI.
Михановичъ (Mihanović), Антонъ, 216, 274, 275.

Мицкевичъ, Ад. 253, 255, 269.
Моргенштернъ 153.
Мордвиновъ. Н. С., адм., 14.
Мровговіусъ 205, 231.
Муравьевичъ, Н. Н., 38, 39, 42, 51, 209, 311.
Мусинъ-Пушкинъ, А. И гр. 8, 41, 96.
Мушицкій. архим. серб., 218.
Н-заровъ XCIII.
Нартовъ, А. А., президп. Р. Ак., 14, 16.
Незабитовскій 207.
Нейлисовъ, А 192.
Ненадовичъ, М., прота, 225
Нестеровичъ, Ив., 85, 90, 93, XXIV. XXV, L, XCIII.
Нестеровичъ, Пав., 74, 78, 97, 99, XI, XIV, XXIV, LXVI.
Нессельродъ, гр., 58, 59, 66. LXVI.
Неведлый (Negedlý Jan), проф., 301.
Николай, имп. 191, 202, 246, 247, 261. 283.
Никольскій, акад. 192, XCVIII.
Новиковъ, Н. И., 2, 14, 38, 39, LVII.
Новицкій, Ор., 211.
Новосильцовъ, Н. Н., 55, 228—230, 261, 289.
Одоевскій, Ал. И., кн., 257.
Одоевскій, В. О., кн., 256.
Одынецъ, Эд., 253.
Озерецковскій, акад., 305.
Оклло-Мартусевичъ, Іаковъ, ун. еп., XCIII.
Оленинъ, А. Н., 26, 67, 80, 92, 106, 112, 158—161, 163, LI.
Орлай 261.
Осиповъ, граверъ, 74, VIII, XXVI.
Остерманъ, И., гр., 71, 230.
Остроумовъ, И. И. XCI.
Отто, Н., 52.
Палацкій (Palacký), Ф., 235, 239, 264—268, 270, 272, 274—278, 301, 306, 310, 317, 319, 320, CXXII, CXXVI, CXXX, CXXXIII, CXXIV, CXXXVII—CXXXIX.
Палласъ, акад. 5, 31.
Панинъ Н., гр., 71.
Парротъ. акад., 282, 283, 285.
Пекарскій, П., ак. 71.
Пенинскій, И., 187.
Перовскій, А. А., гр., 191 — 194, XCVII, XCVIII, C, CII, CIII,
Пертцъ CXXIV.
Петръ I, имп., 3, 5, 77, 232, 258, XIV, XXI.
Пино LIV.
Писаревъ. И., ген.-май., 28, 237.
Планицъ (Plank), 279, 313.
Платонъ, митр. м., 217.
Плетневъ, П. А., ак. 61, 62.
Погодинъ, М. П., 47, 138, 166, 179—188, 196, 208, 212, 220, 235, 236, 254—256, 259, 271, 319, XCIV, CXXV, CXLI.
Пожарскій 35, 38.
Поздѣевъ, О. А., 51.
Полевой, Н. А, 63, 131. 147, 215, 252—255, CXXXI.
Полуденскій 42.
Поповъ, акад. 14, 15.
Поповъ, А., 102.
Поповъ, Нилъ, 39, 40.
Потемкинъ, Гр. А., кн., 232, 286.
Потоцкій, Осипъ, гр. 142.
Правильщиковъ, В., LXXXVII.
Предтеченскій, И. И., свящ., LXXI.
Прейсъ, П. 231.
Пржецлавскій, О. 289.
Прилуцкій, Дм. 74, 89, 99, XV, XXIV, LXX, XCII, XCIII, XCIV.
Примиссеръ (Primisser) 217, CXXI.
Пуркинье (Purkině) 241, 276, 309, 320.
Пухмейеръ (Puchmýr), Ант. Яр., 195, 239.
Пушкинъ, А. С., 8, 26, 50, 61, 237, 252, 255, 257, 323, XXVIII.
Разумовскій, А. К., мин. нар. пр., гр., 50, 80, 161, LXIX.
Рачъ, архим., 201.
Рановецкій (Rakowecki), Игнатій, 34, 146, 230, 243.
Растопчинъ, Ѳ. Ѳ. гр., 95.
Ратшинъ 112, 115, 118.
Родофиникинъ CXXV.

Ругичъ 207.
Руничъ, прое., 69, XXVII, XXVIII.
Ручовскій, Ст. Як., акад., 8—10, 12, 251
Румянцовъ, Н. П. графъ, канцлеръ, въ текстѣ почти на каждой страницѣ; XXXVIII, LXII, LXV, LXXIII, LXXIV, XC, CXXVII.
Румянцовъ, С. П., гр., 94, 202. LIX.
Рыбай (Rybay), А., 226.
Рылѣевъ, К. Ѳ., 147,
Самборскій, І., прот., 232.
Свобода (Svoboda), В., 278.
Сегединецъ, Петръ, 260.
Селивановскій XCII, XCIV.
Селивестръ, еписк., 117.
Сенковскій, О. И., 289.
Сербиновичъ, К. С., 38, 55.
Сестренцевичъ-Богушъ, 253.
Сиверсъ, Е., гр., 191.
Синицынъ, И. 237.
Скотниковъ, граверъ, XXV, XXVI, LXI.
Сленины, братья LXXVIII—LXXX.
Сломшекъ, Ант. 240.
Снегиревъ, И. А. 20.
Снегиревъ, И. М., 71, 140, 150, 163, 212, 226, 286, 304.
Смотрицкій, М. 189, 190.
Соколовъ, П. И., секрет. Рос. Ак., 192—194, 313, 314, XCVIII, C, CXXXVI.
Сперанскій, М. М., гр., 14, 56—59, 191, 229, 238, 245, 248—250, 261, 281—283, 285, 302, 310—315, 319, CXXVI.
Срезневскій, И. И., 62, 69, 139, 153, 182, 322, CXLIV.
Стадіонъ, Ф., гр. 63, 64.
Станевичъ (Staniewicz), Симеонъ, 207.
Старчевскій, А., 71.
Стасовъ, В. В., 62.
Стойковичъ Ае., прое. 192, 261, XCVIII,
Стратимировичъ, Стеф., митр. серб., 55.
Строгановъ, гр., 191, 192, 282, 283, 285.
Строевъ, П. М. 38, 54, 66, 67, 97—99, 103, 105, 107—114, 117—120, 122, 127, 151, 172, 173, 232, LXI—LXIII, LXVII, LXXI, LXXXV, CXLIV.
Стоятскій (Stojatski) CXLIII.
Стурза, А. Ск., 69.
Суворовъ, А. В., гр., 240.
Суровецкій (Surowecki), И., 34.
Сухомлиновъ, М. И., акад., 1, 35, 69, 125, 170, 232, 234, 261, 276, 297, 298, 302, 303, 305, 306, 314, CXL.
Схіада, Ае., 135.
Татищевъ, В. Н., истор., LI.
Текелій, Савва, серб. меценатъ, 225.
Терзанчъ, Григ., прое., 261.
Тимковскій, Р. Ѳ., прое., 39, 40, 54, 97, 141, 161.
Титовъ, А. А., 140, 157.
Тихонравовъ, Н. С., прое., 101, 134, 139, IXL.
Толмачевъ, акад., 192—194, XCVIII, C.
Толстой, Ѳ., гр., 127, 172.
Тродьяковскій, В. К., 142, 143.
Тумапскій, Ѳ. О., LXXVII.
Тургеневъ, А. И., 38, 39, 54—56, 66.
» Н. И., 54, 56, 66.
Уваровъ, С. С. (позже графъ), мин. нар. просв., 37, 158, 221, 283, 324.
Урсинъ-Нѣмцевичъ, Ю. 147.
Фесль, CXLI.
Фесслеръ, 261.
Флейшеръ (Fleischer Fr.), CXXVI, CXXVII.
Флоровъ, А., ак., XXVI.
Фонъ-Визинъ, Д. И., 265.
Франкъ (Frank), прое., 282.
Фроловъ, 159.
Хвостовъ, сард. гр., акад., 13, 29, 35, 141, 149.
Херсонскій, В. В., 100, LXXXI, LXXXVIII, LXXXIX.
Хлендовскій (Chlędowski), 266, CXXV.
Ходаковскій, Зор. Д., 148, 231.
Хомяковъ, А. Ст., 254, 255.
Цвечке, CXXIV.
Чеботаревъ, Х. А., прое., 11, 39, 41, 54, 67, 68.
Челаковскій (Čelakovský), Ладиславъ, 27, 50, 219, 220, 239, 241, 259, 260, 263, 267, 275—281, 284—287, 292—299, 301, 303—307, 311—315,

320—322, CXXXVII, CXXXIX, CXL—CXLIV.
Черепановъ, Н. Е. прос., 98, LXI.
Чижовъ, прос., 192, XCVIII.
Чичаговъ, адмир., 233.
Шауенинъ 220.
Шафарикъ (Schaffarjk), Пав. loc., 34, 116, 133, 146, 149, 157, 201, 205, 218, 235, 239, 258, 265, 272, 274, 276, 280, 292, 293, 294, 296, 303, 305, 306, 308, 309, 311, 313—318, 320, 321, 323, CXXXIV, CXL, CXLII, CXLIV.
Шафарикъ, Войтѣхъ, прос., 319.
Шевыревъ, С. П., прос., 47, 185, 186, 220, 254, 255, 259, CXLI.
Шегренъ (Sjögren), 207, CXLIV.
Шимановская 255.
Ширинскій-Шихматовъ, С. А., кн., 191, 192, XCVIII.
Шишковъ, А С., 13—19, 21, 23—38, 40, 42, 46, 47, 53, 56, 57, 59, 64, 67, 68, 127, 128, 131, 140—145, 158, 160, 164, 169, 170, 174, 178, 181, 188—195, 202, 211, 212, 214, 224, 229—238, 241—251, 256, 258, 260—268, 270, 273, 274, 275, 278, 280—290, 292, 296—299, 302—308, 311, 313, 314, 321, 323, 324, CXXIII, CXXIV, CXXVI, CXXXII, CXXXIV, CXXXVI, CXXXVIII, CXXXIX, CXL, CXLIII.
Шлегель 30.
Шлецеръ, Х. А., прос., 39, 43, 55, 84, 140, LIII, LIV, LXI.
Шнейдеръ CXXI.
Шмидтъ, Е., 192.
Шмидъ 248, 251.
Шмурло, Е., 149.
Штейнъ, прус. мин., 17, 59—61.
Штепанекъ 319.
Штернберкъ, гр. 277, 306.
Шторхъ, 191, 192, 283, 285.
Штриттеръ 39.
Шульгинъ, антикв., 91.
Шулякевичъ, Исаи. ун. архим., XCIII.
Щербатово, М. М., кн., 11, 12, 20, 39, 106, 161.
Щученко 66.
Юнгманнъ (Jungmann), Антонъ, 35.
» loc., 34, 35, 202, 219, 220, 227, 228, 235, 239, 243, 244, 264—272, 275—280, 285, 292, 299, 301, 311, 316—321, CXXI—CXXXIII, CXXXVII—CXXXIX, CXLIV.
Яворовскій, Леонъ, ун. архим., XCIII.
Ягичъ, И. В., ак., 19, 170.
Языковъ, Д., акад., LXXVIII.
Яншъ, А. И., LXXVIII, LXXXIX.
Янковичъ фонъ-Миріево, 5, 9, 260.
Яновскій, Н. М., CXXIV.

ОПЕЧАТКИ:

стр.	строка	вм.	чит.
54	2 сн.	№ 40	№ 37.
60	8 »	дочери	сестры
96	2 »	(прибавить)	Ср. «Лѣтописи» проф. Тихонравова, III, II, 97—103.
260	6 »	Мирковичъ	Янковичъ
XXVIII	5 »	Вунескулъ	Банулескулъ.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

— Братья-Подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII в. (Одесса 1873, XVI+346). Одобр. Уч. Ком. . . . . 1 р. 50 к.

— Изъ-за границы, 1 августа 1874 — 1 іюня 1876, отчеты (Одесса 1876—1877, 76+93+6) . . . . . 2 р. — »

— Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій, I, II 1 (Одесса 1877—1878). Одобр. Уч. Ком. За оба . . . 3 р. — »

— Мы и Они. Очерки исторіи и политики Славянъ (Одесса 1878, 216) . . . . . 1 р. 50 »

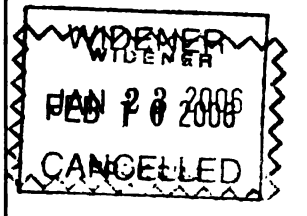
— Итоги славянской и русской филологіи (Одесса 1882, 239) . . . . . 2 р. 20 »

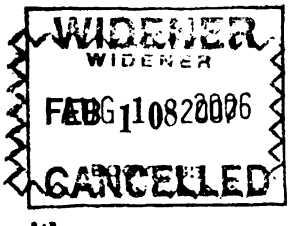
Цѣна три рубля

The borrower must return this item on or before the last date stamped below. If another user places a recall for this item, the borrower will be notified of the need for an earlier return.

Non-receipt of overdue notices does not exempt the borrower from overdue fines.

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 617-495-2413





Please handle with care.
Thank you for helping to preserve library collections at Harvard.